

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Москва
2002

Научное издание

Ближний Восток и современность.
Сборник статей (выпуск шестнадцатый)
М., 2002, 440 стр.

Ответственный редактор **Арунова М.Р.**

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 5-89394-114-4

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ISBN 5–89394–114–4

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ

В результате затяжного 23-летнего внутреннего вооруженного конфликта экономика Афганистана пришла в крайне плачевное состояние. Несмотря на определенные усилия Переходной администрации Афганистана по ее оздоровлению, налицо прогрессирующая безработица, массовое обнищание населения, существенный дефицит весьма скромного (480 млн. долларов на текущий год) бюджета, галопирующая инфляция и бурный рост цен. За годы войны пострадали практически все объекты промышленности, сельского хозяйства, транспорта, связи и энергетики, что отбросило страну практически на одно из последних мест в мире по уровню дохода на душу населения. Положение серьезно усугубляется тяжелой засухой, поражающей страну пятый год подряд, обезземеливанием крестьян, отсутствием инвестиций и возвращением из соседних стран большего, чем ожидалось, количества беженцев. Многие тормозит и невысокий уровень профессионализма значительной части новых назначенцев во властных структурах. Руководство страны хотя и получило (по состоянию на сентябрь 2002 г.) от доноров порядка 1,5 млрд. долларов, пока не имеет ясного представления о том, на восстановление каких конкретных объектов эти средства будут потрачены. Существует и ряд внутренних проблем, снижающих планку доверия к Кабулу со стороны иностранных финансовых институтов: отсутствие денежной дисциплины у исполнителей, неумение эффективно контролировать расходы и экономить полученные из-за рубежа денежные средства и т.п. В этих условиях правительство Х.Карзая пытается создать более подходящий климат для увеличения объема внешних капиталовложений на основе либерализации законодательства, превращения Афганистана в зону свободной торговли. В этом контексте был принят закон о защите иностранных инвестиций, готовится к принятию закон о недропользовании.

Что касается структуры экономики Афганистана, то ее основу составляет сельское хозяйство. В 1991 г., когда афганский агропромышленный сектор был на подъеме, площади обрабатываемых сельхозугодий составляли 2,84 млн. га, с которых собиралось 2,8 млн. т зерновых, 750 тыс. т овощей, 680 тыс. т фруктов, 20 тыс. т хлопко-сырца. Однако в последующие годы уровень сельхозпроизводства неуклонно снижался, обозначилась четкая тенденция перехода сельского хозяйства полностью на выращивание и производство наркоти-

ков. Это, а также продолжение и эскалация военных действий привели к нынешнему крайне тяжелому положению. Нехватка семенного фонда, минеральных удобрений, ядохимикатов для борьбы с вредителями растений, сокращение объемов машинных работ, ликвидация системы ветеринарных услуг вкупе с остановкой работы объектов ирригации стали основными причинами паралича афганского агропромышленного комплекса, невиданного доселе роста производства опийного мака. В настоящее время в Афганистане под наркопосевы используется рекордное количество посевных площадей – 91 тыс. га. В 2002 г. ожидается производство более 280 тонн героина, а общий оборот афганских наркодельцов по самым оптимальным оценкам составляет не менее 1 млрд. долларов США. Правительство пытается содействовать оздоровлению сельского хозяйства страны, выплачивает крестьянам компенсации за уничтожение наркопосевов, но предложить что-то реальное взамен высокорентабельного производства опийного мака (которое в 10 раз прибыльнее выращивания пшеницы) пока не в состоянии.

Подавляющее большинство промышленных предприятий государственного сектора, обеспечивавших в 1991 г. производство промышленной продукции в объеме 4,5 млрд. афгани в неизменных ценах 1978 г., а также частного сектора (497 предприятий) с объемом произведенной продукции 5,5 млрд. афгани было полностью или частично выведено из строя. На минимальном уровне функционирует энергетика. Повреждено или уничтожено более 40% грузового автотранспорта, парк самолетов составляет 4 единицы (два подарены зарубежными донорами). До мизерного уровня сократился товарооборот внутренней, а также внешней торговли, банковская и фискальная системы практически отсутствуют.

Главной ошибкой местных властей при проведении в жизнь экономических преобразований, как представляется, является правильное по мысли, но слишком поспешное намерение осуществить денежную реформу, направленную на замену обращающихся в стране денежных знаков в соотношении 1:1000. При этом поспешном шаге, безусловно продиктованном из-за рубежа, не учитывается несколько весьма важных факторов, способных взорвать социально-экономическую жизнь афганского общества: отсутствие какой-либо даже в зачаточной форме банковской системы, слабый контроль центральных властей на местах и высокий процент неграмотного населения. Эти моменты ставят под большое сомнение успех данного начинания и заставляют полагать, что поиск альтернативных шагов, направленных на оздоровление экономики Афганистана, идет недостаточно обдуманно.

Начальный этап экономического возрождения Афганистана, как представляется, должен заключаться в принятии законов, направленных на всемерную поддержку в стране национального предпринимательства и частной инициативы, которые при условии обеспечения реальной внутрисполитической стабильности могут активизировать производ-

ство сельскохозяйственной продукции, восстановить объемы традиционного афганского экспорта, увеличить внутренний товарооборот, возродить налоговую и банковскую системы.

Учитывая традиционную ориентацию афганского бизнеса на российский рынок и наличие в России, а также некоторых странах СНГ значительной афганской диаспоры, насчитывающей десятки тысяч человек, целесообразно, как видится, было бы применить накопленный опыт совместной работы в восстановлении, реконструкции и эксплуатации объектов бывшего советско-афганского сотрудничества. К примеру, в 1994–96 гг. завод азотных удобрений в Мазари-Шарифе был передан местному частному предпринимателю, который приобретал у российских организаций необходимые для эксплуатации завода запасные части, оборудование и химические реагенты, обеспечивал налоговые выплаты в местный бюджет от реализации карбамида на внутреннем и внешнем рынках.

Этот опыт, очевидно, полезно было бы распространить на такие объекты, как машинно-тракторные станции, малые электростанции, перевалочный комплекс «Астрас» в порту Хайратон на Амударье, аналогичный комплекс в Тургунди, элеваторы и хлебопекарни, кабульские домостроительные комбинаты, текстильные и прядильные предприятия, цементные заводы, автотранспортные предприятия, станции технического обслуживания. Здесь частный предприниматель мог бы найти пути и методы получения возмещения своих затрат и одновременно обеспечить столь необходимые афганскому народу поступления.

Ситуация в экономике Афганистана, несмотря на потерю темпа российскими организациями и согласованную активность западников, уже закрепившихся здесь на многих ключевых позициях, как видится, оставляет нишу и для работы российских ведомств и частных предпринимателей, в том числе на коммерческой основе. Примером могут служить заключение между «Сельхозпромэкспортом» и Министерством легкой и пищевой промышленности Афганистана контракта на восстановление кабульского хлебокомбината, инициативы «Средмашэнерго» о строительстве здесь цементного завода, предложения ЗАО «Дормаш» по поставкам дорожной техники для работ на Саланге и др.

Предпринимательская инициатива деловых партнеров наших стран, несомненно, могла бы быть использована в таком важном для афганцев вопросе, как обеспечение страны минеральными удобрениями. При этом обе стороны пользовались бы гарантиями добропорядочности и состоятельности партнеров, используя для этого возможности своих торгово-промышленных палат.

Немалый потенциал имеет и такая форма сотрудничества, как создание совместных российско-афганских предприятий по восстановлению, реконструкции и последующей эксплуатации объектов советско-афганского сотрудничества. Являясь наиболее выгодным для

частнопредпринимательских структур двух стран, этот путь позволяет использовать все многообразие каналов взаимного сотрудничества. В настоящее время уже прорабатывается вопрос о создании в Афганистане совместного предприятия с ОАО ИК «Роснефть» по строительству сети бензозаправочных станций.

Экономика Афганистана, естественно, не может эффективно функционировать без восстановления дорожной сети (общей протяженностью 17 тыс. км) в условиях отсутствия прочих видов транспорта, кроме автомобильного. Приоритетными, несомненно, являются автодороги Хайратон-Кабул, Ширхан-Кабул, а также Кабул-Джелалабад-Торхам, Кабул-Кандагар-Герат-Тургунди. Ныне российские компании активно участвуют в соответствующих тендерах и конкурсах.

Перспективным в этом деле может стать и объединение усилий компаний нескольких государств путем образования международных консорциумов с участием России, обладающей всей проектно-технической документацией на афганские дороги по схеме Россия (работа) + Афганистан (ресурсы) + донор (финансирование).

Для восстановления дорожной сети потребуется немалое количество квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы, что даст возможность обеспечить эффективную занятость части трудоспособного населения страны. Напомним, что в свое время на строительстве автодороги Кушка-Герат-Кандагар под руководством советских специалистов одновременно было занято до 10 тыс. человек.

Весьма эффективным для пополнения бюджета Афганистана и обеспечения источников финансирования за счет внутренних источников доходов, несомненно, могло бы стать возобновление поставок на экспорт природного газа с группы Шиберганских месторождений. Общие разведанные запасы природного газа составляют около 35 млрд. куб. м. Экспорт его в лучшие годы достигал 2,6–2,8 млрд. куб. м, обеспечивая до 40% бюджетных поступлений Афганистана. Работа на этом направлении ведется. Однако российские компании «Роснефть» и «Итера» сталкиваются с отсутствием законодательства о недропользовании и притеснены открытым противодействием некоторых представителей афганской стороны участию России в освоении этих углеводородных ресурсов.

Необходимы значительные затраты на расконсервацию промыслов, восстановление систем очистки, осушки и транспортировки газа, включая дожимные компрессорные станции и собственно трубопроводы. Немаловажным представляется также поиск газа (в советский период афганский газ использовался в качестве сырья для производства карбамида на Вахшском азотно-туковом заводе в Таджикистане, а также на бытовые нужды в Узбекистане). Здесь, видимо, могли быть целесообразными переговоры о транзите афганского газа в российскую систему.

Одним из многообещающих направлений нашего двустороннего экономического сотрудничества в области ТЭК, как представляется, можно считать также российское участие в консорциуме по строительству и эксплуатации трансафганского газопровода из Туркмении в Пакистан, если этот проект стоимостью 2–3 млрд. долларов докажет свою конкурентоспособность и будет финансово выгоден российским компаниям, желающим участвовать в нем. Предложения российской стороне войти в этот амбициозный проект поступали и от афганского, и от туркменского руководства, суть их сводилась к предоставлении российским компаниям (в частности, ОАО «Газпром») до 20% акций будущего газопровода.

На наш взгляд, представляется перспективным и рассмотрение вопросов об участии России в освоении меднорудного месторождения Айнак в провинции Логар, работах по реконструкции ГЭС Наглу и Сароби, построенных при техсодействии СССР, Махипар (техсодействие ФРГ), а также в восстановлении крупных ирригационных комплексов и государственных сельскохозяйственных ферм Газибад и Хадда в районе Джелалабада, ирригационного комплекса Сарде в провинции Газни, плотины и ирригационных сетей на р.Кокча в провинции Кундуз.

В целом Россия могла бы ныне пойти на возобновление взаимовыгодного сотрудничества с Афганистаном, используя прежний опыт, своих специалистов, новые технологии, донорские (а также и свои) финансовые ресурсы.

**СИРИЯ: ФАКТОРЫ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ**

Закономерности в развитии макроотраслевой структуры экономики Сирии следует рассматривать в свете геополитических воздействий на ситуацию в регионе и изменений во внутренней политике, произошедших с момента прихода к власти в стране партии Баас в 1963 г. В связи с тем, что часть территории Сирии с 1967 г. находится под оккупацией Израиля, расходы на оборону в стране продолжают оставаться внушительными, что составляет половину текущих ресурсов бюджета. За это время возросло значение страны на мировой арене, напрямую связанное с увеличением ее обороноспособности (с 1976 по 2002 гг. Сирия сохраняла военное присутствие в Ливане). Продолжающееся силовое воздействие на Ливан в сочетании с военным конфликтом с Израилем, а также длительное ухудшение дипломатических отношений с Ираком в конечном итоге повлияло на отношения с остальными государствами Ближнего Востока. Это в свою очередь воздействовало на экономику самой страны. Так, в период 1976–77 гг. Ирак прекратил транзит нефти через территорию Сирии к средиземноморскому побережью, несмотря на заключенное правительствами стран соглашение. Вторично нефтепровод был закрыт в 1982 г., после чего Сирия была вынуждена закупать нефть у Ирана.

Сирия напрямую зависит от помощи со стороны других арабских нефтедобывающих стран. Тем не менее в поддержке, главным образом финансовой, наблюдались некоторые задержки. На Багдадском саммите в 1978 г. Арабская Лига Наций постановила оказывать Сирии помощь на военные нужды в течение 10 лет в размере 1,850 млн. долл. США ежегодно, но кризис нефтедобывающей промышленности региона, а также неудовлетворенность сирийской региональной политикой, выраженной в поддержке Ирана в его противостоянии Ираку в войне Персидского залива, снизили этот показатель с 1,600 млн. долл. в 1981 г. до 700 млн. долл. в 1986 г. (большая часть финансовой поддержки оказывалась Саудовской Аравией). В 1995 г. объем финансовой помощи сократился до 600 млн. долл., а к 2000 г. составил 490 млн. долл.

Особенности внутренней политической ситуации за 4 десятилетия также сказались на развитии сирийской экономики. В период

трехлетний союз с Египтом (ОАР), длившегося с 1958 по 1961 г., была проведена национализация и важная аграрная реформа.

Первый в стране пятилетний план экономического развития также относится к этому периоду (1961–65 гг.). Программа национализации проводилась уже после расформирования сирийско-египетского союза. Ее цель состояла в использовании земель, принадлежавших крупным земельным собственникам. В июне 1961 г. пришедшая к власти партия Баас продолжила земельную реформу. В том же году была национализирована банковская система. В 1965 г. началась национализация промышленности и торговли. К тому моменту, когда Х.Асад пришел к власти (ноябрь 1970 г.), уже были осуществлены кардинальные изменения в хозяйственной структуре страны. Экономические возможности крупных собственников, торговцев и независимых промышленников были существенно ослаблены. С этого времени по настоящий период продолжается доминирование государственного сектора. Президент Асад за годы правления постепенно расширял свое политическое и экономическое влияние. В начальный период властвования он ввел послабления во внешней торговле. В 1971 г. издается закон об иностранных инвестициях.

Арабо-израильская война в октябре 1973 г. принесла стране ущерб в 1,800 млн. долл. США. Были уничтожены нефтяные терминалы в Баньясе и Тартусе, порт в Латакии, крупный комплекс в Хомсе, обеспечивавший страну на 40% топливом и горюче-смазочными материалами. Это потребовало проведения восстановительных работ, но правительство смогло осуществить лишь частичную экономическую либерализацию в конце 1974 г.

В период третьего пятилетнего плана (1971–75 гг.) экономика страны характеризовалась постоянным экономическим ростом. Это было связано с активными мерами по привлечению инвестиций. Они позволили правительству в период четвертого плана экономического развития (1976–80 гг.) изыскать значительные финансовые резервы для решения региональных политико-экономических проблем.

Пятый пятилетний план 1981–85 гг. и следующий за ним план на 1986–90 гг. уже предусматривали осуществление крупных проектов. Тем не менее ни один из них не был завершен полностью. Таким образом, решение внутренних региональных проблем передвигалось уже на первую половину 90-х годов.

Также заслуживающим внимания стал план развития экономики на 1991–95 гг. В этот период стране удастся успешно реализовать ряд проектов в области гидроэлектроэнергетики и связи, финансировать развитие инфраструктуры. Все же дальнейшее развитие отраслевой структуры экономики страны претерпело в период 1996–2000 гг. незначительные изменения: с середины 80-х годов экономика находилась в глубоком кризисе, что было связано с общими недостатками инфраструктуры и комплексом социальных проблем. В свою очередь

это снизило величину денежных резервов и в последствии, особенно во второй половине 90-х годов, осложнило возможность финансирования ключевых проектов.

Согласно данным МВФ, денежные резервы страны в 1986 г. составили 144 млн. долл., уже в 1987 г. они увеличились до 223 млн. долл. В дальнейшем этот показатель держался на уровне 231–270 млн. долл. в 1996 и 2000 гг. соответственно. Просчеты страны в международной торговле вызвали здесь нехватку сырья и материалов для промышленности. Это привело к закрытию ряда предприятий.

В этот период сократился национальный доход в промышленном и сельскохозяйственном секторах. Причиной можно считать коррупцию и ошибки в управлении. Последствия экономического кризиса привели к формированию «черного» рынка и раздаче лицензий на импорт продукции, что привело к значительным трудностям в частном секторе и задержкам в формировании собственной микроотраслевой структуры.

В росте бюджета следует отметить нестабильность. В 1988 г., по данным Международного Банка развития, ВВП Сирии увеличился на 3%, внутренний продукт в период 1965–80 гг. рос приблизительно на 8,7% в год, но в период 1980–88 гг. замедлился до 0,5% в год, ВВП понижался на 3,6% в 1984 г. и увеличился в 1985 г. По данным правительственного агентства, реальный ВВП падал в 1986 г. на 1,2%, а в 1987 г. на 9,3%. В 1992 г. темпы роста реального ВВП составили 4,3%, но к 2000 г. снизились до 1,3%.

На протяжении последнего десятилетия политико-экономическая ситуация в Сирии претерпела значительные изменения. В определенной степени это связано с развитием интеграционных процессов на Ближнем Востоке, а также с формированием новых приоритетов в политике САР. Здесь следует выделить ряд важных факторов.

Первым является фактор военного присутствия. Действительно, располагая одной из крупнейших по численности и количеству военной техники на Ближнем Востоке армией, Сирия имеет возможность усилить свой политический вес в регионе, особенно на территории Ливана.

Еще в середине 70-х годов Сирия начинает использовать армию для разрешения ливанской проблемы. В феврале 1987 г. сирийские подразделения численностью до 7000 чел. входят в мусульманский сектор Бейрута для предотвращения разрастания конфликта. В октябре 1990 г. проводимые Сирией войсковые операции приводят к снижению напряженности и воссоединению мусульманской и христианской частей ливанской столицы. Уже к концу 1990 г. сирийское военное присутствие вынуждает враждующие стороны к подписанию перемирия, а в мае 1991 г. – мирного договора. Тем не менее Сирия не спешит выводить войска с территории Ливана, постепенно наращивая группировку до 20 тыс. чел. К середине 1996 г. численность сирийских войск в Южном Ливане составляла уже более 35 тыс. чел., что естественным образом повлияло на развитие внутренней полити-

ческой ситуации в стране. На современном этапе изменения, происходящие в сирийском обществе, затронули и вооруженные силы. С 2001 г. осуществляется частичное реформирование армии, сокращение ее численности. Хотя в руководстве ПАСВ традиционно важную роль занимают представители силовых структур, в армии развернута кампания борьбы с коррупцией. По этой причине с высших должностей уволены в запас начальник отдела Палестины в военной разведке и командующий армейской группой в Ливане.

Второй внешнеполитический фактор – экономическая интеграция. Занимая географически выгодное положение на Ближнем Востоке, Сирия начинает постепенно развивать свой потенциал во внешнеэкономических связях со своими ближайшими соседями – Иорданией, Турцией, Ливаном, Саудовской Аравией. В этом контексте выгодной возможностью для развития транзита могло бы стать изменение отношений между Сирией и Ираком. Слабое использование дипломатических каналов в этих целях всегда являлось предметом для беспокойства обеих сторон.

Причины здесь следует искать в том, что Сирия в числе немногих арабских стран поддерживала Иран в период ирано-иракского противостояния (1980–88 гг.). Позднее, когда Ирак вторгся на территорию Кувейта в августе 1990 г., Сирия разместила свои войска в Саудовской Аравии и примкнула к антииракской коалиции, тем самым заморозив сирийско-иракские отношения. С другой стороны, именно присутствие Сирии в многонациональной коалиции дало возможность Дамаску существенно поднять свой авторитет в глазах американских и британских дипломатов, традиционно относивших САР к странам, поддерживающим терроризм. Таким образом, война в Персидском заливе в начале 1991 г. и ее последствия обеспечили Сирии значительную финансовую помощь в размере нескольких млрд. долларов от арабских стран, ЕС и Японии.

Следующим фактором, влияющим на изменение положения страны, является позиция ряда стран в отношении САР.

Хотя в 1997 г. США вычеркнули Сирию из списка стран – поставщиков наркотиков, это не отменило ограничений на экспорт и не сказалось на размерах экономической помощи, т.к. САР все еще относят к странам, поддерживающим терроризм. В октябре 1998 г. Турция пригрозила ввести войска на территорию Сирии, если САР не прекратит поддерживать Рабочую партию Курдистана (РПК) и не выдаст лидера этой организации Абдуллу Оджалана. Правительство Турции считает РПК террористической организацией, виновной в гибели нескольких тысяч турецких граждан. Сирия была вынуждена удовлетворить требования Турции, а также подписала соглашение о запрете деятельности РПК на своей территории.

Важным фактором для развития экономики и стабилизации внутривнутриполитической ситуации может стать возвращение стране оккупированных Израилем территорий. Начиная с октября 1981 г. Сирия усили-

ла дипломатическое давление на Израиль, поддержав ряд идей новой американской миротворческой программы по Ближнему Востоку. Важнейшим вопросом стало желание САР вернуть Голанские высоты, но в переговорах было достигнуто лишь незначительное продвижение – приоритетом для Израиля стали более актуальные переговоры с Организацией Освобождения Палестины (ООП). Во второй половине 90-х годов Израиль и ООП подписывают пакет соглашений о мире. Но в отношении Голанских высот таких соглашений достичь не удается.

Возможность возобновить переговоры появилась только в 1999 г. после избрания в Израиле нового премьер-министра Э. Барака. В декабре 1999 г. прошла встреча между сирийским и израильским лидерами в Вашингтоне (впервые после 1977 г.). Затем, в январе 2000 г., следует второй этап, но решающего успеха и здесь достичь не удается. Неурегулированность ситуации на Ближнем Востоке крайне осложняет дальнейшее экономическое сотрудничество.

Российско-сирийские отношения являются фактором, который также не стоит недооценивать. Хотя после распада СССР отношения были частично заморожены, тем не менее в середине 90-х годов в Сирии работало 250 российских специалистов. В настоящее время российские организации оказывают содействие в строительстве, модернизации, ремонте и эксплуатации 22 объектов. В 1993 г. было подписано российско-сирийское соглашение о торгово-экономическом и техническом сотрудничестве. В 1998 г. в Дамаске прошло первое заседание постоянной российско-сирийской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству.

Потенциал российско-сирийских отношений в торговле значительно превышает нынешний ежегодный объем товарооборота в 187 млн. долл. США в год. Практика внешнеэкономической деятельности САР свидетельствует о том, что ее руководство продолжает рассматривать РФ как союзника, а это в свою очередь говорит о перспективах в отношениях между странами.

Главным осложнением в двусторонних отношениях является неурегулированность сирийской задолженности по государственным кредитам, предоставленным Сирии СССР (задолженность САР составляет около 13 млрд. долл. США, около 95% долга приходится за поставку специмущества). Решение этой проблемы предполагает в перспективе экономическое сотрудничество на базе 80 объектов, обеспечивающих выработку более 30% электроэнергии, добычу около 30% нефти и орошение 60 тыс. га земель.

Также планируется участие России в ряде совместных международных проектов, в которых Сирии отводится немаловажная роль. Прежде всего развитие транспортной сети по направлению Иордания-Сирия-Ирак; Сирия-Ливан; Сирия-Турция, что даст возможность восстановить железнодорожное сообщение и усилит транспортное значение страны.

Наконец, политико-экономическая ситуация в стране напрямую зависит от положения в международной торговле.

Стратегическими партнерами Сирии во внешнеэкономических отношениях являются развитые государства мира, в том числе и страны Западной Европы. С участием инвесторов ЕС в Сирии осуществляется более 140 проектов. Дальнейшее развитие внешнеэкономических отношений позволит дополнительно привлечь в страну иностранную валюту. В частности, САР уже получает значительную прибыль от инвестиций в быстро растущий туристический бизнес. В ноябре 1995 г. Сирия, ряд североафриканских и ближневосточных государств подписали начальное соглашение с Европейским Союзом о создании к 2010 г. свободной торговой зоны.

В настоящее время сирийское правительство внимательно изучает вариант соглашения об ассоциированном членстве страны в ЕС. Положительными моментами здесь являются увеличение масштабов внешней помощи и расширение доступа сирийских товаров на западноевропейский рынок. Сирийское руководство придает большое значение развитию политико-экономических отношений с ЕС, не без оснований считая сотрудничество в этой сфере стратегическим.

Цель дипломатической активности ЕС в ближневосточном регионе – осуществить проект по подписанию соглашений об ассоциированном членстве со всеми странами, имеющими выход к Средиземному морю, заложив таким образом основу для создания общей зоны свободной торговли, которая должна также охватить страны Северной Африки, а также Восточную и Центральную Европу. В создающейся системе общих рыночных отношений Сирия сможет укрепить свое геополитическое положение и развивать транзитные перевозки по своей территории.

Как отмечалось выше, данное соглашение накладывает на Сирию обязательства по созданию к 2010 г. при участии ЕС зоны свободной торговли. Для Сирии и других стран, не входящих в состав ЕС, это означает необходимость отмены тарифных барьеров, препятствующих ввозу европейской продукции. По мнению экономистов ЕС, у Сирии достаточно времени адаптироваться к новым условиям. Сейчас уже разработана программа поэтапного снижения таможенных тарифов.

Доход от внешней торговли приносит Сирии ощутимую прибыль. Это имеет для страны большое значение в связи с тем, что Сирия как развивающееся государство вынуждена тратить дополнительные средства на развитие промышленности, как добывающей, так и обрабатывающей, сельского хозяйства, электроэнергетики, сферы транспорта.

Кроме того, значительные средства идут на погашение внешнего долга. Если по данным 2000 г. Сирия обладала денежными резервами в сумме около 350 млн. долл. США, то этого оказалось явно недостаточно для снижения общего долга приблизительно в 22,2 млрд. долл. Из этой суммы около 1,5 млрд. приходилось на Японию, приблизи-

тельно столько же на страны Восточной Европы. Если говорить непосредственно о Европейском Союзе, то одной только Франции Сирия оказалась должна 1,88 млрд. франков. Данные по ЕС составляют до 750 млн. долл. США. Проблема погашения усугубляется отсутствием у САР реального доступа на международные финансовые рынки.

Таким образом, фактором политико-экономических изменений в стране может стать укрепление торговых связей Сирии с развитыми странами мира.

В середине 90-х годов основными торговыми партнерами страны, помимо США, стали Германия, Франция, Италия, т.е. страны-члены Европейского Союза.

В дальнейшем в 2000–02 гг. ситуация в целом не изменилась, что показывает важность развития сотрудничества в сфере торговли Сирии со странами ЕС.

С 1996 г. Сирия привлекает финансовую помощь от ЕС на сумму в пределах 470 млн. долл. США. Эта сумма должна будет оказать влияние на развивающуюся экономику страны. Значительная часть денег будет затрачена на стимуляцию развития добывающей промышленности: добычу фосфатов и нефти, а также дальнейшего исследования газовых месторождений. Также часть денег была вложена в электроэнергетику (строительство дамб и плотин), в сельское хозяйство (хлопководство), производство цемента, потребность в котором существенно выросла в стране за последнее время, химическую индустрию и производство сахара.

В свете современной ближневосточной ситуации Сирия имеет определенные благоприятные перспективы в экономике, если сможет сбалансировать свой экспорт-импорт. Дальнейшее успешное развитие страны связано с изысканием ею дополнительных финансовых источников, более продуманным экономическим управлением и целенаправленностью инвестиций: здесь существуют определенные трудности, т.к. Сирию продолжают относить к странам, поддерживающим международный терроризм, что осложняет возможности финансирования со стороны США.

Так, в 1999 г. возможность получения финансовой помощи со стороны Европейского Союза была упущена из-за информации о размещении на территории САР террористических группировок. Тем не менее интересы международных организаций, в том числе и арабских, предусматривают ряд проектов на территории страны и оказывают значительной помощи. Консорциум региональных инвесторов из Ливана объявил о своей готовности вложить до 100 млн. долл. США в экономику страны, в частности, в сферу транспорта.

Новая стратегия ПАСВ связана с опорой на национальную буржуазию для привлечения в экономику в качестве инвестиций 90 млрд. долл. (совокупный частный сирийский капитал, хранящийся в иностранных банках).

Важным шагом на пути к уменьшению роли государства в экономике и к либерализации законодательства явилось решение предоставить физическим лицам возможность хранить сбережения и осуществлять денежные переводы в иностранной валюте. Б.Асад подписал поправку к 10-й статье закона об иностранных инвестициях. Этот закон конкретизировал положения законодательства, касающиеся параметров инвестиционной деятельности, расширяя сферу вложения иностранных валют. Благодаря этому закону иностранные инвесторы получили права на владения земельными участками и на аренду земли – до этого в качестве собственника на землю выступало государство. Инвесторы, вкладывающие капитал в периферийные области, облагаются налогом по пониженной ставке лишь по истечении двухлетнего льготного периода.

На современном этапе Сирия перспективна для иностранных инвесторов благодаря:

- *значительным неисследованным, но многообещающим в плане природных ресурсов площадям;*
- *дешевой рабочей силе;*
- *низкой себестоимости извлечения сырья.*

Поэтому правительство САР привлекает инвесторов из стран Персидского залива, Японии и особенно из ЕС, для осуществления проектов модернизации и развития производства, сельского хозяйства, добывающей промышленности, развития телекоммуникаций.

Однако дальнейшая разработка этих проектов связана с проблемой развития рыночной экономики в стране, что невозможно без внесения определенных изменений в валютное законодательство и банковскую сферу.

Перспективы в этом направлении могут быть связаны с продолжением проводившихся последние три года медленных частичных реформ. Возможно также ускорение процесса в сторону повсеместного внедрения рыночной экономики, механизмов перехода к открытому типу экономики, с осуществлением приватизации государственного сектора, либерализации частного сектора и внешнеэкономических связей.

Вероятно сохранение в стране централизованно-плановой экономики. Государство сохраняет главенствующую роль в области производства и распределения, утверждения инвестиционных проектов, ценообразования на продукты питания. Субсидии и льготы могли бы повысить привлекательность сирийского рынка для роста инвестиций в крупные проекты, укрепить экономические связи с арабскими государствами, США и ЕС.

Притоку инвестиций в страну способствуют желание и усилия нового руководства САР выполнять в срок долговые обязательства. Премьер-министр Миро пообещал осуществить выплаты в счет погашения долга Японии на сумму 100 млн. долл. в соответствии с графиком, утвержденным официальными представителями обеих сторон.

Ранее Япония неоднократно обращала внимание сирийской стороны на несоблюдение сроков платежей.

Привлечение иностранного и местного капитала к реализации различных инвестиционных проектов тормозится неразвитостью финансовой сферы, неурегулированностью порядка погашения долга Сирии, а также отсутствием в стране фондового рынка, инвестиционного и экспортного банков. До настоящего момента единственным банком в стране является Коммерческий Банк Сирии и его филиалы.

На изменение политико-экономической ситуации важное воздействие оказала смена руководства правящей партии ПАСВ. К власти в стране пришел не только молодой президент, но и существенно обновленное правительство. Нынешнее руководство разделяет прежние идеи о поддержке госсектора как основы экономики страны. Большое значение придается роли государства, в частности, в снижении уровня безработицы. Правительство САР реально оценивает потребности страны в росте иностранных инвестиций, поэтому разработаны поправки к законодательству, которые помогут в скором времени стимулировать привлечение капитала в Сирию. Постепенные изменения – введение свободы слова, борьба с коррупцией – начинают затрагивать сирийское общество и способны позитивно влиять на приток иностранных инвестиций.

За последние два года после прихода к власти Башара Асада и сформированного им правительства были достигнуты существенные сдвиги в реформировании экономики, политики, в общественном развитии. Сдвинулось решение курдского вопроса, в частности, началась деятельность по восстановлению гражданства сирийских курдов, формулируются их права в социальной, культурной и политической областях. Этот процесс идет постепенно – сирийцы принимают во внимание негативный опыт, накопленный в Турции и Ираке, и стараются полнее учесть национальные особенности курдского населения.

Появились предпосылки для реформирования государственной администрации и устаревшего законодательства. Реформы внедряют в сирийское общество элементы демократии. Это касается, в первую очередь, амнистирования политических заключенных. В сентябре 2000 г. в сирийских тюрьмах содержалось 1300 политзаключенных. В ноябре того же года был подписан указ об амнистии 600 чел., в основном принадлежавших к коммунистической партии САР и нелегальной организации «Братья-мусульмане».

Стоит отметить, что в Сирии законы обходят такие демократические институты, как свобода слова и печати, собраний и волеизъявления. Однако к настоящему моменту начался процесс освобождения средств массовой информации от цензуры властей. По мнению правительства, новая роль СМИ поможет улучшить экономическую и политическую ситуацию в стране, т.к. народу будет предоставляться

более полная информация. Знаменательно, что министры, назначенные новым президентом, огласили важные статистические сведения, которые правительство прежде скрывало или отрицало, например данные по безработице.

Наконец, в Сирии развернута широкомасштабная кампания по привлечению к уголовной ответственности коррумпированных высших государственных лиц. Самым громким процессом стало дело бывшего премьер-министра страны. Была также проведена реорганизация в руководстве национальной авиакомпании и сферы транспорта.

Изменения во внешней политике не носят кардинального характера, во многом сохраняется курс Х.Асада, Сирия продолжает оставаться важным участником многих политических процессов на Ближнем Востоке. Есть перспективы расширения дипломатических отношений с ближайшим соседом – Иорданией. В научно-техническом сотрудничестве растет роль Японии. Однако следует признать, что более актуальное для нас будущее сирийско-российских отношений пока еще не ясно. Во многом инициатива здесь, думается, должна исходить от России. Ей в первую очередь следует четко сформулировать продуманную стратегию своих отношений с каждой страной Ближнего Востока.

1. The United States Census Bureau.
2. International Programs Center.
3. Europa World Yearbook.
4. International Monetary Fund (IMF) publications.

СИРИЙСКО-ИРАКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Развитие последних событий в Ближневосточном регионе и мире в целом свидетельствует о том, что подготовка США к нанесению военного удара по Багдаду входит в свою завершающую стадию. В этой связи Америка стремится заручиться если не поддержкой своих планов в отношении Ирака, то хотя бы нейтралитетом правительств ключевых ближневосточных государств, дабы избежать нежелательных для себя и своих союзников в регионе последствий военной операции против Багдада. Решению именно этой задачи были посвящены усилия активизировавшейся в последнее время ближневосточной дипломатии США.

Одной из «проблемных» для США в этом плане стран региона является Сирия, руководство которой выступает категорически против любых американских силовых акций в отношении своего иракского соседа.

С недавних пор особое внимание политологов и экономистов на Ближнем Востоке и за его пределами все больше привлекают динамично развивающиеся отношения между двумя крупными арабскими государствами – Сирией и Ираком.

В течение двух последних десятилетий отношения между этими странами оставались весьма напряженными, что усугублялось занятой Дамаском позицией поддержки Ирана в ходе ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Однако после 1997 г. сирийско-иракские отношения стали постепенно нормализовываться. С приходом к власти в САР нового президента Б.Асада эти отношения переживают стремительное развитие в военной, экономической и политической областях.

Сирийско-иракские отношения традиционно отличались несбалансированностью и соперничеством за влияние в регионе. В период французского мандата в Сирии (1920–1946 гг.) и после обретения политической независимости Ирак постоянно стремился вмешиваться во внутренние дела Дамаска, угрожая суверенитету и независимости САР. Традиционно Ирак считался более активным и сильным в военном плане по сравнению с Сирией и постоянно демонстрировал свое стремление доминировать в качестве лидера арабского единства. Подобная политика Ирака в отношении Сирии в значительной степени объяснялась тем, что в период правления в Багдаде королевской ди-

насти Хашемитов (1921–1958 гг.) иракские власти считали, что создание союза или федерации с соседней Сирией послужит укреплению региональных и международных позиций самого Ирака, а также упрочению позиций хашемитского режима внутри страны.

К тому же рост идей панарабизма и радикальных националистических тенденций в арабских странах в 30–40-е годы обеспечивал своеобразную легитимность вмешательства во внутренние дела соседних арабских государств под предлогом защиты идей панарабизма. Данная ситуация порождала напряженность и неоднозначность в отношениях двух стран. С одной стороны, господствующая в них идеология баасизма, основным стержнем которой является идея арабского единства, призывала к союзу, слиянию двух стран в русле идеи арабской сплоченности, с другой, – существовали вопросы территориальной целостности и растущего национального самосознания, которые в условиях независимого развития Сирии и Ирака все больше противоречили догмам идей арабского национализма.

С развитием двух стран, укреплением их режимов, территориальной целостности, ростом осознания себя как национальной части арабской нации и изменением условий на региональном уровне иракские попытки объединения с Сирией постепенно ослабевали. В то же время укрепление баасистов в Сирии и Ираке и их легитимизация способствовали правовому и идеологическому обоснованию законности существования двух отдельных и независимых государств Сирии и Ирака.

Сирийские интересы в Ираке и политика Ирака в Сирии тесно связаны с последовательным укреплением государственности в обеих странах, стабилизацией власти и ростом национального самосознания их населения. Отмеченные процессы продолжаются и сегодня. В то время как в Сирии в ходе правления Х.Асада окрепла стабильность и были созданы благоприятные условия для развития выше отмеченных явлений, в Ираке во времена президента С.Хусейна сложилась иная ситуация. Несмотря на то, что государство в целом окрепло, внутри страны и вокруг Ирака усиливалась напряженность.

Как уже отмечалось выше, хашемитские правители Ирака стремились учредить федерацию или союз с Сирией с тем, чтобы обеспечить Ираку главенствующее положение в так называемом «благодатном полумесяце». Такое тяготение в значительной мере определялось региональным статусом государства, его внутренними условиями и природой власти в стране. Ирак постоянно опасался своих более могущественных соседей Турции и Ирана, которые угрожали жизненным иракским интересам в районе Шатт Эль-Араба и в богатых нефтью районах Мосул и Киркук. С другой стороны Багдад стремился обеспечить себе через Сирию и Палестину выход к Средиземному морю и далее на Запад, в Европу. Внутри страны разгорался конфликт между старой правящей элитой и молодым поколением политиков, отра-

жавших стремление новых социально-политических сил к радикальным экономическим преобразованиям.

В Сирии Национальный блок (главная национальная политическая сила времен французского мандата), заявляя на словах о своей приверженности делу межарабского сотрудничества, на деле стремился к независимости и самостоятельности Сирии. В то же время в период обострения отношений с метрополией (1933, 1939–1940 гг.) в Сирии активизировались силы, выступавшие за союз с Ираком и Англией против Франции. После 1946 г. Ирак активизировал попытки по объединению с Сирией и усилил на нее давление, используя относительную политическую слабость и раздробленность независимого сирийского государства. Такие сирийские руководители, как Хашим Аль-Атаси (1943, 1949, 1954–1955 гг.), Фарес Аль-Хури (1944–1945, 1954–1955 гг.), Назим Аль-Кудси (1950–1951 гг.), Сабри Аль-Асали (1954, 1955, 1956–1958 гг.), неоднократно предпринимали усилия по объединению с соседним Ираком. Большинство таких попыток было продиктовано внутривнутриполитическими соображениями и использовалось в качестве своеобразного балансира в отношениях с соседними Иорданией, Турцией и Израилем. Так, например, случилось в 1948 г., когда Сирия серьезно опасалась намечаемого союза между Израилем, Иорданией, Турцией и Великобританией, а также реализации планов возможного отторжения ее северных территорий в пользу Турции. Это значительно усилило проиракские настроения среди многих сирийских политиков, особенно сторонников Народной партии, чья электоральная база находилась на севере Сирии, в Халебе. И даже среди некоторых членов правящей Национальной партии, которая в лице президента САР Шукри Аль-Куатли выступала за укрепление связей Сирии с Саудовской Аравией и Египтом.

Ряд видных политиков, таких, например, как Сабри Аль-Асали, призывал к союзу с Ираком. Показательной в этом отношении является политика начальника Генштаба генерала Хосни Аз-Заима, который придя к власти в Сирии в результате совершенного им военного переворота в марте 1949 года, сразу предложил Ираку подписать с Сирией военный союз. Такой шаг был продиктован имевшимися у него опасениями в связи с возможной негативной реакцией на переворот со стороны Египта и Саудовской Аравии, которые поддерживали свергнутого Ш.Аль-Куатли. Однако когда Аз-Заим убедился, что Каир и Джидда готовы договариваться с ним, он постепенно охладел к союзу с Багдадом. В период нахождения у власти в САР Сами Аль-Хинауи Народная партия стала правящей и в стране резко усилились проиракские настроения. Президент Сирии Х.Аль-Атаси, поддержанный другими проиракски ориентированными политиками, выступал за быстрое создание федерации или союза с Ираком. Такие настроения не могли не насторожить сирийскую армию, прежде всего ее офицерский корпус. В результате военного переворота в декабре 1949 г. в

Сирии была установлена военная диктатура во главе с полковником Адибом Аш-Шишекли. В период всего правления Аш-Шишекли Ирак предпринимал неоднократные попытки его свержения.

С падением диктатуры Аш-Шишекли в 1954 г. в Сирии, казалось, сложились весьма благоприятные условия для объединения с Ираком, когда практически все сирийское политическое руководство стояло на проиракских позициях. Однако эти политики отражали интересы старых консервативных помещичье-феодалных, компрадорских кругов Сирии и уже не могли соперничать с набирающими политический вес леворадикальными националистическими силами внутри САР, в авангарде которых находились молодые сирийские офицеры. Окончательным поражением проиракской партии в САР стал февраль 1955 г., когда в результате ожесточенной борьбы по вопросу о присоединении Сирии к багдадскому пакту в отставку ушло правительство Фареса Аль-Хури. Предпринятые в 1955–1957 гг. Ираком безуспешные попытки подорвать рост леворадикальных сил в армейской среде Сирии обернулись на деле сближением Сирии с Египтом и созданием в 1958 г. ОАР. А в самом Ираке летом 1958 г. прогрессивно настроенные армейские офицеры во главе с Абдель Каримом Касемом совершили военный переворот, в результате которого был положен конец монархическому режиму в стране. Радикализация иракских властей не помешала вновь пришедшим к власти в САР после распада ОАР в 1961 г. представителям прежних правящих элит объединить свои усилия с новым руководством в Багдаде для борьбы со сторонниками идей насеризма в САР. Приход к власти в Сирии и Ираке Партии арабского социалистического возрождения (Баас) привнес идеологическую составляющую в отношения двух государств. Так, в период межфракционной борьбы в сирийской Баас (ПАСВ) в 1962–1966 гг. лидер леворадикального крыла ПАСВ Хамуд Аш-Шуфи пользовался поддержкой Али Салиха Саади из иракской Баас. В результате февральских 1966 г. событий в САР к власти в стране пришло леворадикальное крыло партии во главе с Салахом Джадидом. Основатели и идеологи партии Мишель Афляк и Салах Ад-Дин Аль-Битар были вынуждены выехать из Сирии.

В отношениях между партиями двух стран наступил новый этап. В обстановке, когда баасистские руководители ощущали свою слабость и неуверенность на властном поприще, вопрос о признании или непризнании законности их власти играл ключевую роль в отношениях двух партий. В 1970 г. к власти в Сирии пришел Хафиз Аль-Асад. В результате июльских событий 1968 г. в Ираке была восстановлена власть партии «Баас». Это привело к возникновению непростой ситуации, когда связи между двумя партиями, по сути, определяли отношения между двумя государствами. Нашедший убежище в Ираке М.Афляк усиливал позиции иракских баасистов в их претензиях на законное лидерство в арабском мире.

Стабилизация и укрепление баасистских режимов в Сирии и Ираке в 70-х годах обострили борьбу между двумя странами за влияние в регионе, с одной стороны, и несколько снизили накал противоречий по вопросу признания их легитимности, с другой.

В 1977 г. напряженность в отношениях между двумя странами несколько спала. В условиях, когда Египет пошел на сепаратный мирный договор с Израилем, руководства Сирии и Ирака решили упрочить свои двусторонние отношения. Сирийский президент выступил с инициативой укрепления связей между двумя странами. Путем союза с Багдадом Дамаск рассчитывал упрочить свои позиции перед лицом Израиля, а Багдад, несколько смягчив свою непримиримую позицию, пытался сплотить вокруг себя антиегипетский фронт арабских стран. В то же время претензии иракских руководителей на лидерство в арабском мире, их настойчивые требования принятия самых решительных мер в отношении Египта тормозили процесс сближения двух стран.

Только в октябре 1978 г. Асад посетил Багдад и обсудил с иракскими лидерами перспективы сирийско-иракского союза. Однако усилившаяся к тому времени в Ираке борьба за власть привела в итоге к разрыву отношений между Дамаском и Багдадом. Пришедший к власти в Ираке в 1979 г. Саддам Хусейн посчитал, что бывший президент Ирака Хасан Аль-Бакр стремился использовать сближение с Сирией для противодействия ему и организации переворота в Ираке. В 1982 г. Сирия закрыла свою границу с Ираком и прекратила перекачку иракской нефти по нефтепроводу Киркук-Банияс. Военные успехи Ирана в мае 1982 г. и ухудшение отношений с Сирией способствовали тому, что Ирак стал искать подходы к налаживанию отношений с Египтом. Сирийско-иракские отношения оказались окончательно прерванными, после того как Сирия в одностороннем порядке поддержала Иран в войне с Ираком.

В период кризиса в Персидском заливе 1991 г. Сирия присоединилась к антииракской коалиции, возглавляемой США. Такое решение Дамаска не только способствовало укреплению рядов антииракской коалиции, но и свидетельствовало о том, что сирийские руководители пересматривают приоритеты своей прежней политики. В условиях начала перестройки и корректировки внешнеполитического курса Советского Союза Сирия стремилась нормализовать свои отношения с Западом. Постепенно стали налаживаться сирийско-египетские отношения, прерванные после заключения Каиром сепаратного мира с Израилем. Полностью сирийско-египетские отношения были восстановлены в 1991 г. после того, как Дамаск присоединился к мирному арабо-израильскому процессу на Ближнем Востоке. Новая внешнеполитическая стратегия Сирии была обусловлена не только распадом СССР и ухудшением внутриэкономического положения САР, но также растущей в Дамаске тревогой, связанной с Багдадом. Усиление иракской военной машины в период ирано-иракской войны изменило ба-

ланс сил не в пользу Дамаска. На границах Сирии появилось государство с миллионной армией. Сирийские опасения подтвердились после того, как стала очевидной поддержка Ираком антисирийского правительства в Ливане во главе с генералом М.Ауном. С начала гражданской войны в Ливане в 1975 г. Ирак поддерживал антисирийские силы, выступавшие за вывод сирийских войск из Ливана.

Последствия ирако-кувейтской войны и международные санкции в отношении Ирака существенно ослабили иракскую военную мощь, и баланс сил изменился в пользу Дамаска. Теперь Багдад уже не внушал Сирии прежних опасений.

С весны 1997 г. отношения двух стран стали постепенно нормализовываться. В условиях длительной неопределенности в мирном процессе, неудачных попыток США оказать давление на Израиль в вопросе вывода израильских войск с Голанских высот, развития военного сотрудничества Турции с Израилем Сирия стала искать подходы к установлению нормальных отношений с Ираком. В марте 1997 г. заместитель премьер-министра Ирака Тарик Азиз выразил свое удовлетворение в связи с позитивными переменами в отношениях с Сирией. В мае 1997 г. делегация ТПП САР посетила Багдад. Через два месяца дамасское радио прекратило вещание передач антииракской направленности. Ответный ход последовал и с иракской стороны. В августе делегация иракских торговцев и промышленников посетила Дамаск. Был подписан контракт на поставку в Ирак сирийских товаров на общую сумму 13 млн. долл. Вдоль сирийско-иракской границы были открыты пропускные пункты для туристов и торгового обмена. 7 августа министр нефти Ирака Мухаммад Рашид заявил на пресс-конференции в Багдаде, что Ирак готовится к возобновлению прокачки своей нефти через сирийскую территорию. Председатель Промышленной Федерации Ирака Аднан Аль-Кудси отметил, что страна отдала приоритет сирийским коммерческим предложениям на экспорт продуктов в Ирак в соответствии с резолюцией 986 ООН. В конце августа в Дамаск на 44-ю международную ярмарку прибыла иракская делегация во главе с министром торговли Махди Салехом, которая подписала ряд экономических соглашений с Сирией.

В то же время сирийские и иракские политики по-разному оценивали суть ирако-сирийского экономического сотрудничества. Так, министр иностранных дел Ирака Мухаммад Ас-Сахаф заявлял, что развитие экономических связей между двумя странами будет способствовать восстановлению дипломатических отношений и сближению двух стран. Действительно, иракские политики делали акцент на политической значимости развития двусторонних экономических связей как средстве прорыва экономической блокады Ирака и последующей нормализации сирийско-иракских отношений. Иракская газета «Аль-Бабил», контролируемая одним из сыновей С.Хусейна, обращалась к сирийским вла-

стям с призывом полностью нормализовать отношения с Ираком для создания «единого антиимпериалистического и антиссионистского фронта». В заявлениях же официальных сирийских лиц подчеркнуто говорилось только об экономических связях с Ираком без каких-либо политических реверансов в сторону Багдада.

После начала в ноябре 1997 г. кризиса между Ираком и ООН по вопросу об инспекциях Сирия выступила против применения силы в отношении Багдада. После почти семнадцатилетнего перерыва в Дамаск прибыл высокопоставленный иракский представитель – заместитель премьер-министра Т.Азиз. Однако вплоть до конца 1998 г. сирийско-иракское сближение означало для Сирии скорее попытку оказания определенного психологического нажима на позицию США в вопросах отношений с Израилем и БВУ, нежели стратегические изменения сирийской внешней политики.

По мере того, как усиливался кризис в отношениях Ирака с США, которые в январе 1998 г. начали готовиться к нанесению удара по Ираку, позиция Сирии в вопросах использования США силы против Ирака становилась все более решительной и определенной. Президент Асад даже провел переговоры с министром иностранных дел Ирака для того, чтобы продемонстрировать несогласие Сирии в отношении планируемых США ударов по Багдаду. В ходе встречи министров иностранных дел Сирии и Ирака в ООН М.Ас-Сахаф позитивно оценил позицию Сирии. Со своей стороны сирийские власти были довольны тем, что министр иностранных дел Ирака положительно оценил роль Сирии в Ливане.

В июле 1998 г. министр нефти Ирака М.Рашид заявил, что Сирия и Ирак договорились восстановить нефтепровод Киркук-Баньяс, который был закрыт с 1982 г. Было также решено строить дополнительную нитку нефтепровода. В сентябре 1998 г. в Багдаде открылся сирийский торговый центр. Сирийские и иракские официальные представители намекали на возможность скорого обмена посольствами между двумя странами и восстановления дипломатических отношений в полном объеме. Однако несмотря на важные шаги в области развития экономических связей, сирийский президент Х.Аль-Асад и его ближайшее окружение по-прежнему настороженно относились к иракскому руководству.

Взаимное недоверие сирийских и иракских лидеров ощутимо снижало шансы на сближение двух стран и установление какого-либо долговременного союза, но при этом не исключало сотрудничества в определенных рамках. Однако продолжающийся застой в мирном процессе на Ближнем Востоке, усиливающееся сближение между Турцией и Израилем и растущая обеспокоенность Дамаска в связи с позицией Турции по распределению вод Евфрата – все это представляло уже стратегическую угрозу для Сирии и служило сильным импульсом для более тесного сирийско-иракского сближения.

Начавшаяся еще при жизни сирийского президента Хафеза Аль-Асада на рубеже 1996–1997 гг. постепенная нормализация двусторонних отношений получила дальнейшее, ускоренное развитие после прихода к власти в САР его сына Башара Аль-Асада, который, судя по всему, не был отягощен грузом политических амбиций и обид прошлых лет и имеет неплохие личные контакты с молодым поколением правящей элиты Ирака. Впервые за последние 20 лет президент Сирии Б.Аль-Асад направил в июле 2001 г. президенту Ирака С.Аль-Хусейну телеграмму с поздравлениями в связи с празднованием Национального дня Ирака. Действительно, сегодня сирийско-иракское сотрудничество переживает ускоренное развитие.

В течение последних лет между двумя странами не прекращается обмен визитами на достаточно высоком уровне. Открыта сирийско-иракская граница, сняты ограничения на выдачу виз гражданам двух стран. Увеличился объем двусторонней торговли. Подписан ряд важных соглашений в области торговли, транспорта и связи. В 2000 г. Ирак открыл секцию защиты своих интересов в Дамаске. Иракские власти отдали указание всем своим партийным организациям (местным и зарубежным) прекратить критику политики сирийских властей. Багдад резко ограничил активность базирующихся в Ираке оппозиционных Сирии группировок. Аналогичные меры приняли и в Дамаске. 19 мая 2001 г. в Багдаде открылась секция защиты сирийских интересов в Ираке.

Некоторые аналитики на Ближнем Востоке полагают, что, налаживая связи с Багдадом, Б.Асад стремится продемонстрировать свою независимость в принятии политических решений, а также заявить о своих претензиях на лидерство в арабском мире. В то же время молодой сирийский лидер рассматривает Ирак наряду с Ираном в качестве «стратегической глубины» для реализации региональной политики САР и выстраивания отношений Дамаска с США и Израилем. Об этом, в частности, прямо заявил вице-президент САР Абдель Халим Хаддам на встрече с президентом Франции Ж.Шираком в начале июня 2002 г. Недаром в ряде западных и арабских СМИ появились в последнее время публикации о планах строительства «стратегической железной дороги Тегеран-Багдад-Дамаск с выходом к Средиземному морю». А прошедшие весной 2001 г. ирако-иранские контакты по урегулированию спорных вопросов между двумя странами оказались на редкость результативными и обнадеживающими. Характерно, что еще какие-то пять лет назад сирийский министр иностранных дел Ф.Аш-Шараа официально опроверг циркулировавшие в тот период в прессе слухи о намечающемся союзе между Сирией, Ираком и Ираном, охарактеризовав их как «опасную иллюзию, способную ввести в заблуждение».

В условиях укрепления турецко-израильского военного альянса на фоне отсутствия какого-либо заметного прогресса в арабо-израильском урегулировании Дамаск активизировал связи в военной

области с Ираком. Багдад, со своей стороны, заинтересован в восстановлении вооруженных сил (ВС) за счет возможных поставок из САР запчастей и военного оборудования советского производства, которыми, как известно, более чем на 80% укомплектованы сирийская и иракская армии.

По данным издающегося в Лондоне арабского еженедельника «Аль-Кудс Аль-Арабий», в конце 2000 г. командующий одной из элитных частей сирийской армии, родной брат Башара Аль-Асада Махер Аль-Асад в течение нескольких дней находился с неофициальным визитом в Багдаде, где встречался с младшим сыном Саддама Хусейна Кусаем и обсуждал вопросы двустороннего сотрудничества в области обороны и безопасности. Вслед за этим по указанию Б.Асада под руководством вице-президента САР А.Х.Хаддама была образована специальная комиссия в составе высокопоставленных военных и сотрудников спецслужб для осуществления контроля за развитием военных связей с Ираком. В ходе ответного визита высокопоставленного иракского представителя в Дамаск в январе 2001 г. обсуждались планы совместных сирийско-иракских оборонительных действий в случае нападения Израиля на одну из сторон.

Весной-летом 2002 г. анонимные представители некоторых западных и израильских спецслужб допустили «утечку информации» в прессу об использовании сирийской территории для транспортировки в Ирак обычных видов оружия, закупаемого в ряде государств Восточной Европы и СНГ по сирийским и йеменским экспортным лицензиям. Опубликованная информация, основывалась главным образом на сведениях, полученных от трех высокопоставленных иракских перебежчиков, и данных американской космической разведки. Официальный Дамаск опроверг эти сообщения. Представитель САР в ООН М.Вахбе обвинил Израиль в попытках сфабриковать эту информацию.

Между тем Вашингтон не выдвинул в этой связи официальных обвинений в адрес Сирии. Более того, в ходе встречи в сентябре 2002 г. в Нью-Йорке с министром иностранных дел САР Ф.Аш-Шарай госсекретарь США К.Пауэл позитивно оценил роль Сирии в «поддержании региональной безопасности и стабильности». По-видимому, представители американской администрации считают, что излишняя напряженность в отношениях с Дамаском может значительно осложнить осуществление американских планов в отношении режима С.Хусейна, в частности, и установления «нового международного порядка» на Ближнем Востоке в целом. Как заметил министр иностранных дел САР Ф.Аш-Шараа, «одним из самых слабых мест в борьбе США против иракского режима являются хорошие отношения между Ираком и Сирией».

В то же время в Дамаске опасаются, что в случае, если США удастся успешно реализовать свои планы в отношении Ирака, они могут потом «припомнить» Сирии ее тесные связи с багдадским режимом. Накануне сирийско-египетской встречи в верхах в конце сен-

тября 2002 г. в Каире сирийские официальные представители выражали беспокойство, что военная операция США против Ирака может быть в дальнейшем распространена на Сирию, которую США обвиняют в поддержке терроризма.

В январе 2001 г. премьер-министр САР М.Миро и вице-президент Ирака Т.Я.Рамадан подписали соглашение о таможенных тарифах, предусматривающее постепенное сокращение и снятие значительного числа ограничений на торговлю между двумя странами (соглашение о совместной зоне свободной торговли). Для Дамаска развитие торговых связей с Багдадом служит одним из важных элементов ускоренного роста национальной экономики. Сирия также стремится утвердиться на иракском рынке в ожидании снятия санкций СБ ООН с Ирака, для которого торговля с соседней Сирией способна облегчить бремя этих ограничений. Ожидается, что объем двусторонней торговли (сирийский экспорт в Ирак осуществляется в основном в виде контрактов в рамках действующих программ ООН «нефть в обмен на продовольствие»), составлявший в марте 2001 г. 500 млн. долл., может удвоиться или даже утроиться к середине 2002 г.

С апреля 2002 г. вошло в силу соглашение о свободной торговле между Сирией и Ираком. Это было первое подобное соглашение, которое Ирак заключил с какой-либо из арабских стран. К августу 2002 г. товарооборот между двумя странами составил в стоимостном выражении 4 млрд. долл. США. Об этом, в частности, заявил министр торговли Ирака М.Салих во время своего рабочего визита в Дамаск для подготовки встречи совместной сирийско-иракской комиссии на высшем уровне. Он также отметил, что начиная с 1997 г. Ирак импортировал из Сирии товаров на 4 млрд. долл. США в рамках соответствующей программы ООН.

По словам иракского министра уже в ближайшее время ожидается ввод в эксплуатацию новой нитки нефтепровода из Ирака через территорию САР. В этой связи министр экономики САР Г.Ар-Рифаи заметил, что любая военная операция против Ирака негативно отразится на экономике всего региона, в том числе и Сирии.

Важным результатом завершившей в последних числах августа свою работу сирийско-иракской совместной комиссии стало подписание договора о создании совместной сирийско-иракской холдинговой промышленной компании. По оценке министра промышленности Сирии, деятельность этой компании даст ход ряду уже одобренных проектов, в частности четырем инвестиционным проектам по созданию нефтеперерабатывающих предприятий и стекольных заводов в Ираке (Аль-Каим) и Сирии (Халеб). Были также подписаны соглашения по ремонту и эксплуатации железнодорожных магистралей, связывающих Сирию и Ирак, ряд других в области промышленности, торговли, защиты инвестиций, развития культурных связей.

Сирия реализует планы возобновления транспортировки иракской нефти через свою территорию с дальним прицелом. По некоторым

данным, страна уже в ближайшее время начнет испытывать острую нехватку собственного жидкого углеводородного сырья. Между тем доходы от нефти (около 3–3,5 млрд. долл. в год, по неофициальным данным 1998 г.) играют ключевую роль в поддержании сирийской экономики, особенно в финансировании оборонных статей бюджета и закупках военной техники и вооружений за рубежом. Из-за падения и резких колебаний мировых цен на нефть многие экономические и оборонные программы Дамаска оказываются под угрозой срыва. В этой ситуации Сирия активизирует экономические контакты с Ираком, в том числе и по вопросу прокачки иракской нефти, доходы от которой могут ориентировочно составить до 400 млн. долл. в год. В 1997–1998 гг. были подписаны контракты на прокладку еще одной нитки нефтепроводов по линии Киркук-Баньяс, возобновление старой, а также строительство нового нефтеперерабатывающего завода в Баньясе, что, по расчетам сирийских экономистов, должно существенно пополнить доходную часть бюджета. В ноябре 2000 г. Б.Асад принял решение возобновить прокачку нефти по действующему нефтепроводу Киркук-Баньяс (500 миль), через который ежедневно пропускается около 150 тыс. баррелей нефти. После завершения ремонта мощность указанного нефтепровода составит 800 тыс. баррелей в день. Для проблемной сирийской экономики это чрезвычайно важно. Сирия покупает нефть у Ирака по цене 10–15 долл. за баррель, перерабатывает ее и экспортирует продукты переработки наряду со своей нефтью по мировым ценам. Транспортировка значительного количества иракской нефти через территорию Сирии осуществляется в обход санкций СБ ООН. От поставок своей нефти в Сирию Багдад может получать около 2 млн. долл. в день.

В этом контексте понятно, почему дипломатические демарши, предпринятые представителями американского конгресса в ходе их визита в Дамаск во второй половине ноября 2001 г. с целью повлиять на позиции Сирии в отношении Ирака не увенчались успехом. Сирийский президент решительно отверг возможность причастности Багдада к событиям 11 сентября в США как бездоказательное обвинение. В ходе встречи во второй половине сентября 2002 г. в Нью-Йорке с госсекретарем США К.Пауэлом министр иностранных дел САР Ф.Аш-Шараа особо подчеркнул приверженность Сирии делу сохранения единства Ирака и его территориальной целостности, решению иракской проблемы мирным путем.

Действительно, даже во время более чем прохладных отношений с иракскими властями Дамаск выступал за сохранение территориальной целостности Ирака. Расчленение Ирака создавало опасный прецедент, вело к пересмотру существующих границ на Ближнем Востоке и активизации сепаратистских движений, способных подорвать стабильность ближневосточных государств вообще и Сирии, в частности. В случае раздела Ирака возникала бы реальная опасность того, что его северные районы могли стать местом для образования

курдского государства или же оказаться под влиянием и контролем Турции, в то время как в южной и центральной частях укрепились бы шииты под эгидой Ирана. Как сообщала турецкая газета «Daily News» в канун визита в Турцию вице-премьера Ирака Т.Азиза, Сирия, Турция и Иран в одинаковой степени обеспокоены возможностью того, что курдское население в их странах может начать добиваться автономии по типу той, которая сегодня существует на севере Ирака.

Раздел Ирака представляет для Сирии реальную угрозу еще и потому, что в этом случае Сирия может столкнуться с растущим и слабоконтролируемым (Сирией. – В.А.) иранским влиянием в Ираке, Ливане и Палестине. Вот почему стержнем сирийской политики в отношении Ирака, лишённого властных амбиций на региональное превосходство, являлось сохранение его территориальной целостности. Несмотря на то, что на сирийской территории базировались оппозиционные Багдаду курдские организации, власти страны оказывали на них постоянное давление с тем, чтобы их деятельность не привела к нарушению территориальной целостности Ирака. В июне-июле 1997 г. в интервью египетской газете «Аль-Ахрам» министр иностранных дел САР Ф.Аш-Шараа заявил о наличии у Сирии, Египта и Саудовской Аравии общих интересов в вопросе о сохранении единства иракской территории и выразил опасения в связи с возможностью турецкой интервенции в северные районы Ирака. Характерен в этой связи ряд заявлений, с которыми выступил вице-президент Сирии на пресс-конференции в посольстве САР во Франции в июне 2002 г. А.Х.Хаддам, в частности, сказал, что проблема власти в Ираке «должна решаться самим Ираком и его народом, а не Сирией или Турцией, Египтом, Ираном или любой другой арабской страной». «Когда Ирак напал на Кувейт, Сирия выступила против него, – подчеркнул сирийский вице-президент, – а когда он подвергается агрессии, мы находимся на его стороне». «Сирия будет в первых рядах тех, кто отвергает американские планы осуществления военной операции против Ирака», – заявил начальник Генштаба САР корпусной генерал Хасан Ат-Туркмани, выступая на церемонии выпуска слушателей военно-инженерной академии им. Х.Аль-Асада в Халебе. «Сирия поддержит Ирак в случае американской атаки», – заявили официальные сирийские представители во время встречи сирийского и египетского президентов в Каире 30 сентября 2002 г.

Таким образом, перспективы развития взаимоотношений между Сирией и Ираком зависят также от складывающейся внутривнутриполитической ситуации в каждой из этих стран и их политики на межрегиональной арене. Если власти в Сирии и Ираке будут ощущать свою слабость и нестабильность, с одной стороны, и претендовать на лидерство в зоне «Благодатного полумесяца», с другой, их будут разделять взаимная подозрительность и напряженность.

Развитие социально-политических процессов в Сирии в позитивном направлении и укрепление сирийской государственной вертикали помо-

жет создать благоприятный климат для стабилизации сирийско-иракских отношений. Однако это произойдет только при условии, если Ирак в случае ухода С.Аль-Хусейна сможет сохранить свою территориальную целостность и в нем не возобладают центробежные силы этноконфессионального характера с привлечением внешнего фактора в лице Ирана, Турции, Саудовской Аравии. Только тогда могут появиться основания для подъема подлинно взаимовыгодного и долговременного сотрудничества.

1. Michel Eppel. Iraqi politics and regional politics 1945–1949. Middle Eastern Studies, vol. 28, 1992.

2. Michel Eppel. Syria: Iraq's radical nemesis. Barry Rubin (eds), Iraq's road to war. New York, 1993.

3. Philip Khoury. Syria and French mandate. Princeton, 1987.

4. Patrick Seal. The struggle for Syria: A Study in Post War Arab Politics. London, 1965.

5. Uriel Dann. Iraq under Qassem. Jerusalem, 1969.

6. Itamar Rabinovich. Syria under the Ba'th 1963–1966: The Army-Party Symbiosis. Jerusalem, 1972.

7. Eberhard Keinel. Bath vs Bath: The conflict between Syria and Iraq. 1968–1989. London and New York. 1990.

8. Syria under Assad; Domestic constraints and regional risks. M. Maoz (eds). L., 1986.

9. Аль-Хаят, 20.03.97; 18.08.97; 22.11.97.

10. Gulf States Newsletter. Vol.22, No563, 16.06.97.

11. ЕЮ, Country report – Iraq, No4,1997.

12. BBS SWB, 18.08.97; 28.08.97; 04.03.98.

13. MEI, 13.06.97.

14. Аль-Бабил, 20.08.1997.

15. MEIB, Vol.4, №9, September 2002.

16. www.voanews.com.

17. www.arabicnews.com. 18.09.02.

18. www.arabicnews.com. 01.10.02.

19. Аль-Ахрам, 14.07.97.

**РАДИКАЛЬНОЕ ИСЛАМСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПАКИСТАНЕ:
ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Современная эпоха отмечена крупными подвижками в характере международнопризнанных угроз, а также числом самих ареалов кризисов и противостояний. Вплоть до последних десятилетий двадцатого века главным театром возможных боевых действий оставалась Европа, где пролегла граница между Западом и Востоком времен «холодной войны». Еще в начале 80-х годов актуальными представлялись сценарии столкновения на европейском театре военных действий вооруженных сил США и СССР и руководимых ими блоков – НАТО и ОВД. Осознание того, что вероятный обмен массированными ядерными ударами в Европе грозит привести весь мир к катастрофе, в немалой степени содействовало наступлению кардинальных перемен в мировой политике.

К началу двадцать первого века мирополитическая ось сдвинулась в направлении к востоку от Европы. Она теперь опирается в Ближний Восток, а лучи опасности веером расходятся в сторону Кавказа и Каспия, Ирана, Афганистана, Пакистана и Центральной Азии. Изменился и характер угроз. Вместо противостояния на межгосударственном и межблоковом уровнях наблюдается борьба, по существу, всех государственных структур с антигосударственным, анархическим по сути международным терроризмом.

Главные опасности видятся теперь не во вселенской катастрофе («ядерной зиме»), а в разрушительных террористических актах типа тех, что были совершены в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. Противоправные силы, связанные главным образом с арабским миром, превратились в основного противника объединившегося перед лицом новой угрозы мирового сообщества. Последнее консолидирует не только фактор безопасности граждан и гражданских объектов, но и обеспокоенность за целостность существующих государств и международно признанных границ. Анархические элементы, выступающие под флагом радикального исламизма (политического ислама), угрожая двум разноплановым ценностям, внутри- и межгосударственному порядку, с одной стороны, личной и общественной безопасности, с другой, объективно содействовали повышению степени интегрированности мира. С исламистами оказались прочно связаны реальные угрозы политической стабильности в РФ и безопасности ее граждан. Исламский экстремизм опасен для России как непосредственно, из-за

давления прежде всего на Кавказе (Чечня, Дагестан), так и косвенно, ввиду взятых на себя обязательств перед центральноазиатскими партнерами по ДКБ и наличия тесных историко-культурных и гуманитарных связей с Казахстаном и Средней Азией.

Одним из очагов исламского радикализма на протяжении длительного времени был Пакистан. Несмотря на географическую удаленность от европейской части России и отсутствие общей границы со странами СНГ, эта страна в новых условиях не только оказалась в центре мировой политики, но и благодаря комплексу органических взаимосвязей с Афганистаном и странами Ближнего Востока играет по отношению к России геополитически важную (и, вероятно, еще адекватно не оцененную) роль.

Зарождение и эволюция пакистанского исламорадикализма

Корни современного политического ислама, понимая под ним радикальные течения, основанные на исламе как всеобъемлющей, спасительной для человечества вере-идеологии, хронологически уходят в период между двумя мировыми войнами двадцатого века. В арабском мире они представлены прежде всего движением «Братьев-мусульман» (*Ихван уль-муашмун*), а в Индии – исламизмом Абул Ала Маудуди, начавшим свою литературно-просветительскую деятельность в 20-х годах. В 1941 г. он основал организацию «*Джамаат-е ислами*» (ДИ, Исламское общество), преобразовывающуюся в дальнейшем в ряд политических партий (Индии, Бангладеш, Кашмира), центральной для которых является пакистанская ДИ.

В 60–70-х годах наблюдается усиление радикального ислама в мусульманском мире, в том числе в Пакистане. В 1974 г. ДИ праздновало свою первую победу. Под ее давлением власти страны объявили немусульманской влиятельную, либерально-модернистскую секту ахмадия. В 1977 г. ДИ, объединившись с двумя другими ведущими религиозно-политическими партиями – «*Джамиат-е улама-е ислами*» (ДУИ Сообщество исламских богословов) и «*Джамиат-е улама-е Пакистан*» (ДУП, Сообщество пакистанских богословов), выступает в качестве инициатора массовых политических акций, которые в конце концов привели к военному перевороту и установлению диктаторского режима генерала Мухаммеда Зия-уль-Хака.

11-летний период правления военных во главе с исламистски настроенным генералом заложил основы пакистанского радикал-исламизма, не подорванные окончательно до сих пор. Главной чертой политического ислама в Пакистане с этого времени служит соединение двух тенденций – идущей «снизу» от глубоко религиозного населения, ищущего ответы на вызовы современности, и направляемой «сверху» правящим классом, заинтересованным в исламе как символе общенационального единства.

В политическом исламе, строго говоря, надо различать две стороны – умеренно-фундаменталистскую, националистическую и радикально-фундаменталистскую, транснациональную и экстремистскую. Однако грань между ними часто бывает неуловимой, стертой. Умеренный исламизм нередко подпитывает радикальный, они существуют и вместе, и порознь. Отсюда разные трактовки этих явлений в литературе. В середине 90-х годов среди отечественных специалистов господствовал взгляд о недопустимости смешивать понятия фундаментализм и экстремизм, позднее стала преобладать точка зрения об органической связи между ними с указанием на эндемичный (внутренне присущий) политическому исламу радикализм¹.

Для пакистанского варианта в высшей степени характерна отмеченная амбивалентность (двойственность). Умеренный политический ислам представлен тремя выше упомянутыми партиями парламентского типа. ДУИ образовалась в 1945 г. после раскола материнской организации «*Джамиат-е улама-е Хинд*» (Сообщество индийских богословов), созданной улемами школы Деобанди (пуританская ветвь суннитского ханафитского ислама, названная по городу в Северной Индии, где в 1860 г. возникла первая духовная семинария этого направления). ДУП возникла в 1948 г. и объединяет улемов-суннитов школы Барелви (традиционалистская ветвь ханафитов, признающая народные культы и суфийские обычаи; названа по имени улема-основателя семинарии в городе Барейли на севере Индии).

Радикальная ипостась политического ислама в Пакистане возникла в 80-е годы под влиянием двух факторов. Первый из них – размежевание между военными властями, приступившими с рубежа 70–80-х годов к осуществлению исламизации страны «сверху», и политиками-улемами, не допущенными к реальной власти. Появление оппозиции среди идеологически близких режиму слоев заставило правящие круги искать способ нейтрализовать их антиправительственный потенциал. Этому помог второй фактор: развернувшийся активно с начала 80-х годов «*джихад*» (священная война против неверных) в соседнем Афганистане. Перешедшие в оппозицию к военному режиму ДУП и ДУИ и отдалившееся от него ДИ направили главную энергию на борьбу не с исламабадским, а с кабульским режимом. Умеренные, фасадно-легальные исламистские организации занимались при этом сбором и распределением средств на джихад, поддерживая и расширяя сеть религиозных школ (*дин-и мадарис*) и академий (*дар-ул-улум*). Экстремистские организации возникли как ответвления, филиалы основных. Сначала от ДИ отпочковалась группировка «*Аль-Бадр*» (названа в честь первой военной победы пророка), за ней последовали боевые группы из кругов, близких к улемам-деобанди.

Однако пакистанские исламисты в 80-х годах сами не принимали широкого участия в афганском джихаде. Пакистанская межвойсковая

разведка (ISI, Inter Service Intelligence) опиралась на силы муджахедов, которые базировались в Пешаваре и имели базы подготовки вдоль всей пакистано-афганской границы. Межвойсковая разведка превратилась при Зия-уль-Хаке в крупного игрока и на поле внутриполитической борьбы и, вероятно, способствовала тому, что радикально настроенные исламисты занялись сведением счетов друг с другом.

Этому непосредственно содействовала политика властей в области исламизации, вызвавшая протесты и негодование со стороны крупной шиитской общины. В 1980 г. шииты создают свою партию «*Техрик-е нифаз-е фикх-е джафарийя*» (ТНФД, Движение за установление джафаритского фикха, т.е. шиитских норм религиозного права), а затем и радикальные студенческие и боевые организации, среди которых наибольшую известность приобретает «*Сипах-е Мухаммад*» (Воины Мухаммада). В середине десятилетия по внутренним районам страны прокатывается волна кровавых стычек и разборок между суннитами-деобанди и шиитами, а также между деобанди и барелви. Яблоком раздора во втором случае, как правило, служил вопрос о принадлежности мечетей и школ, а в первом – антишиитский настрой пуритан-суннитов. При попустительстве властей межсектантские столкновения приобрели характерные черты вендетты. Среди радикальных организаций деобандийского направления известность приобрели «*Сипах-е сахаба Пакистан*» (ССП. Пакистанские воины-сподвижники пророка), и «*Лашкар-е Джангви*» (Ополчение имени Джангви, лидера эстремистов). Радикальный спектр дополняла барелвийская «*Сунни техрик*», но организации пуритан-деобанди придерживались в целом более наступательной тактики.

Хотя в ходе борьбы с режимом в Кабуле пакистанские экстремисты не принимали активного участия, их было достаточно много в лагерях по подготовке муджахедов. Там к тому же получали военные навыки, а затем набирались опыта войны на афганской территории несколько тысяч выходцев из Кашмира. После вывода советских войск в феврале 1989 г. пакистанские военные помогли боевикам-кашмирцам перебраться из Афганистана на территорию индийского штата Джамму и Кашмир. В конце 1989 г. там началось восстание, подавленное индийскими властями. Загнанное внутрь, оно постепенно приобрело характер подрывных и террористических действий кашмирских сепаратистов и радикальных исламистов (в основном пакистанского происхождения). Тыловым обеспечением для затяжной диверсионной борьбы служили многочисленные базы в Пакистане и контролируемой им части бывшего княжества Джамму и Кашмир. Пакистанский радикал-исламизм получил благодаря Кашмирской проблеме второе дыхание.

Между тем легальный исламизм основного потока вступал в различного рода коалиции в условиях наступившего после гибели Зия-уль-Хака в авиакатастрофе в августе 1988 г. этапа усеченной (из-за контро-

лирующей роли военных) парламентской демократии. Не добившись каких-либо успехов на выборах 1988, 1990 и 1993 годов, он сосредоточился на внепарламентской борьбе внутри страны и поддержке исламистов на двух внешних фронтах – афганском и кашмирском. Характерно, что ведущая идеологическая сила исламистов – партия «*Джамаат-е ислами*» бойкотировала выборы 1997 г., а участвовавшие в них происламские партии не набрали в общей сложности и 5% голосов.

Следует, впрочем, отметить, что на идеи и лозунги умеренных исламистов во многом опиралась партия Пакистанская мусульманская лига (ПМЛ), уверенно победившая на выборах 1997 г. Ее лидер, Миан Наваз Шариф, в течение года, прошедшего со времени выборов, сумел сосредоточить в своих руках всю полноту властных полномочий, ограничив самостоятельность и прерогативы не только судебной власти (Верховного суда), но и военных². Проведенная им через национальное собрание 14-я поправка к конституции 1973 г. возвращала политической системе парламентский характер путем отмены прав президента распускать парламент и ограничения других его полномочий (в частности, назначения на высшие военные должности).

Существенно, что сосредоточение в своих руках государственных полномочий Наваз Шариф проводил под лозунгом усиления исламского характера режима. Принятая в 1998 г. нижней палатой Национального собрания (парламентом) 15-я поправка к конституции предусматривала введение шариата (религиозного закона) в качестве высшего законодательного принципа. Хотя из-за отсутствия решения сената (высшей палаты) по этому поводу поправка не была введена в действие, умеренно исламистский облик системы власти оказался при Шарифе достаточно выраженным. Символичным, в частности, было назначение на пост президента известного традиционалиста Рафик Тарара.

Интересно, что умеренный исламизм как идеология правящей партии не мешал, а может быть, и способствовал поиску путей сосуществования между Пакистаном и Индией, правительство которой после победы на выборах 1998 г. возглавили лидеры индуско-националистической, родственной по существу ПМЛ, также умеренно традиционалистской «*Бхарати джаната парти*». Приезд в Лахор в феврале 1999 г. премьер-министра Индии Атал Бихари Ваджпая сигнализировал о намерении сторон улучшить отношения, обострившиеся после проведения ими в мае 1998 г. подземных ядерных испытаний.

Между тем внутренняя обстановка в Пакистане в период правления правительства Мусульманской лиги развивалась неблагоприятно. Экономический спад сопровождался ослаблением государственной власти из-за охвативших различные ее ветви кризисных явлений – коррупции, nepотизма и т.п. Главная опора порядка – армия – затаилась в ожидании своего часа. В условиях, когда правительство активно прибегало к исламским лозунгам, радикальные партии и организации старались использовать их в своих целях. Последние определялись состоянием дел

на трех взаимосвязанных фронтах – внутреннем, где борьба (зачастую кровавая и жестокая) шла за влияние на верующих (мечети) и обучающихся вере (медресе) и за средства на поддержку сети мечетей и религиозных школ, и внешних – афганском и кашмирском. И на том, и на другом направлении пакистанские исламорадикалы в 90-х годах действовали более непосредственно и энергично, чем в предыдущее десятилетие.

В Афганистане они активно помогали движению «Талибан». При чем в авангарде этой поддержки находилась партия ДУИ, расколовшаяся на две фракции во главе с Фазлур Рахманом и Сами-уль-Хаком. Раскол, впрочем, не мешал их сотрудничеству во имя общих целей. Если в Афганистане пакистанские радикалы действовали главным образом как религиозно-политические (и военные) наставники и покровители, то в Кашмире они участвовали сами в организации и совершении многочисленных актов террора и саботажа.

Недовольство военных действиями Наваз Шарифа было одной из причин проявленной ими самостоятельности в вопросе о поддержке группы кашмирских сепаратистов, пытавшихся закрепиться на плацдарме по индийскую сторону от линии контроля в Кашмире (в секторе Каргил). В мае 1999 г. Индия объявила об этой провокации, и разразился вооруженный конфликт между двумя странами с участием регулярных частей и авиации. Конфликт, который многие авторы считают четвертой индийско-пакистанской войной (на том, в частности, основании, что число погибших с обеих сторон превысило 1 тыс. человек), сопровождался острым кризисом власти в Пакистане и позволил исламорадикалам выводить на улицы своих сторонников численностью в несколько сот тысяч, а то и миллионов человек.

Военный переворот 12 октября 1999 г. круто снизил накал массовых политических выступлений. Военные власти во главе с начальником штаба (главнокомандующим) сухопутных войск генералом Первезом Мушаррафом ввели запрет на политические акции, проводимые под открытым небом, а затем постарались поставить под свой контроль радикальные, в том числе исламистские, партии и организации.

Современный этап в развитии радикал-исламистского движения

Можно считать, что этот этап начался после событий 11 сентября 2001 г. Генерал Мушарраф, возложивший на себя незадолго до этого обязанности президента, незамедлительно объявил о поддержке развернутой США борьбы с международным терроризмом и принял от имени Пакистана решение о помощи американцам в войне против режима талибов в Афганистане. Поворот от признания талибского правительства в Кабуле к враждебности по отношению к нему представляется внезапным и неподготовленным. Однако трещина во взаимосвязях Исламабада и Кабула появилась, по существу, сразу же после утверждения у власти в Пакистане группировки во главе с Мушаррафом, так

как он еще в конце 1999 г. публично заявлял о своей приверженности идеям модернизации исламского общества по образцу реформ Кемалю Ататюрка. Долгое время, однако, разногласия едва давали о себе знать, не оставаясь тем не менее, секретом для пакистанского политического класса. Летом 2001 г. Исламабад безуспешно пытался потребовать от талибов выдачи скрывшихся у них лидеров боевых исламистских групп, обвиняемых в совершении убийств и организации кровавых террористических актов. А в августе того же года правительство поставило вне закона две наиболее одиозные организации, замешанные в межсектантских столкновениях («Лашкар-и-Джангви» и «Сипах-и-Мухаммад»), а также присоединилось к международным санкциям в отношении группы «Харкат-уль-муджахедин» (Движение муджахедов), известной своими подрывными действиями в Кашмире.

Провозгласив линию на сотрудничество с США, лидеры Пакистана проявили последовательность. Они предоставили базы для размещения американских самолетов и переброски войск в Афганистан. Власти постарались также пресечь попытки своих подданных помочь талибам. Созданный исламистами из Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) и полосы независимых племен 10-тысячный добровольческий корпус остался в Афганистане без денег и провианта и был разгромлен Северным альянсом. При этом организатора корпуса и инициатора его отправки на помощь режиму «Талибан» пуштуна Суфи Мухаммада, руководителя организации «Техрик-е нифаз-е ша-риат-е мухаммади» (Движение за установление законов пророка) в оперативном порядке осудили на три года тюрьмы.

Запрету подверглась не только эта проталибская сила, но и еще полдюжина организаций воинствующих исламистов, в том числе такие одиозные, как «Сипах-и сахаба Пакистан», «Лашкар-и тоуба» (Ополчение чистых), «Джаиш-и Мухаммад» (Армия пророка). Мало того, в начале 2002 года после выступления П.Мушаррафа с осуждением религиозного экстремизма и терроризма полиция закрыла сотни штаб-квартир исламистских организаций по всей стране и задержала более двух тысяч их активистов и функционеров. Под следствием или домашним арестом оказались многие признанные лидеры политического ислама, в том числе Казн Хусейн Ахмад, председатель ведущей фундаменталистской партии «Джамаат-е ислами», упоминавшиеся выше Фазлур Рахман и Сами уль-Хак и некоторые другие деятели.

Действия властей, казалось, должны были нанести радикальному исламскому движению сокрушительный удар. Но спустя непродолжительное время арестованные исламисты были по большей части выпущены на свободу. Лидеры исламистов начали с новой силой участвовать в политической борьбе, рассчитывая добиться успеха на выборах в местные органы власти и в парламент.

Есть несколько причин, по которым военные власти достаточно мягко обошлись с идейными сторонниками талибов. Следует назвать,

во-первых, «родство душ» части военных чинов и исламистов. Ибо генералитет все еще составляют люди, начинавшие офицерскую карьеру в разгар исламизации, проводившейся в конце 70-х – начале 80-х годов администрацией генерала Зия-уль-Хака. Во-вторых, надо указать на роль исламистов в проведении кашмирской политики Исламабада. Так как его линия на моральную и дипломатическую поддержку «борцов за свободу Кашмира» осталась и после осени 2001 г. по-существу неизменной, то сохранилась заинтересованность в силах, ведущих эту борьбу под знаменем принадлежности Кашмира и его населения миру ислама. И наконец, в-третьих, сказалось, видимо, желание властей соблюсти законность в условиях провозглашенного ими курса на возврат к демократическому устройству. Исламистов вроде бы не за что было привлекать к судебной ответственности, а держать в заключении, не предъявляя обвинений, не полагается.

Выпущены были далеко не все арестованные. Заподозренные в совершении уголовно наказуемых дел остались за решеткой. Некоторые освобожденные вновь попали в тюрьму после серии громких терактов, совершенных в Пакистане в 2002 году. Это прежде всего похищение и убийство американского журналиста Дэниэла Перла, взрыв в христианском храме в Исламабаде, покушение на французских военных специалистов в Карачи, прогремевший там же у американского консульства взрыв, унесший жизни многих прохожих. Аресты среди экстремистов проводились также в ходе кампании по выявлению и поимке скрывающихся в Пакистане руководителей «Талибана» и «Аль-Каиды».

Хотя сил у исламистов за год, прошедший с терактов 11 сентября, поубавилось, политический ислам в Пакистане продолжает сохранять немалый потенциал. Причем речь идет и о подпольной, невидимой его части, так как преследования не нанесли ему непоправимого ущерба, и о легальной составляющей. В преддверии выборов 10 октября 2002 г. в нижнюю палату национального собрания (*маджлис-е шура*) и провинциальные законодательные органы шесть законно действующих исламских партий создали объединение «*Муттахида маджлис-и амал*» (МММ, Объединенный форум действий). Характерно, что среди участников коалиции наряду с суннитскими есть и шиитская партия «Миллят-е джафрия» (Объединение за джафаритский, т.е. шиитский порядок). Возглавил коалицию лидер считающейся умеренной партии улемов-барелви «*Джамиат-е улема-е Пакистан*» Шах Ахмад Нурани. Членом коалиции стала и «*Джамиат-е ахл-е хадис*» (Сообщество людей предания) – организация, относимая к числу наиболее пуританских, ваххабитских.

Объединение почти всех сил и ряд других обстоятельств позволили исламистам добиться на выборах 10 октября 2002 г. беспрецедентного успеха. МММ стала третьей по представительству фракцией в центральном парламенте, получив почти 20% мест. Еще больше

оказались их достижения на выборах в законодательные собрания двух «малых» провинций – Северо-Западной пограничной (СЗПП) и Белуджистана. В первой из них, населенной преимущественно пуштунами, МММ получила абсолютное превосходство и право на формирование правительства, в Белуджистане исламистам удалось завоевать больше всего мест (около 30%) главным образом также в пуштунских округах, граничащих с Афганистаном. Среди партий, входящих в коалицию, наибольшего успеха добилась «*Джамиат-е улема-е ислам*» во главе с Фазлур Рахманом. «*Джамаат-е ислами*» заняла второе место по электоральным успехам. Результаты голосования в пуштунских ареалах явились неприятной неожиданностью для президента Мушаррафа, проводящего курс на поддержку политики США и мирового сообщества по искоренению терроризма. Они свидетельствуют о непопулярности этой политики среди пуштунов, сохранении афганскими талибами благоприятной репутации у них и могут усложнить дальнейшую борьбу с экстремистами из «*Талибана*» и «*Аль-Каиды*».

Заключение

Оценивая перспективы исламского радикального движения в Пакистане, надо иметь в виду, что оно имеет две стороны: одна из них – мирная, легальная, парламентская, другая же – воинствующая, подпольная, террористическая. Такой «двуликий Янус» может быть в принципе опасен для государственных устоев и сам по себе, в случае умелого сочетания единомышленниками-исламистами разнообразных форм и методов борьбы, но особенно в единении с исламистами в военной форме.

Вместе с тем опасности, связанные с политическим исламом, бывают нередко сильно преувеличены. Определенная часть его представителей вовсе не ставит перед собой в качестве практических явно утопические цели построения исламского государства или возврата к общинным порядкам, аналогичным времени изначального ислама³. Подобные ориентиры служат для этого сегмента исламистов идеалами справедливости и используются ими в качестве средства завоевания на свою сторону широких масс. Сами демократические процедуры (выборы и межпартийная борьба), активно поддерживаемые и насаждаемые извне мировым сообществом, способствуют распространению исламизма как наиболее успешной популистской идеологии.

Тонкая, едва различимая грань отделяет эту группу исламистов от подлинных радикалов, ставящих перед собой деструктивную цель борьбы с существующими государственными устоями и общественным порядком. Угрозы, связанные с их деятельностью, разумеется, могут вызывать беспокойство при анализе перспектив развития Пакистана. Но реальными они, думается, способны стать лишь в обстановке глубокой и длительной нестабильности в стране, осложненной неблагоприятным положением в регионе, прежде всего в Афганистане и Индии.

¹ См, напр.: Севастьянов И. Исламский фундаментализм и исламский экстремизм – это совсем не одно и то же // *Международная жизнь*, 1996, № 5, с. 31–40; Игнатенко А. Эндогенный радикализм в исламе // *Центральная Азия и Кавказ*, 2000, № 2, с. 112–114; Добаев И. К вопросу о типологии радикального исламского движения // *Центральная Азия и Кавказ*, 2002, № 3, с. 109–118.

² Подробнее см: Белокреницкий В., Москаленко В. Пакистан: обострение политической борьбы // *Год планеты*. 1998 год. – М, 1998, с. 570–574.

³ Яркое представление о радикально-утопическом проекте возврата к истокам исламской общины дает книга Х.-А.Нухаева. «Ведено или Вашингтон?», М., 2001.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ И ГРУППАХ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

Окончательное установление исламского режима в Иране относится к 1981 г., когда все рычаги государственной власти оказались в руках имама Хомейни и его последовательных сторонников, преимущественно из числа шиитского духовенства. До этого им приходилось действовать в условиях относительного политического плюрализма, установившегося после крушения монархии; сохранения реликтов шахской администрации и соглашаться с тем, что многие должности занимали «внесистемные элементы», преимущественно представители светского либерально-исламского направления в антишахском движении, заключать тактические союзы со светскими левыми организациями, такими как просоветская партия *Туде* (Народная партия Ирана). Тем показательнее, что Закон ИРИ о партиях появился именно в 1981 г., т.е. тогда, когда свобода деятельности для «неисламских» (нехомейнистских) групп стала де-факто неактуальной, т.е. они попросту уже были загнаны в подполье. Тем не менее партийно-групповая политика в Иране не умерла, а в 90-е годы даже начала приобретать весьма активные формы. Известно, что иранский политический «плюрализм» сложился на базе различных фракций одного лагеря Исламской революции – последователей имама Хомейни, исламских революционеров, трактующих ислам как свою идеологию, преимущественно из числа духовенства, городских средних слоев и интеллигенции. Некогда они единым фронтом выступили против шаха, «либералов», левых, но позже дали о себе знать внутренние противоречия. Специфика иранской политической модели, «исламской революционной демократии» проявляется в том, что иранское законодательство о партиях и группах предоставляет возможность для выражения мнений именно последователям имама Хомейни.

Основой законодательства о партиях и группах является Конституция ИРИ. Принятая на референдуме в декабре 1979 г. и измененная в 1989 г. Конституция признает основные демократические свободы, в том числе свободу объединения и участия в политических партиях. Статья 26 Конституции гласит:

«Партии, политические и профессиональные общества и организации, исламские общества и признанные религиозные меньшинства свободны, но при условии, что они не будут нарушать принципов неза-

висимости, свободы, национального единства, исламских норм и основы Исламской Республики. Никому нельзя запретить в них участвовать и никого нельзя принудить к членству в какой-либо организации»¹.

Конституция также гарантирует свободу собраний и демонстраций без оружия и «нарушений основ ислама» (ст. 27)², запрещена «проверка взглядов» человека³.

Собственно деятельность политических партий и групп регулирует специальный закон, принятый Меджлисом 29 августа 1981 г. и так называемые «Нормативные предписания» к нему, принятые на заседании Совета Министров 20 апреля 1982 г.⁴ И закон, и нормативные предписания действуют и в настоящее время.

Закон касается как политических партий, групп, организаций, так и профессиональных и иных общественных ассоциаций, организаций и т.п., а также религиозных ассоциаций (исламских и религиозных меньшинств) – все они собирательно именуются в законе «группы»⁵. Причем под политическими подразумеваются «организации, которые имеют Устав и которые основаны физическими лицами, разделяющими сущность определенной политики и идеалы, и чьи цели, действия и программы как-либо касаются дел управления страной и в целом политики Исламской Республики Иран»⁶.

Закон рассматривает общие вопросы функционирования партий и групп. Характерно, что ни в законе, ни в нормативных предписаниях ничего не говорится о выборах и участии в них партий, что достаточно странно с точки зрения европейской политической культуры. Нет упоминания о партиях, группах, избирательных блоках и в законе о выборах в Меджлис⁷.

Но для иранской политической культуры с характерной для нее групповой идентичностью закон о партиях выполняет важную функцию – он конституирует объединение по интересам, в том числе и политическим. Тот факт, что в законе нечетко прописано различие между политическими и иными группами, по нашему мнению, объясняется тем, что для иранской политической культуры важен сам факт групповой идентичности, вне зависимости от ее форм. Отсутствие в названных законах указаний на участие партий в выборах говорит о том, что, с одной стороны, еще нет (не было на момент принятия) представлений о выборах как главной форме политической борьбы, и, с другой, о партиях и группах как основных субъектах электорального процесса.

Закон о партиях формализует деятельность групп, их права и ограничения таковых. В создании партий и групп и в их руководящих органах запрещено участвовать бывшим служащим САВАК*, франкмасонам и тем, кто в период с 19 августа 1952 г. по 11 февраля 1979 г. занимал министерские должности или был депутатом Сената или Собрания Национального Совета, видным деятелям шахского режима и

---

* Контрразведка шахского режима.

партии «Растахиз», а также тем, кто «был или является пораженным в социальных правах в силу решения суда и исламских критериев»⁸. В законе неоднократно подчеркивается необходимость для групп и их членов соблюдать Конституцию и «исламские» нормы⁹.

В статье 16 перечислены деяния, которые не должны совершать группы в своей деятельности:

А – совершение деяний, могущих нанести вред независимости государства;

В – все виды контактов, обмена информацией, тайные соглашения с посольствами, миссиями, правительственными органами и партиями иностранных государств, на любом уровне и в любой форме, которая может угрожать или наносить вред свободе, независимости, национальному единству и интересам Исламской Республики Иран;

С – получение в любой форме финансовой и материальной помощи из-за рубежа;

Д – нарушение законных свобод других;

Е – использование [ложных] обвинений, клеветы и распространение слухов;

Ф – нанесение вреда национальному единству и вовлечение в такие мероприятия, как вынашивание планов по дезинтеграции страны;

Г – попытки расколоть нацию на основе культурных, религиозных и расовых различий, существующих в иранском обществе;

Н – нарушения исламских норм и основ Исламской Республики;

І – антиисламская пропаганда и издание подстрекательской литературы;

Ј – незаконное хранение, сокрытие и ношение оружия и [военной] амуниции¹⁰.

Формально демократическое содержание законодательства о партиях декларирует их свободу в «исламских» рамках, т.е. с определенными ограничениями, свободу только для «своих», пусть и разных. В известной степени это напоминает положения первых советских Конституций 1918 и 1924 гг., в которых гражданские права гарантировались лишь представителям «трудящихся классов».

Для надзора за деятельностью групп, для выдачи и отзыва лицензий и выполнения других предписаний закона в отношении групп создается при Министерстве внутренних дел специальная комиссия – *Комиссия Статьи 10*, в составе: представителей Генерального прокурора, Высшего судебного Совета, МВД, двух представителей, избранных Меджлисом¹¹. Деятельность групп по закону и нормативным предписаниям регулируется, помимо названной Комиссии, еще и самим МВД, которое в Иране является основным институтом проведения внутривнутриполитической линии режима, губернаторами на местах и другими органами власти. Опека с их стороны выглядит чрезмерной и даже мелочной: так, чтобы провести шествие, группа должна представить органам МВД следующую информацию с документальным подтверждением (!):

- A. Предмет шествия или собрания и цель его организации.
- B. Дата проведения и время начала и конца мероприятия.
- C. Маршрут движения, начальная и конечная точки.
- D. Место произнесения речей и оглашения резолюций.
- E. Биографические данные на ответственных за административно-дисциплинарные функции во время мероприятия вместе с пояснительным письмом от группы.
- F. Выступающие, темы их выступлений.
- G. Лозунги шествий.
- H. Копия подготовленной резолюции.
- I. Копия плана распорядка шествия¹².

Регламентировалось также содержание программы, устава группы, требования к учредителям и руководству организаций.

Деятельность партий и политических организаций регулируется в законодательствах многих стран, но иранское законодательство отражает всю специфику как традиционной политической культуры этой страны, так и особенности политической системы, сформировавшейся после Исламской революции 1979 г.

Впрочем, реального воплощения норм закона о партиях в начале 80-х годов в жизнь не произошло по целому ряду внутривнутриполитических причин, а также в связи с продолжавшейся в 1980–1988 гг. ирано-иракской войной. К моменту принятия закона из всего многообразия политических сил на арене остались в основном прорезжимные исламские группы во главе с Партией Исламской Республики. В 1983 г. были разгромлены до того терпевшиеся властями светские левые партии *Туде* и *Федаян-е Халк (большинство)*, после чего кроме исламско-революционных хомейнистских группировок продолжил существование лишь умеренно оппозиционное либерально-исламское Движение за свободу Ирана (*ДСИ, Нехзат-е Азади*). Практически все оппозиционные группы прекратили легальную деятельность, да и лояльные режиму тоже особой активностью не отличались, даже Партия Исламской Республики из-за внутренних разногласий и «за ненадобностью» была распущена в 1986 г. В основном в 80-х годах политическая жизнь в Иране протекала в неформализованных рамках, в виде борьбы персоналий и группировок за власть.

По сути, закон о партиях начал действовать только в 1988 г., когда в соответствии с ним получил формальное признание властей ряд политических и общественных организаций, в частности, Исламская Лига Борющихся Улемов (Духовенства) Тегерана (*Маджма-е Руханиюн-е Мобарез-е Техран*, МРМ), отколовшаяся от ранее единой главной организации революционного духовенства – *Джаме-е Руханият-е Мобарез* (Общество Борющегося Духовенства, ДжРМ). К середине 2000 г. «Комиссия статьи 10» выдала разрешения более чем 110 группам. Среди них преобладают профессиональные и другие неполитические ассоциации, но есть и организации, вполне отвечаю-

щие современным представлениям о политических партиях¹³. По крайней мере, многие иранские партии и группы выглядят гораздо естественнее некоторых своих российских аналогов. Можно говорить о постепенном складывании политической системы с учетом роли партий и групп. Практически весь политический спектр Исламской Республики, ранее существовавший в виде неформальных фракций и групп левого/правого и консервативного/реформистского толка, оформляется в виде организованных политических партий.

Партии и группы со второй половины 90-х годов стали важными участниками политической жизни Ирана, растет их роль в электоральном процессе как на формальной, так и на неформальной основе (президентские выборы 1997 и 2001 гг., парламентские 2000 г., выборы в местные советы в 1999 г. и др.). Администрация президента М.Хатами, который неоднократно заявлял о стремлении к построению «исламского гражданского общества», уделяет большое внимание в своей внутренней политике повышению роли политических партий и гражданских неправительственных организаций.

Как заявил в интервью газете «Иран» заместитель министра внутренних дел по политическим вопросам и секретарь «Комиссии статьи 10» Мохаммад-Джавад Хак-Шенас, правительство проводит целенаправленную политику по созданию нормальных условий для деятельности партий и неправительственных организаций, по устранению препятствий для их работы. В качестве оптимальной для Ирана модели он называет партийные системы, существующие на Индийском субконтиненте, и в частности, в Индии¹⁴. Надо полагать, что и в целом иранское руководство ориентируется на такую модель политического развития. Государственная политика в этой сфере выражается, помимо прочего, еще и в стремлении сформировать адекватную правовую и нормативную базу для деятельности партий и групп, для чего предполагается пересмотр действующего и разработка нового законодательства в этой сфере. Для работы в этом направлении в 2001 г. был сформирован специальный *Комитет по пересмотру и формированию законодательства о партиях*, первое заседание которого состоялось в конце августа 2001 г. В нем приняли участие специалисты МВД, два депутата Меджлиса, два представителя Центрального совета Палаты политических партий, два вице-губернатора провинций, представитель «Комиссии статьи 10»¹⁵.

Хотя реалии современной политической жизни Ирана достаточно сложны и перспективы малопредсказуемы, в известном смысле в настоящее время можно говорить о складывании в этой стране своеобразной модели «исламского политического плюрализма».

¹ Конституция ИРИ (неофициальный перевод) // Весна свободы. – М.: Пресс-отдел посольства ИРИ, 1994, с. 26.

² Там же, с. 27.

³ Там же, с. 23.

⁴ *Parties Law And Its Relevant Executive Regulations* // www.Netiran.com/laws.html (2000 г.).

⁵ *Ibid.* *Parties Law*, art. 1–5.

⁶ *Ibid.*, art. 1.

⁷ СМ.: *The Elections Act of Islamic Consultative Assembly* approved on November 28, 1999 // www.IranMania.com/elections/rules (2000).

⁸ *Parties Law*, art. 7.

⁹ *Ibid.*, art. 6, 7, 14, 16; *Executive Regulations*, art. 2, 31.

¹⁰ *Ibid.*, art. 16

¹¹ *Ibid.*, art. 10.

¹² *Ibid.*, *Executive Regulations*, art. 32.

¹³ *List of Legally Registered Parties in Iran* // Khorassan; *Social & Political (Daily)*, Jul. 30, 2000, № 14759, Page: 4 (www.Netiran.com/clippings.html [politics-domestic], 2000 г.).

¹⁴ *Iranian Political Parties; Caught Between Power and Freedom* // *Iran (Morning Daily)* Sept. 16.01, № 1909, By: Javad Deliri, Page: 7 (www.Netiran.com/clippings.html [politics-domestic], 2001 г.).

¹⁵ *Ibid.*

СОТРУДНИЧЕСТВО ИРАНА С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С НАРКОТИКАМИ

В условиях формирования новой системы международных отношений, в рамках которой особую актуальность приобретают глобальные вызовы современности, проблема распространения наркотиков, роста их производства, контрабанды и потребления по-прежнему является головной болью многих стран. В частности, она глубоко затрагивает социальные, экономические и политические интересы Ирана, представляет угрозу его национальной безопасности.

Иран, являясь одним из ключевых маршрутов транспортировки наркотических веществ из Азии в Европу, испытывает серьезную озабоченность в связи с проблемой наркомании и незаконного оборота наркотиков, приобретающей с каждым годом все более критический характер. Согласно статистическим данным, в настоящее время на Иран приходится 80% перехватываемого в мире опиума и более 90% конфискуемого героина¹.

Иран проводит многоплановую и целенаправленную политику, заключающуюся в принятии эффективных мер по снижению роста числа наркоманов в стране, улучшению социально-экономических условий жизни иранского общества, обеспечению безопасности своих границ, в первую очередь с Афганистаном, с целью предотвращения наркототоков. Важная роль отводится проведению иранскими властями разъяснительно-пропагандистской работы в различных социальных звеньях и общественных институтах (семья, учебное заведение, партия и организация).

Стремление Ирана активизировать на государственном уровне борьбу с наркоманией и наркотрафиком является естественным и логичным шагом, однако эффективность решения этой проблемы общенационального масштаба, как представляется, напрямую зависит от степени вовлечения в этот процесс международных организаций в качестве доноров, способных оказать соответствующее технологическое и финансовое обеспечение проектов, направленных на сведение до минимального уровня наркотической угрозы стране.

В апреле 2000 г. Иран присоединился к Конвенции ООН по психотропным веществам 1971 г., устанавливающей механизм международного контроля за потреблением, производством и продажей психотропных веществ².

Очевидно, что международные организации со своей стороны также крайне заинтересованы в поддержке иранского правительства в его борьбе с наркоугрозой. Тем не менее степень практического участия ооновских структур в антинаркотической политике Ирана невелика. Кроме помощи Международной программы ООН по контролю за наркотическими средствами Иран никаких вложений не получает, несмотря на неоценимый вклад, вносимый иранскими госструктурами, прежде всего основанным в 1988 г. Штабом по контролю за наркотиками, председателем которого является президент ИРИ.

В настоящее время Иран значительно активизирует взаимодействие с рядом международных организаций глобального и регионального характера в области борьбы с наркотрафиком и контроля за наркотиками. Иранское руководство занимает активную позицию по этому вопросу на международной арене – в ООН, Организации Исламская Конференция, Организации Экономического сотрудничества, где Иран проводит неизменную линию на объединение усилий многих государств в борьбе с наркотиками и наркобизнесом.

Наиболее тесное и эффективное сотрудничество осуществляется с UNDCP/ODCCP (Международная программа ООН по контролю за наркотическими средствами), а также на региональном уровне в рамках ОЭС (Организация экономического сотрудничества). В перспективе весомым шагом могло бы стать налаживание контактов ИРИ с INCB (Международный совет по контролю за наркотическими средствами). Как известно, INCB, входящий в число автономных специализированных учреждений ООН, был основан в 1964 г. с целью осуществления контроля за соблюдением государствами договоров и соглашений о контроле за наркотическими средствами³. В компетенцию INCB входит принятие решений об установлении эмбарго на ввоз (вывоз) наркотических средств в любую страну.

Международные проекты UNDCP по контролю за наркотиками в Иране

В последние годы наблюдается значительная активизация сотрудничества по линии UNDCP-ИРИ. С июня 1999 года в рамках международных программ ООН по контролю за наркотиками через соответствующее представительство UNDCP в Тегеране совместно со Штабом по контролю за наркотиками ИРИ осуществляется 4-летняя (1999–2003 гг.) программа NOROUZ – Narcotic Reduction Unitized Strategy for Iran. Общий бюджет программы NOROUZ составляет 12,7 млн. долларов США⁴.

NOROUZ – комплекс мероприятий, включающий четыре самостоятельных проекта, направленных на создание условий для повышения эффективности борьбы местных правоохранительных органов с незаконным оборотом, в первую очередь транзитом, наркотических веществ в ИРИ.

1. CIRUS (Combined Interdiction Unified Strategy for Iran) – основной проект, конечной целью которого является повышение способности иранской полиции и правоохранительных органов перехватывать наркотические вещества, следующие транзитом из Афганистана и Пакистана, пересылаемые по почте, а также вывозимые из страны через морские и аэропорты. Предполагаемый бюджет проекта – 7,8 млн. долл. США. Страны-доноры – Франция, Великобритания, Канада, Германия, Япония.

2. DARIUS (Drug Abuse Research and Intervention Unified Strategy for Iran) – один из относительно крупных проектов, нацеленный на организацию взаимодействия на национальном и местном уровнях сети соответствующих учреждений и национальных госорганизаций в вопросах уменьшения потребления наркотиков. Планируемый бюджет проекта – 3,2 млн. долл. США. Спонсоры: Австрия, Дания, Франция, Италия, Люксембург, Норвегия, Нидерланды, Великобритания.

3. LAS (Legal Assistance for Iran) – проект направлен на предоставление в распоряжение иранского Министерства юстиции и судебных органов законодательных и следственных инструментов и методик, необходимых для решения задач, связанных с распространением наркотиков и международной организованной преступностью, специализирующейся на этом бизнесе. Бюджет проекта – 813 тыс. долл. США. Доноры: Дания, ЕС, Италия, Швейцария.

4. PERSEPOLIS (Participatory Experiences Empowering Local Initiatives for Iran) – проект призван активизировать и повышать роль общественных авторитетов, интеллигенции, СМИ, населения, участвующих в мероприятиях правительства по борьбе против незаконного оборота наркотиков и преступности. Бюджет проекта – 780 тысяч долл. США. Доноры: ЕС, Италия.

В 2000–2002 гг. стратегия UNDCP в отношении Ирана разрабатывается на основе двух ключевых принципов:

1) оказание всемерной поддержки и содействия развитию внешнеполитической линии ИРИ в области контроля за наркотиками путем интенсификации контактов с иранскими специализированными учреждениями и неправительственными организациями;

2) укрепление роли UNDCP в качестве координирующего органа, обеспечивающего регулирующие и консультационные функции в процессе борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Иране.

Проблема контроля за наркотиками в Иране в рамках ОЭС

ОЭС придает большое значение налаживанию взаимодействия между странами-членами в области контроля за наркотиками. В июле 1993 г. на Стамбульском заседании Совета министров ОЭС была принята соответствующая резолюция, а в мае 1996 г. в Ашхабаде Совет министров ОЭС утвердил План действий по сотрудничеству в указан-

ной сфере, который, в частности, предусматривал создание в рамках Секретариата ОЭС при финансовой и технической поддержке UNDCP Координационного органа по контролю за наркотиками (КОКН)⁵.

В 1999–2001 гг. Секретариат ОЭС в целом завершил первую фазу создания Координационного органа по контролю за наркотиками (КОКН). Были подготовлены соответствующие предварительные документы, в частности глоссарий реквизитов правительственных и неправительственных организаций, занимающихся борьбой с производством и распространением наркотиков, материалы о ситуации в этой сфере и тенденциях в регионе ОЭС.

В 2001 г. Секретариатом ОЭС совместно с офисом UNDCP в Тегеране была разработана проектная документация для второй фазы КОКН. С учетом остроты проблемы борьбы с наркотиками практически во всех странах-участницах ОЭС это направление работы развивается достаточно интенсивно.

14 июня 2002 г. в Вене Генеральный Секретарь ОЭС А.Гавахи и Исполнительный директор ODCCP А.М.Коста подписали документы о начале реализации второй фазы КОКН при финансовой поддержке ЕС, выступающего основным донором этого проекта⁶.

Участие неправительственных организаций (НПО) в борьбе с наркоугрозой в Иране

Не следует приуменьшать роль неправительственных организаций (НПО) в процессе борьбы с распространением наркотиков. В числе ведущих неправительственных организаций по борьбе с распространением наркотиков в Иране можно выделить DCC (Drug Control Community) и Aftab Society. К основным направлениям работы этих организаций относятся:

- предотвращение распространения наркотиков;
- пропагандистская работа и оказание консультаций;
- оказание помощи семьям наркоманов.

Наиболее значимое и неоценимое содействие НПО способны оказывать в плане психологической и пропагандистской работы в провинциальных центрах Ирана. НПО несут на себе основной груз в принятии мер социально-экономического характера, акцентируя внимание на проведении антинаркотической работы в семьях, учебных заведениях, обращаясь к традиционным морально-религиозным ценностям иранского общества. НПО в Иране ведут работу с различными возрастными группами, занимаются организацией семинаров и лекций (в 2000 г. было проведено около 20 семинаров)⁷.

Международное сотрудничество ИРИ по антинаркотической проблематике на региональном уровне

Линия ИРИ на объединение усилий многих государств в борьбе с наркотиками наиболее последовательно реализуется на

региональном уровне. Соответствующие международно-правовые документы, в том числе меморандумы о взаимопонимании, подписаны с рядом приграничных и близлежащих государств – Турцией, Пакистаном, Индией, Туркменией, Азербайджаном, Арменией, Грузией и Бангладеш⁸.

Тем не менее, несмотря на наличие довольно прочной международно-правовой базы по борьбе с наркоугрозой на двусторонней основе, перекрыть пути контрабанды наркотиков через Иран пока не удастся, что в принципе признается иранским руководством. Так, ежегодно в Иране задерживается в среднем 1–1,5 тысячи иностранных граждан, занимающихся контрабандой наркотиков. В настоящее время в Иране под стражей находятся около четырех тысяч иностранцев, преимущественно граждан соседних стран (Афганистан, Турция, Пакистан), а также ряда африканских государств.

Сотрудничество Ирана с другими странами и привлечение их к борьбе с наркотиками выражается, в том числе, и в участии иранских представителей в различного рода международных форумах, встречах и конференциях. Например, Иран сыграл большую роль в созыве и проведении межрегионального совещания Интерпола в сентябре 1997 г. в Исфагане, в котором приняли участие представители 33 стран, а также Генеральный секретарь Интерпола Р.Е.Кендолл⁹.

Таким образом, географическое положение Ирана, по соседству с которым находятся такие страны, как Афганистан и Пакистан, предопределило необходимость налаживания тесного сотрудничества с правительствами этих государств, поскольку территория Ирана и сейчас активно используется наркодельцами граничащих с ним государств в качестве транзитного пути на рынки стран Восточной и Западной Европы, а также некоторых азиатских стран. Иранское руководство накопило уникальный опыт борьбы с наркоугрозой внутри страны, поэтому изучение иранского опыта в этой области представляется необходимым, особенно для закавказских государств, которые до 1991 г. не имели никакого представления об этой глобальной угрозе.

¹ The national drug control report-2000. Islamic republic of Iran. Tehran, 2001.

² Международное право. Сборник документов. – М., 2001.

³ Герчикова И.Н. Международные экономические организации. – М., 2000.

⁴ UN International Drug Control Programme. Midterm review. March 2002.

⁵ www.un.undcp.org

⁶ Там же.

⁷ The national drug control report-2000. Islamic republic of Iran. Tehran, 2001.

⁸ Арунова М.Р. Борьба с наркотиками в Исламской Республике Иран. – М., 1998.

⁹ Anti-Drug Efforts of I.R. Iran in 1997. Tehran, 1998.

**ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В АФГАНИСТАНЕ
ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ ЛОЙЯ ДЖИРГИ**

19 июня 2002 г. официально закрылась всеафганская ассамблея – Лойя джирга. В ходе ее проведения главой Переходной администрации Афганистана (ПАА) был избран Хамид Карзай, получивший себе к этому посту полномочия президента и главы правительства, а также право принимать законодательные акты. Вскоре после своего назначения Х.Карзай объявил о формировании нового кабинета министров. Несмотря на первоначальное намерение резко сократить министерские посты, в целях обеспечения этнического и политического баланса Х.Карзай пошел на фактическое расширение состава кабинета. Были назначены 5 заместителей Главы ПАА и 29 министров, в лице*:

1	Глава ПАА	Хамид Карзай
2	Первый заместитель	Мохаммад Касим Фахим
3	Заместитель	Карим Халили
4	Заместитель	Негматулла Шахрани
5	Заместитель	Хедаят Амин Арсалла

Министры

1	Министр обороны	Мохаммад Касим Фахим
2	Министр внутренних дел	Тадж Мохаммад Вардак
3	Министр иностранных дел	Абдулла Абдулла
4	Министр финансов	Ашраф Гани Ахмадзай
5	Министр планирования	Хаджи Мохаммад Мохаккек
6	Министр связи	Масум Станакзай
7	Министр по делам границ	Ареф Нурзай
8	Министр горнорудной промышленности	Мохаммад Джума Мохаммади
9	Министр здравоохранения	Сухейла Седдик
10	Министр торговли	Сейед Мустафа Каземи

---

* На начало октября 2002 г. пост одного заместителя главы Переходной администрации Афганистана оставался вакантным.

11	Министр легкой и пищевой промышленности	Мохаммад Алем Разм
12	Министр сельского хозяйства	Сейед Хусейн Анвари
13	Министр по делам беженцев	Энаятулла Назери
14	Министр просвещения	М.Юнус Кануни
15	Министр информации и культуры	Сейед Махдум Рахин
16	Министр по делам реконструкции	Мохаммад Амин Фарханг
17	Министр по делам хаджа и вакуфов	Мохаммад Амин Насирьяр
18	Министр градостроительства	Мохаммад Юсуф
19	Министр общественных работ	Абдулла Али
20	Министр труда и социальных вопросов	Нур Мохаммад Киркин
21	Министр энергетики	Ахмад Шакер Каргар
22	Министр ирригации и защиты окружающей среды	Ахмад Юсуф Нуристани
23	Министр по делам погибших и инвалидов	Абдулла Вардак
24	Министр высшего образования	Шариф Файз
25	Министр гражданской авиации	Мирвайс Садек
26	Министр по развитию деревень	Ханиф Атмар
27	Министр транспорта	Сейед Мохаммад Али Джавид
28	Министр юстиции	Абдурахим Карими
29	Министр по делам женщин	Махбуба Хокукмаль

Оценивая результаты выборов, следует отметить, что в составе нового кабинета министров Афганистана представители бывшего антиталибского Объединенного фронта («северяне») сохранили ряд ключевых постов, в частности посты министров обороны (М.Фахим) и иностранных дел (А.Абдулла), руководство рядом отраслевых экономических ведомств, бывший министр внутренних дел Ю.Кануни назначен министром просвещения и одновременно советником Главы ПАА по вопросам национальной безопасности, курирующим силовые структуры. В то же время прозападным деятелям удалось получить контроль над рядом важных министерств, в частности, финансов и горнорудной промышленности. Вместе с тем о своих претензиях на пост спикера Национального совета (НС) Афганистана заявил бывший президент ИГА Б.Раббани. Тем не менее вопрос о создании НС, парламентского органа с совещательными функциями, стался без своего логического решения*.

В целом СБ ООН положительно расценил результаты состоявшейся Лояя джирги и приветствовал открытие 1 июля первого заседания кабинета

---

* На начало октября 2002 г. на местах рассматривались различные варианты его формирования – по два делегата от каждой провинции или избрание одного депутата из числа десяти участников Лояя джирги. Однако реального воплощения эта идея пока не приобрела.

та министров ПАА, на котором обсуждались вопросы создания комиссий по безопасности. Акцент делался на сдаче оружия, новых кадровых назначениях в провинциях, проблеме ликвидации преступности. Тогда же министр обороны ПАА М.Фахим огласил программу по передаче боевой техники и вооружений в стране под контроль центрального правительства. По словам министра, растажигованным афганскими СМИ, региональные лидеры готовы поддержать процесс передачи оружия кабульским властям, а также содействовать формированию новой армии.

Тем не менее на сегодняшний день сохраняется напряженность на севере страны (в провинциях Балх, Сарипуль, Джузджан, Бадгис, Фарьяб), узбекские формирования А.Р.Достума пытаются вытеснить таджикские отряды М.Атты. В Сари-пуле достумовцы захватили 18 деревень, сожгли 150 домов. На ситуацию в центральных, северных и западных районах неоднозначно влияет начавшаяся реализация указа Х.Карзая о сборе оружия у населения (в семи провинциях сдано около 17 тысяч единиц стрелкового оружия, 63 танка и БТР). При этом панджширцы обвиняются в том, что, заранее зная об указе, они сумели укрыть большое количество оружия.

Определенную нервозность в Кабуле вызвали взрывы двух ракет в районе аэропорта, организаторы и исполнители которых неизвестны. Не прекращаются спорадические столкновения в восточных районах, обстановка в которых постоянно дестабилизируется деятельностью остатков талибов. В результате террористического акта в Спинбулдаке взорван склад боеприпасов (погибло около 40 человек, десятки раненых, нанесен серьезный материальный ущерб). 6 июля в Кабуле был убит заместитель Главы ПАА, Министр общественных работ, губернатор провинции Нангархар Х.А.Кадыр. На фоне подобных событий говорить о прочном урегулировании обстановки преждевременно.

Ситуация осложняется еще и неоднозначным отношением афганцев к присутствию международных военных сил в Афганистане. В контексте убийства Х.А.Кадыра и инцидента с бомбардировкой мирных жителей в Урузгане, в результате которого свыше 40 человек погибли и более 100 получили ранения, афганские политические деятели, СМИ и правозащитные организации подняли волну критики в адрес МССБ и американского контингента с укором за их неспособность обеспечить требуемый уровень безопасности.

На октябрь 2002 г. в Афганистане насчитывалось свыше 4800 иностранных солдат. Командующим МССБ назначен дивизионный генерал турецких ВС Акин Зорлу, в подчинении которого на начало октября 2002 г. находились военнослужащие из 19 государств, в том числе из Турции, ФРГ, Франции, Великобритании, Италии, Испании, Греции, Австрии, Финляндии, США, Швеции, Болгарии, Румынии, Норвегии, Нидерландов, Польши, Новой Зеландии, Чехии. Предусматривается, что в дальнейшем к ним присоединятся военные из Албании, Аргентины, Австралии, Иордании и Малайзии. Что касается операции антитеррористической коалиции в Афганистане, то о ее поддержке заявили 70 стран, из них 44 страны объявили о готовности принять в ней участие, в том числе 26 стран предложили направить войска и 18 стран – вспомогательные силы.

Для осуществления координации единого командования силами союзников Пентагоном сформирована Объединенная оперативно-тактическая группа по Афганистану во главе с генерал-лейтенантом К.Макнейлом, штаб которой будет базироваться на авиабазе в Баграме.

С лета 2002 г. союзники проводят так называемую «стратегию непрерывного прессинга». В восточной и юго-восточной частях Афганистана параллельно ведутся несколько спецопераций. Главная их цель состоит в том, чтобы ликвидировать остающиеся очаги сопротивления и провести полную санацию приграничной с Пакистаном зоны. Военные не исключают, что именно здесь могут находиться У.бен Ладен и М.Омар и их ближайшие соратники. Главным исполнителем этого замысла является ударная группировка из 1 тыс. спецназовцев.

Талибские отряды рассеяны и перемещаются исключительно небольшими мобильными группами. Для обнаружения и ликвидации разрозненных групп террористов спецназу приходится широко применять тактическую авиацию, самолеты-разведчики, а также беспилотные летательные аппараты «Предатор». И хотя активная фаза военной операции, начатой США в Афганистане 7 октября 2001 г., близка к завершению, американцы продолжают наращивать оперативную группировку как внутри страны, так и по ее периметру. Идет активное строительство объектов жизнедеятельности и инфраструктуры базы под Кандагаром, где размещаются части воздушно-десантной дивизии. На авиабазе в Баграме развернут опорный пункт горной дивизии. Намечается строительство военной базы в Герате, куда уже прибыли американские военнослужащие.

Кроме этого, в Узбекистане и Пакистане (Джакобад, Шамси и Пашни) находятся подразделения военнослужащих США. В качестве элементов тылового обеспечения используются авиабазы в Киргизии и Таджикистане. В аэропорту Душанбе постоянно базируются военно-транспортные самолеты Франции, предназначенные для переброски миротворческих сил в Афганистан. 100 французских военнослужащих летно-технического состава, охраны и обслуживающего персонала размещены в палатках на территории аэродрома. В киргизском аэропорту «Манас» сейчас базируется около 30 единиц летной техники Франции и США. В Киргизии размещен южнокорейский военно-полевой госпиталь с общей численностью 90 сотрудников.

Нельзя не отметить, что несмотря на весьма значительную численность иностранных военных, международная коалиция контролирует лишь отдельные административные центры, а не всю территорию Афганистана. Потому говорить об обеспечении безопасности в масштабах страны невозможно. Сохраняющиеся противоречия между влиятельными полевыми командирами, представителями Северного альянса и деятелями ПАА, поддерживаемыми западными странами, также осложняют и без того напряженную ситуацию. В целом внешне устойчивый процесс стабилизации обстановки в стране в действительности представляет собой хрупкий баланс интересов, крах которого может означать только одно – новый непредсказуемый виток напряженности и новые жертвы.

БЕЛОРУССКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
(к 10-летию установления дипломатических отношений)

Начало 90-х годов ознаменовалось структурными изменениями в системе международных отношений. Двухполюсный мировой порядок стал частью истории, становление иной модели неизбежно вело к возникновению новых очагов напряженности и требовало времени. Восторженно встреченная тенденция к глобализации оказалась серьезным вызовом национальной экономической и политической безопасности, все более заметную роль в мировой политике стали играть информационные технологии. В таких непростых условиях новые независимые государства, появившиеся в этот период на политической карте мира, столкнулись, с одной стороны, с первоочередными задачами внутриполитического характера, связанными с функционированием государственного механизма, обеспечением стабильности, решением сложнейших экономических проблем. А с другой, – оказались перед необходимостью завоевания своего места в международном сообществе, формирования имиджа страны на мировой арене, определения внешнеполитических приоритетов, развития контактов. Эти задачи, типичные для всех государств постсоветского пространства, встали и перед Беларусью.

В течение 90-х годов система внешнеполитических приоритетов республики претерпевала изменения. При этом акцент смещался от ориентированности на страны Запада как основного внешнеполитического партнера до придания этой роли странам СНГ и прежде всего России. Но при этом и контакты со странами ближневосточного региона неизменно значились в качестве приоритетных. По словам начальника управления стран Азии и Африки МИД Беларуси А.А.Скрипко, это объясняется «...схожестью подходов с большинством государств азиатско-африканского региона ко многим региональным и глобальным международным проблемам, высоким уровнем сотрудничества в рамках ООН, Движения неприсоединения, других международных организаций, уже созданной в советские времена базой отношений и позитивным опытом сотрудничества с этими странами, сохраняющейся конкурентоспособностью белорусской продукции на рынках государств Азии и Африки, а также перспективами наращивания белорусского экспорта в данный регион»¹. И хотя наличие советской базы в отношениях, равно как и конкурентоспособность белорусских товаров на внутренних рынках региона играли роль в

установлении контактов прежде всего со странами арабского мира, предпосылки оформления взаимовыгодных двусторонних отношений имелись и на белорусско-израильском направлении.

Государство Израиль одним из первых (25 декабря 1991 г.) признало независимость Республики Беларусь. 26 мая 1992 г. в Иерусалиме был подписан Протокол об установлении дипломатических отношений между странами. Белорусское посольство, открытое в августе 1992 г., стало первым посольством республики на Ближнем Востоке. С октября 1993 г. в Минске начало свою работу Посольство Государства Израиль.

Динамика двусторонних контактов. Политическая сфера

В августе 1992 г. состоялся первый визит премьер-министра Республики Беларусь в Израиль, который был приурочен к открытию белорусского посольства. В последующем Израиль посещали министры сельского хозяйства. В сентябре 1999 г. Израиль посетила белорусская делегация во главе с заместителем премьер-министра, принявшая участие в сельскохозяйственной выставке «Агритек-99». А в октябре того же года по линии межпарламентского сотрудничества состоялся визит в Израиль белорусской парламентской делегации во главе с заместителем председателя Палаты представителей Национального собрания.

С израильской стороны с неофициальными визитами в Беларуси находились бывшие премьер-министры Израиля И.Шамир (1993 г.) и Ш.Перес (1998 г.), министр по делам религий Израиля (1999 г.). В ноябре 1999 г. Минск посетили заместитель генерального директора МИД Израиля Ш.Штайн и генеральный директор президента Израиля А.Шомер. Трижды посещал Беларусь министр национальной инфраструктуры Государства Израиль А.Либерман: в 1999 и 2001 гг. – с рабочим визитом, в 2000 г. возглавлял группу израильских наблюдателей на выборах депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь.

Хотя динамика политических контактов, на первый взгляд, была достаточно высока, ощутимых результатов в деле развития двусторонних отношений она не принесла. Так, успешно развивалось сотрудничество на негосударственном уровне, осуществлялись неофициальные контакты, проводились неофициальные визиты государственных и политических деятелей, что само по себе, безусловно, должно расцениваться как положительный фактор, служащий делу создания благоприятного климата для развития двусторонних отношений. Однако подобные связи должны выступать в качестве дополнения к системе официальных контактов на государственном уровне, а никак не их заменой. Здесь следует отметить, что с момента установления дипломатических отношений между странами (май 1992 года) не было проведено ни одного визита официальных делегаций Израиля в Республику Беларусь на высоком государственном уровне. Визит

же президента Республики Беларусь Лукашенко А.Г. в Государство Израиль и Палестинскую Национальную Администрацию, прошедший 4–7 января 2000 г. в рамках торжеств «Вифлеем-2000», и последовавший за ним официальный визит заместителя премьер-министра – министра иностранных дел Республики Беларусь У.Р.Латыпова (10–12 апреля 2000 г.), став ярким политическим событием, тем не менее, не привели к существенному прорыву в двусторонних отношениях.

Недостаток прямых и регулярных контактов между руководителями государств и главами внешнеполитических ведомств не может не сказываться на развитии межгосударственных отношений, выработке согласованной позиции по ключевым вопросам политического, экономического и культурного сотрудничества, темпах реализации достигнутых договоренностей. Так, на сегодняшний день между Республикой Беларусь и Государством Израиль подписано десять соглашений, но лишь четыре из них, помимо Соглашения об установлении дипломатических отношений, вступили в силу. Среди них: Меморандум о взаимопонимании (1992 г.), соглашения о сотрудничестве в области сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности (1992 г.), соглашение в области воздушного транспорта (1996 г.), а также соглашение в области борьбы с преступностью (1997 г.). Такие принципиально важные документы, как Соглашение о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций, об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов, о сотрудничестве в области образования, науки и культуры, о торговом и экономическом сотрудничестве, о сотрудничестве в области туризма, здравоохранения и медицины и др., до сих пор находятся на стадии ратификации одной из сторон, либо на стадии экспертной оценки. Договорно-правовая база белорусско-израильских отношений нуждается в расширении и всестороннем развитии, т.к. именно она является залогом достижения реальных результатов межгосударственного сотрудничества.

Таким образом, необходимо признать, что потенциал белорусско-израильских отношений в политической сфере не может считаться реализованным в полной мере. Причиной тому, с одной стороны, является тот факт, что деятельность МИД Израиля традиционно ориентирована на укрепление и развитие отношений с США и странами Западной Европы, в то время как странам СНГ не придается такого большого значения. В системе израильской внешней политики работа в этом регионе проводится в основном для поддержания связи и развития отношений с еврейскими общинами этих стран. Другой причиной является недостаточно активная позиция Беларуси в деле всестороннего развития межгосударственных контактов. Сложности для развития белорусско-израильских отношений создает также определенный перекося во внешнеполитической деятельности Беларуси на Ближнем Востоке в пользу арабских стран, о чем свидетельствует

высокая динамика белорусско-арабских контактов. Министр иностранных дел Беларуси М.Хвостов так прокомментировал этот факт в интервью белорусской газете «Звезда»: «На мой взгляд, наша главная задача как государства – не потеряться в большой политике и всегда помнить про собственные национальные интересы. Они есть у нас и в сотрудничестве с США и с арабскими странами, независимо от вероисповедания той или иной страны. В целом наш основной интерес в двусторонних отношениях с любой страной, в первую очередь, заключается в развитии с ней торговых и экономических отношений. В этом суть наших отношений с любым регионом планеты, в том числе и с арабским Востоком. Беларусь строила свои отношения с арабскими странами и будет продолжать делать это с учетом их религиозных, национальных и других особенностей»². Однако ввиду сложной ситуации на Ближнем Востоке, связанной с обострением арабо-израильского конфликта и спецификой отношений между государствами региона, необходимо уделять повышенное внимание разъяснению позиции Беларуси, которая ориентирована на политическое разрешение ближневосточного конфликта и развитие отношений со всеми государствами региона.

Негативное влияние на белорусско-израильские отношения оказали и появившиеся в недавнее время публикации в средствах массовой информации Израиля и других стран о якобы имевших место фактах продажи Беларуси оружия террористическим организациям и странам, в отношении которых действуют санкции Совета Безопасности ООН. На пресс-конференции, состоявшейся в декабре 2001 г., М.Хвостов категорически опроверг информацию о том, что Беларусь поддерживает связи с международными террористами и продает им оружие³. В заявлении Министерства иностранных дел, посвященном проблеме терроризма, в частности, говорилось: «Республика Беларусь никогда не предоставляла и не будет предоставлять террористам финансовой помощи, информации или убежища, не будет оказывать им организационную поддержку и будет активно сотрудничать со всеми заинтересованными государствами в целях предания правосудию организаторов и вдохновителей террористических актов»⁴. Этой же проблемы коснулся и белорусский президент А.Г.Лукашенко в интервью корреспонденту «The Wall Street Journal». «Глава белорусского государства заявил, что власти республики «никогда не нарушали международных норм и правил торговли оружием». Вместе с тем президент особо подчеркнул, что такой бизнес, как торговля оружием, является неотъемлемой составляющей экономики многих стран мира, включая США. «То, что продает Беларусь, на рынке оружия – капля в море по сравнению с Америкой»⁵.

Соответствующие опровержения в связи с сообщениями прессы о продажах оружия были направлены по дипломатическим каналам всем заинтересованным сторонам. Однако надо принимать во внима-

ние, что даже само предъявление подобных обвинений наносит ущерб образу Беларуси в восприятии израильского общества, которое особенно чувствительно реагирует на сообщения о поставках оружия арабским странам региона.

И все же в целом в официальных израильских кругах сохраняется положительное отношение к Беларуси как партнеру на международной арене, что, несомненно, является важным активом для развития двусторонних контактов. Это в немалой степени объясняется взвешенной политикой властей Беларуси в отношении национальных меньшинств в целом и еврейской общины, в частности. Официальными лицами Израиля неоднократно отмечалось отсутствие межнациональных конфликтов в республике, создание равных условий для развития всех народов и национальностей, проживающих в Беларуси. На территории страны действуют представительства Еврейского Агентства для Израиля «Сохнут» и американского объединенного еврейского распределительного комитета «Джоинт». Созданы еврейские школы и детские сады, действуют синагоги и ешивы, а также Израильский культурный центр. Активно работает Белорусское объединение еврейских организаций и общин. Ввиду того, что положение еврейских диаспор в мире и их поддержка является предметом особой заботы Государства Израиль, а развитие контактов с ними – это одно из центральных направлений его внешнеполитической деятельности, конструктивные отношения, сложившиеся между еврейской общиной и официальными властями Беларуси, способствуют укреплению дружественных отношений между Республикой Беларусь и Государством Израиль. Не менее важным является позитивный опыт, приобретенный странами в области межпарламентских контактов. Взаимодействие парламентариев Израиля и Беларуси, их обмен опытом и методами работы содействуют взаимопониманию и сближению позиций этих государств в политической сфере и помогают развивать другие области сотрудничества.

Важнейшим событием в белорусско-израильских отношениях 2002 г. стали первые межмидовские консультации, проходившие в Минске в июле. Белорусскую делегацию возглавил заместитель министра иностранных дел Республики Беларусь В.Пугачев, израильскую – заместитель генерального директора МИД Израиля Д.Пелег. В ходе консультаций были обсуждены основные вопросы двусторонних отношений в политической, торгово-экономической и культурной сферах, межпарламентского сотрудничества, взаимодействия Беларуси и Израиля в ООН и других международных организациях. Стороны обменялись мнением по ряду наиболее актуальных международных проблем: борьба с терроризмом, региональная стабильность и безопасность, ситуация на Ближнем Востоке. Особое внимание было уделено дальнейшему расширению договорно-правовой базы двусторонних отношений, в частности проблемам ратификации пакета базовых соглашений в торгово-

экономической сфере. Обсуждены возможности осуществления обмена делегациями деловых кругов двух стран, участия в выставках, проводимых в Беларуси и Израиле, а также перспективы осуществления ряда инвестиционных проектов с участием израильского капитала.

Израильская сторона в ходе консультаций проинформировала о планах закрытия Посольства Израиля в Беларуси. Специально отмечалось, что это решение обусловлено исключительно экономическими причинами и вызвано значительным сокращением государственных расходов в Израиле. Подчеркнув, что открытие и закрытие дипломатических миссий является внутренним делом каждой страны, белорусская сторона высказала сожаление в связи с вероятной возможностью закрытия израильского посольства. Отмечалось, что дипломатические представительства являются механизмом для развития отношений между странами, а в случае закрытия миссии координация двустороннего сотрудничества может существенно усложниться с учетом того, что контакты будут осуществляться через посольство, аккредитованное по совместительству⁶.

И все же белорусской стороной была высказана надежда, что проведение межмидовских консультаций позволит активизировать отношения с Государством Израиль, которое Беларусь рассматривает в качестве перспективного политического и торгово-экономического партнера в регионе Ближнего Востока.

Ситуация на Ближнем Востоке и позиция Республики Беларусь

В основе позиции Республики Беларусь по ближневосточному конфликту лежит поддержка подходов Организации Объединенных Наций к данной проблематике. «Беларусь хотела бы вновь подчеркнуть свою приверженность постоянной ответственности Организации Объединенных Наций и, прежде всего, Совета Безопасности в деле мирного разрешения ближневосточного кризиса во всех его аспектах. Наша делегация полна решимости и в дальнейшем всесторонне способствовать укреплению ключевой роли ООН в ближневосточном вопросе», – сказал в своем выступлении в ООН Постоянный представитель Беларуси С.С. Линг⁷.

Беларусь последовательно поддерживает все инициативы ООН в регионе и резолюции, относящиеся к арабо-израильскому урегулированию: «Подходы Беларуси к обеспечению мирного сосуществования арабов и израильтян на долгосрочную перспективу остаются четкими и последовательными: прочный, справедливый и всеобъемлющий мир на Ближнем Востоке возможен лишь при условии выполнения резолюций Совета Безопасности ООН 242 (1967) и 338 (1973) и практической реализации основополагающего принципа «земля в обмен на мир» на палестинском, сирийском и ливанском переговорных треках⁸. Белорусская делегация в ООН поддержала резолюцию 1397

(2002), и в заявлении пресс-секретаря МИД в этой связи говорилось: «Одобренное Советом Безопасности ООН видение Ближнего Востока как региона, в котором два государства, Израиль и Палестина, будут мирно сосуществовать в пределах безопасных и признанных границ, отвечает позиции Республики Беларусь по ближневосточному конфликту. Полностью поддерживаем содержащиеся в резолюции требование незамедлительно прекратить насилие, включая террористические акты, и призыв к сторонам конфликта сотрудничать в осуществлении плана Тенета и доклада Митчелла с целью возобновления мирных переговоров по политическому урегулированию»⁹.

В контексте израильско-палестинского противостояния Республика Беларусь выступает в поддержку права палестинцев на создание собственного государства: «Краеугольным камнем в фундаменте ближневосточного мирного процесса остается реализация палестинским народом своего исторического права на самоопределение и создание независимого государства Палестины. Достижение этой цели невозможно без широкой международной солидарности с палестинским народом и мобилизации масштабной политической поддержки законных устремлений палестинцев»¹⁰. Министр иностранных дел Беларуси М.Хвостов в своем выступлении на 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН обозначил возможные для этого пути: «Нет альтернативы мирному образованию независимого Палестинского государства политическим, переговорным путем, основанным на строгом соблюдении уже принятых резолюций Совета Безопасности и решений других международных форумов»¹¹.

Позиция Республики Беларусь относительно эскалации напряженности на Ближнем Востоке, произошедшей в сентябре 2001 г., была озвучена Постоянным представителем республики при Организации Объединенных Наций С.С.Лингом в рамках дискуссии на 56-й сессии Генеральной Ассамблеи: «Республика Беларусь с глубокой обеспокоенностью и болью воспринимает непрекращающиеся акты насилия в регионе, в результате которых продолжают гибнуть люди. Мы глубоко озабочены тем непоправимым ущербом, который был нанесен за последнее время перспективам достижения прогресса на пути к мирному урегулированию конфликта... На фоне затяжной эскалации кризиса Беларусь вновь поддерживает свою принципиальную позицию в отношении пагубности любых форм вооруженного насилия и террористических действий в регионе для поступательного продвижения к окончательному разрешению конфликта»¹².

Торгово-экономическая сфера

Одним из важнейших элементов в комплексе белорусско-израильских отношений является сотрудничество в торгово-экономической сфере. МИД и Посольством Республики Беларусь постоянно проводится работа по развитию торгово-экономических отношений

и расширению существующих экономических связей между Беларусью и Израилем, оказанию содействия белорусским экспортерам, совершенствованию договорной базы, привлечению инвестиций в Республику Беларусь, организации взаимных визитов представителей предпринимательского сектора и деловых кругов Беларуси и Израиля.

Основу экспорта Республики Беларусь в Израиль составляют металлопрокат, станки токарные и инструментально-фрезерные, компрессоры, пиломатериалы, кузнечно-прессовое оборудование, химическое волокно, нити полиэфирной продукции, мебель, аппаратура и комплектующие к машинам для автоматической обработки информации, трикотаж и текстильная продукция, кондитерские изделия.

Основными статьями импорта из Израиля в Беларусь являются машины для автоматической обработки информации, турбогенераторы, фармацевтические и лекарственные препараты, медицинское оборудование, гербициды, овощи и съедобные корнеплоды, цитрусовые, соки, оборудование и компоненты для упаковки, косметическая продукция, текстильные товары, сельскохозяйственное оборудование.

В 2001 г. товарооборот между Республикой Беларусь и Государством Израиль составил 15,8 млн. долл. США. Экспорт белорусской продукции в 2001 г. составил 1,2 млн. долл. США, а объем израильского импорта достиг 14,6 млн. долл. США. Товарооборот между двумя странами за январь-май 2002 года составил 5,096 млн. долл. При этом экспорт составил 0,879 млн. долл., а импорт – 4,217 млн. долл. Необходимо отметить восстановление позиций на израильском рынке Белорусского металлургического завода, экспортные поставки нового вида промышленного оборудования и изделий из древесины. Укрепили свои позиции и предприятия легкой и пищевой промышленности.

Однако существующий сегодня уровень торгово-экономического сотрудничества не может считаться достаточным, особенно с учетом тесных исторических и культурных связей между народами двух стран.

Многие фирмы и компании в Израиле проявляют интерес к развитию контактов с белорусскими предприятиями, в частности с Гомельским заводом по обработке алмазов «Кристалл». Однако необходимо проводить активную политику в торгово-экономической сфере, чтобы перевести этот абстрактный интерес в практическую сферу, а позиция белорусской стороны в вопросах развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества часто не содержит конкретных предложений. По словам начальника управления стран Азии и Африки МИД Беларуси А.А.Скрипка, «...мы (белорусская сторона) не всегда соблюдаем международные нормы делового общения, зачастую не отвечаем на обращения зарубежных компаний с предложениями о сотрудничестве либо реакция на них направляется с неприемлемым опозданием. Далее – претензии у иностранных партнеров к качеству поставляемой продукции. Ведь наши предприятия порой имеют ложное представление о якобы необязательном соблюдении

определенных стандартов по отношению к поставляемым товарам в страны Азии и Африки. Эти ошибочные мнения зачастую связаны с низким уровнем развития системы маркетинга на предприятиях, отсутствием в их штате квалифицированных кадров, имеющих хорошую профессиональную и языковую подготовку». Кроме того, негативно сказывается и общий неблагоприятный экономический климат в республике, нестабильность экономической системы и неразработанность договорно-правовой базы.

Несмотря на то, что Израиль не может рассматриваться в качестве прямого инвестора в экономику Беларуси, он представляет интерес как страна, в которой проживает более 100 тыс. выходцев из Беларуси, чья роль в политической, экономической и социальной жизни Израиля постепенно возрастает. Немаловажное значение имеют возможности израильского влияния на мировые финансовые институты. Активная политика в рамках ГАТТ/ВТО позволяет Израилю играть довольно значительную роль на финансовых и торговых рынках мира. Особое внимание необходимо уделить подписанию соглашений экономического характера, призванных совершенствовать правовую основу для развития торгово-экономических связей. Отсутствие соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве, избежании двойного налогообложения, взаимной охране и защите инвестиций сдерживает рост объемов торговли. Израиль, со своей стороны, должен ускорить внутригосударственные процедуры, необходимые для вступления в силу Соглашения о торговом и экономическом сотрудничестве, которое создаст необходимую базу для развития торговли между двумя странами. Расширению сферы торгового сотрудничества призвано послужить и создание совместной торгово-экономической комиссии между Беларусью и Израилем, что предусматривается указанным Соглашением.

Гуманитарная и культурная сфера

Перспективным представляется сотрудничество в гуманитарной сфере, в частности, в области здравоохранения. Успешное осуществление планируемого визита министра здравоохранения Республики Беларусь и подписание Соглашения о сотрудничестве в сфере здравоохранения послужит дальнейшему укреплению белорусско-израильских отношений.

Ежегодно в Израиле по линии израильской программы международного сотрудничества и развития МОШАВ проходят подготовку белорусские специалисты в области медицины, сельского хозяйства, компьютерных технологий. Подготовка и реализация подобных совместных проектов в гуманитарной и научно-технических областях позитивно влияет на всю систему двусторонних отношений.

Потенциал белорусско-израильского культурного сотрудничества высок прежде всего в силу того, что в Израиле существует довольно

многочисленная община выходцев из Беларуси, насчитывающая, по различным оценкам, от 120 до 140 тыс. человек. Активно действует Всеизраильское Объединение выходцев из Беларуси, созданное в 1955 г. и имеющее филиалы во всех крупных городах Израиля (28 региональных отделений). Основными направлениями деятельности Объединения является защита социально-экономических интересов общины (жилье, льготы, пенсии и т.д.), организация культурного отдыха (творческие вечера, концерты, празднования), а также сбор средств на реконструкцию или установление мемориалов в местах еврейского культурного, исторического и религиозного наследия, размещенных на территории Республики Беларусь. Под эгидой Объединения на ежегодной основе организуются льготные поездки израильских делегаций на празднования Дня Победы и Дня Освобождения Беларуси. Объединение поддерживает конструктивные отношения с посольством Республики Беларусь в Израиле, оказывает помощь в распространении информации о Беларуси и разъяснении основных аспектов политики белорусского руководства. Также содействует в установлении политических контактов, развитии торгово-экономических связей, решении повседневных вопросов деятельности посольства, включая организацию выездных консульских приемов и развитие регионального сотрудничества.

В целом белорусско-израильские отношения обладают богатым потенциалом для развития взаимовыгодного сотрудничества по целому ряду направлений. Активная позиция Республики Беларусь, направленная на реализацию этого потенциала в политической, торгово-экономической, гуманитарной и культурной сферах, расширение договорно-правовой базы двусторонних отношений, развитие контактов как на официальном, так и на неофициальном уровне, отвечает долгосрочным внешнеполитическим интересам страны в ближневосточном регионе.

¹ Материалы пресс-конференции начальника управления Азии и Африки Министерства иностранных дел Республики Беларусь Алексея Скрипко «О состоянии и перспективах сотрудничества Республики Беларусь со странами Азии и Африки», 27 декабря 2001 г., http://www.mfa.gov.by/cgi-bin/mfa8.pl?year=2001&month=10&file=23_10_2001

² Интервью министра иностранных дел Республики Беларусь М.М.Хвостова газете «Звезда», 23.10.2001, http://www.mfa.gov.by/cgi-bin/mfa8.pl?year=2001&month=10&file=23_10_2001

³ Пресс-конференция министра иностранных дел Республики Беларусь М.М.Хвостова, 27 декабря 2001 г., http://www.gov.by/cgi-bin/mfa8.pl?year=2001&month=12&file=28_12_2001

⁴ Заявление Министерства иностранных дел Республики Беларусь, 22 сентября 2001 г., http://www.gov.by/cgi-bin/mfa8.pl?year=2001&month=09&file=22_09_2001

⁵ <http://www.president.gov.by/rus/president/speech/02wall.shtml>

⁶ О консультациях между МИД Беларуси и МИД Израиля,
[http://www.gov.by/cgi-bin/mfa8.pl?year=2002&month=07&file=29_07_2002_\(2\)](http://www.gov.by/cgi-bin/mfa8.pl?year=2002&month=07&file=29_07_2002_(2))

⁷ Выступление Постоянного представителя Республики Беларусь при Организации Объединенных Наций С.С.Линга по пункту 42 повестки дня «Положение на Ближнем Востоке», Нью-Йорк, 30 ноября 2001 г.,
http://www.gov.by/cgi-bin/mfa8.pl?year=2001&month=12&file=01_12_2001

⁸ Там же.

⁹ Заявление пресс-секретаря МИД Беларуси относительно принятия резолюции Совета Безопасности ООН, касающейся ситуации на Ближнем Востоке, 14 марта 2002 г.,
[http://www.gov.by/cgi-bin/mfa8.pl?year=2002&month=03&file=14_03_2002_\(1\)](http://www.gov.by/cgi-bin/mfa8.pl?year=2002&month=03&file=14_03_2002_(1))

¹⁰ Выступление Постоянного представителя Республики Беларусь при Организации Объединенных Наций С.С.Линга по пункту 42 повестки дня «Положение на Ближнем Востоке», Нью-Йорк, 30 ноября 2001 г.,
http://www.gov.by/cgi-bin/mfa8.pl?year=2001&month=12&file=01_12_2001

¹¹ Выступление министра иностранных дел Республики Беларусь М.Хвостова в общеполитической дискуссии 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 12 ноября 2001 г.,
http://www.gov.by/cgi-bin/mfa8.pl?year=2001&month=11&file=12_11_2001

¹² Выступление Постоянного представителя Республики Беларусь при Организации Объединенных Наций С.С.Линга по пункту 42 повестки дня «Положение на Ближнем Востоке», Нью-Йорк, 30 ноября 2001 г.,
http://www.gov.by/cgi-bin/mfa8.pl?year=2001&month=12&file=01_12_2001

¹³ Интервью начальника управления Азии и Африки Министерства иностранных дел Беларуси А.Скрипки «Афро-Азиатский регион: диалог с Беларусью», 20 июня 2002 г., «Народная газета»,
http://www.gov.by/cgi-bin/mfa8.pl?year=2002&month=06&file=20_06_2002

САУДОВСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: К ВОПРОСУ
О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУРСА СТРАНЫ

Любое саудовское аналитическое исследование, стремящееся дать оценку внешней политики королевства, будет отталкиваться от положения, суть которого заключается в том, что это курс «консервативного государства». При этом будет подчеркнuto, что Королевство Саудовская Аравия «руководствуется идейными нормами ислама и содействует их повсеместному распространению и защите, опираясь на мирные и отвечающие духу нынешней эпохи методы»¹. Если, как отмечает саудовский политолог А.Х.ас-Суэйг, внешняя политика любой страны представляет собой производное от «высших идейных ценностей», исповедуемых ее «правлящим классом», то естественно, что «эти ценности» становятся «источником легитимации» действий этого «класса» в сфере международных отношений. В случае же Саудовской Аравии речь идет о «ценностях, почерпнутых из ислама в качестве основы, на которой базируется внешняя политика и которая определяет ее черты, направления и приоритеты»². Из этого, в частности, вытекает, что внешнеполитическая линия королевства «обладает особыми чертами»³. Ее специфический характер определяется прежде всего тем, что в основе этой линии лежит совокупность «неизменных принципов и норм» деятельности, начало которым было положено Абдель Азизом Ибн Саудом. Но для саудовской политологии не менее существенно и то, что она видит в проводимой королевством внешней политике абсолютно последовательный и ни в коей мере не подверженный каким-либо колебаниям курс. Если воспользоваться выражением одного из саудовских авторов, представляющего Институт дипломатических исследований Министерства иностранных дел Королевства Саудовская Аравия, то возникшая в эпоху Ибн Сауда ситуация длится и сегодня, поскольку саудовская «внешняя политика следует намеченным основателем государства очертаниям и руководствуется провозглашенными им принципами».

Не приходится сомневаться в том, что самоидентификация государства представляет собой едва ли не решающий фактор, определяющий его деятельность в сфере внешней политики. Несомненно также и то, что самоидентификация того или иного субъекта международных отношений (что в равной мере относится и к Саудовской Аравии) вытекает из условий его генезиса, дальнейшей эволюции и,

наконец, содержания внутренних процессов, развивающихся в пределах его территории. Носителем этой самоидентификации и выразителем идеи государственного самосознания является, конечно же, «правлящий класс». В свою очередь, поддержание отношений взаимозависимости между отдельными фракциями этого «класса», легитимизируемое с помощью ссылок на незыблемость общих политических принципов и установок, в значительной степени определяет стабильность проводимого внешнеполитического курса. Для Саудовской Аравии этот курс превращается в *миссию*, проводником которой выступает государство, стремящееся реализовать положения этой миссии в ходе своих контактов с другими членами международного сообщества. При этом, по словам А.Х.ас-Суэйга, исламские принципы саудовской внешней политики методологически идентичны «системе либеральных ценностей, становившихся после окончания первой мировой войны основой американской внешней политики», и «системе ценностей марксистско-ленинской идеологии», из которой «с момента победы большевистской революции черпала собственную легитимность советская внешняя политика»⁴.

1. Принципы и приоритеты внешнеполитической деятельности Саудовской Аравии

Анализ прокламируемых страной основополагающих ценностей ее внешнеполитической линии, как и утверждение о последовательности этого курса, окажется абстрактным, если внешняя политика саудовского королевства не будет поставлена в реальный контекст ее становления и эволюции. Обращение к саудовским исследованиям является в этой связи действительно насущным и необходимым. Среди этих исследований – уже цитировавшая работа А.Х.ас-Суэйга, автор которой предлагает, в том числе, убедительную картину последовательной эволюции взглядов ведущих представителей «правлящего класса» своей страны. Их список, в силу понятных обстоятельств, открывает Ибн Сауд.

Ибн Сауд рассматривал созданное им государственное образование как «ведущее в окружающем его мировом пространстве» с точки зрения того, что оно играет роль «боронщика ислама» и в этой связи «защитника независимости арабов»⁵. В силу этого обстоятельства его понимание системы международных отношений ограничивалось, по сути дела, постановкой вопроса о необходимости развития политических связей и сотрудничества лишь между существовавшими в его время арабо-мусульманскими государствами. Это понимание опиралось на установки исламской доктрины, предполагавшие всестороннее внедрение в политическую практику этих государств принципов «солидарности (*ам-тадамун*)», «взаимопомощи (*ам-таавун*)» и «совещательности (*аш-шура*)», и как итог этого процесса, отказ этих государств от силового вмешательства во внутренние дела друг друга.

В политических представлениях Фейсала, правившего с 1964 г. по 1975 г., как и в воззрениях его отца, мусульманское и арабское сообщества все также занимали центральное положение в мире⁶. Но их ближайшим соседом оказывался мир «людей Писания», соответствовавший государствам Запада – США и странам Западной Европы – самому влиятельному в политическом и военном отношении блоку в системе международных отношений. Для наследника Ибн Сауда эти государства были «христианскими», их элита следовала заветам одной из богооткровенных религий вне зависимости от того, провозглашала ли она свою приверженность либерализму, демократии или светским идеалам. Более того, декларировавшаяся одним из этих «христианских» государств – США – «моральная ответственность» в отношении «защиты свободного мира» квалифицировалась саудовским монархом как основополагающее совпадение политических интересов Соединенных Штатов и его государства в силу того, что мусульманское сообщество должно было быть составным элементом «свободного мира». Наконец, третьим элементом современной Фейсалу системы международных отношений выступал спаянный единством целей блок «сил коммунизма, сионизма и империализма», ставящий своей задачей «разрушение исламской веры» и создание «перманентной угрозы» не только мусульманскому, но и христианскому сообществам. Система международных отношений окрашивалась в традиционные для мусульманской политической мысли оттенки, трансформируясь в «землю мира (*дар ас-салам*)» – арабомусульманское сообщество, «землю договора (*дар аль-ахд*)» – западное сообщество, с которым возможно и необходимо развитие взаимовыгодного сотрудничества, и, наконец, «землю войны (*дар аль-харб*)» – лагерь безусловных противников мусульман, состоявший прежде всего из Советского Союза, его сателлитов и Израиля.

Конечно, эта схема была внутренне противоречивой. Достаточно сослаться хотя бы на советскую позицию в отношении сионизма и, напротив, теплые отношения Москвы с немалым числом арабомусульманских государств, как и на не менее теплые американо-израильские связи. Более того, Фейсалу, конечно же, было прекрасно известно, что, по крайней мере, история Ближнего Востока знает немало примеров деятельности «империалистических сил», источником которых был «свободный христианский мир» Запада. Однако отношения с Западом были ограничены. Эта ограниченность контактов политически оформлялась с помощью участия королевства в Движении неприсоединения. Но экономически Запад был нужен как источник современных технологий и капиталов, как рынок сбыта нефти. Однако как раз в силу этого обстоятельства «дом мира», в пределах которого Саудовская Аравия начинала рассматривать себя в качестве важнейшего центра притяжения для своих единомышленников, и «дом договора», где такую же роль играли Соединенные Штаты, становились взаимозависимы.

а) арабо-мусульманское направление внешней политики

В 1945 г. Саудовская Аравия выступила в качестве одного из инициаторов создания Лиги арабских государств, региональной организации, призванной сплотить все арабские страны, получившие политическую самостоятельность и провозгласившие приверженность созданию арабского геополитического сообщества.

В начале 50-х годов XX столетия арабский мир вступил в эпоху потрясений и дестабилизации. Поражение в Палестинской войне 1948–1949 гг. вызвало к жизни мощный взрыв панарабской националистической практики, создававшей в течение последующего времени «центры силы», претендовавшие на роль общеарабских объединяющих начал. Ими были, в первую очередь, насеровский Египет, а также, но в ощутимо меньшей мере, баасистские Сирия и Ирак. Становление этих «центров силы», каждый из которых стремился включить в орбиту своего влияния не только государственные образования, но и политические движения, активно апеллируя при этом к внешним источникам помощи, в первую очередь Советскому Союзу, отнюдь не способствовало успеху саудовской политики. Напротив, акцент, ставившийся и Г.А.Насером, и его баасистскими коллегами на «национальном» аспекте своей деятельности, превращал саудовский постулат о «взаимосвязи арабизма и ислама в "реакционное" стремление жить в исчерпанном прошлом». Оценивая это состояние, сегодняшний саудовский исследователь подчеркивает: «Проводившийся в то время арабскими "поборниками прогресса" курс негативно воздействовал на арабо-арабские отношения. Его результатом становились идеологическое размежевание и холодная война между двумя группами арабских государств. Если одна из них была представлена "религиозными консерваторами", то вторая – "радикальными националистами"»⁷. В течение нескольких лет, предшествовавших арабо-израильской войне в июне 1967 г., «холодная война» между арабскими «консерваторами» и «радикалами» могла перерасти в прямое вооруженное столкновение между ними. Поддержанный Египтом антимоноархический военный переворот в Северном Йемене, включая и ввод египетской армии на территорию этого ближайшего саудовского соседа, становился тому, по мнению саудовской политической элиты, убедительным доказательством.

Основы саудовской политики в уже ставшем политически самостоятельным арабском мире опирались на несколько принципиальных установок. Речь шла, в первую очередь, об «арабской солидарности», или «координации действий арабских стран вне зависимости от природы существующих в них режимов», а также, во-вторых, о «взаимосвязи между арабизмом и исламом». Обычная саудовская интерпретация второй установки заключалась в том, что вопрос этой «взаимосвязи» далек от того, чтобы, исходя из него, предполагать

создание некоего арабо-мусульманского блокового объединения, но, как говорил Фейсал, «принцип исламского сотрудничества должен помочь привлечь шестьсот миллионов мусульман мира на сторону наших (арабских – *авторы*) прав»⁸. Фейсал подхватывал важнейшие положения политической доктрины своего отца и наполнял их соответствующим новым условиям жизнедеятельности своей страны содержанием. Речь шла об очевидной преемственности ценностных основ курса, тем не менее, последовательно реинтерпретировавшихся. Ориентация на множество центров мирового развития, среди которых, конечно же, США оставались ведущим, сопровождалась активными действиями Фейсала в пользу институционализации идеи исламской солидарности. В декабре 1962 г. была создана Лига исламского мира (как, скорее, шариатская юридическо-правовая ассоциация со значительными, тем не менее, финансовыми возможностями) со штаб-квартирой в Мекке⁹. 29 сентября 1969 г. (спустя почти месяц после попытки поджога иерусалимской мечети Аль-Акса) в Рабате состоялась первая встреча в верхах глав государств и правительств мусульманских стран, на которой было принято решение о создании Организации Исламской конференции (ОИК). Ее инициатором выступила Саудовская Аравия. Сообщество мусульманских стран, объединенных единой структурой, начинало обретать реальные очертания. Штаб-квартира этой организации располагалась в Джидде, а сама ОИК поддерживалась значительными финансовыми вливаниями Саудовской Аравии¹⁰.

Время конца 70–80-х годов стало эпохой все большей нестабильности в пределах арабского региона, Ближнего и Среднего Востока, рассматривавшихся Саудовской Аравией в качестве зоны ее непосредственных внешнеполитических интересов. Советское военное вмешательство во внутренние дела Афганистана создавало, по мнению саудовской политической элиты, прецедент коренного изменения соотношения сил в региональном масштабе. Гражданская война в Ливане, одной из активных сторон которой была Организация освобождения Палестины (ООП), и вмешательство в нее Израиля, стремившегося тем самым найти решение проблем безопасности своих северных границ, создавали угрозу вспышки новой арабо-израильской войны. В свою очередь иракская агрессия против Кувейта в начале 90-х годов (в ходе которой иракский лидер обвинял саудовский режим в отходе от принципов ислама и следовании в фарватере США) несла в себе на этот раз уже прямую угрозу внешней безопасности Саудовской Аравии. Речь шла об эпохе, связываемой саудовскими исследователями с правлением нынешнего монарха – короля Фахда.

Определение Фахдом внешнеполитических задач страны должно было учитывать как реалии внутренней ситуации в Саудовской Аравии, так и резкое возрастание уровня конфликтности в прилегающих к

ее территории регионах. Обращаясь в 1982 г. в момент своего вступления на престол к народу, Фахд подчеркивал, что королевство – «одно из государств исламской нации. Оно часть этих государств и действует в их интересах. Оно было создано, чтобы нести знамя призыва к Господу, а Господь оказал ему честь, поместив на его территории дом Своей молитвы и мечеть Своего пророка. Круг обязанностей королевства стал шире, его политика стала особой. Выполняя на международной арене возложенные на нее обязанности, эта политика воплощает то, что повелел Господь, призывая идти по определенному Им пути мудрости и благородных деяний».

В этой связи было естественно, что, определяя приоритеты национальной внешней политики, саудовский монарх говорил прежде всего об арабском мире: «Мы действуем, в первую очередь, в рамках Лиги арабских государств, где мы сотрудничаем с нашими арабскими братьями в интересах общеарабского единства слова и дела. ... Вместе с тем Господь помог нам создать вместе с нашими братьями в Заливе и в рамках Лиги арабских государств сильное и эффективное поле деятельности. Это Совет сотрудничества, призванный стать образцом того, каким должно быть взаимодействие между всеми арабами». Вторым приоритетом внешнеполитического курса Фахд провозглашал регион исламского мира: «Из нашей страны раздался призыв к исламской солидарности. Благодаря решимости лидеров мусульман мы смогли создать Организацию исламская конференция и ее институты. В ее рамках мы ведем нашу деятельность в мире ислама, и для нас этот мир не менее важен и принципиален, чем мир арабской нации. Ислам – наша сила, а мусульмане – наша опора и наш стратегический тыл». Наконец, третьим направлением саудовской внешней политики становилось международное сообщество: «Во всеобъемлющем мире мы действуем в рамках Организации Объединенных Наций. Мы заявляем о нашей приверженности ее Уставу и выступаем против любых попыток ослабить ООН и преуменьшить силу международного права, противопоставив ему силу оружия и язык террора. Мы принадлежим к единой семье мирового сообщества, как бы не различались интересы членов этой семьи. Мы верим в принципы мира, основанного на праве и справедливости. Мы считаем, что международная безопасность и политическая стабильность неразрывно связаны и вытекают из экономической справедливости»¹¹.

8 августа 1981 г. в ходе состоявшейся в марокканском Фесе двенадцатой встречи в верхах глав государств и правительств арабских государств Фахд (в то время еще наследник престола) представил саудовский план мирного урегулирования арабо-израильского конфликта. Речь шла о беспрецедентном для того времени шаге, суть которого заключалась в изменении саудовских подходов к вопросам ближневосточной безопасности и позиции королевства по отношению к Израилю. Саудовские оценки этого шага подчеркивали, что «мирная-

инициатива короля Фахда должна рассматриваться как первый всеобъемлющий и сбалансированный проект, подтверждающий намерение арабов добиться мирного урегулирования постигшей палестинский народ исторической трагедии». Он акцентировал в своем выступлении нерешенность палестинского вопроса, подчеркивая, что «обращается к международному сообществу, к странам, которые поддерживают Израиль (речь шла, естественно, о США – *авторы*), заявляя, что желанный мир для Ближнего Востока должен быть осуществлен на основе арабского мирного плана, гарантирующего законные права палестинского народа, включая его право на создание независимого государства под руководством Организации освобождения Палестины, единственного законного представителя палестинского народа, а также ухода Израиля со всех оккупированных арабских территорий и выработки мер, обеспечивающих исключение новых актов сионистской агрессии»¹².

В дальнейшем же события вокруг Кувейта, в ходе которых С.Хусейн активно использовал псевдопалестинскую и антиизраильскую риторику, подтверждали важность занятой Саудовской Аравией в Фесе позиции. Она приветствовала начало мадридской мирной конференции по урегулированию на Ближнем Востоке, используя, как подчеркивало официальное издание саудовского министерства иностранных дел, «весь свой международный вес и свое значение в сфере международной политики для того, чтобы содействовать успеху» этой конференции, когда саудовский монарх «поставил на службу арабской нации и созиданию мира на основе международной законности (для саудовской дипломатии принципиально упоминание в этой связи резолюций ООН №№ 242 и 339 – *авторы*) возможности собственной страны». Естественно, что в дальнейшем саудовское королевство рассматривало подписанное в сентябре 1993 г. в Вашингтоне палестино-израильскую Декларацию о принципах в качестве документа, дающего надежду на то, что «он будет содействовать установлению справедливого мира на базе принципа "мир в обмен на землю", когда полностью завершится уход Израиля с оккупированных арабских территорий, включая в первую очередь Восточный Иерусалим». После подписания в американской столице в сентябре 1995 г. второго «соглашения Осло» саудовское королевство выделило в качестве безвозмездного дара Палестинской национальной администрации 100 млн. долларов США, предназначенных для создания необходимой для Западного берега и сектора Газа инфраструктуры¹³.

С конца 70-х годов в центре внимания саудовской внешней политики оказался Афганистан (в 1979 г. на территорию этой страны были введены советские войска). Для королевства речь шла о том, что «советская оккупация была направлена против исламского характера и цивилизационной идентичности мусульманского афганского народа». Это означало, что Саудовская Аравия предпримет все необхо-

димые меры (включая и значительную финансовую помощь) ради ликвидации советского военного присутствия в Афганистане и поддержки движения *моджахедов*. Если, как отмечало саудовское издание, «мусульмане всего мира считают Королевство Саудовская Аравия центром влияния, мыслящим разумом и трепещущим сердцем исламской нации», то руководство этого государства «должно было поднять знамя борьбы за веру, открыть свои двери афганским мусульманским отрядам, объявить о своей полной поддержке моджахедов и подтвердить, что борьба за веру является лучшим способом защитить права афганского народа и сохранить его единство и основы бытия». В итоге была достигнута «одна из самых значительных побед исламской нации, когда вторая по своему значению военная сила мира была вынуждена отступить, несмотря на то, что она располагала значительным количеством оружия и боевой техники»¹⁴. Речь шла, естественно, о Советском Союзе.

Саудовская Аравия активно участвовала в урегулировании внутриливанского конфликта (23 октября 1989 г. в саудовском Таифе противоборствующими сторонами было подписано соглашение по ливанскому вопросу), она поддерживала турок-киприотов и мусульманское меньшинство на Филиппинах. Не менее существенна и роль саудовского королевства в поддержке движения за отделение Эритреи от Эфиопии. В каждом из этих случаев речь в конечном итоге шла о создании ею образа защитника интересов мусульманских меньшинств. Наконец, уже в 90-е годы XX столетия и позже Саудовская Аравия стала одним из инициаторов поддержки и оказания многообразной помощи (включая ее политический и финансовый аспект) боснийским мусульманам, косовским албанцам и чеченскому ирредентизму в России¹⁵.

Иными словами, с начала 80-х годов XX столетия Саудовская Аравия играла все более активную роль в регионе арабского и мусульманского (в своей основе единых для саудовской политики областей действия) геополитического сообщества. Для этого она имела все необходимые возможности. Один из авторов коллективного монографического издания Института дипломатических исследований отмечал, что значение арабо-мусульманского фактора в саудовской внешней политике «приобрело более очевидный характер» после того, как его страна стала располагать «огромной финансовой мощью». Эту «мощь» саудовская политическая элита немедленно инвестировала «в дело поддержки основополагающих чаяний и интересов арабов и мусульман, включая, в частности, процесс арабо-израильского противостояния»¹⁶. Однако в конечном итоге внешняя финансовая помощь как направление саудовской внешнеполитической деятельности¹⁷, когда все более прокламировалось «совпадение позиций королевства, с одной стороны, и позиций арабов и мусульман, с другой», означала лишь, что Саудовская Аравия, «являясь нефтедобывающим государством», «в сфере международных отношений стре-

мится защищать собственные самобытные ценности и принципы». В свою очередь, эти ценности определялись «основополагающими началами» ее «арабо-мусульманской истории и цивилизации, не подверженными воздействию конъюнктурных обстоятельств международной политики»¹⁸. Речь вновь шла о национальной идентичности королевства, что напрямую было связано с проблемой обеспечения его безопасности.

б) западное направление внешней политики

Реализация центрального для саудовской внешней политики при Ибн Сауде арабо-мусульманского направления была немислима без прагматически понимаемых двусторонних контактов между вновь возникшим королевством и немусульманскими странами. Среди них были великие державы его времени, а также государства, стремившиеся обрести этот статус. Как А.Х.ас-Суэйг, так и другие саудовские авторы подчеркивают неизбежность контактов Ибн Сауда с Великобританией. Эти контакты вытекали прежде всего из необходимости демаркации границ между королевством и его соседями – государствами Залива, Ираком и Трансиорданией (бывшими в 20–30-е годы английскими подмандатными территориями или протекторатами).

По сути дела, это и было содержанием того курса, который А.Х.ас-Суэйг называл «созданием по периметру границ королевства пояса дружественных государств»¹⁹. В период между двумя мировыми войнами это направление деятельности первого саудовского монарха в силу международного статуса соседей созданного им государства могло быть успешным только при доброжелательном посредничестве Великобритании, в признании которой жизненно нуждался и Ибн Сауд. В 1926 г. государство Ибн Сауда и Великобритания обменялись дипломатическими миссиями²⁰. Во многом те же обстоятельства, когда речь шла об установлении связей с политическими лидерами Сирии и Ливана (в 20–30-е годы территориями под французским мандатным управлением), заставляли основателя нынешнего саудовского государства искать пути сотрудничества с Францией, с которой в 1931 г. им был подписан договор о дружбе.

Саудовские издания дают, вместе с тем, немало оснований считать, что установление отношений между саудовским государством и Францией было продиктовано стремлением Ибн Сауда найти противовес ведущей роли Великобритании в ближневосточном регионе в 20–30-е годы XX столетия. Этому, несомненно, содействовали также и начавшиеся в то время контакты между саудовским монархом, с одной стороны, и Советским Союзом (ставшим в 1926 г. первым государством, официально признавшим его статус короля Хиджаза, султана Неджда и присоединенных территорий), Италией и Германией, с другой. Однако кратковременность и ограниченность этих ранних связей была очевидна. Саудовско-советские дипломатические отношения были прерваны в 1938 г. Саудовско-германские же отношения,

начало которым было положено заключенным в 1929 г. договором о дружбе, на основе которого десять лет спустя обе стороны обменялись официальными дипломатическими миссиями, были разорваны Ибн Саудом в самом конце второй мировой войны. Наконец, саудовско-итальянские консульские связи, установленные в 1932 г., наиболее яркой страницей которых был официальный визит в 1935 г. принца Фейсала ибн Абдель Азиза в Рим и его встреча с Муссолини, во время второй мировой войны также оказывались замороженными. В конечном итоге отношения с этими тремя странами, в то время предпринимавшими шаги для активизации своей роли на Ближнем Востоке, были нужны Ибн Сауду, по словам саудовского исследователя, только для того, чтобы «облегчить свободу внешнеполитического маневра» собственной страны. Но в любом случае советские, германские или итальянские возможности «оказывались недостаточны для устранения всеобъемлющего регионального влияния Великобритании»²¹. По сути дела, речь шла о том, что выходящий на международную арену саудовский монарх действовал, опираясь на метод «проб и ошибок».

???

В 1933 г. американская компания «Standard Oil of California», несмотря на жесткую конкуренцию английских монополий, получила концессию на разработку нефти на территории саудовского государства. Комментируя это событие, А.С.аш-Шамлан подчеркивал: «Конечно же, то, что королевство было единственным независимым государством региона, что и стало решающим фактором, содействовавшим тому, что конкуренция между компаниями, стремившимися получить концессию, происходила на исключительно коммерческой основе. Американская компания смогла получить контракт, выполнение которого в последующие годы показало, что разработка нефти представляет собой важнейшую сферу американских интересов в регионе, без какого-либо вмешательства со стороны правительства Соединенных Штатов и в условиях, когда это правительство не имело с королевством дипломатических отношений. Однако получение концессии создало основу для позитивных отношений между двумя странами, проложивших в дальнейшем путь к постоянно расширявшимся двусторонним связям в политической сфере»²³. Это – важное замечание. Оно подтверждается ссылкой на заявление Ибн Сауда того времени: «Американские компании во многом независимы от собственного правительства. Соединенные Штаты далеки от арабских стран. В отличие от европейских стран у Америки нет политических целей».

Современному саудовскому исследователю, конечно же, известно, что в начале 30-х годов американская администрация делала всего лишь первые шаги, направленные на преодоление проводившейся ею ранее политики изоляционизма. Тем не менее предпринятая в сентябре 1929 г. (и оказавшаяся неудачной) попытка саудовского монарха добиться установления дипломатических отношений с Соединенными Штатами оценивается сегодня саудовскими политологами как доказательство преднамеренного нежелания этой страны участвовать в «международных противоречиях ради установления собственного, идентичного европейскому, влияния в регионе».

Установление в 1935 г. консульских отношений между Саудовской Аравией и Соединенными Штатами становилось итогом все более расширявшейся американской нефтяной деятельности на территории королевства. В свою очередь создание в 1942 г. на основе консульства в Джидде дипломатической миссии США расширяло сферу саудовско-американского взаимодействия. Она включала теперь не только эксплуатацию запасов саудовских энергоносителей, но и, соответственно, технические и гуманитарные контакты между обеими странами, расширению которых содействовала трансформация деятельности «Standard Oil of California», превратившейся в «Arabian-American Company – ARAMCO», и распространение на королевство программ американской внешнеэкономической помощи. Тем не менее все это не означало, по мнению А.С.аш-Шамлана, какого-либо сужения сферы самостоятельного внешнеполитического действия саудовского королевства: «Хотя в экономическом и техническом отношении деятельность АРАМКО на территории королевства была успешна, ее дальнейшее пребывание там полностью определялось желанием короля Абдель Азиза и его самостоятельными внешнеполитическими устремлениями. Это обстоятельство заставляло АРАМКО проводить курс активного давления на государственный департамент Соединенных Штатов в интересах установления двусторонних дипломатических отношений и укрепления связей между обеими странами». Иными словами, АРАМКО действовала, считая необходимым «убедить американское правительство в том, что полученная ею концессия представляет собой неотъемлемый элемент американских национальных интересов». Итогом развития в этом направлении стало провозглашение региона Аравийского полуострова и Персидского залива уже в 1943 г. зоной «особых интересов» Соединенных Штатов (предполагавшее развитие двусторонних отношений в военной области), положительно встреченное Ибн Саудом: «Королевство, со своей стороны, нуждалось в постоянно увеличивавшихся нефтяных отчислениях и американской технологии, значение которых для страны стало особенно ощутимым в эпоху начала модернизации, тогда, когда процесс ее объединения был завершен, а стабильность обеспечена». В феврале 1945 г. произошла личная встреча Ибн Сауда и Т.Рузвельта

на борту находившейся в акватории Красного моря яхты американского президента «Quincy». Связываемая обычно с обсуждением руководителями двух стран палестинской проблемы, эта встреча была посвящена всему комплексу вопросов двусторонних отношений и дальнейших перспектив их развития.

Связи с Западом уже в эпоху Фейсала имели тенденцию к постепенному дифференцированию и последовательной диверсификации. Прерванные в 1956 г. (предлогом для этого стала англо-франко-израильская агрессия против Египта, где «революционное» руководство Г.А.Насера национализировало Суэцкий канал) отношения с Великобританией и Францией были восстановлены в 1963 г.²⁴ Развитие саудовско-французских связей стало еще более активным, когда после арабо-израильской войны в июне 1967 г. правительство генерала де Голля приняло «мужественное» решение о прекращении поставок оружия Израилю. Состоявшийся в том же году официальный визит короля Фейсала в Лондон и Париж содействовал возобновлению широкого торгово-экономического и военно-технического обмена, а также контактов в сфере политики и культуры между саудовским государством и этими двумя европейскими странами. В равной мере это относилось и к ФРГ, с которой в 1957 г. Саудовская Аравия восстановила прерванные незадолго до окончания второй мировой войны дипломатические отношения.

Развитие контактов с ведущими европейскими державами постоянно оправдывается в работах саудовских исследователей ссылками на «изменение их подходов к вопросу арабо-израильского противостояния». По словам специалиста по саудовско-европейским отношениям, доцента Института дипломатических исследований саудовского Министерства иностранных дел М.Х.аль-Авейди, арабо-израильская война в июне 1967 г. и «занятая в ходе ее королевством подлинно национальная позиция поддержки прав арабов определила действия короля Фейсала, направленные на оказание мощного давления на государства, влияющие на развитие конфликта, в интересах ликвидации последствий агрессии и вывода израильской армии с оккупированных ею арабских территорий»²⁵. При этом уже в начале 70-х годов в саудовских работах анализ отношений с Соединенными Штатами во все большей мере сопровождался указаниями на то, что тесные отношения с этой державой отнюдь не привели к ликвидации «односторонней» американской ориентации на поддержку еврейского государства и игнорирования палестинских интересов. Разумеется, критика американской позиции ни в коей мере не предполагала призывов к пересмотру отношений с ведущей державой западного мира. Тем не менее она начинала включать в список высказываемых этой стране претензий мысли о «недостаточном понимании» американскими политиками сути религиозных основ саудовского государственного устройства, как и сложившейся в королевстве социально-

экономической системы. Речь шла также и о «недооценке» Соединенными Штатами «цивилизационных различий» между арабским миром (Саудовской Аравией в первую очередь) и миром Запада²⁶.

Тем не менее едва начинавшие высказываться в то время претензии к Соединенным Штатам не скрывали главного. В сентябре 1960 г. при активном участии Саудовской Аравии была создана Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК). Основной целью этой организации провозглашалась «координация и унификация нефтяной политики стран-участниц и определение ими наилучших способов защиты своих национальных или коллективных интересов»²⁷. С точки зрения саудовского политолога Ф.аль-Фарси, выражающего официальный саудовский взгляд на проблему, «глобальное воздействие Организации стран-экспортеров нефти отчетливо проявилось в ходе и после окончания войны месяца рамадан 1973 г., когда арабские нефтепроизводящие страны взяли курс на постепенное снижение поставок нефти в страны Запада ..., целью которого выступало достижение мирного и справедливого решения ближневосточного конфликта. Однако решение президента Никсона оказать Израилю военную помощь ... заставило арабские нефтепроизводящие страны ввести полное нефтяное эмбарго в отношении Соединенных Штатов»²⁸. Речь шла о движении Саудовской Аравии к корректировке принципиальных основ сотрудничества с этой страной. Дальнейшее развитие событий было во многом предсказуемо.

«С 1973 г., – отмечал исследователь саудовской политики, – соотношение сил изменилось в пользу нефтедобывающих государств. Действия ОПЕК, направленные на ограничение роли нефтяных компаний в сфере ценообразования и количества добываемой нефти, позволили странам-экспортерам проводить политику национализации или соучастия в деятельности нефтяных компаний, когда государство начинало последовательно увеличивать свою долю в собственности и управлении нефтяными компаниями». Саудовская Аравия избрала вторую линию поведения. Договор с АРАМКО позволил ей уже в 1973 г. стать собственником 25% активов этой монополии. В 1980 г. саудовское государство окончательно стало ее владельцем, в дальнейшем же (1988 г.) на месте прежней АРАМКО возникла национальная Саудовская Арабская нефтяная компания²⁹. По словам М.Х.аль-Авейди³⁰, в этих условиях «значительный рост цен на нефть означал ранее беспрецедентное увеличение доли валютных поступлений в бюджеты стран Залива, среди которых было и королевство». Из этого обстоятельства вытекало не только стремление его лидеров к диверсификации источников современной технологии и вооружения, но и не менее существенные политические запросы. Складывавшиеся в 70-е и в начале 80-х годов «особые» отношения Саудовской Аравии с ведущими европейскими державами позволяли «королевству, не колеблясь, использовать их в интересах решения проблем арабского и ис-

ламского мира, оказывать давление на эти державы с тем, чтобы высказывавшиеся ими намерения претворялись в эффективные позиции, вносящие свой вклад в укрепление уз дружбы между ними и арабскими странами, в целом, и королевством, в частности». Вне сомнения, однако, что речь шла и о нахождении способа давления на Соединенные Штаты, которым, в частности, в области поставок вооружения, Саудовская Аравия успешно пользовалась.

**в) определение положения Саудовской Аравии
в системе международных отношений**

Итак, основополагающие принципы курса страны исходили из того, что «любое внешнеполитическое решение или действие Королевства опирается на то, что оно является частью арабской и исламской нации»³¹. Это положение статьи (опубликованной в самом начале 80-х годов и постоянно цитируемой в последующих саудовских изданиях) Н.У.Мадани, саудовского дипломата (с конца 70-х годов главы отдела зарубежной информации Министерства иностранных дел, а ныне заместителя министра иностранных дел) принципиально и аксиоматично, – «Королевство занимает ключевое положение в исламском мире, на его территории появился ислам, и на его территории находятся обе мусульманские святыни»³². Эти обстоятельства «обязывают королевство нести знамя призыва к мусульманской солидарности, предпринимая все необходимые меры ради всестороннего укрепления возможностей исламской нации». Одновременно, «особое место королевства в арабском мире предполагает, что оно твердо стоит на защите общеарабских проблем, прежде всего, палестинской», а «саудовская дипломатия неуклонно действует в направлении сохранения общеарабской солидарности, как на Востоке³³, так и на Западе³⁴ арабского региона». Вместе с тем, для Н.У.Мадани было очевидно, что саудовская внешняя политика «опирается на морально-этические нормы благородной веры ислама и славного мусульманского наследия»³⁵. Однако возникал второй принцип национальной внешнеполитической доктрины. Цитируемый автор, описывая его, подчеркивал, что его страна развивает многосторонние отношения и с западным миром. Возникал второй, параллельный и никак не менее важный для королевства приоритет его внешней политики. Мусульманские «морально-этические нормы» были существенны и для этой сферы внешнеполитического действия, где Саудовская Аравия проводит «целенаправленный и умеренный внешнеполитический курс», далекий от того, чтобы «быть двуличным, с одной стороны, а, с другой, тайным, отказываясь от выдвигания пустых, не способных накормить или спасти от голода лозунгов». Этот курс «направлен против заключения секретных соглашений», он «смел, всегда открыт и определен четкими действиями, направленными на осуществление и собственных национальных интересов, и интересов мусульманских и арабских народов, в ряду которых находится и Саудовское королевство».

Религиозный «морально-этический» контекст определял для Н.У.Мадани и остальные «принципиальные основы» саудовской внешней политики. В их ряду находилось стремление королевства к «миру во всем мире в качестве основной цели его внешней политики», а также его категорическое неприятие идеи «распространения оружия массового поражения», включая, прежде всего, его ядерный компонент. Эти же «основы» содержали положение о «справедливости во взаимоотношениях между государствами в сфере политики, экономических связей и общественных контактов», рассматриваемое творцами саудовской внешней политики в качестве «пути к процветанию, благополучию и стабильности в мире». Для саудовского королевства, по словам Н.У.Мадани, было неприемлемо «использование силы как инструмента осуществления внешнеполитических задач», что вовсе не означало его отказа от «законной самообороны» или «игнорирования военного аспекта» защиты собственных национальных интересов. Тем не менее, «защищающая эти интересы и бдительно стоящая на их охране армия» была необходима Саудовской Аравии не для того, чтобы использовать ее в качестве «орудия нападения или агрессии». Если, подчеркивал цитируемый саудовский автор, «Королевство дорожит собственными ценностями, если оно исполнено веры в свои основополагающие принципы и стремится содействовать их воплощению в жизнь, то его приверженность праву, справедливости, миру и высшим идеалам гуманизма отнюдь не означает, вместе с тем, что оно соглашается быть невинной овечкой в мире, где столь велико число кровожадных волков».

Иными словами, в начале 80-х годов «отличительной чертой саудовской внешней политикой» выступало «живое сочетание морали и реализма», когда «реализм» должен соответствовать «национальной традиции» или, иными словами, когда вкладываемое в этот термин содержание могло быть возведено к шариатскому праву или проинтерпретировано на основе коранических текстов и сунны Пророка³⁶. Взаимодействие с множественностью акторов международных отношений, вовсе не ограниченных лишь кругом стран арабомусульманского региона, требовало не только того, чтобы во внешнеполитическом курсе «исламского» государства воплощалась бы «его идеология и традиционное наследие». Реализуя собственную идеологию, государство было «обязано четко следить и за правилами международной игры»³⁷. Тем самым, его внешняя политика, «сосредоточенная в первую очередь на реализации собственных национальных интересов», была направлена на то, чтобы обеспечивать «взаимодействие с другими государствами, базирующееся на искреннем взаимоуважении и учете взаимных интересов». В рамках этой концептуальной установки «дружественным становится то государство, намерения которого заслуживают доверия», и, напротив, «враждебным – то, которое не дружественно королевству, стремится

нанести урон проводимой им политике, прямо или косвенно угрожает целостности его территории или безопасности».

Отсюда вытекал очевидный для страны отказ «следовать в чьем-то фарватере в силу того, что она знает, чего она хочет, демонстрирует и требует то, к чему она стремится, подчеркивая тот минимум, которым она не желает поступаться». Одновременно, отсюда же вытекало и то, что в Саудовской Аравии называли в то время «точностью и взвешенностью» собственной внешнеполитической линии, основывающейся на реалистической оценке «своей силы, своих материальных и человеческих возможностей, включая и имеющиеся у страны природные ресурсы». Иными словами, речь шла о том, что едва ли не важнейшим постулатом саудовского поведения на международной арене выступал принцип «позитивного нейтралитета». Страна рассматривала себя в качестве одного из государств «третьего мира», являлась членом Движения неприсоединения и «привозглашала свою приверженность» принципам Бандунга. И в то же время она не хотела быть «сателлитом одного из двух военно-политических полюсов» в период двухполярной системы международных отношений. Считая, что «противоборство между Советским Союзом и Соединенными Штатами» направлено на то, чтобы включить в орбиту влияния каждой из сверхдержав страны «третьего мира», Саудовская Аравия видела свой долг в том, чтобы «содействовать невовлечению арабских и мусульманских государств в американо-советское противостояние». Н.У.Мадани подчеркивал, что целью политики его страны выступает «поддержка полной независимости арабских и мусульманских стран, суть которой заключается в противостоянии вызовам великих держав, вне зависимости от того, в какой мере та или иная арабо-мусульманская страна связана с каждой из них».

Но, вместе с тем, проблема «живого сочетания морали и реализма» касалась и «уважения королевством международных конвенций и соглашений, а также двусторонних договоров, заключаемых с теми государствами, интересы которых совпадают с саудовскими национальными интересами». В равной мере это положение относилось и к международным организациям и объединениям, членом которых уже в то время являлась Саудовская Аравия. В их ряду Н.У.Мадани называл, в первую очередь, ООН, Лигу арабских государств, Организацию исламская конференция и уже упоминавшееся Движение неприсоединения (к моменту публикации его статьи Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива еще не был создан). Действуя в этих организациях, королевство рассматривало в качестве своей важнейшей обязанности противодействие «иностранным вмешательству в дела государств третьего мира». Его принципиальное несогласие с какой-либо возможностью такого вмешательства (естественно, что в Саудовской Аравии в 80-е годы прошлого столетия в качестве примера называлось советское присутствие в

Афганистане) подтверждалось указанием на то, что «лучшим способом противодействия этому выступает оказание помощи подвергшемуся вмешательству извне государству». Эта помощь не только «усилит способность государства-жертвы к сопротивлению, но и обеспечит высокий уровень координации действий и сотрудничества между теми странами, которые, как и это государства, являются частью цивилизационно единого географического региона».

Наконец, в ряду «принципиальных основ» внешней политики саудовского королевства, излагавшихся Н.У.Мадани, присутствовала и экономическая составляющая. Государство, подчеркивал он, провозглашающее, что оно строит «свою хозяйственную систему на сознательно избранном им мусульманском фундаменте», естественно, стремится к тому, чтобы важнейшие элементы этого «фундамента» воплощались и «в его международной экономической политике». Постановленный таким образом вопрос не мог, разумеется, интерпретироваться как последовательное и целенаправленное внедрение религиозных начал в мировую хозяйственную жизнь. Для страны, уже тогда активно участвовавшей в деятельности широкого круга международных финансовых организаций, среди которых Международный банк реконструкции и развития, а также Международный валютный фонд³⁸, такая постановка вопроса выглядела бы не только как неразумная, но и как неприемлемая. Тем не менее, творцы саудовской внешней политики полагали тогда, что мировая экономика все еще далека от действительно «справедливого и свободного взаимодействия» стран и народов³⁹. Они видели присутствующие в ней «насилие, эксплуатацию и разнообразные формы и проявления шантажа». Поддерживая и принимая участие «во всех международных усилиях, направленных на создание условий для стабилизации основ мировой экономики», саудовское королевство исходило из необходимости «поиска новой конфигурации мирового экономического порядка, способной придать ему большую возможность реализовать справедливость и, одновременно, обеспечить равенство прав всех государств как развитых, так и развивающихся». Направленность этого курса была принципиальна. Она предусматривала «созидание динамичных и взвешенных отношений между экономическим ростом и политической стабильностью всех государств и, прежде всего, развивающихся».

2. Саудовский подход к глобальным проблемам

а) «Новый мировой порядок»

В 1992 г. издаваемый Институтом дипломатических исследований журнал «Дирасат саудийя» опубликовал статью сотрудника Института Х.аль-Манкури – «Королевство Саудовская Аравия и новый мировой порядок с точки зрения геополитики»⁴⁰. Многие положения заслуживают внимательного прочтения.

Для автора этой программной статьи было очевидно, что кризис 1990–1991 гг. в Заливе стал фактором кристаллизации тенденции к созданию новой системы международных отношений. Эта тенденция, вырвавшаяся из обоюдного стремления обоих полюсов мирового развития, демонстрировала возможности более активных действий в направлении решения как уже существовавших кризисных ситуаций, так и тех «конфликтов, которые могли стать реальностью мирового развития в обозримом будущем». Саудовская Аравия не только приветствовала эту новую реальность, но и стремилась поддержать процесс ее становления. Это определялось, прежде всего, тем, что перспективы «нового международного порядка» – «уход в прошлое разделявшего супердержавы противостояния» – открывали перед «странами третьего мира» возможность реализации идеи «международного сотрудничества и взаимопомощи ради решения региональных и общемировых проблем». Таким образом, подтверждался один из основополагающих принципов внешнеполитической линии саудовского королевства с помощью новой версии того, что творцы его внешней политики называли «живым сочетанием морали и реализма».

По словам Х.аль-Манкури региональный кризис вокруг Кувейта уже в момент своего возникновения приобрел отчетливо выраженный международный характер. Вопрос, конечно же, не сводился только к тому, что регион Персидского залива далек от того, чтобы рассматривать его в качестве «маргинального». Хотя участники системы региональных отношений (саудовский автор имел в виду, прежде всего, собственную страну), по его словам, должны квалифицироваться в «рамках соотношения государств в системе международных отношений как малые силы», в контексте же международных отношений в Заливе они выступают в роли «максимально эффективных игроков, располагая определенным силовым потенциалом и значительным весом». Но проблема, однако, этим не ограничивалась, – все те же участники «географически расположены в регионе, принципиально важном для всего мира, где скрещиваются конкурирующие между собой интересы великих держав и где сосредоточены огромные запасы энергетического сырья, в частности, нефти, оказывающие значительное влияние на жизнь большинства стран мира». В какой мере эти акторы, в военном отношении оказавшиеся далекими от самостоятельного решения кризиса вокруг Кувейта, «будут способны, принимая вытекающие из нового мирового порядка реалии международного согласия и взаимопомощи, обеспечивать себе свободу действия в контексте новых взаимоотношений между великими державами»? Иными словами, «каковы пределы роли малых стран (стран «третьего мира») в процессе укрепления основ нового мирового порядка? Будут ли они партнерами великих держав или зависимыми от них, как это происходило в условиях старого мирового порядка?».

Это была действительно реалистическая постановка вопроса. Она включала в себя и мысль, которая присутствовала в ней пока еще подспудно. Ее можно было бы резюмировать следующим образом, – в какой мере Саудовская Аравия, оказывавшаяся в прошлом государством, успешно защищавшим «ценности» собственной самобытности и с их помощью легитимировавшим свой внешнеполитический курс, могла теперь апеллировать к этим «ценностям»? Речь шла не только о теории, но и о практике поведения исламской страны, на территории которой после освобождения Кувейта оставались американские вооруженные силы, превращавшиеся в едва ли не единственного гаранта обороны всей зоны Персидского залива, включая, разумеется, и Саудовскую Аравию. Наступило ли время, подчеркивал Х.аль-Манкури, «выбора такой модели внешней политики, которая предполагает, что в контексте нового мирового порядка свобода действия малых сил окажется ограниченной»?

Ответ на этот вопрос для Саудовской Аравии оказывался отрицательным. Основное положение анализируемой статьи, – Саудовская Аравия является страной, «связанной историческими узами со становлением нового мирового порядка». Если с уходом в прошлое разделяющих оба полюса мирового развития противоречий мир вступал в эпоху, когда в большей мере, чем ранее, его развитие будут определять «принципы мира, справедливости и господства права», то это означает, что традиционный саудовский курс оказался дееспособным потому, что он всегда исходил из того, что «положения мусульманской веры отвечают этим принципам». Однако страна должна была оправдать свое положение во вновь формирующемся мире или, как писал Х.аль-Манкури, найти «наиболее адекватную для королевства форму международного сотрудничества и взаимодействия».

Автор статьи считал (выражая точку зрения, господствовавшую в рядах саудовской политической элиты), что, в принципе, такая форма, являющаяся одновременно и инструментом сотрудничества стран и народов, уже существует. Речь шла об ООН как организационном оформлении идеи единого и одновременно многообразного общечеловеческого сообщества и созданных Объединенными Нациями институтах поддержания и защиты взаимодействия между составляющими это содружество элементами. Саудовская Аравия уже в начале января 1942 г. официально заявила о своем присоединении к заявлению о необходимости создания международной организации для поддержания мира. Объявив войну Германии и Японии, она участвовала в конференции государств, создавших ООН в апреле 1945 г. в Сан-Франциско, и в октябре того же года подписала Устав Организации Объединенных Наций. Ее действия определялись тем, что «провозглашенные Уставом ООН принципы мира, справедливости и суверенитета права в сфере международных отношений полностью совпадают с вероучением религии ислама, на котором строится политиче-

ский курс королевства». Цитируя одно из заявлений короля Фахда, Х.аль-Манкури подчеркивал, что деятельность Саудовской Аравии в ООН и ее институтах «отражает ее принадлежность к единой семье международного сообщества, жизнедеятельность которого, вне зависимости от различий интересов его членов, определяется общим для всех них пониманием принципов мира, справедливости, включая и ее экономическую составляющую, и равенства прав».

«Королевство Саудовская Аравия, – писал Х.аль-Манкури, – составная часть международного политического, экономического и геополитического баланса сил, определяющая его роль в качестве одной из важных основ нового мирового порядка»⁴¹. Что означало это положение цитируемого автора в его практическом оформлении?

Специфика саудовского геополитического положения, продолжал он, заключается в том, что его страна «как часть региона Арабского (Персидского – *авторы*) залива, объекта конкуренции великих держав на протяжении всего времени современной истории, играет роль связующего звена между Старым и Новым Светом». Но, кроме того, Саудовская Аравия «занимает центральное положение на Ближнем Востоке в узком и широком понимании этого региона». Одновременно, это же государство «занимает срединное положение в арабском и мусульманском мире, имеющем неоспоримо огромное значение с точки зрения демографической, цивилизационной, политической и экономической». Наконец, Саудовская Аравия не могла рассматриваться только лишь как действующее лицо региональной системы. Она была важна и для системы международных отношений. Огромная территория («равная трети территории Соединенных Штатов и двум третям территории Франции», – сообщал Х.аль-Манкури), как и «огромные запасы разнообразных природных ископаемых» в недрах страны требуют защиты ее безопасности и стабильности: «королевство важно для нового мирового порядка, а новый мировой порядок важен для королевства». Традиционная для саудовского политического дискурса идея «солидарности», «взаимопомощи» и «совещательности», обычно применявшаяся только к системе взаимоотношений «Саудовская Аравия – арабский и мусульманский мир», на этот раз переносилась на более высокий уровень – «Саудовская Аравия и объединенное узами принадлежности к ООН мировое сообщество». Современное саудовское королевство настойчиво продвигалось к этой идее на протяжении всей истории своей внешней политики. Тем не менее, разрыв между ригоризмом прошлого (например, «условность» отношений с «христианским Западом» – «землей договора») и «либерализмом» начала 90-х годов был очевиден. Более того, Х.аль-Манкури подчеркивал, в частности, что «наиболее ярким примером серьезности подходов королевства к созданию нового мирового порядка» выступает «восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом **в его новом качестве активного участника про-**

цесса реализации международной безопасности и стабильности» (выделено в тексте – *авторы*). Если учитывать предшествовавшее возобновлению отношений с Советским Союзом в сентябре 1990 г. установление дипломатических связей между Саудовской Аравией и Китайской Народной Республикой (в июле 1990 г.), то саудовская внешняя политика действительно приобретала всеобъемлющий и многовекторный характер⁴². В конце 90-х годов XX столетия Саудовская Аравия имела дипломатические представительства на уровне посольств во всех странах-членах Лиги арабских государств (за исключением Коморских островов), в 15 азиатских странах и в Австралии, 11 африканских странах к югу от Сахары, четырех латиноамериканских (Мексика, Аргентина, Бразилия и Венесуэла), Канаде, Соединенных Штатах и 13 европейских странах. В свою очередь, в Саудовской Аравии находились дипломатические представительства различных уровней всех арабских стран (включая Палестину и Коморские острова), 19 азиатских, Австралии и Новой Зеландии, 21 африканской, 6 латиноамериканских, Канады, Соединенных Штатов и 19 европейских стран⁴³.

б) Международный терроризм

В какой мере события 11 сентября 2001 г. воздействовали на саудовский внешнеполитический курс, квалифицируемый в качестве «сочетания принципов морали и реализма»? Этот вопрос не кажется праздным, – по мнению представителей саудовского «правящего класса», присутствие 15 граждан королевства среди 19 обвинявшихся американскими властями в совершении террористических акций в Нью-Йорке и Вашингтоне было «истиной, которую никто не может опровергнуть»⁴⁴. Конечно, признание этого факта саудовским министром внутренних дел принцем Найефом бен Абдель Азизом обрамлялось заявлениями о том, исполнители этих акций, вероятно, «подверглись промывке мозгов или психологическому давлению». Разумеется, он сообщал, что, быть может, «кто-то оказался способен использовать их глубокие религиозные чувства ради того, чтобы подтолкнуть их к совершению» соответствующего поступка. Член саудовского истеблишмента мог, наконец, сослаться на то, что «нахождение саудовских граждан в самолетах еще не означает, что можно обоснованно утверждать, что именно эти саудовцы совершили операцию», а также заявлять, что «американская администрация до сих пор не предоставила нам серьезных доказательств, подтверждений или обвинений в адрес какого-либо саудовского гражданина, способных убедить нас в том, что этот саудовский гражданин был участником» сентябрьской акции⁴⁵. Но все это не меняло главного, – религиозно окрашенные принципы саудовского внутри- и внешнеполитического курса подвергались критике и в США, и в других странах Запада. В них видели источник уже произошедших (и возможных в будущем) террористических актов⁴⁶, что, казалось бы, доказывалось, например,

сохранением королевством дипломатических отношений с режимом движения Талибан⁴⁷ и его поддержкой администрации Я.Арафата. Возникла ситуация, когда возможности королевства сохранить свое положение «центра силы» в районе арабского геополитического сообщества и мусульманского мира и, одновременно, посредника между этим районом и Западом, подвергались действительно серьезным испытаниям.

Речь шла об очевидном антиисламском подтексте антитеррористической кампании, в создании которого, по мнению саудовской элиты, играли и средства массовой информации Соединенных Штатов, ставившие под сомнение принадлежность Саудовской Аравии к «новому мировому порядку»⁴⁸. Говоря об этом подтексте, в королевстве подчеркивали, что «за ни чем не оправданной кампанией против Саудовской Аравии стоят сионисты». Эта точка зрения не была всего лишь повторением старых пропагандистских клише.

13 сентября 2001 г. наследник саудовского престола принц Абдалла бен Абдель Азиз в ходе телефонного разговора с Дж.Бушем выразил американскому президенту и народу Соединенных Штатов глубокие соболезнования в связи с «террористической акцией, осуждаемой всеми монотеистическими религиями»⁴⁹. Опубликованное в этой связи пресс-службой саудовского министерства иностранных дел сообщение содержало важные подробности. Наследный принц призвал президента Соединенных Штатов «проявить в этих сложных условиях необходимую мудрость», подчеркнув, что он, несомненно, «осознает последствия домыслов, которые, видимо, будут высказаны в средствах массовой информации внутри Соединенных Штатов Америки, а также открытых намеков в отношении арабов и мусульман». Указывая, этой связи, на «уже совершенные в отношении проживающих в США арабов и мусульман отдельные провокационные акты насилия». Абдалла бен Абдель Азиз заявлял: «Мы отводим от ислама и арабов какую-либо ответственность за совершенные деяния, на которые не может пойти разумный человек, верящий в Господа и осознающий вечную миссию ислама. Мы хотели бы, – говорил он далее, – сказать Вашему превосходительству, что в Соединенных Штатах Америки могут найтись люди, которые попытаются половить рыбу в мутной воде и направить американское общественное мнение против находящихся в Вашей стране арабов и мусульман». Наконец, завершая беседу, саудовский наследный принц подчеркивал: «Мы ... готовы к сотрудничеству с Вами в отношении выяснения того, кем были исполнители преступной акции, а также к их задержанию»⁵⁰.

Два дня спустя с заявлением о событиях в Нью-Йорке и Вашингтоне выступил верховный муфтий королевства шейх Абдель Азиз бен Абдалла бен Мухаммед Аль аш-Шейх. Точка зрения центральной фигуры саудовской страты улемов, призванной придавать необходимый оттенок легитимности деятельности местного «политического клас-

са», в сложившейся ситуации была не только необходима, но и принципиальна. Верховный муфтий в своем заявлении отталкивался от вопроса о том, «какую позицию занимает шариат в отношении произошедшего в Соединенных Штатах Америки, и разрешает ли религия ислама поступки тех, кто совершил случившиеся деяния»?⁵¹ Ответ на него был, естественно, негативным: «Произошедшие в США опасные события, повлекшие за собой гибель тысяч людей, не относятся к тем, которые дозволены шариатом и никак не связаны с мусульманской религией».

Это были действительно важные документы. Из них вытекало, что саудовская политическая элита (поддерживаемая улемами) стремится сотрудничать с американской администрацией в случае начала тогда еще только эвентуальной антитеррористической операции. Тем не менее, содержание обоих документов не оставляло сомнений, – двустороннее саудовско-американское сотрудничество могло строиться только на основе учета интересов королевства, продолжавшего рассматривать себя в качестве ведущей державы в рамках арабского геополитического пространства и центра притяжения мусульман всего мира, включая, в том числе, и американских последователей этой религиозной доктрины.

20 сентября 2001 г. в Вашингтоне состоялась встреча между Дж. Бушем и саудовским министром иностранных дел принцем Саудом аль-Фейсалом. На состоявшейся затем пресс-конференции С.аль-Фейсал заявил, что, по мнению его страны и Соединенных Штатов, «государства всего мира должны стремиться к тому, чтобы излечить мир от заразы терроризма»⁵². В заявлении подчеркивалось: «В той же мере, в какой террор направлен против Соединенных Штатов, он направлен и против исламского мира с тем, чтобы создать пропасть между этим миром и всеми другими цивилизациями и, прежде всего, миром Запада. В этом, – по словам министра, – и состоит основная задача, решаемая международным терроризмом, которая, однако, отнюдь не совпадает с интересами ислама и мусульман». Отсюда вытекала основа сотрудничества Соединенных Штатов и Саудовской Аравии, – «не допустить возникновения борьбы между мировыми центрами». Путь к этому мог проходить только «через последовательную борьбу за ликвидацию баз терроризма». Но важно и то, где находились эти «базы».

Королевство последовательно дистанцировалось от движения Талибан. Отвечая на вопросы, связанные с возможностью проведения саудовско-афганских переговоров о выдаче движением подозреваемых в совершении террористических акций на американской территории, С.аль-Фейсал подчеркивал: «И до совершения актов террора королевство пыталось их (талибов – *авторы*) в чем-то убедить, но все его начинания оказывались безуспешными». Из его слов вытекало, что Саудовская Аравия не выступит безусловным противником

какой-либо американской вооруженной акции на территории Афганистана, хотя эта мысль и не была высказана открыто: «Его превосходительство президент не разъяснил мне какова суть мер, которые будут предприняты его страной в ответ на акции террористов. Но решение об этих мерах будет, конечно, приниматься самими Соединенными Штатами. Я понял, что эти меры будут приняты в нужное время, а действия Соединенных Штатов не окажутся спонтанными и будут опираться на проверенную информацию». И, напротив, он заявлял: «Я был обрадован тем, что еще до того, как я обратился к этой теме, Его превосходительство президент Соединенных Штатов сам сказал мне, что его страна будет последовательно поддерживать мирный процесс на Ближнем Востоке. ... В свою очередь, я заявил Его превосходительству, что руководство Королевства Саудовская Аравия счастливо услышать его заявление». Контекст последующих высказываний министра о «справедливом мире в регионе» не оставлял сомнений в том, что саудовская политическая элита не считала Палестинскую автономию «базой терроризма».

Начало нового столетия поставило саудовскую внешнюю политику перед необходимостью решения проблемы, которая, на первый взгляд, казалась неразрешимой. Она должна была содействовать сохранению традиционно теплых отношений страны с Западом и, в первую очередь, Соединенными Штатами и одновременно не допустить сколько-нибудь серьезного усиления влияния на Ближнем Востоке и в арабо-мусульманском регионе иных «центров силы», способных использовать события 11 сентября 2001 г. ради более активной реализации собственных интересов. При этом саудовское руководство отчетливо осознавало, что проводимый им курс сопровождается ростом антиамериканизма и оппозиционных настроений в общественном мнении не только в окружающем королевство арабском (и мусульманском) мире, но и внутри самой Саудовской Аравии.

26 сентября 2001 г. в Эр-Рияде было опубликовано «заявление королевства о разрыве всех отношений с правительством Талибан»⁵³. В нем, в частности отмечалось: «К несчастью, правительство Талибан превратило территорию своей страны в центр сбора, подготовки и вооружения оболваненных людей, представлявших самые разные национальности и, в частности, граждан Королевства Саудовская Аравия. Эти люди готовились к совершению преступных деяний, противоречащих закону всех вероучений». Далее в заявлении подчеркивалось: «Поскольку правительство Талибан ... продолжает использовать территорию своей страны для сбора, вооружения и поощрения преступников на совершение акций террора, ..., постольку правительство Королевства Саудовская Аравия заявляет о разрыве всех связей с правительством Талибан».

В Саудовской Аравии стремились свести до минимума последствия воздействия на наиболее социально активные слои саудовско-

го социума (интеллигенцию и предпринимательский «класс») антиарабских, антисаудовских и антимусульманских (связанных с именами некоторых представителей американского истеблишмента, включая бывшего мэра Нью-Йорка и некоторых членов конгресса) выступлений в Соединенных Штатах. Прибыв в декабре 2001 г. на родину, посол королевства в Вашингтоне принц Бандар бен Султан бен Абдель Азиз заявлял, что все сообщения о «дурном обращении с саудовскими гражданами в Америке – не более чем искаженные слухи, цель которых заключается в том, чтобы нанести ущерб прочным отношениям, связывающим две дружественные страны». Говоря же о «неких трудностях» в деятельности саудовских финансовых учреждений на территории Соединенных Штатов, он подчеркивал: «Все, что говорится об этих трудностях, слухи и преувеличение. ... Королевство заинтересовано в поддержании своих экономических интересов, в сохранении интересов своих коммерсантов и, в целом, интересов саудовских экономических учреждений потому, что королевство играет влиятельную роль в Соединенных Штатах Америки, служа одновременно интересам мусульман и ислама». Представители политической элиты королевства настойчиво подчеркивали стабильный характер саудовско-американских отношений. В февральском интервью журналу «Тайм» принц Абдалла бен Абдель Азиз заявлял: «Можно ли сомневаться в прочности отношений, история которых насчитывает более шести десятиков лет, хотя и есть те, кто стремится вбить клин между ними?». Для наследника саудовского престола было очевидно: «Америка – дружественная держава. Американские интересы важны для нас в той же мере, в какой для нас важны и наши собственные интересы». Решение вопроса, по мнению фактического лидера королевства, заключается в том, что «каждое государство-член ООН должно подписать международное соглашение о борьбе с терроризмом и торговлей наркотиками. Если же какое-либо из этих государств откажется бороться с террористами и распространением наркотиков, то в отношении него будут введены санкции»⁵⁴. Саудовская Аравия – элемент «нового мирового порядка», конечно же, становилась членом антитеррористической коалиции: «Мы почувствовали, – подчеркивал принц Абдалла, – что удар, нанесенный бен Ладеном и членами его группировки, является ударом по нам в той же степени, что и ударом по Соединенным Штатам. Целью его удара было разрушение наших отношений с Америкой»⁵⁵. Но ее вступление в эту коалицию не было безусловным и безоговорочным жестом симпатии к своему союзнику. Страна, внутренняя стабильность которой не вызывала скольконибудь серьезных сомнений, занимавшая важное геополитическое положение в регионе Ближнего Востока и арабо-мусульманского мира и имевшая среди составлявших его стран наиболее длительную и непрерывную историю взаимопользованных контактов с Соединенными Штатами, претендовала на особое положение в рамках этой коали-

ции. Ведущие фигуры саудовского политического «класса» и страты улемов подчеркивали, что их страна имеет на это право.

Она стала объектом террористических атак еще в 70-е годы прошлого столетия (события 1979 г. вокруг Главной мечети в Мекке⁵⁶) и во второй половине 90-х годов XX в. – начале нынешнего века (взрывы в ноябре 1995 г. в Эр-Рияде, в июле 1996 г. в Дахране и в октябре 2001 г. в Хобаре)⁵⁷. В этой связи принц Найеф бен Абдель Азиз заявлял: «Мы не должны забывать, что королевство было первой страной, более двадцати лет тому назад впервые столкнувшейся с терроризмом и пострадавшей от него»⁵⁸. И он не сомневался в том, что «мусульмане и мир ислама никогда не простят тех, кто сегодня скрываются в пещерах и тайных убежищах» потому, что только королевство является «подлинной страной ислама, где действительно реализованы нормы шариата». Для саудовских правящих кругов было важно доказать беспочвенность обвинений, выдвигаемых в ее адрес. Поэтому далее министр заявлял: «Саудовская Аравия стала объектом критики со стороны некоторых арабских и мусульманских стран в силу того, что она умеренна и близка к Западу и, прежде всего, Соединенным Штатам. В течение последних тридцати лет я никогда не слышал и не читал, что королевство стремится подорвать стабильность того или иного мусульманского государства. И я задаю вопрос, – а каким был бы арабский и мусульманский мир сегодня, если бы не руководящая взвешенная и умеренная роль, которую в этом мире играет Саудовская Аравия?». Это был серьезный вывод, означавший, что вступление в международную антитеррористическую коалицию ни в коей мере не означало, что саудовское королевство намеревается отказаться от принятых в нем шариатских норм жизни и поведения. Они оставались и должны были остаться той основой, с помощью которой внутри страны достигалась необходимая степень гомогенизации социума, а также осуществлялась его медленная, но, одновременно, последовательная трансформация⁵⁹.

На Западе должны были понять, как утверждали члены саудовской политической элиты, что суннитский ислам и принятый в королевстве его ханбалитский мазхаб⁶⁰, представляет собой «вечную цивилизационную миссию мусульманской нации, несущую знание и мысль». Эта миссия направлена на то, чтобы «воспитывать человеческое сообщество в духе культуры толерантности, диалога, обмена материальными и духовными благами, сотрудничества, ... уважения человека, отказа от терроризма и тирании»⁶¹. Иными словами, это открытая религиозная доктрина, как подчеркивал принц Абдалла бен Абдель Азиз, открывая состоявшуюся в марте 2002 г. в Эр-Рияде конференцию «Ислам и диалог цивилизаций», «существующая в меняющемся мире и не страшась не только достижений современной науки, но и иных цивилизаций». Напротив, на «родине ислама возникли школы и университеты, были созданы библиотеки, а в уни-

верситеты Запада были отправлены многочисленные студенты. Ведь того, – продолжал саудовский наследный принц, – требует Господь. ... И только благодаря предписанному Им цивилизационному диалогу свет уничтожает тьму, а души людей начинают прозревать и осознавать суть современных научных открытий, раскрывающих тайны окружающей нас и созданной Им вселенной»⁶².

Впрочем, речь шла не только о риторике. Участвуя в антитеррористической коалиции, Саудовская Аравия стремилась к активному взаимодействию с ее ведущим звеном – Соединенными Штатами. И проблема не исчерпывалась лишь вопросами обмена оперативной информацией о членах организации «Аль-Каида», местах их дислокации или деятельности, что предполагало, в частности, и введение контроля над их финансовыми возможностями⁶³. Она включала в себя и существенные политические и экономические аспекты взаимного сотрудничества, становившиеся реальностью накануне и во время военной акции в Афганистане, в отношении проведения которой позиция королевства была, тем не менее, взвешенной и осторожной⁶⁴.

В Саудовской Аравии категорически отвергали высказывавшуюся после начала вооруженной акции в Афганистане в ряде арабских стран идею бойкота американских товаров⁶⁵. Впрочем, в равной мере это относилось и к вопросу о нефтяном бойкоте ведущей страны западного мира.

Стоило бы отметить в этой связи вслед за саудовским автором, что принципы нефтяной политики королевства могли бы быть резюмированы следующим образом: «Внимание королевства к этому дару природы определяется тем, что оно является жизненной артерией национальной экономики; это и предопределяет постоянное стремление страны гарантировать увеличение спроса на нефть. Вместе с тем, королевство последовательно выступает за стабилизацию цен на нефть и рост своих нефтяных доходов, однако, так, чтобы этот его курс не наносил бы ущерба интересам и экономике государств-потребителей»⁶⁶. Эти принципы остались неизменными и в ходе событий в Афганистане.

Выступая в апреле 2002 г. на заседании Конгресса саудовско-американских нефтяных и экономических отношений саудовский министр нефти и минеральных богатств А.И.ан-Нуэйми подчеркивал: «Тот, кто думает, что отношения между Королевством Саудовская Аравия и Соединенными Штатами Америки основываются только на нефти, а значение королевства заключается лишь в его нефтяных богатствах, ошибается. Нефть выступает как часть вопроса, в свою же очередь, отношения между королевством и Соединенными Штатами исторически длительны, возникнув раньше, чем в королевстве были открыты месторождения нефти»⁶⁷. Возникали дополнительные нюансы традиционной саудовской интерпретации отношений между королевством и его стратегическим союзником, но ткань этой интер-

претации сохранялась, – «на Ближнем Востоке появлялась новая независимая сила – Королевство Саудовская Аравия. Его основатель король Абдель Азиз считал Соединенные Штаты Америки своим естественным союзником, потому что президент Вудро Вильсон выдвинул принцип права народов на самоопределение в то время, когда большинство стран мира находилось под гнетом европейского колониализма». Как и в прошлом, акцент вновь ставился на том, что саудовско-американские отношения возникали в результате свободного саудовского выбора внешнеполитического союзника. А это означало, что, как и в прошлом, Соединенные Штаты должны были видеть в Саудовской Аравии державу, суверенно выбирающую и принципы своего внутреннего устройства, и основы проводимой ею линии в сфере международных связей и контактов. «Экономическая роль королевства для Соединенных Штатов, – продолжал далее саудовский министр, – заключается не в количестве ввозимых нефтепродуктов или бензозаправочных колонок, а тем, что оно является крупнейшим мировым производителем и экспортером нефти, неизменно придерживающимся принципа стабильности нефтяных поставок, выступающим в качестве поборника умеренности цен. В моменты кризисов королевство принимало все необходимые меры для того, чтобы гарантировать достаточные поставки нефти на мировые рынки». По его мнению, сказанное им свидетельствовало, что саудовское королевство «смогло обеспечить необходимую защиту мировой экономики». Если, как следовало далее из его слов, саудовская сторона всегда честно выполняла возлагаемые на нее партнерскими отношениями с Соединенными Штатами (как в области нефти, так и коммерческих связей) обязательства, то это означало лишь, что ее партнер должен считать необходимым «развивать еще более тесные отношения с Королевством Саудовская Аравия».

Саудовская политика укрепления и развития отношений с США могла быть успешной, в том числе, и при условии превентивного искоренения любых попыток формирования в королевстве сколько-нибудь организованной оппозиции, способной использовать сложившуюся после 11 сентября 2001 г. ситуацию, включая и ее афганский аспект. При этом обращение даже к публикациям выходящей на территории страны прессы позволяет сделать вывод о том, что взрывы в Нью-Йорке и Вашингтоне и, разумеется, военная акция против движения Талибан вызывали в Саудовской Аравии чувства (и практику действия, если иметь в виду, например, взрывы в американских казармах в октябре 2001 г. в Хобаре), которые не могут рассматриваться как адекватные официальной точке зрения. Впрочем, свидетельством этому становились и многие цитировавшиеся выше заявления представителей национальной политической элиты. Обращение к публикациям саудовской прессы показывает, что оппозиционные

настроения распространялись, в первую очередь, среди мусульманских богословов и студентов.

В октябре 2001 г. министр мусульманских дел, вакфов, призыва и руководства шейх Салех бен Абдель Азиз бен Мухаммед Аль аш-Шейх провел первые встречи с имамами саудовских мечетей и студентами, специализирующимися в вопросах пропаганды и распространения мусульманского вероучения⁶⁸. Естественная для его выступлений на этих встречах религиозная риторика не могла скрыть их сугубо политического содержания. Традиционным утверждением министра на встречах с имамами была мысль о том, что, «когда возникает сомнение или меняется обстановка, оценка событий может быть верной только при условии, что эта оценка совпадает с мнением предков». Это означало, что любая попытка иного, не совпадающего с «мнением предков», «истолкования» все тех же событий способна вызвать в «исламской нации раскол, смуту и ненависть». Более того, все та же попытка означала «отказ от подчинения и послушания властителю». Наконец, имамы должны были понять, что «истолкование событий» не «удел простонародья или *хатыбов*», а «занятие знатоков». Но важно и другое обстоятельство, – говоря о *джихаде*, министр подчеркивал: «Призыв к джихаду – дело правителя, а не кого-то из людей».

Во многом то же самое министр говорил, выступая и перед студентами. Однако, в их случае речь шла об иной, по сравнению с имамами, социальной страте, включавшей в себя не только саудовцев, но и граждан других мусульманских стран и регионов. Кроме того, это были молодые люди, учившиеся на саудовские деньги, их дальнейшая задача состояла в том, чтобы содействовать распространению исламского вероучения. Умонастроения и поступки будущих проповедников, несомненно, усиливали бы (или, напротив, ослабляли) саудовское влияние в среде зарубежных единоверцев. Для министра мусульманских дел было принципиально подчеркнуть, обращаясь к ним, что они «несут ответственность, в частности, за дела веры, становясь образцом поведения для людей, когда случаются события и смешиваются дела». В их случае «умеренность в религии» приобрела огромное значение, – лишь «следуя ей, можно достигнуть истины, далекой и от излишества, и от несправедливости». Необходимо не подвергаться влиянию окружения, заявлял член саудовского политического и религиозного истеблишмента, а должным образом воздействовать на это окружение. Или, пользуясь его словами: «Вы слышите вокруг себя речи людей, даже, видимо, тех, кто относит себя к вере ислама. Вокруг вас говорят мусульмане, принадлежащие к разным классам – это улемы, это проповедники, это энтузиасты, это стремящиеся что-то произнести до того, как выскажутся другие. Вокруг вас говорят те, кто распространяют ложные слухи, те, кто владеют различными каналами спутниковой связи (речь шла о катарском телевизионном канале «Аль-Джазира», деятельность которого не раз

вызывала нарекания саудовских официальных лиц – авторы). ... Слушая их, не отклонится от истинного пути лишь тот, кто прочно связан с Кораном и Сунной, кто следует пути предков».

Представители саудовской политической и религиозной элиты понимали при этом на сколько большой ущерб стабильности их государства приносил антиисламский фон (в котором саудовский истеблишмент видел прямое следствие распространения идей С.Хантингтона⁶⁹) антитеррористической кампании. По сути дела, этот фон становился одним из источников, питавших оппозиционные настроения внутри королевства. В равной мере, таким же источником была и израильская политика в отношении Палестинской автономии, и американская политика в отношении Ирака С.Хусейна. Для саудовской политической элиты адекватным ответом на складывавшуюся в этой связи внутри страны ситуацию становилось не только усиление роли мусульманской риторики, но и, что не менее важно, проведение активного курса на укрепление религиозных основ жизнедеятельности социума.

Встречаясь с членами Консультативного совета, принц Абдалла подчеркивал важность «создания новых рабочих мест для сыновей и дочерей страны» или «развития нефтяных секторов экономики». Но в не меньшей степени его интересовало «сохранение исламского вероучения, претворение исламского шариата, укрепление роли его принципов» в жизни страны, «защита этих принципов, означающая, одновременно, защиту отечества». И, конечно же, только благодаря шариату, «внешняя политика, роль королевства в нахождении позиций, адекватных событиям» (последовавшим за 11 сентября 2001 г. – авторы) могла бы стать действительно «эффективной»⁷⁰. Обращаясь к верующим 21 декабря 2001 г. в первый день *праздника разговения*, когда военная акция в Афганистане была еще далека от завершения, король Фахд и наследник престола принц Абдалла подчеркивали: «На переживаемые миром события следует смотреть через призму позитивной роли Королевства Саудовская Аравия, внимательно следящего за их развитием и, прежде всего, за тем, что эти события несут мусульманам. Королевство стремится сделать голос мусульманской нации единым, считая, что только единство станет благом для мусульман. ... Ради этой цели королевство проводит курс, направленный на развитие продуктивного и плодотворного диалога между цивилизациями в интересах мира во всем мире и упрочения международной стабильности». Развитие этого диалога было бы немислимо без «создания палестинского государства со столицей в Иерусалиме», что «откроет перед народами региона путь к безопасности и стабильности и станет эффективным фактором обеспечения стабильности и процветания всего мира»⁷¹.

Однако существовал и внешний аспект проблемы саудовского участия в деятельности международной антитеррористической коа-

лиции. Как и в случае с курсом на обеспечение внутренней поддержки своей внешнеполитической линии, в ситуации после 11 сентября саудовское руководство стремилось достичь единства действий в традиционных для него сферах региональной деятельности. Это были, естественно, государства ССАГПЗ, арабское геополитическое сообщество и мусульманский мир. Мусульманская риторика в их случае была более чем уместна.

В начале января 2002 г. в столице Омана Маскате состоялась встреча в верхах глав государств-членов ССАГПЗ. Представителем короля Фахда на саммите был наследный принц Абдалла. Многие положения его выступления заслуживают цитирования⁷².

Он говорил о том, что «арабская и исламская нация понесла огромный ущерб в связи с безрассудным поведением убийц, поднявших лозунги ислама (хотя в их руках эти лозунги – ложь) и заявивших, что они действуют на благо арабской и мусульманской нации, оказавшейся первой жертвой их преступления». В этих условиях, подчеркнул принц, «все мусульмане должны без оговорок и открыто осудить любые террористические действия». Однако наследник саудовского престола видел «существенное и четкое различие между актами террора и законной национальной борьбой за самоопределение». Это «различие» мусульмане все так же «открыто» должны были подчеркивать в ходе диалога с мировым сообществом. Неоспоримость положения о том, что ислам «являет собой религию милосердия и любви», требовала от мусульман, по словам Абдаллы, основанного на «мудрости и добром увещании отношения к другим, показывающего, как ведет себя настоящий мусульманин». Разумеется, продолжал он далее, «наши братья в Палестине на глазах у всего мира несут лишения и подвергаются насилию». Но их страдания требуют, чтобы «арабская и мусульманская нация дала бы самой себе отчет в своих действиях прежде, чем требовать отчета от других». И далее он продолжал: «Важнейший вопрос, стоящий перед нами, когда мы видим сегодня происходящее в Палестине кровавое насилие, заключается в том, а мог бы пойти на это Израиль, если бы арабская и исламская нация, – а страны Залива ее составной элемент, – была бы солидарна, едина в словах и деяниях?». Но дело не заключалось только в его интерпретации положения на территории Палестинской автономии. Все то же отсутствие арабо-мусульманской солидарности и единства порождало, как говорил принц, «угрожающее благополучию наших народов и процветанию наших обществ снижение цен на нефть», «невозможность влияния на развитие политических событий» после 11 сентября 2001 г. и, наконец, «давление на нашу исламскую и арабскую самобытность в сфере культуры».

Но как достичь этого единства? Принц Абдалла давал ответ на этот вопрос. Речь вновь шла об «умеренности». Лишь основанный на ней политический и экономический курс мог содействовать как «взаи-

модействию с меняющимся миром», так и «сохранению основ собственного бытия», содействовать тому, чтобы «арабо-мусульманский цивилизационный проект служил бы всему человечеству».

10 октября 2001 г. в столице Катара Дохе открылась девятая (чрезвычайная) сессия совещания министров иностранных дел государств-членов ОИК. Саудовская Аравия не только участвовала в ее проведении, но и активно содействовала тому, чтобы все участники сессии осудили события 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне, выразили свои соболезнования и «чувства симпатии» американскому народу, подчеркнув «законность преследования виновных в совершении террористических акций и передачи их органам юстиции для наказания»⁷³. И далее заключительное коммюнике сессии подчеркивало: «Основываясь на положениях Хартии ОИК, касающихся борьбы с международным терроризмом, совещание выражает стремление государств-членов принять активное участие в усилиях, предпринимаемых международным сообществом под эгидой ООН, ... в интересах борьбы со всеми формами терроризма, ... в выкорчевывании его корней и достижении стабильности и безопасности в мире». Это был важный успех саудовской дипломатии, дополнявшийся и тем, что в текст коммюнике было включено положение не только о «несовместимости терроризма и благородной религии ислама», но и о стремлении стран ОИК к «углублению диалога, способствующего дальнейшему сближению исламского мира и Запада». При этом, естественно, участники сессии провели грань между терроризмом и «правом мусульманских и арабских народов» (палестинцы были первым среди них) «на самоопределение, суверенитет и сопротивление оккупации и агрессии». Это было понятно, – ситуация на территории Палестинской автономии (вне зависимости от порождавших ее причин) несла в себе угрозу и региональной стабильности, и основам, на которых базируется саудовское королевство.

3 апреля 2002 г. на чрезвычайной сессии совещания министров иностранных дел государств-членов ОИК в столице Малайзии Куала-Лумпуре выступал заместитель саудовского министра иностранных дел Н.У.Мадани⁷⁴. Ведущей мыслью его выступления было четко выраженное и сопровождавшееся новыми идеями положение, связанное с тем, что саудовское королевство, которое давно «подвергается атакам террористов», считает для себя «естественным и логичным выступить в качестве инициатора осуждения чудовищных террористических преступлений, ареной которых стали США». В равной мере «естественным и логичным» для королевства было и то, что оно «выступило инициатором сотрудничества исламских стран с международным сообществом с целью захватить и наказать преступников, а также осуществить беспощадную кампанию против терроризма». По словам саудовского дипломата, его страна «будет содействовать тому, чтобы эта кампания длилась столько, сколько понадобится для

ликвидации всех источников терроризма и защиты всех возможных его жертв, где бы они ни находились». Саудовская политика оставалась последовательной, но вновь появившиеся в ней идеи на этот раз оформлялись четкими предложениями действий. Эти предложения отталкивались от того, что существующие документы ОИК, связанные с противостоянием терроризму, как и документы состоявшейся в феврале 2002 г. в Стамбуле встречи представителей ОИК и Европейского Союза, представляют собой «основу» «последовательного движения стран ОИК к выработке окончательной и четкой позиции Организации по вопросу о терроризме». Конечно же, саудовский дипломат должен был говорить о положении на территории Палестинской автономии, подчеркивая, что против нее «осуществляется варварская агрессия Израиля» и проводить грань между терроризмом и палестинским национальным движением. Саудовская Аравия настойчиво действовала в направлении как можно более активного участия мусульманских стран в международной антитеррористической операции. В этой связи, Н.У.Мадани говорил о «единодушно принятой в ходе состоявшейся в Бейруте четырнадцатой встречи в верхах глав государств и правительств арабских стран саудовской мирной инициативы». Эта инициатива была предложена наследным принцем Абдаллой бен Абдель Азизом.

Выступая 27 марта 2002 г. в ливанской столице на саммите стран-членов Лиги арабских государств, принц Абдалла от имени арабских стран выдвинул предложения, касающиеся проблем арабо-израильского конфликта прежде всего проблему урегулирования палестино-израильской напряженности⁷⁵.

Отметим, что саудовская инициатива и принятая резолюция бейрутской встречи представителей государств-членов ЛАГ не содержали в себе принципиально новых основ урегулирования ситуации, в которую в той или иной степени втянуты все арабские государства. Принц Абдалла предлагал Израилю отвести войска (наряду с Палестинской автономией в тексте его выступления говорилось «обо всех оккупированных арабских территориях») к линиям перемирия, существовавшим до начала июньской войны 1967 г. между еврейским государством и его арабскими соседями, и согласиться на создание «независимого палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме». Конечно же, с точки зрения саудовского наследного принца, вопрос об урегулировании как израильско-палестинских отношений, так и, в целом, ближневосточного конфликта не мог бы быть реализован без «возвращения беженцев». Если арабы, подчеркивал он, «приняли мир в качестве своего стратегического выбора, то сделали они это не потому, что подвергающийся опасности не способен ей противостоять, и не потому, что сражающийся проявляет слабость». Напротив, «Израиль совершает ошибку, думая, что он может силой оружия навязать арабам унижительный мир». Приняв идею ми-

ра, арабские страны «сделали это открыто и сознательно, арабы никогда не примут и не принимают сейчас возможности превращения мирного процесса в безусловный диктат одной стороны в отношении другой». И далее он продолжал: «На стороне арабских стран, а также палестинцев, признанные мировым сообществом и способные реализовать мир на Ближнем Востоке документы – резолюции № 242, № 338 и № 1397 Совета Безопасности ООН, позиция многих региональных организаций и, наконец, решения, достигнутые в ходе Мадридской конференции по Ближнему Востоку». В случае, если Израиль будет готов выполнить адресованные ему предложения и «вернется за стол переговоров», говорил принц, непосредственно обращаясь к «народу Израиля», то арабские страны, «не колеблясь, признают безопасное право израильского народа жить вместе с народами региона» и будут готовы установить «нормальные отношения» с еврейским государством, содействуя тому, чтобы «в отношениях между народами региона решение вопросов развития заняло бы место войн и разрушений». Если требования к Израилю и не были новыми, то идея «решения вопросов развития», по сути дела, означала, что Израиль и арабские страны могут стать частью единой региональной системы, в рамках которой могли бы решаться проблемы запрещения оружия массового уничтожения, контроля над вооружениями, экологические проблемы и многие другие вопросы, связанные с обеспечением региональной безопасности. Это был огромный шаг вперед, свидетельство эволюции, которая была проделана арабским миром (включая и Саудовскую Аравию) от времени категорического непризнания самого факта существования Израиля, упоминавшегося всего лишь как «незаконное сионистское образование», до возможности диалога с его народом. Саудовское королевство, становясь инициатором этого шага, в очередной раз подтверждало свои претензии на лидерство в регионе арабского геополитического пространства.

Ситуация на территории Палестинской автономии была не более, чем предлогом для подтверждения традиционной саудовской политики обеспечения «мусульманской солидарности», – «то, что происходит в *аль-кудс аш-шариф*, должно стать заботой мусульман в той же мере, в какой эти события являются заботой арабов и палестинцев, а мы, руководствуясь идеей исламской солидарности, должны сделать все, чтобы помочь делу решения важнейшей проблемы мусульман в различных международных организациях». В контексте же этой политики вопрос об «исламской солидарности» наполнялся, несомненно, позитивным содержанием. Палестинская проблема в ее саудовской постановке являлась, по сути дела, одним из важнейших рычагов противостояния региональным проявлениям терроризма и поддержания заинтересованности мусульманских государств в сохранении и региональной, и международной стабильности. Другого пути (требующего больших компромиссов и уступок в случае с более

широким, по сравнению с арабским миром, кругом стран) включения этих государств в международную антитеррористическую кампанию или, по крайней мере, нейтрализации реального или потенциального противодействия некоторых из них этой кампании для Саудовской Аравии не существовало. При этом едва ли достигаемые и еще более хрупкие, чем в случае с арабскими странами, компромиссы могли быть быстро разрушены.

Проблема Ирака как части той группы стран, которую в США называли «осью зла», не могла, естественно, остаться вне поля зрения саудовского руководства. Как и в палестинском случае, эта проблема также была предлогом для подтверждения все того же принципа «исламской солидарности». С.аль-Фейсал отмечал прежде всего, что в ходе бейрутского саммита арабских стран «в отношениях между Ираком и Кувейтом произошли положительные сдвиги», когда бывший агрессор подчеркнул свое «уважение независимости, суверенитета и безопасности Кувейта, а также свое стремление к решению всех существующих между обеими странами насущных проблем». Для С.Аль-Фейсала это означало, что Ирак «будет проводить политику, исключаящую повторение того, что произошло в 1990 г.». Разумеется, он желал этой стране дальнейшего прогресса на вновь избранном ею пути, считая необходимым сказать, что «после полного выполнения Ираком всех резолюций Совета Безопасности введенные против него санкции должны быть отменены, со страданиями иракского народа должно быть покончено, что, в свою очередь, будет гарантировать стабильность и безопасность в регионе».

Проблема Палестины и Ирака на протяжении всего периода после 11 сентября 2001 г. становилась едва ли не самым серьезным направлением дискуссий между США и Саудовской Аравией. Принимая в марте 2002 г. в Джидде вице-президента США Р.Чейни, где он встречался с королем Фахдом и наследным принцем Абдаллой, представители саудовского «правлящего класса» заявили ему, что королевство «отказывается разрешить американским войскам использовать свою территорию для удара по Ираку или любому другому арабскому или исламскому государству»⁷⁶. Эта позиция была выражена более чем четко принцем Абдаллой: «В нынешних условиях удар по Ираку станет катастрофой, имея в виду его возможные последствия для региональной безопасности». Наследник саудовского престола был откровенен: «Вместо удара по Ираку Вашингтон должен использовать международные усилия с тем, чтобы заставить Ирак выполнить резолюции ООН». Наконец, он «посоветовал» Р.Чейни содействовать «безопасности региона, оказав давление на Израиль». По его мнению, только так США смогут доказать, что они стремятся к «установлению справедливого и прочного мира в регионе в качестве условия, способного во многом помочь уничтожению корней терроризма, против которого Соединенные Штаты возглавляют междуна-

родную коалицию». Объясняя резкость избранного наследным принцем тона, в Саудовской Аравии вновь подчеркивали, что «Эр-Рияд не входит в число тех, кто получает экономическую помощь Вашингтона, а это позволяет ему принимать независимые решения и не подвергаться американскому давлению»⁷⁷.

В конце апреля 2002 г. по приглашению Дж. Буша принц Абдалла посетил Соединенные Штаты. Официальное саудовское сообщение отмечало, что саудовско-американские «переговоры затрагивали вопросы осуждения терроризма арабскими и мусульманскими странами»⁷⁸. Саудовский наследный принц заявил американскому президенту, что Саудовская Аравия – «друг Соединенных Штатов» – считает необходимым указать на то, что, если США «не предпримут дополнительных усилий для того, чтобы остановить агрессивные акты со стороны Израиля, то они будут продолжать терять свой авторитет на Ближнем Востоке, создавая там обстановку нестабильности, порождающую угрозу американским интересам». Не приходится говорить, что Абдалла считал, что США сохраняют свой авторитет на Ближнем Востоке, только поддержав выдвинутую им в Бейруте инициативу. Это означало, что в контексте отношений королевства с США за акцентированным вниманием Саудовской Аравии к решению палестинского вопроса (как, впрочем, и иракского) и ее осуждением действий Израиля стояла проблема будущего «центра силы» ближневосточной геополитической системы. Ее решение, вне сомнения, во многом зависело от США.

Саудовская позиция по вопросу об Ираке (С.аль-Фейсал заявлял, что «Саудовская Аравия не будет участвовать в войне против Ирака»⁷⁹) и скорейшего создания палестинского государства становилась поводом для оказания порой жесткого давления на королевство. Публикация в американских газетах отрывков из доклада экспертной группы Л.Муравича (аналитический центр RAND Corporation), в котором говорилось о том, в определенных кругах американских политиков Саудовская Аравия рассматривается в качестве государства, враждебного США, была тому едва ли не самым весомым подтверждением⁸⁰. Эти утверждения вызвали резко негативную реакцию саудовской политической элиты. Вместе с тем, эта реакция имела свои пределы. Саудовский министр иностранных дел отмечал, в частности, что предпринятая в этом докладе попытка «представить королевство в качестве врага Соединенных Штатов Америки», как и «многие другие публикации и доклады, отрицательно оценивающие королевство», не более, чем «измышления, источником которых выступают дискуссионные клубы и исследовательские центры, но не американская администрация». По словам С.аль-Фейсала, «немыслимо», чтобы Саудовская Аравия, «сотрудничающая с США в сфере обмена информацией, создавшая с ними совместную комиссию по замораживанию финансовых потоков, служащих терроризму, могла

обвиняться в поддержке терроризма, действующего и против королевства».

Саудовская реакция заставила американскую администрацию отмежеваться от возможности интерпретации доклада Л.Муравича в качестве официальной позиции руководства США. Практически сразу же после публикации этого документа Дж.Буш связался по телефону с принцем Абдаллой, заявив ему, что «Соединенные Штаты и Королевство Саудовская Аравия связывают прочные, проверенные историей отношения». Американский президент квалифицировал «любые заявления об ухудшении отношений между обеими странами как безответственные, выражающие лишь точку зрения их авторов и не способные повлиять на вечную дружбу и сотрудничество между нашими странами ... и, особенно, нынешнюю координацию действий между нами»⁸¹. Заявления, идентичные тому, которое было сделано Дж.Бушем, последовали также и от Р.Чейни, К.Пауэлла и других высших чиновников американской администрации.

Состоявшееся в начале сентября 2002 г. в Каире совещание министров иностранных дел арабских стран заявило о своем «категорическом неприятии любой угрозы агрессии против Ирака». В постановке этого вопроса речь шла о том, что «угроза безопасности и целостности любого арабского государства станет угрозой национальной безопасности всех арабов». Не менее категоричны были и требования о немедленном прекращении «израильской агрессии против палестинского народа». Одновременно, министры иностранных дел стран-членов ЛАГ потребовали от Ирака «не прекращать диалог с ООН». По мнению С.аль-Фейсала, «совещание арабских министров иностранных дел было полезным и важным»⁸².

Итоги каирского совещания содержали действительно важное для Саудовской Аравии положение, – требование к Ираку сохранить контакты с ООН, рассматривавшееся ею в качестве возможности избежать вспышки новых военных действий в регионе Персидского залива. В свою очередь, любая позиция Ирака в отношении этого требования (конечно же, при условии учета Соединенными Штатами точки зрения своего «стратегического партнера») создала бы для саудовской дипломатии необходимое поле маневра. Выступая 12 сентября 2002 г. на 57-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, Дж.Буш связал возможность нанесения военного удара по Ираку с согласием этой страны на выполнение ряда выдвинутых им условий. Саудовский министр иностранных дел приветствовал изменение американского подхода, заявив, что «позиция королевства соответствует новой позиции американского президента, выразившейся в желании действовать вместе с ООН в отношении проблемы Ирака». В то же время, встречаясь вместе с министрами иностранных дел арабских стран, принимавшими участие в работе 57-ой сессии Генеральной Ассамблеи, с иракской делегацией, С.аль-Фейсал подчерки-

вал в переданном через нее обращении к правительству Ирака: «Мы просим братьев в Ираке принять идею безусловного возвращения инспекторов». Если, по его словам, этого не случится, то «ни одно арабское государство не сможет помочь Ираку или бросить вызов Совету Безопасности, поскольку тогда другие арабские государства станут объектом применения против них международных санкций». Текст этого обращения был поддержан всеми сопровождавшими С.аль-Фейсала его арабскими коллегами⁸³.

Саудовская Аравия продолжала борьбу за сохранение и укрепление своего статуса регионального «центра силы». Но для этого она должна была постоянно подчеркивать, что является субъектом единого международного сообщества. Выражая свои соболезнования американскому президенту по случаю первой годовщины событий 11 сентября 2001 г., принц Абдалла подчеркивал в своем послании: «Те, кто совершили террористические акции против американского народа, действовали против всего человечества. Их злобный замысел должен был стать искрой, из которой вспыхнула бы кровавая битва между религиями и цивилизациями. Однако, – отмечал он, – я хотел бы вновь подтвердить Вам, что искренние сыны ислама не позволят группке свернувших с истинного пути экстремистов говорить от имени ислама и исказить присущее ему милосердие»⁸⁴.

* * *

Итак, вновь «живое сочетание морали и реализма». На этот раз реальный лидер страны демонстрирует его в критический для истории международного сообщества момент, когда мир осуществляет поворот к обретению подлинно глобального характера. Саудовская Аравия, без сомнения, стремится внести свой вклад в этот процесс. Однако ее политическая элита отнюдь не считает возможным забыть и о своих интересах, и об оформляющих эти интересы способах легитимации. Более того, эта элита может пойти (и ее позиция по афганскому вопросу после 11 сентября 2001 г., как, впрочем, и позиция по иракской проблеме, это доказала) на участие в смягчении последствий шагов, сделанных ее стратегическим союзником. Саудовский «правлящий класс» найдет, разумеется, каналы взаимодействия с США и в случае нанесения удара по Ираку (как это произойдет и тогда, когда в палестинской среде появится реальная и способная обеспечить национальный консенсус альтернатива Я.Арафату). Его действия вновь будут окрашены идеей «мусульманской солидарности» и помощи «братьям по вере». Но для этого «класса», реалистично оценивающего развитие ситуации в пределах арабо-мусульманского мира, эти каналы могут стать не столько финансово разорительными, сколько политически уязвимыми.

¹ Аль-Али Х.И. Мабадиа ва ахдаф ас-сийяса аль-хариджийя ас-саудийя. Аль-мустава аль-халиджий, аль-исламей, ад-дуввалий (Принципы и цели сау-

довской внешней политики: регион Залива, исламский мир, международное сообщество) // *Ас-Сияса аль-хариджийя лиль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя фи миат амм. Маахад ад-дирасат ад-дипломасийя ли визарат аль-хариджийя лиль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя* (Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет. Институт дипломатических исследований Министерства иностранных дел Королевства Саудовская Аравия) Эр-Рияд, 1419 Х. С. 56.

² Ас-Суэйг А.Х. Аль-Ислям фи ас-сияса аль-хариджийя ас-саудийя (Ислам в саудовской внешней политике). Эр-Рияд, 1992. С. 59.

³ Здесь и далее см.: Мадани Н.У. Аль-муртаказат аль-асасийя ли сиясат аль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя (Основополагающие принципы политики Королевства Саудовская Аравия) // *Ад-Дипломасий*. Эр-Рияд, № 1, 1981, С. 67–72.

⁴ Ас-Суэйг А.Х., цит. произв. С. 59

⁵ Здесь и далее: Ас-Суэйг А.Х., цит. произв., С. 38–50.

⁶ Здесь и далее: Ас-Суэйг А.Х., цит. произв., С. 38–50.

⁷ Там же. С. 184–185.

⁸ Здесь и далее: Аль-Мансур М.А. Ас-сияса аль-хариджийя ас-саудийя фи аль-итар аль-арабий. Ад-даур ас-саудий ва ахамм аль-авамиль аль-муассира фихи (Саудовская политика в арабском контексте. Саудовская роль и основные, воздействующие на нее факторы) // *Ас-сияса аль-хариджийя лиль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя фи миат амм*. С. 181–187.

⁹ Мисак ва низам рабита аль-алям аль-ислямий (Хартия и Устав Лиги исламского мира) в: Ас-Суэйг А.Х., цит. произв. С. 234–240.

¹⁰ По замечанию А.Х. Ас-Суэйга, «без саудовской материальной и финансовой помощи Организации она не могла бы существовать» // Там же, С. 93.

¹¹ *Ад-Дипломасий*, Эр-Рияд, № 3, 1983. С. 126–131.

¹² Kingdom of Saudi Arabia. One Hundred Years in the Service of Arabs and Arab Affairs. Beirut, 2000. С. 145–149.

¹³ Ibid. С. 152–153

Саудовские власти всегда оказывали значительную ежегодную финансовую помощь палестинцам, предоставлявшуюся как из государственных, так и общественных фондов. Так, только переводы Народного комитета поддержки палестинских моджахедов составили в 1969 г. 1.909.444 долл. США, в 1970 г. – 3.016.667, в 1984 г. – 4.145.670, в 1976 г. – 5.399.741, в 1978 г. – 7.346.153, в 1980 – 12.769.633 и в 1989 г. – 25.514.981 долл. США//Джамус А.-Р.М. Аль-лиджан аш-шаабийя ли мусаадат муджахиди филистын фи аль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя (Народные комитеты помощи палестинским моджахедам в Королевстве Саудовская Аравия). Эр-Рияд, 1422 Х. С. 69–70.

¹⁴ Там же. С. 150–152.

¹⁵ См. об этом: Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Саудовская Аравия и мусульманский мир: внутренний и внешний аспект финансовой помощи // *Ближний Восток и современность*. Вып. 12. М., 2001.

¹⁶ Аль-Али Х.И., цит. произв. С. 56.

¹⁷ Выступая 4 сентября 2002 г. на саммите Земли в Йоханнесбурге саудовский министр торговли Усама бен Джаафар Факих, отмечал, что только за истекшие три десятилетия королевство оказало помощь, составившую 76 млрд. долл. США (из них 40 млрд. за последние двадцать лет или около 4% от среднего показателя саудовского ВВП), 73 развивающимся странам, среди которых 41 африканское государство. На основе решения шестой встречи в верхах государств-членов ОИК, Саудовская Аравия списала долги (общая сумма которых составила 6 млрд. долл. США) нескольких наименее развитых стран. – Вазир ат-тиджара яльки калима аль-мамляка фи кыммат аль-ард (Министр торговли выступает от имени Королевства на саммите Земли). – Аль-Джазира, № 10934, 5 сентября 2002 // <http://www.suhuf.net.sa/2002jaz/sep/5/ec2.htm>

¹⁸ Kingdom of Saudi Arabia. One Hundred Years in the Service of Arabs and Arab Affairs. С. 21–22.

¹⁹ Ас-Суэйг А.Х., цит. произв. С. 59.

²⁰ Здесь и далее см.: Аль-Авейди М.Х. Илякат аль-мамляка биль-кывва ад-дуваллий: аль-алякат ас-саудийя аль-ауруббийя (Отношения Королевства с международными силами: саудовско-европейские отношения) // Ас-сияса аль-хариджийя лиль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя фи миат амм. С. 315–324.

²¹ Там же. С. 321.

²² Аш-Шамлан А.С. Алякат аль-мамляка биль-кывва ад-дуваллий: аль-алякат ас-саудийя аль-амрикийя (Отношения Королевства с международными силами: саудовско-американские отношения) // Ас-сияса аль-хариджийя лиль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя фи миат амм. С. 328–329.

²³ Здесь и далее: Там же. С. 327–346.

²⁴ Здесь и далее см.: Аль-Авейди М.Х., цит. произв. С. 316–320.

²⁵ Там же. С. 318.

²⁶ Резюме этих идей см. в: Al-Farsy F. Modernity and Tradition. The Saudi Equation. L. – N.Y., 1990. С. 310–321.

²⁷ The Statute of the Organization of Petroleum Exporting Countries. Art. 2/A. Vienna, 1971. Цит. no: Al-Farsy F. Op. cit. С. 112.

²⁸ Ibid. С. 112–113.

²⁹ См. об этом: Ас-Саляма А.Х. Ас-сияса ан-нафтыя ас-саудийя: ракаизуха, давафиуха ва абадуха (Саудовская нефтяная политика: основы, принципы и перспективы) // Ас-сияса аль-хариджийя лиль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя фи миат амм. С. 627–628.

³⁰ Аль-Авейди М.Х., цит. произв. С. 317.

³¹ Здесь и далее: Мадани Н.У., цит. произв.

³² Города Мекка и Медина.

³³ «Аль-Машрик» – в географическом отношении азиатская часть арабского геополитического сообщества, а также Египет и Судан.

³⁴ «Аль-Магриб» – в географическом отношении североафриканские арабские страны – Ливия, Тунис, Алжир, Марокко и Мавритания.

³⁵ Здесь и далее: Мадани Н.У., цит. произв.

³⁶ См., в частности, в этой связи один из, видимо, наиболее ярких образцов шариатской интерпретации одной из важнейших норм международного права – посредничества при решении конфликтных ситуаций в статье доцента международного права Института дипломатических исследований Министерства иностранных дел Саудовской Аравии: Абу Вафа А. Ата-хаким ка василия ли халль аль-муназаат ад-дуввалия би ат-турук асильмий фи аш-шариа аль-ислямийя. Маа дирасат ли ма хувва мутаббак фи аль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя (Посредничество как способ решения международных конфликтных ситуаций мирным путем, а также исследование того, что сделано в этой области в Королевстве Саудовская Аравия) // *Дирасат саудийя*, Эр-Рияд, № 6, 1992. С. 77–115.

³⁷ Здесь и далее: Мадани Н.У., цит. произв.

³⁸ В 1997 г. доля саудовского участия в МБРР составила 5.403.845.000 долл. США, или 3% в совокупном объеме его капитала того времени. Итогом этой ситуации становилось выделенное Саудовской Аравии место в его совете исполнительных директоров. В свою очередь, в 1997 г. саудовское участие в совокупном капитале МВФ, членом исполнительного совета которого является и Саудовская Аравия, составило 9.709.700.000 долл. США, или 3,3% // Джухуд аль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя фи ат-танмия аль-иктысадийя ва аль-иджтимаийя фи ад-дувваль ан-намия. Визарат аль-малийя ва аль-иктисад аль-ватаний (Усилия Королевства Саудовская Аравия, направленные на экономическое и социальное развитие развивающихся стран. Министерство финансов и национальной экономики). Эр-Рияд, 1999, С. 53–54 и 55–60.

³⁹ Здесь и далее: Мадани Н.У., цит. произв.

⁴⁰ Здесь и далее см.: Аль-Манкури Х. Аль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя ва ан-низам ад-дуввалий аль-джадид мин аль-манзур аль-джиополитикий // *Дирасат саудийя*, Эр-Рияд, № 6, 1992. С. 126–150.

⁴¹ Здесь и далее: Аль-Манкури Х., цит. произв.

⁴² См. об этом: Аш-Шахри А.М.А. Аль-Алякат ас-саудийя ас-советийя ва ас-саудийя ар-русийя. 1926–1997 (Саудовско-советские и саудовско-российские отношения. 1926–1997 гг.). Эр-Рияд. 2001. С. 277 Отметим, что монография цитируемого саудовского автора основана на защищенной им в Москве в 2000 г. кандидатской диссертации: Аль-Шехри Али Мухаммед Ахмед. Саудовско-советские и саудовско-российские отношения. 1926–1997 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ. 1999.

Об истории установления саудовско-китайских дипломатических отношений см.: Ибн Султан Халед. Воин пустыни. Личный взгляд на войну в Заливе командующего объединенными вооруженными силами. М., 1996.

⁴³ Список саудовских дипломатических представительств и дипломатических миссий зарубежных стран в Саудовской Аравии см. в: Мадани М.У. Аль-Алякат ад-дипломасийя лиль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя

(Дипломатические связи Королевства Саудовская Аравия). Эр-Рияд. 1997. С. 241–254.

⁴⁴ Здесь и далее см.: Аль-Амир Найеф фи хадисихи ли маджаллят «Дер Шпигель» ... (Принц Найеф в интервью журналу «Дер Шпигель» ... // Текст интервью министра внутренних дел Саудовской Аравии цит. по: Айн-аль-Якин. Эр-Рияд, 21 декабря 2001

// <http://www.ain-al-yaqeen.com/issues/20011221/feat5ar.htm>

⁴⁵ Стоило бы отметить, что все эти доводы стали официальной точкой зрения, последовательно эволюционировавшей в заявлениях представителей саудовской политической элиты. Сошлемся, например, на лекцию, прочитанную в июле 2002 г. в Центре арабских исследований лондонского Вестминстерского университета послом Саудовской Аравии в Великобритании Г.аль-Кусейби. Развивая тему «эксплуатации» саудовских граждан в ходе событий 11 сентября, он, в частности, говорил, что легкость получения саудовскими студентами американских въездных виз «предоставила тому, кто планировал нападения на Америку, великолепную возможность использовать их, а не других арабов или мусульман». По его мнению, «большинство этих саудовцев было не более, чем исполнителями приказов, не знающими истинной цели операции. Более того, – подчеркивал Г.аль-Кусейби, – Усама бен Ладен постарался, чтобы подлинная цель этой операции была бы известна как можно меньшему числу ее участников». См.: Гази аль-Кусейби ва арбаа асатыр ан ас-саудийя: аль-ваххабийя, аль-кайда, талибан ва ада ли амрика ва аль-гарб (Гази Аль-Кусейби и четыре мифа о Саудовской Аравии: ваххабизм, Аль-Каида, Талибан и вражда к Америке и Западу. Айналь-Якин, 12 июля 2002

// <http://www.ain-al-yaqeen.com/issues/20020712/feat7ar.htm>

⁴⁶ Показательно в этой связи интервью, которое в феврале 2002 г. наследник саудовского престола принц Абдалла бен Абдель Азиз дал американскому журналу «Тайм». Отвечая на вопрос корреспондента о том, «выявили ли события 11 сентября какие-либо болезни в саудовском обществе», он подчеркивал: «То, что произошло – беспрецедентное преступление, которое изменило мир. Бен Ладен – нездоровый человек. Он пытался использовать нарастающее недовольство Америкой для оправдания бесчеловечного и ничем не обоснованного преступления. Если бы он был настоящим мусульманином, то следовал бы ценностям своего вероучения». Тем не менее, корреспондент был настойчив: «Кое-кто говорит, что атмосфера, породившая бен Ладена, была сформирована саудовским религиозным истеблишментом?». Ответ принца был, разумеется, далек от того, чтобы поколебать точку зрения американской общественности: «Это неверно. К сожалению, экстремизм существует в любой религии и в любой нации. Наши самые известные религиозные авторитеты открыто заняли позицию осуждения случившегося. А их позиция очень сильно повлияла на других и, в первую очередь, на экстремистов» // Цит. по: аль-амир абдалла фи хадис ли маджаллят «Тайм» аль-амирийя (Принц Абдалла в интервью американско-

му журналу «Тайм»). Айналь-Якин, 1 марта 2002 // <http://www.ain-al-yaqeen.com/issues/20020301/feat5ar.htm>

⁴⁷ Эти отношения уже в конце 90-х годов были, тем не менее, заморожены по инициативе саудовской стороны.

⁴⁸ По словам принца Найефа бен Абдель Азиза, «после событий 11 сентября в американо-саудовских отношениях возникла определенная напряженность, когда американские власти заявили, что Саудовская Аравия не предпринимает достаточных усилий для того, чтобы бороться с терроризмом. Американские средства массовой информации интерпретировали это заявление как доказательство связи саудовской стороны с международными террористическими организациями. Эти средства массовой информации никогда хорошо не понимали Саудовскую Аравию и, со своей стороны, не выражали никакого желания развить свое понимание королевства» // Здесь и далее см.: Аль-Амир Найеф бен Абдель Азиз: Ас-сухьюнийй вара аль-хамля аль-муадия ли ас-саудийй фи амрика (Принц Найеф бен Абдель Азиз: За антисаудовской кампанией в Америке стоит сионизм). Айналь-Якин, 15 февраля 2002

// <http://www.ain-al-yaqeen.com/issues/20020215/feat3ar.htm>

⁴⁹ Здесь и далее: Иттисаль сумув вали аль-ахд би ар-раис аль-амрикий (Разговор Его высочества наследника престола с американским президентом) // <http://www.mofa.gov.sa/folderjnofa/file3.htm>

⁵⁰ Нездоровье короля Фахда позволило саудовскому монарху выразить свои соболезнования народу и президенту США только 17 сентября 2001 г., когда он открыл очередное заседание совета министров страны. Его заявление было не менее серьезным. Фахд подчеркнул, что его страна «стоит на стороне Соединенных Штатов, поддерживает их и всесторонне сотрудничает с ними в интересах борьбы против любых форм и проявлений терроризма». Более того, по его словам, «Саудовская Аравия отвергает любого своего гражданина, имя которого связано с терроризмом». – Буш яаян анна бен Ладен матлуб хаййян ау майитан (Буш заявляет, что бен Ладен разыскивается живым или мертвым) // Аш-Шарк Аль-Аусат, Л., № 8330, 18 сентября 2001

// <http://www.aawsat.com/default.asp&page=front&issue=8330>

⁵¹ Здесь и далее: Калимат муфти амм аль-мамляка хауля аль-инфиджарат фи Нью-Йорк ва Вашингтон (Заявление верховного муфтия королевства о взрывах в Нью-Йорке и Вашингтоне) //

http://www.mofa.gov.sa/folder_mofa/file5.htm

⁵² Здесь и далее: Сахиб ас-сумувву аль-малякий вазир аль-хариджийй яджтамиу би ар-раис аль-амрикий (Его королевское высочество министр иностранных дел встречается с американским президентом) //

http://www.mofa.gov.sa/folder_mofa/file8.htm

⁵³ Здесь и далее текст заявления цит. по: Аль-Джазира, Джидда, №

10590, 26 сентября 2001 // <http://iplog4.suhuf.net.sa/2001jaz/sep/26/fr2.htm>

⁵⁴ Здесь и далее: Аль-Амир Абдалла фи хадис ли маджаллят «Тайм»

аль-амрикийй.

⁵⁵ Аль-Амир Абдалла: Фи мактаби хитаб яду ли татби камиль маа исраиль мукабиль инси хаб камиль ва уакафтуху би сабаб унф шарон (Принц Абдалла: В моем бюро находится послание, призывающее к полной нормализации отношений с Израилем в обмен на всеобъемлющий вывод войск. Но я приостановил его отправку из-за совершаемого Шароном насилия). – Айналь-Якин. 22 февраля 2002 // <http://www.ain-al-yaqeen.com/issues/20020222/feat3ar.htm>

⁵⁶ После долгих лет молчания о них вновь вспомнил принц Найеф Абдель Азиз. – Аль-Амир Найеф фи муатамар сухуфий: мауқыф аль-мамляка би набз аль-ирхаб лайса джадидан (Принц Найеф на пресс-конференции: позиция Королевства в связи с искоренением терроризма не нова). – Аль-Джазира, № 10595, 1 октября 2001 // <http://iplog4.suhuf.net.sa/2001jaz/oct/1/frI.htm>

⁵⁷ Быть может, едва ли не в первый раз мысль о том, что Саудовская Аравия неоднократно становилась объектом террористических атак, была официально высказана заместителем саудовского министра иностранных дел Низаром бен Убейдом Мадани в ходе чрезвычайной сессии министров иностранных дел мусульманских государств, посвященной вопросам терроризма и состоявшейся в апреле 2002 г. в Куала-Лумпур. См. Калимат аль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя амам ад-даура ат-тариа ... (Выступление представителя Королевства Саудовская Аравия на чрезвычайной сессии ...) // <http://www.mofa.gov.sa/MUTAMRJSLAMI/17.htm>

Российской общественности эта мысль известна, по крайней мере, из публикации временного поверенного в делах Саудовской Аравии в Москве М.И. Аль-Бенджаби в «Независимой газете». – Аль-Бенджаби М.И. Необходим диалог цивилизаций. Действия движения «Талибан» нанесли большой урон исламу и мусульманам // Независимая газета, М., 6 ноября 2001.

⁵⁸ Здесь и далее: Аль-Амир Найеф фи ифтитах муатамар аш-шурат ва идарат аль-мурур (Принц Найеф на открытии съезда представителей полицейских управлений и органов дорожного контроля) // Аль-Джазира, № 10613, 19 октября 2001 // <http://iplog4.suhuf.net.sa/2001jaz/oct/19/frI.htm>

⁵⁹ Так, в частности, в саудовском истеблишменте категорически не принимали критику западных феминистских организаций, обвинявших королевство в том, что «саудовские власти проводят в отношении женщин этой страны политику, подобную той, которую в отношении афганских женщин проводил режим Талибан». Отвечая им, его представители подчеркивали: «Существуют *столпы* ислама, и мусульмане должны следовать им. ... На Западе же просто стремятся расширить круг собственных ценностей и распространить их на другие сообщества, которые, кстати, претворяют внутри себя справедливую систему гарантий прав человека» // Там же.

⁶⁰ В этой связи, применительно к этому *мазхабу* категорически отвергалось определение «ваххабизм», поскольку М. Абдель Ваххаб создавал не «новую религиозную доктрину или исламскую школу», а лишь возглавил «реформаторское движение», целью которого становилось восстановление

на Аравийском полуострове «ханбалитской школы в качестве одной из четырех основных школ суннитского *фикха*» // Там же.

⁶¹ Сумувву ваизр аль-хариджийя: калима фи муатамар аль-ислямий ли вузара аль-хариджийя. Ад-даура 29, Аль-Хартум, 15 раба аль-ахар 1423 Х. аль-мувафик 26 йюниу 2002 М. (Его высочество министр иностранных дел: выступление на конференции министров иностранных дел мусульманских государств. Сессия 29, Хартум, 15 раба аль-ахар 1423 Х. или 26 июня 2002 Р.Х.) // <http://www.mofa.gov.sa/MUTAMRJSLAMI/18.htm>

⁶² Вали аль-ахд ас-саудий фи калима фи ифтитах надва «Аль-ислям ва хивар аль-хадарат» (Наследник саудовского престола произносит речь при открытии конференции «Ислам и диалог цивилизаций»). – Айналь-Якин, 22 марта 2002 // <http://www.ain-al-yaqeen.com/issues/20020322/feat5ar.htm>

⁶³ Отметим, в частности, серию заявлений представителей саудовских банков и благотворительных исламских организаций о «прозрачности» их денежных операций, последовавших сразу же за принятыми саудовскими официальными властями мерами контроля. См., например, соответствующее заявление генерального секретаря фонда «Исламская помощь (*Аль-Игаса аль-ислямийя*)», прямо указывавшего на предъявленное его фонду требование «руководящего органа королевства» // Амин амм хейат аль-игаса аль-ислямийя ли «Указ» (Генеральный секретарь фонда «Исламская помощь» заявляет газете «Указ»). – Указ, Эр-Рияд, № 428. 19 августа 2002 //

<http://www.okaz.com.sa/ОКА.../default.xtm?OkazVisit=275184> В дальнейшем же, министерство внутренних дел Саудовской Аравии (соответствующие заявления делал его глава – принц Найеф) не раз подчеркивало, что «саудовские банки не являются источниками перевода денег «Аль-Каиде». – См., например: Аль-Амир Найеф фи муатамар сухуфий хадаруху васаиль аль-иалям ад-дуввалийя ва аль-махаллийя (Принц Найеф на пресс-конференции, где присутствовали представители мировых и местных средств массовой информации). – Аль-Джазира, № 10615, 21 октября 2001 // <http://iplog4.suhuf.net.sa/2001jaz/oct/21/fr2.htm>

⁶⁴ Сошлемся, в частности, на заявление министра внутренних дел страны принца Найефа Абдель Азиза, говорившего на состоявшейся в октябре 2001 г. в столице Бахрейна Манаме и посвященной вопросам международного терроризма встрече министров внутренних дел государств-членов ССАГПЗ, что, «хотя королевство, несомненно, против терроризма и выступает за ликвидацию его корней во всем мире, тем не менее, оно считает, что борьба с терроризмом должна осуществляться усилиями всего мирового сообщества». Это означало, подчеркивал он, что «позиция королевства заключается в необходимости окончания уже начавшейся войны». «Никто, – по его словам, – не желает продолжения этой войны, поскольку она наносит удар, прежде всего, по невинным людям, на совести которых нет никаких грехов. Поэтому мы надеемся, да позволит это Господь, что эта война скоро закончится». – Аль-Джазира, № 10624. 30 октября 2001 // <http://iplog4.suhuf.net.sa/2001jaz/oct/30/fr3.htm>

В свою очередь, в совместном коммюнике о состоявшейся 12 сентября 2002 г. в Нью-Йорке встрече президента Дж.Буша, саудовского министра иностранных дел С.аль-Фейсала, премьер-министра Японии Кодзуми и пре-

зидента Афганистана Х.Карзая, опубликованном в ходе работы 57-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, отмечалось, что правительства США, Японии и Саудовской Аравии «действовали совместно после событий 11 сентября», содействовав «оказанию поддержки» правительству Х.Карзая, и выступили «как руководители международного сообщества в том, что касается удовлетворения гуманитарных нужд афганского народа» как «внутри Афганистана», так и «за его пределами». На этой встрече была согласована идея строительства дороги, связывающий Кабул с Кандагаром и Гератом. Проект предполагали финансировать США, Япония и Саудовская Аравия. Каждая из трех стран выделяла соответственно по 80, 50 и 30 млн. долл. Как отмечалось в совместном коммюнике, представители стран-участниц этой встречи считают, что строительство этой дороги «станет началом процесса избавления страны от последствий разрушивших ее войн». – Буш ва Сауд аль-Фейсал ва Карзай ва Коэдзуми бахасу аль-кадая ад-дуввалийя (Буш, Сауд Аль-Фейсал, Карзай и Коэдзуми обсудили международные проблемы). – Аль-Джазира, 14 сентября 2002 // <http://www.al-jazirah.com/cgi-bin/dailynews/newsattach.cgi?dir=/178489/&file=du17.htm>

⁶⁵ См. об этом, в частности: Хиляль хадисихи ли сахифат «Араб таймс» аль-кувейтий аль-амир Аль-Валид: аль-мукатаа аль-арабийя лиль мунтаджат аль-амрикийя ля танфаа (В заявлении кувейтской газете «Араб тайме» принц Аль-Валид подчеркивает: арабский бойкот американских товаров не принесет пользы). – Аль-Джазира, № 10807, 1 мая 2002 // <http://iplog4.suhuf.net.sa/2002jaz/may/1/ec9.htm>.

⁶⁶ Ас-Саляма А.Х. Цит. произв. С. 648.

⁶⁷ Здесь и далее: Вазир ан-нафт ас-саудий амам муатамар аль-алякат аль-батрулийя ва аль-иктисадийя ас-саудийя аль-амрикийя (Саудовский министр нефти выступает на Конгрессе саудовско-американских нефтяных и экономических отношений). – Айналь-Якин, 26 апреля 2002 // <http://www.ain-al-yaqeen.com/issues/20020426/feat8ar.htm>

⁶⁸ См.: Вазир аш-шуун аль-ислямийя яльтаки имамат аль-масаджид (Министр мусульманских дел встретился с имамами мечетей). – Аль-Джазира, № 10612, 18 октября 2001 // <http://iplog4.suhuf.net.sa/2001jaz/oct/18/fr5.htm>; а также: Вазир аш-шуун аль-ислямийя асна ликаихи маа талабат аль-ильм ва ад-дуат (Министр мусульманских дел во время встречи со студентами религиозных дисциплин) // Аль-Джазира, № 10613, 19 октября 2001 // <http://iplog4.suhuf.net.sa/2001jaz/oct/19/fr4.htm>

⁶⁹ См. комментарий Саудовского агентства новостей, подчеркивавший, касаясь идей «борьбы цивилизаций», что «в абсолютно взаимозависимом мире, где столь высоко ценится свобода торговли и свобода передвижения, странно видеть, как возводятся стены, которых не было раньше, но которые понадобились сегодня. Слишком много общего между традициями Запада и системой ценностей Ислама. Тот, кто стремится заменить «холодную войну» сценарием «Запад против Ислама» не добьется успеха». – The Aftermath of the Collapse of the Soviet Union // <http://www.saudinf.com/main/x002.htm>

⁷⁰ См. отчет генерального директора отдела внешних связей и информации Консультативного совета о речи наследного принца в парламентском вестнике королевства журнале «Аш-Шура». – Ас-Сагыр А.-Р.О. Муашшарат фи гайт аль-ахамийя (Чрезвычайно важные указания) // «Аш-Шура», № 35, 1423 X. // <http://www.shura.gov.sa/arabicsite/majalah35/bar.htm>

⁷¹ Здесь и далее см.: Фи калима вуджихат иля аль-муватынин ва иля джамии аль-муслимин ... (В обращении к гражданам и всем мусульманам ...). – Айналь-Якин, 21 декабря 2001 // <http://www.ain-al-yaqeen.com/issues/20011221/feat1ar.htm>

⁷² Ниябатан ан хадим аль-харамайн аш-шарифейн аль-малик Фахд бен Абдель Азиз фи аль-кымма аль-халиджийя ... (От имени Служителя двух благородных святых короля Фахда бен Абдель Азиза на саммите стран Залива ...). – Айналь-Якин, 4 января 2002 // <http://www.ain-al-yaqeen.com/issues/20020104/feat2ar.htm>.

⁷³ Здесь и далее см.: Ихтитама аль-иджтимаа ат-тариа лиль-муатамар аль-визарий аль-ислямий (Завершение чрезвычайной сессии совещания министров мусульманских стран). – Аль-Джазира, № 10605, 11 октября 2001 // <http://iplog4.suhuf.net.sa/2001jaz/oct/11/fe2.htm>

⁷⁴ Здесь и далее см.: Калима аль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя амам ад-даура ат-тариа ли вузара аль-хариджийя муназзамат аль-муатамар аль-ислямий хауля аль-ирхаб (Выступление представителя Королевства Саудовская Аравия на чрезвычайной сессии министров иностранных дел Организации исламская конференция) // http://www.mofa.gov.sa/MUTAMR_ISLAMI/17.htm

⁷⁵ Здесь и далее см.: Калима вали аль-ахд аль-амир Абдалла фи муатамар аль-кымма аль-арабий. Ад-Даура ар-рабиа ашара. Бейрут, 13 мухаррам 1423 X. аль-мувафик 27 марс 2002 М. (Выступление наследника престола принца Абдаллы на встрече в верхах арабских стран. Четырнадцатая сессия. Бейрут. 13 мухаррама 1423 X. или 27 марта 2002 г. Р.Х.) // http://www.mofa.gov.sa/jamea_arabia/26.htm

⁷⁶ Аль-малик Фахд ва Чейни ябхасани аль-кадыйя аль-филистынийя ва ат-тасид аль-аскарий аль-исраилий фи ад-дыффа ва газза (Король Фахд и Чейни обсуждают палестинскую проблему и израильскую военную эскалацию на Западном берегу и в секторе Газа). – Айн-аль-Якин, 22 марта 2002 // <http://www.ain-al-yaqeen.com/issues/20020322/feat2ar.htm>.

⁷⁷ Но эта позиция в равной мере распространялась и на Иран. Отвечая в марте 2002 г. на вопросы корреспондента журнала «Тайм», принц Абдалла говорил, что он не считает, что «война с террором должна быть перенесена на Иран и Ирак». «Если, – добавлял он, – кто-то из иранцев или иракцев и совершил террористические акции, то в их случаях речь идет лишь о маргинальных группках, но не о государственной политике». Более того, отвечая на вопрос о том, является ли Иран «источником дестабилизации», саудовский наследный принц говорил: «Иран участвует в создании стабильности. В прошлом в отношениях с ним существовала некоторая напряженность. Причины этой напряженности были исследованы и сняты. Иран – великое

государство, и в интересах каждого государства Залива содействовать сохранению существующего статус-кво и поддержанию региональной стабильности». – Цит. по: Айналь-Якин, 1 марта 2002 // <http://www.ain-al-yaqeen.com/issues/20020301/feat5ar.htm>

⁷⁸ Машруа ас-самаи нукаат ас-саудий ядфау идарат Буш иля иадат таквим хутутиха (Саудовский проект из восьми пунктов заставляет администрацию Буша переоценить собственные планы). – Айналь-Якин, 3 мая 2002 // <http://www.ain-al-yaqeen.com/issues/20020503/feat2ar.htm>

⁷⁹ Сумувву аль-амир Сауд аль-Фейсал / Мукабаля. Вашингтон, джумада аль-ахара 1423 Х. аль-мувафик 11 агустус 2002 М. (Его превосходительство принц Сауд Аль-Фейсал / Заявление. Вашингтон, джумада аль-ахара 1423 Х. или 11 августа 2002 Р.Х.) // <http://www.mofa.gov.sa/wazeeralkharigiah/108.htm>

⁸⁰ Российскому читателю эта проблема, хотя и в крайне одностороннем и ангажированном освещении, известна из: Дунаев В., Юсин М. Бывший союзник. – Известия, М., 5 сентября 2002. С. 8.

⁸¹ Здесь и далее: Бахс ат-татаввурат ад-дуввалийя ва аль-иклимийя фи лика аль-малик Фахд ва аль-малик Хуан Карлос (Обсуждение международных и региональных событий во время встречи короля Фахда и короля Хуана Карлоса). – Айналь-Якин, 6 сентября 2002 // <http://www.ain-al-yaqeen.com/issues/20020906/featlar.htm>.

⁸² Сауд аль-Фейсал: иджтимаа маджлис вузара аль-хариджийя аль-араб кан джейедан ва мухимман (Сауд Аль-Фейсал: встреча арабских министров иностранных дел была хорошей и важной) // Там же.

⁸³ Вашингтон татаваккыу имхаль Саддам Хусейн айям ли танфиз аль-матлуб (Вашингтон предполагает дать Саддаму Хусейну несколько дней на выполнение требований). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 16 сентября 2002 // <http://www.asharqalawsat.com/default.asp?page=front&issue=8693>

⁸⁴ Аль-Амир Абдалла фи рисаля ли ар-раис аль-амрикий (Принц Абдалла подчеркивает в письме американскому президенту). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 13 сентября 2002 // <http://www.asharqalawsat.com/default.asp?page=front&issue=8690>

**МАРОККАНО-ИСПАНСКИЙ КРИЗИС
ВОКРУГ ОСТРОВА ЛЕЙЛА (ПЕРЕХИЛЬ) И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ**

Ситуация, сложившаяся в сентябре 2002 г. в марокканско-испанских отношениях, в очередной раз подтвердила самые пессимистичные прогнозы, высказывавшиеся двумя месяцами ранее в связи с военно-дипломатическим кризисом вокруг острова Лейла (Перехиль): поддержание конфликта в перманентно незатухающем состоянии по ряду объективных и субъективных причин как внутреннего, так и внешнего свойства выгодно Рабату. До того, как раскрыть основания подобной ситуации, представляется целесообразным напомнить о некоторых событиях самого «жаркого» лета в отношениях между двумя соседями.

Прежде всего приходится констатировать, что марокканско-испанский кризис был неизбежным. Не было только ясности, когда он разразится. Почему? У двух соседей, которых формально связывает Соглашение о дружбе и сотрудничестве от 1991 г., за последние годы накопилось немало претензий друг к другу.

С одной стороны, Мадрид не может простить Рабату его сугубо политическое решение не возобновлять соглашение между Марокко и Евросоюзом о морском рыболовстве. Пострадавшей стороной оказались десятки тысяч испанских рыбаков. Именно с осени 1999 г., когда истек срок действия предыдущего соглашения и сотни испанских рыболовецких судов ушли из 200-мильной марокканской экономической зоны в Атлантике, стрелка барометра двусторонних отношений начала медленное, но поступательное движение к отметке «шторм». С этого момента Испания стала все чаще и острее критиковать Марокко по ряду проблем.

В частности, Мадрид обвинил Рабат в непринятии мер и даже потворствовании незаконной иммиграции и наркоторговле (в последнем случае речь идет о выращиваемой в регионе горной цепи Риф разновидности индийской конопли – каннабисе. – *Прим. авт.*).

Со своей стороны Рабат подверг резкой критике позицию Мадрида по западносахарскому урегулированию. Дело в том, что Испания негативно восприняла планы Рабата решить сахарскую проблему путем предоставления этим провинциям самой широкой автономии в рамках Марокко. Мадрид (его позиция по данному вопросу во многом совпадает с позицией Москвы) остается приверженным идее проведения под эгидой ООН референдума о будущем сахарских провинций.

Из марокканской столицы вновь стали раздаваться претензии на испанские территории в Северной Африке – города-анклавы Сеуту и Мелилью с прилегающими островами, которые оказались окруженными чужой территорией еще 500 лет назад. Рабату пришлось не по душе и то, что испанцы начали вести разведку на нефть в зоне между Канарскими островами и континентом. Здесь также имеет место пограничный спор. Марокко считает своими водами 200-мильную экономическую зону в Атлантике. В то же время Испания полагает, что в зоне между Канарами и африканским континентом должен действовать принцип равноудаленности. Впрочем, по испанской логике, марокканцы также явно поторопились, начав раздавать лицензии на ведение разведки на нефть в прибрежных зонах, прилегающих к Западной Сахаре.

Претензии Рабата к Мадриду мягко говоря удивили и заставили тщательно искать их глубинные причины. В самом деле, Испания является вторым по значимости торговым партнером Марокко. Прервись торгово-экономические связи между двумя странами, Испания – хоть и не без проблем – переживет их потерю. Иное дело – Марокко, и без того живущее в условиях системного кризиса. Что касается анклавов, то выдвижение территориальных претензий к участнику ЕС и НАТО представляется просто безрассудным. Тем более – если вспомнить, что одновременно Рабат всеми силами стремится примкнуть в том или ином виде к ЕС, непременным требованием которого к партнерам является отсутствие территориальных претензий к кому бы то ни было.

Кризис в двусторонних отношениях усугубил отзыв Рабатов в октябре 2001 г. марокканского посла из Мадрида.

Взаимные претензии сторон сделали кризис неизбежным. Однако как это всегда бывает, он разразился неожиданно 11 июля 2002 г. В тот день на расположенном в Гибралтарском проливе острове Лейла (Перехиль), который Рабат считает своим из-за его географического положения (остров отделен от африканского побережья всего несколькими сотнями метров), высадилась группа марокканских морских пехотинцев. Тем самым был нарушен соблюдавшийся сторонами много лет демилитаризованный статус острова. Чтобы обосновать эту акцию, было объявлено, что этот шаг предпринят в рамках «кампании по борьбе против терроризма и незаконной иммиграции, проводимой марокканскими властями в зоне Гибралтарского пролива». Одновременно утверждалось, что остров Лейла «был освобожден в 1956 г. одновременно с прекращением действия режима испанского протектората, после чего марокканские силы безопасности размещались на нем всякий раз, когда это было необходимо» (10, 11.07.2002).

Высадка марокканцев совпала с торжествами по случаю бракосочетания короля Мохаммеда VI. Согласно одной из версий событий, монарх якобы не ведал, какой свадебный «подарок» ему подготовили военные. Однако те, кто знают хорошо Марокко, сразу же поставили эту версию под сомнение. Парижский еженедельник «Жен Аф-

рик/Интеллижан», в осведомленности которого сомневаться не приходится, тут же назвал эту версию «фольклорной» (5, 22.07.2002). Ее недостоверность подтверждается и тем, что по итогам событий вокруг острова Лейла (Перехиль) никаких оргвыводов со стороны двorca в отношении военной верхушки не последовало.

Испанцы, по большому счету, не оспаривали марокканской принадлежности крохотного острова. Они лишь обвинили Рабат в нарушении статус-кво и односторонних действиях, которые вряд ли допустимы в современном мире, где все взаимосвязано. Официальный Мадрид потребовал очистить остров. Рабат отказался выполнить испанское требование. Перевернув все с ног на голову, официальный представитель Марокко, министр культуры и информации Мохаммед аш-Шаари тут же заявил, что «нет причин драматизировать» инцидент вокруг острова. Министр утверждал, что реакция Испании является «непропорциональной».

Немедленно в ожесточенную перепалку вступили СМИ двух королевств. В частности, отдельные испанские газеты сразу же сравнили кризис вокруг острова с конфликтом из-за Мальдивских (Фолклендских) островов. Со своей стороны газета марокканских социалистов «Либерасьон» вопреки очевидному факту – первый шаг был сделан именно Рабатом – выступила с утверждением, согласно которому испанский премьер Хосе Мариа Аснар «объявил нам войну нервов» (8, 13.07.2002). По абсурдной логике газеты консервативно-националистической Партии Истикляль (ПИ) «Опиньон» сделано заключение: поскольку, согласно официальной версии, «наблюдательный пост» выставлен в рамках мероприятий по борьбе против терроризма, то Испания просто не хочет бороться с этим явлением (9, 14.07.2002).

Некоторые марокканские СМИ увидели в кризисе религиозный оттенок. В частности, газета «Экономист» назвала его «первым межгосударственным конфликтом» после событий 11 сентября прошлого года в США, в котором сошлись две страны, «разделяющие одну и ту же идеологию». «Однако между ними есть единственная разница: одна находится на Севере, другая – на Юге; одна является христианской, другая – мусульманской. Поэтому простой пограничный конфликт между двумя соседями после 11 сентября изменил свое измерение», – утверждала газета (7, 15.07.2002).

Позднее станет известно, что – как это нередко случается в Марокко – правительство страны как таковое не было даже предупреждено о планируемой акции. Ее подготовкой занимались министры-назначенцы монарха. И когда – по версии независимого еженедельника «Демэн магазин» – на экстренном заседании кабинета влиятельный представитель партии Социалистический союз народных сил (ССНС) – министр по вопросам оборудования территории, градостроительства, жилищного строительства и охраны окружающей среды Мохаммед эль-Язги набросился с критикой на главу МИД М.Бенаиссу, тот ответил ему, что не собирается отчитываться перед ним (2, 20.07.2002). Понятно, что такая реакция могла быть только в одном случае: проводник внешней политики Марокко чувствовал за собой чью-то поддержку.

Есть еще один многозначительный факт, показывающий тех, кто играет ключевые роли в марокканской внешнеполитической «кухне». Еще 13 июля премьер-министр Марокко Абдеррахман Юсуфи пообещал найти «быстрое решение» кризиса с Испанией и одновременно обязался «избежать осложнения конфликта». Это заявление прозвучало сразу после того, как Юсуфи переговорил по телефону с председателем Еврокомиссии Романо Проди. Последний заявил марокканскому премьеру об обеспокоенности Евросоюза в связи с действиями Марокко. Однако последовавшие события подтвердили, что в марокканских реалиях только дворец и его ставленник М.Бенаисса занимаются вопросами внешней политики.

В ночь с 16 на 17 июля испанские военные провели молниеносную операцию и вытеснили с острова марокканцев. Атака последовала сразу после того, как испанский посол покинул территорию Марокко через пограничный переход в Сеуте. Операции предшествовало несколько очень драматичных часов, которым разные стороны дали диаметрально противоположные прочтения. Точно известно одно: в ту ночь состоялся телефонный разговор между М.Бенаиссой и главой МИД Испании А.Паласио.

По марокканской версии, стороны при посредничестве американского посольства в Рабате достигли соглашения о восстановлении статус-кво острова, однако «вероломные» испанцы якобы тут же нарушили его, высадившись на Лейлу (Перехиль). Официальный Мадрид немедленно опроверг существование подобной договоренности. Он едва ли смог бы выступить с подобным опровержением, если бы соглашение действительно существовало. Тем более, что фактическим свидетелем заключения сделки (согласно Рабату) якобы выступили США. Последние вообще повели себя необычайно осторожно, никак не показав, кто из двух сторон лукавил.

По одной из независимых версий, А.Паласио потребовала очистить остров в течение ночи, однако Бенаисса сначала вообще отказался говорить с ней под предлогом позднего времени, а затем сослался на невозможность для него командовать военными. Поэтому неудивительно, что испанцы тут же начали действовать.

По слухам, гулявшим среди марокканцев, Бенаисса, сославшись на ночное время, просто отказался говорить с Паласио, предложив ей перезвонить утром. Одно только существование подобной версии показало, что действия творцов марокканской внешней политики были далеко неоднозначно восприняты населением при том, что официальная пропаганда твердила о «всенародном одобрении» действий Рабата.

Согласно американским источникам в Рабате, всю ночь с 16 на 17 июля Бенаисса все же провел в посольстве США в Рабате, откуда он вел переговоры с Паласио. Впрочем, если наложить все версии одна на другую и отбросить лишнее, нетрудно заметить довольно целостную картину происшедшего.

Официальный Рабат расценил высадку испанских войск на Лейле (Перехиле) как «агрессию, эквивалентную объявлению войны». И

это при том, что всерьез в Марокко никто воевать с Испанией явно не собирался. Простое сравнение боевых потенциалов армий двух стран в случае перехода конфликта в военную фазу было явно не в пользу марокканцев, поскольку боевая мощь испанских ВМС и ВВС просто несравнима с аналогичными составляющими марокканских вооруженных сил. Тем не менее это обстоятельство не помешало некоторым «горячим головам» заговорить о необходимости организации нового «Зеленого марша» (невооруженный поход марокканцев на Западную Сахару. – *Прим. авт.*), на сей раз – на испанские анклавы. Новый «Зеленый марш» – это, пожалуй, единственное оружие, которое могут противопоставить марокканцы испанским фрегатам и истребителям, и это хорошо понимают в обеих столицах.

20 июля наступила развязка конфликта. В тот день благодаря посредничеству США конфликтующие стороны согласились восстановить демилитаризованный статус острова. Это стало возможным лишь после трех телефонных разговоров между госсекретарем США и королем Марокко. Сразу после достижения соглашения испанцы тут же, без лишнего шума, оставили остров.

22 июля конфликтующие стороны подтвердили, что будут придерживаться соглашения об урегулировании кризиса вокруг острова Лейла (Перехиль), заключенного двумя днями ранее при посредничестве США. Тем самым формально был погашен пусть и бескровный, но первый конфликт XXI-го века, в который оказалась втянутой европейская страна.

В распространенном в тот день в Рабате совместном коммюнике по итогам краткого визита в марокканскую столицу главы МИД Испании Аны Паласио и состоявшихся там переговоров с министром иностранных дел и сотрудничества Марокко Мохаммедом Бенаиссой подчеркивалось, что стороны обязались уважать (демилитаризованный) статус острова, как это было «до июля 2002 года» и как это обусловлено с госсекретарем США Колином Пауэллом 20 июля 2002 г. Они обязались вести дела «в этой области» в дальнейшем так, чтобы «не наносить ущерба их позициям относительно статуса острова». Отдельно подчеркивалось, что Мадрид и Рабат будут придерживаться этого соглашения добровольно. Они также договорились продолжить диалог. С этой целью главы МИД двух стран планировали встретиться в Мадриде в сентябре 2002 года (10, 22.07.2002).

Тут же выяснилось, что стороны по-разному «читают» соглашение, которое было достигнуто госсекретарем США с каждой из них. Так, еще до объявления о выработке соглашения Рабат категорически опроверг информацию, согласно которой он якобы обязался не возвращаться на остров после вывода оттуда испанских войск. Да и позднее он так отчетливо и не высказался, будет ли им уважаться демилитаризованный статус острова. Со своей стороны Мадрид рассчитывает на то, что К.Пауэлл до конца сыграет роль гаранта выполнения соглашения. Испания сразу же дала понять, что на предстоящих переговорах она никоим образом не позволит обсуждать проблему анклавов.

Кризис вокруг Лейлы (Перехиля) вызвал многочисленные отклики в мире. Испанию поддержали Евросоюз и НАТО, Марокко заручилось поддержкой Лиги арабских государств, Организации Исламская конференция и Союза арабского Магриба. Впрочем, можно ли было вообще говорить о поддержке последних трех организаций? Ведь хорошо известно, что решения в них принимаются на основе консенсуса. Но также не секрет, что член этих организаций – Алжир однозначно осудил высадку марокканских солдат на острове.

23 сентября 2002 г. в Мадриде должна была состояться встреча между главами МИД Испании и Марокко. Испания не скрывала, что первым делом хотела бы обсудить вопрос возвращения послов. Одновременно категорически отвергалась сама постановка вопроса об анклавах. Согласно А.Паласио, статус этих двух городов «никогда не обсуждался ни на одном форуме по деколонизации, потому что они никогда не были колониями». Она подчеркнула, что «Сеута и Мелилья – такие же испанские города, как Уэска» – город, находящийся на севере Испании. По логике министра, нахождение двух испанских городов в Африке – такая же «географическая исключительность», как в случаях с Калининградом, Гавайями или Стамбулом (1, 07.09.2002).

Со своей стороны Марокко имеет диаметрально противоположный взгляд на эту проблему. Более того, за 9 дней до встречи М.Бенаисса с трибуны Генеральной ассамблеи ООН вновь потребовал передачи Сеуты и Мелильи под марокканскую юрисдикцию, в очередной раз назвав их «оккупированными» городами. «Восстановление территориальной целостности Марокко является абсолютным приоритетом для короля Мохаммеда VI и всего марокканского народа», – заявил он. В итоге встреча, которую так ждали, просто не состоялась.

Можно даже констатировать, что Рабат приложил для этого максимум усилий. И это при том, что всего за день до встречи все, казалось, шло по плану. «Для Испании и Марокко настал момент установить отношения более реалистичные, откровенные и ответственные. Легендарное испано-марокканское братство – вещь вполне реальная», – заявил 22 сентября А.Юсуфи в интервью одной из испанских газет (6, 22.09.2002). Однако в очередной раз подтвердилось, что премьер не имеет ни малейшего отношения к реальной внешней политике королевства. На ее творцов не оказал никакого влияния и распространенный 20 сентября манифест, который подписали около 150 деятелей культуры и науки из Марокко и Испании. В нем они призвали к диалогу между двумя странами. «Испания и Марокко должны преодолеть существующие между ними противоречия и найти решения всех проблем путем диалога, – отмечалось, в частности, в документе. – Вместе мы требуем от наших правительств, чтобы они наладили диалог и через него пришли к новым соглашениям, которые заменят язык столкновений и угроз языком согласия» (4, 20.09.2002).

Подводя первые итоги, можно смело констатировать, что конфликт далек от завершения. Подтверждение тому – события, которые

произошли уже в сентябре 2002 г., когда Рабат обвинил Мадрид в совершении якобы многочисленных нарушений его морского (61 случай со времени июльского кризиса) и воздушного (26 случаев) пространства и на основании этого явно надуманного предлога отказался от участия во встрече глав МИД двух стран в Мадриде. Почему надуманного? Ответ на этот вопрос крайне прост. Дело в том, что прилегающие к анклавам несколько островов, на которых дислоцируются небольшие испанские гарнизоны, из-за их географической близости к марокканскому побережью формально находятся в марокканских территориальных водах. Их снабжение осуществляется либо по воздуху, либо морским путем. Отсюда и «многочисленные» нарушения марокканского морского и воздушного пространства. Но так было всегда, и ранее подобная ситуация никоим образом не будоражила Рабат.

Кстати, по утверждениям Рабата, он располагает «неопровержимыми» доказательствами нарушений своей границы. Однако есть все основания полагать, что Марокко мягко говоря лукавит. В последнем случае, который формально «переполнил чашу терпения» марокканцев, они сначала утверждали, что испанский военный вертолет якобы совершил посадку на Лейле (Перехиле). Когда Испания категорически опровергла эту информацию, оказалось, что посадки на острове не было вообще, а воздушное пространство Марокко нарушил вовсе не военный вертолет, а частный испанский самолет, нанятый одной из телекомпаний.

Столкнувшись с подобным нежеланием вести диалог, Мадрид в лице А.Паласио тут же заявил, что не изменит своей позиции по западносахарскому вопросу лишь только для того, чтобы улучшить отношения с Рабатом. «Сахара не является разменной монетой и ни в коем случае не будет таковой только для того, чтобы улучшить наши отношения с Марокко», – подчеркнула она (4, 26.09.2002).

В целом Мадрид пока добился того, что хотел. Демилитаризованный статус острова восстановлен. Надолго ли? Понятно, что Рабат в международном плане больше потерял, нежели выиграл. Однако создается впечатление, что Рабату конфликт был просто необходим для «внутреннего потребления», и в таком качестве будет использоваться и в ближайшем будущем. Во-первых, напряжение позволяет держать внутреннюю ситуацию в стране в управляемой фазе и даже манипулировать этой ситуацией в достаточно широких рамках. Во-вторых, даже в случае, если обстановка начнет выходить из-под контроля (это может произойти в случае социального взрыва в какой-либо форме), конфликт позволяет переключить энергию масс на внешнего противника, отведя тем самым угрозу от режима. Это становится особенно актуальным после того, как по итогам состоявшихся 27 сентября парламентских выборов исламисты из легально действующей Партии справедливости и развития (ПСР) стали третьей по влиянию партией страны. При этом хорошо известно, что она не является самой сильной по воздействию в исламистском движении в Марокко. В-третьих, столкновение интересов

двух стран позволяет привлечь в той или иной степени международное внимание к Рабату, который в последнее время по ряду причин чувствовал себя несколько обделенным в этом отношении и хотел бы определенного самоутверждения. А значит, кризис может вновь в любой момент перейти в активную фазу со всеми вытекающими отсюда последствиями. Причем на этот раз он может развернуться не вокруг забытого всеми острова, а вокруг Сеуты и Мелильи.

Похоже, в Мадриде понимают сложность и непредсказуемость складывающейся ситуации, и прежде всего – в самом Марокко. В самом деле, ПСР по результатам голосования получила 41 мандат из 325 (в парламенте прежнего созыва исламисты имели 14 мест). Для сравнения: формально победившая партия ССНС получила всего 49 мест в Палате представителей (нижняя палата марокканского парламента). Проголосовав за исламистов, всегда занимавших во внешнеполитической сфере антииспанские позиции, марокканцы тем самым отвергли конформистские «системные» партии, как участвовавшие в прежней правительственной коалиции, так и находившиеся в оппозиции. В этих условиях Испания взяла курс на ускоренное развитие отношений с «большим другом» Марокко – Алжиром, в том числе и в области безопасности.

Испанцы оказались и самыми внимательными зрителями избирательного действия в соседней стране. «Первым результатом подъема исламистов, что весьма тревожит Испанию, является фрагментация политических сил в Палате представителей. Это ведет только к одному – еще большему усилению позиций Мохаммеда VI», – писала, в частности, газета «Эль Мундо» (3, 30.09.2002). «Сохранение позиций ПИ и ССНС указывает, что политика на конфронтацию с Испанией не изменится, и она во многом будет определяться потребностями внутренней политики», – утверждала со своей стороны газета «Эль Паис» (4, 30.09.2002).

Многое будет зависеть и от США, выступивших в июле 2002 г. гарантом соглашения между Марокко и Испанией. Уже после срыва Мадридской встречи госдепартамент США заявил, что получил гарантии сторон в том, что они продолжают уважать статус Лейлы (Перехиля) в виде, существовавшем до июльского кризиса.

1. AFP, Paris.
2. Demain magazine, Casablanca.
3. El Mundo, Madrid.
4. El Pais, Madrid.
5. Jeune Afrique/Intelligent, Paris.
6. La Vanguardia, Seville.
7. L'Economiste, Casablanca.
8. Liberation, Casablanca.
9. L'Opinion, Rabat.
10. MAP, Rabat.

ИСЛАМ И РЕВОЛЮЦИЯ

Взаимоотношения ислама и революции сложно эволюционировали в XX веке от полной несовместимости до слияния в общепризнанном понятии «исламская революция», официально принятом в 1978 г. в Иране. Эгалитаризм, коллективизм и соответствующие представления о социальной справедливости в исламе (например, принцип «садака», предписывающий зажиточным мусульманам заботиться о неимущих единоверцах) служили обоснованием для выступлений революционного характера в странах ислама на всем протяжении их истории, но никогда не выдвигались до XX века в качестве главной причины того или иного выступления. Более того, исламские идеологи, в том числе реформаторы ислама, осуждали «социалистические теории Запада», считая, что они «несут зло – раскол общества, анархию и безверие». Этим теориям Джамаль ад-Дин аль-Афгани противопоставлял принципы «шуры» (совета, совещания) и социального мира¹. Одновременно он осуждал выступления против монархов и знати, тем более – репрессии революционеров против них².

В XX веке многое изменилось. Мусульмане самых разных стран участвовали в двух мировых войнах и множестве национально-освободительных движений, так или иначе сопровождавшихся вооруженной борьбой и социальным насилием революционного характера. Почти все страны ислама пережили в минувшем столетии экономические кризисы, стихийные бедствия, политические перевороты, радикальную трансформацию общественных структур и морально-психологического климата вследствие включения в мирохозяйственные связи и сложной, как правило – крайне болезненной, адаптации к воздействию культуры, технологии, организационных принципов, этики, нравов и эстетики Запада, что сопровождалось «вестернизацией» значительных секторов и отдельных слоев восточного общества.

Мусульмане дольше других людей Востока – примерно 1300 лет – общались с европейцами. И около 1000 лет они оказывают сопротивление европейской экспансии, которую всегда считали не только военной, но также духовной и прежде всего религиозной агрессией. Неудачи в этом противостоянии за последние 3–4 столетия неизменно ожесточили мусульман. Надо при этом сделать лишь одну оговорку: мусульмане не выступают против западной цивилизации как

таковой или вообще влияния Запада. Но они решительно против военного, политического, экономического и особенно духовного господства иноверцев, ибо считают его покушением не только на свою свободу, но и на самобытность, неповторимость собственной цивилизации.

Однако ход событий в XX веке не оставлял им иного выбора, кроме борьбы. Колониальные порядки сменились более изощренной политикой неоколониализма, продолжившей и даже закрепившей господство Запада в сферах экономики, финансов, науки, техники, военного дела. Даже сбросив оковы политической зависимости, страны ислама остались отсталой периферией мирового капитализма, во многом сверяющей свою хозяйственную, политическую и социокультурную жизнь с требованиями развитых стран, как правило – своих бывших метрополий. Изменение быта, нравов и обычаев под воздействием идущей с Запада модернизации подрывает традиционную монополию ислама в этих сферах жизни мусульман, что не может не вызвать крайне негативной реакции и официальных представителей ислама, и наиболее традиционалистски настроенной части верующих. Модернизация экономики стран ислама и начавшийся процесс глобализации способствуют быстрой пауперизации значительной доли, если не большинства мусульман, наплыву в города разоренных сельских жителей, ввиду чего ускоренная урбанизация населения от Сенегала до Индонезии приводит к невиданному ранее скоплению «горючего материала» в лице неимущих маргиналов, представляющих собой своего рода социальный динамит. А страны Запада, в первую очередь США, многое сделали для взрыва этого динамита.

Исследователи самых разных взглядов констатируют повсеместную неудачу стран ислама в попытках обеспечить «адекватный экономический рост... в рамках западной экономической политики». В результате «многие мусульмане смотрят на ислам как на более справедливую экономическую систему»³. По мере роста социальной напряженности в большинстве стран ислама вследствие разочарования масс в проводимой светскими (как правило, прозападными) правительствами политике все более распространенной практикой таких правительств становятся диктаторские методы управления, репрессии, цензура, пытки и нарушения гражданских прав, тайные убийства, уродование и похищение политических оппонентов, которыми власти нередко отвечают на разоблачение коррупции и разложение госаппарата, как и на любую критику, часто ведущуюся с позиций исламской морали⁴. Недовольство многих мусульман вызывает также невозможность противостоять западному влиянию ввиду содействия ему со стороны правящих кругов таких стран, как Турция, Иордания, Египет, Малайзия, Пакистан и многих других. Принятие рядом мусульманских лидеров американской версии «угрозы мусульманского заговора» вызывает особое возмущение в мире ислама⁵. Сильнейшим раздражителем общественного мнения в арабских странах и в мире ислама стали

утрата Палестины и возникновение Израиля, что трактуется мусульманами не только как политическое и военно-стратегическое поражение, но и как удар по исламу иноконфессиональной силы, нанесенный с помощью Запада. Поэтому готовность ряда мусульманских государств, а также ведущих палестинских лидеров вести переговоры с Израилем трактуется как следствие «американского опекунства» и «унизительный фарс»⁶.

Все эти факторы и создали условия для перехода стран и народов ислама от национализма, широко распространенного в 20–60-х годах XX века, к исламскому радикализму или, как предпочитают выражаться некоторые авторы, «революционному исламу». Этот переход был определен и обозначен исламской революцией 1978–1979 гг. в Иране – единственной в XX веке, проходившей под руководством мусульманского духовенства и максимально отразившей все вышеперечисленные причины революционности мусульман. Конечно, в Иране для этого сложились особенно благоприятные условия: наличие более тысячи носителей высшего духовного шиитского звания «аятоллы», во многих случаях связанных с богатыми и влиятельными семействами; огромное влияние около 200 тыс. улемов и служителей культа, контролирующих более 80 тыс. мечетей (и, следовательно, посещающих их верующих) и около 300 медресе и религиозных учебных заведений с ежегодным выпуском до 60 тыс. учащихся. Помимо этого, в стране насчитывается более 1,5 млн. «сейидов» (потомков Пророка), весьма почитаемых верующими и объективно заинтересованных в усилении позиций ислама во всех сферах жизни. Против этих сил режим шаха – светский, демонстративно прозападный, деспотический и действовавший террористическими методами (при опоре на охранку и систему доносов) – оказался несостоятелен. В трудной ситуации резко возросшей социальной напряженности и политической смуты шахский режим, ухитрившийся предварительно поссориться с духовенством (из-за ограничения вакфов, контроля над судами и образованием, «вестернизации» быта и т.п.), был лишен идеологических рычагов воздействия на общество и, несмотря на всемерную поддержку США, пал. Это произвело впечатление разорвавшейся бомбы и породило «исламский бум» 70–80-х годов⁷.

Влиянию «революционного ислама» в мире и дальнейшему распространению его идей в огромной степени способствовала война в Афганистане 1979–1989 гг., спровоцировавшая наплыв в эту страну десятков тысяч исламских добровольцев со всех концов мира, вовлечение в афганские события Пакистана, Саудовской Аравии и США (в гораздо меньшей степени, но все же – Ирана, а также Китая), рост на антисоветской основе сил исламского фундаментализма во всех регионах распространения ислама, включая СССР. Усилению радикальных направлений фундаментализма содействовали, с одной стороны, информационная война, развернутая фундаменталистами повсеместно,

кое-где при поддержке западных СМИ, с другой – все возраставшая материальная, техническая и кадровая поддержка моджахедов в Афганистане и вообще экстремистов от фундаментализма общинами мусульман-иммигрантов в Европе и Америке, насчитывавших к середине 90-х годов в общей сложности до 18 млн. человек⁸. Значение проводимых наиболее радикальными лидерами этих общин сбора средств, обучения боевиков, кампаний в СМИ, а также обращения в ислам теперь уже десятков тысяч европейцев и американцев становится все более и более серьезным фактором международной жизни.

На рубеже XX–XXI веков исламский радикализм или «революционный ислам» в разной степени и разными способами демонстрирует свою силу в Афганистане, Иране, Пакистане, Египте, Йемене, Судане, Алжире, на Северном Кавказе, весьма заметен в Средней Азии, на северо-западе Китая (в Синьцзяне), в Бангладеш, среди мощной мусульманской общины Индии (до 100 млн. чел.), в Ливане, Палестине, Ливии, Марокко, Боснии, а также – в среде упомянутых выше мусульманских диаспор – на Западе. Целью исламоэкстремистов является осуществление повсюду «исламской революции» по типу иранской с последующим созданием «исламского государства» (иногда уточняется – «исламской республики»), конституцией которого был бы Коран⁹.

В сущности, их целью является полная перестройка общества на принципах Корана и шариата. В Египте, например, с 1980 г. демонстрации с требованием введения шариата как основы законодательства в течение многих лет увлекали за собой от 40 тыс. до 100 тыс. человек в разных городах страны, исламские ассоциации объединяли миллионы людей, были представлены депутатами в парламенте и контролировали 180 «исламских» компаний с общим капиталом в 25 млрд. долларов¹⁰. В Алжире ныне легально действует весьма влиятельное «Движение за исламское общество», имеющее мощную фракцию в парламенте.

Рассмотрев все современные факторы, питающие «революционный ислам», не стоит упускать из виду также историческое и политическое происхождение самого понятия революционности в исламе. Оно, безусловно, связано с революционными событиями 1917–1921 гг. в России, подорвавшими традиционные устои жизни миллионов мусульман и кардинально изменившими в дальнейшем условия их существования.

Февраль и октябрь 1917 г. объективно способствовали исчезновению уверенности мусульман в силе, прочности и авторитетности Российского государства, сотрясаемого малопонятными преобладающей их части революциями (да еще двумя за один год!) и позволяющего nisпровергать самые основы своего существования. Для мусульман легитимность власти даже Временного правительства была сомнительна, ибо не была освящена ни монархией, ни церковью, ни традицией. Октябрь 1917 г. добавил к этим сомнениям ощущение полного разрыва со всеми предшествующими традициями, да и со

всем, что олицетворяло российскую цивилизацию. Это породило убеждение в том, что мусульманам отныне не по пути с саморазрушающейся, отказывающейся от самой себя Россией, погрузившейся в хаос, анархию и революционный нигилизм. К тому же антирелигиозный экстремизм, охотно демонстрируемый большевиками, особенно отталкивал мусульман, для которых безбожие – не просто преступление, а самоуничтожение.

Мусульманская элита России еще как-то могла мириться с властью Временного правительства, которую на местах обычно представляли в основном старые партнеры этой элиты – дореволюционные чиновники, предприниматели, интеллигенты. Социальная катастрофа, их постигшая в октябре 1917 г., угрожала существованию и мусульманской элиты. Поэтому она практически повсеместно оказала сопротивление новой власти, утверждение которой вовсе не было (как, впрочем, и во многих областях совершенно России) «триумфальным шествием». Вследствие этого совершенно неверно представлять дело так, что «революция была исключительно делом русских», а мусульмане-де, оставались «безразличными наблюдателями», лишь иногда симпатизируя большевикам «исключительно ввиду своего недоверия Временному правительству»¹¹. Эта точка зрения А.Беннигсена и Ш.Лемерсье-Келькже противоречит фактам.

Одной из главных причин успеха большевиков в борьбе за влияние на мусульман явилось непонимание их противниками невозможности возврата к старому, а также – то обстоятельство, что провозглашенная большевиками политика уважения национальной и религиозно-культурной самобытности мусульман, их права на самоопределение и автономию очень гибко и умело проводилась выдающимся татарским революционером и мыслителем Мирсаидом Султан-Галиевым. Его знанию культуры и обычаев мусульман, его таланту и усилиям Советская власть обязана тем, что большинство мусульман России осталось тогда либо в стороне от гражданской войны 1918–1922 гг. и последующих выступлений басмачей, либо выступило на стороне большевиков, особенно тогда, когда после 1922 г. были восстановлены шариатские суды, возвращено имущество мечетей и медресе, возрождены вакфы, празднование пятницы вместо воскресенья, выборность имамов и т.п. В 1923 г. и позже выдвигались лозунги о совместимости новой власти и ислама.

И хотя вскоре от всего этого отказались, опыт взаимодействия ислама и революции, широких масс мусульман и радикального движения социального протеста остался. До конца он так и не был уничтожен последующей сталинской политикой антимусульманских репрессий, начавшейся со спора с Султан-Галиевым и последующего его отстранения со всех партийных постов, ареста и осуждения. Недаром Троцкий впоследствии назвал Султан-Галиева «первой жертвой генсека»¹².

Знаменитый французский востоковед Жак Берк был лишь частично прав в 1964 г., когда объяснял суть конфликта Султан-Галиева и Сталина верностью советской системы «индустриальным схемам и общим местам», что и побудило ее отвергнуть предложение Султан-Галиева «базировать распространение марксизма среди народов степей на татарской самобытности, понимаемой как «форма» социалистического содержания». Конечно, догматизм и невежество мешали многим партаппаратчикам верно оценить концепции Султан-Галиева. Они не понимали, что только бережное и уважительное отношение к религии, обычаям, традициям мусульман, их культуре и быту давало единственный шанс принятия идей социализма миром ислама. Это и отстаивал Султан-Галиев. Он был незаменим, когда надо было завоевывать авторитет у мусульман, привлекать их на свою сторону, сбивать первую волну национализма и басмачества в Поволжье и Крыму, на Кавказе и в Средней Азии. Но Султан-Галиев, стремившийся всерьез продолжать демократическую политику уважения национальных прав и особенностей, признания роли ислама и местных обычаев не на словах, а на деле, такой Султан-Галиев был Сталину не только не нужен, но и опасен как соперник. Поэтому и возникли провокационное «дело Султан-Галиева» и последующая «борьба с султан-галиевщиной», организованные Сталиным и продолжавшиеся уже после отстранения Султан-Галиева и вплоть до его казни в 1940 г.¹³

Вследствие этого осталась нереализованной потенциальная возможность творческого восприятия и учета восточной (в том числе исламской) реальности. А значение наследия Султан-Галиева, нацеленного на синтез этой реальности с идеями революции и социализма, полностью раскрылось лишь во второй половине XX века. Игнорирование идей Султан-Галиева привело к отходу от социализма и переходу к национализму таких лидеров, как Заки Валидов, Мобенд Нат Рой, Тан Малака. В 60–70-е годы его идеями, особенно – гибким учетом психологии и образа жизни восточного крестьянства и определением роли ислама в процессе революционного обновления общества, увлекались такие деятели, как Гамаль Абдель Насер в Египте, Ахмед Бен Белла в Алжире, Муаммар Каддафи в Ливии и Али Шариати в Иране. В 80–90-е годы работы Султан-Галиева получили широкое признание (в Казани создан общественный фонд его имени, печатаются его политические и литературные произведения). О нем пишут крупнейшие востоковеды Англии, Франции, США, Японии. И можно лишь согласиться с Шамилем Мухаммедъяровым: «Анализ Султан-Галиева оказался... настолько глубоким и точным, что его значимость в подлинном масштабе раскрывается только в наши дни»¹⁴.

Возможно, реализация его идей способствовала бы уже в первые десятилетия XX века умелой концентрации и ориентации революционной энергии мира ислама на созидательных задачах, на поисках социальной справедливости мирными средствами. И кто знает,

может быть, мир был бы избавлен от многих бед фанатизма, экстремизма, терроризма, милитаризма и других видов насилия, которые имели или имеют место от Индонезии и Бангладеш до Алжира и Боснии, не говоря уже об Афганистане и Чечне.

Все эти беды – вовсе не порождение исламского социализма, национализма или фундаментализма, как думают многие на Западе (да и в России). Они – следствие нерешенности, загнанности внутрь и подспудного тления таких взрывоопасных проблем мира ислама, как отсталость, нищета, вопиющее социальное неравенство и социальная несправедливость, оскорбление национального и религиозного сознания экономическим засильем иностранцев, культурно-идеологическим неокOLONIALИЗМОМ и военными акциями великих держав. Возможно, всего этого (или многого из этого) не было бы, если бы идеи Султан-Галиева были не временным (в 1917–1921 гг.), а постоянным теоретическим и практическим оружием революции в России, если бы, основываясь на них, действительно не на словах, а на деле удалось бы создать синтез европейского интернационализма, передовых достижений науки и цивилизации Европы с уважением культуры и религии мусульман, особенностей их общественного уклада и образа жизни, с модернизацией их нравов и обычаев при учете лучших традиций.

Однако был избран иной путь, частью которого стала цепь репрессий, уничтожившая миллионы мусульман, в том числе – большинство сторонников модернизации исламского общества. Это фактически зачеркнуло многие достижения СССР в области национальной политики, осложнив и без того непростые русско-мусульманские отношения, затруднив и затормозив русско-мусульманское сближение. Политика Сталина привела на позиции борьбы с Советской Россией многих ранее пророссийски настроенных мусульман. Фактически они вынуждены были забыть о своей былой включенности в российскую политику и культуру, невольно противопоставляя всероссийскому «централизаторству» большевиков автономизм и даже сепаратизм своих соотечественников и единоверцев.

Вместе с тем положение ислама в СССР было достаточно противоречиво. Как бы то ни было, но «советизация» мусульманских регионов сопровождалась модернизацией общества, ростом экономики, сферы просвещения и социальных гарантий, расцветом национальной культуры и началом формирования гражданского самосознания мусульман, чему способствовало их сближение с другими народами СССР, особенно с русскими, в том числе – в правовом, социокультурном и личном плане. Эту сторону жизни мусульман в СССР нельзя забывать. Фактически ими был образован совместно с другими народами СССР «социум общей судьбы», державшийся до 1991 г.

Значительный ущерб авторитету и образу СССР, а также его влиянию среди мусульман всего мира нанесла эмиграция за рубеж таких видных политических и общественных деятелей, как А.-З.Валидов (Заки

Валиди Тоган), Гаяз Исхаки, Мустафа Чокаев (Чокай-оглы) и другие. От Японии и Германии до Польши и Скандинавии, но особенно в Турции они продолжали политическую деятельность, объединяли вокруг себя мусульман-эмигрантов Поволжья, Крыма и Центральной Азии, а также Сибири и Кавказа, вели очень действенную агитацию против СССР, способствуя проводившейся Западом политике изоляции СССР¹⁵. Лишь много позже, в 50–60-е годы, когда СССР взял курс на поддержку освободительных движений в зарубежной Азии и Африке, Москвой была проявлена «удивительная терпимость по отношению к исламу»¹⁶.

Таким образом, события 1917 г., взорвав старое общество России, решающим образом изменили отношение ислама к революции. Мусульмане России оказались втянуты в политическую и социальную борьбу на бескрайних просторах рухнувшего государства, где они должны были заново определять свое место, свою позицию и отношение к ожесточенной схватке «красных» и «белых». Участие в этой схватке революционизировало мусульманское общество, мобилизовало его внутренние резервы, ускорило его социальное и политическое развитие, стимулировало различные классы и группы мусульман к отстаиванию своих интересов методами революционного сопротивления вплоть до вооруженного насилия. В чрезвычайных условиях гражданской войны быстро возникали, созревали и укреплялись политические группы, партии и общественные организации мусульман, нарождались идеология мусульманского национализма и мусульманской революционности, базировавшаяся, с одной стороны, на этноконфессиональной и культурно-исторической самобытности мусульман России, а с другой, – на усвоении огромного, многообразного и неоднозначного опыта революции и революционной борьбы всех народов России. Былое противостояние обновленцев-джадидов и традиционалистов-кадимистов отошло в основном в прошлое, сменявшись новым – между мусульманскими союзниками большевиков и мусульманскими националистами. Но и те, и другие по своим методам организации и борьбы, психологии и целям были революционерами, ибо одинаково революционным было и помогать новой власти разрушать старое российское общество и его порядки, и бороться за самоопределение и отделение от этой новой власти. Жизнь не оставила возможности иного выбора. Любой его вариант лишь способствовал революционизированию мусульман, так как болезненно ломал их цивилизационные связи с Россией, ослабляя или разрывая их в случае отделения от нее, ставя их на совершенно иную основу – в случае союза с новой Россией. Султан-Галиев пытался смягчить болезненность этой ломки, но не смог.

Революционный опыт мусульман России в дальнейшем, несмотря на относительную изоляцию СССР от остального мира в 20–30-е годы, распространился практически на все страны ислама либо через механизм Коминтерна, либо через эмиграцию мусульман из СССР,

либо через басмачество, действовавшее в Центральной Азии, но имевшее базы и поддержку в Турции, Иране, Афганистане и Кашгарии (Синьцзяне). Этот опыт привнес в мусульманскую среду зарубежного Востока высокую степень идеологизации и политизации социальной борьбы и социальных движений, возросший уровень организованности и политической культуры, увеличение склонности к революционному насилию и массовым движениям общественного протеста, сочетающим традиционные формы сплочения (мечеть, суфийское братство) и новейшие способы объединения верующих (партии, профсоюзы, различные ассоциации). Все это явилось основой революционизирования общества в странах ислама последующих десятилетий.

Прямым следствием такого положения вещей и явилась последовательная и все более нарастающая политизация ислама от возникновения в 1929 г. Ассоциации братьев-мусульман в Египте, постепенно распространившей свою деятельность на весь арабский мир, до образования в 70–80-е годы международных исламских организаций, таких как Организация Исламская конференция, Лига исламского мира, Всемирный исламский конгресс и другие, открыто ставящие вопрос об исламизации всех сфер жизни – от банков и образования до военного дела и внешней политики. Причем после событий 1978–1979 гг. в Иране, названных «исламской революцией», нет никаких сомнений по поводу того, что исламизация, как и прочие перемены в обществе, может быть осуществлена не только традиционно мирным, но и насильственным путем. Иными словами, в сознании мусульман понятия «ислам» и «революция» окончательно соединились. А это обстоятельство, взаимно усиливая радикализм исламистов и фанатизм революционеров, способствует слиянию воедино в мире ислама всех форм социального, политического, национального и религиозного протеста, многократно умножая силу их проявления от Алжира до Филиппин. Это подтверждается, в частности, быстрой исламизацией почти всех движений такого рода за последние десятилетия, особенно – в Египте, Палестине, Судане, Йемене и Чечне.

¹ Абу Рих, Махмуд. Джамаль ад-Дин аль-Афгани. 1838–1898. – Каир, 1961, с. 84.

² Иззаддин, Юсуф. Аль-иштиракийя в-аль-каумийя ва асарухума филь-адаб аль-хадис (Социализм и национализм и их влияние в современной литературе). – Каир, 1968, с. 41.

³ Jawad H. The Middle East in the New World Order. – London, 1997, с. 145–150.

⁴ International Journal of Middle East Studies. December 1980, с. 480–499.

⁵ Said E. Covering Islam. – London, 1997, с. 20.

⁶ Arabs and the West: Mutual Images. – Amman, 1998, April 3–5, с. 31.

⁷ Мухаметшин Ф.М. Взгляд на исламский фундаментализм. – М., 1998, с. 72–73.

⁸ Islam, Muslims and the Modern State. – London, 1996, с. 3–46, 298–317, 339–361.

⁹ Rochot P. La Grande Fièvre du monde musulman. – P., 1981, с. 149–150; Le Monde, 02.08.1984.

¹⁰ Kepel G. Muslim Extremism in Egypt: the Prophet and Pharaon. – California, 1986, с. 145; The Islamic Impulse. – Georgetown, 1987, с. 130.

¹¹ Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. Sultan Galiev, le père de la révolution tiers-mondiste. – P., 1986, с. 75–76.

¹² Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М., 1995, с. 191–193, 214.

¹³ Тайны национальной политики ЦК РКП. – М., 1992, с. 12–223, 267–268, 280–281; Berque J. Dépossession du monde. – P., 1964, с. 141.

¹⁴ Исламский вестник, 1992, № 10, с.21; Сагадеев А.В. Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения. – М., 1990; Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch., Les Mouvements Nationaux chez les Musulmans de Russie – Le Sultangalievisme au Tatarstan. – P-La Haye, 1960; Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch., Islam in the Soviet Union. – L., 1967; Tengour H. Sultan Galiev. – P., 1985.

¹⁵ Заки Валиди Тоган. Указ.соч., с. 430–502; Яна Суз (Новое слово). М., 1994, сентябрь, с. 2.

¹⁶ Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. Islam in the Soviet Union, с. 144.

БУДУЩЕЕ РЕФОРМЫ В ИСЛАМЕ

Модернизация, или реформа религиозных систем и философско-религиозных учений становится неизбежной с переменой жизненных условий приверженцев. Мера и характер адаптивности религии зависит от ее структурных особенностей.

Ислам – молодая религия. Он формировался под воздействием культур многих народов, живших на обширной территории арабского халифата. Он возник в недрах родо-племенного строя Аравии, когда в Европе и на Ближнем Востоке господствовало христианство; он испытал влияние иудаизма и был вскормлен греческим идеализмом. Это религия строгого монотеизма, определившего теоцентрический принцип жизни мусульманской общины. В исламе мирское и священное нераздельны. Это тривиально, но без постоянного учета этого обстоятельства невозможно правильно оценивать образ жизни и мыслей мусульманской общины – уммы. Ее этические нормы закреплены в шариате – законе Божьем, конечном и всеохватном своде принципов и правил поведения верующего. Шариат дает правоверному мусульманину рецепт отношения к миру, отобрав у него право на самостоятельное мышление. Его социальный идеал – это община времен пророка Мухаммада.

Ислам обладает высокой степенью адаптивности. Это предопределено тем, что помимо неизменного ядра – догматики в виде столпов веры: вера в единого и единственного бога, в существование ангелов, пророков, в конечность пророчества с явлением Мухаммада и в загробную жизнь, – в нем имеется переменная компонента: нормы социального поведения и соответствующее шариату право. Это делает гипотетически возможной существенную реформу ислама через переосмысление религиозной доктрины в ее социальном аспекте. И когда идет речь о реформе ислама, то имеется в виду трансформация на этой основе традиционного, или исторического шариата в его богословско-юридической нормативности. Допустимость такого переосмысления реформаторы усматривают в текстах Корана и в сунне Пророка. Необходимость в пересмотре положений шариата стала особенно настоятельной в эпоху тесного контакта традиционного мусульманского мира с индустриальным Западом.

Все страны Востока, хоть и в разное время, вступили на путь колониального (полуколониального, зависимого) перехода к капитализму. Все они вольно или невольно оказались привязанными к Западу, ко-

торый еще и сейчас указывает им путь развития в сфере материального производства, будучи наиболее мощным и эффективным генератором идей современной цивилизации. Для Востока наступило время форсированной модернизации в условиях его возрастающей зависимости от Европы. Мусульманские страны раньше других стран Востока стали объектом европейской экспансии.

Новые функции восточных обществ в системе мирового хозяйства вызвали трансформацию их социально-экономических структур, заставляли Восток принять предписанные рынком правила поведения. Индустриальная эпоха отмечена на Востоке подрывом жесткого конформизма традиционного общества. Знакомство новой восточной интеллектуальной элиты с европейской культурой, формами организации общественной жизни, образования, вообще осознание необходимости адекватного ответа на вызовы современности неизбежно порождали перемены в общественном сознании мусульман. Европа стала центром притяжения и образцом прогрессивного развития для восточной интеллигенции современной формации. Однако мусульманам приходилось (и все еще приходится) выяснять отношения с Западом и находить компромиссы в общении с ним.

Выработка мировоззрения нового времени в мусульманском мире происходит трудно и противоречиво. Аксиоматика Корана столкнулась с аксиоматикой современности. Как в средние века, мировоззрение мусульман было преимущественно теологическим. Исламские доктрины лежали в основе философских, социальных, политических взглядов и юридических институтов. Во многом окостеневший традиционный ислам вошел в серьезное противоречие с переменами в жизни мусульманских народов. Взаимодействие с Европой уже к концу XVIII в. породило кризисные явления в исламской ортодоксии – санкционированной богословской традицией **религиозной норме** – и в качестве мировоззренческой основы, и в качестве регулятора общественных отношений. В обществе накопилась критическая масса перемен, что требовало нетрадиционных подходов к решению нетрадиционных проблем. Новое мышление формировалось в условиях западноевропейской экспансии как реакция (положительная или отрицательная) на европейский вызов стабильности традиционного мусульманского мира.

Европа бросила вызов, в первую очередь, социальным институтам ислама. Столкнувшись напрямую с секулярным Западом в политическом, торговом, финансовом пространстве, мусульманский мир (и прежде всего его главная цитадель – Османская империя) был вынужден формировать приемлемое для европейцев юридическое пространство. Средневековые принципы отношений между людьми, освященные Кораном, утратили значение единственного, универсального и абсолютного регулятора. Возрастала масса правовых проблем, для решения которых отсутствовали прецеденты в мусульманском

праве. Ислам принял вызов Европы и смог должным образом на него ответить. Предписания шариата стихийно все больше толковались во имя «цели, которая оправдывает средства». В течение XVIII-XIX вв. в мусульманских странах вносились изменения сначала в правовые положения, относящиеся к области коммерции, потом в уголовное право, в регламентацию прав на владение недвижимостью, порядок составления контрактов, гражданское право. Почти не затронутыми оставались разве только сфера семейно-бытовых отношений и вопросы наследования. Эти изменения, разумеется, всякий раз получали санкцию богословия на региональном уровне. Но не были общемусульманской нормой. Неизбежными стали попытки модернизации и реформы ислама, главным образом, в странах Средиземноморского бассейна. Здесь особенно болезненно сказалось деструктивное по отношению к традиционному обществу влияние европейской культуры, результаты модернизации и секуляризации. Отдельные представители передовой для своего времени мусульманской элиты стали осознавать необходимость пересмотра социальных аспектов исламской доктрины. История ислама – это, в первую очередь, история богословия, то есть история толкования и переосмысления священных текстов в свете перемен в жизни уммы соответственно обстоятельствам места и времени без ущерба для веры. В индустриальную эпоху эту задачу решают, с одной стороны, мусульманские просветители и неотрадиционалисты, с другой, – реформаторы-обновленцы. Одни принимают за должное достижения западной цивилизации и, не отступая от традиции, толкуют религиозные установления в современных понятиях. Другие – узкий круг богословской элиты и интеллигенции, людей, понимающих необходимость переосмысления религиозной доктрины в свете новых реальностей. Они считают, что для возрождения уммы мусульмане должны стать вровень с Западом, догнать Запад с помощью Запада, не утратив своего лица.

Мусульманское реформаторство – это рационалистическое религиозно-этическое течение индустриальной эпохи. Это явление переходного периода, показатель перехода традиционного мусульманского общества из средневековья в современность, в которой господствует преимущественно юридическо-политическое мировоззрение. Это также фактор, способствующий такому переходу. Реформаторы были фундаменталистами-салафитами (от арабского *ас-сальяф ас-салих* – благочестивые предшественники), потому что они призывают вернуться к практике времен пророка и известных моральных и духовных авторитетов раннего ислама, которые пользовались иджихадом – правом на свободное толкование Корана по юридическим вопросам, – и отвергают ортодоксию. Это позволяет им интерпретировать священный текст с учетом обстоятельств места и времени. Они ищут и находят в нем решение вопросов, на которые он не дает однозначного ответа. До XIX в. вопрос о том, соответствует ли исламская док-

трина обстоятельствам места и времени, не поднимался, предложений о реформе шариата не выдвигалось. В средние века всякое инакомыслие облекалось в форму борьбы лишь за вероисповедную чистоту. Реформаторы, которые вышли на арену общественной жизни в последней четверти XIX столетия, впервые озаботились проблемой приведения исторического шариата в соответствие с жизненными потребностями мусульманской общины.

Идею реформы ислама приняли немногие религиозные теоретики и интеллектуалы. Ее основоположниками были уроженцы Афганистана (или Ирана?) – Джамальуддин аль-Афгани (1839–1898), Египта – Мухаммад Абдо (1849–1905), Сирии – Абдурахман аль-Кавакби (1854–1902) и Индии – Ахмад-хан (1817–1898). Их отличает приверженность совокупности следующих постулатов в рамках незыблемой исламской догматики.

Постулат первый: Строгое единобожие – таухид; утверждение непревзойденности и всеохватности Корана; верующему не нужны посредники в общении с Творцом; лишь тот народ, который придерживается «истинного» единобожия, способен к прогрессивному развитию, а поэтому необходимо очищение ислама от всех чуждых ему элементов¹;

Постулат второй. Потенциал человеческого интеллекта и свободы воли ограничен лишь всеведением и волей Аллаха.

Постулат третий: Безусловная необходимость иджтихада и осуждение таклида – рабского следования мнению богословских авторитетов.

Постулат четвертый: Земное предназначение ислама; приоритет социальных, морально-этических, а не вероисповедных проблем в духе максимы: «Коран для всех времен и народов является источником духовного и мирского счастья»².

Эти постулаты с разными приоритетами и разными интерпретациями непременно присутствуют в теоретических конструкциях мусульманских реформаторов-салафитов. Как очевидно, они стремились соединить в органичное единство традицию и современность. Они воспринимали ислам как систему, в самой себе содержащую факторы саморазвития в соответствии с меняющимися обстоятельствами, а потому допускающую и даже требующую пересмотра некоторых установок ортодоксии. Под этим подразумевалось не изменение догматики и основополагающих принципов религии как системы, а применение некоторых методов приспособления ее богословско-юридической доктрины к требованиям современного мира, поиск адекватного решения актуальных проблем общины, использование достижений современной цивилизации для укрепления самого фундамента ислама.

Задача реформаторов заключалась в том, чтобы перестроить традиционное мусульманское сознание, используя доступные традиционному сознанию средства, противопоставив ему религию, отвечающую потребностям нового времени. Средневековому представлению о

ничтожности человека в его земной юдоли, фатализму и пассивности, утверждениям традиционалистов, что признание свободы воли означало бы признание человека равным Аллаху, что является *ширком*, грехом многобожия, противопоставлялась гуманистическая концепция человека-работника, обладающего свободой выбора в рамках божественного предопределения.

Новые приемы интерпретации священных текстов не стали нормой. В массовом сознании по-прежнему господствуют ортодоксия и народные формы ислама. Иначе и не могло быть. Инерция тысячелетней исламской традиции не была серьезно поколеблена реформаторами, тем более, что их деятельность проходила в русле модернизации и секуляризации под эгидой Запада. Серьезным препятствием для проведения реформы в исламе служит его структурная специфика. Реформировать, перестраивать можно только хорошо структурированные системы. Ислам – система слабо структурированная. В ней отсутствует механизм централизованного управления уммой. Как очевидно, всякая претворенная в жизнь реформа закрепляет новое состояние социальной системы. Религиозная реформа призвана внедрить инновации в религиозной сфере. Но ни Коран, ни Сунна не предусматривают существование инстанции, решение которой было бы обязывающим для всех мусульман. Разве что *иджма* – химерический консенсус *уммы* или собрания всех авторитетных *уляма*. А если так, то богословские новшества остаются необязательными для всех верующих. Конечно, на локальном уровне возможно появление инстанции, переводящей инновацию в норму. Это может быть харизматический лидер или общепризнанный в качестве законодателя мусульманский институт, подобный университету Аль-Азхар. Это может быть государственная власть в руках религиозных реформаторов, как это было в Халифате в период господствующего влияния мутазилизов – средневековых религиозных рационалистов (середина IX в.).

Реформаторско-салафитская парадигма породила антагонистов, «братьев-врагов» (где-то вычитанное определение): обновленцев и охранителей. У них одна богословско-юридическая база, но разный взгляд на роль и место исламской общины в мире, на пути и средства достижения общей цели – возрождение величия ислама и прогресса мусульманской общины.

Реформаторство обновленцев не имело успеха как самостоятельное движение религиозной мысли. Обновленческий салафизм растворился в современных общественных науках. Он характерен преимущественно для небольшого элитарного круга мусульманских теологов и богословствующей интеллигенции, стремящейся навести мосты между традицией и современностью.

История выдвинула на передний план политической жизни их антагонистов – салафитов-охранителей. Идеология последних является главной составляющей исламизма – политизированного ислама,

имеющего целью исламизацию человечества. Она вдохновляет едва ли не все неортодоксальные течения и протестные религиозно-политические движения в суннитском мире как умеренного, так и радикального и даже экстремистского толка, которые впервые громко заявили о себе в 30-х годах XX в.

Самым видным идеологом охранителей был египтянин Хасан аль-Банна (1906–1949), который в 1928 г. основал в Каире Ассоциацию «братьев-мусульман». Ассоциация стала материнским лоном для современных радикальных исламских религиозно-политических организаций и движений.

Основоположники реформы полностью выполнили свою миссию, разработав ее основы. В эпоху национальной независимости даже самые радикальные проекты реформы шариата остаются в рамках салафитско-реформаторской парадигмы. Однако делаются попытки дополнить идею возрождения иджихада, что остается главной целью реформаторов в части богословия, новым методом прочтения священных текстов. Выдвигается, в частности, предложение, с одной стороны, изменить традиционный порядок расположения сур в Коране, разместив последние в хронологическом ряду их появления: сначала мекканские, затем мединские суры, а с другой, – рассматривать их в историческом контексте, что предполагает необходимость реинтерпретации положений шариата. Как известно, текст Корана был составлен после смерти Пророка, причем суры размещены в нем вперемешку: сначала идут самые длинные, в конце – самые короткие. Попытка пересмотра традиционной архитектоники Корана имеет свое оправдание. Потому что содержание сур отражает перемену обстоятельств в жизни Пророка после его переезда с последователями из Мекки в Медину, где, собственно, и была образована мусульманская община. В мекканских сурах затрагиваются в основном вероисповедные вопросы, в мединских – морально-этические. Возможности реформирования ислама ограничены. В нем, как уже отмечалось, нет жесткого механизма самоорганизации, подобного церкви в христианстве, закрепляющего и вводящего в норму нововведения. Но поиск возможностей реактуализации шариата продолжается. В русле глобализации это может оказаться действительно необходимым.

Проблемы, связанные с процессами глобализации, мало изучены, соответствующие понятия и термины еще не получили всеобщего признания. Под глобализацией автор понимает процесс формирования Нового мирового порядка как единого транснационального финансово-экономического и информационного пространства. Это сложная саморазвивающаяся система, совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом элементов, функционирование которой направлено на самосохранение. Глобализация принимает форму универсализации, стандартизации всех сторон человеческого бытия, хотя и с разной интенсивностью в различных социоэкономиче-

ских и социокультурных средах. Частью регулятивных механизмов грядущей зрелой Миросистемы станет гипотетическая общечеловеческая духовная культура, которая формируется в процессе кросс-культурных взаимодействий и сокращения культурной дистанции между народами. Однако в обозримом будущем до тех пор, пока существуют этнические континенты и устойчивые очаги мировых цивилизаций (а их исчезновение мыслимо разве что в немыслимом далеке), они останутся очагами самобытного этнокультурного начала. В этом залог сохранения культурного разнообразия планетарного социального пространства. Это относится и к исламской цивилизации, представляющей собою совокупность культур, ядром которых в исторической ретроспективе был ислам. Она надолго сохранится как самобытное явление, прежде всего там, где исповедующие ислам народы составляют крупные этнические массивы. (Как, впрочем, и европейская цивилизация с ее христианским ядром. Поэтому, замечу, опасения возможности гибели европейской цивилизации через «позеленение» – исламизацию Европы преувеличены).

Настроения общественности мусульманских стран позволяют предполагать, что XXI век станет веком воскрешения и освоения культурного наследия исламского мира, которое все еще остается во многом сокровищем за семью замками. Сейчас доминирует западная цивилизация, для которой характерны рационализм, идея господства человека над природой и представление об однолинейном характере истории. Однако уже очевидны ограниченность ее возможностей в области социального прогресса и пределы технико-технологического развития. В мире продолжается поиск иной парадигмы, в частности, с упором на созидательный потенциал традиции и религии. Религиозная вера до сих пор, как правило, является стержнем духовной культуры, несмотря на все успехи секуляризации и народного просвещения. Такое положение сохранится и в далекой перспективе, пока сохраняется иррациональность общественного бытия, а наличие неведомого в мире оставляет место для веры. Потому что всегда будут жить обыкновенные люди со своей болью, со своими страхами, не ведающие причин своего бедственного положения, ищущие утешения и не находящие его в реальной жизни, и прочее в том же роде.

Будущее исламской цивилизации видится в прямой зависимости от своеобразия исламской доктрины. Оно, подчеркну еще раз, состоит в слиянии в ней мирского и священного, интересов общины и личного интереса и в разделении мира на домен ислама и домен войны. Это, с одной стороны, обуславливает тоталитарный характер ислама, делает его мощным фактором политического и социального действия, а с другой, – предопределяет его высокую пластичность, способность к адаптации. Секулярная, по сути своей, глобализация равно провоцирует активизацию исламизма, противного секуляризму, и усиливает тенденцию к секуляризации в мусульманском мире, что облегчает путь к рацио-

нально-либеральной интерпретации шариата. События последних десятилетий свидетельствуют, что влияние идей мусульманского обновленчества прослеживается во многих мусульманских странах. Более того. Даже, когда государственной идеологией становится исламский радикализм, как это произошло в Иране, рано или поздно мусульманские богословы вынуждены идти на компромисс для того, чтобы привести шариат в соответствие с требованиями жизни в секулярном мире.

О направлении, которое примут перемены в культуре мусульманских народов в процессе глобализации, во всяком случае, до тех пор, пока евроатлантическая культура еще определяет вектор развития мировой цивилизации, по-видимому, можно судить по формирующимся ныне концепциям «татарского ислама» и «евроислама». Они свидетельствуют о том, что сдвиг в традиционном религиозном сознании может стать очень значительным. Создается даже представление, что, наряду и несмотря на рост влияния исламизма, воздействие западной секулярной культуры едва ли не изменило традиционный облик ислама, а в Западной Европе появился своего рода современный «европейский» ислам. Он адекватен западной цивилизации, он индифферентен по отношению к секуляризму, для него приемлемы научный рационализм, светские общественные и политические институты и т.п. Ислам в Европе, – констатирует группа западноевропейских исследователей, – определяется парадигмой секуляризации. Это означает ослабление религиозной составляющей в структурных компонентах общины. Иммигрант втянут в процесс индивидуализации, свойственный евроатлантической буржуазной цивилизации. Это стимулирует рост его самосознания как самоценной личности. Это означает для него возможность свободного выбора, самоопределения в вероисповедных вопросах, а тем самым возможность вырваться из сферы влияния традиционного конформизма. Религиозные ценности и нормы уже не являются фокусом жизни человека, «они становятся чем-то дополнительным, существующим как бы само по себе»³. При ближайшем рассмотрении, «европейский ислам» оказывается воплощением социального идеала мусульманских богословов-модернизаторов и богословствующей интеллигенции современной формации последней четверти XIX–XX столетий.

Какая судьба ждет реформаторскую идею в исламе? Разумеется, попытки реформировать шариат будут продолжены. Этого требует жизнь. Следует ожидать активизации попыток «заземления» ислама – истолкования исламской доктрины в духе времени как в русле традиции через изложение смыслов Корана и Сунны в современных понятиях, так и через возрождение практики *иджтихада* – свободного суждения о священном тексте в духе священных текстов. Причем до тех пор, пока будет существовать необходимость в усвоении традиционным сознанием элементов западной индустриальной (постиндустриальной цивилизации), сохранит жизненность и идейная система,

разработанная основоположниками мусульманского реформаторства. При этом, с одной стороны, усилия, вероятно, будут направлены на выявление возможности создавать необходимые механизмы для адекватной реакции на воздействие среды из элементов, которые имеются в шариате, но которые еще не были использованы для регулирования жизни общины или оставались в небрежении за ненадобностью, как в случае с иджтихадом, инструментом реактуализации шариата, начиная с X столетия. А с другой стороны, и, возможно, преимущественно – нацелены на поиск путей канонизации нововведений. Во второй половине прошлого века мы могли наблюдать появление в мусульманском сообществе региональных и всемусульманских ассоциаций: таких как Лига исламского мира, Организация Исламская конференция и др. В России предпринимаются попытки централизации руководящих структур российских мусульман. Наличие такой тенденции, чем бы она ни была вызвана, какими бы незначительными ни были результаты активности по сплочению уммы, позволяет предполагать эвентуальную возможность появления в будущем (в борьбе амбиций и частных интересов) авторитетного всемусульманского органа, способного на базе *иджма* – согласного мнения богословских авторитетов – санкционировать нововведения в качестве нормы для уммы.

¹ Аль-Манар, т. 1, с. 586–578.

² Аль-Манар, т. 6, с. 198.

³ ISIM Newsletter, Leiden, 1999, № 2, с. 25.

**ИММИГРАНТЫ ИЗ СТРАН СНГ В ИЗРАИЛЕ
И ПРОБЛЕМА БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ**

Эскалация израильско-палестинского конфликта, жесткая конфронтация между враждующими сторонами, непрекращающийся террор с многочисленными жертвами гражданского населения создают взрывоопасную ситуацию не только для Израиля, но и для всего Ближнего Востока. Ужесточение позиций между израильтянами и палестинцами препятствует поиску приемлемых компромиссов и возможных вариантов ближневосточного урегулирования. По данным опроса, проведенного Институтом Смита (весна 2002 г.), подавляющее число израильтян делает ставку на силовое решение конфликта, не веря, что удастся нормализовать отношения с палестинцами и вернуться за стол переговоров. По итогам опроса, 72% израильтян поддержали решение правительства о проведении широкомасштабной операции на территориях; 36% заявили, что Я.Арафата следует изгнать с территорий; 23% считали, что его нужно «устранить»; 19% высказались за его «изоляция» и только 15% – за возобновление переговоров, на которых он будет представлять палестинцев. Из всего числа опрошенных лишь 15% полагали, что контроль над палестинскими населенными пунктами на территориях должен быть постоянным; 39% выступили за контроль на протяжении определенного периода времени, необходимого для прекращения террора; 42% – против любой формы повторного захвата территорий¹.

Анализ отношения различных слоев израильского общества и, в том числе, русскоязычных репатриантов последней «волны» к проблеме ближневосточного урегулирования, на наш взгляд, дает более четкое представление о внутривнутриполитической ситуации в Израиле.

В течение 90-х годов русскоязычные иммигранты, укрепляя свои позиции в израильской политической системе, превратились в важный фактор внутривнутриполитического развития страны, существенно влияющий на расстановку и баланс политических сил. На протяжении ряда лет результаты выборов в кнессет наглядно подтверждали вывод о том, что кто выигрывает голоса русскоязычного электората, тот одерживает победу на выборах. Иммигранты из бывшего СССР/СНГ традиционно придерживаются правых позиций в вопросах ближневосточного урегулирования (БВУ) палестинской проблемы, вопросах о

поселениях и многих других. Еще в начале 90-х годов по результатам опроса общественного мнения 46% иммигрантов заявили, что Израилю «не следует возвращать никаких территорий»; 40% высказались за возвращение «только некоторой части из них»².

В 1996 г. на выборах в кнессет в упорной борьбе впервые в истории Израиля партия русскоязычных иммигрантов Исраэль-ба-Алия (ИБА) под руководством Н.Щаранского получила 7 мест. В вопросах внешней политики, как и по большинству других проблем, она занимала центристские позиции: в отличие от Партии труда не поддержала основные территориальные уступки, но в то же время была и против политики Ликуда, полностью отрицавшего какие-либо уступки. В середине 90-х годов ИБА выступила против политики израильского истеблишмента по вопросу создания независимого палестинского государства, поддерживая в этом позицию Ликуда и ряда других партий³. В предвыборный период – накануне выборов 1996 г. – руководство ИБА стремилось подчеркнуть центристский характер партии, что было продиктовано скорее не идеологическими взглядами, а прагматизмом и тактикой компромиссов для привлечения максимального числа голосов русскоязычного электората.

Лидеры ИБА решили не идентифицировать партию ни с правыми, ни с левыми направлениями для привлечения поддержки русскоязычных репатриантов, независимо от их позиций по проблеме мирного урегулирования. По сути, 7 депутатов кнессета от ИБА, как и основная часть иммигрантов из бывшего СССР, не являлись в полном смысле центристами и занимали жесткие, но с некоторыми отличиями позиции по проблеме ближневосточного урегулирования⁴.

После следующих выборов в кнессет 1999 г., в его составе было представлено 12 репатриантов из бывшего СССР: четыре от ИБА; трое от партии «Наш дом – Израиль» (НДИ) под руководством А.Либермана; двое от фракции «Демократический выбор» (ДВ) – создана в августе 1999 г. во главе с Р.Бронфманом в результате выхода из ИБА; и по одному депутату от блока Э.Барака «Единый Израиль» партии Шинуй и ШАС⁵. Правительство Э.Барака, взяв курс на продвижение переговоров по всем направлениям ближневосточного урегулирования и в первую очередь на палестинском, столкнулось с жестким противодействием своему курсу, что привело к острейшему политическому кризису в стране⁶. В коалицию Э.Барака вошли представители 7 партий: «Единый Израиль», ШАС, МЕРЕЦ, ИБА, Партия центра, НРП, Единый фронт Торы⁷. Оценивая перспективы коалиции, Н.Щаранский в интервью израильской газете «Вести» (16.03.2000 г.) подчеркивал, что «...собрав в коалицию партии, находящиеся на разных идеологических позициях, Э.Барак заложил основу для будущих кризисов власти...». И далее: «...Когда мы подписывали коалиционное соглашение, вопросы о позиции ИБА в отношении мирных переговоров с Сирией, а также вопрос о созда-

нии палестинского государства были оговорены особо... Главе правительства было известно, что ИБА не поддерживает его политику в отношении Голанских высот и выступает против односторонних уступок палестинцам».

Позиции русскоязычной партии «Наш дом – Израиль» (НДИ) по проблеме БВУ наглядно отражены в плане, представленном в мае 1999 г., в котором, в частности, подчеркивалось, что если лидеры Палестинской национальной администрации (ПНА) в одностороннем порядке объявят о создании независимого государства, НДИ предложила осуществление следующих мер: замораживание всех заключенных с палестинцами договоров; распространение израильского суверенитета на все территории, еще не переданные под контроль ПНА; прекращение каких-либо связей с ПНА и ряд других. Лидер НДИ и его стратегический штаб подготовили также специальный план, содержащий комплекс мер по обеспечению условий нормального существования еврейских поселений Иудеи, Самарии и сектора Газы в случае провозглашения палестинского государства⁸.

Политика Э.Барака, основанная на компромиссах и уступках, вызвала протест в израильском обществе – как в правящих кругах, так и среди широких слоев израильтян. Э.Бараку не удалось сместить акценты и выработать новые приоритеты, вопреки сложившимся оценкам и стереотипам, в отношении проблем Голанских высот, раздела Иерусалима, палестинских беженцев и других. Углубление расхождений в позициях по проблемам БВУ между премьер-министром и его командой, с одной стороны, и национальным лагерем противников уступок, с другой, наглядно прослеживалось в ходе обсуждения и принятия законопроекта о референдуме. В марте 2000 г. в предварительном чтении был принят законопроект депутата кнессета Сильвана Шалома (Ликуд) о принципах проведения референдума. Согласно законопроекту, поддержанному партиями ШАС, МАФДАЛ, ИБА, входившими в правительственную коалицию, договор с Сирией, предусматривавший отступление с Голанских высот, мог быть утвержден на референдуме только при поддержке более чем 50% от общего числа израильтян, обладающих правом голоса⁹.

В период обсуждения и принятия законопроекта среди израильтян отсутствовало большинство в поддержку отступления с Голан (так, например, по опросам общественного мнения в тот период среди русскоязычного населения только 25% выступали за уход с Голанских высот)¹⁰, что неминуемо привело бы к провалу соглашения на референдуме и к отставке правительства. Принятие законопроекта о референдуме (в первом чтении) нанесло удар по коалиции, усилив позиции Ликуда. По опросам общественного мнения среди сторонников национального лагеря (март 2000 г.) по поводу кандидата на пост главы правительства первое место занял Б.Нетаниягу – 52%; А.Шарон – 13%; А.Либерман – 10%¹¹.

В стране усиливалось сопротивление и противодействие политике Э.Барака по палестинской проблеме. В мае 2000 г. Совет поселений Иудеи и Самарии объявил о кампании против ухода с Западного берега, и по мнению Генерального директора Совета Ш.Фияльбера, основная работа проводилась с новыми репатриантами. Оценивая позиции выходцев из бывшего СССР/СНГ по проблемам БВУ, результаты многочисленных опросов выявили тенденцию значительно более правых подходов к мирному процессу и палестино-израильским отношениям у новых репатриантов по сравнению с остальными израильтянами. Так, например, 79% опрошенных русскоязычных иммигрантов по данным опроса Института Гэллапа (май 2000 г.) заявили, что они «не готовы пойти на компромисс о будущем статусе Иерусалима» (их мнение разделяли 65% израильтян-уроженцев страны); 65% репатриантов не верили в мирные намерения Я.Арафата (у старожилов-израильтян этот показатель составлял 60%)¹². В июне 2000 г. депутаты кнессета от фракции ИБА посетили Иорданскую долину в связи с публикацией открытого письма Н.Щаранского Э.Бараку, в котором лидер русскоязычной партии обвинил премьер-министра в готовности передать под контроль палестинцев стратегически важные для Израиля районы. Поездка делегации ИБА получила широкий резонанс и привлекла внимание израильской общественности к этой проблеме.

Внутриполитический кризис в Израиле резко обострился в период саммита в Кэмп-Дэвиде (США), проходившего в июле 2000 г. под эгидой Б.Клинтона и при участии Э.Барака и Я.Арафата. На саммите, окончившемся провалом, израильская делегация при обсуждении вопроса об Иерусалиме заявила о предполагаемом переходе к палестинцам восточной (арабской) части Иерусалима, включая Старый город; в этот период израильское правительство выразило готовность к созданию палестинского государства в рамках соглашения об окончательном статусе, и после Кэмп-Дэвида эта позиция была заявлена публично¹³.

Политика Э.Барака вызвала резкий протест и возмущение: партия ИБА и ряд других заявили о выходе из коалиции; Н.Щаранский в период саммита разбил палатку протеста у здания кнессета; его действия одобрили многие депутаты от различных партий, по мнению лидера ИБА, цель его акции состояла в том, чтобы продемонстрировать мировому сообществу, что «...у Э.Барака нет коалиции и нет правительству» (из интервью «Вестям» 13.07.2000). Во время саммита по инициативе председателя Ликуда А.Шарона состоялось совещание представителей Ликуда, ИБА, НДИ, МАФДАЛ, Иехуд леуми, Херут, ШАС, и в резолюции по итогам совещания подчеркивалась необходимость роспуска кнессета, досрочных выборов и смены власти¹⁴.

После завершения переговоров в Кэмп-Дэвиде, Э.Бараку не удалось восстановить внутриполитическое равновесие, и продолжился резкий сдвиг вправо. По опросу, проведенному газетой «Джерузалем

пост» (июль 2000 г.), из более чем 9 тысяч участников 69% высказались против любых уступок Израиля по вопросу о статусе Иерусалима; 31% – «за» при условии, если уступки приведут к прочному миру с палестинцами. Аналогичными оказались и результаты опроса Института Гэллопа по заказу газеты «Маарив»: 50% респондентов были против компромиссных предложений Б.Клинтона по Иерусалиму; 42% – склонны их принять; 8% – не имели четкой позиции¹⁵.

Следующий этап обострения кризиса власти в стране был связан с визитом 28 сентября 2000 г. лидера Ликуда А.Шарона в сопровождении израильской охраны на территорию комплекса мечети аль-Акса в Восточном Иерусалиме, что спровоцировало подъем интифады, кровопролитие и террор мирного населения. Постепенно стали возрастать авторитет и влияние А.Шарона: в начале ноября 2000 г. 39% респондентов высказались в его поддержку, 41% все еще был на стороне Э.Барака¹⁶. В последующий период А.Шарон стремительно завоевывал популярность среди израильтян своей жесткой и бескомпромиссной позицией в отношении палестино-израильского урегулирования. Неудачные попытки Э.Барака сохранить свое влияние закончились провалом, и его поддержка продолжала падать: Ликуд, ИБА и другие политические партии, резко критикуя его политику, потребовали проведения досрочных выборов премьер-министра. В начале 2001 г. многочисленные опросы общественного мнения демонстрировали существенный перевес в пользу А.Шарона: 50:32 (в процентах) – по результатам опроса Института ДАХАФ; 44:25 – Институт Гэллопа; 40:20 – Институт Смита; 55:32 – Институт Геокартографии. В результате примерно за 3 недели до досрочных выборов разрыв между А.Шароном и Э.Бараком составлял в среднем примерно 20–25%. На этом фоне большинство русскоязычных репатриантов поддерживали А.Шарона с нарастающей быстротой: если в конце декабря 2002 г. среди русскоязычного электората А.Шарон по результатам опроса имел небольшое преимущество – 36:33, то в первую неделю января 2001 г. – уже 43:26; во вторую – 56:29¹⁷.

Для большинства израильтян, как и для подавляющей части русскоязычных иммигрантов встал вопрос не только о выборе премьер-министра, а скорее о выборе политического курса, определяющего судьбу страны. В этой ситуации тесно смыкались интересы представителей различных слоев израильтян. Характерно, что 50% новых репатриантов заявили, что их волнует прежде всего безопасность страны; 30% сказали, что хотят мира; и только 7% были озабочены состоянием экономики, остальная часть связала свои ответы с трудоустройством, образованием, вопросами религии и государства¹⁸.

В знак протеста против планов раздела Иерусалима и передачи его под контроль Палестинской администрации (ПА) в начале февраля 2001 г. состоялась трехсоттысячная демонстрация в Иерусалиме с участием депутатов кнессета от Ликуда, МАФДАЛ, ИБА, НДИ и других

партий и движений, где также присутствовали еврейские делегации из США, Канады, Англии, Австралии, России, выразившие поддержку движению за единый и неделимый Иерусалим.

Впервые в истории Израиля премьер-министр Э.Барак находился у власти всего треть предназначенного срока, вызвав негативное отношение у большинства израильтян готовностью к разделу Иерусалима и рядом других уступок, потерпела поражение его политика немедленного мира с Сирией и палестинцами. В отличие от Э.Барака в предвыборной программе А.Шарона подчеркивался категорический отказ от раздела Иерусалима, от демонтажа еврейских поселений, против возврата Иорданской долины и других стратегически важных районов¹⁹. По мнению израильских обозревателей, А.Шарон не был готов в отличие от Барака даже на «микроскопическую реализацию права палестинских беженцев на возвращение» (из заявления М.Шетрита – начальника Отдела пропаганды предвыборного штаба А.Шарона – «Вести», 11.01.2001). В ходе напряженной предвыборной гонки развернулась борьба за голоса русскоязычного электората. По результатам опросов в предвыборный период на одного репатрианта из бывшего СССР/СНГ, голосовавшего за Э.Барака, приходилось как минимум двое сторонников А.Шарона. Опросы среди русскоязычных иммигрантов, проводившиеся 11, 18 и 30 января 2001 г., выявили четкую тенденцию поддержки А.Шарона по сравнению с Э.Барак: 51:26 (в процентах), 58:24, 56:23 соответственно²⁰. Стратегический лозунг А.Шарона на выборах – «никаких новых уступок палестинцам» – отвечал настроениям большей части израильтян, в том числе, русскоязычному электорату, составлявшему свыше 15% избирателей.

В победе А.Шарона большую роль сыграла четко организованная предвыборная кампания: сотни русскоязычных активистов работали под руководством «русского» штаба; партии ИБА и ИДИ действовали совместно с активистами Ликуда (фракция Демократический выбор во главе с Р.Бронфманом выступила на стороне Э.Барака). По мнению председателя ИДИ А.Либермана, «...выборы [2001 г. – И.М.] были, по сути дела, референдумом, и народ недвусмыслен – но высказал свое отношение к концепции Осло, провал которой очевиден подавляющему большинству израильтян»²¹.

Депутат кнессета, руководитель объединенного штаба А.Шарона, З.Блюменталь в интервью газете «Вести» (8.02.2001) подчеркнула невиданный размах активности русскоязычного электората, продемонстрировавшего свою силу и влияние; «русский» штаб А.Шарона, по ее мнению, в отличие от своих конкурентов «...не прибегал в предвыборной борьбе к личным нападкам на кандидата в премьеры от левого лагеря». И далее: «...Русскоязычные граждане проявили интеллект, твердость и не поддались на грязную пропаган-

ду»²². В результате напряженной работы 70% русскоязычных избирателей явились на избирательные участки, что превысило на 10% общеизраильский показатель, и около 70% русскоязычного электората высказались в поддержку А.Шарона. В итоге А.Шарон одержал сокрушительную победу, набрав 63,8% голосов, по сравнению с 36,1%, отданными за Э.Барака²³. Результаты выборов продемонстрировали возросшее влияние и авторитет русскоязычного электората, его стремление реально оказывать влияние на развитие ситуации в стране, расстановку и баланс политических сил.

Обострение палестино-израильского конфликта наметило новые тенденции внутривнутриполитического развития. Многочисленные жертвы гражданского населения, кровопролитие и террор (убийство министра туризма, депутата кнессета Р.Зееви) привели к дальнейшему сдвигу вправо в израильском обществе: по результатам опроса (декабрь 2001 г.) 53% израильтян выступили за смещение Я.Арафата, 24% – за его уничтожение²⁴. Представители русскоязычной общины, понесшей многочисленные жертвы в условиях интифады, неоднократно подчеркивали, что подавляющее большинство репатриантов из СНГ не намерено покидать страну, готово сражаться в израильской армии, но они все более активно требовали усилить противодействие палестинцам.

Спустя год после пребывания А.Шарона у власти стали усиливаться тенденции критики правительства справа и требование проведения более решительной политики по пресечению террора. 11 марта 2002 г. в Тель-Авиве состоялась демонстрация с участием 60 тыс. человек, организованная Советом поселений Иудеи, Самарии и сектора Газы под лозунгами усиления отпора палестинским террористам. В этот период в стране вновь стал нарастать политический кризис: в марте блок «НДИ-Иехуд леуми» под руководством А.Либермана заявил о своем выходе из коалиции, обвинив А.Шарона в отсутствии проведения решительных действий. По мнению А.Либермана, «...за год пребывания правительства у власти так и не были определены его стратегические задачи», и «...за нас все решают глава правительства А.Шарон, министр обороны Б.Бен-Элиэзер и министр иностранных дел Ш.Перес»²⁵. Критика справа израильского премьер-министра и его правительства повлекла новые оценки израильских лидеров: негативное отношение к А.Шарону наметило сдвиг в сторону поддержки Б.Нетаниягу: по опросу (март 2002 г.) только 24% новых репатриантов рассматривали А.Шарона в качестве следующего главы правительства; 46% респондентов высказались в поддержку Б.Нетаниягу²⁶.

В последний период внутривнутриполитическое развитие Израиля характеризовалось динамизмом и противоречивыми моментами, но вместе с тем иммигранты из стран СНГ, становясь неотъемлемой частью израильского общества, не только влияют на итог избиратель-

ных кампаний, но играют все более весомую роль в определении политического курса страны.

¹ Новое время. 2002, № 15, с. 5.

² Etta Bick. Sectarian Party Politics in Israel: The Case of Yisrael Ba'Aliya, The Russian Immigrant Party // Israel at the Polls, 1996. Ed, by Daniel J.Elazar and Shmuel Sandler, 1998, Frank Cass, L., с. 135.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Вершинин С., Шуваев В. Израиль после выборов // Международная жизнь. 1999, № 9, с. 63.

⁶ См. подробнее: Don Peretz. Barak's Israel // Current History. 2001, vol. 100, № 642, January, с. 25.

⁷ См. подробнее: Reuven Y. Hazan, Abraham Diskin. The 1999 Knesset and the Prime ministerial elections in Israel // Electoral Studies. 2000, № 19, с. 636.

⁸ Вести (Израиль), 04.05.1999.

⁹ Там же, 2.03.2000.

¹⁰ Вести-2 (Израиль), 16.03.2000.

¹¹ Там же.

¹² Вести (Израиль), 08.05.2000.

¹³ Чистяков А., Якушев М. Мир на Ближнем Востоке только снится? // Международная жизнь. 2001, № 4, с. 60 – Цит. по: The Current Situation in Israel – Answers to Frequently Asked Questions. The Ministry of Foreign Affairs of Israel, <http://www/mfa.gov.il>

¹⁴ Вести (Израиль), 25.07.2000.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Don Peretz. Op. cit., с. 25.

¹⁷ Вести (Израиль), 14.01.2001.

¹⁸ Там же, 01.02.2001

¹⁹ Joshua Hammer. An Old General Begins His Toughest Battle // Newsweek. 2001, 19 February, с. 35.

²⁰ Вести (Израиль), 01.02.2001; Middle East International. 2001, 9 February, с. 4.

²¹ Вести (Израиль), 08.02.2001.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Time, 17.12.2001, с. 27.

²⁵ Новости недели (Израиль), 14.03.2002.

²⁶ Там же.

**БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ ТРЕК
СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ**

В 2002 году на фоне активизации международных дипломатических усилий на палестино-израильском направлении Токио, претендующий на роль одного из ведущих мировых политических игроков, пошел на беспрецедентное наращивание своего внешнеполитического присутствия на Ближнем Востоке. После некоторой заминки, вызванной неспособностью японцев в оперативные сроки адекватно отреагировать на эскалацию палестино-израильского конфликта, японская дипломатия начала уверенно «набирать обороты», результатом чего стали несколько самостоятельных инициатив по преодолению кризисной ситуации в отношениях между Израилем и Палестинской национальной администрацией, а также комплексный пакет мер содействия реформированию палестинских органов власти.

Главной особенностью нынешнего этапа эволюции японских подходов к проблематике ближневосточного урегулирования стало прагматичное стремление Токио качественно поднять политические параметры своего участия в разрешении региональных конфликтов. Это вызвано как снижением собственно возможностей японцев по оказанию финансового содействия в условиях продолжающихся экономических неурядиц у себя дома, так и желанием окончательно избавиться от имиджа «денежного мешка», финансирующего внешнеполитические задумки других стран, прежде всего США. Последнее имеет для японцев особое значение именно в контексте ближневосточного региона, поскольку, потратив в свое время на войну в Персидском заливе около 13 млрд. долл., японцы так и не были допущены к переговорам в Мадриде.

Стремительное усиление палестино-израильского противостояния в начале этого года выявило уязвимые точки японской дипломатической стратегии в регионе: несмотря на значительный опыт работы на Ближнем Востоке, Токио, традиционно специализировавшийся на экономической составляющей урегулирования, так и не смог получить эффективные рычаги воздействия на враждующие стороны. В результате на первоначальной стадии эскалации конфликта японцы оказались неспособны представить мировому сообществу сколько-нибудь оформленную линию своего участия в мирном процессе. Вполне вероятно, что подобная дипломатическая пауза объяснялась, в

том числе, и повышенным восприятием в Токио опасности потерять через «излишне глубокое вовлечение» в ближневосточные дела нарабатанный за последние годы позитив в отношениях с арабским миром.

Однако с конца марта 2002 г. японский внешнеполитический курс в отношении палестино-израильского противостояния приобретает вполне конкретные очертания. Министр иностранных дел Японии Ё.Кавагути резко осудила террористические акты, совершенные сразу после саммита Лиги арабских государств в Бейруте 27–28 марта 2002 г. и призвала Я.Арафата приложить все усилия для обуздания экстремизма. Одновременно Тель-Авиву был послан недвусмысленный сигнал «задуматься» о последствиях своей военной акции, проявить сдержанность и вывести войска с палестинских территорий.

В аналогичных тонах была выдержана и специальная резолюция, принятая 11 апреля 2002 г. нижней палатой японского парламента, в которой правительству Японии было рекомендовано совместно со странами, вовлеченными в ближневосточный процесс, и Советом Безопасности ООН активно «работать» с непосредственными участниками противостояния.

Наиболее рельефно японские подходы к урегулированию на Ближнем Востоке были сформулированы Ё.Кавагути в конце апреля 2002 г. В развитие ранее продвигавшейся Токио инициативы организовать в Японии «Палестино-израильский форум миролюбивых сил» было предложено провести полноформатную международную конференцию по мирному процессу. Ее главную задачу Япония видела в формулировании конкретного графика дальнейшего продвижения мирных переговоров между конфликтующими сторонами, предполагающего образование палестинского государства в заранее определенные сроки. При этом в Токио исходили из того, что подобные гарантии должны были повысить заинтересованность палестинцев в соблюдении основных параметров мирного процесса. Одновременно Ё.Кавагути обозначила намерение японской стороны и далее поддерживать ближневосточное урегулирование специальными программами помощи.

Японская позиция по проблемам преодоления кризисной ситуации в отношениях между Израилем и Палестинской национальной администрацией была доведена до противоборствующих сторон во время состоявшегося 8–9 июня 2002 г. турне Ё.Кавагути на Ближний Восток. В ходе встреч с Я.Арафатом, А.Шароном и Ш.Пересом с японской стороны была подчеркнута важность взаимных встречных шагов враждующих сторон с целью прекращения насилия и возобновления мирного процесса. Ё.Кавагути однозначно высказалась в поддержку реформирования палестинских органов власти и представила четырехступенчатый план содействия Палестинской автономии. Он включал такие составляющие, как оказание чрезвычайной гуманитарной помощи, поддержка программ мирного строительства, выделение ОПР и поощрение экономической самостоятельности Палестины. В частности, япон-

цы обещали направить в ближайшее время в регион специальную миссию экспертов, которая на месте должна будет определить приоритетные области японского содействия. Другая важная особенность японского плана – это увязка отдельных пакетов помощи с «осязаемыми» шагами палестинцев по возобновлению мирного процесса.

Параллельно с наращиванием контактов с Израилем и Палестинской национальной администрацией японцы также приступили к реализации достаточно амбициозного замысла, предполагающего получение Токио доступа к процессу выработки решений по ключевым политическим вопросам ближневосточного урегулирования. Так, японцы развернули активную дипломатию с целью добиться своего подключения к деятельности «четверки» международных посредников – России, США, ЕС и ООН. При этом Токио приложил немалые усилия для того, чтобы обеспечить поддержку своей заявки со стороны ПА. Данный тезис интенсивно «обкатывался» японцами в ходе ближневосточного турне Ё.Кавагути – палестинцам делались недвусмысленные намеки на то, что их благожелательное отношение к японской идее «квинтета» принесет ощутимые финансовые дивиденды.

Кроме того, в качестве одной из приоритетных задач в Токио рассматривают обеспечение японского участия в предстоящей международной конференции по ближневосточному мирному процессу. Среди основных аргументов, продвигаемых японцами в этой связи, можно выделить прежде всего традиционное вовлечение Японии в решение вопросов социально-экономического блока израильско-палестинского урегулирования, а также накопленный Токио опыт по подготовке и успешному проведению в январе этого года Токийской министерской восстановительной конференции по Афганистану. На первоначальном этапе многостороннего обсуждения контуров ближневосточной мирной конференции японцы даже предлагали выступить в качестве ее организаторов, однако впоследствии опустили свою запросную «планку» до простого участия.

На фоне успешной судьбы четырехступенчатого плана оказания содействия ПА последние две политические инициативы японцев явно «пробуксовывают». Пока тактика «лобовой атаки» на «четверку» международных посредников относительно подключения Японии к «квартету» не принесла сколько-нибудь очевидных результатов. Хотя в Токио окончательно и не отбросили эту идею, все более заметным становится ослабление японской официальной риторики по данной проблеме. Немногим лучше обстоят дела и с вопросом о японском участии в предстоящей мирной конференции. С учетом того, что в настоящее время так и не сформировался консенсус мнений относительно формата проведения данного мероприятия, японцам предстоит еще немало «потрудиться» для продвижения собственной заявки на участие.

Серьезные проблемы, возникшие у японцев в процессе решения главной на сегодняшний день для них задачи полноформатного инте-

гирования в политический блок ближневосточного урегулирования, как ожидается, должны подтолкнуть Токио к определенному переосмыслению своей тактики на палестино-израильском направлении. Вполне вероятным в данной связи представляется сценарий дальнейшего развития событий, при котором японцы могут принести в жертву «непроходную» идею расширения «квартета» в обмен на обеспечение выгодных для Токио параметров участия в международной конференции. При этом Япония сохранит свою принципиальную поддержку линии «четверки» международных посредников на одновременное продвижение по трем трекам – обеспечение безопасности, гуманитарное и экономическое содействие, политическая составляющая – и будет активно участвовать в работе новой международной Целевой группы по реформам (помимо Японии ее участниками являются Россия, США, ЕС, Генеральный секретарь ООН, Норвегия, Всемирный банк и Международный валютный фонд) в таких областях, как гражданское общество, финансовая подотчетность, местное самоуправление, рыночная экономика, выборы, судебная и административная реформы.

Нынешняя ситуация, сложившаяся в реализации японцами своей дипломатической стратегии на ближневосточном направлении, в очередной раз высветила глубоко присущее всей японской внешней политике внутреннее противоречие между стремлением к большей самостоятельности в международных делах и традиционной «привычкой» следовать в «фарватере» решений Вашингтона. Большинство своих позиционных заявлений по палестино-израильскому противостоянию Токио продолжает выстраивать в духе ориентации на плотную координацию своих действий с американцами. При этом японцы уже не раз демонстрировали излишне поспешную готовность отказаться от тех или иных своих инициатив в случае недовольства своего главного стратегического союзника. Подобная линия поведения Токио объективно ослабляет японскую заявку на более глубокое вовлечение в ближневосточный процесс и не способствует созданию у других его участников имиджа Японии как самостоятельного игрока, последовательно отстаивающего собственные внешнеполитические интересы.

**ОБ ОПЫТЕ ПЕРЕГОВОРОВ В РАМКАХ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ
ПО КОНТРОЛЮ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ
И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (1992–1997 гг.)**

Рабочая группа по контролю над вооружениями и региональной безопасности (РГКВРБ) была учреждена вместе с другими многосторонними группами на Московской организационной встрече 28–29 января 1992 г., положившей след за мадридской мирной конференцией по Ближнему Востоку (октябрь–ноябрь 1991 г.) начало многостороннему измерению ближневосточного мирного процесса. Группа имела двух ведущих организаторов (сопредседателей) – Россию и США. Период активной деятельности рабочей группы пришелся на наиболее «продуктивные» годы прямых арабо-израильских переговоров: 1992–1996 гг. Региональные участники исходили из понимания того, что многосторонние переговоры не могут «забегать вперед» продолжавшихся двусторонних (Израиль – Иордания, Израиль – ООП и т.д.).

По существу, деятельность рабочей группы имела характер экспертных обсуждений, а иногда (на межсессионных семинарах) и «мозговых атак», участники которых даже на пленарных заседаниях имели неограниченное право апелляции к своим правительствам как в ходе, так и по окончании работы каждого конкретного мероприятия. Все договоренности носили исключительно консенсусный характер, и налагаемые ими обязательства должны были выполняться каждым участником на добровольной основе.

Ценность дискуссии в группе определялась не только уникальностью прямых арабо-израильских многосторонних контактов в сфере контроля над вооружениями и региональной безопасности (КВРБ), но и весьма представительным уровнем делегаций (с учетом действия первоначальной общей договоренности о том, что их не могут возглавлять министры). Например, на пленарных заседаниях во главе израильской делегации был, как правило, тогдашний генеральный директор министерства обороны Давид Иври, египетской – политический советник министра иностранных дел Набиль Фахми и т.п.

Коспонсоров представляли опытные переговорщики – зам. заместителя госсекретаря по политическим и военным вопросам (сначала Роберт Галлучи, а затем Роберт Айнхорн) и директор Департамента по вопросам разоружения и контроля над вооружениями (позднее – Департамент по вопросам безопасности и разоружения) МИД России

О.М.Соколов. Роль коспонсоров стала особенно рельефной на завершающем этапе переговоров – в 1994–97 гг., когда каждое пленарное заседание, а затем и практически любое межсессионное мероприятие превращалось в поле столкновения резко противоположных подходов к КВРБ на Ближнем Востоке. Хотя коспонсоры и не брали на себя формальной роли посредников в переговорах, именно благодаря их помощи удавалось преодолевать кризисы и поддерживать рабочую группу «на плаву» достаточно долгое время.

Всего состоялось шесть пленарных заседаний рабочей группы, а также по три встречи в рамках «концептуальной» и «оперативной» корзин Группы. Пленумы были местом обсуждения наиболее важных тем (Декларация по КВРБ) и принятия решений о дальнейших практических мероприятиях в рамках группы. Начиная с пленарной сессии в Москве (ноябрь 1993 г.), те вопросы, договоренности по которым предполагалось уже в обозримом будущем реализовать на практике, были отнесены к «оперативной корзине» (телекоммуникационная сеть и база данных по контролю над вооружениями и региональная безопасность, морская проблематика, обмен информацией в военной области и предупреждения о некоторых видах военной деятельности). Более сложные проблемы (Декларация, включая вопрос о безъядерной зоне, военные доктрины, а поначалу и Центр региональной безопасности – ЦРБ) были включены в «концептуальную корзину».

* * *

Дискуссия по мерам доверия в военной области с самого начала оказалась в центре деятельности РГКВРБ по целому ряду объективных причин, главной из которых был огромный потенциал недоверия между противоборствующими сторонами арабо-израильского конфликта. На этом переговорном пространстве столкнулись два основных подхода к контролю над вооружениями и региональной безопасности в ближневосточном регионе.

Первый, израильский, сводился к тому, чтобы идти постепенно от простейших мер доверия к более сложным процедурам в области контроля и безопасности. По существу, региональные участники группы поначалу достигли консенсуса в отношении целесообразности придерживаться подобного подхода (по крайней мере в конкретно сложившейся тогда обстановке) и в целом в 1992–94 гг. действовали на основе такого взаимопонимания.

Второй, главными проводниками которого стали египтяне, заключался в том, что в условиях заметного военно-технического превосходства Израиля, особенно при наличии у него ядерного арсенала невозможно ограничиться мерами доверия в военной области (МДВО) для создания в регионе атмосферы, действительно способствующей всеобъемлющему урегулированию арабо-израильского конфликта. При этом возрастающее внимание уделялось

проблеме нераспространения и создания в регионе зоны, свободной от оружия массового поражения (ОМП) и ракет для его доставки. При этом до определенного времени Каир не препятствовал обсуждению мер доверия.

Вниманию участников 2-й пленарной сессии (Москва, сентябрь 1992 г.) коспонсоры предложили для обсуждения список возможных мер доверия. В него входили в основном уже известные по историческим прецедентам идеи. Тем не менее на первоначальном этапе существенное внимание региональные государства обратили на так называемые декларативные меры доверия, среди которых фигурировали: принятие заявлений об опасности неконтролируемой гонки вооружений, ограничении расходов на оборону, необходимости решения проблемы нераспространения оружия массового поражения, намерении присоединиться к Конвенции о запрещении химоружия, об урегулировании споров мирными средствами, о ненападении, об отказе от приобретения территории силой, о невмешательстве во внутренние дела и т.д.¹

В подготовленном американцами докладе на эту тему подчеркивалось, что имеется широкий спектр возможностей применения декларативных мер доверия в зависимости от их содержания, времени осуществления и состава участников. Региональным государствам был предложен широкий выбор вариантов с учетом того, что такие меры могут быть односторонними, двусторонними, носить ограниченный многосторонний характер, охватывая государства того или иного субрегиона, а также приниматься по какому-то конкретному поводу, наконец, включать все ближневосточные страны с вовлечением, скажем, пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН.

В ходе дискуссии господствующим оказалось мнение о том, что начинать работу в этой области целесообразно с подготовки декларации о самых общих принципах взаимоотношений, таких, например, как содержащиеся в заявлениях региональных государств об их долгосрочных целях в сфере контроля над вооружениями и в их замечаниях по подготовленному российским коспонсором списку мер доверия в военной области. Переговорщиков подстерегали многочисленные препятствия, выразившиеся в неготовности их правительств к существенным добровольным шагам навстречу друг другу. В конечном итоге, излишняя сосредоточенность на чисто декларативных мерах укрепления доверия в сфере национальной и региональной безопасности была сочтена непродуктивной, ибо могла отвлечь от тех вопросов, по которым уже на первом этапе переговоров мог быть достигнут конкретный прогресс.

Путем накопления знаний по всему спектру вопросов, связанных с мерами доверия, постепенно сформировалось понимание, которое привело к концептуальному решению вести работу в рабочей группе параллельно по двум основным направлениям, а именно: выработка конкретных (оперативных) договоренностей в сфере МДВО; опреде-

ление долгосрочных целей и согласование соответствующих фундаментальных принципов КВРБ в ближневосточном регионе.

На московской пленарной сессии (1993 г.) региональные участники пришли к выводу о том, что целесообразно сфокусировать основные усилия на следующих направлениях в сфере мер доверия в военной области²:

- обмен «нечувствительной» информацией в военной области, включая краткие биографические данные высших военачальников, открытые данные о военных бюджетах, сведения, направляемые в Регистр обычных вооружений ООН и т.д.;

- предуведомление о некоторых видах (в т.ч. необычной) военной деятельности (ПУВД), включая маневры, переброску войск в районе совместной границы, рутинную мобилизацию резервистов и пр.;

- создание телекоммуникационной сети;

- военно-морская проблематика (предотвращение инцидентов на море и поисково-спасательные операции).

Куратором (ментором) «информационного» направления активности РКВРБ стала Турция.

На пленарной сессии в Тунисе была в основном завершена работа также над текстами документов по обмену нечувствительной военной информацией, которая включала, помимо прочего, форматы такого обмена. Однако, некоторые делегации (прежде всего египетская и саудовская) по-прежнему не имели полномочий окончательно подтвердить согласие своих правительств с упомянутой договоренностью.

Одобрение участников пленарной сессии получили следующие темы для обмена информацией в военной области: совокупная численность (личного состава), военные бюджеты, добровольное проведение визитов на военные объекты с целью укрепления доверия, биографические справки на высший военный персонал, несекретные военные публикации и учебные пособия, административные и организационные структуры военных учреждений, организационная структура вооруженных сил и министерств обороны, информация, представляемая в Регистр обычных вооружений ООН, военные контакты.

Участники сессии дали согласие рассмотреть экспертный доклад по вопросу о взаимном предуведомлении относительно необычной военной деятельности (УНВД)⁴. На завершающем этапе работы рабочей группы (1995 г.) возникла также идея создать соответствующий механизм для отслеживания подобной деятельности на Ближнем Востоке. И израильтяне, и арабы исходили из четкого понимания того, что геостратегическая ситуация в регионе, конфигурация пограничных районов и многие другие специфические факторы (прежде всего имеющиеся исторические прецеденты) делают опасность неверной интерпретации действий противостоящей стороны одним из основных источников угрозы возникновения конфликта, способного быстро перерасти в масштабную войну.

В итоге кропотливой работы на направлении обмена информацией о военной деятельности и предварительного уведомления о военной деятельности в контексте деятельности рабочей группы были достигнуты следующие основные результаты:

- определены первоначальные критерии для предуведомления о некоторых видах военной деятельности и обмена нечувствительной информацией в военной сфере;

- проработаны и в предварительном плане согласованы тексты соответствующих документов, хотя они и не приобрели юридически обязывающую форму для участников рабочей группы, поскольку не были окончательно утверждены пленарным заседанием из-за прекращения созыва таковых;

- участники заметно продвинулись в проработке информационных форматов соответствующих уведомлений, что делало реальным запуск обсуждавшихся мер доверия в военной области через электронную телекоммуникационную сеть рабочей группы;

- довольно досконально были изучены возможности обмена визитами и организации посещений военных и военно-промышленных объектов;

- началось практическое обсуждение «мер доверия в военной области второго поколения», в первую очередь процедуры запроса о «необычных видах военной деятельности»;

- региональные члены группы получили возможность подготовки экспертов в области мер доверия, в том числе благодаря организации посещений специализированных объектов в области верификации и контроля за вооружениями, созданных и действующих в рамках ОБСЕ, МАГАТЭ, режимов нераспространения и т.д., а также привлечению компетентной международной экспертизы (ООН, МИДы внерегиональных стран, НИИ в сфере разоружения, неправительственные организации).

На этом направлении наиболее отчетливо прослеживается «функционально-прецедентное» воздействие мирового и европейского опыта в сфере разоружения и мер доверия в военной области на определение соответствующих приоритетов в работе рабочей группы. Исходя из уроков собственной региональной истории, ближневосточные государства прекрасно сознавали важность налаживания прямой связи между сторонами конфликта для предотвращения неверного восприятия действий друг друга как одной из существенных причин возможного очередного раунда военной конфронтации. На этом достаточно раннем этапе ближневосточного мирного процесса большинство региональных участников группы пришло к взаимопониманию относительно того, что само существование региональной ТКС представляло бы собой существенную меру доверия между извечными ближневосточными антагонистами.

В октябре 1993 г. консультативный комитет Центра по предотвращению конфликтов ОБСЕ, а в декабре и Постоянный комитет Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе санкционировали

использование части имеющейся в ее распоряжении инфраструктуры для поддержания ближневосточной телекоммуникационной сети для целей деятельности рабочей группы.

С учетом имевшегося к тому времени у российской стороны опыта создания базы данных в венском центре по предотвращению конфликтов ОБСЕ делегация России на пленарном заседании в ноябре 1993 г. предложила разработать программное обеспечение для аналогичного банка данных на Ближнем Востоке.

На перспективу «менторы» данного направления деятельности рабочей группы – голландцы – предлагали строить телекоммуникационную сеть поэтапно в соответствии с общими принципами работы группы, т.е. временная телекоммуникационная сеть структур по контролю над вооружением и региональной безопасности как простой филиал Гаагского центра (сервера) ОБСЕ, перенос сервера сети в регион с одновременным или последовательным подключением к ней всех желающих региональных участников, которые приобретут «станции конечного пользователя», параллельное учреждение отдельного Банка данных по проблематике, связанной с контролем над вооружением и региональной безопасностью, включение в конфигурацию телекоммуникационной сети структур по контролю над вооружением создаваемого Центра региональной безопасности и его субрегиональных учреждений.

Первоначальные функции, которые предполагалось возложить на региональную телекоммуникативную сеть, были достаточно скромны и не выходили за рамки общего обслуживания нужд самой рабочей группы. Это пересылка сообщений о заседаниях и распространение согласованных документов, обмен любой информацией, которая может быть согласована в группе или в рамках ближневосточного мирного процесса в целом, связь на случай чрезвычайных или кризисных ситуаций на Ближнем Востоке⁵.

В контексте реализации замысла создания телекоммуникационной инфраструктуры в сфере КВРБ пришлось преодолевать целый ряд серьезных проблем, характерных в целом для ближневосточного мирного процесса и для данной специфической сферы, в частности:

- отсутствие традиции общения на политическом уровне, а тем более между военными, особенно при возникновении напряженности в двусторонних отношениях или в регионе в целом;

- необходимость создания отдельной от имевшихся в общедоступной эксплуатации («Интернет»), технологически автономной системы связи в силу конфиденциального характера информации, которой предстояло обмениваться региональным государствам в рамках согласованных процедур в области мер доверия и контроля над вооружением и региональной безопасности;

- соперничество ведущих участников (особенно Египта и Израиля) за обладание теми или иными звеньями создаваемой телекоммуникационной инфраструктуры;

– негативное воздействие незавершенности и разного рода кризисов, возникавших в ходе продолжавшихся параллельно двусторонних арабо-израильских переговоров;

– стремление региональных участников максимально использовать данную переговорную сферу для решения в благоприятном для себя духе субстантивных вопросов ближневосточного мирного процесса;

– склонность некоторых внерегиональных держав использовать в интересах укрепления своего контроля над региональной ситуацией как сам процесс создания, так и дальнейшее функционирование элементов и процедур КВРБ на Ближнем Востоке.

На V пленарной сессии рабочей группы в Дохе (Катар) в начале мая 1994 г. на политическом уровне была утверждена схема перехода телекоммуникационной инфраструктуры группы от временной связи на базе гаагского сервера ОБСЕ к постоянной сети с центром в регионе (Каир). Главным итогом, достигнутым в Дохе, стало получение голландцами официального мандата на реализацию временной схемы телекоммуникационной связи. К заседанию оперативной корзины в Иордании (ноябрь 1994 г.) в Гаагу поступило пять заявок (из них три заказа) на комплекты оборудования для станции конечного пользования: от Египта, Израиля, палестинцев, а также Турции и Канады.

В случае с Палестинской национальной автономией возник политический конфликт вокруг палестинской станции телекоммуникационной связи рабочей группы, оборудование которой оказалось блокированным в голландском посольстве в Тель-Авиве. Израильские власти воспрепятствовали передаче его палестинской стороне, поскольку она намеревалась установить станцию в одном из своих учреждений в Восточном Иерусалиме. Это никак не устраивало израильтян, усматривавших в подобном размещении станции конечного пользования попытку «нарушения мадридского мандата ближневосточного мирного процесса», в соответствии с которым вопросы «окончательного урегулирования» палестинской проблемы, включая статус Иерусалима, были отнесены на более поздний этап переговоров. В собственных же действиях, скажем, по строительству кольца кварталов-поселений вокруг города израильтяне аналогичного подхода не усматривали.

Уже на пленарном заседании в Катаре была проведена демонстрация созданного в МИД РФ прототипа программного обеспечения банка данных для целей контроля над вооружением на Ближнем Востоке. По ее итогам голландская делегация там же в Дохе передала российским представителям весьма лестный отзыв, в котором упомянутый программный продукт был признан хорошей основой для дальнейшей работы⁶.

На VI пленарной сессии рабочей группы в Тунисе (1994 г.) было принято не совсем рациональное с технической и финансовой точки зрения, но в целом логичное политически и соответствующее европейскому прецеденту решение разместить главный сервер телеком-

муникационной связи органов контроля над вооружениями и региональной безопасности в Каире, а региональный Банк данных по этой проблематике – в Израиле.

Египетские разработчики предложили в Тунисе два основных варианта архитектуры телекоммуникаций, включая и строго централизованную с единым сервером в Каире⁷. Предпочтение в Египте все же отдавали схеме децентрализованной («распределенной») телекоммуникационной связи. У каждого ее участника, таким образом, была бы собственная база обработки информации по контролю над вооружениями и мини-сервер, который был бы связан как минимум с двумя другими.

В 1995 г. временная телекоммуникационная сеть (на базе сервера ОБСЕ в Гааге) номинально была введена в действие. При этом региональный компонент ее конфигурации был ограничен станцией конечного пользования в Каире и Тель-Авиве (палестинцам так и не смогли ее развернуть в Восточном Иерусалиме), а также формальным подключением Нидерландов, Канады и Турции с перспективой расширения путем присоединения коспонсоров. К концу 1996 г. станции были приобретены также Иорданией и Катаром, к чему их, по-видимому, стимулировало решение разместить у них учреждения центра региональной безопасности.

Де-факто и в усеченном формате телекоммуникационная связь так и не начала функционировать. Единственным практическим тестированием Сети стала симуляция обмена информацией (биография одного из чинов турецкого генштаба) в ходе заседания «оперативной корзины» в г. Анталья в апреле 1995 г.⁸

Одним из наиболее продвинутых направлений переговорного процесса в РГКВРБ стали некоторые вопросы сотрудничества в военно-морской области. В фокусе внимания переговорщиков находились две основные темы: взаимодействие по предотвращению инцидентов на море и поисково-спасательным операциям на море. Заметный прогресс, достигнутый в этой сфере, базировался на укоренившемся представлении региональных участников о преимущественно «гуманитарном» характере любых возможных согласованных процедур в этих областях.

К IV пленарному заседанию рабочей группы на базе российского проекта были подготовлены предложения о дальнейшей работе на данном направлении, основное внимание в которых уделялось согласованию региональных процедур спасения на море, выработке правил опасных маневров, а также развитию связи на морских акваториях и некоторые другие. В документе подчеркивалось, что многие из выдвинутых предложений отражают установления советско-американского Соглашения об инцидентах на море. При этом было отмечено, что договоренности в военно-морской области могут носить асимметричный, двух-, трех- и многосторонний характер и распространяться лишь на отдельные субрегионы.

В течение 1994–95 гг. в ходе серии семинаров и заседаний «оперативной корзины» рабочей группы были в значительной степени согласованы два документа по мерам доверия в военной области на море: о предотвращении инцидентов на море и о поисково-спасательных операциях на море.

В военно-морской области проявились характерные и для других переговорных блоков сложности и противоречия. Несмотря на всю очевидность и полезность укрепления доверия и совершенствования механизмов взаимодействия на морских акваториях, над многими участниками продолжала довлеть инерция недоверия к своим региональным антагонистам.

С особой осторожностью арабы относились к любым инициативам Израиля в области налаживания прямых контактов между ВМС. Долгое время региональные участники, в особенности Египет, Саудовская Аравия и некоторые другие, хотя и по разным причинам, не соглашались с переносом военно-морской деятельности рабочей группы в регион, ограничивали участие в соответствующих мероприятиях своих флотских офицеров и т.д.

Вместе с тем практически все региональные участники не подвергали сомнению целесообразность постепенного налаживания сотрудничества при инцидентах на море и спасательных операциях в морской акватории. В геостратегическом плане участники группы исходили из того, что, особенно поначалу, необходимая инфраструктура будет базироваться в трех основных региональных акваториях в Средиземноморье, Персидском заливе и Красном море. При этом любые возможные договоренности о взаимодействии на первом этапе предполагалось осуществлять исключительно путем использования инфраструктуры самих региональных государств.

Наиболее богатым на события на «морском театре» выдалось лето 1994 г., когда «канадская сторона» попыталась втянуть региональные государства в участие в практической демонстрации возможностей применения согласованных мер в сфере предотвращения инцидентов на море и поисково-спасательных операций на море. На базе ВМС Канады, США и Италии в июле состоялась демонстрация мер доверия в военно-морской области в акватории Адриатического моря. Из регионов на ней присутствовали лишь Египет, Израиль, Тунис и Катар.

В конце августа – начале сентября канадцы пригласили к себе семинар старших морских офицеров, который впервые в истории региона собрал вместе представителей ВМФ Алжира, Египта, Израиля, Иордании, Кувейта, Омана, ПНА, Туниса, ОАЭ и Йемена. Египтяне, правда, заявили, что их делегация имеет лишь статус наблюдателя⁹.

На VI пленарной сессии рабочей группы в Тунисе (1994 г.) были утверждены «Элементы текста о предотвращении инцидентов на море» и «Рамочного текста по поисково-спасательным операциям». Участники сессии, включая коспонсоров, обратились к региональ-

ным государствам с настоятельным предложением использовать положения, содержащиеся в «Элементах...», на практике и информировать об этом Канаду в письменной форме. Подобная практика должна была вступить в действие и в отношении всех других региональных участников, которые тем же путем сообщили бы Канаде о подобном намерении.

Вышеупомянутые инициативы организаторов рабочей группы по военно-морской проблематике фактически дальнейшего развития не получили. На пленарном заседании в Тунисе египтяне настояли на том, чтобы ранее фактически отработанные документы в военно-морской области получили менее обязывающие, чем ранее, названия¹⁰. В целом деятельность рабочей группы на военно-морском направлении привела тем не менее к фактически полному согласованию многосторонних договоренностей в области предотвращения инцидентов на море и поисково-спасательных операций, хотя их окончательный статус при этом так и не был определен.

* * *

Четкой грани между «оперативной» и «концептуальной» проблематикой в деятельности рабочей группы, особенно на первом, «оптимистическом» ее этапе, не существовало. Основным критерием, который применялся в этом плане, была возможность скорого достижения договоренности и ее практического применения, что, как правило, служило основанием отнести тот или иной вопрос к разряду «оперативных».

Единственным – и то весьма относительным – исключением стала проблематика создания ближневосточного Центра региональной безопасности/предотвращения (урегулирования) региональных конфликтов. Уже из приведенного сложного, многовариантного названия этого института видно, что в отношении концепции Центра (далее – ЦПК/ЦРБ) разные стороны-участницы ближневосточного мирного процесса придерживались весьма отличных друг от друга позиций, да и сама эта концепция претерпела заметную эволюцию. Кроме того, тематика центра по предотвращению конфликтов, единственная в своем роде, была поначалу отнесена к «концептуальной корзине», а затем переключена в «оперативную».

Первоначально идея создания на ближнем востоке центра по предотвращению конфликтов (ЦПК), несомненно, была навеяна европейским прецедентом: существованием аналогичного учреждения ОБСЕ в Вене¹¹.

На Вашингтонском пленуме (май 1993 г.)¹² с докладом выступил глава иорданской делегации в рабочей группе, который подчеркнул назревшую необходимость создания эффективной системы поддержки принятия решений в сфере военно-политической безопасности на Ближнем Востоке, существенным подспорьем в которой призван был стать ЦПК. В ходе обсуждения поднимались вопросы возможных функций такого Центра, его взаимоотношений с телекоммуникацион-

ной сетью и оптимального временного графика создания в увязке с прогрессом двустороннего переговорного процесса. При этом был сделан фундаментальный вывод о том, что по мере развития ситуации в регионе роль центра будет меняться: от акцента на содействие урегулированию (в краткосрочной перспективе) конфликтов в сторону их предотвращения (в более широком временном контексте)¹³.

К тунисской пленарной сессии рабочей группы (1994 г.) в качестве ведущего разработчика проблем создания Центра региональной безопасности утвердилась Иордания. В виде компромисса с другими региональными участниками она предложила право создать в Дохе субрегиональный филиал (учреждение) ближневосточного ЦПК/ЦРБ для зоны Персидского залива. Второй аналогичный филиал для средиземноморского субрегиона предполагалось создать в Тунисе. Этот сценарий получил одобрение пленума¹⁴. ЦПК в решениях тунисской сессии по-прежнему относился к «концептуальной тематике». Однако в необычной для рабочей комиссии манере пленум обозначил задачу запуска практической работы Центра в довольно жесткие сроки («уже в 1995 г.»), хотя и допустил оговорку о добровольности участия в его работе.

Специальный семинар по разработке первоначального мандата ЦПК состоялся в Аммане в сентябре 1995 г. и стал фактически последним официальным, запланированным и утвержденным пленарной сессией Группы мероприятием в рамках рабочей группы.

Дискуссия на семинаре по концепции Центра с самого начала приняла обостренный характер вследствие особой позиции египетской делегации. В заключительном резюме коспонсоров было отмечено, что между участниками мероприятия обнаружилось «несогласие относительно того, является ли выработанный экспертами заинтересованных сторон Мандат ЦРБ достаточным основанием для продолжения практической работы по созданию Центра¹⁵. В этой связи коспонсоры обязались немедленно начать консультации с региональными участниками на политическом уровне с целью выяснения этого вопроса и доложить о результатах этой работы следующей пленарной сессии группы, которая, как известно, так и не состоялась.

Несмотря на юридически не вполне безупречный статус «Мандата ЦПК/ЦРБ», как представляется, сам документ имеет несомненную ценность в случае возобновления ближневосточного мирного процесса. В его преамбуле со ссылкой на мандат пленарного заседания рабочей группы в Тунисе фиксировалась договоренность о создании региональных Центров безопасности (центров предотвращения конфликтов).

В качестве **цели** ЦРБ было зафиксировано «содействие укреплению стабильности и безопасности на Ближнем Востоке и усилиям, осуществляемым на этом направлении».

Первоначальные **функции** определялись следующим образом: предоставлять площадки для проведения семинаров по тематике,

способствующей деятельности рабочей группы; содействовать обучению кадров в интересах поддержки процесса КВРБ; содействовать и поддерживать работу в контексте согласованных или определенных в качестве целей процесса контроля за вооружением и региональной безопасностью мероприятий в области контроля над вооружениями и региональной безопасностью; действовать в качестве интегральной части телекоммуникационной сети и банка данных рабочей группы.

Первоначальная организационная структура предусматривала, что главным органом, имеющим право принимать решения по ЦРБ, является пленум рабочей группы. Для обеспечения соответствия целям этой группы и решениям ее пленарных заседаний главы делегаций региональных государств в рабочей группе, которые изъявляют желание участвовать, а также коспонсоры, действуя в качестве комитета ЦРБ, будут наблюдать за работой всех учреждений ЦРБ.

Работа по проблематике Центра региональной безопасности может рассматриваться на разных своих этапах как один из наиболее характерных индикаторов состояния ближневосточного мирного процесса и в целом готовности региональных участников РГКВРБ к практическому укреплению доверия в военной области и продвижению в направлении контроля над вооружениями. Несмотря на то, что к моменту фактического завершения дискуссии по данному вопросу Израиль имел уже мирные договоры с двумя арабскими государствами, ближневосточная ситуация в целом оставалась крайне напряженной, что и привело к снижению «планки требований» к концепции будущего ЦПК/ЦРБ по сравнению даже с функциями аналогичного института ОБСЕ, с которого его первоначально собирались скопировать. Любопытно и то, что роль инициаторов этого процесса взяли на себя египтяне, имевшие самую длительную историю договорных отношений с Израилем.

Создавалось впечатление, что учреждение ЦРБ с достаточно широкими функциями по мерам доверия в военной области и перспективой их развития в рамках контроля над вооружением и региональной безопасностью воспринималось в Каире в сложившейся ко второй половине 90-х годов XX века ситуации как возобладание израильского подхода к проблематике строительства региональной безопасности на Ближнем Востоке.

На базе предварительной разработки декларативных мер доверия на Венском семинаре (1993 г.), посвященном долгосрочным целям в области контроля над вооружением и региональной безопасностью, ряд участников группы заявил о желательности выработки «декларации, охватывающей широкие принципы, которые руководят отношениями в области безопасности между государствами Ближнего Востока по типу принципов, которые содержались в Заключительном акте Европейского совета в Хельсинки и резолюциях Совета безопасности 242 и 338»¹⁶. При этом некоторые делегации высказались также за согласование «декларации о намерениях в более спе-

цифических областях безопасности и контроля над вооружениями», включая намерение добиваться осуществления определенных целей и мероприятий в области КВРБ. Московской пленарной сессии (1993 г.) было рекомендовано принять декларацию или заявления, касающиеся трех областей, а именно: руководящих принципов в области отношений безопасности между ближневосточными участниками рабочей группы, руководящих принципов процесса контроля над вооружением на Ближнем Востоке, заявлений о намерениях относительно целей контроля в контексте достижения справедливого, надежного, всеобъемлющего и прочного мира в регионе.

В кулуарах пленарной сессии рабочей группы в Москве в ноябре 1993 г. были распространены несколько вариантов текста декларации принципов и намерений.

В египетском проекте особый акцент делался на достижение справедливого, всеобъемлющего, прочного мира в регионе, основанного на резолюциях СБ ООН 242 и 338, на праве «народов на самоопределение, а всех государств – на существование в безопасных границах»¹⁷.

В израильском варианте проекта Декларации имелось указание на «признание нерушимости границ», уважение территориальной целостности и суверенного равенства всех государств. При этом в нем приоритетное место отводилось «отказу от прямой или не прямой организации, побуждения, оказания поддержки, финансирования, подстрекательства, участия в обеспечении или терпимом отношении к актам насилия, террора и подрывной деятельности против государства, а также от попустительства организованной активности частных лиц, групп или любых организаций, направленной на совершение подобных актов, оказанию содействия в том, чтобы передать исполнителей таких актов в руки правосудия». В израильском документе отсутствовало упоминание как о резолюциях ООН 242 и 338, которые являлись составной частью мадридского мандата ближневосточного мирного процесса, а также о праве народов на самоопределение.

Применительно к основным принципам деятельности рабочей группы документы не слишком отличались друг от друга, хотя израильский более старательно воспроизводил ранее уже упоминавшиеся взаимные договоренности относительно методологии работы группы (от простого к сложному, комплиментарность в отношении двусторонних переговоров и т.д.). По вопросу деклараций о намерениях и Египет, и Израиль в унисон отмечали важность сокращения военных расходов, ограничения гонки вооружений. Вместе с тем израильский текст фокусировался на необходимости добиваться формирования в регионе отношений мира, открытости, примирения между народами, развития отношений взаимного сотрудничества, дружбы и доверия. Египетский документ в этом плане был более сдержанным.

На первый взгляд, оба проекта содержали упоминание о необходимости освободить регион не только от чрезмерных обычных

военных arsenалов, но и от оружия массового поражения и средств его доставки. В египетском варианте это требование времени было сформулировано как «создание уже на раннем этапе зоны, свободной от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения». Израильцы же вели речь о том, чтобы в контексте всеобъемлющих отношений мира, открытости и примирения народов «преследовать цель освободить Ближний Восток от всех классических вооружений, а также оружия массового уничтожения и баллистических ракет»¹⁸.

В резюме коспонсоров по итогам оживленной дискуссии было зафиксировано, что «целями процесса КВРБ в регионе являются содействие справедливому, прочному, надежному и всеобъемлющему миру на Ближнем Востоке». В этом контексте отмечалось, что такой процесс будет исходить из необходимости сокращения военных расходов, ограничения обычных вооружений и гонки таких вооружений, а также реализации цели создания зоны, свободной от всех видов оружия массового уничтожения и систем их доставки. Вместе с тем значительная часть текста Декларации сохранялась в скобках, отражая несогласованность целого ряда пунктов, в том числе по вышеизложенным вопросам.

Наверное, более 90% энергии большинства делегаций ведущих региональных и внерегиональных участников, а также коспонсоров на пленарном заседании рабочей группы в Дохе было сосредоточено на дискуссии по Декларации. Не без настоятельного желанья со стороны «хозяев пленума» итоги этой работы были сформулированы в так называемом Дохском тексте Декларации о контроле над вооружениями и региональной безопасности¹⁹.

Отличительной особенностью упомянутого документа было то, что в нем впервые отсутствовал всякий условно согласованный «текст в скобках». Это было следствием скорее волевого решения коспонсоров, нежели реальным итогом дискуссий. Незавершенный характер обсуждения Декларации в целом, а также ряда наиболее противоречивых ее положений нашел свое отражение в резюме коспонсоров по итогам пленума, в котором говорилось, что участники рабочей группы согласились относительно того, чтобы «пересмотренный в Дохе проект Декларации в том виде, как он был распространен коспонсорами, включая в себя изменения в преамбуле и разделе I, послужил бы основой для дальнейшей работы».²⁰

Текст, выработанный в Дохе, фактически отразил максимально возможную на тот момент степень взаимопонимания между участниками арабо-израильского конфликта. Документ заслуживает внимания еще и потому, что дальнейшая работа над текстом с учетом надвигающегося кризиса в ближневосточном мирном процессе в целом привела, по существу, лишь к фиксации разногласий на новом уровне и в новом временном контексте.

В **преамбуле** говорилось об уважении к Уставу ООН, стремлении к достижению справедливого, прочного и всеобъемлющего мирного урегулирования на Ближнем Востоке на базе резолюций 242 и 338 СБ ООН, а также упоминались все договоренности в рамках непосредственно ближневосточного мирного процесса от решений мадридской конференции до каирского соглашения (от 4 мая 1994 г.) о применении палестино-израильской Декларации о принципах 1993 г.

Сбалансированный, учитывающий позиции как арабов, так и израильтян характер носило положение о стремлении достичь «стабильного баланса военных возможностей в регионе, который принимает во внимание количественные, качественные и структурные факторы и обеспечивает равную безопасность для всех...». В преамбуле содержалось также обращение к США и России как активным коспонсорам всемерно поддерживать цели и мероприятия процесса контроля над вооружением и безопасности в регионе. Призыв ко всем региональным сторонам поддержать принципы Декларации был сформулирован без упоминания Сирии и Ливана, а тем более Ирака и Ирана.

Раздел 1 – «Фундаментальные принципы, руководящие отношениями в сфере безопасности между региональными участниками рабочей группы» – включал положение о том, что процесс КВРБ нацелен на достижение равной безопасности для всех на максимально низком уровне вооружений и вооруженных сил. Признавая, что военные средства необходимы для осуществления неотъемлемого права на самооборону, а также отпора агрессии, Декларация отмечала, что сами по себе они «не могут обеспечить безопасность».

Раздел 2 – «Основные направления процесса контроля над вооружением и безопасностью на Ближнем Востоке», – в частности, гласил, что целью этого процесса является «создание благоприятного климата для прогресса на двусторонних переговорах и дополнение их путем подготовки и применения соответствующих мер параллельно с прогрессом» на этих переговорах. В качестве цели процесса КВРБ обозначалось «стремление укреплять безопасность и общую стабильность на общерегиональном фундаменте, даже за пределами арабо-израильского конфликта, путем осуществления мер в области контроля над вооружением, которые снижают напряженность и риск возникновения войны. Относительно «сферы действия» процесса контроля над вооружением говорилось, что он должен быть «всеобъемлющим, охватывающим широкий спектр мер региональной безопасности, укрепления доверия и контроля над вооружениями, которые являлись бы ответом на все угрозы безопасности и касались всех категорий вооружений как обычных, так и неконвенциональных».

Раздел 3 – «Заявление о намерениях относительно целей процесса контроля над вооружением и региональная безопасность» – был достаточно короток. Суть его сводилась к следующему:

- предотвращение конфликтов в результате недопонимания или просчета путем согласования мер доверия в военной области;

- ограничение военных расходов, с тем чтобы дополнительные ресурсы стали доступны в других сферах, таких как экономическое и социальное развитие;

- сокращение запасов обычных вооружений и предотвращение гонки таких вооружений в регионе в качестве составной части усилий по обеспечению большей безопасности на более низких уровнях вооружений и милитаризации;

- движение в направлении сохранения силовых структур, не превышающих законные оборонные потребности;

- создание зоны, свободной от всех видов оружия массового уничтожения, включая ядерное, химическое, бактериологическое, а также средств их доставки.

Пленарное заседание рабочей группы в Тунисе (декабрь 1994 г.) стало ареной сложнейших двусторонних и многосторонних переговоров и встреч, которые позволили к концу его работы в основном устранить из текста «условно согласованные» части проекта Декларации. Это стало возможным не только благодаря филигранной редакционной деятельности коспонсоров, но главным образом вследствие их довольно энергичной работы с основными «спорщиками» в духе необходимости достижения компромисса по этому основополагающему документу, хотя он имел преимущественно декларативный, а не практический характер. Декларация получила новое название – Заявление по контролю над вооружением и региональной безопасностью.

Пленарное заседание приветствовало представленный коспонсорами проект собственной Декларации в поддержку Заявления по контролю над оружием и объявило, что ожидает его формального опубликования на следующем пленуме в связи с принятием региональными государствами упомянутого документа.

Интенсивные дипломатические контакты по проблематике указанной декларации продолжались вплоть до последнего заседания «концептуальной корзины» рабочей группы в Хельсинки (июнь 1995 г.). Однако этот период как раз совпал с пиком египетско-израильской полемики вокруг проблемы применимости режима договора о нераспространении ядерного оружия к Ближнему Востоку в связи с обзорной конференцией этого Договора. В итоге в Хельсинки без всякого обсуждения принятие текста Заявления по контролю над оружием было отложено до «следующего пленума Группы». В финской столице шла речь о его проведении осенью, предпочтительно в регионе (Амман, Доха) или, как о запасном варианте (при неполучении под-

тверждения от регионалов), – в Москве. Однако VII пленарное заседание рабочей группы в XX в. так и не состоялось.

* * *

В ходе работы Группы проявились концептуальные расхождения в подходах Израиля и арабов к принципиальным аспектам проблематики КВРБ. Каир, а за ним и другие арабские представители, выступали за обсуждение прежде всего мер по контролю над вооружениями и разоружению, особенно в сфере оружия массового поражения. Израильцы же настаивали на реализации сначала конкретных мер доверия, подчеркивая свои озабоченности в области безопасности, в том числе в плане противодействия террористическим акциям экстремистов. Они утверждали, что обсуждение вопросов контроля над вооружениями без участия Сирии, Ливии, Ирака и Ирана неизбежно будет носить ограниченный и бесперспективный характер.

Лишь на заключительном этапе государства-участники рабочей группы приступили к углубленной проработке проблематики сравнительного анализа военных доктрин, восприятия угроз национальной безопасности, долгосрочных целей в сфере контроля над вооружением и региональной безопасностью. Только часть «регионалов» подготовила и представила коспонсорам для обобщения соответствующие письменные доклады, которые к тому же носили декларативный и в значительной мере запросный характер, не были ориентированы на достижение компромиссных развязок.

В ближневосточном регионе и в двусторонних отношениях ряда арабских стран с Израилем, а также между собой к середине 90-х годов обозначилось углубление военно-политических противоречий, представляющих предмет отдельного исследования.

Ш.Перес в феврале 1996 г. заявил, что Израиль был бы готов начать переговоры по зоне, свободной от оружия массового поражения, через два года после подписания мирных договоров со всеми государствами региона, включая Иран. В качестве жеста доброй воли израильтяне готовы были пойти на включение в повестку дня рабочей группы ряда новых пунктов, касающихся некоторых вопросов, относящихся к созданию зоны, свободной от оружия массового поражения (определение границ региона, сопоставление концепций контроля, сотрудничество в «мирном атоме»), а также обязательств сторон (в форме декларации) никогда не испытывать ядерное, химическое и биологическое оружие.

Египетской стороной эти израильские предложения были признаны недостаточными. Одной из существенных причин такой позиции явилось сохранение тенденции неблагоприятного для арабов изменения военно-стратегического соотношения сил на Ближнем Востоке.

Противостояние между Каиром и Тель-Авивом по повестке дня работы РГКВРБ, по сути, оказалось главной причиной затягивания, а затем и переноса на неопределенный срок VII пленарного заседания

группы, а также межсессионного семинара по военным доктринам. Египтяне заявили, что они не удовлетворены работой группы, поскольку она теряет всякий смысл, пока не будет достигнуто согласие обсуждать блок вопросов контроля над вооружениями.

В течение 1995–96 гг. российская сторона самостоятельно и совместно с США в ходе интенсивных контактов с египтянами и израильтянами настойчиво убеждала их в необходимости преодоления возникшего тупика, подталкивала их к поиску компромиссных развязок по проблематике договора о нераспространении ядерного оружия и зоне, свободной от оружия массового поражения, что позволило бы провести пленарное заседание и сохранить динамику работы Группы. Мы напоминали сторонам о консенсусе, который наметился на «концептуальной корзине» рабочей группы еще в Каире в феврале 1994 г. относительно возможности включения в текст Заявления по КВРБ формулировки: «создание в регионе зоны, свободной от ядерного, химического, биологического оружия, а также средств их доставки». Россия была готова продолжить обсуждение пожеланий Египта о формировании экспертных групп для облегчения запуска переговоров.

Подтверждая свою позицию в пользу придания режиму договора о нераспространении ядерного оружия максимально универсального характера, в ближневосточном региональном контексте российский координатор с пониманием относился и к побудительным мотивам Египта, и к тем соображениям, которые мешали Израилю взять на себя соответствующие обязательства. В Москве при этом считали возможным достичь между ними компромисса. Однако в тот период, несмотря на предпринятые усилия, разблокировать ситуацию так и не удалось. Безрезультатными оказались и двусторонние контакты между египтянами и израильтянами, а также попытки «вынести разногласия за скобки».

Убийство И.Рабина, приход к власти Б.Нетаньяху, продолжавшиеся столкновения на юге Ливана, застой на двусторонних переговорах и другие факторы еще больше осложнили ситуацию в рабочей группе и в переговорном процессе в целом. Тупиковая ситуация в этой группе приобрела стабильный характер. Признаков смягчения позиции ни у израильтян, ни у египтян не наблюдалось.

Резкое торможение, а затем и регулярная пробуксовка в реализации Промежуточного соглашения между Израилем и палестинцами (от 24 сентября 1995 г.) стали повседневной реальностью при правительстве Б.Нетаньяху. В результате к середине 1996 г. переговорный процесс по контролю над вооружением и региональной безопасностью оказался практически полностью заморожен. Однако, по видимому, решающим фактором в этом плане, по крайней мере для Каира, была все-таки наметившаяся неблагоприятная для арабов тенденция в общерегиональном балансе сил.

Как следствие окончательно были сведены на нет усилия координаторов по удержанию на плаву многосторонних консультаций по

контролю над вооружением и региональной безопасностью. К 1998 г. любые попытки поддерживать их на полуофициальном или научно-исследовательском уровне, но в увязке с предшествующей деятельностью Группы были прекращены.

Задача возобновления многосторонних переговоров по военно-политической проблематике с прицелом на разработку мер доверия в военной области и согласование практических мероприятий в сфере контроля над вооружением, включая создание зон, свободных от оружия массового поражения, неизбежно станет одной из приоритетных в контексте реанимации ближневосточного мирного процесса. Опыт переговоров и практические наработки, накопленные в рамках деятельности РГКВРБ в период 1992–97 гг., несомненно, представляют интерес для будущих переговорщиков как ценный реферативный материал. При этом с учетом эвентуального «перезапуска» переговорного процесса по контролю над вооружением на Ближнем Востоке в новых условиях, сложившихся в начале XXI в., не следует ожидать, что все наметившиеся в рабочей группе точки соприкосновения в позициях сторон и достигнутые ими предварительные договоренности будут по-прежнему сохранять свою актуальность. Многие в регионе, да и в мире в целом, особенно в свете событий 11 сентября 2001 г., глубочайшего кризиса в палестинско-израильских отношениях в 2000–2002 гг. видятся ныне иначе, чем в 90-е годы прошлого столетия. Тем не менее деятельность рабочей группы останется не только эпизодом в истории Ближнего Востока и международных усилий по созданию там системы региональной безопасности, но и важным прецедентом, значение которого уже в том, что он поможет избежать повторения прошлых ошибок и извлечь из них конструктивные уроки.

¹ ACRS WG Co-chairmen's concluding remarks, Washington, May 20, 1993, с. 1.

² Remarks on declaratory measures for the ACRS WG meeting (US paper), May 19, 1993, с. 1.

³ ACRS WG Co-Chairmen's concluding remarks, Plenary session, Tunis, 13–15 December, 1994, с. 3.

⁴ Там же.

⁵ ACRS WG, Workshop on communications-related CBM's, The Hague, 20–21 September 1993, Chairman's summary, с. 2.

⁶ Netherlands Ministry of foreign affairs paper, 4 May 1994.

⁷ ACRS WG, Egyptian proposal for architecture for the Communications network, Plenary session, Tunis, 13–15 December 1994, с. 2.

⁸ ACRS WG Operational basket, Mentors' summaries, The Netherlands (Communications), Antalya, 04–06.04.1995.

⁹ MEPP ACRS WG, Senior naval officer's symposium, Halifax, Nova Scotia, Canada, August 29 – September 1, 1994. Facilitator's perception paper, с. 1.

¹⁰ ACRS WG, Co-Chairmen's Concluding Statement, Plenary session, Tunis, December 13–15, 1994, c. 4.

¹¹ ACRS WG, Co-chairmen's concluding remarks, Plenary session, Moscow, 17 September 1992, c. 1.

¹² ACRS WG, Co-chairmen's concluding remarks, Plenary session, Washington, May 20, 1993, c. 2.

¹³ ACRS WG, Workshop on communication-related CBMs, The Hague, 20–21 September 1993, Chairman's summary, c. 1.

¹⁴ ACRS WG, Co-Chairmen's Concluding Statement, Tunis, Tunisia, December 13–15, 1994, c. 3.

¹⁵ ACRS WG, Seminar on Mandate for a Middle East Regional Security Center, Co-sponsors' Concluding Remarks, Amman, September 1995.

¹⁶ ACRS WG, Co-Chairmen's Concluding Statement on the Workshops on Long-Term Objectives and Declaratory Measures, Austria, Vienna, October 21, 1993, c. 2.

¹⁷ ACRS WG, Declaration (Egyptian Text), Moscow Plenary Session, 3–4 November 1993.

¹⁸ Declaration on Principles Governing Relations between Parties to the ACRS Process (Israeli paper), c. 1.

¹⁹ ACRS WG, Declaration on Arms Control and Regional Security, Doha Text, May 5, 1994.

²⁰ ACRS WG, Co-Chairmen's Concluding Remarks, Plenary session, Doha, May 5, 1994.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ АФГАНИСТАНУ

Оказанию международным сообществом помощи Афганистану, который в настоящее время находится в тяжелейшем положении, была посвящена состоявшаяся 19–21 января 2002 г. в Токио международная конференция по Афганистану. На ней решались вопросы о финансовых и других обязательствах тех или иных государств, выразивших намерение помочь этой стране.

По решению Токийской конференции была создана Группа по осуществлению проектов восстановления Афганистана (ГПВА), которая работает в Кабуле под руководством Переходной администрации Афганистана с участием представителей Программы развития ООН (ПРООН), Всемирного банка, Азиатского банка развития, Исламского банка развития, а также страны – председателя ГПВА. Группа обеспечивает взаимодействие кабульской администрации с донорами, организациями системы ООН, гуманитарными агентствами, а также деловыми кругами и неправительственными организациями.

Решением Токийской конференции при активном содействии Всемирного Банка, ПРООН и Азиатского банка развития учрежден Тростовый фонд на цели восстановления Афганистана (АРТФ). АРТФ играет основную роль в деле мобилизации донорского содействия. Его средства расходуются на обеспечение текущих невоенных бюджетных расходов афганского правительства, в том числе на выплату жалования госслужащим; проведение ТЭО проектов в области сельского хозяйства, восстановления инфраструктуры, социальной сферы, а также краткосрочных проектов восстановления (проектов «быстрой отдачи»); на оплату расходов по возвращению из-за рубежа и интеграцию в общество афганских специалистов, ранее покинувших страну.

В работе конференции участвовали 61 страна и 21 международная организация. Их представителями заявлено о выделении на восстановление Афганистана в общей сложности 4,5 млрд. долл., из них 1,8 млрд. долларов в 2002 году.

Наиболее крупные вклады были декларированы Ираном – 560 млн. долл., Японией, ЕС, Всемирным Банком – по 500 млн. долл., США – 296 млн. (кроме этого госсекретарь К.Пауэлл заявил о выделении дополнительных средств: 121,9 млн. долл. на гуманитарную помощь,

72 млн. на экстренную помощь и 52,6 млн. на помощь беженцам), Саудовской Аравией – 220 млн., Китаем – 156 млн. долл., Индией и Пакистаном – по 100 млн. долл. МБРР и Азиатский банк развития обещали выделить по 500 млн. долл. каждый на займы и гранты. Фонд развития Ага Хана – 75 млн. долл.

Согласно данным Администрации по координации помощи Афганистану (АКПА) на сентябрь 2002 г. выделены следующие финансовые средства:

Помощь беженцам. Всего было выделено 309,5 млн. долл. (из необходимых по оценкам афганской стороны 565,5 млн. долл.). Из них по линии Управления Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ) ООН – 147,9 млн. долл., МОМ (Международная организация по миграции) – 33,1 млн. долл., Организации Красного Креста – 8,1 млн. долл., Детского Фонда ООН – 6,4 млн. долл.

Образование. На реформы в сфере образования, создание новых и восстановление разрушенных школ и лицеев Афганистану выделено 72,3 млн. долл. (из необходимых 259,1 млн. долл.), из них Детским Фондом ООН (ЮНИСЕФ) – 36,9 млн. долл., Германией – 9,3 млн. долл., США – 8,3 млн. долл., Всемирным Банком (ВБ) – 6,5 млн. долл., Швецией – 5,9 млн. долл.

Здравоохранение и продовольствие. Всего выделено 92,8 млн. долл. (из необходимых 241 млн. долл.), из них: ЮНИСЕФ – 25,9 млн. долл., США – 21,5 млн. долл., Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) – 9,4 млн. долл., Фонд ООН по народонаселению (UNFPA) – 6,9 млн. долл., Швеция – 5,3 млн. долл., ВБ – 4,5 млн. долл., IBN SINA – 2,8 млн. долл., ЕС – 1,6 млн. долл.

Социальная защита. Всего – 446,3 млн. долл. (из необходимых 758,6 млн. долл.), из них: Всемирная продовольственная программа (ВПП) – 362,3 млн. долл., США – 59,7 млн. долл., Афганская ассоциация развития (ADA) – 6,4 млн. долл., ЕС – 6,2 млн. долл., Программа развития ООН (ПРООН) – 3,8 млн. долл., Германия – 2 млн. долл.

Кроме того, на развитие добывающей промышленности, энергетики и связи выделено 9,5 млн. долл. из требуемых 117,9 млн. долл. (Германия – 5 млн. долл., ВБ – 4,5 млн. долл.), на строительство дорог и гражданской авиации – 7 млн. долл. из 287,7 млн. долл. (ВБ – 6 млн. долл., Германия – 0,7 млн. долл.), на управление природными ресурсами – 35,5 млн. долл. из 176,7 млн. долл. (Неправительственные организации – 14,3 млн. долл., Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) – 7,1 млн. долл., СИТА – 6,3 млн. долл., ЕС – 5,9 млн. долл.), на городское развитие – 57,3 млн. долл. из 118,9 млн. долл. (ЮНИСЕФ – 28 млн. долл., Германия – 16,8 млн. долл., ЕС – 6,9 млн. долл., США – 2,6 млн. долл.), развитие СМИ, культуры и спорта 2,6 млн. долл. из 23,9 млн. долл. (Германия – 1,6 млн. долл., Великобритания – 1 млн. долл.).

Продолжает свою работу Совет по программам помощи Афганистану, созданный по инициативе ГПВА из представителей стран-доноров, ооновских учреждений, международных финансовых институтов и НПО. В свою очередь афганская администрация сформировала Совет по координации помощи с участием Х.Карзая и представителей его администрации, а также создала в своей структуре Администрацию по координации помощи Афганистану (АКПА).

Общая сумма финансовых средств, полученных Афганистаном, согласно статистике АКПА, составляет 1,55 млрд. долл. из необходимых 3,23 млрд. долл., где основными донорами являются: США – 578,4 млн. долл., Великобритания – 96,3 млн. долл., ЕС – 68,1 млн. долл., Германия – 67,5 млн. долл., Япония – 58,4 млн. долл., Всемирный Банк – 42,5 млн. долл., Голландия – 26 млн. долл., Швеция – 21,7 млн. долл., Италия – 17,8 млн. долл., Норвегия – 9,7 млн. долл., фонд Ага Хана – 8,2 млн. долл., Дания – 8,1 млн. долл., Канада – 5,8 млн. долл., Люксембург – 4,9 млн. долл., Австралия – 4,1 млн. долл., Бельгия – 3 млн. долл., Финляндия – 3 млн. долл., Ирландия – 1,9 млн. долл., Кувейт – 1,5 млн. долл., Испания – 1,4 млн. долл., Швейцария – 1,1 млн. долл., Южная Корея – 1 млн. долл., Франция – 0,7 млн. долл., Саудовская Аравия – 0,5 млн. долл.

Бюджет Афганистана на текущий финансовый год (с марта 2002 г. по март 2003 г.) составляет 480 млн. долларов, тогда как по расчетам Всемирного Банка, он должен составлять как минимум 700 млн. долларов. По самым оптимистичным прогнозам, дефицит бюджета на этот год составит порядка 200 млн. долларов.

Что касается ООН, то помощь этой организации рассчитана на 15 месяцев (01.10.2001–31.12.2002). На ее осуществление выделено 1,6 млрд. долл., и к марту 2002 г. уже около 60% семей получили те или иные виды продовольственной помощи, свыше 300 тыс. школьников вернулись в школы.

Следует отметить, что в отличие от других доноров, которые пока еще не спешат оказывать помощь ПАА, американская гуманитарная и финансовая помощь на постконфликтное восстановление Афганистана существенно превысила обещанные на Токийской конференции 296 млн. долларов. Уже по состоянию на сентябрь 2002 г. США выделяют порядка 580 млн. долл., что свидетельствует об амбициозности их планов в отношении Афганистана. Встреча Дж.Буша с Х.Карзаем в Нью-Йорке в середине сентября 2002 г. была своего рода демонстрацией «железной» поддержки США афганскому руководству. Особое внимание в ходе этой встречи было уделено экономике. Объявлено о начале реализации совместной (США, Япония, Саудовская Аравия) программы строительства сети железных дорог, связывающих Кабул с провинциями Кандагар и Пактия. Администрация президента США Дж.Буша выделила на эти цели 80 млн. долларов, Япония и Саудов-

ская Аравия – по 50 млн. долларов (суммы не входят в обязательства, сделанные на Токийской конференции).

Важно, что указанные средства направляются целевым назначением и не предусматривают «перераспределения» по другим американским программам социально-экономического содействия, как это обычно имеет место. В то же время Палатой представителей США утвержден план экономической помощи Афганистану на следующий финансовый год в объеме 300 млн. долларов.

По сведениям афганской газеты «Армане мелли» от 27 июля 2002 г., в текущем году формально занимались оказанием помощи Афганистану 308 зарубежных компаний. При этом деятельность международных структур в стране оценивается крайне низко. Большинство из них занимаются статистическими подсчетами, а не непосредственно восстановительными работами.

На фоне США заметно отстает ЕС, который не справился с выполнением своих токийских обязательств. Из 250 млн. евро, обещанных в текущем году, по имеющейся информации, афганцам поступило порядка 140 млн. евро. ЕС выделил финансовые средства на реконструкцию и строительство дороги Кабул-Джелалабад-Торхам. Исполнение проекта, по всей видимости, будет осуществляться ФРГ. Американские же компании проявляют внимание к строительству дороги Кабул-Кандагар с использованием собственных средств, однако, не исключается финансовое участие Азиатского банка развития.

11 сентября 2002 г. в Брюсселе состоялась консультация между США и ЕС по вопросам оказания помощи Афганистану. В контактах с европейцами американцы практически не скрывают своего недовольства недостаточной, по их мнению, оперативностью и кооперативностью ЕС, особенно на местах, невыполнением Брюсселем своих обязательств по объему помощи и его стремлением работать через европейские НПО, а не через агентства ООН.

ЕС, в свою очередь, не склонен принимать американские обвинения. По мнению Комиссии Евросоюза (КЕС), не следует форсировать реализацию принятых обязательств перед Афганистаном до общей стабилизации обстановки в этой стране. Использование же в основном каналов НПО объясняется КЕС желанием «сохранить контроль над использованием европейской помощи в Афганистане».

Продолжающаяся «пикировка» между Вашингтоном и Брюсселем по вопросам оказания помощи Афганистану свидетельствует о наличии в структурах ЕС явных трудностей с практической реализацией соответствующих задач.

Япония выразила намерение финансировать программу ПРООН «Восстановление занятости в Афганистане», в рамках которой проводятся общественные работы в Кабуле, а также подтвердила готовность участвовать в восстановлении транспорта и инфраструктуры. На настоящее время Япония инвестировала в восстановление экономики Афга-

нистана порядка 102 млн. долл. Общий объем японской помощи Афганистану, включая гуманитарную, начиная с сентября 2001 года составил 200 млн. долл.

В восстановлении энергетической отрасли в Афганистане будут принимать активное участие Австрия, Италия, Франция, Швеция, Австралия, США, ФРГ. Наиболее активна из них Германия. Немецкая фирма KFW готова выделить на эту отрасль до 1 млрд. евро. Кроме того, KFW инвестировала 5,1 млн. евро в восстановление энергетических сетей 6-го и 7-го районов Кабула и освещение кабульских улиц, а также в строительство сетей от ГЭС «Сароби» до района Брешна Кота. С таджикской фирмой «Барки Точик» подписан протокол о строительстве ЛЭП от порта Шерхан до границы с Пакистаном через Кундуз, Пули-Хумри и Кабул. Изучается возможность строительства нескольких ГЭС на реке Пяндж, общая мощность которых будет достигать 24 тыс. МВт. Всемирный банк выделил на осуществление работ первого этапа по восстановлению энергетики страны 100 млн. долл. (из них 15 млн. на 2002 год). В настоящее время Международные кредитные организации и Евросоюз изучают вопрос о дополнительном выделении Афганистану до 900 млн. долл., значительная часть которых предназначена для энергетики.

Оказание помощи Афганистану со стороны различных мировых держав предусматривает своего рода возможность воздействия на многие важнейшие процессы, происходящие в этой стране. В этой связи все более зримо проявляются некоторые тревожные моменты. Речь идет о просматривающемся стремлении США и их партнеров закрепить за собой решающую роль в формировании постталибского режима в Афганистане, в том числе и за счет вытеснения России с афганского политического и экономического пространства. Для этого наряду с присутствием в Афганистане международных сил содействия безопасности (МССБ), ооновских структур, оказанием влияния на руководство страны используется и направленное регулирование иностранной помощи.

В интересах дальнейшего взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества РФ и Афганистана представляется целесообразным ускорить решение вопроса об учреждении российского торгпредства в этой стране и проработать по линии Торгово-промышленной палаты России возможность создания общественной Ассоциации делового сотрудничества России с Афганистаном в качестве организации, координирующей контакты по линии частнопредпринимательских структур двух стран.

АФГАНИСТАН: ГОД СПУСТЯ ПОСЛЕ ТАЛИБОВ

Прошло чуть больше года, как под ударами антитеррористической коалиции во главе с США пал Исламский Эмират талибов.

Напомним, что в то время средства массовой информации начали широкую кампанию, в ходе которой пытались представить дело таким образом, что будто бы с крушением тоталитарного режима талибов жизнь в стране вернулась в нормальное русло, восстановлены все гражданские права и свободы.

Телевидение передавало из Кабула оптимистические сцены: мужчины сбривают опостылевшие бороды, какие-то женщины открыли лица; заработали кинотеатры, повсюду зазвучала музыка; в лавках стали продавать видео- и аудиокассеты, то есть восстанавливалось все то, что при талибах было строжайше запрещено и сурово каралось.

Однако прошло совсем немного времени, и когда эйфория улеглась, оказалось, что реальная действительность гораздо суровее, чем ее пытались показать. Стало ясно, что переходное правительство не собирается (а скорее всего, не может) порвать с недавним прошлым. Вот лишь некоторые, но весьма красноречивые факты.

В официальном названии афганского государства по-прежнему сохранился эпитет «исламский». (Напомним, что впервые Афганистан был объявлен «Исламским государством» в 1992 году, когда к власти пришли лидеры моджахедов.) Это название сохранилось и при правительстве Х.Карзая, так что в обозримом будущем вряд ли можно говорить о том, что будет сделан шаг в сторону светского государства.

Весьма показательно, что и духовенство сохранило свои позиции и по-прежнему оказывает влияние на политику правительства. По сообщению из Кабула, министерство юстиции объявило о возобновлении деятельности одиозной исламской «полиции нравов» – «Ихтисаб», приобретшей при талибах печальную известность своими жестокими репрессиями против населения. В заявлении указывалось, что «Ихтисаб» будет следить за нравственностью и пресекать такие преступления против шариата, как воровство, прелюбодеяние, употребление алкоголя и т.п. Правда, отмечалось, что наказания не будут «столь суровыми», как при режиме талибов.

Далее. Верховный судья страны, входящий в состав Переходной администрации Х.Карзая, своим указом запретил демонстрацию в кинотеатрах, столь любимых афганцами, индийских фильмов, мо-

тивирова свое решение тем, что в них полуобнаженные женщины поют и танцуют!

Не так просто обстоит дело со снятием чадры. Ростки женского равноправия и свободы, в том числе и свободы ношения чадры, заложенные во времена правления Мухаммад Захир-шаха и Мухаммада Дауда и получившие развитие в годы правления НДПА, были уничтожены моджахедами (1992–1994) и талибами (1994–2001). Действительно, сегодня кабульское телевидение показывает женщин, открывших лица. Но это весьма и весьма малая часть женского населения страны, причем в основном столичного, ибо чадра слишком глубоко вросла в ткань социальной жизни афганского общества, чтобы убрать ее в одночасье. «Покрывало стало частью нашего образа жизни, а менять образ жизни всегда страшно», – говорит одна из афганских героинь репортажа журналистки Элизабет Буркет из Кабула¹.

Между тем, как свидетельствует практика, военно-политическая ситуация в стране остается сложной и нестабильной. Продолжались вооруженные столкновения между соперничающими этническими группировками (например, бои на севере между узбекскими отрядами А.Р.Дустума и таджикскими формированиями полевого командира Ата Мухаммада). Продолжается борьба за власть в провинции Пактия, где смещенный с поста губернатора Пача-хан Дзадран, не признал назначенного правительством нового губернатора Хакима Танаивала и пытался силой восстановить свою власть.

В Гератской провинции отряды губернатора Исмаил-хана сражались с местными полевыми командирами. Не способствовали успокоению межэтнических страстей и такие факты, как обнаружение массового захоронения на Севере страны (т.е. территории, контролируемой узбекским генералом Дустумом), где было обнаружено 900 трупов. В заявлении правительства, сделанном по этому поводу, говорится, что, скорее всего, это тела талибов (т.е. в основном пуштунов) и боевиков «Аль-Каиды», убитых во время перевозки их из Кундуза в Шибеган. Правительство обещает провести тщательное расследование и наказать виновных². Несмотря на разгром основных сил, движения «Талибан» и «Аль-Каида», оправившись от первоначального шока, начали диверсионную войну против правительства Х.Карзая. Напомним, что за прошедший год были убиты члены правительства: министр гражданской авиации Абдурахман, вице-премьер Хаджи Абдул Кабир; совершено покушение на самого Хамида Карзая во время его поездки в Кандагар. Были организованы взрывы в Джалалабаде, в столице у здания кинотеатра «Бахтар» и министерства информации и культуры, повлекшие за собой человеческие жертвы.

Не прекращаются нападения на воинский контингент иностранных государств, входящих в антитеррористическую коалицию. Вообще ситуация с талибами и боевиками «Аль-Каиды» все еще до конца не

ясна. Перед началом антитеррористической операции военная мощь талибов оценивалась примерно в 40–50 тысяч бойцов, а число боевиков «Аль-Каиды» – в 4–5 тысяч. Трудно представить, что все они были уничтожены в ходе боевых действий. Видимо, какая-то часть из них укрылась среди сочувствующих им пуштунских племен, другая перебралась через афгано-пакистанскую границу в так называемую «зону племен». Подобная ситуация позволяет делать воинственные заявления и лидеру талибов мулле Омару, поклявшемуся продолжить «священную войну», и его покровителям. Так, отставной генерал Хамид Гуль – бывший глава пакистанской межведомственной разведки заявил, что «талибы очень скоро вернутся в Афганистан»³.

Никак не может смириться с потерей власти бывший премьер-министр при президенте Б.Раббани и лидер «Исламской партии Афганистана» Гульбuddin Хекматьяр. По информации столичной газеты «Анис», недавно Г.Хекматьяр тайно посетил ряд районов страны, в частности, побывал в местечке Сароби в Бадахшане и юго-восточных провинциях с целью мобилизации своих сторонников на борьбу с новой властью. По утверждению той же «Анис», Г.Хекматьяр объявил «джихад» переходному правительству, и взрыв у здания министерства информации и культуры был совершен по его указанию⁴.

Тревожная ситуация привела к тому, что стал заметен процесс эмиграции. Сотни беженцев, вернувшихся домой после свержения талибов, вновь стали уезжать в Пакистан. Примечательно, что на этот раз страну стали покидать индусы и сикхи, издавна проживавшие в Афганистане. По сообщению столичной газеты «Фарда», они начали распродавать свои дома и земельные участки и покидать Афганистан, поскольку опасаются нового витка эскалации войны. По информации «Фарда», на начало 90-х годов только в Кабуле проживало более 5000 семейств, а к концу 2002 года их осталось всего 120. Причина, по словам самих индусов и сикхов, в постоянных притеснениях, дискриминации, насильственной конфискации властями их домов, земель, магазинов, угроза их жизни и безопасности⁵.

Разумеется, правительство Х.Карзая предпринимает меры по нормализации жизни. Восстанавливаются телефонные и электросети, дома, дороги, системы водоорошения, культурно-исторические памятники. Заключаются соглашения с зарубежными странами на оказание технико-экономической помощи Афганистану. Так, российские компании изъявили готовность участвовать в восстановлении дорог и Нанграхарской ирригационной системы. Вместе с тем в нынешней ситуации усилия правительства направлены на решение двух главных задач, от успеха которых во многом зависит восстановление мира и стабильности в стране. Это подъем экономики и создание боеготовой и преданной центральной власти национальной армии.

Известно, что афганская экономика после более чем двух десятилетий войны оказалась почти полностью разрушенной. Единственная

надежда правительства – получение обещанной финансовой помощи со стороны иностранных держав. Пока что из обещанных 4,5–5 млрд. долларов получена крайне незначительная сумма, что вынуждает Х.Карзая и членов его кабинета регулярно наносить визиты в зарубежные страны и напоминать об обещанных кредитах. «Мы вновь и вновь просим, – писала кабульская газета «Армане мелли», – чтобы как можно быстрее и без всяких задержек нам была предоставлена финансовая помощь в соответствии с решениями конференции в Токио».

В последнее время в Кабуле озабочены планами США начать войну против Ирака. Афганцы понимают, что в этом случае все внимание международного сообщества будет сосредоточено на событиях в Ираке, а Афганистан, как это уже бывало, будет забыт и не получит обещанных средств. Поэтому афганская пресса стремилась акцентировать внимание на угрозе, исходящей от «Аль-Каиды», считая, что только это даст им шанс получить денежную помощь. Столичный еженедельник «Кабул» упрекал мировое сообщество за то, что «оно не спешит предоставить обещанные финансы, в то время как остатки «Аль-Каиды» действуют на афганской земле»⁶. Наряду с этим правительство Х.Карзая возлагает большие надежды на реализацию проекта по прокладке нефтегазотрубопроводов из Туркменистана – через Афганистан в Пакистан, что должно позволить Кабулу получать валютную выручку за счет транзита нефти и газа.

22 июня 2002 года в Ашхабаде состоялась встреча официальных представителей Афганистана, Туркменистана и Пакистана, на которой обсуждались конкретные меры по реализации указанного проекта. По словам министра горных дел и промышленности ИГА Джумы Мухаммада Мухаммади, Азиатский банк выделит для реализации проекта 1,5 млрд. долл., а стороны незамедлительно приступят к подготовке технико-экономического обоснования⁷.

В рамках программы восстановления национальной экономики правительство Х.Карзая провело денежную реформу. В последние годы в стране наблюдалась гиперинфляция, денежная единица – афгани – совершенно обесценилась. Так, в августе 2002 г. 1 доллар США стоил 39.800 афгани, 1 пакистанская рупия – 672 афгани, 1 фунт стерлингов – 62.000 афгани; 1 евро – 39.000, 1 саудовский риал – 10.500; 1 тысяча иранских туманов – 50.000 афгани⁸.

Старые банкноты, печатавшиеся в России, сейчас обмениваются на новые, изготовленные, видимо, в Англии.

Правительство также начало борьбу с производством наркотиков. Так, в Гильмендской долине были уничтожены посевы опийного мака на территории 125 тыс. джеривов (около 25 тыс. га). Хозяевам плантаций в виде компенсации было выплачено по 350 долларов каждому⁹.

Другой сложной проблемой, которую сегодня пытается решить правительство, является разоружение населения и создание новой национальной армии. Пока что дела продвигаются медленно. По ин-

формации газеты «Армане мелли», к августу 2002 г. удалось изъять у населения (а точнее, у местных полевых командиров) Кабула и кабульской провинции: 8.546 единиц легкого и тяжелого оружия; 188 орудий, 125 танков и бронетранспортеров; 123 радиостанции¹⁰.

Цифры, надо сказать, не впечатляющие. И это при том, что правительство объявило, что за добровольно сданное оружие будет выплачиваться денежная компенсация. Разумеется, таких сумм, чтобы выплатить компенсацию всем, кто обладает оружием, у правительства просто нет. Более того, как пишут кабульские издания, лица, сдавшие оружие и получившие деньги, тут же спешат приобрести новое, ибо, как утверждают газеты, «афганец не может жить без оружия».

Что касается создания новых вооруженных сил, то тут следует учитывать, что костяк нынешней армии главным образом составляют таджикские отряды «Северного альянса». Поэтому правительство Х.Карзая выдвинуло программу создания полиэтнической и неидеологизированной армии. Основные положения ее сводятся к следующему:

- военные формирования, участвовавшие в джихаде, которые были необходимы в годы оккупации и сопротивления, должны быть распущены;
- все военные части, составленные по этническому признаку, должны быть распущены. Армия должна быть не моноэтнической, а полиэтнической;

- все нынешние вооруженные формирования должны быть разоружены. Никто, кроме регулярной армии не имеет права обладать оружием, которое должно использоваться лишь для защиты независимости родины и охраны ее границ;

- все армейские офицеры обязаны выйти из политических партий и организаций. Их обязанность – выполнять свой воинский долг по защите независимости страны и ее границ. Офицеры обязуются никогда не вступать ни в какие политические партии;

- набор солдат в армию должен осуществляться без какой-либо дискриминации¹¹.

(Заметим, что раньше регулярная армия, особенно ее офицерский корпус, в основном формировалась из пуштунов.)

Хотя американский воинский контингент занимается реформированием афганских вооруженных сил, и США выделили на эти цели около 50 млн. долл., ряд государств также выразил готовность принять участие в строительстве вооруженных сил Афганистана. Так, в конце августа 2002 г. Кабул посетил министр обороны Болгарии. На состоявшейся по окончании визита пресс-конференции министр обороны ИГА маршал Фахим объявил, что Болгария окажет его стране помощь, в том числе в деле «строительства национальной армии»¹².

Позже, в ходе визита министра обороны Российской Федерации С.Иванова также обсуждался вопрос об участии России в военном строительстве. Министр обороны РФ заявил, что Россия окажет разнобразную техническую помощь в оснащении афганской армии.

Завершая обзор основных внутривнутриполитических событий прошедшего года, следует обратить внимание на некоторые тенденции, которые при определенных условиях могут оказать влияние на ход мирного развития Афганистана.

Во-первых, наблюдается рост недовольства населения, особенно в районах проживания пуштунов, присутствием иностранного воинского контингента. Так, газета «Аманат» опубликовала материалы, в которых американские войска обвинялись в гибели 800 мирных граждан, разрушении десятков деревень и множества домов в Кундузе, Кандагаре, Джалалабаде, Хосте, Гардесе (в последнем под ракетно-бомбовыми ударами погибли участники свадебной процессии)¹³.

Во-вторых, пребывание иностранных войск, как это не раз бывало в афганской истории, начинает ассоциироваться с нынешней властью и вызывает недовольство уже самим правительством Х.Карзая. Пешаварская газета «Сахар», отражающая позицию пуштунских националистических кругов, в редакционной статье утверждала, что главной ошибкой США и их союзников было то, что после свержения власти талибов они не сумели создать правительство, которое бы пользовалось поддержкой народа. «Эта ошибка, – заключала газета, – может иметь самые серьезные и опасные последствия»¹⁴.

Другая газета «Аманат», ссылаясь на западные источники, также обвиняла администрацию США, что она, поддавшись давлению «Северного альянса», пошла с ним на сговор в деле распределения министерских постов и поэтому правительство Х.Карзая якобы не представляет весь народ Афганистана.

В-третьих, наблюдающаяся в последнее время активизация усилий таджикской политической элиты превратить Ахмад Шаха Масуда в общенационального героя, что особенно проявилось в годовщину его гибели и празднования 83-й годовщины восстановления независимости Афганистана, также не вызывает одобрения по меньшей мере пуштунских националистов, которые воспринимают деятельность представителей таджикского этноса во властных структурах, как политические маневры, направленные на закрепление доминирующего положения таджиков в Афганистане. Уже упоминавшаяся газета «Сахар» в передовице, посвященной годовщине трагической гибели А.Ш.Масуда, отдавая должное его военным талантам и признавая его выдающуюся роль в истории страны, тем не менее указывала на то, что А.Ш.Масуд, участвуя в братоубийственной войне, имел не только «сторонников, но и противников». Газета подчеркивала, что в каждом уголке Афганистана у каждого народа есть «свои герои, которых они признают и восхваляют», и выражала надежду, что когда-нибудь афганский народ объединит всех своих героев¹⁵.

В конце 2003 г. заканчивается срок полномочий нынешнего переходного правительства Х.Карзая. В это время предстоит сформировать новое правительство, которое, судя по высказываниям некото-

рых официальных лиц, например, специального представителя США Халильзада, будет создано по результатам всеобщих выборов.

Удастся ли переходному правительству снивелировать упомянутые выше факторы, и как в противном случае они скажутся на ходе выборов, предсказать трудно. Очевидно одно – впереди предстоят серьезные баталии за власть между различными этнополитическими группировками Афганистана, которых, как это бывало не раз, будут поддерживать и разные внешние силы.

¹ Elle, сентябрь 2002, с. 244.

² Армане мели, 22.08.2002.

³ Сахар, 09.08.2002.

⁴ Анис, 11.09.2002.

⁵ Фарда, 04.07.2002.

⁶ Кабул, 12.09.2002.

⁷ Там же, 22.08.2002.

⁸ Армане мелли, 05.08.2002.

⁹ Фарда, 08.09.2002.

¹⁰ Армане мелли, 22.08.2002.

¹¹ Рахе неджат, 12.09.2002.

¹² Армане мелли, 22.08.2002.

¹³ Аманат, 27.07.2002.

¹⁴ Сахар, 09.08.2002.

¹⁵ Там же, 09.09.2002.

**ИРАН И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ:
ПОДДЕРЖКА ИЛИ БОРЬБА?**

С выходом после событий 11 сентября 2001 г. контртеррористической проблематики на первый план международной политики вопрос об отношении той или иной страны к терроризму стал ключевым в определении занимаемого ею места в мировом сообществе. При этом в отсутствии общепризнанного международного-правового определения терроризма (очевидно, что по этому вопросу добиться глобального консенсуса гораздо сложнее, чем при осуждении терроризма как явления) отдельные государства – прежде всего США – наделяют сами себя правом самостоятельно устанавливать международных террористов и их спонсоров, в числе которых в последние годы неизменно фигурирует Иран.

Обвинения в использовании террористических методов в проведении своей политики закрепились за религиозно-политическим руководством Ирана с первых лет исламской революции 1979 г. Захват «революционными студентами» американского посольства в Тегеране в ноябре 1979 г. и фетва имама Р.Хомейни, приговорившего в феврале 1989 года к смерти английского писателя С.Рушди, стали событиями, «обрамляющими» первое десятилетие исламской республики и давшими серьезные козыри в руки оппонентов иранских властей.

Произошедшая в течение 90-х годов эволюция исламского режима в Иране, кульминацией которой стал приход к власти под реформаторскими лозунгами президента С.М.Хатами, привела к тому, что руководство этой страны во многом скорректировало свои подходы к формам и методам достижения своих внешнеполитических целей. Произошел если не полный отказ от лежавшей в основе идеологии первых послереволюционных лет доктрины экспорта исламской революции, то серьезное ограничение рамок ее реализации. Можно сказать, что от этой концепции осталась только ее антиизраильская составляющая, объясняющая действия иранцев по поддержке ливанской «Хизбаллы» и некоторых палестинских организаций. (Тегеран официально опровергает информацию об оказании «Хизбалле» и палестинцам финансовой и военной помощи, заявляя, что ограничивается лишь морально-политической поддержкой. По некоторым данным, иная помощь поступает от иранских неправительственных исламских фондов и организаций, неподконтрольных правительству и парла-

менту. Попытки правительства и парламента внести в реестр бюджета на 2002–2003 гг. эти организации были заблокированы органами конституционно-шариатского надзора.)

«Террористическое досье» Тегерана в 90-е годы было омрачено и таким событием, как убийство четырех активистов Демократической партии Иранского Курдистана в берлинском ресторане «Миконос», ассоциированное решением германского суда в 1997 г. с действиями иранских властей и на время испортившее отношения Ирана со странами Евросоюза.

Антиизраильская и антиамериканская активность «Хизбаллы» заставила США ежегодно, начиная с середины 90-х годов, включать Иран в списки стран, поддерживающих международный терроризм. В 2002 г. в соответствующем докладе госдепартамента США «Patterns of Global Terrorism 2001» Иран был назван наиболее активным спонсором международного терроризма. В дополнение к обвинениям в поддержке «Хизбаллы» и таких палестинских группировок, как ХАМАС и «Исламский джихад», госдепартамент констатировал «ограниченную поддержку» Ираном террористических организаций в странах Персидского залива, Африки, Центральной Азии, а также в Турции. Иранцам припомнили до сих пор официально не отмененный приговор С.Рушди, оговорившись при этом, что практических действий по реализации фетвы власти ИРИ не предпринимают.

Примечательно, что даже в указанном докладе госдепартамента американцы не смогли проигнорировать позитивные моменты в политике Тегерана. Так, отмечается «общее снижение иранской вовлеченности в другие (кроме антиизраильской – прим. автора) формы террористической активности». Признается отсутствие доказательств иранской причастности к террористическим актам 11 сентября 2001 г. в США. Подчеркивается, что «некоторые силы в Иране» (так завуалированно именуются президент-реформатор и поддерживающие его правительство и парламент) стремятся положить конец поддержке экстремистских группировок. Наконец, доклад госдепартамента содержит довольно развернутую позитивную оценку иранских действий после 11 сентября 2001 г. Упоминается уведомление Тегерана накануне американской операции в Афганистане относительно того, что иранцы в соответствии с нормами международного права окажут помощь экипажам американских самолетов в случае совершения ими экстренной посадки на территории ИРИ. Фиксируется совместная с США и их союзниками работа Ирана в ходе Боннской конференции, сформировавшей временную администрацию Афганистана. Добавим, что иранцы довольно плотно работали с американцами по афганской тематике и до Боннской конференции, в частности в рамках «Группы друзей и соседей Афганистана» (Группы 6+2), и после нее, например в ходе июньской Лоя джирги 2002 г.

В целом ситуация после 11 сентября 2001 г. складывалась для Ирана довольно благоприятно. Тегеран выступил с однозначным

осуждением террористических актов в США. Одновременно было заявлено о неприемлемости всех форм и проявлений терроризма, необходимости борьбы с ним исключительно в рамках международного права, на основе комплексного подхода под эгидой ООН. Была подчеркнута приоритетность выработки общеприемлемого международно-правового определения понятия терроризма как явления (с включением в него понятия «государственный терроризм»), устранения порождающих его причин, таких как бедность, нищета, несправедливость, социально-экономические проблемы, региональные конфликты. Одновременно в Тегеране заявили о необходимости воздерживаться от односторонних, дискриминационных мер борьбы с терроризмом, а также политики двойных стандартов. Отмечалось, что Иран не приемлет концепции «гуманитарного вмешательства» и «ограниченного суверенитета» в обход Устава ООН, выступает за скорейший созыв саммита по проблематике терроризма, рассматривая резолюцию СБ ООН 1373 в качестве первого шага на пути проведения скоординированной кампании против этого явления. Была высказана поддержка идеи скорейшего принятия Всеобъемлющей конвенции по борьбе с терроризмом, а также российского предложения о принятии международной конвенции по борьбе с актами ядерного терроризма.

Несмотря на то, что Тегеран, учитывая неурегулированность своих отношений с Вашингтоном, отказался открыто поддержать операцию международной антитеррористической коалиции в Афганистане, большинство западных стран оценило позицию, занятую ИРИ после 11 сентября 2001 г., как конструктивную. Произошла активизация политических контактов Ирана со странами Евросоюза, Японией, впервые за последние годы заговорили о перспективе нормализации ирано-американских отношений.

Тем неожиданнее как для иранцев, так и для большинства американских союзников был резкий разворот в политике Вашингтона, который в начале 2002 г. вновь инициировал антииранскую кампанию, обвиняя Тегеран в стремлении произвести и модернизировать оружие массового уничтожения и средства их доставки, а также в поддержке радикальных группировок на Ближнем Востоке. 29 января 2002 г. Дж.Буш в послании Конгрессу назвал Иран наряду с Ираком и КНДР в числе стран, составляющих «ось зла». Среди обвинений США в адрес Тегерана фигурировали «подрывная деятельность» иранцев в Западном Афганистане и непринятие мер по пресечению попыток боевиков «Аль-Каиды» найти убежище на территории Ирана.

По странному стечению обстоятельств антииранскому развороту в политике Вашингтона предшествовал инцидент с задержанием 3 января 2002 г. израильскими катерами в международных водах Красного моря судна «Карин-А» с 50 тоннами оружия на борту. Израильцы заявили, что оружие было погружено в Иране и закуплено Палестин-

ской национальной администрацией (ПНА). Несмотря на отсутствие убедительных доказательств этой версии и категорические опровержения со стороны Тегерана и Я.Арафата, инцидент позволил израильтянам утвердить многих американских политиков во мнении о том, что Иран продолжает торпедировать мирный процесс на Ближнем Востоке и спонсирует радикальные палестинские группировки.

Полностью принимая порой надуманные антииранские доводы, США игнорируют некоторые носящие конструктивный характер действия Тегерана в отношении той же ливанской «Хизбаллы». Так, в разгар израильско-палестинского противостояния весной 2002 г. Иран предпринял полезные дипломатические усилия по недопущению разрастания рамок конфликта. Соответствующая работа была проведена министром иностранных дел К.Харрази в ходе его поездок в Сирию и Ливан в апреле 2002 г.

Практически весь период после обозначения Дж.Бушем «оси зла» был отмечен последовательными попытками США доказать причастность Ирана к международному терроризму. При этом к обвинениям, связанным с «Хизбаллой» и палестинцами, добавились претензии, касающиеся укрывательства на иранской территории уходящих из Афганистана боевиков «Аль-Каиды». Иранским ответом на это стал арест находящейся на территории ИРИ группы саудовских подданных, подозревавшихся в связях с «Аль-Каидой» и переданных в августе 2002 г. Эр-Рияду (еще одна группа иностранцев, в основном из арабских государств, была депортирована из Ирана ранее). В июне 2002 г. в американских СМИ появились сообщения о том, что «Хизбалла» и «Аль-Каида» объединились в своего рода «террористический альянс», осуществляя сотрудничество в планировании и подготовке новых террористических акций против США. Параллельно утверждалось наличие «иранской связи» в этом сговоре. Еще одна попытка доказать связь Ирана с «Аль-Каидой» была предпринята в конце сентября 2002 г., когда телекомпания Эн-Би-Си со ссылкой на «хорошо информированные источники» сообщила об обнаружении с помощью фотосъемки из космоса учебных лагерей «Аль-Каиды» в Иране, близ границы с Афганистаном. Иран не замедлил опровергнуть эти сообщения.

В попытках еще более очернить Иран на свет доставались и «свидетельства» из недавней истории. Так, в июне 2002 г. американские газеты напомнили о взрыве в 1994 г. еврейского культурного центра в Буэнос-Айресе, якобы совершенном боевиками «Хизбаллы» при иранском содействии. В ход была пущена версия о том, что иранцы заплатили тогдашнему президенту Аргентины К.Менему 10 млн. долл. за то, чтобы он опроверг причастность ИРИ к этому теракту. Невероятность такого предположения заставила даже представителя госдепартамента США Р.Ваучера заявить об «отсутствии ясных свидетельств причастности Ирана к взрыву в Буэнос-Айресе».

Антитеррористическая проблематика находилась в повестке дня российско-иранского политического диалога задолго до событий 11 сентября. В Москве с удовлетворением отмечали, что Иран последовательно выступал на международной арене с осуждением терроризма как глобальной угрозы миру и безопасности. При этом неоднократно указывалось, что Иран, так же как и Россия, знает о терроризме не понаслышке, что иранский народ понес от рук террористов многочисленные жертвы (в послереволюционные годы некоторые оппозиционные исламскому режиму группировки, прежде всего Организация моджахедов иранского народа, перешли к террористическим методам деятельности и физически устранили ряд руководящих деятелей Исламской Республики).

Принципиально важной для российско-иранских отношений стала позиция иранского руководства, занятая в связи с контртеррористической операцией российских властей в Чеченской Республике. Тегеран заявил о полной поддержке суверенитета и национальной целостности Российской Федерации. Ситуация на Северном Кавказе рассматривалась Ираном как сугубо внутреннее дело России. Объективно отвечала российским интересам и деятельность Тегерана в период председательства ИРИ в Организации Исламская конференция (1997–2000 гг.).

С общих с Россией позиций Иран выступил и после прихода к власти в Афганистане в 1996 г. Движения талибов, которое рассматривалось в Тегеране как источник террористической и наркотической угрозы региональной и глобальной стабильности.

Общность российских и иранских подходов к антитеррористической проблематике нашла отражение в Совместном заявлении по терроризму, которое было принято министрами иностранных дел двух стран И.С.Ивановым и К.Харрази в Нью-Йорке 26 сентября 1998 г. (см. ниже). Примечательно, что по своему содержанию этот документ был близок российско-американскому заявлению, принятому там же двумя днями ранее.

Российско-иранский диалог по борьбе с терроризмом активизировался после сентября 2001 г. Антитеррористическая проблематика обсуждалась в ходе всех контактов между президентами и министрами иностранных дел двух стран. Развивается российско-иранское взаимодействие и в рамках международных форумов, прежде всего в ООН, где российская сторона, в частности, рассчитывает на поддержку Ираном при рассмотрении предложенного РФ проекта Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма.

Теме борьбы против терроризма были посвящены консультации заместителя Министра иностранных дел А.Е.Сафонова в Тегеране 26–28 октября 2001 г. Там же 19–21 июля 2002 г. состоялись консультации первого заместителя министра иностранных дел В.И.Трубникова по контртерроризму и региональным проблемам. Российский пред-

ставитель обсудил с секретарем Высшего совета национальной безопасности Ирана Х.Роухани и заместителем министра иностранных дел ИРИ М.Аминзаде широкий круг вопросов положения в Афганистане, индийско-пакистанских отношений и ситуации в Центральной Азии, Закавказье и на Ближнем Востоке. Как отметил по итогам этих переговоров В.И.Трубников, «Иран остается участником антитеррористической коалиции, его позитивное участие в созыве Лояя джирги отмечено всеми, и поэтому важная и стабилизирующая роль Тегерана в регионе у нас не вызывает сомнения».

Совместное российско-иранское заявление по терроризму

Российская Федерация и Исламская Республика Иран категорически отвергают терроризм во всех его формах и проявлениях, независимо от мотивов. Мы осуждаем недавние террористические акты в Иране, проведенные с целью подрыва демократического процесса и развития гражданского общества, а также другие террористические акты, включая взрывы в городах Ома, Найроби и Дар-эс-Салам, и с глубокой озабоченностью отмечаем, что террористы все чаще прибегают к действиям, имеющим целью максимальное число жертв.

Российская Федерация и Исламская Республика Иран полны решимости вести борьбу против этого глобального смертоносного вызова. Поскольку терроризм – это глобальная проблема, Россия и Иран отмечают, что транспарентное многостороннее сотрудничество абсолютно необходимо, чтобы справиться с вызовом, который терроризм бросает международной стабильности и всем людям мира. Мы привержены расширению сотрудничества по двусторонней линии, с другими членами международного сообщества и в рамках Организации Объединенных Наций, чтобы обеспечить эффективный и многосторонний ответ на этот вызов. В этих целях мы договорились создать рабочую группу на уровне экспертов.

У нас есть согласие относительно ряда ключевых принципов. Во-первых, мы признаем законное право стран защищать своих граждан от нападений террористов и изыскивать законные средства для их предотвращения. Мы также подтверждаем неотъемлемое право на самоопределение людей, находящихся в условиях иностранной оккупации. Во-вторых, мы согласны в том, что террористам не должно предоставляться убежище. В-третьих, мы согласны в том, что государства не должны разрешать или молчаливо позволять террористам и их сообщникам использовать территории этих государств в целях подстрекательства, планирования, финансирования или оказания поддержки террористической деятельности в других странах. В-четвертых, мы согласны в том, что полезны действия по блокированию доступа террористических организаций к финансовым учреждениям и другим средствам финансирования их деятельности как один

из путей предотвращения их нападения. В-пятых, мы также подчеркиваем важность блокирования доступа террористов к смертоносному оружию, в частности, к оружию массового уничтожения. Наконец, мы подчеркиваем, что всем государствам следует воздерживаться от преждевременных осуждений и обвинений, подрывающих международную солидарность в борьбе с терроризмом, требующей сотрудничества и единых усилий со стороны всех государств.

Мы полны решимости укреплять международно-правовую основу борьбы с терроризмом посредством эффективного всеобщего сотрудничества. Мы подчеркиваем важность Конвенции 1998 года о борьбе с бомбовым терроризмом и заключения Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма. Мы намерены принимать меры к тому, чтобы как можно скорее присоединиться к существующим универсальным антитеррористическим конвенциям и призываем все другие государства поступать так же.

Источник: «Дипломатический вестник», 1998, № 11.

РЕФОРМА БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ ТУНИСА

В 2000 г. банковская система Туниса насчитывала 40 учреждений: 13 коммерческих банков (из них 6 государственных), 8 инвестиционных банков (из них 6 смешанных с участием капиталов арабских стран), 8 оффшорных банков, обслуживающих в основном нерезидентов, два бизнес-банка, созданных в 1995 г. для помощи в реструктуризации тунисских предприятий и 8 финансовых учреждений, обслуживающих лизинговые операции. Важнейшим кредитно-финансовым институтом является Центральный банк Туниса, обладающий правом эмиссии банкнот, контролирующей деятельность всех банковских учреждений и аккумулирующий золотовалютные резервы страны. Общие золотовалютные резервы ЦБ выросли с 1610,1 млн. долл. в 1995 г. до 1992 млн. долл. в 2001 г.¹ Кроме того, в Тунисе существует ряд специализированных финансовых институтов, через которые государство кредитует отдельные отрасли экономики. К ним относятся Банк экономического развития, Национальный банк развития туризма, Национальный сельскохозяйственный банк, через который в страну поступает сельскохозяйственная помощь от стран ЕС. В 1997 г. был создан новый банк – Тунисский банк солидарности. Эти банковские учреждения имеют в настоящее время 786 отделений (497 отделений в 1988 г.) или примерно одно на 12 тыс. жителей, что в 10 раз меньше, чем в западноевропейских странах². По данным министерства финансов, в 2000 г. на сектор финансовых услуг приходилось 40% ВВП и 59% вновь создаваемых рабочих мест³.

Банковский сектор Туниса имеет ряд особенностей. Во-первых, это преобладающее участие государства (почти 60% всех банковских активов), что в принципе важно для поддержки банков, но, как правило, ведет к низкой рентабельности банковских операций. Во-вторых, это незначительный объем общих банковских активов (примерно 12 млрд. долл., что сравнимо с активами среднего западноевропейского банка) и слабое использование сбережений населения для финансирования экономики. В-третьих, для тунисских банков характерен низкий коэффициент платежеспособности, т.е. норма покрытия общих банковских обязательств собственным капиталом банка. При международной норме в 10% тунисские банки до недавнего времени имели коэффициент 5–6%. Кроме того, общие расходы тунисских банков,

главным образом на зарплату служащих, превышают объем оказываемых банковских услуг (соответственно 60% и 40%). Причем число служащих растет быстрее, чем собственный капитал банков. В-четвертых, для тунисских банков характерно преобладание краткосрочных и среднесрочных кредитов (около 70%), высокая доля операций с наличными деньгами и слабая подготовка кадров.

До 1987 г. практически все банковские операции находились под контролем ЦБ Туниса: установление нормы обязательных резервов, контроль за учетной ставкой, покупка и продажа государственных облигаций и др. В этот период 20% всех депозитных средств банки обязаны были вкладывать в государственные облигации с более низкой процентной ставкой, чем по кредитам и займам. 5% всех средств должны были инвестироваться в Сберегательный фонд жилищного строительства, преобразованный в 1988 г. в депозитный банк, а 18% направлялись на среднесрочное кредитование сельского хозяйства и экспорта. Размеры кредитов и займов устанавливались ЦБ в зависимости от их типа, так же как и процентная ставка по ним. Кроме того, ЦБ контролировал ликвидность тунисских банков, которым не разрешалось проводить операции по переучету векселей на суммы, превышающие 15% их собственных средств. При таком жестком контроле и строгой иерархии тунисские банки играли пассивную и незначительную роль в экономике страны и практически не отвечали по своим обязательствам. Законодательные ограничения по операциям с иностранной валютой для оффшорных банков привели в 80-е годы к значительному снижению их активности в Тунисе и даже прекращению деятельности некоторых из них.

С 1987 г. Тунис приступил к осуществлению структурной перестройки своей экономики и добился ощутимых успехов в ее реструктуризации и либерализации. Темпы роста ВВП в 1990–2001 гг. были стабильными и составили в среднем 5–5,5% в год⁴. Усилилась роль частного сектора, выросли экспорт и инвестиции, увеличилась занятость населения. Были сделаны и первые шаги по либерализации кредитно-денежной политики. В первую очередь это коснулось учетных ставок, которые выросли с 9,25% в 1986 г. до 11,8% в 1991 г., и ставок по депозитам, которые увеличились с 5,35% в 1986 г. до 6,63% в 1991 г.⁵ В 1992 г. было отменено правило ЦБ Туниса, обязывающее банки вкладывать 20% своих средств в государственные облигации. Однако проведенных преобразований было явно недостаточно для интенсификации банковской деятельности, особенно на фоне быстро растущих внешнеторговых связей Туниса и притока иностранных инвестиций.

Для адаптации тунисской банковской системы к мировой экономике и усиления ее конкурентоспособности была разработана программа реформ. Реструктуризация и либерализация банковской сферы, а именно решение о допуске с 2003 г. иностранных банков на финансовый рынок Туниса стало одним из условий предоставления ему кредитов Все-

мирного Банка. На этом настаивал и Европейский Союз, с которым Тунис подписал в 1995 г. соглашение об ассоциации.

Для поддержания высоких темпов экономического роста необходимы денежные средства: долгосрочные и среднесрочные кредиты для инвестирования новых проектов и краткосрочные – для текущих нужд предприятий. 90% всех тунисских предприятий – это семейный бизнес, и их собственный капитал может обеспечить деятельность лишь на 20–30%, поэтому встает вопрос о привлечении заемных средств. По данным ежегодного отчета ЦБ Туниса, кредиты, предоставленные банками в 2000 г., составили около 13 млрд. долл., в основном они пошли на развитие сельского хозяйства, рыболовства, сферы услуг. 88% всех кредитов – это кредиты коммерческих банков⁶.

Банковские реформы стали осуществляться в Тунисе с 1992 г. Они состоят из трех этапов – оздоровление, консолидация и модернизация банков. Первый этап заключался в достижении международных норм платежеспособности, ликвидности и раздела банковских рисков. По распоряжению ЦБ собственный капитал банков должен составлять с 1999 г. не менее 8% всех банковских активов. В 2000 г. коэффициент платежеспособности ряда коммерческих банков превысил 13%. Кроме того, был разработан ряд правил, определяющих соотношение между рисками и собственным капиталом банка.

Изменение структуры банковского капитала в сторону увеличения собственных средств было достигнуто в основном за счет ограничительной политики при распределении дивидендов, реинвестирования доходов от банковских операций, а также благодаря предоставлению государством ряда фискальных преимуществ в банковской сфере. Это позволило тунисским банкам увеличить более чем в 2 раза свой суммарный капитал с 0,9 млрд. до 1,93 млрд. долл. в 1995–2001 гг.⁷

1999 г. стал годом ускорения первого этапа банковской реформы, направленного на оздоровление банковской системы. В годовом бюджете был предусмотрен ряд мер по улучшению качества банковских активов и покрытия сомнительных рисков. Государство взяло на себя погашение обязательств ликвидирующихся и приватизируемых предприятий на сумму 392 млн. долл. в течение 25 лет, но без выплаты процентов. Был также создан фонд, покрывающий потери от обменных рисков. 4 апреля 2000 г. был принят закон № 2000–37, который внес некоторые изменения в старый закон № 58–90 от 19 сентября 1958 г. о создании ЦБ Туниса. Теперь ЦБ может покупать у банков или брать на себя выплаты по государственным ценным бумагам, срок погашения которых истекает более чем через 6 месяцев. Кроме того, ЦБ разрешено, помимо уже существующих форм размещения своих средств, участвовать в капитале акционерных обществ, занимающихся управлением в сфере межбанковских услуг. ЦБ Туниса принял также ряд распоряжений по либерализации процентных ста-

вок по кредитам и сберегательным вкладам. Ставки по краткосрочным и среднесрочным кредитам остаются высокими – до 8% в год, а процент по сберегательным вкладам снизился с 6,125% в 1996 г. до 3,875% в 1999 г.⁸

Второй этап реформ был направлен на реструктуризацию и консолидацию банковской сферы с тем, чтобы повысить ее конкурентоспособность, гарантировать адаптацию к происходящим экономическим изменениям внутри страны, оптимизировать существующие финансовые возможности банков и исключить дублирование их деятельности. В июле 2001 г. был издан закон, регламентирующий статус и единые принципы создания универсальных банков.

Для повышения конкурентоспособности тунисских банков в первую очередь необходимо их укрупнение. В 2001 г. произошло первое слияние трех банков – Тунисского банковского общества, Тунисского банка экономического развития и Национального банка по развитию туризма в один крупнейший банк – Тунисское банковское общество (ТБО). 50% его капитала принадлежит государству, 12,5% – иностранным акционерам. В настоящее время на ТБО приходится 21,7% всех банковских активов страны, 21,8% всех предоставляемых кредитов и 16,3% внутренних сбережений. По размерам своих активов ТБО занимает 1-е место в Тунисе и 4-е место среди североафриканских банков. В ближайшем будущем планируется слияние Международного банковского союза и Банка Юга, на которые приходится более 15% всех банковских активов Туниса⁹. Программа реструктуризации банковской сферы коснется и совместных банков с участием капиталов других арабских стран, доля которых в общих активах тунисских банков приближается к 5,3%¹⁰.

С 1998 г. оффшорным банкам было разрешено работать с резидентами. Они оказывают услуги на более льготных, чем другие банки, условиях, так как подпадают под льготное налогообложение, а также могут предоставлять кредиты как в иностранной валюте, так и в конвертируемых динарах.

Третий этап банковской реформы связан с модернизацией, а именно – пересмотром системы банковских расчетов, их компьютеризацией и созданием межбанковских информационных сетей, улучшением существующих норм и правил, а также усовершенствованием подготовки банковского персонала. ЦБ была разработана программа по перестройке системы безналичного расчета, усилению роли банковских переводов, чеков, векселей, кредитных карт, активному использованию электронной системы расчетов. Был также принят ряд мер по усилению безопасности информационной системы банковских операций и перевозки денежных средств. Кроме того, ЦБ разработал банк данных по возможным и текущим рискам с тем, чтобы банки смогли гарантировать свои операции и обеспечивать их за счет своих активов в случае непогашения кредитов и неоплаты чеков.

В 1999 г. было создано Тунисское денежно-кредитное общество, цель которого – содействовать введению в обращение внутри Туниса пластиковых карт «Мастеркард» и «Виза». Планируется приобрести за границей 1000 электронных устройств типа «Инженико» по обслуживанию данных кредитных карт. Однако пока лишь Тунисское банковское общество и Национальный сельскохозяйственный банк проявили интерес к этой инициативе.

Еще одним нововведением тунисской банковской системы стало предоставление займов студентам, доход родителей которых в 4,5 раза больше минимальной зарплаты. Размер этого займа не может превышать 500 тун. динар в год, срок его погашения – 6 лет. В 1999 г. также вышел закон № 99–64, регулирующий ставки по потребительским кредитам, которые остаются слишком высокими (более 10% годовых). Важное место в программе по модернизации банковской сферы отводится подготовке персонала. Несмотря на свою многочисленность (16 тыс. служащих) банковский персонал среднего и высшего уровня составляет лишь 27%. Поэтому было рекомендовано реформировать систему подготовки банковских служащих, сделать упор на конкретную специализацию. Для реструктуризации своей банковской системы Тунис получил займы на общую сумму в 400 млн. долл. (150 млн. долл. – от Всемирного Банка, 150 млн. – от Африканского банка развития и 100 млн. – от ЕС).

С помощью реформ в банковской сфере тунисское руководство стремится сделать банки более конкурентоспособными, рентабельными, увеличить их активы как путем роста собственного капитала банков, так и с помощью слияний и поглощений. Банковские реформы должны помочь Тунису мобилизовать денежные средства для финансирования новых приоритетных проектов, связанных с решением проблемы занятости и модернизацией предприятий, а также для развития экспортоориентированных отраслей и туризма. По мнению экспертов, тунисские банки не станут достаточно конкурентоспособными по сравнению с иностранными, если не ускорить осуществление нынешних банковских реформ, в первую очередь укрупнение банков, введение новых норм, гарантирующих банковские и финансовые риски, усиление роли долгосрочных кредитов и модернизацию системы расчетов. Эффективность этих реформ, разумеется, во многом будет зависеть от общей экономической ситуации в стране.

¹ International Financial Statistics IMF may 2002 с. 846, Monthly Bulletin of Statistics June 2002 UN, N.Y. 2002, с. 230.

² Tunisia: a country that works. Ministry of international cooperation and foreign investment, FIPA 2000, с. 15; Тунисская Республика. Справочник. – М.: Наука, 1993, с. 282.

³ La Presse de Tunisie 6 septembre 2000, Rapport annuel 2000 de la Banque Centrale de Tunisie.

⁴ Tunisia: a contry that works. Ministry of international cooperation and foreign investment, FIPA 2000, с. 24; Informations economiques sur la Tunisie MСIIE fevrier 2001, Realites № 776 9–15 novembre 2000, с. 72.

⁵ Economic challenges facing Middle Eastern and North African countries. Alternative futures. Economic Research forum 1998 Macmilan Press Ltd. London 1998, с. 46; Тунисская Республика. Справочник. – М.: Наука, 1993, с. 283.

⁶ Rapport annuel 2001 de la Banque Centrale de Tunisie.

⁷ Jeune afrique / l'intelligent № 2149 18–24 mars 2002, с. 68.

⁸ Rapport annuel 2001 de la Banque Centrale de Tunisie. La Presse de Tunisie 6 septebre 2000.

⁹ Jeune afrique / l'intelligent № 2149 18–24 mars 2002, с. 68.

¹⁰ Ibid, Periodique de conjoncture № 37 avril 2000.

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ТУНИСЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Привлечение иностранных инвестиций является приоритетным направлением экономической политики Туниса. С помощью иностранного капитала страна рассчитывает получить доступ к новым технологиям, стимулировать развитие экспорта, решить проблему занятости, а также интегрироваться в мировую экономику. В свою очередь иностранных инвесторов привлекает социально-политическая и экономическая стабильность Туниса: ежегодные темпы роста ВВП в 1997–2001 гг. составляли в среднем (в ценах 1990 г.) 5–5,5%¹. Проводимые Тунисом экономические реформы по реструктуризации и либерализации своего хозяйства способствовали улучшению инвестиционного климата. По оценке международного агентства «Стэндрт энд Пурз», страна по этим показателям занимает одно из первых мест в Африке, уровень риска для иностранных инвестиций здесь составил ВВВ².

Еще одним фактором, содействующим притоку иностранных инвестиций в Тунис, является высокая квалификация рабочей силы и конкурентоспособность тунисской экономики. На международном экономическом форуме в Давосе (2000 г.) отмечалось, что страна вышла на первое место в Африке по конкурентоспособности своей экономики³. Кроме того, Тунис имеет выгодное географическое положение, развитую инфраструктуру, либеральное инвестиционное и налоговое законодательство.

Наиболее активные внешнеэкономические связи Тунис поддерживает со странами Евросоюза. 17 июля 1995 г. было подписано соглашение об ассоциации с ЕС, которое предполагает большую степень либерализации торговли с Евросоюзом, вхождение в зону свободной торговли и в единый таможенный союз. По этому соглашению основная часть тунисской готовой продукции имеет свободный доступ на европейские рынки, кроме оливкового масла и ряда текстильной продукции, ввоз которых котируется. В свою очередь Тунис уже отменил таможенные тарифы на 12% своего импорта из Евросоюза, в 2001–2002 гг. намечал отменить их еще на 28%, включая сырьевые товары, в 2007 г. планируется полная отмена всех пошлин.

Страны ЕС являются главным торговым партнером Туниса. «Европейская доля» в его внешней торговле составляет более 75%⁴. На

Евросоюз приходится также основная часть иностранных капиталовложений (более 80% всех прямых инвестиций за последние 5 лет) и примерно 33% внешнего долга страны⁵. После встречи в Барселоне в 1995 г. активизировались связи Туниса и ЕС по линии Средиземноморского сообщества. К 2010 г. планируется создать зону свободной торговли по формуле 15 стран Евросоюза + 12 средиземноморских стран.

По имеющимся данным приток иностранных прямых и портфельных инвестиций вырос со 100 млн. долл. в 1990 г. до 800 млн. долл. в 2000 г.⁶ Но в 2001 г. их приток снизился и составил лишь 475 млн. долл. (главным образом из-за ухудшения основных экономических показателей и инвестиционной активности в США и Западной Европе после событий 11 сентября 2001 г.⁷). В 1999 г. Тунис также получил 762 млн. долл. в виде займов и кредитов от частных коммерческих банков, международных финансовых организаций и иностранных правительств, а также безвозмездной помощи, в 2000 г. – почти 660 млн. долл., на 2001 г. были заключены соглашения о кредитах и займах в размере 650 млн. долл.⁸ Доля иностранных инвестиций, включая займы и кредиты, в объеме вложенных в экономику Туниса средств составила 23% в 1999 г., 28,6% в 2000 г., доля прямых иностранных капиталовложений соответственно 7,8% и 15,6%⁹.

61% всех подписанных на 2000 г. финансовых соглашений – это займы и кредиты Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), МБРР, МВФ и других международных организаций. Остальные средства были предоставлены в рамках двусторонних соглашений. 37,3% всех предоставленных кредитов было направлено на развитие инфраструктуры, 29% – на сельское хозяйство, 15% – на поддержку частного сектора, 12% – на здравоохранение, образование и другие нужды¹⁰.

Значительный рост прямых иностранных инвестиций в 1998 г. объясняется приватизацией двух цементных заводов при участии португальских компаний, а также строительством электростанции в г.Радес с участием американских и японских капиталов.

Общий объем накопленных иностранных прямых инвестиций в Тунисе вырос с 7,0 млрд. долл. в 1990 г. до 12,2 млрд. долл. в 1998 г. и составил, по оценкам, от 14 до 14,7 млрд. долл. на конец 2000 г.¹¹ Для сравнения – общий объем иностранных капиталовложений в России достиг в начале 1998 г. 21,8 млрд. долл.¹²

В 1990–1997 гг. основная часть иностранного капитала направлялась в энергетический сектор тунисской экономики. В 1998–2000 гг. выросла доля иностранных ПИ в обрабатывающую промышленность с 15% до 36%¹³.

Преобладающей формой иностранных частных инвестиций остаются прямые капиталовложения. На них приходилось примерно 86% всего притока частных капиталов в 1995 г. и почти 94% в 2000 г. (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Динамика притока иностранных инвестиций
по отдельным отраслям экономики Туниса
(1990–2001 гг., в млн. долл.)**

	1990	1995	1997	1998	1999	2000	2001
1 Прямые инвестиции	77,5	305,1	402,9	690	364,3	750	475,0
Энергетика	53,0	245,4	271,3	183	162,5	228	
Обрабатывающая про- мышленность	–	24,2	85,7	22,3	165,0	222	171,2
Туризм	–	28,1	23,0	3,0	31,0	–	–
Другие отрасли	24,5	7,4	22,9	120,3	5,8	80	–
Приватизация	–	–	–	361,4	–	220	100,0
2 Портфельные инвестиции	22,2	48,3	129,4	81	62,0	50	11,0
Общий приток иностран- ных инвестиций	99,7	353,4	532,3	771,0	426,3	800	486,0

Рассчитано по: Informations économiques sur la Tunisie Ministère de la Cooperation Internationale et de l'Investissement Extérieur (МСПЕ) février 2001, 2002. Tunisia: a country that works. Ministry of International, Cooperation and Foreign Investment, FIPA Tunisia 1999, с. 42; Rapports de la Banque centrale de la Tunisie за 1997–2001 гг., Jeune Afrique l'intelligent № 2092, 13–19 février 2001, la Presse de Tunisie 28 mars 2001.

Большой интерес для иностранных инвесторов представляет текстильная промышленность Туниса. Из 2000 предприятий, насчитывающихся в этой отрасли, 700 полностью принадлежат иностранному капиталу и работают только на экспорт¹⁴. В 1997 г. Тунис вышел на 4-е место среди поставщиков текстиля и готовой одежды в страны Евросоюза, он также занимает 4-е место в мире по экспорту джинсовых изделий (после Китая, Турции, Индии). Однако в связи с предстоящим расширением ЕС за счет стран Центральной и Восточной Европы с достаточно развитой легкой промышленностью Тунис может столкнуться с рядом проблем в текстильной отрасли. Поэтому еще в 1999 г. с помощью швейцарской организации «Герзи» был разработан план развития этой отрасли, в рамках которого предусматривается инвестировать в ее развитие (модернизация, подготовка кадров) более 2 млрд. долл. в 1999–2006 гг., из них только 280 млн. за счет государства, остальные – за счет национальных и иностранных частных инвесторов¹⁵.

В краткосрочном и среднесрочном плане приток иностранного капитала в Тунис должен возрастать, учитывая недорогую, но квалифицированную рабочую силу, благоприятный инвестиционный климат. Однако в долгосрочной перспективе, по мнению тунисских экономистов,

эти преимущества потеряют свое значение и Тунису следует сделать упор на развитие новых технологий и отраслей с высокой производительностью труда. За последние 5 лет в новые коммуникационные и информационные технологии в Тунисе было вложено более 1 млрд. долл.¹⁶ Крупные иностранные компании содействовали расширению мобильной связи, Интернета, компьютеризации основных отраслей промышленности, с их помощью в столице был создан центр коммуникационных и информационных технологий. Иностранные инвесторы также принимают участие в программе модернизации тунисских предприятий, а именно в 74 проектах на общую сумму в 230 млн. долл.¹⁷

С целью привлечения иностранных инвестиций в 1996 г. в Тунисе были созданы 2 свободные экономические зоны – в городах Бизерта и Зарзис. В соответствии с тунисским законодательством компании, зарегистрированные в свободной зоне, освобождаются в течение 10 лет от уплаты налогов (за исключением местных платежей за пользование дорогами и дорожным транспортом и обязательных взносов социального страхования), по истечении 10 лет налоги взимаются в размере 50%. Полученные доходы также не подлежат налогообложению, если они реинвестируются для расширения деятельности предприятий, находящихся в свободной зоне.

Наиболее активно развивается свободная экономическая зона в Бизерте. На конец 2000 г. общий объем инвестиций в этой зоне составил, по оценкам, более 45 млн. долл., примерно 80% из них приходится на иностранные прямые инвестиции¹⁸. Экспорт компаний, зарегистрированных в свободной зоне Бизерты, оценивался на конец 1999 г. в 160 млн. долл. К 2002 г. общий объем инвестиций должен вырасти до 65 млн. долл., а экспорт предприятий, базирующихся здесь, принесет до 260 млн.долл.¹⁹ В настоящее время в свободной экономической зоне Бизерты зарегистрировано 36 предприятий, в основном это западноевропейские компании (французские, итальянские, немецкие, специализирующиеся на производстве электромеханических изделий, строительстве и ремонте яхт, сфере услуг)²⁰.

По имеющимся данным, почти 84% всех иностранных инвестиций в Тунисе приходится на западноевропейские страны. В 1997–2000 гг. они вложили в экономику Туниса более 2 млрд. долл.²¹

Из стран ЕС идет 28,3% инвестиций. На первом месте стоит Франция – 22,1% всех иностранных прямых капиталовложений. На второе место в 1997–2000 гг. вышла Португалия (соответственно 15,6% и 20%) благодаря участию в приватизации двух цементных заводов, затем идут Италия (13,6% и 17,4%), Германия (8,5% и 11%). США инвестировали в экономику Туниса за последние 4 года 127,5 млн. долл.

Таблица 2

**Приток иностранных инвестиций в экономику Туниса
за 1997–2000 гг.**

Страны	Приток инвестиций за 4 года (млн. долл.)
Франция	560,0
Португалия	395,6
Италия	345,0
Германия	216,0
Нидерланды	140,5
Испания	137,0
Швейцария	135,7
Бельгия	104,0
Великобритания	80,7
Арабские страны	232,0
США	127,5
Прочие	55,6
ИТОГО:	2529,6

Рассчитано по: см. источники табл. 1, La presse de Tunisia 28 mars 2001, Five major reasons to invest in Tunisia, Ministry of International Cooperation and Foreign Investment, FIPA, Tunisia 2001, с. 8, 16; Periodiques de Conjoncture de la Banque Centrale de la Tunisie, Bulletin of Ministry of International Cooperation and Foreign Investment, February, 2001, Realites № 2430 24–30 juin 1999, № 704 10–16 juin 1999, № 803 17–23 mai 2001; Jeune Afrique/l'intelligent № 2072 26 septembre – 02 octobre 2000, с. 86. Realites № 744 23–29 mars 2000.

На арабские страны в 1996–2000 г. приходилось в среднем 50–60 млн. долл. в год или примерно 6% от общего объема иностранных прямых капиталовложений с 1972 по 1999 гг. (800 млн. долл. на начало 1999 г.)²². Основные инвесторы – это Саудовская Аравия, Кувейт и Ливия. Они вкладывают деньги в основном в такие отрасли, как туризм, сельское хозяйство, финансы. Тунисское правительство планирует в ближайшие 5 лет довести долю арабских инвесторов в общем притоке иностранного капитала до 20%.

На конец 2001 г. в Тунисе было зарегистрировано 2318 предприятий с иностранным или смешанным капиталом. По имеющимся данным почти половина из них относится к фирмам со 100%-ным иностранным капиталом, работающим в оффшорном режиме и экспортирующим свою готовую продукцию в другие страны. 329 компаний – это совместные предприятия с преобладающим иностранным участием, 680 – сов-

местные фирмы, где иностранному капиталу принадлежит менее 49%²³.

Таблица 3

**Иностранные и смешанные компании
зарегистрированные в Тунисе на конец 2001 г.
(распределение по отраслям и количеству занятых)**

Отрасли	Число предприятий	Количество
I Обрабатывающая	1928	189046
Пищевая	94	7163
Одежда и текстиль	1114	114513
Обувь и изделия из кожи	151	14705
Электротехническая	161	28513
Механические изделия	145	7020
Стройматериалы	51	5652
Химическая	63	5782
Прочие	149	5698
II Сельское хозяйство	59	1455
Туризм	154	17282
Другие отрасли сферы услуг	120	1292
Энергетика	57	3250:
ИТОГО:	2318	212325

См.: Statistiques sur l'economie tunisienne MCIIE fevrier 2002.

Преобладающее число иностранных и смешанных компаний принадлежит западноевропейскому капиталу (86% или 1992 на конец 2001 г.)²⁴.

Почти 45% этих компаний – это французские фирмы, причем более 700 из них работают в оффшорном режиме. 78% французских компаний, действующих в Тунисе, имеют достаточно высокие прибыли, более 81% из них планируют реинвестировать свою прибыль в ближайшие 3 года²⁵. Итальянскому капиталу принадлежит полностью или частично 505 предприятий с общим числом занятых 35 тыс. человек, немецкому – 261, причем 160 из них было зарегистрировано после 1992 г.²⁶ В Тунисе успешно действуют такие крупные западноевропейские компании, как Алкател, Бенеттон, Бритиш Газ, Данон, Хенкель, Клариан, Хехст, Пирелли, Нестле, Сименс, Рон Пуленк, Томсон, Франс Телеком и др.

Кроме прямых инвестиций и займов, Евросоюз в рамках соглашения об ассоциации выделил Тунису в 1996–1999 гг. 428 млн. евро в виде безвозмездной помощи в рамках программы МЕДА 1 (из них 171 млн.

уже получен) и 393 млн. евро в виде займов ЕИБ. Таким образом, общий объем финансовой помощи ЕС Тунису составил за этот период 821,4 млн. евро²⁷. Однако по некоторым данным, средиземноморские страны получили только 26% всех средств, выделенных им Евросоюзом в рамках МЕДА в размере 475 млн. евро²⁸.

Финансовая помощь ЕС Тунису направлена на поддержку структурной перестройки экономики и проведение реформ. На эти цели предусмотрено выделить 180 млн. евро через 2 фонда – ФАС-1 и ФАС-2. Для программы «Евро-Тюниза антреприз» направлено 20 млн. евро, помимо этого существует еще несколько проектов по развитию частного сектора: поддержка занятости (9,5 млн. евро), повышение конкурентоспособности (10 млн. евро), содействие приватизации (10 млн. евро) и др. Предусмотрено выделить 50 млн. евро для программы регионального развития сельского хозяйства и управления национальными ресурсами. 393 млн. евро в виде займов ЕИБ предназначены для содействия развитию частного сектора, строительства небольших плотин и др.²⁹

Второй этап программы МЕДА (МЕДА II 2000–2006 гг.) предусматривает выделение помощи средиземноморским странам в размере 5350 млн. евро, из которых Тунис может получить 12–15%³⁰. С 1976 г. по 1996 г. Тунис получил от Евросоюза помощь в размере 742 млн. евро из 2615 млн., выделенных 3 странам Магриба (Алжир, Марокко, Тунис). Таким образом, общий объем средств, полученных Тунисом от Евросоюза с 1976 г. по 2000 г., составил 1,563 млрд. долл.³¹

Конструктивное сотрудничество между Тунисом и ЕС свидетельствует о взаимных интересах двух сторон. Соглашение об ассоциации предоставляет Тунису возможность привлечения западноевропейских инвестиций, активизации взаимной торговли, успешного проведения социально-экономических реформ и структурной перестройки экономики при поддержке ЕС с тем, чтобы увеличить конкурентоспособность тунисской продукции, а также адаптироваться к расширению Евросоюза за счет стран Центральной и Восточной Европы. Привлечение иностранных инвестиций остается приоритетным направлением экономической политики Туниса. За последние 5 лет наметились определенные сдвиги в диверсификации иностранных капиталовложений по отраслям в пользу обрабатывающей промышленности и сферы услуг. Однако амбициозные планы тунисского руководства достичь уровня притока иностранных прямых инвестиций в 1 млрд. долл. в 2001 г. не были реализованы из-за сложной мировой экономической конъюнктуры. Для дальнейшего привлечения иностранных капиталов Тунису необходимо стимулировать внедрение новых технологий, проводить активную компьютеризацию всех отраслей экономики. Такие преимущества, как низкие издержки производства, относительно дешевый, но квалифицированный труд, постепенно отходят на второй план.

¹ Informations économiques sur la Tunisie Ministère de la coopération Internationale et de l'investissement extérieur (МСПЕ) février 2001, Statistiques

sur l'economie Tunisienne Ministère de la coopération Internationale et de l'investissement extérieur (MCIIE) février 2002.

² 5 major reasons to invest in Tunisia. Ministry of International cooperation and foreign investment FIPA 2001, c. 12.

³ Ibid.

⁴ Подсчитано по: Statistiques sur l'economie tunisienne MCIIE février 2002. Cepex actualites 9 aout 2000.

⁵ Tunisia: a country that works Ministry of International cooperation and foreign investment FIPA 1999. Rapports de la Banque Centrale de la Tunisie за 1997–2001 гг.

⁶ Ibid.

⁷ La Presse de Tunisie 20 mars 2002. Cepex actualites за 2001. Periodique de conjoncture Banque Centrale de Tunisie decembre 2001, janvier-avril 2002.

⁸ Union Europeenne News magazine Tunisie janvier-fevrier, septembre-octobre 2001.

⁹ Подсчитано по: Informations économiques sur la Tunisie MCIIE février 2001.

¹⁰ Ibid and Realites № 848 28 mars – 3 april 2002.

¹¹ Informations économiques sur la Tunisie MCIIE février 2001, Tunisia: a country that works FIPA 1999, c. 42.

¹² МЭиМО 1999, № 1, c. 103.

¹³ Подсчитано по таблице 1.

¹⁴ Realites № 800 26 avril – 2 mai 2001.

¹⁵ Realites № 790 15–21 février 2001.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Union Europeenne News magazine Tunisia Janvier-fevrier 2001, Jeune afrique / l'intelligent № 2092 13–19 février 2001.

¹⁸ La Presse de Tunisie 1 avril 2002, Realites № 778 23–29 novembre 2000.

¹⁹ Realite's № 778 23–29 novembre 2000.

²⁰ Ibid and la Presse de Tunisie 10 novembre 1999.

²¹ Подсчитано по: Rapports de la Banque Centrale de Tunisie 1997–2000, la Presse de Tunisie 28 mars 2001, Realites № 803 17–23 mai 2001, Bulletins de l'Agence de la Promotion des investissements (API) 1998–2000.

²² Realites № 776 9–15 novembre 2000, la Presse de Tunisie 23 avril 2002.

²³ Statistiques sur l'economie tunisienne février 2002.

²⁴ Ibid.

²⁵ La Presse de Tunisie 28 mars 2001, Realites № 776 9–15 novembre 2000, la Presse de Tunisie 31 mars 1999.

²⁶ Statistiques sur l'economie tunisienne février 2002.

²⁷ Union Europeenne News Magazine Tunisia janvier-fevrier 2000, la Presse de Tunisie 18 avril 2001.

²⁸ Ibid.

²⁹ Le Temps 23 mai 2000.

³⁰ La Presse de Tunisie 18 avril 2001, la Presse de Tunisie 9 octobre 2000.

³¹ Ibid.

**БАХРЕЙН: ПУТЬ К ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ
И НАЦИОНАЛЬНОМУ ПРИМИРЕНИЮ**

В настоящее время страны Ближнего Востока переживают сложный период смены поколений в правящих элитах. На смену главам государств, находившимся на вершине власти несколько десятилетий, приходят новые лидеры, которые, хотя и не обладают опытом и авторитетом своих предшественников, но имеют решимость провести глубокие общественно-политические и социально-экономические реформы, не удавшиеся в предыдущий период. Среди стран, которые затронул этот процесс, следует выделить Бахрейн. Это островное государство сфокусировало в себе многие противоречия, характерные не только для Ближневосточного региона, но и в целом для исламского мира. Это и межконфессиональные трения, и социально-экономические неурядицы, и общественно-политический застой, и многое другое.

Нынешний правитель Бахрейна шейх Хамад бен Иса Аль Халифа пришел к власти 6 марта 1999 г. после кончины своего отца шейха Исы бен Сальмана Аль Халифа. В наследство новому главе государства досталась страна, раздираемая противоречиями, главное из которых заключалось в том, что правящая в ней династия придерживается суннитской ветви в исламе, в то время как большинство населения острова является шиитами. Это обстоятельство предопределило зависимость Бахрейна сразу от двух соседей по региону – Саудовской Аравии и Ирана, отношения между которыми можно охарактеризовать как соперничество за доминирование в зоне Персидского залива, где ситуация долгое время оставалась очень напряженной. В этих условиях вполне закономерным стало то, что взаимоотношения между правящим семейством Бахрейна и шиитской частью населения острова переросли в 1994–1999 гг. в открытое противостояние со всеми сопутствующими этому процессу последствиями, включая человеческие жертвы (по различным оценкам, их численность составила 38–42 человека), ограничение гражданских прав и свобод жителей-шиитов, усиление репрессивного государственного аппарата¹.

Со сменой власти на Бахрейне создалась благоприятная ситуация для поисков путей выхода из кризиса, который негативно влиял не только на внутривнутриполитическое и социально-экономическое положение в стране, но и крайне отрицательно отражался на международном имидже государства. Выбору в пользу мирного решения во-

проса способствовало и изменение ситуации в мире, в том числе в районе Персидского залива. Однако основу для урегулирования все-таки составила позиция эмира Бахрейна шейха Хамада, заключающаяся в стремлении достичь мира через либерализацию политической жизни в стране. В частности, уже в декабре 2000 г. шейх Хамад бен Иса Аль Халифа заявил, что он намерен восстановить демократически избираемый парламент².

Четкая практическая реализация этой позиции, ранее провозглашавшейся преимущественно в декларативной форме, проявилась в начале 2001 г. Уже 10 февраля 2001 г. эмир Бахрейна шейх Хамад нанес визит в деревню Ситра. Эта поездка стала знаменательным событием, так как на протяжении многих лет в силу проблем обеспечения безопасности эта деревня не включалась в список районов страны, которые были открыты для посещения главой государства. Западные дипломаты, наблюдавшие за развитием событий, назвали этот визит сигналом к прогрессу в деле урегулирования ситуации в стране. Такой прорыв оказался возможным благодаря тому, что эмир Бахрейна пошел навстречу требованию шиитских оппозиционных лидеров, освободил 400 политзаключенных и дал свое согласие на возвращение на родину 100 бахрейнцам, находившимся в изгнании³.

14 февраля 2001 г. прошел референдум в связи с принятием Хартии национального действия, которая документально зафиксировала намерение правящего в стране режима пойти на коренную реформу политического устройства страны и которую одобрило 98,4% населения острова. Примечательно, что в ее поддержку одновременно выступили как деятели шиитской оппозиции, так и суннитская элита, полагавшие, что реформа способна стать фундаментом преодоления межконфессионального конфликта и установления в стране атмосферы мира и спокойствия, необходимой для стабилизации положения на острове.

Важность Хартии национального действия, работа над которой завершилась 23 декабря 2000 г., заключается в том, что она должна стать основой для новой конституции, обновленной в процессе внесения поправок в старую. Так, в Хартии декларировалось, что конституция должна соответствовать требованиям современности в том, что касается разделения властей на исполнительную, законодательную и судебную. Каждая из этих ветвей власти должна быть самостоятельной и независимой.

Декларирование демократических норм развития общества и государства закреплялось в Хартии рядом положений, которые должны были быть внесены в действующую конституцию в виде поправок. В Хартии национального действия, в частности, были оговорены равные права всем подданным эмира Бахрейна. «Государство, – говорилось в Хартии, – должно гарантировать права всем гражданам без дискриминации, в рамках широкого и всеобъемлющего принципа – равенства человеческого достоинства для всех людей. Этот принцип был освящен исламом сорок веков назад. В своей последней

проповеди Пророк Мухаммад, да будет мир над Ним, сказал, что люди равны как зубья в гребенке, арабы не имеют превосходства над неарабами, а белый – над черным, кроме как по своему благочестию и благостному поступку.» Далее в Хартии записано: «Все граждане равны перед законом в правах и обязанностях. Не может быть дискриминации между ними на основе пола, национальности, языка, религии или убеждений».

Далее, касаясь прав личности, Хартия декларирует личную свободу, говоря, что «личные свободы гарантированы в соответствии с законом. Никто не может быть арестован, задержан, посажен в тюрьму, объявлен в розыск, заточен в одном месте, лишен свободы выбора места жительства или передвижений, кроме как в соответствии с законом и под надзором судебных властей». При этом следует отметить, что в области прав личности Бахрейн закреплял правовой стандарт, который гласит, что «обвиняемый человек является невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана справедливым судом». Одновременно с этим «он (обвиняемый) обладает правом воспользоваться защитой на всех этапах расследования и судебного разбирательства в соответствии с законом».

Хартия также оговаривает право личности на частную жизнь, защищая ее от государственного вмешательства в эту жизнь. В документе говорится, что «личная корреспонденция священна и тайна. Почтовые, телеграфные, телефонные и электронные сообщения неприкосновенны и не могут быть предметом перехвата или перлюстрации, за исключением особых случаев, предусмотренных законом, и под контролем судебных инстанций».

Основой всех этих преобразований должен был стать новый статус государственного устройства в форме конституционной монархии, который формально закреплялся Хартией национального действия. Предполагалось, что в течение двух лет в стране впервые за 27 лет пройдут выборы нижней палаты национального парламента, в которых смогут участвовать как мужчины, так и женщины, что само по себе являлось революционным шагом в политической жизни консервативных монархий Аравийского полуострова. В то же время полномочия будущего законодательного органа и его взаимоотношения с правящей семьей не были определены. Что касается предыдущего состава парламента, избранного 7 декабря 1973 г., то он был распущен спустя два года после его избрания, 26 августа 1975 г., указом прежнего эмира Бахрейна шейха Исы бен Сальмана Аль Халифа в ответ на отказ парламентариев утвердить жесткий закон о безопасности, предложенный главой государства.

Помимо этого, Хартия национального действия официально закрепила намерение властей Бахрейна амнистировать более 900 политзаключенных и лиц, оказавшихся в изгнании по политическим мотивам. Кроме того, эмир отменил Закон о государственной безопасности и упразднил Суд государственной безопасности, учрежденный в 1995 г.

в ответ на выступления мусульман-шиитов, требовавших проведения на острове кардинальных политических реформ⁴.

Дальнейшее развитие событий в этой стране вызвало удивление не только у иностранных наблюдателей, но даже у лидеров шиитской оппозиции, которые, хотя и верили в искренность побуждений нового правителя, но оказались неготовыми к его решительности. 5 февраля 2002 г. эмир Бахрейна шейх Хамад бен Иса Аль Халифа, выступая по случаю 34-й годовщины создания бахрейнской армии, заявил: «Мы полны решимости принять поправки к конституции, предложенные в Хартии и разработанные под нашим контролем специальным комитетом и экспертами-правоведами»⁵.

Спустя неделю после этого заявления и всего лишь через год после проведения референдума по осуществлению политических реформ в стране, 14 февраля 2002 г. эмир подписал закон о поправках к действовавшей конституции. Об этом было сообщено по бахрейнскому телевидению, которое транслировало церемонию празднования первой годовщины референдума, прошедшей во дворце Ар-Рафах в Манаме. После завершения празднования по телевидению прозвучал новый государственный гимн Королевства Бахрейн.

В соответствии с подписанным законом эмират был преобразован в конституционное королевство, а сам эмир Бахрейна провозглашался королем. Одновременно с этим было объявлено о роспуске Консультативного совета (Маджлис аш-шура). Во исполнение этого решения был отменен указ, изданный в 1992 г. тогдашним эмиром шейхом Исой бен Сальманом Аль Халифа, касавшийся создания Консультативного совета и измененный в 1996 г. Тем самым был расчищен путь к проведению выборов парламента, датой которых было назначено 24 октября 2002 г. Однако первым серьезным испытанием курса правящего режима стало решение о проведении муниципальных выборов на острове, назначенных на 9 мая 2002 г.⁶

Это решение было подкреплено законом о муниципальных выборах, оглашенным в феврале 2002 г. Примечательно, что первый закон о муниципальных советах был издан еще в 1920 г. Последний раз выборы муниципальных советов проводились в 1958 г., когда Бахрейн был британской подмандатной территорией, но они были распущены в 60-х годах XX в. В последующем члены муниципальных советов назначались властями страны. Согласно новому закону о выборах муниципальных советов, на территории Бахрейна были созданы пять избирательных округов (их границы совпадают с границами пяти провинций страны), каждый из которых в свою очередь состоял из десяти избирательных участков. Во главе каждого избирательного участка был назначен судья, что подчеркивало более высокий уровень правового обеспечения избирательного процесса. Общее число служащих, занятых в обеспечении проведения местных выборов и прошедших предварительную подготовку в ходе специальных семинаров, составило около 1,5 тыс. человек.

Новый закон предусмотрел создание пяти муниципальных советов. Таким образом, кандидаты, баллотировавшиеся по избирательным участкам в границах одного избирательного округа и выигравшие в них, должны были сформировать один муниципальный совет в составе десяти человек. В то же время важно отметить, что власти не готовы полностью доверить формирование этих выборных органов избирателям, заранее оговорив положение, в соответствии с которым главы муниципальных советов, становящиеся фактически одиннадцатым членом совета, назначаются решением правительства⁷.

В соответствии с положениями бахрейнского законодательства муниципальные советы наделяются полномочиями, которые, хотя и не дают им всей полноты власти, но предоставляют им право законодательной инициативы и выработки рекомендаций для правительства в социальной политике, образовании и здравоохранении. Как заявил исполнительный директор избирательной комиссии по проведению выборов в муниципальные советы шейх Ахмед бен Атиятулла Аль Халифа, среди главных задач, стоящих перед этими советами, будут следующие: инициирование новых проектов на местном уровне, например, развитие автодорог, автомобильных парковок и мощностей по добыче питьевой воды; рассмотрение отчетов по предложениям министерств или иных государственных институтов; строительство новых торговых центров, скотобоен, кладбищ и мусороохранилищ; выработка мер по улучшению общественного здравоохранения; подготовка законопроектов, регулирующих деятельность таких предприятий, как гостиницы, рестораны и кафетерии; защита окружающей среды от загрязнения; разбивка новых парков; создание новых жилых кварталов; рассмотрение жалоб населения; обсуждение муниципальных налогов и ежегодного бюджета⁸.

Закон о муниципальных выборах содержал ряд особенностей, важнейшими из которых, вероятно, являются две. Во-первых, бахрейнские женщины были уравнианы в правах с мужчинами, получив возможность не только избирать (этим правом бахрейнки впервые воспользовались на муниципальных выборах в 1951 г., когда в закон о муниципальных советах была внесена соответствующая поправка), но и быть избранными в ходе муниципальных выборов. Как заявил в феврале 2002 г. король Бахрейна шейх Хамад, он «разрешит женщинам стать кандидатами (в члены муниципальных советов) на выборах»⁹.

Во-вторых, закон гарантировал право на участие в выборах не только бахрейнцам, но и тем подданным государств-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), которые постоянно проживают на Бахрейне, а также эмигрантам, владеющим недвижимой собственностью и участками земли на острове. Таким образом, эти выборы в известной степени подтвердили тенденцию к усилению интеграционных процессов в рамках стран-участниц ССАГПЗ. Это обстоятельство было отмечено и в заявлении исполнительного директора Избиркома Бахрейна шейха Ахмеда бен

Атиятуллы Аль Халифа: «Предоставление подданным стран ССАГПЗ, постоянно проживающим на Бахрейне, права голоса является первым подобным опытом в регионе и проистекает из убежденности королевства в формировании единой общности в рамках ССАГПЗ. В свою очередь разрешение эмигрантам, владеющим недвижимостью, участвовать в голосовании подчеркивает решимость обеспечить высокий уровень комфорта и для местных подданных и для резидентов»¹⁰.

Во исполнение закона о выборах муниципальных советов была создана уже упоминавшаяся Избирательная комиссия по проведению выборов в муниципальные советы, которую возглавил шейх Ахмед бен Атиятулла Аль Халифа, занявший пост исполнительного директора Избиркома.

Подготовка к муниципальным выборам включала три этапа. Первый этап, начавшийся сразу после объявления об их проведении и завершившийся 9 марта 2002 г., заключался в составлении предварительных списков избирателей и их юридическом утверждении. Согласно действующему порядку, избирателями могли стать все бахрейнцы, родившиеся до 9 мая 1981 г., т.е. люди, достигшие к дате выборов 21-летнего возраста. Избиратели могли свободно подтвердить все свои данные на избирательных участках. По словам исполнительного директора Избиркома, этот этап подготовки выборов в муниципальные советы прошел без осложнений. Избирком не получил не одной жалобы, связанной с отказом в предоставлении права голоса.

Первый этап продемонстрировал, что курс на либерализацию на Бахрейне искусно сочетается с внедрением технологических решений в предвыборный процесс. Усилиями специалистов Избиркома была создана собственная веб-страница во «всемирной паутине» и открыта «горячая линия», чтобы облегчить избирателям прохождение всех процедур на избирательных участках. По данным Избиркома, 76% потенциальных избирателей предпочли воспользоваться возможностями Интернета для сверки своих данных и только 12% людей лично явились на избирательные участки. Как отметил исполнительный директор избирательной комиссии шейх Ахмед, «эти данные говорят о том, насколько глубоко укоренилась в жизнь бахрейнцев современная технология. Мы будем проводить еженедельные опросы на своей веб-странице, чтобы выяснить потребности людей и способы наилучшего решения их проблем. Веб-страница доступна для всех организаций, которые хотели бы получить информацию, связанную с выборами». Таким образом, можно отметить высокую степень открытости проводившихся выборов¹¹.

Всего, согласно заявлению исполнительного директора Избирательной комиссии по проведению выборов в муниципальные советы Бахрейна шейха Ахмеда бен Атиятуллы Аль Халифа, в списки избирателей были включены 237,5 тыс. лиц обоего пола – подданных Королевства Бахрейн и тех, кто проживает на его территории или обла-

дает недвижимостью на ней. Согласно некоторым сведениям, лишь 138,6 тыс. избирателей, внесенных в списки для голосования, являлись бахрейнцами¹².

Официально второй этап подготовки к выборам начался после окончательного утверждения избирательных списков и сводился к выдвижению кандидатов для участия в предвыборной гонке. Однако в действительности его реализация началась уже в феврале 2002 г., когда различные общественно-политические силы выступили с первыми заявлениями относительно своей готовности вступить в избирательную гонку или категорически отказаться от участия в будущих выборах.

Так, почти сразу после объявления сроков проведения муниципальных выборов ряд исламских оппозиционных групп страны призвал население бойкотировать их. Но исламская оппозиция на Бахрейне не была монолитна. Часть ее, выступив против механизма принятия решения о начале процесса либерализации страны и подготовленного комплекса мер по его реализации, выразила надежду на то, что существующие разногласия между нею и правящим режимом будут устранены мирными методами и в рамках закона. К концу февраля 2002 г. несколько небольших оппозиционных групп и политических партий, по-прежнему остающихся в стране под запретом, заявили о своей готовности к участию в предстоящих выборах. Одной из этих групп стал левый Прогрессивный демократический форум (ПДФ), объявивший о своем решении участвовать как в муниципальных, так и парламентских выборах. ПДФ призвал «все политические институты объединить усилия и согласовать формулу для эффективного участия в выборах и наиболее широкого народного представительства с тем, чтобы укрепить единство между всеми элементами общества». В этой связи бывший диссидент и видный оппозиционный шиитский деятель, проведенный 15 лет в изгнании в Лондоне Мансур аль-Джамри, старший сын известного 65-летнего лидера шиитской оппозиции на Бахрейне шейха Абд аль-Амира аль-Джамри, сказал: «Мы хотим войти в парламент. Мы хотим войти в муниципальные советы. Мы также хотим подкорректировать кое-что из того, что произошло 14 февраля этого года».

11 марта 2002 г. лагерь сторонников участия в муниципальных и парламентских выборах пополнился крупнейшей на Бахрейне исламской шиитской оппозиционной группой – Исламским обществом национального согласия (ИОНС) – выдвинувшей своих кандидатов для участия в муниципальных выборах. Само решение было принято накануне вечером «на внеочередном заседании общего собрания группы, на котором присутствовали более 800 человек». После острой дискуссии 83% членов ИОНС проголосовали за участие в выборах. Оставшиеся 17% участников встречи выступили против этого решения. Итог встречи резюмировал председатель Общества шейх Али Сальман, заявивший, что данное решение «приведет к неудаче

любую попытку породить кризис между правительством и оппозицией». Что касается участия в парламентских выборах, проведение которых запланировано на 24 октября 2002 г., то решение по этому вопросу ИОНС примет позже.

К середине марта 2002 г. о своем решении участвовать в муниципальных выборах заявили уже пять оппозиционных групп, включая вышеназванные. При этом они продемонстрировали стремление, пусть еще не вполне четко оформленное (в форме совместного заявления, опубликованного 13 марта 2002 г.), к координации своих действий в ходе подготовки к выборам и выдвижения своих кандидатов¹³. Таким образом, наиболее значимые силы оппозиции, представляющие как шиитскую, так и суннитскую общины страны, высказались в поддержку проводимых выборов. Это было подчеркнуто и в комментарии одного из ведущих обозревателей Бахрейна Савсан ас-Сахир, которая сказала, что «оппозиция сделала верный шаг, когда решила участвовать в программе реформ и предстоящих выборах, несмотря на ее несогласие с некоторыми поправками»¹⁴.

Выдвижение кандидатов для участия в споре за места в муниципальных советах Бахрейна шло достаточно интенсивно. В целом на момент проведения выборов листы кандидатов в члены муниципальных советов по 50 избирательным участкам включали 306 человек¹⁵.

Особо стоит отметить выдвижение кандидатов для участия в местных выборах со стороны различных женских организаций. Характерным в этой связи может служить эпизод с выдвижением активисткой женского движения страны Иман Хашим своей кандидатуры в 9-м избирательном участке в г. Хамад, расположенном к югу от столицы острова г. Манама. С заявлением о своем выдвижении она выступила вечером 20 марта 2002 г., отметив при этом, что целью этого ее шага является намерение усилить участие местных женщин в политической жизни страны. Иман Хашим, являющаяся активисткой Бахрейнского женского общества «Ан-Нахда», созданного в 1955 г., особо отметила, что она укрепилась в принятом решении после того, как ее окружение в обществе поддержало ее самовыдвижение. По мнению активисток, участие в местных выборах позволит национальному женскому движению накопить опыт предвыборной борьбы, который может пригодиться на будущих парламентских выборах. В то же время Иман Хашим заметила, что, помимо политических соображений, ее решение было продиктовано стремлением обеспечить лучшие условия жизни для населения острова¹⁶.

Уже в начале апреля 2002 г. обозреватели прогнозировали, что общее число женщин, которые включатся в избирательный процесс, может достичь 40 человек. В итоговом списке кандидатов, зарегистрировавшихся для участия в выборах, значилась 31 женщина¹⁷. Таким образом, следует признать, что муниципальные выборы на Бахрейне стали важным событием с точки зрения признания за женщинами

ми равных прав с мужчинами в монархиях Аравийского полуострова. Этот процесс усиливался, поскольку женщины – подданные аравийских монархий постепенно расширяют свои личные и гражданские права. Так, в Катаре и Омане они уже не только обладают правом голоса на выборах, но и могут выдвигать свои кандидатуры на них. Схожая ситуация сложилась и в Кувейте, где женщины уже занимают достаточно высокие посты в правительстве. В Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратах они активно вовлечены в крупный частный бизнес, приносящий многомиллионные доходы. Все эти факты свидетельствуют о том, что постепенно в аравийском обществе происходят изменения, подтверждающие его трансформацию в направлении более открытого сообщества, отвечающего требованиям современности¹⁸.

После утверждения списков кандидатов, решивших бороться за места в муниципальных советах, власти активизировали усилия по привлечению на избирательные участки как можно большего числа избирателей. В частности, исполнительный директор Избиркома шейх Ахмед бен Атиятулла Аль Халифа выступил с обращением, в котором призвал общественность активно участвовать в предстоящих выборах членов муниципальных советов. Он отметил, что соотечественники должны проявить ответственность, чтобы были избраны достойные кандидаты. На пресс-конференции 8 мая 2002 г. он констатировал, что «все готово для проведения муниципальных выборов на всех избирательных участках, а их персонал подготовлен к любой возможной неожиданности». Шейх Ахмед выразил надежду на то, что эти выборы будут «честными и прозрачными»¹⁹.

Особо следует выделить слова короля Бахрейна шейха Хамада бен Иса Аль Халифа, который в преддверии выборов заявил, что в случае пассивности избирателей и их неявки на избирательные участки они рискуют утратить это свое право. Призывая избирателей к активному участию в выборах, бахрейнский монарх заявил: «Каждый голос на этих выборах является шагом в направлении реализации народной воли... Я призываю вас реализовать ваше конституционное избирательное право в ходе муниципальных выборов, руководствуясь чувством свободы и ответственностью... Это право является обязанностью, которое вы должны осознать, так как демократия не в состоянии выжить без ее практического наполнения. Гражданское самосознание реализуется только через выполнение всех прав и обязанностей»²⁰.

Тем не менее уже в марте 2002 г. ход предвыборной кампании был осложнен сообщением о том, что власти Бахрейна заблокировали доступ к ряду интернет-сайтов, созданных оппозиционными силами, главным образом действующими за рубежом. Власти заявили, что эти сайты пропагандировали раскол и отличались агрессивным содержанием. Министр информации Бахрейна Набиль Якуб аль-Хамр указал на то, что заблокированы были три или четыре сайта. В то же время он отметил, что доступ к ним может быть восстановлен, если в

их содержание будут внесены необходимые изменения. «Мы приветствуем критику и открыты для нее, но мы не приемлем нападки или внесение раскола в общество», – заявил министр.

Источники в бахрейнской оппозиции подтвердили этот факт, заявив, что по меньшей мере четыре сайта были заблокированы, включая сайт расположенного в Лондоне Бахрейнского движения свободы, одним из основателей которого является шейх Абд аль-Амир аль-Джамри. Представитель шиитской оппозиции в интервью агентству новостей Reuters заявил, что этот шаг «наносит ущерб доброму имиджу Бахрейна». Он призвал министерство информации страны пересмотреть свое решение и восстановить доступ к этим сайтам.

Отвечая на эти доводы, Набиль Якуб аль-Хамр заявил, что «многие оппозиционные лидеры связались с министерством информации и обещали, что они будут соблюдать установленные правила»²¹.

Тем временем за несколько дней до проведения голосования в поддержку проведения муниципальных выборов в очередной раз публично высказался шейх Абд аль-Амир аль-Джамри. Он отметил, что, «несмотря на наши собственные замечания, мы полагаем, что необходимо продвигать вперед процесс реформ всеми доступными способами». При этом он заявил, что оппозиция будет внимательно следить за ходом этих выборов, делая для себя выводы в отношении предстоящих парламентских выборов²². Более того, различные женские ассоциации и организации, созданные еще в 50-е годы XX в., и многие недавно образованные политические общества также агитировали жителей острова, получивших право голоса, активно участвовать в выборах, голосуя за «достойных кандидатов»²³.

Наконец, третий этап – собственно голосование, которое и должно было выявить победителей почти трехмесячной предвыборной гонки. Он, как и было запланировано, начался 9 мая 2002 г. В этот день все избирательные участки были открыты с 8 до 18 часов. Для получения избирательных бюллетеней было необходимо предъявить паспорт или иной документ, подтверждающий личность пришедшего²⁴.

Накануне проведения выборов официальные источники прогнозировали высокую явку избирателей. В частности, исполнительный директор Избирательной комиссии по проведению выборов в муниципальные советы шейх Ахмед бен Атиятулла Аль Халифа высказывал предположение, что этот показатель составит примерно 70% общей численности лиц, получивших право голоса. Эти ожидания подтвердил еще один высокопоставленный бахрейнский чиновник, ответственный за освещение выборов в СМИ, Раид Шамс, заявивший 8 мая 2002 г., что «в большинстве стран явка избирателей в ходе местных выборов обычно колеблется в пределах 10–30%, но завтра мы ожидаем более 70%». Столь высокие ожидания он аргументировал тем, что с 1973 г. в стране не проводилось никаких выборов. Уже вечером в день голосования власти Бахрейна объявили, что к избиратель-

ным урнам пришло более половины зарегистрированных избирателей. По оценке оппозиционных сил, показатель явки на избирательные участки в этот день составил 51%. Несколько позже эти данные подтвердил и исполнительный директор Избиркома шейх Ахмед бен Атиятулла Аль Халифа (51,28%). В то же время этот показатель сильно разнился по отдельным избирательным участкам. Так, разброс в этом показателе, по заявлению шейха Ахмеда, сделанному на ночной пресс-конференции 9 мая 2002 г., достигал 40%: на одних участках проголосовали 80% зарегистрированных избирателей, а на других – менее 40%²⁵.

Еще накануне выборов 9 мая 2002 г. определились победители на двух избирательных участках, расположенных в Южной провинции. Это было обусловлено тем, что выборы в них проходили на безальтернативной основе. Имена остальных членов муниципальных советов определялись в остром соперничестве. Их имена стали известны к утру 10 мая, о чем объявил министр юстиции и по делам ислама шейх Абдулла бен Халид Аль Халифа. 28 кандидатов набрали больше 50% голосов избирателей, пришедших к избирательным урнам, и победили в избирательной гонке. Все они являются сторонниками консервативных взглядов и поддерживались различными исламскими обществами и организациями, суннитскими или шиитскими. По некоторым сведениям, в частности по заявлению доктора Абд аль-Джалиля Сингаса, секретаря Исламского общества национального согласия (ИОНС), 18 из 30 распределенных мест достались кандидатам, поддержанным этой шиитской организацией и баллотировавшимся преимущественно в столице и Северной провинции. По его словам, этот результат «вполне естествен для наших кандидатов, так как, по моему мнению, они очень близки людям в этих районах. Бесспорно, избиратели почувствовали, что наши кандидаты будут лучшими их представителями». Другие исламские организации также провели своих кандидатов в муниципальные советы. В частности, в Южной провинции два места в муниципалитете получили сторонники Общества исламского образования. Такой успех давал этим организациям и группам основания быть уверенными в успешном исходе второго круга выборов. Кроме того, несколько мест в муниципальных советах достались независимым кандидатам, которые также, и это естественно для стран Аравийского полуострова, активно использовали исламскую фразеологию²⁶.

Оставшиеся свободными 20 мест в муниципальных советах должны были распределиться по итогам второго круга выборов, который был назначен на 16 мая 2002 г. Их оспаривали 40 кандидатов (по два на каждом избирательном участке), набравших наибольшее среди претендентов число голосов 9 мая. Наибольшее число избирательных участков, включенных во второй круг голосования, было сконцентрировано в провинции Мухаррак – 9. Еще четыре избира-

тельных участка находились в Центральной провинции, по три – в столице и Южной провинции, один – в Северной провинции. Как и ожидалось, избиратели вновь проявили ответственность, придя на избирательные участки для участия во втором круге выборов. И на этот раз их явка превысила 50% от числа тех, кто имел право голоса. Как объявил исполнительный директор избирательной комиссии по проведению выборов в муниципальные советы шейх Ахмед бен Атиятулла Аль Халифа, общая численность избирателей, зарегистрированных по этим 20 избирательным участкам, превысила 90 тыс. человек. Как и в первом круге, места распределились между кандидатами, представлявшими суннитскую и шиитскую общины страны и поддержанными исламскими организациями и обществами. Этому способствовало, в том числе, и то, что исламские организации и группы, символизовавшие эти две соперничающие общины страны, провели активную пропаганду в поддержку своих кандидатов, убеждая единомышленников финансировать их предвыборную кампанию и устраивая массовые собрания как накануне первого круга голосования, так и в течение недели перед вторым кругом. При этом по традиции даже в день выборов кандидаты и поддерживавшие их сторонники устанавливали на улицах просторные палатки, накрывая в них столы с угощениями²⁷.

В целом оба круга муниципальных выборов прошли спокойно и без каких-либо сообщений о беспорядках или насильственных действиях. Исполнительный директор избирательной комиссии шейх Ахмед бен Атиятулла Аль Халифа заявил по окончании второго круга голосования, что выборы прошли так, как и ожидалось, и по их итогам почти не было жалоб. Он выразил свое удовлетворение не только результатами выборов, но и тем, как они были проведены. Вместе с тем 16 мая полиция и силы безопасности в часы работы избирательных участков установили на подходах к ним специальные ограждения. Эти превентивные меры были обусловлены несколькими жалобами, сделанными 9 мая 2002 г. и касавшимися попыток некоторых кандидатов оказать влияние на своих избирателей. В целом, как отметили местные и зарубежные обозреватели, сохранение спокойствия в ходе подготовки и проведения выборов может свидетельствовать о том, что властям удалось достичь главной цели – несколько сгладить противоречия между суннитской и шиитской общинами страны. Вероятно, это межконфессиональное согласие стало результатом того, что как правящий в стране режим, так и лидеры шиитской оппозиции в настоящее время в равной степени заинтересованы в сохранении мира на острове и в дальнейшем развитии процесса политических и социально-экономических реформ, заявленных в феврале 2002 г.²⁸

Итоги выборов пяти муниципальных советов (23 места достались представителям шиитской общины, остальные 27 – суннитам) стали основой для широкой дискуссии о ходе проведения избирательного процесса и перспективах развития страны, в которую включились

представители власти и оппозиции, независимые обозреватели. Уже 9 мая 2002 г. премьер-министр Бахрейна шейх Халифа бен Сальман Аль Халифа, выйдя с избирательного участка в Западном Рифаа, заявил: «Это исторический день для Бахрейна... на пути к лучшему демократическому обществу». Стоит заметить, что спустя несколько дней после завершения первого круга голосования, 12 мая 2002 г., на очередном заседании правительства, на котором председательствовал 32-летний наследный принц Бахрейна шейх Сальман бен Хамад Аль Халифа, было выражено удовлетворение от проведенного первого круга муниципальных выборов, которые «проходят в рамках национального процесса реформ, нацеленных на укрепление духа общественного участия (в решении стоящих перед страной проблем)». Наследный принц «обратился с поздравлениями победившим на выборах (кандидатам), пожелав им успеха в выполнении возложенных на них полномочий». Он отметил усилия, приложенные заинтересованными государственными структурами в деле организации муниципальных выборов, «выразив одновременно с этим высокую оценку той ответственности, которую проявили граждане, реализуя свое право и демонстрируя свою веру в демократию». Эти оценки были оглашены в заявлении, с которым выступил министр по делам кабинета Мухаммад аль-Мутава.

Официальную оценку проведенных муниципальных выборов можно подкрепить словами министра юстиции и по делам ислама шейха Абдуллы бен Халида Аль Халифа, который назвал избирательный процесс «свободным, справедливым и успешным»²⁹.

Запад с особым вниманием следил за развитием ситуации на Бахрейне, который считается одним из наиболее прозападных государств региона с точки зрения либеральных порядков, действующих на острове, по крайней мере, в столице Манаме. Здесь действуют ночные клубы и рестораны, где продают алкогольные напитки, отчетливо заметно проникновение западного образа жизни. Более того, Бахрейн является одним из ближайших союзников США. На острове базируются корабли 5-го американского флота. Однако события весны 2002 г., включая муниципальные выборы, показали, что за пределами Манамы сильны антизападные, прежде всего антиамериканские настроения. Этот факт подтверждается тем, что наибольшее число мест в муниципалитетах получили приверженцы консервативного исламского мировоззрения, которое рассматривается в качестве альтернативы принципам западного общества потребления. Консерватизм и религиозность – вот те две тенденции, которые наиболее ценятся избирателями на Бахрейне. Правда, некоторые аналитики и западные дипломаты утверждают, что такой итог их не удивил, прогнозируя дальнейшее усиление этих двух тенденций в бахрейнском обществе.

Выборы показали, что либералы и левые силы, позиции которых были сильны на острове в 70–80-е годы XX в., в значительной мере

утратили свое влияние. Консервативные исламские круги в стране усилили свое влияние в обществе за последнее десятилетие. В немалой степени этому способствовала созданная ими система благотворительной помощи и социальной поддержки населения, оказавшегося в тяжелом положении в годы политического и экономического кризиса. По оценкам ЦРУ на 2000 г., внешний долг Бахрейна составил 2,8 млрд. долл. Таким образом, либералы подтолкнули правящий режим и общество к реформам, но консервативные исламские элементы, как шиитские, так и суннитские, будучи лучше организованы, умело перехватили инициативу, взяв ее под свой контроль.

Известный бахрейнский аналитик Джасим Али прокомментировал успех исламских кандидатов на муниципальных выборах словами: «Религия все еще играет огромную роль в повседневной жизни многих бахрейнцев. Даже если они не придерживаются досконально предписаний ислама, многие из них считают религиозных людей более располагающими к доверию и более справедливыми».

Не скрывал своего разочарования и руководитель левого Прогрессивного демократического форума (ПДФ) Ахмед Давади, констатируя, что исламская тенденция по-прежнему сильна в стране и способна мобилизовать своих сторонников через мечети и религиозных деятелей. По его мнению, религия оказывает сильное влияние на бахрейнское общество, которое, несмотря на заметный прогресс, остается прочно связанным с прошлым.

Один из кандидатов в члены муниципального совета 34-летний Абд аль-Маджид Мухаммед, зарегистрированный на избирательном участке в Мухарраке, заметил по этому поводу: «Мы – мусульмане, и ислам, который учит нас быть добрыми по отношению друг к другу, является путем, ведущим нас вперед».

В дискуссии о роли ислама в бахрейнском обществе также вступили руководители различных исламских обществ, поддерживавших своих сторонников на муниципальных выборах. Секретарь ИОНС доктор Абд аль-Джалиль Сингас заявил в этой связи: «Бахрейн – мусульманская страна, и вполне естественно, что исламские представители выдвигаются на первый план». Председатель Исламского демократического общества арабского центра (ИДОАЦ), имеющего сторонников как в суннитской, так и в шиитской среде, Абдулла Ховайли назвал результаты муниципальных выборов «победой ислама и, если на то будет воля Аллаха, она повторится и на предстоящих (парламентских) выборах». По его мнению, «ислам – религия, которая управляет нашей жизнью, и нет ничего предосудительного в реализации его принципов в наших повседневных делах».

Со своими комментариями по поводу итогов прошедших выборов выступили и другие деятели оппозиции, прежде всего шиитской. Так, один из шиитских диссидентов Хасан Мушейма высказался в отношении муниципальных выборов следующим образом: «Это – первый

лучик света. Мы надеемся, что он приведет нас к более светлому будущему». Уже упоминавшийся шиитский религиозный и политический деятель Мансур аль-Джамри заявил в день голосования 9 мая 2002 г.: «Это (выборы) – отправная точка демократии». Продолжая свой комментарий, он отметил: «Это (реформы) не является очень большим подарком для народа Бахрейна, но это определенно означает лучшие условия по сравнению с предыдущим периодом деградации. У него спрашивают его мнение, и даже если это не искренне, все равно это – хорошая исходная позиция». Вместе с тем Мансур аль-Джамри отметил ряд «ошибок», которые были допущены при формировании избирательных участков, численность населения на территории которых была неодинаковой. Он назвал эту практику «алогичной и несправедливой», указав на то, что «правительство создало конфессиональные ограничения, преимущественно против шиитов».

Позицию Мансура аль-Джамри поддержал и небезызвестный активист шиитского движения на Бахрейне председатель ИОНС шейх Али Сальман: «Я нахожу несправедливым, что район с населением 14 тыс. человек пользуется тем же представительством, что и район с населением 200 человек». Касаясь вопроса о проведении выборов, он отметил: «Муниципальные выборы в действительности неэффективны, ограничены. Однако сам процесс является позитивным. Он нуждается в последующих демократических шагах». Продолжая разговор об итогах выборов, шейх подчеркнул, что левые силы могли бы получить несколько мест в муниципалитетах, если бы они пошли на создание коалиций. «В 70-е годы левые были хорошо организованы, опирались на мощную социальную базу, в то время как исламские группы были дезорганизованы. В настоящее время исламисты сделали крутой поворот, и их популярность в среде обычных бахрейнцев находится на подъеме», – сказал он. Объясняя успех возглавляемой им организации, шейх Сальман заявил, что его ИОНС, как и подобные ей группы, не нуждается в проверке. Баланс сил в стране стал ясен еще несколько лет назад, когда активистами ИОНС были заполнены все тюрьмы.

Лидер одной из наиболее либеральных организаций страны – Национального общества демократического действия (НОДД) – Абд ар-Рахман ан-Нуайми обратил внимание на то, что «уровень участия (избирателей) был выше, чем тот, которого ожидали многие политические группы». Вице-президент Общества гражданских прав на Бахрейне Сальман Камаль ад-Дин заявил, что выборы были «справедливыми и нейтральными».

Вместе с тем некоторые бывшие активисты шиитской оппозиции не были настроены столь критически к действиям властей, как некоторые действующие оппозиционеры. Так, Маджид аль-Алави, проведший в изгнании в Англии 20 лет, а ныне возглавляющий на родине независимый Центр исследований и разработок, призвал поддержать рефор-

маторское руководство Бахрейна, высоко оценивая подвижки в обществе и государстве. «Мы должны поддержать эти действия (реформы), прилагать усилия и советовать правительству, а не критиковать его ошибки. У нас много ран, оставшихся от прошлого, но мы должны переступить через них во благо Бахрейна», – сказал Маджид аль-Алави.

Свой комментарий по поводу исламского фактора на выборах дала и представительница Общества гражданских прав на Бахрейне Сабика ан-Наджар, отметившая: «Исламское движение очень сильно и хорошо организовано, что и сказалось на итогах выборов. В этом нет ничего странного, просто это, наконец, стало явным». В то же время она заметила: «Я против конфессиональной разобщенности. Религия связывает человека с богом, поэтому нельзя смешивать ее с выборами»³⁰.

Особо следует выделить проблему участия женщин в избирательном процессе. Особенностью прошедших муниципальных выборов стало активное вовлечение женщин и женских организаций в политическую жизнь, частью которой явилась борьба за места в муниципалитетах. В отличие от других монархий Аравийского полуострова на Бахрейне женщины не только получили право голоса и выдвижения себя в качестве претендентов на места в представительных органах власти, но им было разрешено лично являться на избирательные участки для осуществления своего волеизъявления. Правда, как и принято в мусульманских странах, с этой целью для избирательницы были организованы отдельные очереди на участках, чтобы исключить их контакты с посторонними мужчинами. Тем не менее даже это положение можно считать революционным, если учесть, что среди государств ССАГПЗ такая практика голосования существует, пожалуй, только в Катаре. Однако ни одна из бахрейнок, претендовавших на места в муниципалитетах, не добилась успеха и не прошла в состав этих представительных органов власти. Это тем более удивительно, учитывая тот факт, что более половины избирателей, реализовавших свое право голоса, составили женщины. Как отмечают обозреватели, в силу исламских традиций, отдающих преимущество мужчинам, большинство женщин предпочло отдать свои голоса кандидатам-мужчинам, которые, по их мнению, способны лучше женщин справиться с возлагаемыми обязанностями. Как выразился один местный аналитик, «женщины-избирательницы оказались на этих выборах противниками женщин-кандидаток. Они все еще полагают, что мужчины могут выполнить эту работу намного лучше женщин». Более того, ряд обозревателей указал на явление «антиженской предвыборной риторики», которую развернули религиозные группы и консервативные кандидаты-мужчины.

В этой связи заслуживают внимания слова министра информации королевства Набиля Якуба аль-Хамра, сказавшего, что он «лично очень опечален. Правительство и король также будут расстроены из-

за того, что женщины-кандидаты вели очень агрессивную избирательную кампанию». По его словам, он рассчитывал на то, что как минимум пять мест в муниципальных советах достанутся женщинам, так как «муниципальная работа больше затрагивает вопросы, волнующие женщин».

Комментируя провал женщин-кандидаток на муниципальных выборах, упоминавший шейх Ахмед бен Атиятулла Аль Халифа констатировал, что в первом круге голосования доля женщин на некоторых избирательных участках достигала 65% общей численности пришедших избирателей. Однако «несмотря на то, что на этих участках кандидатами были представлены женщины, многие из проголосовавших женщин предпочли выбрать кандидатов-мужчин», – сказал шейх Ахмед, добавив при этом, что «в настоящее время многие организации пытаются проанализировать, почему избиратели на Бахрейне проигнорировали кандидатов-женщин». Тем не менее исполнительный директор Избиркома подчеркнул, что «женщины оказались реальными победительницами на выборах», объяснив этот вывод тем, что они реализовали свое избирательное право и сделали еще один шаг в сторону демократии.

Лидер НОДД Абд ар-Рахман ан-Нуайми охарактеризовал поражение кандидатов из числа женщин на муниципальных выборах как «скандальное». Он заявил: «Я не могу понять, как наше общество обошло (вниманием) свою лучшую половину» на выборах. В свою очередь секретарь ИОНС Абд аль-Джалиль Сингас указал на возможную необходимость для Бахрейна определить некую квоту для женщин во всех представительных органах власти, заявив: «Это печально, теперь мы знаем о той консервативной социальной базе, которая все еще играет большую роль при определении настроений избирателей».

Что касается активисток женского совета Бахрейна, то их оценка итогов муниципальных выборов выглядит весьма пестрой. Так, представительница национального Общества гражданских прав на Бахрейне Сабика ан-Надджар, говоря о дарованном бахрейнкам праве голоса, признала: «Это великий первый шаг, настоящая победа женщин». В то же время она заявила: «Я не могу ждать следующего шага». Эти фразы свидетельствуют о том, что, с одной стороны, участие женщин в выборах является большим достижением, но, с другой, их результаты принесли им не меньшее разочарование.

«Социальные взаимоотношения определенным образом возобладали над женскими амбициями», – заявила Наджия аль-Маскати, являющаяся генеральным секретарем Ассоциации молодых женщин. Призвав женщин сохранять свои амбиции, она сказала: «Это (провал на выборах) не является концом дороги, но лишь первым актом действия». В этой связи глава Ассоциации отметила необходимость активизировать усилия в социальной и просветительской работе с избирателями в преддверии парламентских выборов. По ее мнению, следует

убедить их в важности представительства женщин в избираемом законодательном органе и структурах гражданского общества³¹.

Подводя итог, можно констатировать, что первые годы правления короля Бахрейна Хамада бен Исы Аль Халифа свидетельствуют о его решимости привести страну к более либеральной форме правления. Этот курс находит поддержку у населения острова, включая шиитскую оппозицию, совсем недавно считавшуюся смертельным врагом правящей семьи. И тем не менее пока еще рано заявлять о необратимости происходящих в стране перемен, которые нуждаются в закреплении. Залогом успешного решения стоящих перед страной проблем может стать конструктивный диалог между всеми политическими силами Бахрейна, осознающими свою историческую ответственность перед народом. Парламентские выборы, назначенные на 24 октября 2002 г., призваны подтвердить или опровергнуть реформаторский курс правящей династии и конструктивную позицию лидеров шиитской общины в диалоге с властями. Однако уже сегодня очевидно противоречие между консерватизмом избирателей и их стремлением к переменам, разрастание которого может дать самые неожиданные результаты уже в ближайшие годы.

¹ Radio Free Europe, May 13, 2002; Arabic News.com, March 5, 2002, May 1, 2002; Washington Post, February 15, 2001; CNN, May 10, 2002.

² BBC, March 18, 2002; Radio Free Europe, May 13, 2002.

³ Washington Post, February 15, 2001.

⁴ Washington Post, February 15, 2001; BBC, February 15, 2002, March 18, 2002; MIGnews.com, 14.02.2002 г.; Arabic News.com, February 15, 2002; Gulf News Online, September 04, 2002.

⁵ Arabic News.com, February 7, 2002.

⁶ KMNews.Ru, 14.02.2002 г.; Радиостанция «Эхо Москвы», 14.02.2002 г.; Arabic News.com, February 15, 18, 2002; Bahrain. The World Factbook. CIA, 2001; BBC, March 18, 2002.

⁷ Arabic News.com, March 21, 2002, April 2, 2002, May 9, 10, 2002; Gulf News Online, February 26, 2002, May 09, 2002; CNN, May 9, 2002; Gulf Daily News, Vol. XXV, № 058, May 17, 2002.

⁸ Аналитический канал «Восточная политика», 26.03.2002; CNN, May 18, 2002; Jordan Times, May 19, 2002; РИА «Новости», 10.04.02 г.; Radio Free Europe, May 13, 2002; BBC, March 18, 2002, May 9, 2002; CNN, May 9, 2002.

⁹ Arabic News.com, February 15, 2002, March 5, 2002, April 2, 2002; Radio Free Europe, 13 May 2002; BBC, March 26, 2002, 9 May, 2002; Gulf News Online, May 09, 2002.

¹⁰ Gulf News Online, March 10, 2002, May 09, 2002; Arabic News.com, February 15, 2002, May 9, 2002; Albawaba.com, May 10, 2002; CNN, May 10, 2002.

¹¹ Gulf News Online, March 10, 2002; Arabic News.com, May 9, 2002.

¹² Arabic News.com, March 5, 2002, May 9, 10, 2002; CNN, May 10, 2002; Gulf News Online, May 8, 9, 2002, August 14, 2002; Jordan Times, May 12, 2002.

¹³ Аналитический канал «Восточная политика», 26.03.2002; Gulf News Online, March 10, 2002; Albawaba.com, May 10, 2002; Gulf News Online, February 26, 2002, March 12, 2002, May 09, 2002; Jordan Times, May 17 – 18, 2002.

¹⁴ Gulf News Online, February 26, 2002; Jordan Times, May 19, 2002.

¹⁵ Albawaba.com, May 10, 2002; Arabic News.com, April 2, 2002, May 10, 2002; Gulf News Online, May 09, 2002.

¹⁶ Arabic News.com, March 21, 2002.

¹⁷ Arabic News.com, April 2, 2002, May 10, 2002; РИА «Новости», 10.04.2002; Gulf News Online, May 09, 2002; Jordan Times, May 12, 2002; Радиостанция «Эхо Москвы», 11.05.2002.

¹⁸ Arabic News.com, Gulf, May 8, 2002; The Associated Press, May 10, 2002; BBC, May 9, 2002; CNN, May 10, 2002; Albawaba.com, May 10, 2002.

¹⁹ Gulf News Online, February 26, 2002, May 9, 2002.

²⁰ BBC, May 9, 2002; Gulf News Online, May 8, 2002.

²¹ BBC, March 26, 2002.

²² Arabic News.com, May 1, 2002.

²³ Arabic News.com, April 2, 2002; BBC, May 9, 2002.

²⁴ Gulf News Online, March 10, 2002; Jordan Times, May 17–18, 2002; Gulf News Online, May 08, 2002.

²⁵ Albawaba.com, May 10, 2002; Radio Free Europe, May 13, 2002; BBC, May 9, 2002; CNN, May 11, 12, 2002; Gulf Daily News, Vol. XXV, № 056, May 15, 2002; Gulf News Online, May 8, 10, 11, 2002, August 14, 2002; Jordan Times, May 12, 2002.

²⁶ Albawaba.com, May 10, 2002; Arabic News.com, May 10, 2002; CNN, May 10, 11, 12, 2002; Jordan Times, May 12, 17- 18, 19, 2002; Gulf Daily News, Vol. XXV, №056, May 15, 2002; Gulf News Online, May 8, 9, 10, 11, 13, 18, 2002.

²⁷ Albawaba.com, May 10, 2002; Radio Free Europe, May 13, 2002; Arabic News.com, May 16, 17, 2002; Jordan Times, May 17 – 18, 19, 2002; CNN, May 11, 12, 18, 2002; Gulf Daily News, Vol. XXV, № 056, May 15, 2002; Gulf Daily News, Vol. XXV, № 058, May 17, 2002; Gulf News Online, May 8, 9, 10, 11, 13, 18, 2002.

²⁸ Arabic News.com, May 17, 2002; Radio Free Europe, May 13, 2002; CNN, May 18, 2002; Gulf News Online, May 10, 11, 2002; Jordan Times, May 19, 2002.

²⁹ Albawaba.com, May 10, 2002; CNN, May 18, 2002; Gulf News Online, May 8, 10, 13, 2002; Jordan Times, May 19, 2002.

³⁰ Jordan Times, May 12, 17 – 18, 19, 2002; CNN, May 9, 10, 12, 18, 2002; Bahrain. The World Factbook. CIA, 2001; Gulf News Online, May 10, 2002; Arabic News.com, May 18, 2002.

³¹ Albawaba.com, May 10, 2002; Radio Free Europe, May 13, 2002; The Associated Press, May 10, 2002; Jordan Times, May 12, 17 – 18, 19, 2002; CNN, May 10, 12, 18, 2002; Gulf Daily News, Vol. XXV, № 056, May 15, 2002; Gulf Daily News, Vol. XXV, № 058, May 17, 2002; Gulf News Online, May 11, 2002; Радиостанция «Эхо Москвы», 11.05.2002.

**РОЛЬ ИНДОНЕЗИИ В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ
ТЕРРОРИЗМОМ: УЧАСТНИК, ЗРИТЕЛЬ ИЛИ ЖЕРТВА?**

Сегодня, когда развернутая Соединенными Штатами и их союзниками антитеррористическая кампания превратилась фактически в системообразующий элемент международных отношений и восприятие ее различными государствами стало едва ли не главным критерием их внешнеполитической ориентации, особый интерес представляет реакция на события вокруг Афганистана со стороны Индонезии – крупнейшей мусульманской страны мира.

Индонезия, как и абсолютное большинство других членов мирового сообщества, решительно осудила террористические акты 11 сентября 2001 г. в США. Точка зрения официальной Джакарты была изложена в выступлении индонезийского министра иностранных дел Хасана Вираюды, охарактеризовавшего эти трагические события как «варварское и безрассудное нападение». При этом правительство страны заявило об осуждении терроризма во всех его проявлениях и готовности всемерно наращивать меры по борьбе с ним, в том числе путем расширения своего участия в соответствующих международных усилиях.

Эта позиция была подтверждена и в ходе официального визита президента Индонезии Мегавати Сукарнопутри в США, состоявшегося всего через неделю после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне. Переговоры Мегавати и Буша в столь драматичный момент развития международной обстановки имели огромное значение для обеих сторон. Роль Вашингтона в шкале индонезийских внешнеполитических приоритетов, весьма высокая и ранее, за последние несколько лет качественно выросла, прежде всего в силу переживаемых страной экономических трудностей и усиления ее зависимости от международных финансовых институтов. Однако и для Соединенных Штатов Индонезия в эти дни приобретала особую значимость: не случайно Мегавати стала первым лидером мусульманского государства, с которым американский президент встретился после трагедии 11 сентября. Солидарность в осуждении терроризма и готовность к сотрудничеству в борьбе с ним, изъятые даже в том сдержанном тоне, который был характерен для выступлений Мегавати, были по-настоящему высоко оценены американской администрацией. Вашингтонский саммит открыл для индонезийцев новые широкие возможности в сфере долгосрочных кредитов и военно-технического сотрудничества. Кро-

ме того, в ходе этой встречи со стороны президента Буша неоднократно звучали заверения в том, что США намерены бороться с терроризмом и экстремизмом, а отнюдь не с Исламом, который они «считают великой мировой религией, учащей добру и терпимости».

Вместе с тем индонезийское руководство, в полной мере осознавая важность поддержания дружественных отношений с Вашингтоном, отнюдь не собиралось декларировать априорную поддержку любому ответу Белого дома на вызов международного терроризма. Сразу же после того, как в октябре прошлого года антитеррористические действия американцев приобрели конкретные «силовые» очертания в форме военной кампании на территории Афганистана, Джакарта открыто объявила о своей озабоченности по поводу как международно-правового, так и гуманитарного аспекта этой акции.

По мнению индонезийцев, направленность и масштабы операции, развернутой против организации «Аль-Каида» и режима талибов, должны находиться в исключительной компетенции Совета Безопасности ООН и ни в коей мере не могут «корректироваться» в угоду национальным интересам какого-либо государства, пусть даже и понесшего тяжелый урон от действий террористов. Официальные представители индонезийской стороны неоднократно высказывались в пользу максимального ограничения этой операции – и по срокам, и по степени задействования военных средств – с тем, чтобы по возможности снизить количество жертв среди мирного афганского населения и уменьшить ущерб, наносимый и без того коллапсирующей экономике этой страны.

Более того, в Джакарте как на правительственном уровне, так и в экспертных кругах постоянно озвучивается мнение о том, что продолжение ударов по Афганистану не только создает угрозу миру и стабильности в глобальном измерении, но и ведет к повсеместному росту исламского радикализма. Индонезийцы рассматривают военную акцию американцев и их союзников как кратковременный паллиатив, подчеркивая, что эффективная борьба с международным терроризмом должна носить комплексный характер и быть направлена прежде всего на искоренение социально-экономических причин этого явления. В этой связи здесь обращают особое внимание на необходимость придания максимальной управляемости процессам глобализации, обеспечения равномерного распределения приносимых ими благ и издержек.

Все перечисленные соображения открыто излагаются индонезийскими руководителями в их международных контактах. Так, они были озвучены на саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) – важнейшего международного форума, объединяющего сегодня 21 государство АТР – в Шанхае в октябре 2001 года, совпавшего по времени с наиболее острой фазой антитеррористической кампании, в том числе и в ходе встречи Мегавати Сукарнопутри с президентом России В.В.Путинным.

Индонезийская реакция на события в Афганистане имела тем более заметный международный резонанс, что она не была следствием

каких-либо «специфических» пристрастий Джакарты на афганском направлении. Этим она отличалась от призывов к сдержанности, звучавших со стороны таких мусульманских государств, как Пакистан, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, и за которыми легко просматривались их давние проталибские симпатии. Руководство Индонезии не признавало власти Талибана, установленной в Кабуле в 1996 г., продолжая, как и большая часть мирового сообщества, поддерживать дипломатические отношения с правительством Рабани. При этом индонезийцы никогда не принадлежали к числу наиболее строгих критиков Мохаммада Омара, хотя такие действия талибов, как лишение женщин гражданских прав или уничтожение бамианских буддийских святынь вызывали с их стороны открытое осуждение.

Взвешенная и осторожная позиция Джакарты по афганской проблеме – с одной стороны, безусловное осуждение терроризма и экстремизма, с другой, – призыв к максимальному ограничению силовых действий, – объясняется, очевидно, отнюдь не одним лишь чувством гуманизма, несомненно, присущим индонезийскому руководству. Проявлять сдержанность на данном направлении Индонезию, конечно же, обязывает ее статус крупнейшей мусульманской страны, пользующейся традиционным авторитетом в исламском мире, в частности, в таком значимом международном форуме, как Организация Исламская конференция.

Однако при всей неоспоримой значимости поддержания позитивного реноме в международном мусульманском сообществе важнейшим фактором, определяющим подход индонезийских властей к афганской и смежной с ней антитеррористической проблематике стали соображения внутривнутриполитического характера, а именно – особенности той роли, которую ислам играет в жизни современной Индонезии.

При том что мусульманами считают себя более 87% граждан двухсотсорок миллионной Индонезии, исторически ислам занимает в индонезийском обществе место, отличное от «классической схемы», традиционной, в частности, для мусульманских наций на Ближнем Востоке, где он является основным источником права, играет роль доминанты в этике и морали. На протяжении столетий влияние ислама в Индонезии ограничивалось преимущественно духовной сферой. На восприятии мусульманской религии основной массой населения заметно сказалось ее длительное неконфронтационное сосуществование с традиционными местными верованиями.

С момента обретения Индонезией независимости она является сугубо светским государством. Первым принципом государственной идеологии «Панчасила», закрепленной в индонезийской конституции, провозглашается «вера в единого бога», всегда трактовавшаяся как отказ от предоставления какой-либо религии эксклюзивного статуса.

Однако после отставки в 1998 г. президента Сухарто, который за тридцать два года своего руководства страной сделал немало для «консервации» ислама вне пределов государственной политики, сторонники

исламских ценностей получили значительно большую возможность для выражения своих взглядов и интересов. Резкое усиление «исламского фактора» в Индонезии в «постсухартовский» период стало, очевидно, результатом не только общественно-политической либерализации и банкротства старой идеологической догматики вкупе с общим ослаблением государственной власти и утратой ею прежней способности эффективно воздействовать на широкие массы населения, но и в значительной степени – острейшего социально-экономического кризиса.

В последние несколько лет в стране были созданы десятки партий и общественных организаций мусульманского толка, некоторые из которых открыто выступают за построение в Индонезии мусульманского государства. Противостояние светских и происламских сил стало в этот период, по существу, стержнем политического развития страны. Мегавати Сукарнопутри, дочери первого индонезийского президента Сукарно, считающейся неформальным лидером первого из этих «лагерей», удалось занять кресло главы государства в 2001 г., преодолев длительное и упорное сопротивление происламистов, сомневавшихся в ее религиозных чувствах и в принципе отвергавших женщину-руководителя. Добиться этого стало возможным за счет серьезного компромисса – вице-президентский пост был отдан Хамзе Хазу, возглавлявшему промусульманскую Партию единства и развития. И в состав правительства были включены представители и других партий исламской ориентации. В этой связи поддержка взаимопонимания со сторонниками мусульманской ориентации становится сегодня важнейшим залогом жизнеспособности кабинета Мегавати.

Наиболее заметным проявлением «исламизации» Индонезии стала, к сожалению, череда вооруженных конфликтов в различных регионах страны, которые, имея под собой вполне определенную социально-экономическую и политическую подоплеку, приобрели ярко выраженный этноконфессиональный характер. Столкновения между мусульманами и христианами на Молуккском архипелаге и на острове Сулавеси, где к этим конфессиям принадлежат примерно равные доли населения, переросли в настоящие локальные войны, унесшие за последние три года не менее семи тысяч жизней.

Эти конфликты послужили дополнительным «катализатором» межконфессиональной розни и исламского экстремизма во всей стране. Активизировавшие свою деятельность радикальные исламистские группировки, численность которых в этот период резко возросла, уже не ограничивались нагнетанием пропагандистской истерии на темы «христианской агрессии» и «антимусульманской политики правительства», а приступили к практической реализации планов джихада против неверных. Одна только организация «Ласкар Джихад», созданная в 1998 г., направила на Молукки более четырех тысяч вооруженных боевиков, которые приняли самое активное участие в конфликте. При этом они стремительно наращивали взаимодействие с международными фундамента-

листскими кругами. Так, лидер «Ласкар Джихад» Д.У.Толиб публично подтверждал не только получение «значительной финансовой и технической» помощи из Саудовской Аравии, Йемена и других стран, но и прохождение его боевиками военной подготовки за рубежом и их участие в вооруженных конфликтах за пределами Индонезии. По словам же руководителя другой фундаменталистской организации – «Даруль Ислам» – А.Чаидара, на Сулавеси уже четырежды бывали «делегации» представителей «Аль-Каиды», прорабатывавшие возможности более активного снабжения своих индонезийских единоверцев деньгами и оружием.

Не менее развитые международные связи тянутся и к «старой горячей точке» Индонезии – конфликту в особом административном округе Аче, расположенном на северной оконечности Суматры. В этом районе, жители которого считаются наиболее ревностными мусульманами Индонезии, уже три десятилетия действует «Движение за свободный Аче» (ДСА), руководители которого пребывают в основном в различных европейских странах, а «рядовой и офицерский состав» совершенствует свою боевую выучку в некоторых государствах Ближнего и Среднего Востока. Примечательно, что нынешняя актуализация проблемы исламского экстремизма в глобальном масштабе совпала по времени с весьма острой фазой ачехского конфликта. Предпринимавшиеся Джакартой в последние годы инициативы по поиску компромисса с сепаратистами (в 1999 г. правительство приступило к реализации плана широкой экономической, социальной, культурной и правовой автономии для этого региона, в 2000 г. – под эгидой ООН начаты переговоры с руководством ДСА) не находят должного отклика со стороны последних. Воспользовавшись отказом властей от силовых методов урегулирования, боевики развязали на территории округа кампанию террора, в результате чего значительная часть местного населения была вынуждена покинуть эту территорию, и во многих районах Аче оказалась парализована деятельность не только органов государственной власти, но и школ, больниц, промышленных предприятий. Лидер ДСА Хасан Тиро, постоянно проживающий в Швеции, продолжает настаивать на создании на севере Суматры независимого исламского султаната.

Особое место среди «внешнеполитических приоритетов» индонезийских мусульманских экстремистов изначально занимал Афганистан. Например, сам Д.Толиб, прошедший в начале восьмидесятых годов военную подготовку в Пакистане, в течение нескольких лет воевал в рядах афганских моджахедов. Общая же численность индонезийцев, сражавшихся в последнее десятилетие на афганской земле за идеи исламской солидарности или просто за получение свободно конвертируемой валюты, едва ли может быть оценена со сколь-либо высокой степенью достоверности. Попавшая в начале этого года на страницы российских информационных сайтов цифра в 30 тыс., разумеется, не оставляет сомнений в своей абсурдности. Данные же о трех сотнях индонезийских добровольцев, пополнивших ряды талибов, приво-

дившиеся в ноябре 2001 г. джакартскими СМИ, выглядят вполне реалистичными. В соответствии с ними не менее половины моджахедов-индонезийцев попало в окружение войск Северного альянса после взятия ими Кабула, и лишь нескольким десяткам удалось пробиться к пакистанской границе. Впрочем, и эта информация пока не получила каких-либо документальных подтверждений.

В свете всех перечисленных обстоятельств шумная антиамериканская кампания, развернутая в Индонезии исламскими радикалами сразу же после объявления Вашингтоном планов по борьбе с «Аль-Каидой» и Талибаном, ни для кого не стала неожиданностью. Уже в сентябре прошлого года в столице и ряде городов страны шла запись добровольцев для помощи Афганистану (в одной только Джакарте в «добровольческий корпус» записалось две тысячи человек, включая несколько десятков женщин), организовывались весьма агрессивные демонстрации у стен посольства и консульств США, раздавались угрозы приступить к изгнанию американских граждан и уничтожению их собственности в Индонезии. Злоба против Запада и всего христианского мира изливалась и на индонезийских «кафирах»: устроенное боевиками нескольких исламистских группировок избиение христиан на улицах сулавесийского города Макаassar в первые же дни бомбардировок Афганистана было публично объявлено ими «местью за афганских братьев».

В этих условиях правительство Мегавати вынуждено было предпринимать активные контрмеры – не только ради сохранения дружественных отношений с Соединенными Штатами, но и в интересах защиты стабильности и правопорядка внутри страны. Достаточно жесткие действия силовых структур позволили в значительной степени «купировать» активные проявления проталибских симпатий и антиамериканских страстей – даже Толиб публично дезавуировал информацию об афганских связях «Ласкар Джихад», заявив, что его группировка «неся ответственность за защиту мусульман в Индонезии, действует именно на ее территории».

Однако восприятие афганских событий в широких кругах общественности остается по-прежнему достаточно негативным. При том что абсолютное большинство индонезийских мусульман не приемлет экстремистских взглядов и безусловно осуждает терроризм, их сочувствие к единоверцам – мирным афганским гражданам, гибнущим под ракетно-бомбовыми ударами, представляется вполне естественным.

Сентябрьская драма в США и последовавшая за нею военная акция в Афганистане резко актуализировали для Индонезии проблему терроризма, выявив не слишком высокую степень готовности властей и спецслужб страны к противостоянию этому злу. В 1999–2001 гг. в стране, привыкшей за три десятилетия президентства Сухарто к почти безупречной общественно-политической стабильности, произошла серия террористических актов, в большинстве из которых были обвинены мусульманские радикалы. Однако после 11 сентября угроза

воинствующего терроризма не только существенно возросла по масштабу, но и приобрела явный международный контекст. Правительству пришлось спешно реагировать на обвинения в связях индонезийских исламистов с «Аль-Каидой» и талибами. В конце сентября 2001 года по лентам мировых информационных агентств прошли сообщения о проведении на индонезийском острове Батам некоего съезда лидеров международных террористических и фундаменталистских организаций и даже о бегстве на территорию этой страны самого Усамы бен Ладена.

Заявления об особой роли Индонезии в распространении исламского экстремизма в АТР звучали не только со стороны Запада, но и от соседей по региону. Так, патриарх сингапурской политики «старший министр» Ли Куан Ю совсем недавно назвал ее «главным оплотом «Аль-Каиды» в Юго-Восточной Азии».

Трудность положения индонезийского руководства заключалась в том, что большинство из этих обвинений при всей своей натянутости все же имело под собой реальную почву. Активные контакты индонезийских исламских боевиков с их арабскими и афганскими «братьями по оружию» подтверждали официальные представители МИД и силовых ведомств страны. Сразу же после распространения информации о «Багамском террористическом саммите» командованием национальной полиции было сформировано специальное подразделение для поиска на территории страны следов Усамы бен Ладена или его ближайших соратников. Огромный международный резонанс имело сделанное 12 декабря 2001 года начальником Государственного разведывательного комитета Индонезии (БАКИН) А.М.Хендроприйоно заявление об обнаруженных на Центральном Сулавеси, в нескольких километрах от городка Посо, крупных тренировочных лагерей, использовавшихся для подготовки зарубежных террористов. Подозрения в использовании этих лагерей именно сторонниками Талибана, не подтвердившиеся Хендроприйоно официально, но и не опровергнутые им, усиливало то обстоятельство, что буквально накануне на Центральном Сулавеси было арестовано двое граждан Афганистана и двое пакистанцев, якобы прибывших в Индонезию «с гуманитарными целями», однако не имевших ни соответствующих документов, ни даже действительных въездных виз.

Вообще в свете событий последних месяцев проблема афганских иммигрантов приобрела для Джакарты новое, весьма тревожное звучание. Проблема эта стояла достаточно остро еще до начала антитеррористической кампании: беженцы из этой несчастной страны уже в течение нескольких лет пользуются индонезийской территорией как «перевалочной базой» для переезда в Австралию. Незадолго до трагедии в Нью-Йорке и Вашингтоне, в августе 2001 г., мир наблюдал драматическую эпопею, разыгравшуюся в Индийском Океане к югу от Явы, когда 430 афганцев, спасенных норвежским контейнеровозом

«Тампа» после крушения деревянной баржи, на которой они пытались добраться к австралийскому берегу, наотрез отказались принимать и Канберра, и Джакарта. Критический характер ситуации заставил тогда талибское руководство пойти на совершенно нетипичный для него шаг – обратиться к австралийскому правительству с просьбой о предоставлении беженцам убежища, которая, впрочем, не возымела никакого действия. В тот раз драма разрешилась благополучно, после того как большую часть беженцев согласились приютить тихоокеанские соседи Австралии – Новая Зеландия и Науру, проявившее великодушие, обратно пропорциональное своей крошечной территории.

Однако после того, как к бедствиям афганского народа прибавились удары «Томагавков», поток беженцев, следовавших через территорию Индонезии, вырос на порядок. И, к сожалению, не каждую из морских драм ждала благополучная развязка: в конце октября 2001 г. индонезийские рыбаки успели спасти только 40 из 400 беженцев, отправившихся на утлом баркасе от берега Южной Суматры к австралийскому острову Рождества. Через несколько дней еще 170 иммигрантов-нелегалов, также в основном афганцев, устремляясь в такое же путешествие, захватили и сразу же посадили на мель рыболовецкую шхуну у индонезийского острова Сумбава, а такое же количество их товарищей по несчастью заняли здание постоянного представительства ООН в Джакарте, требуя отправки в Австралию. Индонезийские власти, разумеется, обеспокоены не только сохранностью своего рыболовного флота и спокойствием иностранных дипломатических миссий, но и вполне реальной возможностью проникновения на территорию страны под видом беженцев афганских моджахедов, закаленных в многолетних военных действиях. В настоящее время в различных районах страны, по неофициальным данным, без какой-либо регистрации пребывает не менее полутора тысяч афганских граждан, и их число, несмотря на предпринимаемые иммиграционными службами рестриктивные меры, продолжает расти за счет новых партий афганских беженцев, прибывающих в основном из соседней Малайзии.

Правительство Мегавати в спешном порядке разрабатывает меры по повышению эффективности индонезийских спецслужб в борьбе с терроризмом и, что представляется на нынешнем этапе не менее важным, – по совершенствованию национальной правовой базы противодействия этому злу. С резким осуждением терроризма, экстремизма и, в частности, нагнетания антиамериканской истерии постоянно выступают не только политики светской ориентации, но и представители мусульманских сил, в том числе уже упоминавшийся вице-президент Хамза Хаз, а также лидеры крупнейших исламских общественных организаций – сорокамиллионной «Нахдатул Улама» и тридцатимиллионной «Мухаммадия».

Особое внимание уделяется мерам по пресечению финансовой подпитки терроризма, особенно актуальных с учетом того, что даже

после тяжелейшего экономического кризиса 1997–98 гг. частный сектор банковской системы Индонезии остается весьма разветвленным. В конце декабря 2001 г. министр иностранных дел Хасан Вираюда официально заявил об отсутствии в банках страны счетов организаций и лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности, соответствующий список которых был ранее направлен индонезийскому руководству Контртеррористическим комитетом ООН.

Расширяется международное сотрудничество Джакарты на анти-террористическом направлении. Особая значимость здесь придается контактам с Соединенными Штатами, Японией и традиционными региональными партнерами – странами АСЕАН, в рамках которой тема борьбы с терроризмом в последние месяцы стала одной из ключевых. Среди партнеров важнейшее место занимают Малайзия и Филиппины, также ведущие активную борьбу с исламским экстремизмом и терроризмом. Помимо общеазиатских мероприятий, они в настоящее время разрабатывают в трехстороннем формате различные программы противодействия терроризму, приобретающие особую международную значимость в силу того, что и «Абу Саяф», и малайзийские подпольные исламистские группировки подозреваются в широких транснациональных связях в неменьшей степени, чем их индонезийские «коллеги». Более того, индонезийские, малайзийские и филиппинские террористы в последнее время все чаще выступают «единым фронтом», в частности, в составе подпольной организации «Джемма Исламия», ячейки которой были недавно обнаружены на территории всех трех стран.

Что же касается взаимодействия в этой сфере с Вашингтоном, то его перспективы в самой значительной степени зависят от видения самими Соединенными Штатами дальнейшей схемы применения силовых антитеррористических акций, в частности, планов по расширению их географических рамок. И в данном случае беспокойство индонезийцев вызывают уже не только проблемы глобальной стратегической стабильности и международной мусульманской солидарности, но и, не в последнюю очередь, судьба собственной страны. Основания для этого нельзя назвать надуманными: Индонезия – пусть и не так часто, как некоторые другие страны, в частности, Ирак, Сомали и Йемен, – но все же время от времени фигурировала в заявлениях официальных американских представителей как территория, на которой Белый дом, возможно, продолжит преследование «Аль-Каиды» и ее союзников (такая идея была, в частности, открыто высказана в январе 2002 года первым заместителем министра обороны США П.Вулфовицем). После же того, как несколько сотен американских военнослужащих приступили к борьбе с терроризмом на юге Филиппин, перспектива подобно-го развития событий стала казаться тем более реальной.

Однако возможность применения американцами по отношению к Индонезии «филиппинской схемы» представляется все же сомни-

тельной. Такая мера была бы трудно реализуемой прежде всего с юридической точки зрения. С одной стороны, учитывая внутривнутриполитические реалии страны, едва ли можно представить, чтобы индонезийское правительство обратилось с соответствующим «приглашением» к Пентагону, как то сделали власти Филиппин. С другой стороны, в самих Соединенных Штатах идея участия американского военного контингента в каких-либо совместных действиях с индонезийскими военными неизбежно «упрется» в Конгрессе в небезызвестную поправку Лихи, запретившую в 1999 г. все виды военного и военнотехнического сотрудничества с Джакартой после того, как вооруженные силы Индонезии были обвинены в массовых нарушениях прав человека на Восточном Тиморе. Впрочем, даже в случае выполнения всех необходимых законодательных формальностей практическая целесообразность миссии «зеленых беретов» на индонезийской территории оставалась бы весьма спорной: в Индонезии в отличие от Филиппин террористы не локализованы в каком-то определенном ареале, а по существу, «растворены» среди населения, что делает применение против них войсковых операций в лучшем случае бессмысленным, а в худшем – чреватым широкомасштабной партизанской войной.

Всего этого, очевидно, не могут не понимать вашингтонские стратеги антитеррористической борьбы, в частности, тот же Вулфовиц, занимавший в конце восьмидесятых годов пост посла США в Индонезии и считающийся в среде американского политического истеблишмента одним из лучших знатоков этой страны. Не случайно, в последние месяцы высказываемые американскими должностными лицами суждения о роли и месте Индонезии в борьбе с международным терроризмом стали более сдержанными и вместе с тем более содержательными. Не отказываясь от критических замечаний по поводу действий официальной Джакарты в этой сфере, в частности, на внутривнутриполитическом направлении, которые кажутся им недостаточно решительными и оперативными, американцы говорят о конкретных формах сотрудничества, приемлемых на сегодняшний день для обеих сторон, в частности, о возможностях налаживания взаимодействия между правоохранительными органами двух стран. К первым практическим шагам в этой области можно отнести недавний визит в Джакарту шефа ФБР Р.Миллера.

В целом сегодня едва ли есть какие-то основания для сомнений в том, что индонезийское руководство настроено на полноценное подключение к международным антитеррористическим усилиям. В этой сфере им уже были продемонстрированы не только добрая воля и решимость, но и немалые практические возможности.

Однако не следует забывать, что действия официальной Джакарты на этом направлении будут в самой высокой степени опосредоваться мотивами внутривнутриполитического характера. Каждый выпад против исламских экстремистов на международной арене, а тем бо-

лее – у себя в стране индонезийскому руководству приходится со-размерять с неизбежной реакцией на них со стороны мусульманской общественности. Так, правительству уже пришлось спешно «отыграть назад» в вопросе об участии индонезийского контингента в составе миротворческих сил в Афганистане после того, как соответствующее заявление МИД вызвало настоящий всплеск негодования у десятков мусульманских партий и организаций. Данное же в октябре 2001 г. разрешение на использование Соединенными Штатами воздушного и морского пространства Индонезии для подготовки и проведения анти-террористической операции Хасан Вираюда сразу поспешил сопроводить множеством оговорок об «ограниченных участках» и «соразмерении всех действий с реалиями внутривнутриполитической обстановки». Весьма показательным в этом плане представляется и то обстоятельство, что накал антиамериканских и «проталибских» выступлений стал ослабевать только в декабре 2001 г., когда кабинет Мегавати заметно усилив критичность своей позиции в отношении военной кампании, проводимой США в Афганистане, фактически перехватил инициативу у радикалов.

Положение индонезийского руководства выглядит сейчас особенно сложным в свете уже, по существу, начинающейся подготовки к парламентским выборам 2004 г., в ходе которых противостояние светских и промусульманских партий, сегодня относительно «сглаженное» благодаря коалиционному характеру нынешнего кабинета, несомненно, разгорится с новой силой. Заинтересованности в поддержке мусульманского электората не скрывает ни одна из основных политических сил и в первую очередь команда самой Мегавати, которой с таким трудом удалось преодолеть – и то не до конца – отторжение со стороны исламских ортодоксов. В этой связи, кстати, можно с уверенностью утверждать, что многие из недавних антиамериканских выступлений и других протестных акций инспирировались политическими противниками Мегавати, стремящимися дискредитировать возглавляемое ею правительство.

В этих условиях президенту, да и другим ключевым фигурам индонезийского политического истеблишмента приходится проявлять исключительную осторожность и осмотрительность во всех вопросах, касающихся борьбы с терроризмом, исламским экстремизмом и, в частности, афганского урегулирования. Скорее всего, для официальной позиции Джакарты на афганском и антитеррористическом направлениях будут и в дальнейшем характерны сдержанность и, возможно, даже некоторая уклончивость. Однако мировому сообществу, прежде всего США и их западным союзникам, едва ли стоит проявлять излишний скепсис в отношении истинных намерений индонезийского руководства. Скорее, наоборот: ситуация, складывающаяся в Индонезии, должна послужить для них дополнительным напоминанием о пагубности односторонних силовых подходов, о необходимости максимальной

сдержанности, терпимости и гуманизма в отношениях со своим внешним окружением вообще и мусульманским миром, в частности.

А.Д.Эпштейн, М.А.Урицкий*

КРИЗИС ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ИЗРАИЛЕ
(Размышления о причинах досрочного роспуска Кнессета
пятнадцатого созыва и о будущем демократии в стране)

Сделанное Ариэлем Шароном в начале ноября 2002 г. драматическое заявление о досрочном роспуске Кнессета и о проведении в течение трех месяцев досрочных всеобщих выборов – четвертых за шесть с половиной лет, – как это ни парадоксально, никого не удивило. Израильская парламентская демократия, когда-то считавшаяся – пусть и не всегда заслуженно – едва ли не эталоном стабильности (одна и та же партия сумела выиграть восемь электоральных кампаний подряд), уже не первый год приводится политологами в пример как одна из самых неустойчивых и уязвимых политических систем в мире. На сегодняшний день можно говорить о глубоком кризисе израильского парламентаризма как такового. Рассмотрению причин и составляющих факторов этого явления и посвящена настоящая статья.

**1. Тенденции трансформации израильской
партийно-политической системы**

Принято считать, что одна из наиболее характерных особенностей израильской политической системы заключается в том, что она отличается высокой степенью стабильности. Действительно, даже в условиях обострения вооруженных конфликтов с арабами в Израиле никогда не отменялись всеобщие выборы и никакая группа граждан страны не была ограничена в своих избирательных правах. Более того, практически все имеющиеся в Израиле на сегодняшний день партии возникли достаточно давно, а многие были созданы еще до основания государства. Достаточно сказать, что *на всем протяжении израильской истории лишь лидеры двух партий – Партии Труда и блока Ликуд – претендовали на то, чтобы возглавить исполнительную власть в стране*, и даже изменение системы выборов в середине 90-х годов не привело к появлению каких-либо кандидатов извне. В 1996–2001 гг. граждане Израиля трижды участвовали в прямых выборах премьер-министра, и все три раза в избирательные бюлле-

---

* Научные сотрудники иерусалимского института «Шалем» и кафедры социологии и политологии Открытого университета Израиля.

тени были внесены только имена и фамилии сменявших друг друга лидеров Партии Труда и блока *Ликуд*. Тот факт, что даже частичное изменение системы выборов, сопровождавшееся одновременным повышением электорального барьера с 1% до 1,5%, не привело к появлению новых сил в политической жизни страны, действительно, служит индикатором стабильности – чтобы не сказать, застоя – парламентской системы страны.

На протяжении шестнадцати (!) электоральных кампаний сколько-нибудь реальной «третьей силы» в израильской политике так и не появилось. До середины 60-х годов прошлого века доминирующее положение социал-демократов не вызывало сомнений (см. таблицу 1), в последующее десятилетие они сохраняли контроль над основными рычагами политической власти в условиях постепенного возвышения партии *Херут* среди других сил оппозиции, а начиная с 1977 г. соперничество между Партией Труда и основанном на базе партии *Херут* блоком *Ликуд* является основной интригой всех электоральных кампаний. Появление различных центристских сил (партии Общих сионистов в 1951 г. Либеральной партии в 1961 г., Движения за демократию и перемены в 1977 г., партии «Третий путь» в 1996 г. Партии Центра в 1999 г.), равно как и усиление в отдельные периоды тех или иных радикальных или секторальных партий не привело к формированию реальной политической альтернативы действующей власти.

Достаточно сказать, что несмотря на значительное снижение своего влияния в последние годы, Партия Труда и блок *Ликуд* стоят за мэрами почти всех израильских городов: исключениями являются лишь Герцлия, где мэром стала кандидат от леворадикального блока *Мерец* Я.Герман, Бней-Брак, традиционно возглавляемый представителями ашкеназских ортодоксальных религиозных кругов, и поселок Бней-Айш, где председатель местного совета был избран по списку впоследствии распавшейся правой партии *Цомет*. Поэтому, кстати, совершенно очевидно, что если бы в Государстве Израиль была принята мажоритарная избирательная система, его политическая карта выглядела бы существенно по-иному.

Более того, *попытки разного рода политических деятелей, даже наиболее популярных из них, покинуть ту партию, которая их «взрастила», и сформировать свой собственный список, как правило, завершались сокрушительным электоральным фиаско.* Так было и в 1977 г., когда основанное Ариэлем Шароном движение *Шломцион* получило лишь два мандата на выборах в Кнессет девятого созыва, и в 1981 г., когда столько же получил созданный Моше Даяном список *Телем*, и в 1984 г., когда ведомое Эзером Вейцманом движение *Яхад* получило лишь три места в парламенте. Показательно, что, считаясь яркими лидерами в наиболее влиятельных израильских политических организациях – блоке *Ликуд* (А.Шарон и

Э.Вейцман в 70-е годы) и партии Труда (М.Даян и Э.Вейцман после 1988 г.), эти политики не сумели создать сколько-нибудь серьезной альтернативы большим партиям. Новоиспеченные списки в лучшем случае оказывались способны лишь преодолеть электоральный барьер (составлявший 1% на выборах 1949–1988 годов и 1,5% – начиная с выборов 1992 г.). Однако им не удавалось составить сколько-нибудь серьезную конкуренцию уже имеющимся партиям в борьбе за реальные рычаги власти в стране. Даже легендарный первый глава правительства Израиля Д.Бен-Гурион, основавший партию РАФИ после своего выхода из возглавлявшейся им на протяжении многих лет Рабочей партии, получил на выборах 1965 г. лишь 10 мандатов – в четыре с половиной раза меньше, чем список Рабочей партии. Наиболее отчетливо данная тенденция проявилась в ходе выборов 1999 г., когда созданная незадолго до начала электоральной кампании Партия Центра, во главе которой встали бывший министр обороны И.Мордехай, бывший начальник Генерального штаба ЦАХАЛа А.Липкин-Шахак, бывший министр финансов и юстиции Д.Меридор и бывший мэр Тель-Авива и министр полиции Р.Мило, получила лишь шесть мандатов. Иными словами, многолетняя практика отчетливо демонстрирует, что в Израиле популярность той или иной партии не основывается на авторитете того или иного лидера, а достигается за счет иных факторов. Исследования, которые проводились в различные периоды существования государства, показали, что в Израиле идейные соображения и мировоззренческие позиции являются одним из основных предметов политических дискуссий и споров¹. Такие аспекты, как личностные качества претендентов, отходят при этом на второй план.

Цикл исследований, проведенных известным израильским политологом Ашером Арианом, выявил ведущую роль идеологических факторов в процессе формирования электоральных предпочтений израильских избирателей. Более того, с течением времени наблюдалось увеличение роли идеологического фактора (в 1969 г. его назвали важнейшим 37% опрошенных, а в 1984 г., – уже 52%). Вторым по значению фактором, также имевшим тенденцию к росту, являлась самоидентификация избирателя с партией. Лишь третьим по важности фактором выступала личность лидера партии, естественным образом являвшегося в условиях парламентской демократии претендентом на пост премьер-министра. В ходе четырех опросов, проведенных в 1969–1984 гг., лишь 10–21% респондентов сообщили, что приняли решение о поддержке на парламентских выборах той или иной партии исходя из личности ее лидера².

Определяющее влияние арабо-израильского конфликта на все сферы израильской общественно-политической жизни привело к изменению традиционных границ между «правыми» и «левыми». Деление на «правых» и «левых» существует в мире со

времен Французской революции (тогда оно относилось к депутатам Национального собрания: по левую руку от председательствующего сидели представители третьего класса, основная движущая сила революции; справа находились представители высших классов, поддерживавшие сохранение существовавшей монархической системы). С тех пор принято считать, что для левого лагеря характерен социально ориентированный подход, требующий значительного вмешательства государства в экономику с целью сокращения социально-экономического неравенства граждан. Партии правого лагеря, напротив, выступают в поддержку частного предпринимательства и свободного рынка. Немаловажно и то, что правые партии значительно шире используют религиозную риторику, акцентируя в предвыборной пропаганде традиционные религиозные ценности. Известные политологи А.Ариан и М.Шамир полагают, что в Израиле деление партий на левые и правые утратило какой-либо смысл, поскольку «левые» партии не являются «пролетарскими», а религиозные партии вообще невозможно включить в эту последовательность³. И в самом деле, социологически левые партии с каждым годом становятся все труднее отличить от правых. Еще в 50-х годах в Рабочую партию входили, кроме рабочих, и представители среднего класса, а правое движение *Херут* пользовалось значительной поддержкой в среде городского пролетариата. Сугубо правой (в социально-экономическом смысле) являлась фактически лишь партия Общих сионистов, однако не считавшаяся таковой в силу ее достаточно умеренной позиции по арабскому вопросу. Впоследствии такое сочетание («левизна» в вопросах мирного урегулирования при ярко выраженной «правой» позиции в социально-экономических вопросах) отличало партию *Шинуй*, взявшую к тому же на вооружение резко антиклерикальную риторику. Партия Труда и *Ликуд* весьма неоднородны по своему составу; в них представлены все статусные группы, причем парадоксальным образом начиная с 70-х годов пролетарская составляющая была все более заметна в *Ликуде*, основу которого составили правая партия *Херут* и «буржуазная» Либеральная партия, тогда как Партия Труда стала выразительницей интересов среднего класса. Такие группировки, как Рац и Шели, прослыли в 70–80-х годах крайне левыми не потому, что пользовались поддержкой в рабочей среде, а из-за своих «голубиных» и секуляристских позиций⁴.

За последние десятилетия между двумя классификациями – идеологической и социологической – образовался заметный разрыв. Как пишет известный израильский политолог Б.Нойбергер, «в 90-х годах корреляция между последовательностью «левые – правые» и представлениями общественности о партиях существует лишь в идейном плане»⁵. Например, партия МАПАМ (на сегодняшний день входит в блок МЕРЕЦ,

что весьма показательно, поскольку социально-экономическая программа этой партии кардинальным образом отличается от программы ее партнера по блоку – партии Рац, и все, что их объединяет, сводится, по сути, к восприятию арабо-израильского конфликта) с идеологической точки зрения относится к левым партиям, пользуясь при этом поддержкой среднего и высшего классов. В экономической политике Партии Труда начали проявляться характерные для правых приватизационные и рыночные тенденции. Что же касается представлений широких масс о делении партий на «правые» и «левые», то здесь существует лишь один критерий, не имеющий ни малейшего отношения к вышеозначенным позициям по социально-экономическим вопросам. Этим критерием является отношение к арабо-израильскому конфликту: те, кто придерживается «голубиных» позиций, считаются левыми, тогда как «ястребов» относят к правым.

На протяжении двадцати восьми лет непрерывной гегемонии Рабочей партии в партийно-политической системе страны ее лидеры неоднократно сменяли друг друга. Давид Бен-Гурион, Моше Шарет, Леви Эшколь, Голда Меир и Ицхак Рабин, последовательно возглавлявшие Рабочую партию и правительство страны, были очень и очень разными людьми. Пожалуй, лишь Д.Бен-Гуриона можно назвать ярким харизматическим лидером, а несмотря на тесные связи руководства Рабочей партии с высшим армейским командованием, только И.Рабин до его кооптации в политическое руководство страны был профессиональным военным. В то время как Д.Бен-Гурион и Г.Меир отличались весьма «ястребиной» позицией по вопросу отношений с арабами, М.Шарет и Л.Эшколь занимали значительно более умеренные позиции. Все эти различия, однако, парадоксальным образом почти не оказывали влияния на итоги выборов. В ходе всех электоральных кампаний, состоявшихся в 1949–1969 гг., Рабочая партия (с 1968 г. – Партия Труда) как минимум на 19 (а иногда и на 30) мандатов опережала ближайших преследователей (см. таблицы 1 и 2). И хотя ведущая партия социал-демократического лагеря, как, впрочем, и никакая другая партия, на всем протяжении истории страны не смогла добиться поддержки абсолютного большинства избирателей страны, раздробленность оппозиционных сил существенно облегчала ее правление. В 1949–1965 гг. в стране фактически отсутствовала «вторая» партия: ею то оказывались левые социалисты (МАПАМ), то центристы (Общие сионисты и либералы), то последователи З.Жаботинского из партии *Херут* [«Свобода»]. При этом разрыв между второй и третьей по величине парламентскими фракциями не превышал пяти мандатов, в то время как отставание «второй» партии от бессменного лидера (Рабочей партии) измерялось 25 мандатами и более (см. таблицу 1). В этих условиях различные партии могли вести борьбу лишь за степень своего влияния в правительственной коалиции, доминантное положение в которой Рабочей партии никем не могло быть оспорено.

Таблица 1

**Основные характеристики развития
партийно-политической системы Израиля
в период безусловной гегемонии социал-демократов**

Дата выборов	1949	1951	1955	1959	1961
Фракция Рабочей партии	46	45	40	47	42
Вторая по величине фракция	19 МАПАМ	20 Общие сионисты	15 Херут	17 Херут	17 Херут; Либералы
Разница в числе мандатов между крупнейшей и второй по величине фракциями	27	25	25	30	25
Разница в числе мандатов между второй и третьей фракциями	3	5	2	5	0
Общее число партий в Кнессете	12	15	12	12	11

Среди политологов до сих пор распространено мнение, основанное на достаточно поверхностном рассмотрении результатов парламентских выборов, согласно которому израильские избиратели стабильны в том, что касается их политических симпатий. Однако социологические исследования уже в середине 70-х годов говорили о подвижности избирательных предпочтений. Например, исследования А.Ариана показали, что за период, прошедший с выборов 1965 г. до выборов 1969 г. 25% опрошенных решили поддержать другую партию, для периода с 1969 г. по 1973 г. эта цифра составляла 32%, а с 1973 по 1977 г. – 50%⁶. При этом, однако, большинство избирателей не переходило из одного блока в другой, отдавая предпочтения иным партиям и движениям похожей политической ориентации. Поражение Рабочей партии на выборах 1977 г. не было следствием массового оттока избирателей от социал-демократов к правому блоку Ликуд: парламентская фракция Ликуда увеличилась лишь на четыре человека, в то время как фракция Рабочей партии сократилась на девятнадцать мандатов! Оставшиеся пятнадцать мандатов получило созданное незадолго до выборов центристское Движение за демократию и реформы, и именно его успех, ставший, как показало время, пировой победой (Движение просуществовало всего одну парламентскую каденцию), предрешил падение Рабочей партии с пьедестала власти. С тех пор минуло четверть века, однако «маятниковое» голосование израильских избирателей стало еще более распространенным. Анализ результатов выборов 2001 г. показывает, что премьер-министра Э.Барака поддержали менее половины (!) тех избирателей, которые

проголосовали за него на всеобщих выборах за год и девять месяцев до этого.

Начиная с выборов в Кнессет десятого созыва, состоявшихся в 1981 г., разрыв между двумя крупнейшими политическими силами – Партией Труда и *Ликудом* – ни разу (за исключением выборов 1992 г.) не превышал трех мандатов, при этом численность парламентских фракций обеих партий все время сокращалась (см. таблицу 2). В 1981 г. суммарное представительство Партии Труда и *Ликуда* в парламенте страны достигло 95 мандатов (более 79% списочного состава Кнессета), однако за прошедшие с тех пор два десятилетия этот показатель упал более чем вдвое, до 45 мандатов. В сравнении с другими демократиями, в Израиле в настоящее время большие партии являются беспрецедентно ослабленными: две крупнейшие партии страны в сумме контролируют менее 38% депутатов парламента. На всем протяжении израильской истории в парламенте страны было представлено большое число партийных списков – от 9 до 15 в разное время. При этом, однако, никогда маленькие партии и движения (в период после 1965 г. к ним мы относим все политические силы, кроме Партии Труда и блока *Ликуд*) не были столь влиятельными, как в настоящее время. Если в 1981–1992 гг. в Кнессете десятого – двенадцатого созывов средняя численность фракций «маленьких» партий составляла 2,9–3,2 депутата, в последние десять лет она выросла до 5,5–6,0 депутатов (см. таблицу 2).

Израильский парламент, состоявший в 1949–1965 гг. из одной большой (получавшей 40 мандатов и более), 3–5 средних (получавших 12–20 мандатов каждая) и 7–8 маленьких партий (получавших менее десяти мандатов), постепенно превратился в арену противостояния двух блоков, каждый из которых состоит из одной крупной и 4–7 маленьких партий. Показательным в этой связи является постепенное сокращение разрыва между второй и третьей партиями: если в 1965–1999 гг. он колебался от 14 до 41 мандата, составляя в среднем 24,7 мандата, то в Кнессете пятнадцатого созыва, избранном в 1999 г., он сократился до двух мандатов. Иными словами, в Кнессете пятнадцатого созыва фактически не было больших фракций. Три самые большие группы депутатов представляли Партию Труда, включая избранных по ее списку представителей фактически не существующих движений *Гешер* (2 человека) и *Меймад* (1 человек), блок *Ликуд* и религиозно-популистскую партию ШАС, однако все они в сумме располагали лишь 62 мандатами (менее 52% списочного состава парламента). *Столь слабых «больших» партий нет, пожалуй, ни в одной демократической стране в мире.* В условиях нынешней беспрецедентной фракционной раздробленности функционирование израильского парламента не могло не стать крайне затруднительным.

Состоявшиеся в феврале 2001 г. досрочные выборы премьер-министра не смогли решить проблему, и менее чем два года спустя граждане Израиля вновь призваны на избирательные участки. Выборы в Кнессет шестнадцатого созыва назначены на 28 января 2003 г.

Таблица 2

**Основные характеристики развития
партийно-политической системы Израиля
в период формирования двухблоковой системы**

Дата выборов	1965	1969	1973	1977	1981	1984	1988	1992	1996	1999
Суммарное число мандатов двух крупнейших партий	71	82	90	75	95	85	79	76	66	45
Фракция Партии Труда (в 1969–1984 гг. совместно с партией МАПАМ)	45	56	51	32	47	44	39	44	34	26
Фракция ГАХАЛ (Херут и либералы) – Ликуд	26	26	39	43	48	41	40	32	32	19
Разница в числе мандатов между крупнейшей и второй по величине фракциями	19	30	12	11	1	3	1	12	2	7
Разница в числе мандатов между второй и третьей фракциями	15	14	24	17	41	36	33	20	22	2
Общее число «маленьких» партий в Кнессете	11	10	7	11	8	12	13	8	9	13
Средняя численность фракции «маленькой» партии в Кнессете	4,5	3,8	4,3	4,1	3,1	2,9	3,2	5,5	6,0	5,8

**2. Израильская парламентская демократия:
постоянство нестабильности**

Повторяющимся из книги в книгу утверждениям о высокой степени стабильности израильской политической системы можно противопоставить целый ряд индикаторов, свидетельствующих о том, что если израильский парламентаризм и отличает известное постоянство, то это «постоянство нестабильности».

С 1981 г. в Израиле состоялись семь электоральных кампаний, каждая из которых приводила к смене премьер-министра страны. Более того, каждый новый глава исполнительной власти занимал этот пост не как наследник, а как антипод своего предшественника. Уход из политической жизни в ходе все не кончав-

шейся Ливанской войны бессменного (на протяжении почти тридцати пяти лет) лидера партии *Херут* и блока *Ликуд* Менахема Бегина привел к проведению в 1984 г. очередных досрочных выборов, в результате которых пост премьер-министра занял председатель Партии Труда Шимон Перес. Электоральное противостояние 1988 г. привело к победе *Ликуда* – с перевесом всего в один мандат, и пост премьер-министра занял Ицхак Шамир. В 1992 г. *Ликуд* уступил Партии Труда двенадцать мандатов, и, как результат, пост премьер-министра занял лидер лейбористов Ицхак Рабин. Четыре года спустя Биньямин Нетаньягу стал третьим лидером *Ликуда*, ставшим главой исполнительной власти в стране. Период его правления ознаменовался беспрецедентным усилением внутривластных интриг. В ходе его каденции из правительства вышли все назначенные им ключевые министры, избранные по списку его собственной партии: министр финансов Д.Меридор, министр обороны И.Мордехай и министр иностранных дел Д.Леви. Многочисленные кризисы привели к очередным внеочередным выборам (они состоялись 17 мая 1999 г.), которые Б.Нетаньягу проиграл ставшему незадолго до этого председателем Партии Труда Эхуду Бараку.

Однако пребывание Э.Барака на посту главы правительства оказалось еще более коротким, а промежуток между выборами сократился до года и девяти месяцев. 6 февраля 2001 г. премьер-министром Израиля стал патриарх израильской политики, один из создателей и многолетних лидеров блока *Ликуд* Ариэль Шарон. Однако и он вынужден был назначить досрочные выборы менее чем через два года после своего избрания.

Следует отметить, что даже и в те периоды, когда парламент страны полностью отработывал свою четырехлетнюю каденцию, зачастую не только персональный состав, но и структура правительства менялись неоднократно. В представлении многих эталоном стабильности воспринимается начальный период государственности, когда общепризнанным национальным лидером был Давид Бен-Гурион. Однако и период его правления отличался известной нестабильностью: достаточно сказать, что за четырнадцать лет его правления (в 1949–1963 гг.) сменилось десять правительственных коалиций⁷. Всего же за двадцать восемь лет своего бессменного правления социал-демократы стояли во главе семнадцати правительств, т.е. средний срок работы правительства не достигал и двадцати месяцев. За период с 1949 г. по 1977 г. израильский парламент переизбирался восемь раз, и лишь в начале работы Кнессета седьмого созыва, сформированного в 1969 г., было создано правительство, проработавшее на протяжении всего четырехлетнего периода его работы. Во все остальные периоды на протяжении одной каденции Кнессета друг друга сменяли дватри, а в период работы Кнессета второго созыва – даже четыре прави-

тельства. Во главе восьми правительств стоял Д.Бен-Гурион, во главе двух – сменивший его на полтора года Моше Шарет, три правительства работали под руководством Леви Эшколя (в 1963–1969 гг.), еще три – под руководством Голды Меир (в 1969–1974 гг.), последнее – семнадцатое – коалиционное правительство во главе с Партией Труда возглавлял в 1974–1977 гг. Ицхак Рабин. Считать правительство, распадающееся каждые год и восемь месяцев, бастионом стабильности, пожалуй, едва ли возможно.

Досрочные выборы также пройдут в Израиле не впервые. До конца отведенного законом срока не доработали шесть из пятнадцати созывов Кнессета, причем два из них (второй и четвертый) – еще в считающуюся «стабильной» эпоху Бен-Гуриона. В 1951, 1961, 1984, 1996, 1999 и 2001 гг. граждане Израиля принимали участие во всеобщих досрочных выборах. Нынешние выборы, таким образом, станут седьмыми досрочными выборами за пятьдесят четыре года. Не так уж и мало для «стабильной» демократии.

Немаловажно и то, что в Израиле дважды за последние десять лет менялась система выборов. Выборы в Кнессет и прежде, и ныне проходили и проходят по системе пропорционального представительства. Однако в 1992 г. была принята вторая редакция Основного закона о правительстве, согласно которой в Израиле впервые в мире были введены прямые выборы главы правительства⁸. Эти выборы дважды (в 1996 и 1999 гг.) прошли параллельно выборам в Кнессет, а еще один раз (6 февраля 2001 г.) – отдельно от парламентских выборов. Вопреки ожиданиям, новая система не привела ни к повышению эффективности функционирования органов государственной власти, ни к прекращению непрерывных межпартийных торгов и скандалов. В марте 2001 г. была принята в третьем, окончательном чтении третья редакция Основного закона о правительстве, отменившая прямые выборы главы исполнительной власти. Та легкость, с которой изменяются имеющие конституционный характер основные законы, также никак не свидетельствует о стабильности политической системы.

Более того, этим «зигзагом» изменения электорального законодательства не ограничились: перед выборами в Кнессет тринадцатого созыва был повышен электоральный барьер (с 1% до 1,5%), что привело к серьезному искажению волеизъявления избирателей. Из-за того, что целый ряд маленьких правых партий, среди которых Тхия во главе с Ювалем Неэманом и Геолой Коэн, правоцентристская Новая либеральная партия во главе с бывшим министром финансов Ицхаком Модаи, а также списки во главе с раввином Моше Левингером, раввином Элизером Мизрахи и другие, не преодолели электорального барьера, многие десятки тысяч голосов сторонников правых и ультраправых сил не были засчитаны. В результате партии левого блока сумели добиться небольшого перевеса и сформировать правитель-

ственную коалицию, хотя большинство израильтян голосовало за партии и движения правой и правоцентристской ориентации. Полгода спустя представители левого правительства начали тайные переговоры в Осло, впоследствии утвержденные в Кнессете с минимальным перевесом.

Израильская политическая мифология комплексна и многообразна, однако, как и любая другая мифология, она редко выдерживает проверку реальностью. В израильском парламенте одновременно состоят 120 депутатов, однако из-за добровольных или вынужденных отставок, а также ротаций численность депутатов Кнессета каждого созыва оказывается несколько большей. Так, в Кнессете пятнадцатого созыва, избранном в 1999 г., успели поработать 134 депутата (см. таблицу 3). Израильтяне любят гордо называть себя «народом книги», однако лишь чуть более 10% парламентариев в стране имеют ученую степень, тогда как почти 18% имеют лишь среднее образование. Невысокий удельный вес политиков, имеющих третью академическую степень, отличает как Партию Труда, так и блок *Ликуд*. Вопреки имиджу Израиля как страны неограниченных возможностей для иммигрантов, более 64% депутатов родились в Израиле (среди депутатов от обеих больших партий этот процент еще выше, достигая в *Ликуде* 85%), а большинство из тех, кто родился в странах диаспоры, прибыли в Израиль, будучи детьми (средний возраст прибытия в Израиль депутатов-иммигрантов не достигает и 17 лет). Среди 48 человек, ставших депутатами Кнессета от Партии Труда или *Ликуда*, лишь двое прибыли в Израиль после достижения ими совершеннолетия. Практически все парламентарии, не родившиеся в Израиле, прошли в парламент по спискам так называемых этнических партий. За последние тринадцать лет в Израиль прибыл почти миллион русскоязычных иммигрантов, однако ни один из них (!) так и не сумел пройти в парламент по спискам Партии Труда или *Ликуда*.

Следует отметить, что в Израиле трижды создавались коалиционные правительства с участием социал-демократов и представителей правых сил (из *Херута* и возникшего на его основе *Ликуда*), однако все три раза их сотрудничество оказывалось недолговечным. Первое такое правительство было создано Леви Эшколем накануне Шестидневной войны, однако оно распалось спустя три года из-за категорического отказа Менахема Бегина согласиться с предложенными американским госдепартаментом инициативами, предусматривавшими уход Израиля со значительной части занятых в ходе той войны территорий. Четырнадцать лет спустя, после выборов 1984 г. создалась «ничейная» ситуация, когда каждая из двух крупных партий оказалась во главе коалиционного блока, насчитывающего 60 депутатов. В результате

было создано правительство национального единства. В ходе предвыборной кампании 1988 г. как Партия Труда, так и *Ликуд* объявили о невозможности повторного создания правительства национального единства. Однако результаты выборов выявили разницу всего лишь в один голос между двумя крупными партиями, тогда как каждая из них нуждалась, по меньшей мере, в семи партнерах для того, чтобы сформировать коалицию⁹. В результате, несмотря на наличие принципиальных разногласий и отсутствие какого бы то ни было единства, две крупные партии – Партия Труда и *Ликуд* – вынуждены были вновь подписать соглашение о коалиционном сотрудничестве.

Таблица 3

**Кнессет пятнадцатого созыва, избранный в 1999 г.:
основные социально-демографические показатели**

	Партия Труда	Блок <i>Ликуд</i>	Другие партии	Всего
Всего избрано депутатов, в том числе по ротации	28	20	86	134
Средний возраст (на конец 2001 г.)	54 года	56 лет	52 года	53 года
Происхождение				
Уроженцы Израиля	20 (71,4%)	17 (85,0%)	49 (57,0%)	86 (64,2%)
Уроженцы других стран	8 (28,6%)	3 (15,0%)	37 (43,0%)	48 (35,8%)
Средний возраст имми- грации в Израиль	13 лет	10 лет	18 лет	16,5 лет
Прибыли в Израиль после достижения со- вершеннолетия	1 (3,6%)	1 (5,0%)	13 (15,1%)	15 (11,2%)
Военная служба				
Служили в армии	25 (89,3%)	20 (100%)	59 (70,2%)	104 (78,8%)
Генералы	4(16,0%)	1 (5,0%)	5 (8,5%)	10(9,6%)
Образование				
Среднее или базовое религиозное образование	3 (10,7%)	–	21 (24,4%)	24 (17,9%)
Высшее образование или диплом раввина	22 (78,6%)	18 (90,0%)	56 (65,1%)	96 (71,7%)
Ученая степень	3 (10,7%)	2 (10,0%)	9 (10,5%)	14 (10,4%)
Гендерный состав				
Мужчины	23 (82,1%)	17 (85,0%)	78 (90,7%)	118 (88,1%)
Женщины	5 (17,9%)	3 (15,0%)	8 (9,3%)	16 (11,9%)
Среднее число детей	2,71	3,10	4,24	3,74

Однако в 1990 г. стремление председателя Партии Труда Шимона Переса вновь занять пост премьер-министра (это стремление реализовалось лишь пять лет спустя, после убийства И.Рабина) привело его к решению развалить правительство национального единства. Надежды Ш.Переса, однако, не сбылись, и после пятимесячного правительственного кризиса была сформирована узкая коалиция правых, правоцентристских и религиозных партий без участия социал-демократов, а И.Шамир сохранил пост главы правительства.

В третий раз правительство национального единства было сформировано Ариэлем Шароном одиннадцать лет спустя, в феврале 2001 г. Оно просуществовало лишь год и девять месяцев, после чего внутрипартийные соображения предопределили решение председателя Партии Труда Биньямина Бен-Элиэзера развалить его. Простой подсчет показывает, что правительства с участием как правых, так и левых партий существовали в Израиле на протяжении одиннадцати лет. Этот опыт вполне достаточен для того, чтобы констатировать: несмотря на определенные плюсы, в целом такое правительство является малоэффективным.

Желая сохранить единую коалицию, политические лидеры, исповедующие весьма и весьма различные взгляды, находят «общий знаменатель» путем отказа от сколько-нибудь решительных действий на каком бы то ни было направлении. В результате сторонники обеих политических лагерей, несмотря на большую популярность в обществе идеи надпартийного сотрудничества, выражают растущее недовольство политическим курсом такого правительства. Именно подобное недовольство внутри Партии Труда привело Б.Бен-Элиэзера к решению о выходе из правительства, причем произошло это за три недели до назначенных перевыборов председателя партии. Так как оба его конкурента (Х.Рамон и А.Мицна) выступали против участия Партии Труда в правительственной коалиции во главе с лидером *Ликуда*, Б.Бен-Элиэзер решил попробовать разыграть ту же карту, оставив ради этой сомнительной интриги пост министра обороны страны. Руководство и сторонники *Ликуда*, однако, горевали недолго: на освободившийся пост был немедленно назначен генерал Шауль Мофаз, вышедший в отставку с поста начальника Генерального штаба армии за четыре месяца до этого.

Вообще мало какие бастионы израильские военные берут с таким успехом, как парламент и правительство. В ходе выборов в Кнессет первого созыва свои кандидатуры могли выдвигать и военные, находившиеся на сверхсрочной службе, однако впоследствии, дабы максимально сократить политизацию армии, участие в политической жизни людей в погонах было запрещено. Высоко-

поставленные офицеры армии, полиции и спецслужб могут баллотироваться в Кнессет только по выходе в отставку. Следует отметить, что на разных этапах израильской истории военные были представлены в предвыборных списках едва ли не всех партий страны¹⁰.

В последние годы отставные военные возглавляли списки и выигрывали внутрипартийные выборы в Партии Труда (Эхуд Барак и Биньямин Бен-Элиэзер), Ликуде (Ариэль Шарон), Партии Центра (Ицхак Мордехай и Амнон Липкин-Шахак), партии «Третий путь» (Авигдор Кахалани), в праворадикальных партиях *Цомет* (Рафаэль Эйтан) и *Моледет* (Рехаваам Зеэви) и в Национально-религиозной партии (Эфи Эйтан). В сформированное в феврале 2001 г. правительство страны вошел целый ряд отставных генералов: Ариэль Шарон (глава правительства), Биньямин Бен-Элиэзер (министр обороны), Матан Вильнаи (министр науки, культуры и спорта), Эфраим Снэ (министр транспорта), а также впоследствии убитый арабскими террористами Рехаваам Зеэви (министр туризма), причем так было и в прошлом: все пятеро уже имели опыт работы в правительстве.

Центральная роль арабо-израильского конфликта и проблем безопасности в израильской общественно-политической жизни привела к массовому использованию кандидатами в депутаты от обеих больших партий опыта военной службы в своей внутрипартийной предвыборной агитации. Данные, собранные нами в ходе внутрипартийных выборов в двух последних избирательных кампаниях в Партии Труда и *Ликуде*, представлены в таблице 4¹¹. Так как печатные агитационные материалы были подготовлены подавляющим большинством кандидатов в депутаты как перед выборами в Кнессет четырнадцатого (1996 г.), так и пятнадцатого (1999 г.) созывов, а также в силу того, что были проанализированы брошюры и листовки всех кандидатов в обеих ведущих партиях страны, эти данные в полной мере могут служить индикатором отношения политической элиты страны к военной службе и силовым структурам.

Из представленных данных видно, что в среднем в обеих крупнейших партиях свой военный опыт использовали в изданных ими агитационно-пропагандистских материалах более 29% кандидатов. Характерно, что среди них были не только кадровые военные, но и политики, в молодости прошедшие обязательную военную службу, но впоследствии сделавшие сугубо гражданскую карьеру (как, например, Дан Меридор). Все это свидетельствует о достаточно высокой степени «гражданского милитаризма», отличающей израильское общество, хотя в разных партиях это явление выражено неодинаково (см. схему 1).

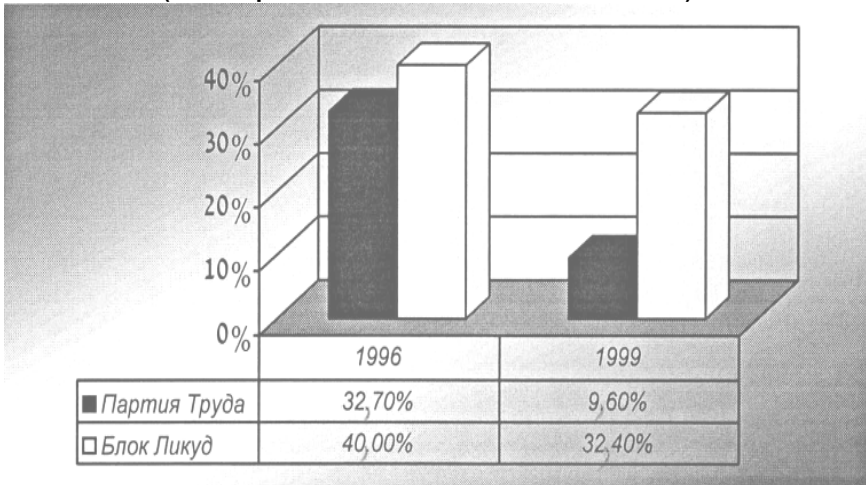
Таблица 4

Опыт военной службы как элемент предвыборной агитации кандидатов в депутаты Кнессета

Дата выборов	1996		1999	
Партия	Партия Труда	Блок <i>Ликуд</i>	Партия Труда	Блок <i>Ликуд</i>
Общая численность кандидатов, распространявших печатные материалы агитационного характера	55	55	52	68
Численность и удельный вес кандидатов, использовавших опыт военной службы в собственной предвыборной пропаганде	18 (32,7%)	22 (40,0%)	5 (9,6%)	22 (32,4%)
В том числе:				
• Описание военной службы как важного этапа личной биографии	10 (18,2%)	10 (18,2%)	4 (7,7%)	18 (26,5%)
Служба в престижных частях и/или родах войск	2 (3,6%)	6 (10,9%)	1 (1,9%)	9 (13,2%)
Служба в звании офицера	8 (14,5%)	4 (7,2%)	3 (5,8%)	9 (13,2%)
• Описание военной службы как важного элемента социально-политической реальности	8 (14,5%)	12 (21,8%)	1 (1,9%)	4 (5,9%)
Военная служба как свидетельство готовности индивида служить своей стране	2 (3,6%)	5 (9,1%)	1 (1,9%)	4 (5,9%)
Военная служба как доказательство компетентности индивида в вопросах национальной безопасности	–	–	3 (5,4%)	–
Военная служба как основной источник политической легитимации	6 (10,9%)	4 (7,2%)	–	–

Не приходится сомневаться, что в связи с нынешним обострением арабо-израильского конфликта и ростом палестинского террора статус службы в силовых структурах, равно как и традиционно приписываемых такой службе ценностей, будет востребован и в ходе избирательной кампании в Кнессет шестнадцатого созыва. В этой связи вопрос о том, насколько качества, необходимые для успешной парламентской работы, тождественны тем, коими обладают отставные военные, приобретает особую актуальность.

**Удельный вес кандидатов в депутаты Кнессета
от обеих больших партий, использовавших опыт
военной службы в собственной предвыборной агитации
(электоральные кампании 1996 и 1999 гг.)**

3. Кризис парламентаризма и будущее демократии в Израиле

В последние годы снижение престижа и статуса Кнессета, да и вообще выборных органов власти представляется очевидным. Согласно представительному опросу, проведенному в 1994–1995 гг. (всего было проинтервьюировано 2,420 человек), наибольшим доверием израильского общества пользуются армия (90% опрошенных полностью полагаются на нее) и Верховный суд (85%). Выборные органы власти – парламент и правительство – пользуются доверием лишь 40% израильтян, политическим партиям доверял лишь 21% опрошенных¹². Подобный опрос, проведенный тель-авивским институтом «Дахаф» по заказу Информационного центра Кнессета в 2000–2001 гг. (в нем приняло участие 1/750 человек), показал, что лишь 14% населения полностью доверяют Кнессету. Более того, 50% опрошенных израильтян сообщили, что им стыдно за свой парламент. Следует подчеркнуть, что результаты опроса показали снижение степени доверия ко всем структурам власти, однако на армию и Верховный суд по-прежнему полагается большинство граждан Израиля (76% и 61% соответственно). Доверие же к представительным органам власти и формирующим их партиям упало ниже критической отметки: лишь 16% опрошенных граждан страны полностью доверяют сво-

ему правительству, лишь 11% – политическим партиям¹³. Эти данные служат наглядным показателем глубокого кризиса израильской парламентской демократии как таковой.

Примечательно, что сами депутаты Кнессета полностью отдают себе отчет в проблематичности их статуса в глазах общественного мнения. Однако они даже не пытаются убедить общество в важности бесперебойного функционирования органов представительной власти. Как отмечалось выше, более 29% кандидатов в депутаты Кнессета, баллотировавшихся в 1996 и в 1999 гг. Партии Труда и *Ликуда*, акцентировали внимание избирателей на своей воинской службе. В это трудно поверить, но факт остается фактом: из проанализированных в рамках настоящего исследования материалов следует, что лишь около 20% депутатов Кнессета, повторно баллотировавшихся на выборах, сочли нужным информировать избирателей о своей парламентской деятельности (см. таблицу 5 и схему 2). В этом проявляется и отсутствие среди израильских политиков способности к подлинному лидерству: агитационные материалы готовятся, исходя из результатов опросов, даже не претендуя на то, чтобы повлиять на умонастроения избирателей. Иными словами, политики пытаются подогнать свои программы под то, как они понимают желания широких слоев общества, не пытаясь предложить обществу свои ответы (пусть, может быть, и не самые выигрышные) на наболевшие вопросы.

Показательна в этой связи политическая кампания за ускорение строительства бетонного забора между Израилем и палестинскими территориями. Несмотря на то, что специалисты в вопросах борьбы с террором выражают небезосновательные сомнения в эффективности бетонного забора как средства обеспечения безопасности израильтян, равно как и на очевидный пограничный характер этого забора (то есть то, что останется по «ту» сторону забора, окажется за границей территории Государства Израиль), в поддержку его строительства выступают такие разные политики, как Биньямин Нетаньягу (*Ликуд*) и Хаим Рамон (Партия Труда). Объединяет их только одно: готовность маневрировать в любую сторону в строгом соответствии с текущими опросами. Лидерством это никак не назовешь.

Хотя декларативное стремление к демократии на сегодняшний день является общей чертой подавляющего большинства современных государств, преимущества такой формы правления далеко не очевидны. Но совершенно очевидно, что провозглашаемый всеми демократическими режимами идеал народовластия имеет весьма отдаленное отношение к действительности. Практически нет ни одного серьезного исследователя, в полной мере

принимающего утверждение о том, что органы власти действуют исключительно от имени избирателей, не примешивая сюда свои собственные интересы. Опросы отчетливо фиксируют, что и сами избиратели не настолько наивны. Некоторые полагают, что демократия служит лишь прикрытием для «властвующей элиты» (по выражению Ч.Р.Милса), которая удерживает власть в своих руках и четко отделена от широких слоев населения, в сущности, достаточно бесправных. Другие же придерживаются плюралистической теории, сторонники которой также считают, что хотя отдельные граждане не могут оказывать практически никакого влияния на процесс принятия политических решений, отсутствие сплоченной и однородной элиты и есть лучший заслон перед лицом деспотизма и тоталитаризма. Иными словами, установлению деспотии препятствует не тот факт, что представители власти действуют от имени широких масс, а то, что различные элиты конкурируют между собой, стараясь заполучить максимальное количество голосов избирателей. При этом за аксиому принимается весьма и весьма сомнительное предположение, будто эффективность функционирования органов власти является для них единственно действенным средством заручиться поддержкой широких слоев населения. Если даже принять утверждение о том, что избиратель «составляет своего рода калькуляцию «стоимости» голосования и пользы, которую оно может принести»¹⁴, то есть ведет себя рационально и продуманно, он все же, как правило, исходит из частных интересов своей общины, группы, классовой прослойки и так далее, тогда как органы *государственной* власти призваны действовать, исходя из *общенациональных* интересов. Существование в Израиле беспрецедентно низкого электорального барьера (1,5%) при наличии большого числа внутренних расхождений и конфликтов превращает парламент в арену непрерывного противостояния между секторальными и общегосударственными интересами, фактически парализуя его работу.

Демократическая форма правления далеко не везде и далеко не всегда доказала свою целесообразность и эффективность. В самом деле, пока выбор широких слоев общества в области культуры является столь сомнительным и приводит к повсеместному господству низкопробного китча, вполне естественно, что и выбираемые широкими слоями общества политики также не являются эталонами мудрости и решительности. Так происходит везде, и Израиль – не исключение. Разочарование населения в избранных им самим структурах власти парадоксальным образом является закономерным: мало какое общество смогло на тех или иных этапах своей истории избежать соблазна низвержения показавшихся надоевшими кумиров.

Таблица 5

Опыт парламентской работы как элемент предвыборной агитации кандидатов в депутаты Кнессета

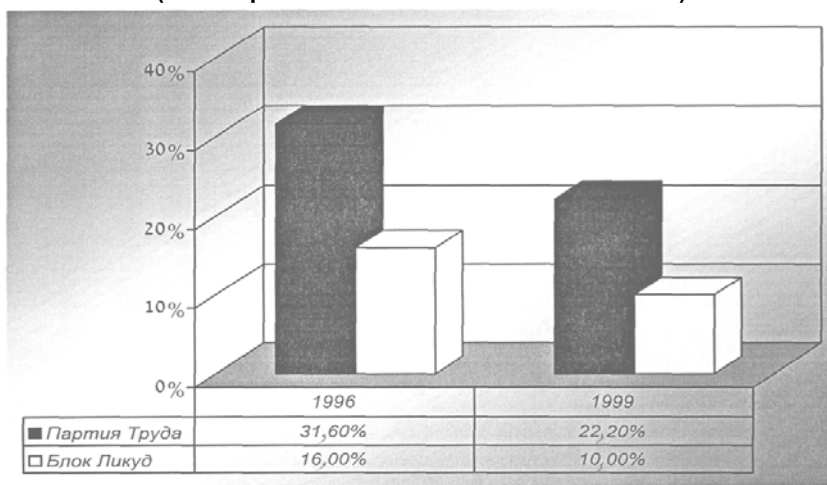
Дата выборов	1996		1999	
	Партия Труда	Блок <i>Ликуд</i>	Партия Труда	Блок <i>Ликуд</i>
Общее число депутатов Кнессета, повторно баллотировавшихся на выборах	19	25	18	20
Среди них тех, кто в предвыборной агитации акцентировали внимание на своей парламентской деятельности...	6 (31,6%)	4 (16,0%)	4 (22,4%)	2 (10,0%)
...в законодательной сфере	5 (26,3%)	2 (8,0%)	2 (11,1%)	–
...в текущей работе на пленарных заседаниях и в комиссиях Кнессета	1 (5,3%)	1 (4,0%)	2 (11,1%)	1 (5,0%)
...в других областях	–	–	1 (4,0%)	1 (5,0%)
Удельный вес членов Кнессета, не упоминавших о своей парламентской работе в изданных ими агитационных материалах	13 (68,4%)	21 (84,0%)	14 (77,8%)	18 (90,0%)

Трудно найти страну, где народные избранники обладали бы реальной властью. Фактически, все страны – как считающие себя демократическими, так и не относящиеся к таковым – управляются теми или иными олигархическими союзами. На сегодняшний день основные рычаги политического и экономического влияния и в Израиле сосредоточены в тех структурах, которые мало зависят от настроений избирателей, будучи структурированы по профессиональному и иерархическому признакам: в Верховном суде, Центральном банке, армии. Граждане Израиля не выбирают судей (это делает специальная комиссия, сформированная преимущественно из представителей юридической элиты страны¹⁵), от их мнения не зависит политика Центрального банка (в отличие, например, от министра финансов, его председатель не уходит в отставку в момент всеобщих выборов), да и Генеральный штаб ни в одной стране мира не формируется в ходе голосования всего населения страны. При этом, однако, нельзя сказать, что эти структуры являются полностью закрытыми: их деятельность широко освещается в средствах массовой информации. Построенные на абсолютной закрытости спецслужбы и им подобные организации, не имеющие механизма регулярного контроля извне, обречены на стагнацию, и в этой связи многочисленные провалы *ШАБАКа* и *Моссада* предстают скорее закономерными, чем случайными. Представляется, что именно профессиональные организации,

которые не должны постоянно заботиться о поддержании своего имиджа в глазах всех и каждого, но при этом находящиеся под неустанным наблюдением печатных и электронных СМИ, оптимально приспособлены для функционирования в кризисных условиях. Вполне вероятно, что подобное правление элитных структур, открытых критике извне и находящихся под перекрестным контролем других элит, больше, чем какая-либо другая форма правления, отвечает сегодняшним потребностям израильского общества.

Схема 2

Удельный вес кандидатов, акцентировавших в своей предвыборной агитации внимание на парламентской деятельности, среди всех депутатов Кнессета, повторно баллотировавшихся на выборах (электоральные кампании 1996 и 1999 гг.)

¹ Герман Т. Выборы и поведение избирателей. – Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2000, с. 213.

² Ариан А. Политика и государственный строй в Израиле. – Тель-Авив, 1986, с. 246 [на иврите].

³ См.: Arian A. and Shamir M. The Primary Political Functions of the Left-Right Continuum // Comparative Politics, № 15 (1983), с. 139–158.

⁴ Нойбергер Б. Политические партии в Израиле. – Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1998, с. 342.

⁵ См. там же, с. 366.

⁶ Ариан А. Политика и государственный строй в Израиле, с. 259.

⁷ Подробнее об этом см.: Ваец И. Становление израильского парламентаризма // Становление израильской демократии. Первое десятилетие. Часть третья. – Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2001.

⁸ См.: Reuven Hazan. Presidential parliamentarism: direct popular election of the Prime-Minister, Israel's new electoral and political system // *Electoral Studies*, № 15 (1996), с. 21–37.

⁹ См.: Хазан Р. Ни президентская, ни парламентская: изменение избирательной системы и режима в Израиле // *Политика: израильский журнал исследований в области политологии и международных отношений*, № 2 (1998), с. 97–111 [на иврите].

¹⁰ См.: Peri Y. *Between Battles and Ballots. Israeli Military in Politics* Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

¹¹ Полные результаты исследования см.: Эпштейн А. и Гвили А. Выборы – куда? Избирательные кампании кандидатов в депутаты Кнессета на внутрипартийных выборах // *Политика: израильский журнал исследований в области политологии и международных отношений*, № 7 (2001), с. 47–62 [на иврите].

¹² См.: Yuchtman-Yaar E. and Peres Y. *Between Consent and Dissent. Democracy and Peace in the Israeli Mind.* – Lanham: Rowman & Littlefield, 2000, с. 39.

¹³ См.: Бендер А. Обществу стыдно за депутатов Кнессета... // *Маарив*, 04.04.2001, с. 17 и 4–5 ежедневного приложения [на иврите].

¹⁴ Герман Т. Выборы и поведение избирателей, с. 124.

¹⁵ О процедуре выборов судей в Израиле см.: Эпштейн А. Социально-политические последствия укрепления статуса Верховного суда как главной структуры в политической жизни Израиля // *Ближний Восток и современность*. Вып. 8. – М., 1999 г.

АРМИЯ И ВЛАСТЬ В ЙЕМЕНЕ

Йеменская Республика (ЙР) – государство на юге Аравийского полуострова – не часто привлекает к себе внимание мирового сообщества. Вместе с тем общественно-политические процессы, происходящие в ЙР, в свете активизации борьбы с международным терроризмом представляют значительный интерес и требуют более вдумчивого и детального изучения. Особый интерес здесь представляет роль и место йеменской армии, которая со второй половины прошлого столетия играла важную, а в отдельные периоды и решающую роль в судьбе страны.

Первые шаги по созданию армии современного типа в королевском Йемене были предприняты в середине 1950-х годов. В 1956 г. в условиях нарастания угрозы военной конфронтации с Великобританией правительство имама Ахмада установило военно-технические связи с СССР. Однако до революции 1962 г. настоящей регулярной армии в Йемене так и не было создано. Вооруженные силы страны состояли из трех отдельных частей: армии национальной обороны (8,5 тыс. человек), армии добровольцев и королевской гвардии. Высшие офицеры в основном были выходцами из знатных и богатых семейств, преданных монархии и лично имаму. Однако большинство младших офицеров составляли представители средних слоев.

Йеменские военные, проходя обучение за рубежом, становились сторонниками модернизации страны и общества. Опасаясь подобных настроений, имам Ахмад многих из них удалил из армии. Но это не остановило роста оппозиционных настроений в военной среде. В декабре 1961 г. произошло официальное оформление организации «Свободные офицеры». Она представляла собой пеструю в социальном и политическом отношении группу: в нее вошли молодые офицеры, как правило, в звании не старше капитана, выходцы из слоев среднего крестьянства, мелкой торговой буржуазии и интеллигенции. Среди них были реформисты, насеристы, «братья-мусульмане» и др. В целом же все они вступали за коренные перемены в стране. «Свободные офицеры» не были связаны с гражданскими оппозиционными силами. Только за два месяца до революции они установили контакты с другими политическими группировками – Движением арабских националистов, баасистами, марксистами и др. Причем военные в отношении потенциальных союзников «придерживались принципа

«все брать – ничего не давать». Возможно, именно такой «прагматический» подход армейских офицеров обусловил успех их организации в деле последующего захвата власти» (1, с.74).

Следует отметить, что практическая деятельность «свободных офицеров» началась задолго до официального создания организации – еще со второй половины 50-х годов, когда оппозиционно настроенные военные создавали подпольные группы и изучали опыт революционного движения в арабских странах. В целом же в 50-е – начале 60-х годов офицерский корпус являлся одной из главных сил йеменской оппозиции, наиболее организованным ее отрядом. К тому же в начале 60-х годов военная интеллигенция была более многочисленной, чем гражданская.

В ночь с 26 на 27 сентября 1962 г. военные захватили дворец имама, а также заняли радиостанцию, почту и телеграф. Утром штаб восстания объявил о свержении монархии и провозглашении Йеменской Арабской Республики (ЙАР). 27 сентября публикуется Манифест – первый программный документ республики. Он провозгласил строгое соблюдение норм шариата, ликвидацию племенных и религиозных разногласий, реорганизацию армии на современной основе. Гарантировалась неприкосновенность иностранного капитала. Во внешней политике декларировались верность арабскому единству, приверженность курсу неприсоединения. Был также издан указ об аннулировании крестьянских задолженностей, что нашло положительный отклик в народе. Революционные власти конфисковали земельные владения бывшей правящей династии и активных противников революции, отменили рабство, уравнили в правах всех граждан, стали расширять сеть школ. Но феодальное землевладение осталось нетронутым.

28 сентября был сформирован Совет революционного командования в составе восьми офицеров под председательством полковника Абдаллы ас-Саляля. Также был создан президентский совет в составе 4 человек во главе с аль-Османом и правительство во главе с ас-Салялем.

Следует подчеркнуть, что революция произошла в стране крайне отсталой в социальном, экономическом и политическом отношениях. К 1962 г. 80% крестьян не имели своей земли и арендовали ее на кабальных условиях у помещиков. В Йемене не было ни высших, ни даже средних учебных заведений, а 90% населения было неграмотно. Ситуация осложнялась невысокой теоретической подготовкой руководителей молодой республики, отсутствием у них опыта политической работы с племенами, слабостью националистических организаций, находившихся в стадии становления, и, наконец, специфическими условиями йеменского общества с господством племенных отношений и феодализмом.

И хотя монархию свергла армия, ее руководитель стал главой республики и многие ведущие государственные посты получили офи-

церы, режим не был чисто военным. С первых дней революции оформилось сотрудничество между радикально настроенной группой офицеров и консервативно-феодалными и традиционалистско настроенными слоями общества. Это стало неизбежным и было вызвано тем, что военные и близкие им по духу представители мелкобуржуазных слоев не имели в стране достаточной опоры и, опасаясь реставрации монархии, вынуждены были привлечь к управлению молодой республикой ту часть феодальной интеллигенции, которая в прошлом представляла традиционную оппозицию двору. Кроме того, это сотрудничество объяснялось тем, что доселе никому не известные молодые офицеры стремились в своей деятельности опереться на известные среди населения авторитеты, которые придали бы их действиям определенную весомость.

В первую очередь военные стремились установить контакты с феодально-племенной верхушкой – вопрос о взаимоотношении государства с племенами встал перед новым правительством с первых дней революции. Более того, сам характер этих взаимоотношений оказал значительное влияние на весь ход дальнейшего развития ЙАР. Причем если шафиитские племена* в большинстве своем сразу признали республику, то зейдитские в своей основной массе остались верны свергнутому монарху. Революцию поддержали также жители крупных городов.

Саудовская Аравия стала оказывать всяческую помощь и содействие йеменским монархическим силам: снабжала их оружием, деньгами, подстрекала племена против режима Саны. Великобритания помогала йеменским роялистам на юге. Враждебные действия против ЙАР поддерживали США. В итоге страна на долгие восемь лет погрузилась в пучину гражданской войны.

С первых дней революции начались ожесточенные бои с монархистами. В этих условиях руководство ЙАР срочно произвело реорганизацию вооруженных сил. 30 сентября все правительственные вооруженные формирования были объединены под общим командованием. Был создан Высший совет национальной обороны, в состав которого включили 180 шейхов-гарантов. Им была доверена охрана границ племен. Солдатам и офицерам повысили жалование и удвоили размер продовольственного пайка. Днем раньше – 29 сентября для защиты республики начали формировать отряды национальной гвардии.

Малочисленная республиканская армия с трудом сдерживала натиск отрядов монархистов, которые смогли установить контроль над обширными территориями страны. Реально республиканское правительство контролировало лишь южные шафиитские районы и крупные города.

---

* По конфессиональному признаку население Йемена делится на две приблизительно равные по численности группы: шиитов зейдитского толка (данная секта наиболее приближена к суннизму) и суннитов шафиитского толка.

Руководство ЙАР самостоятельно решить вопросы защиты республиканского строя от внутренней и внешней контрреволюции было не в состоянии и обратилось за помощью к Египту. Вскоре в Йемен стали прибывать первые части египетских войск. Йеменская армия реорганизовывалась по египетскому образцу. В ней были введены существовавшие в ВС ОАР порядки с характерными привилегиями и высокими окладами для офицеров. Самого ас-Саляля и других лидеров ЙАР охраняли 3 тыс. египетских солдат. В ноябре 1962 г. создается объединенное египетско-йеменское военное командование во главе с ас-Салялем. Следует подчеркнуть, что без египетской помощи республиканцы могли бы не выдержать натиска монархистов, чьи силы были очень велики.

Постепенно в самом лагере республиканцев все более отчетливо стала проявляться поляризация политических сил. Росло недовольство открыто претендовавших на власть феодально-племенных кругов, традиционалистской части интеллигенции, крупной торговой буржуазии. Все эти силы стремились отстранить от руководства ЙАР представителей мелкой буржуазии, которые, не имея достаточной социальной опоры, все более полагались на поддержку египетских военных и гражданских советников.

После договоренностей между президентом Египта Насером и саудовским королем Фейсалом в августе 1967 г. о полном выводе египетских войск из Йемена обстановка в стране резко обострилась. 5 ноября 1967 г. ас-Саляль был отстранен от власти. Его уход с политической сцены фактически положил конец верховенству офицеров в системе политической власти. К руководству ЙАР пришли представители феодально-племенной верхушки, высшей бюрократии и части военного руководства. Главой республики стал генерал Рахман аль-Арьяни.

После ухода египтян в конце ноября 1967 г. началось наступление монархистов на Сану. Столица оказалась в блокаде. На первые роли в руководстве борьбой с монархистами выдвинулись левые силы, в том числе армейская молодежь. В феврале 1968 г. блокада столицы была прорвана правительственными войсками при поддержке части племен. Успех республиканцев под Саной означал перелом в ходе гражданской войны. В самой же столице весной 1968 г. фактически установилось двоевластие: у руководства находились как левые силы, так и правительственные чиновники. Однако в августе 1968 г. консерваторы смогли нанести поражение менее организованному левым силам. К середине 1969 г. почти вся территория ЙАР была очищена от монархистов. Шейхи племен во все большем числе стали переходить на сторону республики. Их представители сумели занять ряд видных постов в армии (в том числе, должность начальника генштаба), получив при этом высокие воинские звания и оттеснив кадровых офицеров, многие из которых посчитали себя ущемленными. После заключения соглашения с

Саудовской Аравией в марте 1970 г. боевые действия в Йемене прекратились. Гражданская война закончилась.

30 ноября 1967 г. под напором национально-освободительных сил англичане ушли из южной части Йемена и в Адене была провозглашена Народная Республика Южного Йемена (НРЮЙ). Ее правительство встало на путь ликвидации феодального строя и проведения реформ социалистической направленности. Этот курс радикализовался с приходом к власти в Адене после переворота 22 июня 1969 г. левого крыла правящего Национального фронта (НФ), официально взявшего курс на построение в стране социалистического общества. В декабре 1970 г. НРЮЙ была переименована в Народную Демократическую Республику Йемен (НДРЙ).

Отношения между двумя йеменскими государствами с самого начала отличались напряженностью. Аден и Сана оказывали разную поддержку оппозиции: южане левым на Севере, а северяне консерваторам на Юге. В 1972 г. произошел первый крупный вооруженный конфликт между ЙАР и НДРЙ.

После получения независимости Южный Йемен стал создавать свои вооруженные силы. Их основу составили отряды НФ и подразделения бывшей колониальной Армии Южной Аравии (АЮА). С первых дней независимости командная верхушка бывшей АЮА играла реакционную роль в молодом государстве. Решение об увольнении английских специалистов, а также намерение правительства установить военные связи с СССР вызвали недовольство у части офицерских кругов. 20 марта 1968 г. военные подняли мятеж, но верные властям части быстро его подавили. С приходом к власти в НРЮЙ левого крыла Национального фронта в армии была проведена крупная чистка и к концу 1973 г. ее офицерский корпус был полностью обновлен. Многие южнотиеменцы были отправлены на учебу в СССР и другие социалистические страны.

В самой НДРЙ шла постоянная борьба между различными группировками в партийно-государственном руководстве. Огромные трудности испытывала слабая экономика страны, которая с большим напряжением выдерживала социалистический эксперимент. Во многом режим в Адене был вынужден опираться на внешнюю помощь, прежде всего со стороны СССР.

В ЙАР в первой половине 70-х годов ситуация оставалась сложной. Находившиеся у власти феодально-племенные круги оказались не в состоянии справиться с возросшими трудностями. Противоречия в обществе и правящей элите мешали укреплению государства и развитию экономики. Правительство, не пользовавшееся в стране достаточным авторитетом, разьедаемое коррупцией, оказалось неспособным к эффективным действиям. Оно было также не в состоянии справиться с сепаратистскими устремлениями шейхов племен, деятельностью вооруженных формирований различной политической ориентации. В

условиях нараставшего политического и социально-экономического кризиса к власти в стране 13 июня 1974 г. пришли военные во главе с заместителем верховного главнокомандующего ВС подполковником аль-Хамди, возглавившим новый высший государственный орган – Совет командования.

Приход к власти военных не привел к быстрой стабилизации положения в республике. Все настойчивее заявляли о своем несогласии с политикой правительства шейхи крупных и влиятельных племен севера и северо-востока страны. В ЙАР одновременно шло два противоположных процесса: укрепление позиций центральной власти и консолидация феодально-племенных сил. К лету 1977 г. Северный Йемен оказался фактически разделенным на две части: одна находилась под контролем государства, другая – под управлением шейхов. В июле-августе 1977 г. правительственные войска развернули масштабные боевые действия против мятежных племен на севере. Конфликт был улажен при посредничестве Саудовской Аравии. Но обстановка в республике оставалась напряженной.

Однако постепенно аль-Хамди удалось существенно ослабить влияние шейхов племен в высших органах государственной власти и в армии, заменить часть их представителей своими ставленниками. В определенной степени была преодолена разобщенность в офицерской среде, характерная для 60-х – середины 70-х годов и зачастую приводившая к мятежам и вооруженным выступлениям военных. В 1974 г. был принят закон о запрете партийной деятельности в вооруженных силах. Тем не менее власть и влияние племенной верхушки оставались значительными. К тому же саудовцы вновь стали оказывать некоторым шейхам финансовую помощь.

С приходом к власти аль-Хамди наметилось некоторое улучшение отношений между ЙАР и НДРЙ. Но к осени 1977 г. его положение стало довольно шатким. 11 октября аль-Хамди был убит незадолго до своей поездки в Аден.

Новое руководство во главе с подполковником аль-Гашими постепенно смогло добиться определенного прогресса в деле урегулирования отношений с шейхами племен, а также сумело заручиться более прочной поддержкой со стороны высших офицеров армии. Обстановка в ЙАР стала постепенно стабилизироваться, но 24 июля 1978 г. и аль-Гашими был убит.

Противоречивой оставалась обстановка в 70-е годы и в НДРЙ. С одной стороны, правящий режим смог консолидировать свои ряды, создав в 1979 г. Йеменскую социалистическую партию, в состав которой вошли представители основных левых организаций страны. Однако в самой правящей верхушке продолжалась острая борьба за власть, в которой далеко не последнее слово принадлежало армии. Порой она выливалась в прямые вооруженные столкновения между представителями различных группировок. Так, летом 1978 г. был снят со своего

поста и по обвинению в заговоре против республики расстрелян президент НДРЙ С.Р.Али.

14 июля 1978 г. главой ЙАР становится заместитель главнокомандующего ВС подполковник Али Абдалла Салех. В 1979 г. на Учредительном национальном собрании он избирается президентом республики. Салех последовательно стал проводить политику, направленную на усиление центральных органов власти, укрепление армии, активизацию деятельности общественных организаций, развитие экономики, налаживание отношений с НДРЙ, ограничение власти шейхов племен.

Салех целенаправленно проводил курс на сплочивание вокруг себя верных ему офицеров. Одновременно к решению проблем, стоящих перед страной, президент привлекал не только военных, но и гражданских деятелей, в том числе и представителей «братьев-мусульман», других политиков, за исключением левых – Народно-демократического фронта (НДФ). При главе государства был создан совещательный орган.

В октябре 1978 г. НДФ активизировал военные действия против правительства. Бои отрядов Фронта с правительственными войсками происходили в северных, восточных и южных районах страны.

В феврале 1979 г. вспыхнул новый крупный вооруженный конфликт между ЙАР и НДРЙ. Причем аденское руководство пыталось использовать в своих целях успехи НДФ в борьбе против правительства Саны. Однако в конечном итоге благоразумие на Севере и Юге Йемена взяло верх и при посредничестве Сирии, Ирака и Иордании в начале марта боевые действия были прекращены.

К лету 1982 г. НДФ потерпел окончательное поражение – вооруженные силы ЙАР при решающей поддержке формирований «Исламского фронта» нанесли поражение отрядам левых повстанцев. Окончание военных действий открыло процесс стабилизации обстановки в ЙАР. Салех объявил о начале демократизации общества и стал поступательно проводить политику национального примирения.

В 1982 г. в ЙАР был создан Всеобщий народный конгресс, который постепенно из представительного органа превратился в партию власти. В стране реально началась постепенная демократизация общественно-политической жизни. Основывались массовые общественные и профессиональные организации. Важным событием стало принятие 24 августа 1982 г. Национальной хартии.

Этот документ наиболее последовательно и полно выразил националистические воззрения руководства ЙАР. В то же время в нем был слабо выражен антифеодализм. Подчеркивалась ориентация на развитие государственного капитализма в экономике, указывалось на необходимость создания современного государства. В целом Хартия являлась большим шагом на пути формирования в ЙАР современного общества. В 80-е годы, особенно во второй их половине, экономическое положение йеменского Севера заметно упрочилось.

Однако несмотря на происходившие на Севере Йемена изменения, армия продолжала оставаться наиболее активной и дееспособной политической силой, главным носителем центростремительных тенденций в стране. Она играла роль цементирующего фактора в процессе складывания национальной общности.

Вместе с тем следует отметить происходившее неуклонное укрепление позиций фундаменталистского «Исламского фронта». Много его представителей было в Учредительном национальном собрании, правительстве, армии и органах безопасности.

В 80-е годы территория ЙАР стала одним из мест подготовки афганских моджахедов, воевавших против правительственных войск ДРА и Советской Армии. Причем это происходило на территории племен, неподконтрольной правительству в Сане. Подчеркнем, что по своей совокупной численности вооруженные формирования племен превосходили численность регулярной армии и далеко не всегда уступали им в качестве боевой выучки.

В НДРЙ в 80-е годы продолжалась борьба за власть в правящей ЙСП. В январе 1986 г. она переросла в кровопролитную гражданскую войну. В течение примерно двух недель в Адене и ряде провинций продолжались ожесточенные бои между сторонниками генсека ЙСП А.Н.Мухаммеда и его противниками во главе с А.С.аль-Бейдом. Большая часть личного состава ВС НДРЙ выступила на стороне группировки во главе с аль-Бейдом, что и предопределило ее победу в борьбе за власть.

В конце 80-х годов жизнь со всей очевидностью показала, что социалистический эксперимент в Южном Йемене – это еще одна неудачная попытка быстрого переустройства отсталого общества без учета реальных обстоятельств. Кровавая катастрофа января 1986 г. окончательно подорвала доверие местного населения и международного сообщества к южанам.

В 1989–1990 гг. в условиях распада мировой социалистической системы Москва прекращала поддержку своих сторонников в «третьем мире». Перед НДРЙ, кроме того, замаячила близкая опасность враждебных действий со стороны Саудовской Аравии, недолюбливавшей «коммунистический и атеистический» режим в Адене. Стала очевидной и возможность санкций со стороны США, давно включивших НДРЙ в список «государств, поддерживающих терроризм».

В этой ситуации руководство Юга, видя внутри- и внешнеполитический тупик, в котором оказалась страна, и правильно оценив стремление СССР уменьшить свои обязательства по отношению к НДРЙ, решило пойти на объединение с Севером. Выход из создавшейся ситуации юнойеменская правящая элита видела в «почетной капитуляции» перед ИАР, обладавшей в то время всеми признаками относительной стабильности и по сравнению с Югом добившейся определенного экономического прогресса. Это было трудное решение. Но процесс объединения пошел быстро. Он облегчался тем, что у власти на Севере было много вы-

ходцев с Юга и наоборот. К тому же на уровне массового сознания в ЙАР и НДРЙ, несмотря на различия между официальными идейно-политическими установками руководства обеих стран, всегда жила идея объединения двух частей родины. Фактически это был брак по расчету.

22 мая 1990 г. в Сане было объявлено о создании единого йеменского государства – Йеменской Республики. Формально после образования ЙР все посты в государстве были поделены поровну между представителями двух элит, а временный парламент был сформирован путем механического слияния законодательных органов ЙАР и НДРЙ. Но фактически Север оказался в привилегированном положении: Салех стал председателем Президентского совета – своеобразного коллективного главы государства, а аль-Бейд – его заместителем. На практике слияние двух Йеменов в единое государство напоминало «ползучую аннексию» Южного Йемена со стороны Севера.

После создания ЙР министром обороны был назначен представитель Юга, а начальником Генерального штаба – представитель Севера. Часть бригад ВС НДРЙ передислоцировали на Север, а ВС ЙАР – на юг страны. Объединенные ВС ЙР насчитывали 65 тыс. человек.

Уже в первый год единства южная политическая элита утратила иллюзии относительно намерений Салеха и его окружения сохранить паритет власти. По мере слияния государственных институтов южане все более разочаровывались в сделанном шаге. Северяне же вели планомерный сознательный курс на их вытеснение из руководящих сфер, чему способствовало численное преимущество Севера. Тенденция размежевания южан и северян еще более усилилась после кризиса в зоне Персидского залива, когда ЙР подверглась санкциям со стороны Саудовской Аравии и Запада. Страна, в большой степени зависящая от иностранной помощи, попала в тяжелейший экономический кризис, упал жизненный уровень населения, выросла безработица, резко возросла социальная напряженность.

Обе стороны использовали несовместимые идеологии и поддерживались различными политическими силами, что делало конфликт между ними неизбежным. Опасность его решения силовым способом увеличивалась тем обстоятельством, что вооруженные силы ЙАР и НДРЙ в отличие от других государственных органов фактически не были слиты.

Йеменский конфликт стал результатом сработавшей одновременно совокупности внешних и внутренних факторов: личностной и племенной вражды, нефтяной проблемы (основные месторождения нефти находились на спорной территории между Севером и Югом) и др.

Рост противоречий между Севером и Югом страны привел в мае 1994 г. к гражданской войне. ВС страны (северных и южных) насчитывали к ее началу ок. 60 тыс. человек. Как уже говорилось, соединения и части бывших армий ЙАР и НДРЙ были частично передислоцированы с Севера на Юг и наоборот. В первые дни конфликта ряд воинских частей не высказал открыто своей позиции. Личный состав противобор-

ствующих сторон насчитывал примерно по 30 тыс. человек. Однако в ходе боевых действий он значительно возрос за счет мобилизации.

Северяне первыми нанесли удар по противнику и в результате получили военный перевес. Преодолевая упорное сопротивление южан, они уверенно продвигались к Адену. В начале июля наступила развязка. Аден был взят, а руководство южан бежало за границу. Война нанесла огромный урон стране. С обеих сторон погибло около 7 тыс. и было ранено свыше 15 тыс. человек. Материальные потери составили 11 млрд. долл.

По оценкам иностранных специалистов, главную роль в победе Севера сыграла поддержка исламистов и племенных вооруженных формирований. После войны Салех принял решение о значительном сокращении армии. В вооруженных силах была проведена крупная чистка противников существующего режима. В августе 1994 г. президент объявил о деполитизации армии и сил безопасности, деятельность политических партий в силовых структурах категорически запрещалась. Вместе с тем за военнослужащими сохранилось право быть членом той или иной политической организации, однако в этом случае они должны оставить военную службу.

Одной из главных задач в 1994–1995 гг. в военной области стала реорганизация вооруженных сил, приведение их в порядок, инвентаризация вооружения и военной техники. В ограниченных размерах за рубежом приобреталась новая боевая техника. В целом процесс восстановления армии шел медленно и трудно. Сказывалась общая экономическая отсталость страны, а главное – острая нехватка финансовых средств.

Вооруженный конфликт с Эритреей 1995–1996 гг. продемонстрировал слабость йеменских вооруженных сил, особенно ВМС, которые находились в плачевном состоянии и фактически были небоеспособны. В 1994–1998 гг. йеменские войска с переменным успехом участвовали в вооруженных столкновениях на границе с Саудовской Аравией.

В конце 90-х годов некоторое улучшение экономического и финансового положения республики позволило активизировать военно-технические связи с зарубежными странами и расширить закупки оружия и военной техники.

Во второй половине 90-х годов стали развиваться военные связи с США. В частности, в марте-апреле 1999 г. в провинции Ходейда были проведены совместные йеменско-американские учения спецвойск. Одновременно постепенно начинают восстанавливаться йеменско-российские военно-технические связи.

После окончания гражданской войны перед руководством ЙР стали две главные задачи: достижение национального согласия и восстановление экономики страны, прежде всего южных провинций. В 1995 г. в Йемене начались экономические реформы, целью которых было снижение инфляции, увеличение иностранных инвестиций, приватизация, сокращение дефицита бюджета. Однако в реальной жизни их

проведение ухудшило положение населения: выросли цены, увеличилась безработица, что периодически приводило к массовым беспорядкам в различных районах страны.

Сложной оставалась политическая обстановка в республике. Усилилось влияние исламистов, оказавших очень большую помощь Салеху в разгроме южан. Они добились того, что шариат был признан «единственным», а не просто «главным» источником конституции. Усилилась исламизация Юга. ЙСП, сильно ослабленная, стала легальной оппозиционной партией, но ее деятельность была ограничена властями.

В 1999 г. в стране были проведены первые прямые всеобщие президентские выборы. Победу на них одержал А.А.Салех. ЙСП в мае 2000 г. была легализована властями в полном объеме, однако на социалистов все еще распространяется «запрет на профессии» в государственном аппарате и армии.

Перед тем, как перейти к показу роли армии в современном Йемене, кратко остановимся на особенностях политического положения в республике. Прежде всего – это незавершенность процесса национальной интеграции (племенной фактор, отношения Север – Юг), возрастание потенциала сторонников исламского фундаментализма, а также усиление социальной напряженности в результате проводимых экономических реформ. Не исключено, что все эти процессы могут периодически обостряться, создавая тем самым серьезную опасность дестабилизации обстановки в ЙР.

Изменение социально-экономических и политических условий жизни населения ЙР в 90-е годы способствовало относительному росту оппозиционных настроений в обществе, которые частично стали находить свое выражение в идеологии исламского экстремизма, а частично – в возрождении идей социализма.

И все же на первое место необходимо поставить ислам. С одной стороны, население ЙР разделено на зейдитов и шафиитов. Но в то же время ислам на фоне племенной раздробленности и господства, особенно на севере страны, племенного сознания – это консолидирующая религия и идеология. Поэтому в преодолении племенной раздробленности немаловажное значение придается исламизации, а шариат противопоставляется племенному праву «урф». К тому же развитие идеологических доктрин как правящих, так и оппозиционных групп в Йемене всегда находилось под сильным воздействием ислама.

В этих условиях часть правящей элиты ЙР во главе с А.А.Салехом была вынуждена более активно использовать ислам в качестве одной из составляющих своей идеологической доктрины. В то же время Салех и его режим не потерпят вызова своей власти со стороны исламистов.

Таким образом, в условиях объединенного Йемена сложилась ситуация, когда ислам выступает в качестве основы официальной идеологии ЙР, но одновременно является консолидирующим фактором части оппозиционных сил страны.

Во второй половине 90-х годов в Йемене сформировались две основные группировки сторонников «истинного ислама». Одна из них продолжает придерживаться идей «братьев-мусульман», выступающих за создание «халифата» на принципах социальной справедливости. Другая, так называемая «салафисты» – радикальные традиционалисты, близкие по своей идеологической доктрине к ваххабитам.

Следует отметить, что йеменские «братья-мусульмане» занимают более умеренные позиции, чем, например, их египетские единомышленники. После воссоединения страны Салеху удалось в какой-то мере установить контроль над их деятельностью, во многом используя тот факт, что «братья» вместе с другими исламскими группами создали организацию «Йеменское единение в защиту реформ» (ЙЕР), которая постепенно приобрела черты и атрибутику партии парламентского типа. Во главе ЙЕР встал Абдулла бен Хусейн аль-Ахмар – один из старейших племенных лидеров на севере страны, шейх конфедерации зейдитских племен Хашед. Он во многом поддерживает политический курс президента.

Отряды «братьев-мусульман» сыграли очень важную роль в победе Салеха над южанами в 1994 г. Однако они также разделили с ним ответственность за последующие тяготы проводившихся реформ. Следствием этого явилось снижение популярности идей исламистов и некоторое сокращение численности их рядов. Кроме того, став частью правящей политической элиты, кооптированной в органы государственной власти, «братья-мусульмане» временно утратили возможность проявлять свой экстремизм. Главным объектом их критики является ИСП, в то время как пропрезидентский ВНК критикуется избирательно.

Вместе с тем отметим, что «аль-Ислах» ведет вербовку добровольцев по всему Йемену для участия в чеченской войне. Боевики предварительно проходят подготовку в специальных лагерях на йеменской территории в отдаленных районах на севере и в центре страны.

Особую озабоченность у правительства ЙР и за рубежом вызывает деятельность «салафистов», которые принимают активное участие в различных вооруженных конфликтах и кризисах в мусульманских странах на почве сепаратизма и межобщинной розни. Местные «салафисты» выступают главными покровителями находящихся в Йемене (в основном на неподконтрольных правительству территориях) и интернациональных по своему составу «муджахеддинов».

Кроме того, в ЙР действуют представительства ХАМАС и «Исламского джихада». На юге проявляет активность экстремистская группировка «Исламская армия Адена и Абьяна». В провинции Хадрамаут проживает многочисленный клан бен Ладенов, одним из представителей которого является небезызвестный Усама бен Ладен.

Наличие на территории ЙР мусульманских экстремистских группировок вызывает серьезную обеспокоенность у руководства страны.

В 1995 г. правительство объявило о высылке 7,5 тыс. незаконно находящихся в республике иностранцев, включая представителей мусульманских радикальных группировок. США и Запад продолжают требовать от Йемена принятия решительных мер по ограничению свободы действий иностранных «салафистов», проходящих идеологическую и военную подготовку на территории ЙР. Но Салех действует весьма осторожно, т.к. иностранцы находятся под патронажем влиятельных шейхов местных племен.

О степени активности исламских экстремистов говорит террористический акт против американского эсминца «Коул» в Адене 12 октября 2000 г., в результате которого погибло 17 и было ранено 35 моряков. Более или менее действенные меры власти смогли принять только против местных «салафистов». Так, в качестве одной из акций противодействия стало решение о передаче права назначения проповедников («хаттабов») в мечетях под контроль министерства вакуфов.

После событий, связанных с террористическими актами в США в сентябре 2001 г., йеменские силы безопасности провели широкие аресты среди бывших «афганцев» и лиц, подозреваемых в связях с бен Ладеном. Было арестовано более 400 человек. Армейские части и формирования сил безопасности провели ряд войсковых операций против племен, укрывающих террористов.

В целом президент Салех в сложившейся религиозно-политической ситуации, не принимая шагов, которые могут вызвать недовольство правоверных, одновременно вынужден демонстрировать мировому сообществу свою готовность противодействовать распространению исламского экстремизма. При этом следует учитывать, что позиция, занимаемая западными странами в отношении деятельности исламистов на территории Йемена, значит для руководства ЙР достаточно много, поскольку обуславливает предоставление республике финансовой помощи.

Таким образом, исламский фактор, в том числе деятельность в стране радикальных исламских сил, в течение еще довольно длительного времени будет оказывать сильное влияние на общественно-политическую ситуацию в ЙР, включая вопросы национальной безопасности государства.

Исторически племенной фактор играл значительную роль в политической жизни Йемена, в первую очередь Севера. В конечном счете от поддержки крупных племенных конфедераций зависела судьба наиболее значительных процессов и событий в стране. При этом главным мотивом в поведении шейхов племен всегда оставалось противодействие центральным властям, стремившимся ограничить их суверенитет. Двое предшественников А.А.Салеха погибли в результате насилия из-за того, что пытались решить проблему племенного сепаратизма административными или военными методами.

Устойчивость родоплеменных отношений обусловлена в значительной мере социально-экономическими особенностями развития страны в целом, и северных районов в частности. Немаловажное значение для формирования специфической племенной психологии имела не только племенная раздробленность сама по себе, но и хозяйственно-экономическая замкнутость отдельных племенных групп. Фактически до настоящего времени каждое йеменское племя – это как бы отдельное «государство», обладающее территориальным суверенитетом (территория, на которой обитает племя, считается его собственностью и часто носит его название), живущее по своим законам и обычаям, часто не совпадающим с нормами шариата, что создает дополнительные предпосылки для сохранения центробежных тенденций, вооруженной борьбы племен в защиту своих прав. Зачастую и между самими племенами происходят стычки, в том числе вооруженные, из-за споров о принадлежности пастбищ и земельных угодий. Причем власти далеко не всегда в состоянии повлиять на их исход.

В объединенном Йемене влияние племенных отношений на мировоззренческие установки жителей страны несколько возросло, что вызвано относительным повышением значения племенных структур в изменившихся социально-экономических условиях жизни населения.

Сегодня, например, племенная верхушка контролирует наиболее прибыльные полулегальные сегменты рынка, в частности, продажу оружия. По различным оценкам, на руках у жителей страны (ок. 18,9 млн. чел.) находится от 50 до 65 млн. единиц стрелкового оружия. Правительство не решается прикрыть этот бизнес. Кроме того, оно по-прежнему слабо контролирует обстановку в северных и восточных провинциях. Одновременно племена остаются одним из важных источников пополнения личного состава регулярной армии, сохраняя при этом собственные вооруженные формирования*.

Вместе с тем все это не означает, что президент Салех примирился с засильем шейхов. Как и прежде, будучи еще президентом ЙАР, он действует при решении племенных проблем достаточно осторожно, «размывая» традиционные структуры главным образом экономическими средствами (через кооперативное движение, строительство дорог и т.п.). Кроме того, в своем противостоянии племенному сепаратизму президент уже давно придерживается разработанной им идеологии

---

* По состоянию на начало 2002 г. племенные официальные формирования насчитывали 20 тыс. человек. Они предназначены для охраны территорий племен и их вождей, а также участвуют в решении межплеменных споров. Отряды племен имеют на вооружении артиллерийские орудия, зенитные установки, противотанковые ракетные комплексы, переносные зенитные ракетные комплексы, БМП и БТР. Основная часть оружия получена племенами в период гражданской войны 1994 г., а также контрабандным путем.

«национального согласия», стержневым принципом которой выступает патриотизм как главный фактор консолидации общества.

Бесспорно, что предпринимаемые правительством социальные и экономические меры будут разрушать традиционные племенные структуры, способствовать укреплению централизованного государства и ограничивать власть и влияние шейхов. Вместе с тем данный процесс будет идти медленно и болезненно и еще на протяжении длительного времени племенной фактор в силу его высокой значимости будет играть одну из ключевых ролей в политической жизни страны, тормозя консолидацию йеменского общества, а традиционные формы по-прежнему будут продолжать оказывать большое влияние на мировоззренческие установки населения.

Президенту Салеху благодаря свойственной ему гибкости и умению лавировать между различными политическими группировками удается сохранять свои позиции. Возглавляемый им ВНК расширяет присутствие во всех государственных структурах. Исламисты из «аль-Ислаха» пока стремятся воздерживаться от резких критических высказываний против правительства. Они накапливают силы и ждут своего часа.

Правительство удерживает под контролем действия и развитие светской оппозиции – баасистов, насеристов, арабских националистов. Значительное давление со стороны правоохранительных органов оказывается на ИСП – вплоть до арестов по обвинению в причастности к террористической деятельности.

Таким образом, в Йемене в настоящее время происходит противоборство следующих основных политических сил: социалистических (с уклоном в сторону «арабского социализма»), исламистских (умеренных и радикальных) и националистических (официальных). Созданная А.А.Салехом йеменская модель политических сдержек и противовесов, в которой он играет ведущую роль, не позволяет пока возобладать ни одному из названных течений. Одновременно президент готовит себе смену – в качестве преемника он рассматривает своего сына Ахмеда (1956 г. рождения, депутат парламента, полковник ВС).

В настоящее время, по данным иностранной печати, вооруженные силы Йемена насчитывают 54 тыс. человек и состоят из сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морских сил. Военный бюджет в 2000 г. составил 435 млн. долларов.

Верховным главнокомандующим вооруженными силами Йемена является президент республики. Он возглавляет созданный в 1990 г. Совет национальной безопасности, который отвечает за планирование и проведение в жизнь военной политики государства. Он руководит вооруженными силами через министерство обороны и генеральный штаб.

Военно-политическое руководство Йемена считает вооруженные силы основной опорой в деле защиты национальных интересов и территориальной целостности страны, важнейшим инструментом для проведения внешнеполитической деятельности и

обеспечения внутренней стабильности. Хотя военные занимали и продолжают занимать многие ведущие посты в высших органах власти, на протяжении всей истории Йемена они никогда не были политическим гегемоном в стране.

Значимость армии в жизни республики на сегодняшний день и на обозримую перспективу определяется в первую очередь ее значением как общенациональной организации, которая играет одну из ведущих ролей в процессе укрепления централизованного государства, выполняет функции особого государственного и одновременно особого политического института. Военные также продолжают контролировать многие государственные структуры.

Такая роль вооруженных сил обусловлена сохраняющейся неразвитостью современных социальных, экономических и политических структур ЙР, отсутствием четкого экономически доминирующего класса, медленным размыванием феодально-племенных устоев, слабостью большинства действующих в стране массовых политических организаций, относительной политической пассивностью населения, недостаточной развитостью общенациональных связей. В этих условиях армия выступает наиболее дееспособной и активной центростремительной силой, выполняет роль цементирующего фактора пусть медленно, но идущего вперед процесса становления йеменской национальной общности.

В то же время для стабильности ситуации в самой армии большое значение имеет фактор личной преданности офицерского состава военно-политическому руководству республики. Данному вопросу президент А.А.Салех уделяет постоянное и самое пристальное внимание. И, как показывает практика его многолетнего правления, он делает это достаточно умело.

Особое место в силовых структурах ЙР занимают силы центральной безопасности МВД (50 тыс. человек), находящиеся под командованием брата президента ЙР Мухаммеда Абдаллы Салеха. В 1999 г. в республике создано специальное антитеррористическое подразделение. Личный состав для него отобран из элитных армейских частей. Структурно подразделение входит в президентскую охрану. Его задачей является борьба с любыми проявлениями терроризма, а также похищениями иностранцев. Командир отряда – сын президента ЙР полковник Ахмед Салех.

В заключение коротко остановимся на роли армии в защите внешних интересов государства. Основные угрозы национальной безопасности Йемена во внешней сфере вытекают из сложности военно-политической обстановки в зоне Персидского залива и неполной урегулированности территориально-пограничных споров с Саудовской Аравией и Эритреей. Негативно на безопасности ЙР сказывается также сохраняющаяся нестабильность в районе Африканского Рога.

В то же время финансовые и экономические трудности, сложное внутривнутриполитическое положение республики, полное отсутствие собственной военно-промышленной базы не дают возможности йеменскому руководству поднять боеспособность национальных вооруженных сил до уровня, позволяющего надежно обеспечить безопасность и неприкосновенность внешних границ государства. В войсках много устаревшей и отслужившей свой срок техники. Слабым остается уровень подготовки личного состава. Медленно реализуются планы перевооружения армии. Все еще невелики поставки современных видов оружия и военной техники из-за рубежа.

Слабость национальных вооруженных сил во многом обусловливает нынешний внешнеполитический курс ЙР, направленный на недопущение крупных конфликтов в отношениях с соседями, на политическое урегулирование спорных территориально-пограничных вопросов.

1. Поляков Н.И. Объединенный Йемен: эволюция идеологии и ислам // Ближний Восток и современность. Выпуск девятый. – М., 2000.

**РОЛЬ АРМИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЛИВИИ
(история и современность)**

Роль и место национальной армии в политической жизни Ливии видоизменялись в зависимости от характера государственного устройства и отношения руководства страны к вооруженным силам и выполняемым ими задачам.

До второй половины 60-х годов прошлого века вооруженные силы Ливии развивались медленно. Король Идрис I не хотел иметь сильной армии. Он боялся, что по примеру соседнего Египта военные могут свергнуть монархию, и поэтому держал их под особым контролем. Офицерский корпус в первые годы после обретения независимости был тесно связан с монархическим режимом. Но постепенно состав среднего и младшего офицерства качественно менялся за счет пополнения выходцами из средних слоев.

После поражения арабов в войне с Израилем в 1967 г. в стране и особенно в армии усилились патриотические настроения, с которыми монархический режим не мог не считаться. В офицерском корпусе усиливался антимонархизм. В 1964 г. молодые офицеры Муаммар Каддафи, Абдель Салам Джаллуд, Абу Бакр Джабер и ряд других создали подпольную организацию «Свободные офицеры юнионисты-социалисты» (СОЮС). Ее целями провозглашены: свержение монархии, освобождение страны от экономического господства империализма, ликвидация иностранных военных баз, преодоление вековой отсталости, установление социальной справедливости, достижение арабского единства. Лозунгом организации был девиз: «Свобода, единство, социализм». На СОЮС оказали сильное влияние идеи египетской революции 1952 г. и ее руководителя Г.А.Насера. В целом же «свободные офицеры» не имели большого опыта политической и общественной деятельности, сколько-нибудь определенной программы социальных преобразований и, тем более, сложившихся политических убеждений. Однако, несмотря на молодость и отсутствие опыта, М.Каддафи и его соратники смогли успешно наладить работу хорошо законспирированной революционной организации.

С целью пополнения своего образования многие члены СОЮС поступили на учебу в местный университет, изучали принципы и методы государственного управления, приобретали политические, экономические, финансовые, правовые и дипломатические знания.

Возрастающее брожение в армии, усиление общей напряженности в стране способствовали укреплению рядов СОЮС. К 1969 г. в состав

организации входили уже офицеры всех видов вооруженных сил, в том числе отдельные представители старшего офицерства. К этому времени даже многие военные, преданные Идрису I, отчетливо понимали, что только упреждающая смена власти может спасти страну от беспорядков, которые ожидалась после смерти престарелого монарха.

В начале 1969 г. Каддафи решил, что СОЮС сможет мобилизовать достаточно сил для свержения королевского режима. К марту приготовления к захвату власти заканчиваются. Был разработан четкий план действий с учетом различных обстоятельств, включая возможное иностранное вмешательство.

В ночь с 31 августа на 1 сентября 1969 г. «Свободные офицеры» совершили переворот. Верные им части быстро и практически без потерь захватили важнейшие объекты в Триполи и Бенгази. Были арестованы члены королевской семьи, ряд высших офицеров и министров. Страна была провозглашена Ливийской Арабской Республикой. Власть перешла к Совету революционного командования (СРК) в составе 24 человек (всего к моменту переворота в СОЮС было 200 офицеров). 4 сентября капитан М.Каддафи официально стал председателем СРК, а 8 сентября ему было присвоено воинское звание полковник. В первые месяцы после революции Совет выполнял роль «теневое» военного кабинета, контролируя армию и ключевые звенья госаппарата. В Ливии фактически был установлен военный режим.

Революция 1 сентября коренным образом изменила внутривнутриполитическую ситуацию в Ливии. Легкость, с которой произошла смена власти, явилась следствием того, что монархический режим с его прозападной ориентацией во внешней политике и консервативностью внутри страны изжил себя и не пользовался поддержкой ни в обществе, ни у значительной части самой правящей элиты.

После переворота перед его руководителями встала задача построить новое государство. В то же время цели, которые ранее спланировали члены СОЮС, либо были достигнуты, либо практически отошли на второй план. Создалась иная обстановка, перед «Свободными офицерами» встали новые проблемы. В определении направления строительства нового государства и поисков путей и методов решения конкретных задач революции взгляды членов организации не совпадали, да и не могли сходиться со взглядами представителей других классов и слоев ливийского общества. «Поскольку этому сопутствовали также социальная разнородность армии, вопрос о единстве и сплоченности «Свободных офицеров» помимо воли членов организации усложнился» (5, с. 193).

Ход событий в стране показал, что армия – это далеко не единая сила. Об этом свидетельствовало раскрытие уже в декабре 1969 г. заговора с участием высших военных чинов, связанных с Западом. После этого из армии были уволены реакционные и консервативные военные, главным образом из числа старших офицеров.

Одним из первых документов СРК стал декрет о реорганизации национальных вооруженных сил. В наследство от прежнего режима

молодым революционерам досталась малочисленная (8,5 тыс. человек) и слабо вооруженная армия. Для утверждения своей региональной и международной роли новое руководство сразу же приступило к наращиванию военной мощи страны. Уже в первые послереволюционные месяцы численность армии увеличивается более чем в два раза. В 1970 г. с Францией заключается соглашение о закупке 100 истребителей «Мираж».

Вместе с тем процесс реорганизации армии проходил сложно. Старшее офицерство в большинстве своем не пошло на службу новому режиму. В итоге ВС почти полностью лишились опытных военных специалистов, способных решать организационные и оперативные задачи. Срочно пришлось браться за подготовку офицерских кадров.

В первые годы после революции основатели «Свободных офицеров» являлись полновластными хозяевами положения в стране, как в центре, так и в провинции, особенно в тех местах, где дислоцировались находившиеся под их командованием воинские части. Однако постепенно происходило выделение в отдельную группу тех военных кадров, которые продемонстрировали свою «особую верность» руководящему ядру СРК и лично Каддафи. Именно это руководящее ядро (Каддафи, Джаллуд, Джабер, Харруби, Хувейлди) взяло на себя многие функции государственного управления.

Одновременно в начале 70-х годов из числа членов СОЮС начали выдвигаться представители «второго эшелона». М.Каддафи и его окружение сумели и из их среды отобрать и сплотить вокруг себя верных людей. Противники же ливийского лидера сделать этого не смогли. В результате все их попытки отстранить Каддафи от власти закончились провалом.

«Именно офицеры «второго эшелона» стали главными исполнителями решений СРК. Они обеспечивали боеспособность армии, и через нее поддерживали стабильность в стране, были главной опорой элитарной верхушки во главе с Каддафи» (1, с. 216).

Отметим, что по своему составу ливийская военная элита не была однородной и не стала ею в дальнейшем. Значительная часть военной элиты (до 70%) в первые послереволюционные годы была представлена выходцами из семей мелкой и средней буржуазии, которые выдвинулись по службе благодаря непосредственному участию в революции 1969 г., либо в разное время примкнули к СОЮС. Около 25% командного состава являлись выходцами из влиятельных семей, которые имели вес и авторитет благодаря связям с крупным национальным и иностранным капиталом. И всего лишь 5% офицеров были военными специалистами-технократами, которые не вмешивались в политику и занимались чисто служебными вопросами.

Различной была и внешнеполитическая ориентация офицеров. И здесь со временем все большим влиянием стали обладать те, кто выступал за преимущественное развитие военных связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Таким образом, офицерская среда была сосредоточием разнородных, в том числе оппозиционных новому режиму политических сил, в армии постоянно происходили процессы размежевания среди офицеров, часть из которых не была готова, да и не хотела дальнейшей радикализации революции.

В этой сложной внутриармейской обстановке Каддафи и его окружение избрали тактику лавирования между отдельными группировками, что в конечном итоге позволило им выделить из числа офицеров надежное ядро, опираясь на которое, ливийский руководитель одержал победу над своими оппонентами в ВС. Уже в первые послереволюционные годы Каддафи сумел добиться ведущего положения в кругах военной элиты. Это дало ему возможность не только стать полноценным лидером государства и армии, но и вплотную заняться вопросами стратегии дальнейшего развития революции. Плодом теоретических изысканий Каддафи стала так называемая «третья мировая теория», отвергавшая как капиталистический, так и социалистический (марксистский) пути развития общества.

В 70-е годы продолжался численный рост ливийских вооруженных сил, началось масштабное поступление в войска современной боевой техники. С середины 70-х годов ведущим поставщиком оружия и военной техники для вооруженных сил Ливии стал Советский Союз.

В 1969–1973 гг. военные покончили с властью прежних правящих кругов во главе с королевской семьей, реализовали программы аграрной реформы, содействовали развитию национального капитала. Однако темпы и глубина революционных преобразований не устраивали Каддафи. Ливийский лидер и его ближайшее окружение постоянно искали новые формы политического устройства страны, понимая, что опора лишь на армию, которая пришла к власти в результате военного переворота, не может быть достаточно надежной. Ведь всегда может найтись группа честолюбивых офицеров, которые создав тайную организацию, попытаются захватить власть. Тем более, что прецеденты этому имелись. К тому же, как говорилось выше, не все представители офицерства разделяли взгляды и одобряли практические дела своего руководителя.

В данных условиях Каддафи решил радикально углубить революционные преобразования, придать им более широкий размах, опираясь при этом на народные массы, рассчитывая на их поддержку.

В 1973 г. в Ливии началась так называемая «народная культурная революция», которая имела целью сломать старую государственную структуру. Повсеместно появлялись новые органы власти – народные комитеты. Внутриполитическая обстановка в стране заметно осложнилась. Особенно острой она стала в 1975–1976 гг. Выборы в народные комитеты затронули интересы шейхов племен и деревенских старост, которые настраивали население против власти. На этой почве имели место столкновения населения с армейскими подразделениями.

Изменения, происходившие в Ливии, привели к окончательному расколу движения «Свободные офицеры», которое разделилось на

две неформальные фракции: радикальную во главе с Каддафи, и умеренную, выступавшую за развитие республики по буржуазно-демократическому пути. Борьба завершилась поражением второй. В августе 1975 г. предпринимается попытка военного переворота. Причем во главе заговорщиков стоял член СРК, один из сподвижников Каддафи О.Мохсейн, которому после неудачи удалось бежать в Тунис, а затем в Египет. С Мохсейном СРК покинули еще пять видных его членов. Это был самый острый кризис в правящей верхушке после 1969 г. Вместе с тем большинство армейских офицеров поддержало Каддафи. В результате он устанавливает твердый личный контроль в стране и над высшим командованием вооруженных сил.

Дальнейшее развитие революции привело в марте 1977 г. к преобразованию страны в Социалистическую Народную Ливийскую Арабскую Джамахирию (СНЛАД). Было заявлено о ликвидации государства в традиционном понимании этого слова и передаче управления и власти непосредственно народу через местные народные собрания, народные комитеты, профсоюзы и т.п. Вместо министерств создаются секретариаты.

В основу политического устройства Ливии были положены идеи, отвергающие, по взглядам руководства СНЛАД, «фальшивые формы демократии» (парламент, политические партии, правительство) как неспособные в полной мере выражать интересы народа. Взамен провозглашался принцип прямого народовластия («джамахирии»), т.е. участия всего населения страны в решении вопросов государственной жизни. Конституция в Ливии отсутствует. Деятельность политических партий и организаций запрещена и жестоко преследуется. Была декларирована необходимость замены армии «вооруженным народом». Причем Каддафи заявил, что «существование профессиональной армии противоречит демократии».

Реально же, несмотря на все декларативные заявления, власть в стране по-прежнему оставалась в руках Муаммара Каддафи, возглавившего созданное в 1979 г. Революционное руководство в составе пяти человек (сам Каддафи и четыре его сподвижника по революции 1969 г.).

В 1978–1981 гг. в Ливии была проведена национализация всех отраслей экономики. Национализировались даже мелкие предприятия и торговые точки. Проводимые мероприятия, учитывая их недостаточную продуманность и поспешность реализации, способствовали дальнейшему усилению оппозиционных настроений в стране. Возросли хозяйственно-экономические трудности, ухудшилось материальное положение широких слоев населения. В условиях сокращения в середине 80-х годов валютных поступлений от нефти основной упор в развитии экономики был сделан на государственный сектор. Однако его потенциал оказался явно недостаточным для улучшения экономической ситуации в СНЛАД.

При преобразовании в 1977 г. страны в Джамахирию вооруженные силы остались в непосредственном подчинении М.Каддафи как вер-

ховного главнокомандующего, а вместо министерства обороны и генштаба было создано Главное командование. Джабер стал главнокомандующим вооруженными силами, а Харуби – Главным инспектором ВС. Таким образом, армия сохранила свое независимое положение от новых высших органов законодательной и исполнительной власти.

Однако вооруженные силы не остались в стороне от «революционных преобразований». Им вменялась новая функция – проведение военной подготовки всего населения страны. В конце 70-х годов в Ливии развернулась кампания «военизации городов и населения», «превращения каждого предприятия в казарму». Она трактовалась как полная военизация производства и общественной жизни, охват военной подготовкой всего трудоспособного населения СНЛАД. Взрослому населению было предписано один раз в неделю заниматься военной подготовкой с целью овладения одной из воинских специальностей. Студенты и учащиеся старших классов обязывались ежегодно проходить двухмесячную подготовку в военных лагерях. Фактически данная кампания была направлена на то, чтобы изменить кадровый состав вооруженных сил.

Вооруженные силы активно участвовали в наступлении на частную торговлю – армейские бульдозеры сносили магазинчики, а их владельцев стали призывать на военную службу.

В 1978 г. регулярная армия была разделена на «войска отпора» и «войска охраны Джамахирии» («Джамахирийскую гвардию»). К «войскам отпора» относились наиболее подготовленные танковые, механизированные и артиллерийские соединения и части, предназначенные для отражения первого удара противника. Основной задачей «войск охраны» стало поддержание порядка в стране. В состав «Джамахирийской гвардии» были включены танковые, механизированные и зенитные ракетные части и подразделения. В этом же году принимается закон об обязательной военной службе, который вводил всеобщую воинскую повинность и разрешал брать на военную службу женщин. В 1979–1980 г. формировались батальоны «народного сопротивления» (1–2 в каждом населенном пункте, по одному в каждом городском районе) и «муджахеддинов» (из числа молодежи, преданной Каддафи).

Социальная неоднородность народных собраний, несостоятельность народных комитетов, а главное – усиление оппозиционных настроений в обществе привели к созданию в ноябре 1978 г. «революционных комитетов». Они стали функционировать повсеместно – на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, внутри народных собраний, в городах, селениях и т.д. Ревкомы объединяли наиболее активно поддерживавшие режим элементы и стали руководящей и направляющей силой в борьбе с оппозицией за проведение радикальных социально-экономических преобразований. На них было возложено проведение в жизнь решений руководства в политической, экономической и идеологической сферах. Фактически ревкомы стали

главной опорой тоталитарной диктатуры Каддафи, а в их составе было много сотрудников органов безопасности.

Создание в стране ревкомов не в последнюю очередь означало перемещение центра власти от военных к новоявленным «побудителям и контролерам революции».

Кампания по созданию революционных комитетов не обошла и армию. В апреле 1979 г. в Бенгази впервые после революции был созван съезд движения «Свободные офицеры», который принял решение о создании в армии ревкомов. Их основными задачами стали: осуществление идеологического контроля над личным составом вооруженных сил, подавление любых оппозиционных выступлений, практическая реализация лозунга «вооруженного народа» и всеобщего военного обучения населения, координация действий с гражданскими ревкомами, особенно в деле борьбы с инакомыслием в Джамахирии. Ревкомы также следили за перемещениями офицеров по службе.

В армии развернулась активная борьба с явными и скрытыми противниками режима. Только в 1980–1981 гг. из ее рядов в результате чистки было уволено около 10 тыс. человек, в первую очередь офицеров, в основном выходцев из имущих слоев. Широко применялась практика перемещений офицерских кадров. В 1983 г. усилилась критика вооруженных сил со стороны подконтрольных ревкомом СМИ.

В целом в начале 80-х годов за армией осуществлялся тройной контроль: ревкомами, военной контрразведкой и Управлением моральной ориентации (УМО). О состоянии дел в вооруженных силах в те годы можно судить, в частности, по директиве УМО (1985 г.): «Подчиненный, получив приказ, должен убедиться в его революционном содержании. В случае сомнения он должен не подчиниться. В угрожающих ситуациях и случаях, не допускающих промедления, лицо, отдавшее неревolutionный приказ, должно быть уничтожено физически ... Директива считается постоянно действующей вплоть до замены армии вооруженным народом» (2, с. 130). Все это вызывало болезненную реакцию в армейской среде.

Но и у власти было достаточно оснований опасаться военных: по данным иностранной печати, только в первой половине 80-х годов в Ливии было предпринято до восьми попыток военных переворотов. Имели также место попытки покушений на Каддафи и Джаллуда. Так, в феврале 1978 г. был раскрыт заговор с участием офицера военной разведки, а уже в марте – еще один, который возглавляли военные – выходцы из племен, враждебных племени Каддафи. Это заставило его повернуться лицом к проблемам взаимоотношения с племенами. В результате, несмотря на свою теорию (а фактически опровергая ее), отвергавшую важность партий и племен в жизни общества, ливийский лидер стал назначать на ключевые должности в армии и ревкомах преданных ему людей из своих кланов.

Несмотря на все попытки изменить вооруженные силы, принизить их значимость, они продолжали играть важную роль в жизни ливийского общества, хотя и не вписались в полной мере в джамахирийскую систему. Каддафи мог бы и не добиться осуществления своих планов реорганизации политической структуры, при которой он сумел получить неограниченную власть, если бы не поддержка армии, которая оставалась одной из опор режима, хотя и в ней было много недозволенных мерами против частного сектора.

В 1984 г. принимается Закон о вооруженном народе, направленный на то, чтобы в будущем лишить армию монопольного права выполнять функцию обороны страны. На первом этапе он предусматривал, что народ должен обучаться военному делу вместе с армией, совместно с ней защищать правящий режим. В дальнейшем предполагалась полная замена армейских институтов «вооруженным народом». По закону мобилизованные граждане (все мужчины и женщины, достигшие 18-летнего возраста) должны проходить военную подготовку, будучи приписанными к определенным воинским частям. В случае необходимости они получают оружие, хранящееся на складах, и приступают к выполнению боевой задачи. После ее выполнения люди вновь возвращаются к гражданской жизни.

В январе 1985 г. принимается новый закон о призыве на военную службу. Он предусматривал обязательную военную подготовку всего населения в возрасте от 14 до 35 лет (два раза в неделю и один месяц в году).

К середине 80-х годов были созданы ревкомовские вооруженные формирования, не входившие в состав вооруженных сил. У них был свой штаб, сухопутные, авиационные и морские части.

Создавая новую военную организацию в стране, ливийское руководство полагало, что это поможет избежать опасности захвата власти армией, а в случае необходимости поставит практически все население Джамахирии под ружье.

М.Каддафи много сделал для армии, ее личного состава, превратил его в привилегированную часть общества. Много было сделано и для улучшения технического оснащения вооруженных сил. Однако реальная боеспособность ВС оставалась на низком уровне. И это не взирая на то, что 80-е годы характеризуются дальнейшим наращиванием военных расходов, ростом численности армии и крупными военными закупками за рубежом. В то же время следует отметить, что закупки вооружений значительно превышали реальные потребности вооруженных сил, зачастую проводились хаотично, бессистемно. Большое количество боевой техники просто складировалось (а то и просто оставлялось на огороженных участках открытой местности), так как для ее использования и технического обслуживания не хватало личного состава. Непосредственно в войсках находилось от 30 до 50% поступавшего в страну вооружения. В условиях дефицита националь-

ных инженерно-технических кадров и специалистов-ремонтников, слабого уровня их подготовки значительную часть работ по обслуживанию и ремонту техники выполняли иностранные специалисты. Кроме того, часть летного состава ливийских ВВС была представлена пилотами из Сирии и Пакистана.

В целом ливийскому руководству, несмотря на прилагаемые усилия, так и не удалось создать хорошо обученную, обладающую рациональной организационной структурой армию. Не особенно высоким было и политико-моральное состояние ее личного состава. Все это наглядно проявилось в вооруженных конфликтах второй половины 80-х годов.

Так, боевые столкновения ливийских ВС с американской авиацией, как правило, заканчивались в пользу последней. Однако наиболее рельефно все слабые стороны ливийской армии проявились в ходе войны в Чаде – самом масштабном и длительном вооруженном конфликте (середина 70-х годов – 1988 г.). По оценкам иностранных специалистов, потери ливийских вооруженных сил только в 1986–1987 гг. составили 2800 убитых и 1300 пленных. Имелось много случаев дезертирства и добровольной сдачи в плен. Значительными были потери в боевой технике. Материальные издержки войны в Чаде превысили 1,5 млрд. долл. Однако ливийцы так и не смогли сломить сопротивление чадцев. В итоге Каддафи был вынужден прекратить войну и официально отказаться от претензий к южному соседу.

В 70–80-е годы Каддафи стал все больше беспокоиться о том, что многие офицеры, да и другие категории военнослужащих не проявляли особого желания совершенствовать свои профессиональные навыки. Росли опасения того, что рано или поздно армия, не желавшая ничего делать, а только получать льготы, из опоры режима превратится в его противника, причем наиболее опасного. В этой ситуации ливийский лидер решил сделать все возможное для устранения угрозы своей власти со стороны ВС, особенно их верхушки. К этому его подталкивало и сложное внутривнутриполитическое положение в Джамахирии.

В марте 1987 г. ливийское руководство, поняв, наконец, что страна устала от революционного бунтарства и сплошной радикализации (а это угрожало главному – стабильности и прочности режима), приступило к исправлению перекосов и ошибок, допущенных в предыдущие годы. Был в значительной степени восстановлен в правах частный сектор экономики, многоукладность признавалась в качестве основы дальнейшего социально-экономического развития.

Однако на этом фоне продолжалось всевластие ревкомов. Они превратились в элиту общества, потеснив даже «старую гвардию» революции, а по существу, пополнили ряды «новой буржуазии». Вместе с тем в 1988 г. Каддафи, почувствовав, что недовольство населения ревкомми приближается к критической точке, заявил, что ревкомы «зарвались», и начал свертывать их деятельность, а на их месте стал создавать комитеты обороны, куда и «переливались» бывшие ревкомовцы.

Демократический механизм управления страной, о чем много говорилось, так и не был создан. Всевластие Каддафи с годами стало неоспоримым. Этому способствовали специфические особенности ливийского общества, по существу, застывшего в кланово-племенной структуре. Каддафи почти не затронул обычаи и сложившуюся веками жизнь бедуинов и племен, права и положение их вождей, границы сфер влияния между ними. В стране отсутствовали глубокие демократические традиции, а для большинства населения характерен замкнутый образ жизни. Ливийский лидер исключительно умело использовал эту национальную специфику, а его политическая демагогия превратилась в одно из крайних проявлений авторитаризма, фактически подорвавшего веру в народе в возможность построения справедливого социалистического общества.

Достигнув апогея власти, Каддафи начал трансформировать свой «субъективный социализм» сначала в сторону радикального обобществления средств производства, а затем вспять – в концепцию многоукладности, восстановившую капиталистическую собственность в условиях тупиковой ситуации во второй половине 80-х годов. При этом главной оставалась задача сохранения власти.

В целом же вся история Ливии и ее армии после сентября 1969 г. – это во многом история борьбы Муаммара Каддафи за упрочение своей власти и постоянных поисков путей развития страны.

В августе 1988 г. лидер ливийской революции объявил о роспуске «классической армии» и традиционной полиции и образовании «Сил вооруженного народа» (СВН). Создавались народные комитеты обороны на местах и высший комитет обороны (фактически министерство обороны) в центре. Армию сократили вдвое, а большинство кадровых офицеров переместили на новые посты. Были также созданы параллельные военные структуры – силы «Местной народной обороны» (МНО) и «Вооруженного народного дежурства» (ВНД).

Однако на деле произошла лишь смена вывесок: виды вооруженных сил – сухопутные войска, ВВС и ПВО, ВМС стали составными частями «Сил вооруженного народа». Вместе с тем часть армейской «старой гвардии» была потеснена молодыми радикальными ревкомовцами. Таким образом, полностью концепция «вооруженного народа» так и не была реализована, хотя и были созданы соответствующие силовые противовесы армии в лице «Джамахирийской гвардии», МНО и ВНД, а также народной милиции.

Введение в 1992 г. против Ливии международных санкций по обвинению в организации взрыва над Шотландией в декабре 1988 г. пассажирского самолета авиакомпании «Пан Американ», в результате чего погибли 270 человек («дело Локерби»), привело к ухудшению внутреннего и внешнего положения страны. По различным оценкам, потери от эмбарго только в 1992–1997 гг. составили 24–26,6 млрд. долл. Пострадали практически все отрасли народного хозяйства. Произо-

шел повсеместный рост цен. В этих условиях усилилась деятельность оппозиционных режиму сил, прежде всего исламских фундаменталистов, которые стремились усилить свои позиции в различных слоях общества.

В 1995 г. исламисты организовали беспорядки в ряде городов. Причем власти обвинили Египет и Судан в оказании помощи оппозиционерам. Летом 1996 г. в Киренаике, где позиции фундаменталистов наиболее сильны, предпринимается попытка развернуть вооруженную борьбу против правящего режима. Основу боевых формирований оппозиции составили бывшие ливийские «афганцы» – до 1000 человек. Для ликвидации вооруженного выступления были задействованы крупные силы правительственных войск – до 5000 военнослужащих и боевая авиация. Потери с обеих сторон составили до 600 убитых и 800 раненых. В конечном итоге властям удалось не только разгромить отряды фундаменталистов, но и нанести чувствительные удары по исламистскому подполью в целом. Это значительно ослабило фундаменталистов и стабилизировало ситуацию в стране.

Введение международных санкций самым негативным образом сказалось на боеспособности и боеготовности вооруженных сил СНЛАД: уехали иностранные советники и специалисты, прекратились поставки новой техники и запчастей к уже поставленной, осложнились проблемы с ремонтом и эксплуатацией вооружения. Сократились военные расходы, численность вооруженных сил и количество боевой техники в войсках.

В военной среде в 90-е годы отмечался рост недовольства политикой правящего режима, ослаблением роли армии в стране в результате курса на «прямое вооружение народных масс», усилилось влияние исламистов на военнослужащих. В 1993 и 1995 гг. в войсках произошли крупные вооруженные выступления против режима. После чего в армии были проведены массовые чистки, которые в первую очередь коснулись офицерского состава, в том числе его высшего звена. Власти также предприняли ряд шагов по упрочению своего влияния на военнослужащих.

Разногласия проявляются и в самых высших эшелонах власти. Так, в 1994 г., по сообщениям иностранной печати, Каддафи фактически отстранил от руководящих постов одного из «отцов-основателей» ливийской революции, члена Революционного руководства майора Джаллуда. В 1995 г. подал в отставку член Революционного руководства М.Харуби. Отставку просили Хувейлди и Джабер, но Каддафи им отказал.

На сегодняшний день оппозиция правящему режиму разнородна. Ее социальную базу составляют часть военных, несогласных с теорией «вооруженного народа», лишённые прежнего влияния религиозные деятели, а также традиционалистские слои, враждебные социальному и религиозному модернизму. Власти не допускают формирования организованной оппозиции внутри страны, в то время как влияние

противников режима, действующих за рубежом, остается ограниченным. В сложившейся ситуации наибольшую опасность для себя руководство СНЛАД видит в возможности возникновения стихийных массовых волнений, которые могут поставить режим в критическое положение. А вероятность подобного развития ситуации, как показали события 1996 г., связанные с беспорядками, возникшими во время футбольного матча, реально существует.

На сегодняшний день ливийская армия находится в сложном положении. Ее внутривластная значимость заметно снизилась. Военные лишились монопольного права выполнять функции по обороне страны. Тем не менее режим продолжает опасаться вооруженных сил и сохраняет плотный контроль за их повседневной жизнью и деятельностью.

М.Каддафи оставил за собой все военные посты и лично уделяет большое внимание военным вопросам. Верховный главнокомандующий определяет основные направления военной политики и координирует деятельность всех органов власти в интересах организации обороны страны. В его полномочия входит объявление войны, всеобщей мобилизации, чрезвычайного положения, принятие решений по реформированию вооруженных сил, созданию новых видов и родов войск, по закупкам необходимых образцов техники и вооружения, определение порядка призыва и прохождения службы и т.д.

При верховном главнокомандующем имеется Совет национальной обороны (СНО) – высший орган, вырабатывающий военную политику страны. СНО определяет численность и организацию ВС в мирное и военное время, принимает решение о формировании новых соединений и частей, выделении материальных и людских ресурсов на военное строительство и ведение войны, координирует деятельность всех государственных учреждений и общественных организаций в интересах обороны СНЛАД, осуществляет контроль за бесперебойным снабжением вооруженных сил, отвечает за организацию Гражданской обороны, определяет основные направления идеологической и моральной подготовки населения страны и личного состава ВС. В мирное время СНО собирается периодически, а в военное является постоянно действующим органом.

Непосредственное руководство ВС в мирное время осуществляет Генеральный секретарь (министр обороны) Главного комитета обороны (ГКО), главнокомандующий СВН бригадный генерал Юнее Джабер.

ГКО является основным органом управления в общей системе «Сил вооруженного народа» (СВН) и объединяет в себе функции министерства обороны и генерального штаба, решая задачи административного и оперативного управления войсками. В состав руководства ГКО входят: Генеральный секретарь, секретарь (начальник генштаба – командующий сухопутными войсками), начальники штабов (командующие) ВВС и ПВО, ВМС, главный военный инспектор, ко-

ман্ডующий «войсками охраны Джамахирии», начальники штабов (командующие) МНО и ВНД, начальники управлений разведки, контр-разведки, оперативного, организационного, революционной ориентации и подготовки, начальник секретариата ГКО.

Жесткие международные санкции и прекращение официального военно-технического сотрудничества с зарубежными странами негативно сказались на боеспособности и боеготовности ливийской армии, качестве подготовки командных и инженерно-технических кадров, а главное – на состоянии вооружения. Значительная часть боевой техники изношена, многократно выработала положенные ресурсы и нуждается в ремонте. Коэффициент ее технической готовности постоянно понижается из-за отсутствия нужного количества и ассортимента запасных частей, износа оборудования ремонтной базы и нехватки квалифицированных специалистов по ремонту и обслуживанию вооружения. Кроме того, многие образцы вооружения, поставленные еще в конце 70-х – середине 80-х годов, морально устарели, требуют серьезной модернизации или замены. Однако в условиях эмбарго на военные поставки это сделать было невозможно.

Укомплектованность большинства соединений и частей находится на низком уровне. Ощущается острая нехватка кадров, способных организовать боевую учебу в войсках на уровне современных требований военного дела и новейших методик. Оперативная и боевая подготовка штабов и войск проводится нерегулярно и по сокращенным программам. Отмечается также снижение уровня морально-психологического состояния всех категорий личного состава, ухудшение воинской дисциплины, ослабление мотивации к службе у всех категорий личного состава, несмотря на относительно высокий уровень благосостояния кадровых военнослужащих по сравнению со многими другими слоями населения.

Ливийское руководство в создавшихся условиях стремится не допустить дальнейшего снижения боеспособности вооруженных сил и ухудшения технического состояния вооружения.

Коротко остановимся на задачах, решаемых ливийской армией по защите страны и ее внешних национальных интересов.

Революция 1 сентября 1969 г. полностью изменила внешнеполитический курс страны, сделав его антиимпериалистическим. Основной целью ливийской внешней политики стали борьба против Израиля, западного неокOLONиализма, за достижение арабского единства. В целом внешнеполитическая деятельность новой власти характеризовалась активностью, динамичностью, определенной целенаправленностью, но вместе с тем она отличалась противоречивостью, непоследовательностью, импульсивностью, непредсказуемостью. Это отражало общую неустойчивость идейно-политических концепций ливийского руководства. В известной степени подобная ситуация сохраняется и в настоящее время.

В целом на ближайшую перспективу ливийское руководство основные усилия направляет на достижение полной отмены международных санкций против СНЛАД (их действие приостановлено в 1999 г.). Ливия также постарается выйти из международной изоляции, а в случае отмены эмбарго – восстановить военно-технические связи с зарубежными странами и на этой основе осуществить модернизацию своих вооруженных сил. Одновременно Ливия, по всей видимости, будет избегать острых конфликтных ситуаций в отношениях с соседними государствами.

В 2000 г. М.Каддафи выступил с идеей создания взамен ОАЕ Африканского союза, который, по его замыслу, должен со временем привести к созданию единого африканского государства. Идея была реализована летом 2002 г. Это способствовало росту авторитета Ливии и ее лидера в Африке и международного положения страны в целом. Превалирование африканского направления над арабским во внешней политике СНЛАД становится все более значимым фактором современной ливийской внешней политики.

Осенью 2001 г. Ливия осудила террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне, действия США против режима талибов в Афганистане М.Каддафи охарактеризовал как «законный акт защиты». В целом после событий 11 сентября 2001 г. в США Триполи проявляет все большую заинтересованность в сотрудничестве с Западом, в том числе в сфере борьбы с терроризмом. Так, власти СНЛАД передали западным спецслужбам информацию о ливийцах – членах международной террористической организации «Аль-Каида».

Ливия является участником Договора о нераспространении ядерного оружия (1968 г.) и Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсического оружия и об их уничтожении (1972 г.), но не подписала Конвенцию о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и об его уничтожении (1993 г.). Однако в декабре 2001 г. ливийское руководство выразило готовность подписать Конвенцию 1993 г. В этом случае появится возможность проведения международных инспекций ливийских объектов химической промышленности.

Еще в конце 80-х годов США и их союзники стали выдвигать против Ливии обвинения в производстве химического оружия и стремлении обладать ядерным оружием. В частности, утверждалось, что в 1987 г. ливийцы закупили в Иране химические боеприпасы, снаряженные ипритом, затем якобы их применили во время боевых действий в Чаде. Утверждалось также, что завод, строившийся в Табе в 40 км юго-западнее Триполи, предназначался для производства ОВ нервно-паралитического действия и иприта. При этом сообщалось, что уже начато складирование произведенных ОВ. Со своей стороны Ливия заявила, что предприятие в Табе будет выпускать лекарственные препараты. В 1990 г. завод в результате пожара сгорел. В настоящее время против СНЛАД выдвигают обвинения в том, что завод в Тар-

хуне в 65 км юго-восточнее Триполи, построенный при содействии ФРГ, также предназначен для производства ОВ.

Главными внешними задачами ливийской армии являются отражение агрессии извне и оказание практического содействия защите национальных интересов страны за рубежом. Основным источником военной опасности для арабских стран по-прежнему считается Израиль, хотя реально участие Ливии в антиизраильской военной коалиции арабских стран как на данном этапе, так и в обозримом будущем весьма маловероятно. Не исключается вероятность применения военной силы против Ливии со стороны США. Ливийское руководство также полагает, что возможно возникновение конфликтных ситуаций в отношениях с некоторыми из соседних государств – Тунисом, Алжиром, Египтом по спорным территориальным проблемам, решение которых может потребовать применения военной силы.

Армия используется руководством страны и для отдельных акций внешнеполитического характера. Так, в 2001 г. ливийские подразделения и военное снаряжение дважды перебрасывались в Центрально-Африканскую Республику для оказания помощи президенту этой страны А.Ф.Патиссе в подавлении попытки военного переворота.

За годы независимости вооруженные силы Ливии прошли большой и сложный путь. Его трудно назвать боевым, так как вооруженные конфликты и войны, в которых они участвовали в буквальном смысле слова можно пересчитать по пальцам. К тому же все они заканчивались для ливийцев неудачно. Фактически армия не проявила себя как эффективное орудие обороны страны и защиты ее национальных интересов, а те колоссальные средства, которые были затрачены на приобретение за рубежом огромного количества оружия и военной техники не оправдали себя.

Роль армии внутри страны была гораздо более значима и многогранна, особенно в первые послереволюционные годы. Следует отметить, что ливийские вооруженные силы, несмотря на все усилия нынешнего правящего режима по снижению их политической значимости, продолжают оставаться важным фактором внутривнутриполитической жизни. И есть основания полагать, что со временем их роль снова возрастет.

1. Егорин А.З. История Ливии. XX век. – М., 1999.
2. Егорин А.З. Ливийская революция. – М., 1989.
3. Капитонов К. Ближний Восток в лицах. – М., 1998.
4. Смирнова Г.И. Власть и политическая система современной Ливии // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. Выпуск 5. – М., 2002.
5. Товмасын С.А. Ливия на пути независимости и социального прогресса. – М., 1980.

ДОКЛАДЫ
IX МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ АФРИКАНИСТОВ
(СЕКЦИЯ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ)
Москва, 21–23 мая 2000 г.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ
НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ АРАБСКИХ СТРАН
(на примере Египта и Алжира)

Основные тенденции, характерные для динамики нефтегазодобычи в Египте и Алжире, при всех их различиях в значительной мере близки или совпадают. Для нефти они определяются, с одной стороны, стремлением к постоянному наращиванию объемов добычи, с другой, масштабами разведанных запасов, теми ограничениями (квотами), которые начала периодически устанавливать Организация производителей и экспортеров нефти (ОПЕК). В отдельные периоды и другие факторы – политического, финансово-экономического порядка (**как внутреннего, так и мирохозяйственного масштаба**) – также ощутимо влияли на динамику добычи. В целом же тенденция роста явно доминировала. Об этом свидетельствуют следующие данные: в Египте с 1975 по 1985 гг. добыча нефти возросла с 11,1 млн. т до 44,2 млн. т. В Алжире после 1965 г. добыча нефти постоянно возрастала и достигла своего пика (период 60–80-х годов) в 1979 г., составив 59,7 млн. т.

При этом следует оговориться, что относительно скромные разведанные запасы нефти в Египте уже в 80–90-е годы начинают влиять на политику в этой области, сдерживая рост объема добычи ввиду близкого исчерпания запасов этого важного вида энергоресурсов. **Относительно низкие цены на нефть на мировом рынке**, хотя и оказывали противоречивое влияние на масштабы добычи, в целом содействовали более осмотрительному отношению к эксплуатации данного невозобновляемого вида источника энергии. В правительственных кругах страны неоднократно ставился вопрос о более рациональном подходе к добыче нефти и временном снижении объемов добычи с тем, чтобы будущие поколения не оказались лишенными этого важного энергоносителя. Однако последовавшее затем наращивание разведанных запасов нефти в Египте и, в особенности, открытие месторождений природного газа смягчили подобный подход к использованию жидких углеводородов. Тем не менее с середины 80-х наблюдается лишь небольшое увеличение (с минимальными колебаниями данного показателя в отдельные годы) объема добываемой нефти в стране – с 44,2 до 46–48 млн. т в отдельные годы конца XX в. В основном можно говорить о доминировании тенденции к стабили-

зации в 90-е годы уровня добычи нефти и его достаточно жесткой привязке к объему наращиваемых разведанных запасов.

Несколько отличная от египетской, но в отдельных важных чертах схожая с ней картина наблюдалась в Алжире, т.к. действовали во многом те же факторы, хотя сила их была несколько иной. С начала 80-х годов в Египте проявляется тенденция ограничения добычи, которая уже в 1980 г. опустилась примерно до 45 млн. т. Однако беспрецедентные экономические трудности, с которыми страна столкнулась в начале 90-х годов, заставили заметно увеличить ее объем, который колебался в последнее десятилетие прошлого века в пределах 60–64 млн. т. Кроме того, (временно) поднять уровень добычи позволили как наращивание разведанных запасов нефти, составивших около 1,5 млрд. т, так и, в особенности, природного газа, а также рост утилизации газоконденсата.

В сравнении с большинством нефтеэкспортеров Ближнего Востока и Северной Африки в Египте объем добычи нефти был близок к верхнему критическому пределу (такая ситуация сохранялась практически на протяжении последних двух десятилетий вплоть до конца 90-х годов), превышение которого угрожало уже в следующем десятилетии лишить страну этого исключительно важного вида энергоресурсов. Лишь отдельные страны региона – Сирия, Оман и Катар находились примерно в том же положении.

В Алжире также вынуждены были считаться с тем, что чрезмерная эксплуатация нефтяных резервов, граничащая в обозримой перспективе с их исчерпанием, может не только оставить страну без необходимых ресурсов нефти, но и серьезно ослабить ее энергетическую базу и – что не менее важно – **подорвать доверие к стране со стороны иностранных инвесторов** как к владельцу значительных по мировым меркам запасов и крупному экспортеру жидких углеводородов.

Сложившаяся ситуация в Алжире и Египте существенно отличалась от той, которая была характерна для большинства арабских государств-нефтеэкспортеров, чьи доказанные резервы относительно уровня добычи были многократно выше. Достаточно сказать, что значительная группа арабских государств – экспортеров нефти, включая Саудовскую Аравию, ОАЭ, Кувейт и другие, обладала внушительными по своим объемам запасами, которые в несколько раз или даже на порядок превышали запасы Алжира и, в особенности, Египта.

Это не могло не отразиться на всей политике АРЕ и АНДР в области разработки ресурсов энергоносителей. Она требовала от обеих стран весьма осмотрительно подходить к выработке и реализации своей национальной стратегии в нефтяной отрасли, прежде всего в сфере нефтедобычи и, что особенно важно подчеркнуть, в целом в области развития энергетики. Это выразилось, в частности, в интенсификации геологоразведочных работ с целью наращивания разведанных запасов, а также в стабилизации уровня добычи в 80–90-е годы

на приемлемом уровне, о чем свидетельствуют данные нижеприводимой таблицы.

Дневная добыча нефти в странах Ближнего Востока и Северной Африки в 70–90-е годы,

тыс. баррелей

Страна	1978 г.	1997 г.	1998 г.
Алжир	1287	850	870
Египет	484	840	800
Кувейт	2129	2000	2130
Ливия	1983	1390	1430
Саудовская Аравия	8301	8600	8640
ВСЕГО***	19773	23490	24521

Примечание: ** – прогноз на основе показателей первой половины 1995 г.;
 – 600 тыс. барр. в 1980 г., 785 тыс. – в 1983/84 фин.г. и
 900 тыс. в 1985/86 фин. г.;
 *** – в целом регион.

Как видно из таблицы, в Алжире за истекшие двадцать лет произошло значительное сокращение объемов добычи нефти – примерно на треть. Сравнение данных о добыче нефти в конце 90-х годов с 1978 г. свидетельствует, на первый взгляд, об обратной динамике в Египте – здесь данный показатель вырос на 2/3. На самом деле, как и Алжир, эта страна входит в число тех государств ближневосточного региона, в которых этот показатель либо стремится к тому, чтобы стабилизироваться на одном уровне, либо даже имеет тенденцию к некоторому сокращению. Действительно, если обратиться к середине 80-х годов – то, как и в Алжире, произошло его сокращение с 900 тыс. барр. в день до 800 тыс. Такая картина характерна для стран с ограниченными разведанными резервами, таких как Сирия, Тунис и некоторых других. Отмеченные подвижки в рассматриваемых двух странах в основном отличаются от ведущей тенденции во всем регионе Ближнего Востока и Северной Африки, для которого характерно увеличение объема добычи как в период 1978–1998 гг. (почти на четверть), так и в конце 90-х годов (почти на 4% за 1998 г.).

И тем не менее следует признать, что в сравнении с Алжиром уровень добычи нефти в Египте в конце XX в. можно охарактеризовать как повышенный или даже чрезмерный.

Осознание реальности угрозы истощения разведанных запасов нефти **в условиях стабилизации глобальной тенденции к сохранению низких мировых цен на углеводороды в 80–90-е годы** явилось мощным толчком к пересмотру (в Алжире) и формулированию основ политики (в Египте), направленной на интенсивную разработку ресурсов природного газа. Как и в других странах Ближнего Востока и Северной Африки, в Алжире и Египте в первые десятилетия эксплуатации нефтяных ресурсов утилизация попутного газа (нефтегазового

конденсата) и разработка месторождений природного газа, в целом использование ресурсов этого вида углеводородного топлива характеризовались весьма скромными масштабами. Эта оценка справедлива даже в том случае, если она относится к странам с динамично растущей добычей природного газа, каковыми являются в последние десятилетия Алжир и Египет. В АРЕ добыча природного газа с 1970 по 1985 г. возросла в 6,5 раз. Однако в абсолютных показателях и исходную базу, и достигнутый результат следует рассматривать если не как незначительные, то как более чем скромные – за данный период объем добычи возрос с 1 до 6,5 млрд. куб. м. Попутный газ в больших объемах сжигался (в середине 80-х годов – до 40% и более в Египте), лишь часть его использовалась главным образом на бытовые нужды. Со второй половины 80-х годов ситуация начинает меняться, и в 90-е произошла полная «переоценка ценностей» в приоритетах при подходе к использованию энергоресурсов. Помимо роста необходимости в более рациональном использовании дефицитных, невозобновляемых источников энергии, этому способствовали и другие факторы, к которым следует отнести следующие:

- рост спроса на внутреннем и **мировом рынках энергоносителей**;
- усиливающийся **выбор потребителями (импортерами) экологически более чистых видов топлива**, к числу которых относится природный газ;

- пожалуй, наиболее значимый из глобальных факторов – **появление, главным образом в 90-е годы, и распространение новых технологий**, открывающих перспективы широкомасштабной прибыльной эксплуатации и транспортировки к районам потребления продукции, как правило, крупных и экспортоориентированных месторождений.

В Алжире товарная добыча газа постоянно росла: если в 1959 г. она составила 0,1 млрд. куб. м, в 1970 г. – 2,9 млрд., то в 1985 г. – уже свыше 38 млрд. и в первой половине 90-х годов приблизилась к рубежу 60 млрд. куб.м. Динамичный рост добычи газа с середины 80-х годов тем не менее не означал решения всех проблем, связанных с извлечением и эффективным использованием этого ценного энергоносителя. Еще в начале 90-х годов в Алжире возросший уровень утилизации добытого газа все еще не мог считаться удовлетворительным – в 1993 г. он составлял порядка 40%, т.е. из общего объема добытого газа в 127 млрд. куб. м лишь 56 млрд. было реализовано на рынке, примерно половина – закачана обратно в пласты и 6% – сожжено. Тем не менее по сравнению с серединой 70-х годов был достигнут существенный прогресс в деле утилизации этого энергоносителя – в 1975 г. в факелах было сожжено порядка 37% попутного газа.

Масштабы запасов газообразных углеводородов в Египте и Алжире, несомненно, наложили свой отпечаток на развитие этой отрасли хозяйства наряду с другими основными факторами. Алжир, стоящий в конце 90-х годов на одном из первых мест в мире по разведанным

запасам природного газа, сделав значительную ставку на разработку собственных запасов этого вида энергоносителей, **получил поддержку со стороны крупных иностранных компаний, вложивших многомиллиардные средства в разведку, обустройство, добычу и транспортировку алжирского газа.**

Таким образом, Алжир, стоявший во второй половине 90-х годов на 9-м месте в мире по разведанным запасам природного газа, по объему добычи делил 6–7-е места с Индонезией и являлся одним из крупнейших производителей и экспортеров этого энергоносителя. В конце 90-х годов коэффициент отношения запасов природного газа к его добыче составлял внушительную цифру в 56.

Египет, чьи разведанные запасы возросли примерно с 200 млрд. куб. м в середине 80-х до почти 1 трлн. в конце 90-х годов, также заметно нарастил свои добывающие мощности. Однако он существенно уступал в этом Алжиру и не входил даже в двадцатку крупнейших производителей газа в мире.

В целом обе страны – как Алжир, так и Египет – в конце XX в. рассматриваются как крупные продуценты и динамичные экспортеры газа, и что не менее важно, имеющие крупный потенциал развития отрасли. О последнем, в частности, свидетельствовали значительные усилия по разведке и наращиванию добычи. Ожидания (в целом обоснованные) возможности наращивания разведанных запасов природного газа в обеих странах строились на быстром росте данного показателя в большой группе продуцентов углеводородного топлива – ОАЭ, Катаре, Ираке, Иране и других, которые в несколько раз (в Катаре примерно в тридцать пять раз, в ОАЭ – более чем в десять) за 80–90-е годы увеличили свои разведанные запасы. В целом же в мире разведанные его запасы увеличились за этот период более чем в 3 раза.

В 90-е годы Алжир выдвинулся в число 5 крупнейших стран мира по объему экспорта сжиженного газа, опередив по этому показателю многих крупных экспортеров углеводородного топлива.

Хотя Египет и уступал заметно Алжиру по данной позиции, тем не менее и он достиг в относительно короткие сроки существенного объема в производстве сжиженного газа в 90-е годы, достаточного для выхода на мировой рынок и динамичного освоения его региональных сегментов, прежде всего в Европе, а также в странах юго-западной Азии. По данным на 1997 г., ежедневный объем произведенного сжиженного газа достиг в стране порядка 67 тыс. баррелей. При этом в Алжире этот показатель составлял 145 тыс., в Саудовской Аравии – 720 тыс., а в целом по Ближнему Востоку свыше 1 млн. баррелей.

Интенсивная разработка нефтегазовых ресурсов в Алжире и Египте пришлось на период, когда ведущие центры мирового хозяйства уже прошли первый этап научно-технической революции, а основные продуценты нефти и газа в «третьем мире» национализировали нефте-газодобывающие мощности. **Одними из важнейших**

следствий и результатов происшедших сдвигов в энергетическом и в целом мировом хозяйстве стали следующие:

- бурное развитие мировой нефтехимической промышленности как одной из современных высокотехнологичных отраслей;
- расширение производства нефтепродуктов, а также полиэтилена, пластмасс и т.п. из газа, позволяющих создавать и присваивать значительные объемы добавленной стоимости, превышающей многократно (по отдельным видам продукции в десятки раз) стоимость нефтегазового сырья.

Эти в целом прогрессивные тенденции нашли свое проявление и в экономике Алжира и Египта: мощности по переработке нефти и газа получили здесь к началу XXI века значительное развитие, нефтегазо-переработка и химическая промышленность стали одними из наиболее динамично развивающихся отраслей. **Дополнительный импульс рост производства нефтепродуктов получил под влиянием усиливающейся нестабильности мирового рынка цен на сырую нефть** (и другие энергоносители) в 80–90-е годы в отличие от относительно стабильной конъюнктуры рынка нефтепродуктов. В результате за период с 1970 по 1990 г. доля перерабатываемых мощностей в Алжире возросла с 2–3% до примерно 1/2–2/3 от объема добычи нефти. В 1996 г. перерабатывающие мощности составили 22,5 млн. т или 590 тыс. баррелей в день. В Египте объем перерабатываемой нефти с 1981/82 по 1995/96 г. в целом возрос на 75% – с 15,6 млн. т до 27,3 млн. (ежегодный темп роста составил 4,1%).

Не ставя под сомнение достигнутый прогресс в области переработки, тем не менее следует отметить, что обе страны к началу XXI в. все еще экспортировали значительные количества сырой нефти, лишая себя тем самым существенных ежегодных объемов добавленной стоимости. Их сумму можно примерно оценить в несколько миллиардов долларов ежегодно. Именно поэтому развитие нефтеперерабатывающего комплекса сохранялось в качестве одной из приоритетных целей в государственных экономических программах конца XX – начала XXI вв.

Продолжение курса на более рациональное использование внутренних ресурсов нефтепродуктов в рамках проводимых в рассматриваемых странах прорыночных реформ, включающих отмену государственных субсидий, постепенное приближение цен к мировым и т.п., должно усилить ориентацию данного сектора национальной экономики на экспорт производимой продукции и, вероятно, на повышение доли перерабатываемой продукции, что позволит существенно пополнить казну государства дефицитной иностранной валютой.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
И РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА В XXI ВЕКЕ:
ЕВРОПЕЙСКОЕ И БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Основную тему доклада считаю необходимым предварить коротким историческим экскурсом.

Вторая мировая война – ее окончание – середина XX в. стали, возможно, самым важным *историческим рубежом* в развитии человеческой цивилизации в новейшее время. Несмотря на наступление эры «холодной войны» этот рубеж ознаменовался *началом формирования более устойчивого в экономическом, более справедливого в социальном и более прочного в политическом отношении* мира. Но еще более важно то, что вопреки «холодной войне», началось хотя и медленное и непоследовательное, но в последней четверти XX в. все более решительное преодоление стереотипов, идеологических шор, той особой отчужденности между цивилизациями и конфессиями, нациями, народами и странами, *которые были характерны для всей предшествующей истории человечества, в особенности в эпоху разделения мира на два лагеря, и которые ставили его не раз на грань войны*. Конечно, это слишком прямолинейная оценка: развитие шло значительно сложнее. Тем не менее то, что мир сегодня такой (он существует, есть огромные достижения в самых различных областях), а не иной (не разрушен очередной мировой войной), – результат именно крупных сдвигов, начавшихся еще с создания антигитлеровской коалиции с участием СССР и США и развернувшихся после окончания Второй мировой войны. Следствием этих сдвигов стало формирование процветающей единой Европы, возникновение рыночных экономик и политических демократий (в их еще незавершенном и несовершенном на сегодняшний день виде) в Юго-Восточной Азии и других регионах, трансформация СССР и успешные экономические реформы в Китае, другие крупные процессы. Не идеализируя *ни Европу, ни Америку, следует сказать, что прогресс, достигнутый ими, стал как бы эталоном или ориентиром поствоенного прогресса второй половины XX в.* Крах «холодной войны» явился подтверждением верности оценки рубежности того, послевоенного периода.

Однако на «периферии» (следует взять в скобки, т.к. периферии в мировой цивилизации нет), частью которой являлись Северная Африка и Ближний Восток, обе противоречивые составляющие поствоенной эпохи – «рубежность-прогресс» и «холодная война» – отразились особым и двойственным образом: знаковыми явлениями здесь стали, с одной стороны, самый продолжительный и наиболее опасный для мира ближневосточный конфликт, с другой, внушительный прогресс в экономическом развитии и социокультурной модернизации, достигнутый прежде всего нефтеэкспортерами.

Вероятно, глобализация, происходящая на рубеже XX–XXI веков и тесно сопрягающаяся с либеральными реформами, может стать или уже является неким новым и многообещающим рубежом в новейшей истории региона. Что означают для Северной Африки оба эти рубежа, главным образом второй из них? Несет ли (содержит ли) он угрозу подобно «холодной войне», хотя бы в свете событий 11 сентября 2001 г., или открываются новые, значительные возможности для прогресса в экономической, социальной областях? Ответ на эти и другие, связанные с ними вопросы, возможно, явится шагом к пониманию ближайших и более отдаленных перспектив развития арабских стран.

* * *

В начале XXI века, **несмотря на прогресс, достигнутый государствами региона во второй половине прошлого столетия, между странами Европы, другими промышленно развитыми государствами и странами Северной Африки сохраняются огромные различия в цивилизационном облике (что не препятствует, и это – знаковый момент, растущему стремлению арабских государств, прежде всего стран Северной Африки, к экономической и даже политической интеграции с Евросоюзом).** Эти различия связаны с прошлой, в том числе колониальной, историей, но главным образом **с особым, замедленным типом развития стран исламской цивилизации.** Частным подтверждением этому являются важнейшие макроэкономические показатели, характерные для арабских государств – более низкие, чем в наиболее развитых регионах мира и близкие к наименее развитым из них, включая Африку:

– замедленные темпы и отсутствие стабильности экономического роста – в 70–80-е годы, т.е. в основном в дореформенный период в крупнейших странах региона – Египте, Марокко они в среднегодовом выражении составляли менее 2–3% и едва находились на уровне прироста населения;

– малая величина доли накопления в ВВП. Согласно данным, приведенным в докладе Мирового банка, еще в начале 90-х годов доля накоплений в арабских странах составила порядка 13–17%, что заметно уступало соответствующему показателю в целом по разви-

вающимся странам (22–23%) и наиболее экономически продвинутым странам Юго-Восточной Азии (25–30%);

– незначительный объем межарабского торгово-экономического сотрудничества, который составлял в конце 90-х годов 3–5% внешне-торгового оборота североафриканских государств;

– малая величина и низкие темпы развития экспортного сектора экономики. Согласно данным Мирового банка, этот критически важный показатель, характеризующий качественные параметры национальных экономик, их адаптированность в мировое хозяйство, существенно отставал от среднемировых темпов;

– огромный внешний долг (порядка 100% ВВП в Алжире и Египте, 60% – в Марокко), свидетельствующий о развитии стран региона на рубеже 80–90-х годов прошлого века, т.е. в дореформенный период главным образом или в значительной степени за счет внешних ресурсов.

Преодоление тенденции к отставанию от других регионов мира наметилось лишь в конце XX в. (подобно тому, что стало происходить в других регионах мира в период сразу после Второй мировой войны) в условиях окончания «холодной войны» и начавшихся (ускорившихся) либеральных реформ, активизирующих деятельность местного предпринимательского слоя и иностранного капитала из промышленно развитых стран.

Важной особенностью нового этапа (эпохи) является то, что серьезным препятствием позитивным подвижкам становятся накопившиеся за вторую половину XX в. в годы «холодной войны», во многом взаимосвязанные между собой острейшие проблемы социального и экономического характера. Главные среди последних – разросшиеся и без того огромные масштабы «социального дна» (доходы примерно 40% населения ниже прожиточного минимума, безработица на уровне 20–30% экономически активного населения) в условиях длительного «топтанья на месте» (почти три – четыре десятилетия прошедшего столетия), укоренившаяся «чиновничья», этатистская модель экономики и общества в целом, резко углубившаяся социальная поляризация в рамках отдельно взятой страны и в глобальном масштабе (по линии Север – Юг), инертность модернизации малоэффективной огосударствленной экономики. Это во многом спровоцировало наряду с другими факторами, в том числе политическими и цивилизационными (конфессиональными), антиглобалистское протестное движение, символом которого стали, в частности, события 11 сентября 2001 г. Нет особых сомнений, что это противостояние, подобно «холодной войне», будет сказываться на порожденных реформами крупных сдвигах, в том числе позитивных, отмечаемых на исходе XX в.

Несмотря на значительные различия в объемах ВВП – в Египте и Марокко он возрос за 1990–1997 гг. с 850–1000 долл. до примерно 1200, в Алжире – упал с 2500 до 1100, в промышленно развитых государствах Европы увеличился с 17–20 тыс. до 22–26 тыс. долл. (Вели-

кобритания, Франция, Италия, Швеция, в Испании – с 12,5 – до 13,4 тыс.) (World Statistics. Pocketbook. UN, N.Y. 2000), для промышленно развитых стран Европы и государств Северной Африки и Ближнего Востока **в целом характерно, в особенности с последней четверти (в последние полтора-два десятилетия) прошедшего века, сближение и даже совпадение некоторых фундаментальных тенденций, формирование общего вектора в развитии.** К ним относятся процессы, связанные с возникновением отдельных элементов, основ гражданского общества (наиболее характерный пример – Египет во всей сложности, противоречивости и непоследовательности курса на некоторую демократизацию общественной жизни) и выбор в пользу социально ориентированной рыночной экономики (наиболее характерные примеры – Египет с его «инфитахом» и Тунис, отказавшийся от реформ Бен Салаха, экономическая либерализация в Ливии). В последние два – три десятилетия во всех без исключения североафриканских странах предприняты попытки провести либеральные экономические реформы, а в отдельных из них сделаны первые, хотя и ограниченные шаги к демократизации политической жизни. Даже в Алжире с его сложившейся в постколониальный период жесткой авторитарной системой правления были проведены пока единственные (вначале на альтернативной основе) президентские выборы – более чем знаковый момент в новейшей истории региона.

Наиболее широкий и глубокий характер экономические реформы носили в *Египте* (начиная с 70-х годов), и они принесли серьезные результаты: Египет провел одну из наиболее успешных в развивающихся странах приватизаций, избежав социальных потрясений, стабилизировал курс национальной валюты, увеличил золотовалютные резервы со 100–200 млн. до почти 20 млрд. долл., добился в 90-е годы 2–3-кратного увеличения темпов экономического роста, серьезный прогресс наблюдается в сельском хозяйстве и ряде других ключевых отраслей экономики и т.д.

В *Марокко* экономическая либерализация началась значительно позднее и также оценивается экспертами как весьма успешная: приватизация принесла казне 20 млрд. долл., повысились ежегодные темпы роста ВВП, хотя из-за позднего старта и относительно непродолжительного времени они не позволили пока внести перелом – экономический рост еще не вполне устойчив, высока безработица, существенно ниже ожидавшегося объем иностранных инвестиций и т.д.

В *Тунисе* в постколониальный период всегда существовала либеральная экономика, за исключением краткого периода реформ Бен Салаха. Поэтому проблема экономических реформ здесь стоит по-особому, если так можно выразиться, – на более высоком витке хозяйственного развития в плане приспособления почти 2/3 тунисских фирм и компаний к полному открытию тунисской экономики в условиях происходящего сближения с ЕС. Курс либерализации здесь стоит в ином контексте

(носит иной оттенок), чем в других странах региона, и в основном связан не столько с реализацией ограниченной программы приватизации, которая постепенно набирает темпы, сколько с реструктуризацией и адаптацией тунисских компаний и фирм к условиям открытой экономики после создания единого торгового (экономического) пространства с Европой, намечаемого на конец первого десятилетия XXI в.

В Алжире отдельные либеральные меры 80-х годов сменились впоследствии осторожными попытками неспешной приватизации части обширного госсектора и наделения крестьян землей. Страна находится лишь в начале этого процесса, протекающего в условиях глубокого системного кризиса. Завершение реформ здесь зависит от результатов политики структурной адаптации. Просматриваются и возможности того, что либерализация примет «верхушечный» характер и вообще может быть «свернута» элитой силовых структур, которые в политике либерализации 90-х годов усматривают угрозу своему привилегированному положению в обществе, контролю над нефтяной рентой.

В Ливии частный сектор постепенно оживает, но окончательный выбор в пользу либеральных реформ еще не сделан: общество платит дорогую цену за застой в общественном развитии 70–90-х годов – в условиях отсутствия современного предпринимательского слоя, возникновение и развитие которого было жестко ограничено, остро стоит проблема разгосударствления неэффективного госсектора и обрабатывающей промышленности и других отраслях. Почти три десятилетия независимости лишь в ограниченной степени приблизили Ливию к промышленно развитым странам, здесь отсутствует современная отраслевая структура (почти на нуле экспортные отрасли, прежде всего обрабатывающей промышленности), позволяющая устойчиво развиваться национальной экономике, несмотря на истощение заметной части разведанных месторождений углеводородов.

Что касается демократизации политической жизни в странах региона, то она заметно отстает от темпа экономических реформ. Здесь наиболее продвинулся Египет, но и в этой стране сегодня актуален практически весь спектр проблем укоренения политических свобод: в странах региона практически вся общественно-политическая жизнь регулируется президентской ветвью высшей власти (или ее аналогом – в Марокко): ни парламент, ни судебная власть не свободны в полной мере в своей деятельности от ее опеки; средства массовой информации не избавлены от давления со стороны правящих режимов; процесс формирования важнейшего института гражданского общества – неправительственных общественных движений – пока находится лишь в самом начале; деятельность политических партий в меньшей степени в Египте, в большей – в остальных странах региона оторвана от широкой общественной базы, их жизнь также носит сильный отпечаток верхушечности (в Ливии партии

вообще отсутствуют, в Тунисе до самого последнего времени они почти не были представлены в парламенте). В Ливии политические реформы, по сути, и не начинались. В Мавритании отмечены лишь отдельные элементы неукоренившихся политических свобод. И это понятно – большинство стран региона довольно поздно стартовало в проведении давно назревших экономических преобразований.

К особенностям процесса либерализации и демократизации в государствах региона относится ***огромное и порой возрастающее сопротивление со стороны различных социально-политических сил (военной и государственной бюрократии – опоры, дающей серьезные сбои, или разваливающейся на рубеже XX–XXI вв. статистской модели), радикальных движений и групп, выступающих под знаменем ислама.*** Они еще в состоянии сорвать в отдельных странах весь процесс реформ (при обострении внутри- и внешнеполитической ситуации, хозяйственного кризиса и т.п.).

Промышленно развитые страны, в том числе Европы, Евросоюз оказывают поддержку процессу становления гражданского общества и рыночной экономики, преодолению завалов на этом пути. Наиболее важным в этом отношении шагом представляется объявленная в 1992 г. Новая интеграционная программа ЕС по ближневосточным арабским странам, представляющая собой комплексный план, охватывающий экономические, политические и гуманитарные области. США в конце 90-х годов также выступили со своей программой экономического партнерства с Северной Африкой, предложив примерно тот же объем экономической помощи странам региона.

Поддержка, оказываемая европейскими странами наряду с другими, фундаментального значения факторами способствует сближению ЕС и государств БСВ: сказываются единые цивилизационные корни Средиземноморья, связи, сложившиеся еще в колониальный период, географическая близость и другие факторы. С 90-х годов между ними возникли новые интеграционные структуры, охватывающие не только экономическую, но и политическую, гуманитарную сферы.

Процесс сближения протекает в разнообразных формах, имея свою специфику, свое страновое, региональное и глобальное изменение, встречая трудно преодолимые завалы. Обстоятельства, препятствующие сближению и вхождению стран региона в демократическое сообщество с рыночной экономикой, хорошо известны. Помимо вышеназванных (укоренившаяся традиция авторитарной власти и особый характер политической культуры широких слоев населения, низкий уровень экономического развития, активизация радикальных, экстремистских сил, выступающих под знаменем религии, оппозиция политической и экономической модернизации со стороны части военно-бюрократических сил) особо следует выделить трудности с формированием наднациональных институтов представительской и ис-

полнительной власти, на чем в новой интеграционной политике ЕС в отношении ближневосточных стран, надо сказать, сделан, и не случайно, особый акцент.

И тем не менее, как уже отмечалось, на рубеже XX–XXI веков сложился в регионе пока еще хрупкий и не вполне устойчивый общий вектор развития благодаря не только демонстрационному эффекту успешно прошедших сложную историческую полосу реформ стран Юго-Восточной Азии, юго-восточного Средиземноморья, других регионов, но и отдельных североафриканских государств, включая Египет, Тунис, Марокко. Особо надо подчеркнуть, что в этих странах успешно реализуется пакет экономических либеральных реформ – более или менее надежный залог дальнейшего прогресса как в хозяйственной, так и в политической жизни.

СОЮЗ АРАБСКОГО МАГРИБА:
ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Вступление человечества в XXI век характеризуется невиданным усилением всех глобальных процессов и проблем развития. В основе этих процессов лежит научно-техническая революция, быстрое совершенствование всех видов коммуникаций и информационных технологий, обеспечивших досягаемость в короткие сроки даже самых отдаленных и труднодоступных уголков планеты. Либерализация международных экономических отношений ведет к ускорению дифференциации среди различных государств земного шара. При этом в условиях глобализации основные производительные силы сосредотачиваются в руках крупнейших международных компаний, транснациональных корпораций, глубоко проникающих в различные, в том числе и отдаленные, регионы земного шара. В современном мире насчитывается примерно 40 тыс. ТНК. Из них 500 самых крупных имеют совокупный продукт, превышающий 60% мирового валового продукта, на них работают почти 85 млн. человек, а 93% их руководящих центров находятся в ведущих капиталистических странах: в США, Западной Европе и Японии, при этом среди 50 крупнейших ТНК 27 – американского происхождения¹.

С ускорением процесса глобализации растет и взаимозависимость различных стран друг от друга во многих сферах международной жизни. Чтобы не оказаться на обочине мирового развития, бедные страны должны адаптироваться к протекающим процессам, интегрироваться в систему международных экономических отношений, подчиненную рыночным критериям, что подчас вступает в противоречие с определенными экономическими и политическими интересами отдельных развивающихся стран.

Последствия интеграции этих стран в процесс глобализации далеко не однозначны: к положительным ее результатам можно отнести распространение новейших технологий и методов организации труда, открытие национальных рынков и свободное обращение капиталов, рост инвестиций, в которых так нуждаются бедные страны, расширение всех видов контактов среди населения планеты. С другой стороны, глобализация ведет к дифференциации отдельных стран в экономическом отношении, росту социальных издержек, разорению неконкурентоспособных отраслей и предприятий, росту вследствие этого безработицы и др.

Растущая глобализация мирохозяйственных связей ограничивает автономию национальных правительств в разработке и проведении в жизнь своих экономических планов. Поэтому одновременно с глобализацией набирает силу и другая тенденция – стремление к регионализации. Отдельные развивающиеся страны стремятся объединиться, чтобы совместными усилиями, через сотрудничество со своими соседями ослабить негативные последствия процесса глобализации, лучше обеспечить свои национальные интересы.

Как известно, 17 февраля 1989 г. 5 стран Магриба (Алжир, Тунис, Марокко, Ливия и Мавритания) объединились в Союз арабского Магриба (САМ). Создание этой организации отражало растущее стремление к интеграции в северо-африканском регионе, желание стран-участниц договора совместно противостоять диктату транснациональных монополий, ведущих капиталистических стран, защитить свои национальные экономические интересы.

При создании САМ главной целью ставилось углубление процесса региональной интеграции, объединение экономических потенциалов стран-участниц и координация усилий в решении насущных экономических проблем региона. В сфере внешней политики приоритетным направлением признавалось как укрепление связей с арабскими странами и меарабскими объединениями, так и со странами Европейского Союза (ЕС), в первую очередь с Францией, Италией, Испанией, с которыми страны Магриба в силу исторически сложившихся условий имели тесные экономические и политические связи. При этом в перспективе предусматривалось поднять контакты на качественно новый уровень: «сообщество – сообщество». Были созданы руководящие органы САМ, совершенствовалась его организационная структура. Вместе с тем, хотя юридическая основа для реального объединения стран североафриканского региона была создана, интеграционные процессы протекали неравномерно. Несмотря на многочисленные уверения глав государств, входящих в САМ, о дружбе и желании сотрудничать, многие правильные и нужные решения, принятые САМ, не были реализованы. За более чем десятилетний срок существования САМ основная цель – создать общий магрибинский рынок – не была воплощена в жизнь. Товарооборот между странами-участницами Союза, и ранее имевший незначительные объемы, еще более сократился. Деятельность САМ постепенно сошла на нет. И причина этого заключается не только в нехватке финансовых средств для осуществления отдельных проектов, но и в политических разногласиях между странами-участницами.

К 1994 г. общие проекты, которые были приняты или находились на стадии рассмотрения, включали Магрибинскую хартию по защите окружающей среды, создание Магрибинского банка инвестиций и торговли с капиталом 500 млн. долл. США, соглашение о свободном передвижении населения в пределах региона, общие проекты в области транспорта, включая ремонтные работы и строительство трансмагрибинской магистрали, соглашение о таможенном союзе и соглашение о создании североафриканского общего рынка².

Однако из-за названных выше причин многие проекты не были реализованы. Наиболее активно межмагрибинские связи развивались в 1993–1994 гг., когда в САМ председательствовал президент Туниса Бен Али, активно выступающий за интеграцию стран Магриба и пользующийся большим авторитетом как в странах региона, так и за рубежом. Однако в последние годы в деятельности САМ наступил застой, в основном из-за некоторых проблем двустороннего характера между странами-участницами. Ливия выражала недовольство отношением и уровнем солидарности, проявленной к ней со стороны других стран во время действия антиливийских санкций. Алжир поначалу считал, что организация САМ и его деятельность на начальном этапе не соответствовали интересам этой страны. Кардинальные разногласия по поводу западносахарской проблемы сохраняются по сей день. Последний саммит САМ состоялся в апреле 1994 г. в Тунисе, хотя по уставу организация президентский совет в составе глав государств должен собираться каждые 6 месяцев.

Тем не менее странам-участницам Союза все же удалось реализовать некоторые важные проекты. Наиболее активно при этом развивались двусторонние контакты, в особенности в такой важной и общей для большинства стран сфере, как нефтегазовая промышленность и транспортировка углеводородов. Речь идет о построенном и вступившем в строй в 1996 г. газопроводе Магриб – Европа от Хасси-Рмель (Алжир) через Марокко в Испанию и Португалию, мощность которого планируется увеличить с первоначальных 9,8 млрд. куб. м газа в год до 19 млрд. куб. м в год. Мощность уже введенного в действие транссредиземноморского газопровода Алжир–Тунис–Италия предполагается также увеличить в будущем с 12 млрд. куб. м до 24 млрд. куб. м в год. Он имеет большое значение для экономики региона, так как открывает дополнительные возможности для выхода стран САМ на европейский рынок.

Один из наиболее крупных проектов САМ также связан с нефтегазовой отраслью. При участии Туниса, Алжира и Ливии построен трансмагрибинский газопровод протяженностью 400 км от г. Уэд-Саф-Саф через г. Гафса и Зарзис (Тунис) до г. Эль-Зуара (Ливия) пропускной способностью 3,5 млрд. куб. м газа в год в целях снабжения алжирским газом восточных районов Ливии, в том числе совместного алжиро-ливийского предприятия по производству алюминия в Эль-Зуаре. Для управления строительством и распределения газа создана смешанная компания «Общество арабского Магриба по транспортировке природного газа». Вновь заработал межмагрибинский алжиро-мавританский нефтеперерабатывающий завод в Нуадибу мощностью 1 млн. т в год, что дает возможность снабжать нефтепродуктами все страны-участницы Союза.

В области промышленности большое значение для магрибинского рынка имеет цементный завод в Фериане (Тунис) производственной мощностью 220 тыс. т белого цемента в год, снабжающий своей

продукцией Алжир, Тунис, Марокко и Ливию. По 40% капитала предприятия принадлежит Тунису и Алжиру, 20% – Банку сотрудничества арабского Магриба. Весьма активно действует на рынке Союза Магрибинский союз стекольной промышленности с участием Туниса, Ливии и Марокко. Из промышленных предприятий следует также отметить завод по выпуску дизельных двигателей, принадлежащий Магрибинскому обществу по производству дизельных двигателей, выпускающий по итальянской лицензии до 30 тыс. двигателей в год. 37% продукции идет Тунису, а 63 – Алжиру. Была построена и введена в строй железнодорожная линия Тунис–Алжир–Касабланка протяженностью 2262 км. Трансмагрибинская автострада Нуадибу–Тобрук связала Ливию и Мавританию³.

В целом же, несмотря на ряд важных и уже осуществленных в регионе проектов и еще большее количество столь же важных для экономики САМ проектов, остающихся пока на бумаге, собственно интеграционный процесс в регионе находится на начальной стадии. Все страны-участницы Союза в условиях наблюдающегося в последние годы застоя межмагрибинских связей высказывают гораздо большую заинтересованность в сотрудничестве с европейской региональной группировкой – Европейским Союзом (ЕС). Это обусловлено не только исторически сложившимися устойчивыми торгово-экономическими связями со странами ЕС, в особенности с Францией, Италией, Испанией, но и проводимыми в странах Магриба коренными реформами социально-экономических структур на рыночной основе, с приватизацией государственных предприятий. Они нуждаются в значительных финансовых средствах, притоке инвестиций, внедрении новейших технологий, которыми партнеры по САМ не обладают. В условиях быстро меняющегося мира лидеры стран-участниц САМ, да и всех развивающихся стран сознают, что для успеха внутренних реформ необходимо адаптироваться к таким современным тенденциям мирового развития, как глобализация, информатизация, внедрение современных технологий. Очень конкретно выразил это ощущение в одном из выступлений президент Алжира Бутефлика: «...В мире быстрых перемен и стремительного технического прогресса Алжир обязан обеспечить себе возможность интегрироваться в это всеобщее движение»⁴.

Европейское сообщество, со своей стороны, заинтересовано в том, чтобы североафриканский регион стал зоной политической умеренности и стабильности и чтобы южным границам ЕС не существовало угрозы. В соответствии с новыми условиями, определяемыми глобализацией, и Евросоюз изменил свою политику по отношению к странам Магриба, подняв ее на более высокий уровень «партнерства» в политической, экономической и социальной областях. В первую очередь, предполагалось оказание содействия в проведении рыночных реформ и в ускорении темпов развития отстающих стран Юга, с тем, чтобы постепенно подтягивать их к уровню развитых стран Севера. К 2010 г. предполагается создать в средиземномор-

ском регионе зону свободной торговли, оказывать САМ финансовую и техническую помощь в осуществлении ряда проектов. Так, ЕС оказало САМ содействие в строительстве автомагистрали и железной дороги, а также в сооружении газопровода, проходящего по территории Марокко через Гибралтар в Европу.

Страны Евросоюза в последнее время практикуют предоставление долгосрочных кредитов странам САМ при условии последующего погашения их за счет поставок продукции предприятий, построенных на предоставленные средства. Иностранные фирмы также принимают участие в капитале создаваемых в странах САМ смешанных предприятий⁵. Это содействует укреплению экономической базы арабских стран, стабилизации их внутреннего положения, снижению безработицы.

В середине 90-х годов и Тунис, и Марокко уже стали ассоциированными членами Евросоюза. Обе страны надеются, что партнерство с ЕС и либерализация собственной экономики стимулируют их дальнейшее развитие. Они стремятся использовать свое положение ассоциированных членов для получения иностранных капиталов и новейших технологий и свободного доступа на рынки стран ЕС. Правительство Алжира также ведет переговоры с ЕС о заключении соглашения об ассоциации. Однако присоединение к ЕС в качестве ассоциированных членов несет странам САМ не только выгоды, но и чревато серьезными социальными издержками. В недалеком будущем и Тунис, и Марокко должны будут полностью открыть свои границы для товаров из стран Евросоюза, а это может привести к разорению неконкурентоспособных предприятий, росту безработицы и другим последствиям. В таких условиях обе страны принимают специальные меры, с тем чтобы подстраховать свою промышленность от нежелательных последствий устранения таможенных барьеров. Вместе с тем и страны ЕС оказывают Тунису и Марокко финансовую и техническую помощь на цели реструктуризации промышленности и подготовку кадров. Так, Франция подписала с Тунисом ряд соглашений в рамках Евросоюза о предоставлении финансовой помощи в размере 89 млн. долл. на реконструкцию мелких и средних предприятий, финансирование проектов экономического развития и модернизацию тунисской фондовой биржи⁶.

Вместе с тем, несмотря на успешное развитие контактов с европейской экономической группировкой, страны САМ в условиях продолжающегося давления со стороны США и транснациональных корпораций, опасаясь, что разрыв между ними и богатыми капиталистическими странами со временем может еще более возрасти, начинают искать новые возможности противостоять нажиму, нащупывают новые подходы к оживлению процесса региональной интеграции. Во всяком случае, в последние 2 года наблюдаются неоднократные попытки реанимировать заглохшую было деятельность САМ. Большую активность в этом, как и прежде, проявляет президент Туниса Бен

Али. Недавно генеральным секретарем САМ был избран представитель Туниса Хабиб Буларес, и это обстоятельство в определенной степени содействовало оживлению контактов.

В январе 2002 г. в Алжире состоялась сессия совета министров иностранных дел САМ по вопросу об оживлении деятельности Союза. Правда, достичь договоренностей относительно конкретных мер для возобновления деятельности этой организации пока не удалось. Однако президент Туниса не теряет надежды достигнуть согласия и предпринимает новые попытки активизировать деятельность САМ во время двусторонних контактов с главами входящих в него государств. Так, в ходе визита в Тунис президента Мавритании главы государств обсуждали не только вопросы двусторонних политических и торгово-экономических отношений, но и проблемы деятельности САМ.

Несколько ранее руководство Туниса предложило странам-участникам Союза сосредоточить внимание на развитии экономических отношений и представило им свою программу действий, включавшую в качестве конечной цели образование общего рынка, введение беспопытного торгового обмена в рамках САМ и обеспечения взаимодополняемости национальных экономик стран-участниц⁷.

В настоящее время одним из основных препятствий для достижения согласия по спорным вопросам является отсутствие политической воли и желания в верхах пойти на компромисс и устранить преграды на пути сближения в экономическом и политическом отношении. И здесь, конечно, нельзя не обратить внимание на проблему Западной Сахары, нерешенность которой, по-видимому, еще долго будет омрачать отношения между Алжиром и Марокко.

Региональная интеграция – сложный процесс, и успех ее зависит от многих составляющих. Между тем, среди стран-участниц САМ существуют немалые различия в режимах, государственном устройстве, в социально-экономических ориентирах, что отражается и на методах управления правящих элит. Поэтому необходима разработка и принятие программ структурной адаптации, с тем чтобы в определенной степени унифицировать работу воспроизводственных механизмов, обеспечить более высокий уровень управления ими, унифицировать институциональные элементы и тем самым создать однородное поле в пределах САМ для успешного восприятия и воплощения в жизнь идеи региональной интеграции. К сказанному следует добавить, что страны-участницы САМ находятся на разных этапах осуществления рыночных реформ. Наибольших успехов на этом пути достигли Тунис и Марокко, которые в отличие от других стран Магриба уже продвинулись значительно вперед на пути приватизации. И это обстоятельство, конечно, не может не оказывать влияния на характер экономического сотрудничества между странами Магриба в рамках САМ.

Серьезной проблемой является и вопрос стабильности в регионе. Большинство политических деятелей Северной Африки сходится

во мнении, что алжирский кризис и всплеск религиозного экстремизма являются дестабилизирующим фактором и создают угрозу безопасности не только Северной Африке, но и всему Средиземноморью в целом. И это также, естественно, не может не затруднять интеграционные процессы. Растет активность радикальных исламистских группировок и в Марокко.

Отсутствие сколько-нибудь осязаемых для населения результатов проводимых рыночных реформ, их социальные издержки, рост безработицы – все это общие проблемы для стран Магриба. Их интеграция, разумеется, не сможет решить все проблемы, но она, безусловно, будет способствовать ослаблению напряженности, созданию возможностей для экономического возрождения, появлению новых рабочих мест и достижению самообеспечения во многих отраслях экономики.

Известно, что в торговых балансах всех государств Магриба общий товарооборот между ними составляет незначительную часть того товарообмена, который осуществляется с государствами Евросоюза. К примеру, товарооборот с Марокко составляет лишь 0,7% внешне-торгового оборота Туниса. В то же время, если взглянуть на внешне-торговые отношения этих стран с Евросоюзом, то можно обнаружить, что в середине 90-х годов на страны Евросоюза приходилось до 45% марокканского импорта и 54% экспорта, 60% тунисского экспорта и почти такой же объем импорта. В последние годы объем межмагрибинской торговли еще более сократился.

Однако даже при однотипности экономик стран Магриба и схожести их отраслевой структуры страны региона в рамках САМ могли бы извлечь более существенные выгоды от расширения взаимного экономического сотрудничества. Так, Марокко нуждается в энергоносителях, а на мировых рынках цены на них достаточно высоки, и в данном случае страна могла бы восполнить их нехватку за счет поставок из соседних стран. На марокканском рынке могла бы найти применение и продукция алжирской тяжелой промышленности. В свою очередь потребности Алжира в сельскохозяйственных товарах можно было бы частично удовлетворить за счет Марокко. Тунис нуждается в региональных рынках для сбыта товаров своей развивающейся обрабатывающей промышленности. Во многих видах товаров нуждается сейчас и Ливия, постепенно интегрирующаяся в мировое сообщество после долгих лет изоляции. Нуждаясь в притоке рабочей силы со стороны, она могла бы принять больше рабочих из соседних стран. Наконец, отсталой экономике Мавритании также нужна помощь от соседних государств. Арабские экономисты полагают, что все эти нужды вполне могли бы быть удовлетворены за счет внутренних ресурсов государств-членов САМ, без серьезного вмешательства со стороны Евросоюза или США.

Поэтому шагом вперед в деле оживления деятельности САМ и активизации интеграционных процессов в регионе можно считать подпи-

сание 16 марта 1999 г. в Рабате во время визита в Марокко тунисского президента Бен Али соглашения между Тунисом и Марокко о создании к 2007 г. зоны свободной торговли. Тунисско-марокканское соглашение о свободной торговле дополняет статьи соглашения от 1996 г., регулирующее торговые отношения между обеими странами. Оно также открывает новые возможности для развития торговых связей и инвестиций. Предусматривается, что немедленной либерализации подлежат торговля товарами около 2000 наименований, которые освобождаются от уплаты пошлин. Это условие касается тех товаров, которые прежде облагались на более низкие пошлины. Они составляют около 40% номенклатуры торгового обмена между Марокко и Тунисом.

Новое соглашение конкретизирует положения соглашения 1996 г. о торговле и тарифах, которое устанавливало 2 списка товаров, пользующихся преференциальным режимом. Первый список касался товаров, подлежащих свободному обмену и освобождавшихся от таможенных пошлин. На вторую группу товаров устанавливалась пошлина в размере 17,5%.

Переговоры о заключении соглашения между Тунисом и Марокко проходили не без трений. Стороны так и не смогли договориться по одному из важнейших для них вопросов – об обмене сельскохозяйственной продукцией и продуктами ее переработки и отложили переговоры по данному вопросу на будущее, решив, что уступки по статьям о сельхозпродукции являются на данном этапе достаточно рискованными.

Что касается снятия ограничений в торговле, то новое соглашение между Тунисом и Марокко дает отсылку к соглашению этих стран об ассоциации с ЕС. Подписанное в 1999 г. соглашение предусматривает полную отмену таможенных ограничений на те две группы товаров, списки которых содержатся в приложениях к соглашениям этих стран с ЕС.

Однако договаривающиеся стороны располагают еще целым рядом товаров, имеющих для их экономик стратегическое значение. Тунис имеет два списка таких товаров, Марокко – один. Учитывая особую значимость этих товаров, стороны решили вернуться к переговорам о них через 3 года.

По условиям марокканско-тунисского соглашения договаривающиеся стороны предоставляют на своих рынках более льготный режим товарам, производимым в странах Магриба по сравнению с товарами из ЕС. Так, поначалу тунисские товары на рынке Марокко будут иметь по сравнению с продукцией из европейских стран льготы в 10, 20 и 30%. Тунис обязался снизить пошлины на марокканские товары на 5% по сравнению с товарами из стран ЕС⁸.

Значение указанного соглашения заключается еще и в том, что оно расширяет возможности для взаимного инвестирования, поскольку высокие тарифы и бюрократическая рутинa во внешней торговле всегда затрудняли развитие внешнеторговых связей. В Марокко име-

ют сбыт до 300 наименований туниских товаров, в том числе фосфаты, покрышки, минеральные и химические удобрения, ряд других товаров. Около 200 туниских фирм регулярно поставляют продукцию на марокканский рынок. Поставки же Марокко на туниский рынок насчитывают до 500 наименований различной продукции, здесь действуют до 400 марокканских компаний. Номенклатура поставок включает главным образом смазочные масла, пищевые продукты (чай, кофе), олово, кабель и провод, древесину. Как уже отмечалось выше, внешнеторговый оборот между Тунисом и Марокко невелик, однако договаривающиеся стороны надеются довести его в ближайшее время до 200 млн. долл.

Каковы же перспективы этого объединения и его значение для всего САМ? Оно явилось заметным шагом вперед в процессе реальной интеграции стран Магриба и является примером для других стран региона, которые в процессе развития двусторонних связей вполне могли бы присоединиться к этому соглашению. В будущем, по мнению многих политиков, уже весь регион Средиземноморья может быть подключен к экономическому блоку ЕС. Экономически интегрированный Магриб может быть также связан с более обширной зоной торговли, куда войдут остальные арабские страны, что могло бы привести к созданию общеарабской зоны свободной торговли. Существует также идея создания экономического союза между объединенным Магрибом и США⁹. Но все эти планы касаются лишь отдаленной перспективы. Сейчас же необходимы достижение согласия и конкретные реальные шаги на пути развития межмагрибинских экономических связей.

¹ Щербаков В. Глобализация экономики, региональная интеграция, влияние этих процессов на положение трудящихся государств-участников СНГ // Общество и экономика. – М., 2002, с. 12.

² The Middle East and North Africa 2000, L., с. 279.

³ ИТАР-ТАСС, Компас, 06.03.1997; Смирнова Г.И. Экономические связи стран Союза арабского Магриба (САМ) с Европейским Союзом (ЕС) // Арабский Восток: ислам и реформы. – М., 2000, с. 61.

⁴ Долгов Б.В. Процесс глобализации и развивающиеся страны (на примере Алжира) // Ближний Восток и современность. Вып. 13. – М., 2002, с. 38.

⁵ Там же, с. 39.

⁶ Подробнее см.: Зудина Л.П. Тунис – Европейский Союз: новые горизонты // Страны Ближнего Востока. – М., 1998, с. 82.

⁷ Смирнова Г.И. Экономические связи стран Союза арабского Магриба..., с. 61–62.

⁸ The North Africa Journal, Boston, June 2000, с. 5.

⁹ Ibid., с. 3, 5.

РОЛЬ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ЭКОНОМИКЕ АЛЖИРА

Иностранные инвестиции сыграли важную роль в экономическом развитии страны в конце XX в., особенно на этапе реформ в 90-е годы, смягчении кризисных явлений в хозяйственной жизни.

В период структурных реформ основное внимание государства было, естественно, уделено нефтегазовой сфере – ключевой отрасли национальной экономики. Однако низкие цены на энергоносители, сложившиеся на мировом рынке, вынудили придать большее значение диверсификации экспортной базы за счет увеличения инвестиций, созданию налоговых льгот, защите инвесторов, как местных, так и иностранных, в прочие отрасли, помимо нефтегазовой. Планируемые инвестиции в наиболее перспективные экспортные отрасли были увеличены, в особенности в сельское хозяйство.

Однако значительного эффекта они не дали. Это было связано с комплексом причин, среди которых – относительно скромное увеличение капиталовложений из-за экономического кризиса, концентрация средств в сельском хозяйстве прежде всего в импортозамещающих видах производства, явно недостаточная развитость второстепенных (относительно нефтегазовой сферы) экспортных отраслей и другие. Однако то, что достигнутые цели не отвечали ожидаемым результатам, не означало отказа от дальнейших шагов в данном, в целом верном, как свидетельствует мировой опыт, направлении.

Напротив, в области разработки углеводородов меры, принятые правительством, принесли значительный эффект, причем во многом благодаря привлечению иностранных инвесторов. Либерализация инвестиционного кодекса, регулирующего иностранные инвестиции в этот сектор, способствовала их притоку и, как следствие, росту и разведанных запасов нефти и газа в Алжире, и добычи, прежде всего газа. Достаточно сказать, что Алжиру удалось привлечь в последние десятилетия около 20 крупнейших мировых нефтегазовых компаний для разведки и добычи нефти и газа. Их капиталовложения в 80–90-е годы превысили инвестиции страны в данную отрасль.

Для инвестирования иностранного капитала в отрасль было принято решение о возврате к ранее существовавшей системе предоставления концессий иностранным компаниям. Более того, тем компаниям, которые брались за разработку на базе новейших передовых технологий истощенных

месторождений нефти, предоставлялось право выкупать нефтяные поля и становиться их владельцами (или совладельцами).

Динамичный выход Алжира в качестве одного из крупнейших и наиболее перспективных экспортеров энергоносителей в последнее десятилетие прошлого века позволил восстановить экспортные доходы страны – по сути, единственный или самый крупный источник его хозяйственного развития, преодолеть острейший и опаснейший долговой кризис, угрожавший непредсказуемыми последствиями.

С 1996 г. в Алжире впервые за истекшее десятилетие отмечаются первые признаки улучшения экономической ситуации. Однако, как оказалось впоследствии, они носили настолько ограниченный и неустойчивый характер, что их с полным основанием можно охарактеризовать именно как первые признаки.

Некоторые основные макроэкономические показатели состояния экономики Алжира в 90-е годы

	Показатель, %	
	в 1993–1994 г.	в 1996–1997 г.
Темпы роста ВВП страны	-1, -3	+4, +1,3
Темпы инфляции	39	15
Темпы девальвации динара	около 100	около 8
Темпы роста промышленности	отрицат.	положит.
Темпы роста производства в сельском хозяйстве	отрицат.	от положит. до отрицат.
Темпы роста золотовалютных резервов	сокращались	около 100
Коэффициент обслуживания внешнего долга	свыше 76	около 28

Примечание: – 1995 г.

Отдельные показатели экономического положения Алжира в середине – второй половине 90-х годов выглядели следующим образом.

Некоторые показатели экономического положения Алжира в середине – второй половине 90-х годов

	1995 г.	1996 г.	1997 г.
Темпы прироста ВВП, %	4,4	4,0	5,0
Уровень инфляции, %	29,0	29,8	18,6
Сальдо платежного баланса, млрд. долл.	4400	6200	2700
Размер внешнего долга, млрд. долл.*	31,5	...	28,3**
Золотовалютные резервы (отношение к среднемесячному объему импорта)	2,9	2,1	4,0
Коэффициент обслуживания внешнего долга после его эшелонирования	4,5	4,4	4,5
Дефицит, профицит госбюджета, млрд. долл.	-0,6	1,2	0,7

Примечание: * – до эшелонирования внешнего долга;

** – данные на начало 2000 г.

Источник: Bank d'Algerie. Al. 2001; Algeria. Guide for Investors. 1997, с. 8.

В конце 90-х годов, когда практически прошло полтора – два десятилетия с начала прорыночных реформ, около десяти лет с начала реализации политики структурной адаптации и стабилизации экономики, а также несколько лет с начала приватизации и проведения пяти этапов разгосударствления, позитивные признаки оживления в хозяйственной жизни проявились в более полной мере. Среди них необходимо отметить следующие.

1. К концу 1996 г. произошло снижение годовых темпов инфляции с 39% и 22% соответственно в 1994 и 1995 годы до 15%. В 1997 и 1998 годы темпы инфляции упали еще ниже – соответственно до 5,7 и 5%. Это во многом было результатом отмены государственных субсидий на продовольствие и товары массового спроса, позволившей сократить государственные расходы, а также замедления темпов девальвации алжирского динара. Следует отметить, что алжирский динар претерпел серию девальваций. Так, в течение ряда лет обменный курс динара по отношению к американскому доллару быстро падал, составив на конец года в 1993 г. 24,1 ал. дин., в 1994 г. 42,9 ал. дин., в 1995 г. – 52,2 ал. дин. Однако уже в 1996 г. его падение также резко замедлилось (56,2 ал. дин. за 1 ам. долл.), что и сказалось на уменьшении темпов инфляции.

Сокращение темпов инфляции создало некоторую основу для радикального освобождения из под государственного контроля цен, на которое правительство пошло в самом начале 1997 г. По оценке Мирового банка, в Алжире установился самый либеральный торговый режим в регионе Северной Африки.

2. В 1996 г. отмечается значительное положительное сальдо торгового баланса, который, как уже говорилось выше, являлся важнейшим фактором, непосредственно влиявшим на финансово-экономическое положение в стране. Прогресс был достигнут благодаря хорошему урожаю зерновых, а также росту физического объема экспорта углеводородов и некоторому повышению цен на энергоносители на мировом рынке.

3. После 1994 г. наблюдается положительная динамика объема ВВП Алжира. Но особенно важно подчеркнуть то, что во второй половине последнего десятилетия XX в. она приобрела определенную устойчивость.

4. В 1996 г. удвоились золотовалютные резервы страны. Этот показатель, как известно, является особенно важным для формирования благоприятного инвестиционного климата и, соответственно, для привлечения иностранного капитала в алжирскую экономику. Рост золотовалютных резервов стал результатом двух взаимосвязанных факторов: как положительных сдвигов во внешнеторговом балансе, так и достигнутого решения с внешними донорами об эшелониро-

вании алжирского долга. Последнее обстоятельство способствовало значительному уменьшению коэффициента обслуживания внешнего долга, который начиная с 1993 по 1996 год постоянно снижался – соответственно с 76,3% до 47%, затем – до 33,5% и, наконец, до 27,7%, достигнув уровня, принятого считать международными экспертами, уровнем безопасности.

5. В этом же году было отмечено ощутимое снижение дефицита государственного бюджета, что в совокупности с вышеотмеченными позитивными факторами в финансовом положении страны создало основу для стабилизации валютно-финансового положения Алжира. Последнее, как свидетельствует мировой опыт, является неременным условием оживления инвестиционной активности, стабильного экономического роста, успешного проведения (завершения) прорыночных реформ. Со всей очевидностью, в частности, на это указывает положительный опыт Туниса 70–80-х годов, а также Египта конца 80–90-х годов.

Особо необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что успех реформ и закрепление его одним из своих главных, если не основным следствием должны иметь такое улучшение инвестиционного климата, которое выражается в росте инвестиционной активности местного частного и иностранного капитала. Только такой результат обеспечивает комплекс условий для преодоления кризисной ситуации в экономике и социальной сфере – стабильный и высокий темп экономического роста, расширение базы для экспортных отраслей, стабилизацию национальной валюты, устойчивое погашение инфляции, создание значительного числа новых рабочих мест и т.д. Положение в экономике Алжира во второй половине 90-х годов – начале XXI в. свидетельствует о том, что на этом важнейшем направлении реформ в данный период изменения носили лишь ограниченный характер. Они были связаны с активизацией деятельности иностранного капитала в нефтегазовой отрасли, начавшейся еще в предыдущее десятилетие, а также некоторым оживлением местного частного капитала. Однако стабильного и широкомасштабного роста негосударственных инвестиций в большинстве отраслей алжирской экономики пока достигнуть не удалось.

Несмотря на очевидный прогресс, достигнутый во второй половине 90-х годов в Алжире в хозяйственной жизни, ряд принципиально важных макроэкономических показателей свидетельствовал о том, что констатировать достижение экономической стабильности как результат благополучного завершения прорыночных реформ еще преждевременно.

АЛЖИР: ПРОБЛЕМА БЕРБЕРСКОГО МЕНЬШИНСТВА

Развитие внутривполитической ситуации в Алжире со второй половины 90-х годов прошлого столетия показало со всей отчетливостью, что стабильность страны в ближайшей перспективе будет определяться не только успехами государства в борьбе против религиозного экстремизма, но и решением берберской проблемы. Эта проблема существует давно. Но сегодня она выходит из под контроля алжирского руководства, что связано со стремительным ростом самосознания алжирских берберов, их непримиримостью в борьбе за свои права в политической, социальной и культурной жизни Алжира.

Берберское население составляет в настоящее время (по разным источникам) от 25 до 30% 32 млн. населения Алжира. Основная часть берберов живет на северо-востоке страны в горах Кабилии. Отсюда их название кабилы. Кабилы представляют собой наиболее цивилизованную часть берберского населения с существенной прослойкой интеллигенции.

К берберам относится также полукочечное население шауя, живущее в горах Ореса, мозамбиты, осевшие в оазисах Алжирской Сахары, а также туареги, кочующие по Сахаре. Это одна из ветвей берберов Зенага, живших когда-то на юге Туниса и Ливии. Внешне алжирские туареги похожи на кабилы: высокие, стройные, часто светлоглазые. Но многовековые контакты с народами негроидной расы, живущими южнее Сахары, привели к заметной их метисации.

Берберское население говорит на различных наречиях берберского языка семито-халитской группы. Даже 60% выходцев из бербероязычных районов и живущих сегодня в городах на побережье, где преобладает арабское население, в семейном кругу говорят по-берберски.

На наречиях берберского языка, главным образом кабийском, существует как устная народная литература, так и различные жанры авторского творчества. У берберов с древнейших времен есть алфавит – тифинаг.

Надо сказать, что берберы играли важную роль в истории Алжира. Роль несоизмеримую с их численностью и их сегодняшним статусом. В ходе 8-летней войны за независимость (1954–1962 г.) два основных района проживания берберов – Кабилия и горы Ореса были местом самых ожесточенных боев между французскими войсками и алжирскими партизанами, большинство которых составляли кабилы.

Один из идеологов ФНО Абан Рамдан был выходцем из Кабилии. Его убийство в 1959 г. стало знаменем тех событий, которые произошли в Алжире после обретения независимости, когда руководители ФНО, которые во время войны жили в Марокко и Тунисе, захватили власть у тех, кто непосредственно участвовал в военных действиях.

Другой кабил – Крим Белькасем возглавлял делегацию Алжира на переговорах с Францией о предоставлении стране независимости. Таких примеров много.

Несмотря на вклад берберов в борьбу за независимость, на наличие среди берберов образованных людей и специалистов, их права и свободы постоянно ущемлялись, в частности путем ускоренной арабизации, трудовым законодательством, запрещающим принимать на работу в государственные учреждения лиц, не владеющих арабским языком.

При этом надо иметь в виду, что христианские школы, созданные в Кабилии французами еще в конце XIX века, а затем массовая эмиграция во Францию между двумя мировыми войнами предоставили кабийским берберам возможность получить солидное образование и создать прослойку, более образованную, чем любая другая социальная группа Алжира. На раннем этапе независимость Алжира, особенно в период пребывания у власти А.Бен Белла кабийская интеллигенция была востребована для работы в государственных ведомствах и учебных заведениях. Но по мере арабизации Алжира и ослабления роли французского языка эта востребованность снижалась быстрыми темпами. Все культурные мероприятия берберов были запрещены.

Эта национальная проблема особенно обострилась в 1990-е годы в период противостояния алжирских властей и мусульманских экстремистов, по отношению к которым кабилы заняли бескомпромиссную позицию.

Насилию подверглись многие культурные и политические деятели Кабилии. Сначала был похищен, а позднее убит известный берберский поэт и певец Лунес Матуба. Он был активистом берберского движения за культуру и демократию, выступал, в частности, за предоставление берберскому языку статуса национального языка наряду с арабским.

Религиозные фанаты расправились и с другим деятелем культуры Кабилии – Тахаром Джаутой. Не говоря уже о гибели простых людей, в том числе и детей.

До 2001 г. основной берберской общественно-просветительской организацией являлось Берберское культурное движение (БКД). Однако эта структура оказалась мало эффективной, прежде всего из-за внутреннего раскола, спровоцированного различными проберберскими политическими партиями. Наиболее радикальной из фракций была «БКД – Национальное объединение» (БКД-НО) во главе с Ферхатом М'Хенни.

На политической арене права берберов до недавнего времени защищали главным образом кабийские партии Фронт социалистических сил (ФСС) и Объединение за культуру и демократию (ОКД). Обе партии были представлены в алжирском парламенте и занимали достаточно жесткую позицию в отношении алжирских властей и особенно мусульманских экстремистов. Они выдвигали требования о скорейшем решении социально-экономических проблем берберских провинций, нерешенность которых в последнее время все чаще приводит к многочисленным демонстрациям и противостоянию официальным местным властям. Партии последовательно выступают за светское устройство алжирской государственности, за строгий запрет использования религии в политических целях.

В принятой в 1996 г. конституции АНДР арабы, берберы и ислам были названы в качестве основных составляющих «национальной идентичности Алжира». Берберский язык в ряде районов в качестве эксперимента начали изучать в школах. Для решения проблем национального меньшинства при президенте был создан Верховный комиссариат по делам амазигов*. Но в целом положение берберов не изменилось.

Берберские волнения достигли кульминации летом 2001 г. Тогда в ходе подавления массовых волнений кабилы власти применили силу. В результате, по официальным данным, погибли 60 чел., свыше 2000 получили ранения. Кровавая расправа с кабийскими демонстрантами способствовала быстрой радикализации берберского движения.

Разочаровавшись в деятельности проберберских партий, кабилы сделали выразителем своих интересов Координационный Совет деревенских комитетов Кабилии (КСДКК). По сути – это неформальная структура, в которой представлены все населенные пункты проживания алжирских берберов. И несмотря на внутренние противоречия, связанные с борьбой мнений о путях развития берберского движения, Координационный Совет деревенских комитетов оказывает реальное и постоянно возрастающее давление на центральные власти. Фактически он действует параллельно с местными органами власти. Слабость официальных властей привела к быстрому росту преступности. Чтобы противостоять этой угрозе, КСДКК сформировал дежурные комитеты, ставшие, по сути дела, его полувоенными формированиями.

Так, после расстрела антиправительственной кабийской демонстрации Координационный Совет предъявил руководству Алжира список своих требований из 15 пунктов, получивший название Эль-Ксарской формы, т.к. был принят в населенном пункте Эль-Ксар.

КСДКК требует придать статус официального наравне с арабским берберскому языку тамазиг, вывести жандармские войска из Кабилии, разработать и принять срочный план социально-экономического раз-

---

* Амазиги – самоназвание по имени одного из народов берберской группы.

вития этого региона, выплатить пособия безработным и семьям погибших в период расстрела демонстрации и др.

КСДКК заявил, что только после безоговорочного выполнения предъявленных требований может быть поставлен вопрос о прекращении волнений и массовых демонстраций в Кабилии.

События лета 2001 г. получили широкий резонанс как в Алжире, так и за его пределами.

Президент Алжира Абдельазиз Бутефлика попытался успокоить алжирское и международное общественное мнение, назначив для расследования происшедших событий национальную комиссию по главе с бербером Мохандом Иссадом. Выводы, сделанные комиссией, имели для центральных властей эффект разорвавшейся бомбы. Ответственность за события в Кабилии комиссия возложила на жандармерию, которая, по ее мнению, действовала, «как на войне», применяя против кабийского населения средства, предназначенные для ведения военных действий, иначе говоря, оружие.

Заключение комиссии, обвинившей в актах насилия против берберского населения официальные силовые структуры, еще больше накалило обстановку. Обострились отношения между светскими и религиозными партиями при обсуждении берберской проблемы в парламенте, что способствовало консолидации исламистов разного толка на антиберберской основе. Видный политический деятель, глава исламской партии ДНО Абдалла Джабалла заявил, что алжирский народ противостоит беспрецедентному в его истории кризису. По его мнению, под угрозой оказались «национальные константы – «ислам и арабизм». Вне зависимости от партийной принадлежности исламисты потребовали от А.Бутефлики принять срочные меры, направленные на срыв, как они выражались, «иностранный заговора». Они отвергли выводы комиссии Иссада и обвинили в организации беспорядков порберберские политические партии.

Борьба разгорелась не только в высших эшелонах власти. В ряде алжирских провинций имамы некоторых мечетей начали читать проповеди, в которых подстрекали верующих к насильственным действиям против берберского населения. Последнее обвинялось в том, что оно своими требованиями придания берберскому языку тамазиг статуса второго национального языка Алжира наносит вред языку Корана.

В условиях этой взрывоопасной обстановки руководство страны распространило коммюнике, в котором сообщалось о его намерении начать постепенную реализацию требований, предъявленных Координационным советом деревенских комитетов Кабилии. Удовлетворение требований планировалось начать с признания берберского языка тамазиг в качестве второго официального языка Алжира. Алжирское руководство пообещало также наказать виновных в применении силы против демонстрантов и даже согласилось постепенно вывести жандармские войска из Кабилии. Пока ни одно из данных

обещаний не выполнено. Для берберов поддержание ситуации в «подретом» состоянии является средством давления на центральные власти с целью добиться от них большего. Власти, несмотря на это, стремятся отсрочить реализацию данных кабилам обещаний.

Лавирование алжирского руководства при решении берберской проблемы подтолкнуло кабилы ужесточить свои требования, и они заявили о намерении добиваться широкой автономии Кабилии.

Часть руководства КСДКК создало Движение за автономию Кабилии (ДАК) во главе с Ферхатом М'Хенни – лидером БКД-НО. Движение ставит своей целью разработать механизмы достижения политической автономии Кабилии и других мест проживания берберов. При этом руководители ДАК подчеркивают, что «никоим образом не покушаются на единство и целостность алжирского государства». Центральным властям по-прежнему должны быть делегированы решения вопросов национальной обороны, внешней и финансовой политики, в том числе эмиссия денег.

Правительство Кабилии, в свою очередь, должно заняться вопросами внутренней безопасности берберских районов, их экономикой, культурой и образованием. Кабилия намерена в соответствии с численностью населения вносить свой вклад в национальный бюджет. В то же время надеется получать от центрального правительства свою долю от доходов, приносимых экспортом углеводородов.

Что касается языковой проблемы, то ДАК намерено ее решить следующим образом: официальным языком в регионе станет тамазиг. Он же будет основным языком, изучаемым в берберских школах. Арабскому языку отводится роль второго языка, необходимого для осуществления контактов на национальном уровне. ДАК признает, что существуют области современных знаний, например, информатика, где берберский язык не может применяться. В подобных случаях предполагается использовать другие языки, в частности, французский.

ДАК очертило географические рамки планируемой автономии. В состав Кабилии должны войти территории, находящиеся в настоящее время в составе провинций Тизи-Узу и Бедгисия, а также некоторые районы из провинций Бумердес, Джиджелли, Сетиф и Бордж-Бу-Ареридж. Арабоязычным зонам, входящим в эти провинции, будет предоставлено право отказаться от включения в автономию.

ДАК предполагает в случае достижения автономии, отказаться от существующего сегодня административного деления на коммуны. Первичной ячейкой, по его мнению, должна стать деревня.

Практически уже сейчас в Кабилии сложилось двоевластие. Формально существуют местные и провинциальные органы власти, предусмотренные Конституцией. В то же время все больше реальную власть в регионе осуществляет Координационный совет деревенских комитетов Кабилии.

Алжирским берберам оказывает помощь Всемирный конгресс Амазигов (ВКА). Он был создан в 1995 г. во Франции как первая

транснациональная организация, выступающая за признание прав берберов, их языка, культуры, самобытности в странах Северной Африки и Сахеля. Конгресс провозгласил себя независимым от государства или каких-либо партий.

В качестве основной цели ВКА рассматривает объединение всех берберских национальных движений и доведение их требований до международных организаций и прежде всего до ООН.

В период возобновившихся в декабре 2001 г. кабийских волнений, которые совпали с пребыванием А.Бутефлики в Брюсселе, ВКА призвал европейскую комиссию не парафировать соглашение об ассоциации между Евросоюзом и Алжиром, обвинив алжирские власти в нарушении прав человека, что является одним из основных препятствий при вступлении в Евросоюз.

Трудно прогнозировать, как будут развиваться события в дальнейшем, какая часть требований кабиллов будет удовлетворена. Ясно одно, что наступил момент принятия радикальных решений. У президента А.Бутефлики нет другого выбора, если он хочет найти пути к установлению в стране гражданского согласия. К решению берберского вопроса его подталкивает и другой фактор, а именно – продолжающаяся борьба с мусульманскими экстремистами.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВАТИЗАЦИИ В АРЕ

Экономические реформы, начатые в Египте в 70-е гг. XX в., привели к созданию открытой, рыночно ориентированной экономики, ускорению темпов экономического развития, увеличению объема инвестиций, в том числе иностранных. Современная экономика Египта характеризуется относительной развитой хозяйственной жизнью, укреплением платежного баланса, финансово-кредитной системы. В 80-е гг. началась реализация широкомасштабной программы приватизации.

Основным направлением экономических преобразований в настоящее время является повышение роли частного сектора в экономике страны, либерализация во внешней и внутренней экономической политике.

В рамках программы приватизации определились главные направления реформирования предприятий общественного сектора. Программа включала три основных элемента: приватизацию нестратегических общественных предприятий, реформирование юридической и институциональной системы, стимулирование конкуренции между общественными предприятиями и компаниями частного сектора.

Фактически подготовка программы приватизации началась в 1990 г., когда консультативный орган при Министерстве по делам предприятий общественного сектора – Бюро по общественным предприятиям (БОТ) подготовило опубликованный в 1992 г. план под названием «Общие процедуры и направления правительственной программы по приватизации, реструктурированию и системе вознаграждения».

Программа БОП прояснила основные принципы принятой в Египте схемы приватизации, которые сводились к следующему:

а) целью объявлялось повышение эффективности производственных фондов;

б) должны быть обеспечены права и свободы деятельности в области частной коммерческой активности;

в) не должны допускаться какие-либо ограничения участия или приобретения ни для египетских граждан, ни для иностранцев в вопросах владения и управления акциями или в любой форме;

г) операции должны осуществляться открыто, в соответствии со сложившейся практикой деятельности частного бизнеса, так, чтобы в них могли участвовать как местные, так и иностранные инвесторы;

д) особые права владения для государства не могут обеспечиваться, если оно владело меньшинством акций. Единственное исключение допускается для стратегических областей, где государство может сохранять за собой «золотую акцию 125 предприятий-кандидатов на приватизацию». Согласно плану, программа была разделена на три этапа начиная с 1992 по 1997 год.

БОП установило критерии на выбор первоначальных предприятий. Такими признаками были:

- компании, не относящиеся к числу «стратегических» ни по своей продукции, ни по сектору экономики, к которому они принадлежали;
- приоритет отдавался малым и средним предприятиям, действующим в конкурентных секторах экономики;
- предприятия не должны быть убыточными, но должны показывать потенциал роста в экономической, финансовой, и торговой сферах;
- администрация предприятия не должна выступать против приватизации;
- юридическая форма или претензии к предприятиям не должны рассматриваться как обстоятельство, препятствующее приватизации;
- предприятие или его подразделение не должны иметь монопольных позиций, желательно наличие конкурентов в частном секторе.

Хотя рассмотрение кандидатов проходило по всем предприятиям общественного сектора, в первых трех пакетах были компании следующих отраслей: розничная торговая, химическая, текстильная, строительная, медицинская, пищевая промышленности, промышленность строительных материалов, производство ТННП, транспорт и туризм.

Одновременно должна была быть приватизирована доля общественного сектора в совместных предприятиях, хотя окончательные решения принимались на заседаниях соответствующих холдинговых компаний.

Первоначально правительство страны рассматривало несколько методов изменения форм собственности или управлений – тендер или открытый аукцион на полную или частичную продажу предприятия, субподряд, аренду, контракт на управление предприятиями, распространение акций по подписке, продажу 10% акций сотрудникам с 20%-ной скидкой.

Хотя вопросы приватизации обсуждались в стране с конца 70-х годов, первые практические шаги в этой области были сделаны только в 80-х годах. До формального начала приватизации был принят ряд мер по скрытому сокращению или ограничению роли общественного сектора в экономике и увеличению доли частного сектора. В целях расширения базы владения предприятиями и широкого участия в них местных и иностранных инвесторов использовались полная или частичная продажа используемых фондов и активов в отраслях, где такие реформы не вызвали широкого протеста, например, гостиниц. Одновременно с

этим применялось реструктурирование и развитие предприятий частного капитала через создание совместных предприятий.

С 1990 г. по 1992 г. прошла первая волна приватизации, затронувшая в основном сельскохозяйственные и туристические предприятия (87% всех продаж). Преимущественно это произошло после разрешения губернаторам провинций приватизировать подведомственные им мелкие, главным образом сельскохозяйственные фирмы и компании. Из 1850 таких предприятий проданы были 1700. Вместе с тем введенные ограничения позволяли приватизировать только предприятия с капиталом не более 50.000 ег. ф. В 1990 г. было объявлено о плане приватизации правительства продать свою долю в смешанных банках, где оно не располагало контрольным пакетом акций.

Особенно заметно возросла доля частного сектора в промышленности Египта в 1970–2000 гг. Если в 1970 году доля частного сектора в промышленности составляла 22–23% то в 2000 г. она возросла до 78%. Большую роль в этих процессах сыграла политика приватизации. В процессе приватизации малые и средние частные предприятия получали финансовую поддержку от государства, а также различных международных экономических организаций.

«Правила игры» широко варьировались. Египетские власти предполагали, что условия приватизации должны измениться в зависимости от специфики предприятия. В качестве примера можно рассмотреть ряд успешно завершенных проектов. При приватизации египетской доли в компаниях «Аль-Мисрия» по выработке меди, компаний по производству бытового оборудования «Идеал» и «Телемыср» иностранным партнерам предоставлялось право выкупа определенной квоты, но по ценам, установленным египетской стороной.

Создание благоприятных условий для развития частного сектора в производящей и обслуживающей сферах, а также снижение остроты проблемы безработицы являются одним из направлений в совместной с иностранцами деятельности в Египте. Большой резонанс получила «Программа развития малых и ремесленных предприятий», осуществляемая Ассоциацией предпринимателей Александрии при финансовой поддержке Американского агентства международного развития.

Основной задачей этой программы является оказание помощи в создании и выживании небольших частных предприятий.

С начала реализации программы с 1990 г. по весну 1999 г. было предоставлено 108 тыс. льготных кредитов более 40 тыс. предприятий на 313 млн. ф., благодаря чему было создано 550 тыс. новых рабочих мест в Александрии (включая временные рабочие места).

Получение кредита позволяет предприятиям наладить новое или расширить существующее производство, улучшить качество продукции, использовать новые технологии и достижения НТР, повысить производительность труда, а также создать новые рабочие места.

В 1995 году при приватизации единственной табачной компании «Испярн Табакко» использовался относительно новый для АРЕ метод приватизации – денежный аукцион. К осени 1995 г. Центральное аудиторское управление АРЕ окончательно назвало 5 доступных методов исправления финансового положения и для убыточных компаний – частичную или полную продажу, продажу акций по подписке, открытый тендер или предоставление компании в управление иностранным партнерам. Основным моментом в политике приватизации на настоящий момент является отказ от прямых продаж предприятий в пользу продажи по открытой подписке. При этом Министр по делам общественного сектора Атеф Абейд специально подчеркнул, что ни одно из убыточных предприятий не будет закрыто, а все обязательно реструктурированы, имея в виду социальные проблемы, главным образом безработицу и защиту прав рабочих. Таким образом, контакты с иностранными инвесторами всегда имели целью санацию убыточных или социально непопулярных компаний.

Создание благоприятных условий для развития частного сектора в производящей и обслуживающей сферах, а также снижения остроты проблемы безработицы являются одним из направлений в современной деятельности в Египте. Большой резонанс получила «Программа развития малых и ремесленных предприятий», осуществляемая Ассоциацией предпринимателей Александрии при финансовой поддержке Американского агентства международного развития. Основными задачами этой программы являются оказание помощи в создании и выживании небольших частных предприятий.

Ассоциация предпринимателей ежемесячно предоставляет порядка 200 кредитов, средняя сумма кредита – 2850 ф. Кредиты могут предоставляться микропредприятиям (1–5 работающих) в размере от 250 до 3000 ф. и малым предприятиям (6–15 работающих) в размере от 5 тыс. до 25 тыс. ф. Первая группа предприятий получает порядка 75% из всех предоставляемых кредитов. Если предприятие полностью и в срок возвращает кредит, ему дается возможность практически сразу получить новый и более крупный. В губернаторстве Александрия действует 10 отделений Ассоциации предпринимателей, где рассматриваются и изучаются просьбы о кредитах, определяется эффективность их использования и контролируется своевременность возвращения. В случае принятия положительного решения кредит выделяется без лишних формальностей. Возвращение кредита начинается после 6 месяцев льготного периода.

Учитывая, что безработица является острой проблемой в Египте, привлекательность данной программы состоит в том, что если для создания одного рабочего места в тяжелой промышленности необходимо несколько десятков тысяч фунтов, то здесь один 10–15-тысячный кредит обеспечивает несколько рабочих мест.

Основными получателями кредитов в рамках программы являются предприятия по производству готовой одежды (около 40% кредитов), деревообрабатывающей, мебельной, кожевенно-обувной и пищевой отраслей (26%), торговые предприятия и сфера обслуживания (11%).

Начато предоставление кредитов «Медицинским малым предприятиям» с целью оказания помощи начинающим врачам в открытии собственных кабинетов и лабораторий, закупке оборудования, 99% выданных кредитов полностью и в срок возвращаются, что свидетельствует об успехах в реализации программы. В 1997 г. Александрийская программа развития малых предприятий была признана ООН лучшей в мире с точки зрения ее осуществления.

**ОТНОШЕНИЯ СУДАНА
С АРАБСКИМИ И АФРИКАНСКИМИ СТРАНАМИ**

После получения независимости в 1956 г. Судан столкнулся с целым рядом проблем, важнейшими из которых были: устранение феодальных и полуфеодальных пережитков в экономической и общественной жизни, создание самостоятельной национальной экономики, преодоление ее монокультурного характера, развитие промышленности, достижение экономического единства страны, ликвидация неграмотности и подготовка национальных кадров.

Суданское правительство, выражавшее интересы блока консервативных буржуазно-помещичьих кругов и феодально-племенной знати, разработало политику индустриализации, предусматривавшую поощрение частного предпринимательства и широкое привлечение в экономику иностранного капитала.

Национализации подвергся ряд предприятий обрабатывающей промышленности, все железные дороги, крупнейшие ирригационные системы, некоторые коммунальные предприятия. Затем были национализированы английские хлопковые плантации, ирригационные сооружения в Гаше и Бараке. Собственностью государства были объявлены полезные ископаемые, транспорт, связь.

Параллельно с этим были созданы благоприятные условия для инвестиций частного национального капитала в современные отрасли промышленности, роста средней и крупной национальной буржуазии. Принятый в 1956 г. «Закон об одобренном предпринимательстве» обеспечивал иностранным компаниям равные права с местным частным капиталом. Он запрещал любую дискриминацию в отношении иностранного капитала, предусматривал снижение налогов, пошлин, взимаемых с иностранных компаний, разрешал свободный перевод прибыли за границу. При этом льготы для капиталовложений находились в прямой зависимости от величины инвестированного капитала. Тем не менее частные предприниматели в основном вкладывали свои капиталы в традиционные отрасли с быстрой оборачиваемостью капитала.

В надежде на ускорение экономического развития в 1969 г. было объявлено о вступлении Судана в АОР. Но если проанализировать ситуацию с Арабским общим рынком, то он скорее был формальным, чем реальным шагом стран-участниц соглашения к экономическому

сотрудничеству. Неудача была связана с рядом причин хозяйственно-го и политического характера. Основными чертами торговли между государствами – членами АОР были ее неустойчивость и небольшие объемы. Стремление этих стран проводить политику замещения импортных товаров национальными вело к последовательному сокращению взаимной торговли. Хотя во вступительной части соглашения об образовании рынка есть несколько указаний на конечную цель – экономическую интеграцию стран-участниц (помимо Судана, это Египет, Сирия, Иордания), тем не менее не указывалось, какие меры необходимо для этого предпринять.

Деятельность АОР была малоуспешной еще и потому, что создать эффективно действующую экономическую группировку пытались страны с различными политическими режимами и разной социально-экономической ориентацией.

В результате соглашение о создании АОР оставалось на бумаге, и хотя его официально никто не отменял, экономические отношения между его участниками на деле продолжают регулироваться двусторонними соглашениями.

Вместе с тем постепенно расширялся круг стран, отношения с которыми Судан развивал на долговременной основе взаимовыгодных связей. Как суверенное государство Судан становится членом ООН, ОАЕ, принимает участие в деятельности ЛАГ, Движения неприсоединения, в ряде других международных и региональных финансовых и экономических организаций, является активным членом Организации Исламская конференция. Однако, формально разделяя принципы и лозунги Движения неприсоединения, в своих реальных политических действиях Судан неоднократно отходил от них.

Делегации Судана не участвовали или занимали пассивную позицию в большинстве заседаний ОАЕ, заботясь лишь о том, чтобы там не обсуждались проблемы Южного Судана. Но когда южносуданская партия Фронт освобождения Азании попыталась выступить на конференции ОАЕ в Аккре, представители Судана в африканских государствах проявили необычайную активность и добились срыва планов повстанцев¹.

С 1965 г. ухудшились отношения Судана с Эфиопией, Чадом, ЦАР, Угандой, Кенией, в пограничных провинциях которых находились лагеря южносуданских беженцев, а в Уганде – руководство повстанческой организации Фронт освобождения Азании (ФОА) и штаб партизанских отрядов Анья-Нья. Главной причиной обострения отношений была проблема Юга Судана, гражданская война между Севером и Югом, возобновившаяся при генерале Аббуде (1958–1964) и усилившаяся при его преемниках.

Премьер-министр Судана Мухаммед Ахмед Махджуб на конференции восточно-африканских стран в Найроби в 1966 г. обвинял правительства Конго, Уганды, Кении и других соседних государств в

попустительстве повстанцам. Не все, однако, зависело от доброй воли этих правительств. Большинство из них находилось еще под доминирующим влиянием бывших метрополий. Кроме того, сказывались такие факторы, как неурегулированность границ между африканскими государствами и их неудовлетворительная охрана, миграция скотоводческих племен, не признающих государственные границы, симпатия нилотов Северной Кении, Северной Уганды, пограничной части Конго (народ алур) к родственным народам Южного Судана. Да и сами африканские правительства, в том числе и суданское, не пренебрегали возможностью захватить часть соседней территории под предлогом проживания там племен своих соотечественников или единоплеменников.

Стремясь наладить мирное сотрудничество и нейтрализовать обоюдоострую проблему беженцев в межафриканских отношениях, в апреле 1966 г. в Найроби собрались лидеры одиннадцати восточно- и центральноафриканских государств, в том числе Судана. Были приняты важные решения: страны, в которых находятся беженцы, не должны предоставлять им возможности выступать в печати, оказывать им финансовую и материальную помощь или позволять проводить военное обучение. Эти решения обязывали каждое государство, на территории которого живут беженцы, принять соответствующие меры, чтобы помешать беженцам использовать средства этих государств для подрывной и политической деятельности против своей страны. Государства-участники совещания обязывались избегать в дальнейшем всяких пропагандистских кампаний в печати и по радио против любого соседнего государства, совместно стараться ликвидировать пограничные инциденты и создать механизм для улучшения добрососедских отношений².

Решения конференции временно ослабили напряженность между Суданом и его соседями – Угандой, Заиром и ЦАР. Так, после ряда военных инцидентов на судано-угандийской границе между суданскими войсками и Анья-Нья, в которых имелись жертвы и среди мирных жителей Уганды, через две недели после вышеназванного совещания в Кампале состоялось первое заседание судано-угандийской комиссии по репатриации южносуданских беженцев на родину. В ноябре 1966 г. правительство Уганды объявило вне закона повстанческие южносуданские организации ФОА и Анья-Нья, а руководители этих организаций были арестованы. Пресса Уганды сообщила о помощи южносуданским повстанцам со стороны западных государств и католической церкви. Стало известно, что церковные грузы из Уганды в Судан использовались для тайной доставки оружия повстанцам³. В этой связи в январе 1967 г. из Уганды были высланы 10 католических священников, помогавших южносуданским сепаратистам и являвшихся непосредственными инициаторами военных конфликтов на судано-угандийской границе.

В мае 1968 г. вспыхнули новые пограничные инциденты, за которыми последовали трехмесячные судано-угандийские переговоры. В

августе было опубликовано совместное коммюнике. Правительство Судана признало вину в нарушении границы, нанесении ущерба угандийским гражданам и принесло извинения, обязавшись выплатить компенсацию за причиненный ущерб. Было решено создать смешанную комиссию на министерском уровне, созываемую два раза в год для рассмотрения состояния отношений между двумя странами.

Судано-эфиопские отношения издавна осложняют территориальный и пограничный споры. Оба государства считают своей территорией область между реками Атбара и Сетит, населенную кочевыми племенами беджа. Из-за этой спорной территории между Суданом и Эфиопией вспыхивали вооруженные столкновения в 1875–1876 гг. и в 1965–1967 гг.

Долгие годы напряженными оставались отношения между Суданом и Республикой Чад, получившей независимость в 1960 г. Чад – бывшая (с 1914 г.) колония Франции – экономически отсталая, но богатая природными ископаемыми (нефть, уран, железная руда) страна с 6-миллионным населением, состоящим из 140 народностей и этнических групп. Однако крупнейшая этническая группа – арабы. В северных провинциях, примыкающих к Ливии, преобладают скотоводческие племена группы тубу, исповедующие ислам (часть их живет и на юге Ливии). На Юге живут оседлые земледельцы (сара, багирми и др.), исповедующие ислам и христианство.

Национальный, религиозный и социальный гнет вызвал движение сопротивления, антиправительственные выступления сначала на севере, а затем и в центральных районах страны. Восстание на северо-востоке возглавила арабская мусульманская интеллигенция, на севере – интеллигенция народов группы тубу и арабов, получившая поддержку Судана и Ливии и требовавшая присоединения Чада к семье исламских наций⁴.

Правительство Судана с сочувствием относилось к борьбе соплеменников в Чаде (арабские племена союзов бегара, каббиш и др.) против правительства Томбалбая и нелегально поддерживало их. В Судане получили убежище чадские политэмигранты, которые создали «Всеобщий союз чадцев в Судане», а 22 июня 1966 г. в суданском городе Ньюло был создан руководящий орган повстанческого движения в Чаде – «Фронт национального освобождения Чада» (ФРОЛИНА).

Восстание в Чаде стало распространяться с севера в центральные районы. В 1966 г. были созданы народные силы освобождения, одержавшие ряд побед над чадской армией, формируемой из южных народов, обученных французскими и израильскими офицерами. Чадские войска проводили тактику «выжженной земли», преследовали повстанцев, отступивших в Судан. На протяжении 1965–1966 гг. происходили пограничные конфликты между чадскими и суданскими пограничными подразделениями. Обе стороны обвиняли друг друга в нарушении границы и нанесении ущерба жителям страны.

В августе 1966 г. правительство Чада предъявило Судану ультиматум, требуя выдачи оппозиционеров. Судан отказался выполнить это требование. Столкновения на судано-чадской границе стали нарастать. Судан обратился в ОАЕ с жалобой на агрессию Чада. В результате переговоров с делегациями Судана и Чада конфликт был временно улажен в октябре 1966 г. В опубликованном судано-чадском коммюнике об урегулировании пограничного конфликта говорилось о решении сторон расширить полномочия совместной судано-чадской комиссии по урегулированию пограничных конфликтов. Обе стороны согласились предоставить комиссии свои предложения для окончательного урегулирования пограничных споров. Правительство Чада согласилось снять ограничения, распространенные на суданцев, проживающих в Чаде. Суданское правительство обязалось урегулировать вопрос о чадских беженцах в Судане. Обе стороны обязались придерживаться всех ранее заключенных соглашений между Республикой Чад и Республикой Судан.

Заключенное соглашение способствовало быстрой ликвидации последующих незначительных конфликтов. В феврале 1968 г. в Нджамене был подписан договор о добрососедских отношениях между Суданом и Чадом.

После майской революции 1969 г. внешнеполитический курс Судана осуществлял Революционный Совет (РС), Совет министров и министерство иностранных дел.

Внешнеполитическая программа нового режима, изложенная в заявлениях РС и правительства, имела антиимпериалистическую и революционно-демократическую направленность. Она предусматривала тесное сотрудничество ДРС с государствами, проводящими прогрессивный курс, установление добрососедских отношений с африканскими странами, активное участие в деятельности ОАЕ и ЛАС, упрочение всесторонних отношений с арабскими странами, активное участие в их борьбе против Израиля.

Судан активно участвовал в освободительном движении на континенте, в деятельности африканских региональных организаций. Его делегация на конференции африканских освободительных движений в Сьерра-Леоне в июне 1969 г. подтвердила готовность Судана эффективно поддержать это движение.

В январе 1970 г. в Хартуме состоялась очередная конференция стран Восточной и Центральной Африки, в которой участвовали руководители одиннадцати государств, в том числе Судана. Активное участие в работе конференции принимала ОАЕ. Обсуждались проблемы развития экономического сотрудничества между государствами региона. Был создан ряд постоянных комитетов по вопросам развития экономического сотрудничества между государствами Центральной и Восточной Африки. Комитет по вопросам сельского хозяйства избрал своей штаб-квартирой Хартум⁵.

Правительство ДРС проводило миролюбивую политику в Африке, установило дипломатические отношения с Мавританией, Чадом, ЦАР, Конго (Браззавиль), Бурунди и другими государствами континента, налаживало торговлю, экономические и культурные отношения с ними. Стремясь обеспечить мирное решение проблемы Юга и связанной с нею проблемы беженцев, правительство ДРС официально уведило, что Судан не позволит никаким политическим беженцам вести подрывную работу против какой бы то ни было страны-члена ОАЕ⁶. Проблема беженцев обсуждалась по время переговоров между правительственными делегациями Чада и Судана, поскольку арабское национальное меньшинство в Чаде вело борьбу за присоединение населенной ими территории к Судану. Суданская сторона обязалась прекратить поддержку ФРОЛИНА, а чадская – южносуданских сепаратистов, проживающих в Чаде.

Укреплялись отношения Судана и с другим соседом – ЦАР. В сентябре 1969 г. президент ЦАР Бокасса прибыл с официальным визитом в Хартум. Были заключены торговое соглашение, предусматривавшее экспорт суданского скота в ЦАР, и соглашение об авиасообщениях между столицами двух государств – Хартумом и Банги.

Уганда – южный сосед Судана – на протяжении полутора десятилетий являлась главной базой южносуданских сепаратистов и центром сосредоточения беженцев из Южного Судана. В конце 1969 г. послом Судана в Уганду был назначен М.Осман, президентом Уганды в это время был М.Оботе. Сближение внутри- и внешнеполитического курса Судана в Уганды наряду с доброй волей президента М.Оботе и дипломатическим талантом посла М.Османа привело к достижению полного взаимопонимания по южной проблеме. Правительство Оботе стало пресекать деятельность южносуданских повстанцев в Уганде. Таким образом, между Угандой и Суданом осуществлялось на практике «полное взаимопонимание по южной проблеме»⁷, констатировал министр по делам Юга Джозеф Гаранг.

Но 2 января генерал Амин произвел военный переворот в Уганде, организованный при поддержке США, ФРГ и Израиля, оказывавших помощь южносуданским повстанцам⁸. Новое правительство Уганды заняло резко враждебную позицию в отношении ДРС. Угандийские войска стали концентрироваться у границ Южного Судана. Печать и радио Уганды начали кампанию против ДРС, обвиняя ее в агрессивных действиях. Суданское правительство с 31 января по 6 февраля 1971 г. четыре раза официально опровергало утверждения правительства Амина о вторжении суданских войск и авиации на территорию Уганды. В то же время председатель РС Д.Нимейри установил контакты через министров иностранных дел Танзании и Кении с президентами Джулио Ньерере и Джомо Кениатой и обменялся с ними посланиями о координации позиций в отношении к новому режиму Уганды. Правительство Амина сделало новый шаг к обострению отношений между

Угандой и Суданом. В феврале самолеты Уганды бомбили суданскую территорию. 3 марта правительство Судана обратилось в ОАЕ с жалобой на враждебную деятельность генерала Амина. В суданских газетах были опубликованы заявления министров иностранных дел Алжира, Либерии, Мавритании, Сенегала Танзании, Эфиопии, обвинивших Амина во враждебных акциях против Судана⁹.

Напряженными оставались в 1969–1970 гг. отношения Судана с Эфиопией. В пограничной с Эфиопией суданской провинции Кассала осели многие тысячи эритрейских беженцев; там же находился и Фронт освобождения Эритреи (ФОЭ) – организация партизан-эритрейцев, боровшихся против монархического режима Хайле Селасие в Эфиопии, ликвидировавшего автономию Эритреи.

Эфиопское правительство, предъявляя территориальные претензии к Судану, поддерживало южносуданских сепаратистов, а также правые силы в Судане, возглавлявшиеся имамом Хади аль-Махди. После разгрома восстания на нильском острове Аба Хади аль-Махди пытался укрыться в Эфиопии, но был настигнут и убит на границе. Обвинение Эфиопии в антиправительственном заговоре в ДРС и антисуданской пропаганде сопровождалось высылкой из Хартума военного атташе Эфиопии.

Инициативу в примирении Судана и Эфиопии взял на себя президент Египта Гамаль Абдель Насер, пользовавшийся большим авторитетом в арабском мире и в Африке. При его посредничестве и участии в июне 1970 г. в Каире состоялись переговоры министра иностранных дел ДРС Бабикера Авадаллы и императора Эфиопии Хайле Селасие I¹⁰. Стороны договорились о прекращении враждебной пропаганды, возобновлении экономического сотрудничества и мирном урегулировании пограничных проблем. В марте 1971 г. во время визита в Хартум министра иностранных дел Эфиопии стороны договорились о возобновлении торгового соглашения 1969 г., расширении культурного сотрудничества и возобновлении работы комиссии по наземным, воздушным и речным перевозкам. Смягчению отношений между Суданом и монархической Эфиопией способствовало в это время уже заметное поправление правительства ДРС, наступление на демократические организации Судана.

Особая роль в международных отношениях Судана отводится его северному соседу Египту. Англо-египетское соглашение (19 января 1899 г.) о кондоминиуме – совместном управлении англо-египетским Суданом низвело Египет до неравного «партнера» Великобритании и посеяло семена территориальных и пограничных конфликтов между Суданом и Египтом.

Другой узел судано-египетских противоречий был завязан британским правительством также по вопросу распределения вод Нила. По англо-египетскому соглашению 1929 г., заключенному без участия и согласия Судана, 92% нильских вод, используемых для орошения,

предоставлялось Египту и лишь 8% – Судану. Египет сыграл решающую роль в разгроме левых сил, свергших Нимейри 19 июля 1971 г. Но после 25 мая 1969 г. под влиянием проегипетской группировки в РС Судан координировал свою деятельность с Египтом. 31 июля 1969 г. было опубликовано совместное коммюнике о необходимости укрепления контактов между ДРС и АРЕ. В августе было заключено судано-египетское соглашение об экономической интеграции и сотрудничестве в различных областях. После антимоноархического переворота в сентябре 1969 г. в Ливии правительство Ливийской Арабской Республики (ЛАР) пошло на сближение с АРЕ и ДРС. Руководители этих трех арабских государств встретились на конференции глав государств и правительств арабских стран в декабре 1969 г. в Рабате. Президент ДРС Нимейри заявил на конференции, что единство арабских стран может быть достигнуто на базе сохранения и укрепления прогрессивных режимов в арабских странах¹¹.

После конференции руководители трех государств – Египта, Судана и Ливии – собрались в г. Триполи (Ливия), где было подписано совместное коммюнике – «Триполийская хартия», в которой говорилось: «Новый союз между Египтом и революционными правительствами Ливии и Судана стал исторической необходимостью, расширившей фронт борьбы против Израиля»¹². Предполагалось, что и другие арабские страны с течением времени примкнут к их союзу.

В ходе переговоров Нимейри отстаивал идею экономической интеграции трех государств. Ливия присоединилась к судано-египетскому соглашению об интеграции, в коммюнике оговаривались конкретные шаги для развития экономического сотрудничества между тремя странами и пути достижения экономической интеграции. Были также приняты важные решения в области военного сотрудничества трех арабских государств с целью отражения агрессии Израиля.

По возвращении в Хартум Нимейри заявил, что «экономическое единство для обеспечения эффективного сотрудничества должно распространяться также на военную и культурную области»¹³.

20 апреля 1970 г. в Каире было подписано общее соглашение об экономической интеграции между АРЕ, ДРС и ЛАР, предусматривавшее создание в будущем единого экономического пространства, охватывающего три государства, а также заключено соглашение о техническом сотрудничестве. Соглашения предусматривали ряд мер, направленных на образование тесных экономических связей между этими государствами: постепенное создание условий для свободного обмена товарами, производимыми в трех странах; свободное передвижение граждан и капиталов, создание единой транспортной системы, совместных предприятий в различных областях; координацию экономического планирования, внешней торговли, таможенной и финансовой политики. Соглашение предусматривало увеличение торговли между тремя странами, проведение промышленных и сельско-

хозяйственных выставок, создание совместных компаний по торговле, навигации, транспорту, решение о создании специального банка экономической интеграции. Казалось, на северо-востоке Африки скоро образуется обширное единое политическое и экономическое пространство с населением бóльшим, чем в тогдашней ФРГ.

Сторонники Нимейри в Судане поддержали тесное сближение трех государств. «У Ливии есть деньги, у Египта – опыт, у Судана – земля. Этого вполне хватает для осуществления больших проектов на научной основе, учитывая интересы всех сторон», – писала правительственная газета¹⁴.

Третья встреча Нимейри, Насера и Каддафи происходила 25 мая 1970 г. в годовщину «Майской революции» в Хартуме. Выступая на массовом митинге на хартумском стадионе, Нимейри охарактеризовал союз трех государств как важный этап борьбы арабов за свое полное национальное освобождение¹⁵.

В митинге участвовали тысячи хартумцев. Насер, учтя настроение масс, сказал в своей речи, что «меры по объединению должны быть обсуждены и одобрены народами каждой из трех стран»¹⁶. Он учитывал опыт объединения Египта с Сирией в ОАР (позднее распавшейся), неудачу объединения ОАР с Ираком и Иорданией. Каддафи тоже имел неудачный опыт союза Ливии с Тунисом.

Хартумские переговоры трех лидеров проходили секретно. Арабские обозреватели отмечали значительные разногласия относительно форм и методов создания союза трех государств. Каддафи требовал ускорения интеграции и полного государственного объединения Египта, Судана и Ливии, Нимейри и Насер не соглашались, считая необходимым провести еще большую подготовительную работу для окончательного оформления тройственного союза.

Болезнь и смерть Насера посеяла у Нимейри иллюзию возможности стать его преемником в качестве лидера арабского мира. Нимейри проявил большую личную инициативу в сфере межарабских отношений, стремясь утвердить свой авторитет внутри Судана и во вне его. В августе 1970 г. он выступал в качестве посредника в урегулировании разногласий между Египтом, с одной стороны, и Сирией, Ираком, Алжиром – с другой.

С приходом на пост президента Египта Анвара Садата началось поправление режима в этой ведущей арабской стране.

Прибывший на похороны Г.А.Насера Д.Нимейри предложил созвать в Каире совещание руководителей всех арабских стран с целью сохранения и продолжения его курса. Честолюбивый глава суданского государства, как и Садат, претендовал на роль общеарабского руководителя. Выражая его амбиции, суданская газета в те дни писала: «Сейчас весь арабский мир с доверием смотрит на Судан и руководителя суданской революции как на надежду арабской нации в переживаемый ею трудный момент»¹⁷.

В ноябре 1970 г. в Каире состоялась новая встреча глав трех государств: Нимейри, Каддафи и Садата. 9 ноября участники Совещания опубликовали декларацию о намерении создать федерацию трех арабских государств – Египта, Судана и Ливии во главе с Высшим исполнительным комитетом. Один из пунктов декларации гласил: «Главы трех государств образуют высший политический комитет, который будет решать вопросы координации их внешней политики, совместных проектов экономического развития и внутренней политики в отношении существующих в ОАР, Судане и Ливии массовых организаций»¹⁸.

В апреле 1971 г. состоялась очередная встреча глав трех арабских государств, к которым присоединился и президент Сирии Хафез Асад. Участники встречи решили создать своего рода союз, называемый Конфедерацией арабских республик. «Это значит, – писал в своих мемуарах Анвар Садат, – что каждая республика сохранит свои внутренние порядки, своего президента и органы власти. Затем будет создан президентский совет, в который войдут все президенты, уполномоченные проводить объединительные меры и намечать шаги, ведущие к полному единству»¹⁹.

Нимейри заявил, что он не готов присоединиться к Федерации, но сделает это после завершения конституционной реформы и обеспечения национального единства. В личной беседе с Садатом Нимейри сказал: «Я, как уже говорил, не готов присоединиться сейчас. Однако я буду целиком поддерживать все принимаемые меры для достижения единства между вами и Сирией, так как это действительно касается дела панарабизма»²⁰.

Президенты Сирии, Египта и Ливии собрались 17 апреля в Бенгази (Ливия) и подписали тройственное соглашение о Конфедерации арабских республик²¹. Соглашение было направлено против прогрессивных сил внутри государств – членов Федерации. Статья 7-я соглашения гласила: «В случае если одно из указанных правительств стран-членов Федерации окажется в таком положении, что оно не сможет попросить о помощи, долгом членов Федерации будет вмешаться, на основе просьбы или без таковой»²². Эта статья вскоре была применена к Судану, хотя он еще не успел до конца «усовершенствовать» свой конституционный строй и войти в состав Федерации.

Между Суданом и Ливией не возникали территориальные споры, так как граница между двумя государствами короткая и по обе ее стороны тянется пустыня. Отношения между двумя государствами активно развивались: суданское правительство было заинтересовано в получении финансовой помощи от богатого нефтедобывающего соседа и в оттоке в Ливию избыточных рабочих на заработки. Ливийское правительство стремилось к экономической и идеологической экспансии в Тропической Африке, рассматривало Судан в качестве удобного плацдарма для осуществления этой цели, а так-

же как выгодную сферу для ливийских капиталовложений в сельское хозяйство в целях обеспечения своей страны продовольствием. Президент Ливии Муаммар Каддафи рассматривал Судан в качестве ближайшего младшего партнера общеарабской федерации. Однако отношения между Суданом и Ливией приобрели нервозность после контрпереворота 22 июля 1971 г. и возвращения Нимейри к власти при помощи Египта и Ливии. Пережив шок, Нимейри опасался присутствия египетских войск вблизи Хартума, способных отстранить его от власти с тем же успехом, с каким они его и восстановили; его угнетал также экстремизм Каддафи, грубо тянувшего Судан в Федерацию. К тому же Нимейри стремился наладить отношения с соседними государствами Экваториальной Африки, готовясь к мирному урегулированию южносуданской проблемы, и опасался сближения с арабскими государствами, особенно воинственным исламистом Каддафи. Поэтому визит председателя РС Ливии полковника М.Каддафи в Хартум 1 декабря 1972 г. оказался совсем не к стати. Каддафи объявил об аннулировании суданского долга (по займу 1969 г.) и обещал новый заем, если Судан вступит в тройственную федерацию арабских государств. И хотя Нимейри остро нуждался в деньгах, он не согласился.

Политика исламизации Тропической Африки, проводимая Каддафи, не считаясь со средствами, тоже обострила судано-ливийские отношения, ведь население Южного Судана исповедует традиционные религии и христианство.

Но в 1974 г., когда тройственная Федерация арабских государств распалась, между Суданом и Египтом началось сближение на основе экономической интеграции и их постепенного втягивания в фарватер американской политики на Ближнем Востоке. Каддафи вновь начал демонстрировать неприязнь в отношении режима Нимейри, а теперь и Садата. В Ливии нашли убежище и получали помощь тысячи суданцев-эмигрантов, приверженцев партий Аль-Умма и ЮДП, спасавшихся от террора Нимейри.

Президент Нимейри выступал с антиливийскими речами в ежемесячных радио- и телепрограммах «Вождь и народ» и в многочисленных интервью, с трибуны парламента и т.д.²³

Конфликтная ситуация, стимулировавшаяся исподволь агентурой империализма и арабской реакции, шла во вред обоим соседним государствам и арабскому миру в целом. Осознавая это, правительства Ливии и Судана искали пути к примирению. В декабре 1974 г. в Триполи и Хартуме проходили судано-ливийские переговоры. Было достигнуто соглашение об условиях выплаты ливийского займа, предусматривавшее трехкратное сокращение процентов и погашение задолженности в течение 15 лет²⁴.

В переговорах с Нимейри Каддафи обсуждал проблемы арабского единства, двусторонних отношений, а также вопрос об интеграции по-

границной с Ливией суданской провинции Северный Дарфур и муниципалитета Аль-Каффа в Ливии для ликвидации барьеров, препятствующих свободному перемещению и торговле между двумя странами.

В феврале 1972 г. президент Нимейри послал в отставку наиболее яркого сторонника присоединения Судана к Федерации, вице-президента и военного министра Хасана Халеда Аббаса. Вслед за ним ушли остальные члены проегипетской группировки в суданском правительстве. Вслед за тем президент Нимейри выступил перед руководителями общественных организаций Судана и открыто заявил об отказе Судана вступить в Федерацию арабских государств, ссылаясь на расхождение с другими арабскими государствами в определении задач этого союза.

В дальнейшем отношения между странами резко обострились. Несомненно, инициатива ухудшения судано-египетских отношений исходила от президента Нимейри и его правонационалистического окружения, за спиной которых стояли консервативные режимы арабских государств и империалистические государства, заинтересованные в расколе арабских государств.

После подавления в июле 1976 г. очередной попытки государственного переворота в Судане, организованного «Национальным Фронтом», возглавляемым Садыком аль-Махди, президент Нимейри отправился в Каир. В результате переговоров с президентом Садатом был подписан судано-египетский договор о совместной обороне. Создался Совместный Совет обороны, включавший начальников генеральных штабов и равное число офицеров. Срок действия договора устанавливался в 25 лет с автоматическим продлением еще на 5 лет. Договор о совместной обороне был ратифицирован обеими сторонами и вступил в силу 9 октября 1976 г.

В октябре 1982 г. между двумя странами было подписано соглашение об экономической интеграции, но действие этого договора было практически приостановлено после свержения Нимейри в апреле 1985 г. Некоторые суданские руководители тогда потребовали пересмотра этих соглашений, которые, по их мнению, главным образом служили интересам Египта и доказали «свою полную неэффективность». Действительно, из многочисленных проектов, задуманных в рамках «экономической интеграции», увидел свет только проект постройки канала Джонглей, предназначенного для увеличения забора воды из Нила.

Почва для улучшения отношений «между двумя братскими странами, связанными узами столь же вечными, как и воды Нила», была подготовлена визитами в Египет в октябре 1985 г. председателя Совета министров Судана аль-Джазули Дафаалы и министра обороны, бригадного генерала Османа Абдаллы Мухаммеда. При переговорах подтверждалось, что договор о совместной обороне между Египтом и Суданом, подписанный в 1976 г., остается по-прежнему в силе, и агрессия против одного из этих государств будет автоматически рас-

смагиваться как агрессия против другого государства, и, следовательно, обе стороны будут предпринимать немедленные меры, включая использование вооруженных сил для отражения этой агрессии. Оба государства должны координировать планы развития своих вооруженных сил с целью освоения новых видов оружия.

Приход к власти в Судане политического руководства, избранного в ходе парламентских выборов, ознаменовал начало нового этапа в судано-египетских отношениях. В январе 1987 г. в Каир с пятидневным визитом прибыл министр промышленности Судана Мубарак эль-Махди. В ходе переговоров в АРЕ обсуждались пути развития двусторонних отношений в разных областях и, в частности, сотрудничество между двумя странами в сфере промышленности, разработки недр и нефтедобычи²⁵.

В 1989 г. в Судане произошел переворот, в результате которого к власти пришло военное правительство, возглавляемое генералом Баширом. И именно с 1989 г. произошла значительная корректировка внешнеполитической стратегии суданского руководства. Это проявилось в развитии на более высоком уровне отношений с Ираком. Кризис в Персидском Заливе сделал Судан страной проиракской коалиции, еще теснее сблизил его с Ираком и вместе с тем отдалил его от умеренных арабских режимов.

Исламские фундаменталисты смогли превратить Судан в свою базу, создав здесь сеть тайных организаций. На территории Судана действуют около 20 лагерей по подготовке мусульманских боевиков из Египта, Эритреи, Эфиопии, Алжира, Туниса и др. стран.

Не удивительно, что на судано-египетские отношения отрицательно влияют названные факторы, и в этой атмосфере взаимного недоверия осложнились территориальные претензии. В яблоко раздора превратился «треугольник» Халаиб на побережье Красного моря. Канадская нефтяная компания заключила концессию на разведку нефти в Судане, но объявила, что приступит к поисковым работам на значительном расстоянии от спорного района Халаиба. Египетское правительство потребовало от компании прекращения нефтепоисковых работ в этом районе в связи с тем, что он находится под суверенитетом Египта. В свое время Англия добилась от Каира согласия на передачу «треугольника» под административное управление Судана, но при сохранении египетского суверенитета. С тех пор в этой пограничной зоне проживали главным образом суданские кочевые племена. Однако во время обострения политических отношений между Каиром и Хартумом, как это было неоднократно, спорный район на границе становился формальным предлогом для выдвижения взаимных территориальных претензий.

Суданское правительство обратилось 1 июля 1995 г. в Совет Безопасности ООН с жалобой на Египет в связи с пограничными столкновениями в районе Халаиба. По мнению суданского правительства, Халаиб, не один десяток лет являвшийся яблоком раз-

дора между двумя странами, является суданской территорией с суданским населением. Поэтому Судан настаивал на том, чтобы Совет Безопасности потребовал вывода египетских войск из этого района и незамедлительно принял бы меры для мирного урегулирования спора.

За последние несколько лет Судану удалось преодолеть имидж страны-изгоя и обрести авторитет в связи с тем, что в 1999 г. в южных районах страны началась добыча нефти.

В последнее время удалось улучшить отношения или, по крайней мере, сгладить самые острые противоречия почти со всеми пограничными странами. С Египтом, с которым связи традиционно были особыми, создан двусторонний комитет во главе с премьером и вице-премьером. На таком же уровне действует комитет с Ливией, регулярно заседает министерский комитет с Эфиопией.

К клубу стран-экспортеров нефти Судан присоединился в августе 1999 г. В настоящее время добыча нефти составляет 230 тыс. баррелей в сутки, из них 65 тыс. Судан использует внутри страны, перерабатывая сырую нефть на 5 заводах. Остальное поставляется в Японию, Китай, Корею, Европу, соседние страны.

Став экспортером нефти, Судан приобрел принципиально новый статус. Первым это признал Международный Валютный Фонд. В течение последних 5 лет Судан отказывался выплатить хотя бы часть из 20 млрд. долл. своего внешнего долга, что настораживало даже очень смелых инвесторов. С появлением нефти сотрудничество возобновилось, и вскоре Судан получил от МВФ льготы в выплате долга.

Разведанные запасы нефти оцениваются в 1,2 млрд. баррелей, газа – 3 трлн. куб. футов. Месторождения находятся непосредственно на границе между мусульманским севером и христианским югом. Война здесь началась в начале 50-х годов прошлого века. В настоящее время Народно-освободительная армия Судана (НОАС) постоянно воюет за широкую автономию, а фактически независимость Юга. За это время до 2 млн. чел.²⁶ погибли в результате боевых действий, голода и лишений; не меньшее число стали беженцами в собственной стране. Лидер НОАС полковник Джон Гаранг живет в столице Кении, базы партизан расположены в Уганде. США считают Судан «террористической страной» и всячески поддерживают повстанцев.

В США разворачивается кампания, оказывающая давление на фирмы, сотрудничающие с Суданом. Более всего пострадала канадская фирма «Талисман», капитал которой сократился из-за того, что американские организации отозвали свои доли. Но компания продолжает работать в Судане, считая свое участие в разработке и добыче нефти прибыльным занятием. Судан также возлагает большие надежды на нефть.

Для того, чтобы будущее страны было более оптимистичным, необходимо, чтобы стабилизация обстановки в самом Судане стала первой и необходимейшей предпосылкой для нормализации отношений в этой весьма важной части арабского мира, которая только формально относится к его периферии, но на самом деле имеет очень большое значение для общей ситуации в районе Красноморья, для мирного сосуществования государств, для обеспечения международной безопасности в регионе, потенциально опасном с точки зрения возможности возникновения профессиональных, межэтнических и других конфликтов, питательной средой для которых служат многочисленные противоречия, связанные с использованием и распределением ресурсов, состоянием границ или с политическими амбициями правящих элит и отдельных лидеров.

¹ Ас-Судан аль-Джадид, Хартум, 11.10.1965.

² Этингер Л.Я. Межгосударственные отношения в Африке. – М, 1972.

³ Там же, с. 58.

⁴ Там же, с. 59.

⁵ Sudan news.

⁶ Ас-Сахафа, 14.01.1970.

⁷ Sudan National Agency (SNA), 1970, № 28.

⁸ Ас-Судан аль-Джадид, 30.01.1971.

⁹ Ас-Сахафа, 27.01.1971.

¹⁰ Там же, 14.06.1970.

¹¹ Правда, 23.12.1969.

¹² Известия, 29.12.1969.

¹³ Sudan News Agency, 1970, № 31. Хартум.

¹⁴ Аль-Айям, 17.12.1969.

¹⁵ Там же, 26.05.1970.

¹⁶ Аль-Ахрам, Каир, 30.05.1970.

¹⁷ Ас-Сахафа, 14.10.1970.

¹⁸ Правда, 10.11.1970.

¹⁹ Anwar el Sadat. In Search of Identity. An Autobiography. L. 1978, с. 216.

²⁰ Там же, с. 215.

²¹ Правда, 18.04.1971.

²² Аль-Айям, 18.04.1971.

²³ Ас-Сахафа, 29.05.1974.

²⁴ Там же, 21.12.1974.

²⁵ Сб. статей «Арабские страны – проблемы социально-экономического и общественно-политического развития». М. 1995, с. 105.

²⁶ Ткаченко А.А. Инвестиционный климат в Судане и перспективы активизации российско-суданского экономического сотрудничества // Ближний Восток и современность. М., вып. 3. 2002, с. 254.

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ СУДАНА
С ПРОМЫШЛЕННО РАЗВИТЫМИ СТРАНАМИ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI вв.

Основные структурные особенности и черты внешней торговли Судана, динамика и географические направления экспорта и импорта на всех этапах хозяйственного развития, включая последнее десятилетие, во многом были предопределены структурой национальной экономики страны.

В 90-е годы, как и на протяжении всего XX в., несмотря на некоторый прогресс, достигнутый во второй половине прошлого века на пути преобразования структуры национальной экономики и в развитии различных отраслей промышленности, Судан оставался аграрной страной. Некоторый рост национальной промышленности, главным образом во второй половине XX в., был связан в основном с удовлетворением внутренних потребностей Судана и лишь в небольшой степени – с увеличением экспортного потенциала. И в конце 90-х годов XX в. вплоть до начала разработки нефтяных месторождений на долю промышленного производства приходилось лишь 7% ВВП страны. Этим в решающей мере предопределялось то обстоятельство, что практически на протяжении всего XX века около 90% объема экспорта страны составляла продукция сельского хозяйства¹.

Судан исключительно богат ресурсами, как агроклиматическими, так и ископаемыми. Но перерабатывающая промышленность так и не получила необходимого развития даже в период независимости. И это в решающей степени влияет на современное состояние национальной экономики, включая внешнюю торговлю.

Основными направлениями сельскохозяйственной специализации и важными источниками валютных поступлений Судана было и остается производство кунжута, гуммиарабика, хлопка, сахарного тростника, кормового зерна, сорго и некоторых других видов тропических культур, среди промышленных товаров – хромиты, золото, а с 1999 г. – нефть. В импорте страны традиционно преобладают товары промышленного назначения – машины и оборудование, энергоносители, сырье и полуфабрикаты.

В начале 90-х годов объем экспорта Судана постоянно рос. После восстановления в 1995–1996 гг. суммарный объем экспорта снизился

в 1997 г. и оставался на этом уровне в 1998 г. Это происходило в основном из-за резкого снижения экспортных цен, а также неблагоприятного воздействия наводнения на орошаемый сектор во второй половине 1998 г. Экспортные цены выросли на 11,5% в 1994/95 гг., но уже в 1997 г. и 1998 г. снизились на 11% и 7,5% соответственно. Снижение экспортных цен скрывало устойчивый рост объема экспорта, который после снижения в 1994–1995 гг. на 25,6% увеличивался в среднем за год на 7–8% в течение 1996–1998 гг.

Состав экспорта Судана значительно изменился за последние несколько лет. Доля традиционных товаров экспорта, таких как хлопок и гуммиарабик, которые составляли 37% общего объема экспорта в 1994–95 гг., снизилась до 20% общего экспорта в 1998 г., в то время как нетрадиционные экспортные товары, в частности, арахис, кунжут, скот, золото быстро росли в объеме и в цене и составили почти 50% общего объема экспорта в 1998 г. по сравнению с 35% в 1994–95 гг. К 1998 г. наиболее важной статьёй экспорта был домашний скот (20%), в то время как хлопок, который был наиболее важным экспортным товаром в 1994–95 гг., в 1998 г. был третьим по объему и составлял лишь 16%. Тем не менее, несмотря на уменьшение доли традиционных статей экспорта, в экспорте Судана продолжает преобладать узкая номенклатура продуктов, вследствие чего экспорт остается чувствительным к внешним и внутренним потрясениям, таким, например, как ухудшение условий внешней торговли, природные катаклизмы, негативно влияющие на сельскохозяйственное производство.

Лидирующие статьи экспорта (3 основных товара) составляли около 52% в общем объеме экспорта в 1994–1995 гг., в 1998 г. этот показатель вырос до 54%, что лишний раз свидетельствует о степени укоренения сельскохозяйственной экспортной специализации экономики страны.

С 1994–1995 гг. импорт товаров рос более быстрыми темпами (17,5% ежегодно), чем экспорт. Увеличение импорта в стоимостном выражении с 1,0 млрд. долл. в 1994–1995 гг. до 1,9 млрд. долл. в 1998 г. произошло из-за роста физического объема импорта¹, так как цены на импортные товары снижались в среднем на 2,3% ежегодно в течение 1995–1998 гг. Снижение цен, особенно в течение 1997–1998 гг. (17,5%), происходило благодаря падению цен на нефть, что помогло в основном компенсировать снижение экспортных цен (18,6%). В результате с 1995 г. условия внешней торговли Судана (соотношение индексов импортных и экспортных цен) стали хуже, если исчислять нарастающим итогом, только на величину, составляющую около 2,7% (или около 0,5 процентного пункта в год).

Структура импорта Судана тоже значительно изменилась с 1992 г. Импорт продовольствия, который составлял около 8,5% общего объема импорта в 1992 г., снизился до 3,1% общего объема импорта в 1998 г. в основном благодаря выросшему внутреннему производству. С другой стороны, импорт промышленных товаров и транспортного оборудования ощутимо вырос, с 29% в 1994 г. почти до 41% в 1998 г. в основном из-за импорта, связанного с сооружением нефтепровода.

Судан в своем экономическом развитии вынужден опираться на значительные импортные закупки. При этом в условиях ограниченности собственных валютных средств Судан всегда оставался привязан к предложениям финансовых доноров, естественно, заинтересованных в поставках продукции определенной номенклатуры и соответствующих производителей.

География внешней торговли страны претерпела несколько более заметные изменения, чем товарная структура. В товарообороте постепенно снижался удельный вес бывшей метрополии, который накануне второй мировой войны достигал 40%. В первые годы независимости 26–28% внешнеторгового оборота Судана все еще приходилось на Великобританию как крупнейшего его поставщика и покупателя. Однако затем ее доля в суданском экспорте и импорте стала вновь уменьшаться. В результате к началу 70-х годов по общему товарообороту Великобритании временно уступала первенство другим крупнейшим торговым партнерам Судана – Советскому Союзу, а также Индии. В 80-е годы Саудовская Аравия потеснила британских поставщиков с первого на второе место, что было связано с ростом в суданском импорте роли товаров группы энергоносителей.

Длительное британское присутствие в Судане довольно прочно привязало его к английским стандартам, особенно технико-технологическим, что предполагает ввоз запасных частей и комплектующих к используемым в стране машинам и оборудованию. Богатый коммерческий опыт и разветвленная сбытовая сеть, хорошая материальная база, тесные связи в деловых и правительственных кругах Судана помогали Великобритании удерживать первенство среди поставщиков из числа индустриально развитых стран и в 90-е годы. В целом она сохраняла свои позиции в качестве одного из крупнейших торговых партнеров Судана, хотя соперничество этих государств, безусловно, обострилось после утраты британских имперских преференций.

Основными покупателями суданских товаров являются арабские страны – 40,7% экспорта Судана; в том числе Саудовская Аравия (23,4%), Египет (5,2%). На страны ЕС приходится 34,6% суданского экспорта; в том числе на Италию и Великобританию по 10%, Германию 5,4%. Среди прочих государств – на Индию 4,4%, Японию 2,8%. В

целом картина географического распределения суданского экспорта в 90-е годы была следующей.

Таблица 1

**Географическое распределение экспорта Судана
в 1990–98 гг., %**

Страны	1990, %	1991, %	1992, %	1993, %	1994, %	1995, %	1996, %	1997, %	1998, %
ЕС	26,3	29,8	28,5	26,4	29,4	33,1	33,6	38,3	34,6
Остальные страны Зап. Европы	1,7	4,7	2,8	3,2	6,8	1,2	0,5	1,3	0,8
США	3,2	4,3	1,2	3,4	4,0	4,4	2,2	1,5	0,4
Югославия	3,1	1,1	-	0,2	0,07	-	-	-	-
Остальные страны Вост. Европы	0,6	0,8	-	7,2	4,2	1,7	0,1	2,2	1,8
Япония	7,0	11,1	5,0	11,0	2,1	5,9	4,0	3,7	2,8
Китай	11,2	4,5	0,1	2,8	3,2	10,2	6,8	2,8	0,2
Индия	0,2	0,1	0,7	2,0	2,2	2,1	0,4	0,9	4,4
Остальные страны Азии	17,8	20,6	9,6	8,3	13,2	6,6	10,6	7,0	10,4
Арабские страны	28,6	20,6	49,3	41,2	35,6	31,2	37,9	33,8	40,7
Саудовская Аравия	9,9	11,3	19,3	15,4	14,7	18,4	18,8	18,9	23,4
Ливия	0,4	1,8	11,7	2,8	1,8	1,2	0,7	-	0,5
Египет	8,5	3,6	7,4	4,9	6,1	4,3	6,7	5,6	5,2
Остальные арабские страны	9,9	3,5	10,9	7,5	6,8	7,3	11,7	9,3	10,6
Прочие страны	0,2	2,8	2,8	4,9	5,7	3,6	3,9	8,5	3,9
ВСЕГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Экспорт Судана на рубеже XX–XXI вв. продолжает оставаться сконцентрированным на нескольких рынках. Например, в 1998 г. почти 50% всего экспорта приходилось на четыре страны: Саудовскую Аравию (23,4%), Италию и Великобританию (каждой по 10%), Германию (5,4%). С точки зрения регионального распределения экспорта главным экспортным рынком Судана остается Ближний и Средний Восток, чья доля в экспорте выросла с 31,2% в 1995 г. до около 40,7%

в 1998 г. Анализ структуры географического распределения экспорта Судана показывает основную его направленность на рынки арабских стран и прежде всего Саудовской Аравии, Иордании, Египта, а также Ливии и стран Персидского Залива. Это объясняется рядом обстоятельств – географической близостью к ним Судана и большей ориентацией в последние десятилетия на развитие торгово-экономических связей с арабскими странами, а также процессом межа-рабской интеграции.

Европейский рынок и прежде всего страны ЕС (34,6%, 1998 г.) является лишь вторым по значению (после арабского). Среди европейских стран особенно выделяются Италия, Германия, Франция и Великобритания. И в начале XXI в. Евросоюз сохраняет свое значение в качестве одного из ведущих рынков сбыта суданских товаров.

Что касается доли экспорта, приходящейся на страны Африки и Азии, то она в силу ряда причин упала. Связано это не только с напряженными отношениями с частью соседних африканских стран, но и с тем, что их структуры внешней торговли во многом схожи или совпадают по основным параметрам. В сильной мере сказывается и ограниченность экспортного потенциала Судана.

Сокращение экспорта в страны Азии произошло из-за фактического прекращения продажи хлопка Китаю в результате выступления национальных производителей хлопка в Китае против его ввоза из-за рубежа. Доля Китая в суданском экспорте составляла 11,2% в 1990 г. После резкого падения до менее 0,1% в 1992 г. она была восстановлена к 1995 г. (10,2%), однако в 1998 г. составила 0,2%. Достаточно высокой в экспорте из Судана становится доля Индии, возросшая с 0,2% в 1990 г. до 4,4% в 1998 г. прежде всего за счет потребления суданского хлопка. Значительно снизилась за 90-е годы (с 11,1% в 1991 г. до 2,8% в 1998 г.) доля Японии в экспорте Судана.

Экспортные поставки в африканские страны (за исключением арабских стран) находятся на низком уровне и скорее представляют собой перемещение товаров при приграничной торговле. В связи с этим основными африканскими импортерами суданских товаров выступают Эфиопия и Центральноафриканская Республика.

В конце XX – начале XXI вв. практически отсутствовал экспорт суданских товаров в США (снижение с 3,2% в 1990 г. до 0,4% в 1998 г., в 1989 г. – 16,6%), что объясняется введенными ими санкциями в отношении Судана как страны, поддерживающей международный терроризм.

В суданском импорте до конца 90-х годов преобладали нефть и нефтепродукты, продукция машиностроения и металлообработки, пшеница, мука, а также средства для обработки почвы, важнейшими поставщиками продукции в Судан являлись арабские страны. На них приходилось 28% суданского импорта. Доля Саудовской Аравии составляла 15,5%, Египта – 2,9%. На страны ЕС приходилось 23,5%,

это в основном на Великобританию 7%, Францию 6,7%, Италию 6%. Среди прочих стран выделялись Китай (13,8%) и Япония (4,5%).

Таблица 2

**Географическое распределение импорта Судана
в 1990–98 гг., %**

Страны	1990, %	1991, %	1992, %	1993, %	1994, %	1995, %	1996, %	1997, %	1998, %
ЕС	22,4	31,1	22,8	26,4	29,9	31,1	27,0	25,0	23,5
Остальные страны Зап. Европы	0,7	1,4	2,6	3,2	4,5	1,3	1,0	1,2	1,3
США	5,4	1,4	7,9	3,4	3,5	5,0	4,6	4,3	2,3
Югославия	0,8	0,7	1,3	–	–	–	–	–	–
Остальные страны Вост. Европы	1,6	1,2	2,5	7,4	3,9	4,0	7,3	6,4	4,4
Япония	1,8	4,2	3,5	11,0	2,1	5,7	4,2	3,7	4,5
Китай	0,4	3,6	2,0	2,8	3,2	3,6	4,3	6,3	13,8
Индия	0,7	1,8	1,4	2,0	2,0	2,1	3,8	2,8	3,3
Остальные страны Азии	5,2	5,8	6,9	8,3	12,5	11,9	12,5	12,1	8,8
Арабские страны	57,7	44,3	45,0	30,6	29,0	28,8	22,8	25,4	28,0
Саудовская Аравия	23,5	11,4	21,3	15,4	16,0	10,3	11,3	13,1	15,5
Ливия	24,6	20,9	4,1	2,8	1,5	1,9	0,6	0,1	0,1
Египет	1,8	5,7	5,2	4,9	6,0	6,1	3,5	3,5	2,9
Остальные арабские страны	7,8	6,3	14,4	7,5	5,5	7,5	7,4	8,7	9,5
Прочие страны	3,3	4,5	4,1	4,9	9,4	9,5	12,0	12,8	10,1
ВСЕГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

на основании таможенных деклараций.

Экспорт товаров в 1998 г. распределялся следующим образом: основными покупателями хлопка выступали Индия, Таиланд, Бангладеш, Германия, Италия; гуммиарабика – Франция, Великобритания, Италия, США, Германия; кунжута – Корея, Саудовская Аравия, Япония, Голландия, Иордания, Египет, Ливан; арахиса – Голландия, Великобритания, Италия; жмыха – Франция; шкур и кожи – Италия; живого скота и мяса – Саудовская Аравия (85%).

Импорт по товарным позициям в 1998 г. распределялся так: кофе (Заир – 80%, Индия), чай (Кения – 80%, ОАЭ, Египет), пше-

ница и мука (Франция, Австралия, Канада, ОАЭ), др. продукты (Голландия, Египет, Индия), напитки и табак (Зимбабве – 50%), нефтепродукты (Саудовская Аравия – 45%, ОАЭ, Бахрейн, Йемен), сырье (Малайзия, Индонезия), химикаты (Франция, Швейцария, Япония, Индия), промтовары (Китай, Саудовская Аравия, Франция), станки и оборудование (Китай, Великобритания, Япония), транспортные средства (Япония, Саудовская Аравия), текстиль (Саудовская Аравия, Индия, ОАЭ). В 1998 г. импорт из России не превысил 4 млн. долл.

В 1998 г. основными торговыми партнерами Судана были: Саудовская Аравия (345 млн. долл.), Китай (230 млн. долл.), Великобритания (163 млн. долл.), Германия (105 млн. долл.), Франция (110 млн. долл.), Италия (97 млн. долл.), Япония (90 млн. долл.). На долю этих семи стран приходилось порядка 42% всей внешней торговли Судана (всего стран – торговых партнеров у Судана 70). Несмотря на экономическое эмбарго, введенное США в отношении Судана в 1997 г. и возобновленное в 1998 г., торговый оборот этой страны с ЕС сохранился, хотя и снизился с 76 млн. долл. в 1997 г. до 34 млн. долл. в 1998 г.

Доля Судана во внешнеторговом обороте России в конце XX в. была невелика. По данным ГТК РФ, в 1998 г. российский экспорт в Судан составил 1,45 млн. долл., импорт из Судана – 1,0 млн. долл. Российский экспорт в Судан включал лесоматериалы, стройматериалы, нефтепродукты, авто- и авиатехнику, стальной прокат, газетную бумагу, автомобильные шины, двигатели и электрические генераторы и др. Импорт из Судана в основном состоит из сельхозпродукции: каркаде, хлопок, кунжут, арахис, а также кладь вещей из натуральной кожи, одежда трикотажная, чулочно-носочные изделия трикотажные, одежда верхняя женская и для девочек. В начале 1999 г. сохранялся незначительный объем взаимной торговли. В первом квартале 1999 г. российский экспорт в Судан составил 1,9 млн. долл., импорт из Судана – 0,1 млн. долл.²

До 1998 г. торгово-экономические отношения России с Суданом регулировались соглашением между бывшим СССР и Суданом, подписанным в 1961 году. В 1991 г. с распадом бывшего СССР торговые контакты с Суданом практически прекратились.

В 1994 г. было заключено соглашение между Суданом и российской фирмой «Гидропроект» на строительство гидрокомплекса в этой стране (стоимость – более 3 млрд. долл.). Российская сторона обязалась разработать проекты строительства в Судане нескольких гидроузлов, крупнейшим из которых является гидроузел Мерое на р.Нил мощностью 1100 МВт. «Гидропроект» разработал также проекты строительства гидроузлов Кажбар (мощностью 160 МВт), Сабалока (120–140 МВт) и Ширейк (100–120 МВт).

Российская фирма «Зарубежэнергострой» подготовила коммерческое предложение на строительство дизельных электростанций. Правительство Судана обратилось в «Зарубежэнергострой» с предложением разработать и реализовать проект повышения гребня плотины Росейрес, построенной канадской фирмой «Мопенсо».

Торгово-экономические отношения России с Суданом в 90-е годы находились в кризисном состоянии по многим причинам, в том числе и из-за отсутствия необходимой финансовой поддержки российских структур, стремившихся к реализации крупномасштабных проектов в суданской экономике. К примеру, через год после подписания «Зарубежнефтегазстроем» выгодного контракта (1996 г.) на строительство нефтепровода в Судане соглашение было расторгнуто, так как фирмы из Китая предложили Судану более выгодные финансовые условия. Эксперты полагают, что ввиду отсутствия необходимых кредитных ресурсов у «Гидропроекта» он не сможет реализовать собственные проекты строительства гидроузлов. В этом случае правительство Судана объявит ряд тендеров на их строительство. По оценке экспертов, реальные шансы выиграть их имеют фирмы промышленно развитых стран.

Заключение соглашения о торговле и технико-экономическом сотрудничестве между двумя странами, которое было подписано в январе 1998 г. (оно заменило соглашение 1961 г.), расширило возможности развития внешнеэкономических связей между Россией и Суданом. В сентябре 1999 г. это соглашение вступило в силу. Оно, в частности, предусматривает взаимное предоставление режима наиболее благоприятствуемой нации, проведение расчетов в торговле в СКВ, участие в двусторонних консультациях по вопросам торгово-экономического сотрудничества. Соглашение открывает перспективы для заключения контракта на поставки в Судан российских минеральных удобрений в обмен на поставки в Россию суданского длиноволокнистого хлопка.

Россия в 1998 г. закупила в Судане кунжут и арахис на 130 тыс. долл. Из стран СНГ-импортеров из Судана можно назвать только Украину – 400 тыс. долл. (арахис)³.

Таким образом, промышленно развитые страны в 90-е годы остаются крупнейшим торговым партнером Судана. Определяется это сохраняющейся тесной зависимостью страны от импорта промышленных товаров, прежде всего инвестиционного назначения, включая машины и оборудование, а также сырье и полуфабрикаты. В то же время соседние с Суданом арабские государства несколько потеснили промышленно развитые страны, главным образом как покупатели суданской сельскохозяйственной продукции.

¹ См. более подробно: Панфиленко Э.Н. Некоторые аспекты социального развития Судана // Страны Ближнего Востока (актуальные проблемы современности и истории). – М., 1998, с. 112–118; Stain Nikolaus. Viel Pips, viel Fleisch, kaum Industrie. Die Wirtschaft des Sudan. – Afrika-Post. 1999, № 3–4, с. 3–5.

² Внешняя торговля Российской Федерации в 2000 г. ГТК РФ. 2001.

³ БИКИ. Судан: Экономика и торгово-экономические связи с Россией. – М., 1999, №№ 118–119; Судан – Полпред. Экономические связи России с Африкой. – М., 2000, с. 323–324.

**СУДАН: СТРАНОВОЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ
И ГЛОБАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

Судан всегда привлекал внимание исследователей, ученых-африканистов своей уникальностью. Это крупнейшее по площади государство Африки. Его территория составляет 2,5 млн. кв. км. Кроме того, оно находится на стыке арабского мира и Африки. Исламская религия и арабская культура существуют здесь наряду с христианством и африканской культурой.

Судан обладает немалыми естественными богатствами, рациональное использование которых может существенно изменить судьбу страны.

Климатические условия создают возможности для налаживания эффективного сельскохозяйственного производства (а его ресурсы превышают потребности самого Судана), что в перспективе может позволить превратить Судан в «продовольственную корзину» для всего Ближнего Востока.

Недра Судана таят в себе значительные запасы нефти и газа, золота, урана, железной руды, мрамора, слюды и других полезных ископаемых.

В историческом плане судьба Судана сходна с участью других африканских стран: колониальное иго, борьба за освобождение, получение независимости, тяжелое экономическое положение, внутриполитические противоречия и т.д.

Однако на пути эффективного хозяйственного и политического развития страны стоят серьезные препятствия. Важнейшим из них является, как представляется, южносуданская проблема.

Конфликт на юге Судана существует уже длительное время, пройдя два этапа. Свое начало он берет с 1955 г., когда за несколько месяцев до провозглашения независимости Судана произошел мятеж военного гарнизона в г. Торит Экваториальной провинции в южной части страны. Солдаты-южане из гарнизона отказались выполнить приказ командования о переводе их на Север страны. Выступление охватило затем все три южные провинции южного региона.

Первый этап гражданской войны на юге Судана завершился только в 1972 году подписанием соглашения в Аддис-Абебе. Однако установившийся мир продлился всего несколько лет. В 1983 году он вспыхнул с новой силой и длится до настоящего времени.

В основе противостояния Юга и Севера Судана лежит много факторов. К ним относятся различия на национально-этнической и

религиозной почве, культурные и социально-экономические отличия, политика колониальной администрации, ошибки национальных политиков как Севера, так и Юга.

Неурегулированность южносуданской проблемы препятствует утверждению демократических принципов в политической жизни страны. Продолжение гражданской войны на юге усугубляет экономические трудности, мешает полномасштабному развитию важнейших отраслей экономики, в частности, нефтегазового комплекса, обостряет гуманитарную ситуацию на юге Судана.

Для Судана характерна неоднородность населения. Из 30 млн. человек, проживающих в настоящее время в Судане, 55% граждан составляют арабы, 30% – негроидные племена, населяющие юг страны в отличие от арабов, которые в основном проживают в северных и центральных регионах. 15% – это племена нубийцев и беджа.

В Судане сохраняется племенное деление. В настоящее время здесь насчитывается 572 племени. В каждом регионе доминирует одно основное племя. Это относится прежде всего к районам юга и запада страны.

Свыше 70% населения – мусульмане-сунниты. Около 30% (население юга) – христиане и язычники.

Государственный язык в Судане арабский. Но арабоязычающее население, придерживающееся ислама, проживает в основном на севере и западе страны. Южносуданское население говорит на 70 различных языках и связующим для него является английский язык. Южносуданская элита получила образование в западных странах и придерживается христианства.

Различия между севером и югом Судана по обычаям, религии, языку дополнились отставанием в социально-экономическом развитии в результате правления в Судане колониальной администрации практически с конца XIX до середины XX века. Политика «закрытых районов», проводившаяся колониальными властями, привела к изоляции Юга от остальной части страны, к нарушению естественных связей регионов Судана, препятствовала формированию единого экономического комплекса.

Политика «закрытых районов» в южных провинциях тормозила развитие гражданского общества и политической жизни на Юге.

Начавшаяся за полтора года до официального провозглашения независимости Судана суданизация государственного аппарата, призванная заменить 1111 английских и 108 египетских служащих для Юга вылилась в насильственную арабизацию. Так, из 800 административных постов в центральном правительственном аппарате южане получили только 4 места, а в аппарате управления южных провинций – только 14 постов из 138 должностей.

Ошибки северосуданских политиков еще до провозглашения независимости страны разжигали сепаратистские настроения среди южносуданской общественности, расширяли антисеверную пропаганду на Юге. К тому же английская администрация не исключала возможность объединения южного Судана в силу наличия там негроид-

ных племен со странами Восточной Африки, в частности Угандой, Кенией или Конго.

С провозглашением независимости Судана положение на Юге урегулировано не было. Национальная политика суданского правительства потерпела крах, чему способствовали ошибки, допущенные центральными властями в отношении национальных меньшинств. Фактически на Юге проводился тот же курс, что и до провозглашения независимости.

Положение на юге Судана особенно обострилось в годы правления генерала Аббуда, пришедшего к власти в результате военного переворота в ноябре 1958 г. Стремление разрешить проблему военным путем привело к возникновению настоящей гражданской войны.

Первые попытки урегулировать проблему Юга на национальной основе были предприняты в 1965 г. правительством Х.Аль-Халифы. В марте 1965 года в Хартуме состоялась конференция «круглого стола» по южносуданской проблеме, в которой приняли участие руководители основных политических партий Севера и Юга, а также наблюдатели ряда африканских государств, в том числе Алжира, САР, Танзании, Уганды, Кении, Нигерии и Ганы. Конференция не приняла согласованных решений, однако сам факт ее созыва стал важным шагом на пути поиска справедливого решения южносуданской проблемы.

Перспективы мирного урегулирования конфликта на Юге стали реальными с приходом к власти в мае 1969 г. Дж.Нимейри, который возглавил организацию «Свободные офицеры», совершившую государственный переворот в стране. Новое правительство выдвинуло программу по урегулированию южносуданской проблемы. Она предусматривала решение здесь социальных, экономических, культурных, кадровых вопросов.

Действия правительства Судана в 1969–1970 гг. по стабилизации ситуации на Юге подготовили условия для созыва в феврале 1972 г. в Аддис-Абебе конференции, в которой приняли участие делегации суданского правительства и южносуданских политических деятелей в присутствии императора Эфиопии и представителя Всемирного Совета церквей. Стороны подписали соглашение о прекращении военных действий и о предоставлении Югу Судана статуса автономного региона в рамках единого государства.

Подписанное в Аддис-Абебе соглашение положило конец 17-летней кровопролитной войне между Севером и Югом.

К сожалению, равновесие в стране было нарушено в 1983 году в результате принятия правительством Судана ряда решений, которые были в штыки встречены южносуданским населением.

Обострение обстановки произошло еще в 1980 г., когда правительство Судана попыталось провести через парламент закон об изменении границы Южного региона с целью включения в северные провинции районов, где американской компанией «Шеврон» были обнаружены промышленные запасы нефти. Южане справедливо узрели в этом акте пря-

мое посягательство на автономные права Южного региона. Кроме того, такой шаг рассматривался южанами как стремление лишить Юг законных отчислений от эксплуатации нефтяных месторождений.

Недовольство южан вызвали и решения о строительстве нефтепровода от месторождений нефти в Бентиу до Порт-Судана вместо нефтепровода до Момбаса – порта в Кении (в таком случае перекачка нефти проходила бы по территории Южного региона).

В июне 1983 г. президент Нимейри подписывает республиканский указ о разделе Южного региона на три отдельные области, несмотря на протесты южносуданского населения. Южане восприняли президентский указ в качестве шага, направленного на подрыв Аддис-Абебского соглашения, по которому Южный регион объявлялся единым субъектом Судана с собственным правительством и парламентом.

Дробление Южного региона, последовавшая за этим актом насильственная арабизация вновь обострили ситуацию и привели к мятежу 105-го батальона суданской армии, расквартированного в г.Бор.

В сентябре 1983 г. президент Нимейри издает декрет о введении в Судане нового уголовного кодекса, основанного на мусульманском праве (шариате). Этот шаг правительства еще больше нарушил равновесие в стране.

Подтверждая уважение к исламу и мусульманам, христианская община Судана высказалась против распространения норм шариата на всех граждан Судана, против намерения властей объявить Судан, более трети населения которого не являются мусульманами, исламским государством.

Борьбу южан против правительства возглавило южносуданское объединение «Суданское народно-освободительное движение» (СНОД), лидером которого стал бывший полковник суданской армии Джон Гаранг. Высшее военное и высшее сельскохозяйственное образование он получил в США.

Главной целью своей борьбы СНОД провозгласило «проведение в жизнь демократических преобразований, в том числе решение национальных и религиозных проблем в рамках единого Судана». Оно выступило также против отделения Юга, считая его неотъемлемой и составной частью Судана. Движение настаивает также на отделении церкви от государства и выступает за обеспечение свободы отправления религиозных обрядов.

СНОД и созданная движением «Суданская народно-освободительная армия» (СНОА) до настоящего времени продолжает оставаться основной оппозиционной силой Южного региона, ведущей борьбу с правительством Судана за достижение целей по демократизации ситуации в стране.

Конфликт на Юге Судана – это прежде всего внутренняя проблема Судана. Однако длительная неурегулированность конфликта, фактическая гражданская война на юге страны, обострение гуманитарной ситуации в регионе, проблема беженцев, спасающихся от военных столкновений в соседних странах, заставляют соседние африкан-

ские страны в первую очередь предпринимать шаги для налаживания диалога между противоборствующими сторонами в целях достижения мирного урегулирования.

Все это свидетельствует о том, что южносуданская проблема давно уже приобрела региональное значение.

На протяжении истекших лет после начала военных действий на Юге Судана в соседних африканских странах неоднократно проходили встречи представителей воюющих суданских сторон, которые и сами обращались к этим странам и Межправительственной организации африканских стран по развитию (ИГАД объединяет Кению, Уганду, Эфиопию, Эритрею) за помощью в налаживании контактов между ними. Исторический опыт – достижение в 1972 г. соглашения в Аддис-Абебе между суданским правительством и южносуданскими отрядами – свидетельствует о плодотворности посреднических усилий африканских соседей Судана.

Для урегулирования нынешнего вооруженного конфликта в Судане задействованы усилия и региональных организаций – ИГАД и ОАЕ. При этом члены ИГАД исходят из того, что вопрос прекращения гражданской войны в Южном Судане является уже больше региональной проблемой, чем внутренней.

Усилия ИГАД за последние годы принесли определенные позитивные сдвиги в плане сближения позиций воюющих суданских сторон, однако прорыва пока не достигнуто.

В мае 1994 г. на своем заседании ИГАД приняла Декларацию принципов, в которой приоритет отдается национальному единству Судана. Вместе с тем Декларация признает право на самоопределение для всех национальностей Судана.

Как известно, СНОД и отколовшаяся в свое время от него южносуданская группировка во главе с Р.Мачаром признали Декларацию. Суданское правительство высказалось против Декларации.

Вопросы о самоопределении, а также об отделении религии от государства являются наиболее сложными и наиболее спорными. На июльской 1994 г. встрече в Найроби (Кения) противоборствующие суданские стороны продолжили обсуждение путей урегулирования конфликта и последующего устройства. Дискуссия коснулась прежде всего принципов «самоопределения» и «секуляризма». Южносуданские группировки вновь высказались в поддержку этих принципов. Представитель суданского правительства отверг принцип «самоопределения», рассматривая его как предлог к разделу страны. Что касается принципа «секуляризма», то точка зрения правительства Судана сводилась к тому, что о «секуляризме» не может быть и речи. Правительство исходит из того, что исламское законодательство должно применяться не только на всей территории Судана, но и во всей Африке.

Официальный Хармум заявил также, что он отдает предпочтение «челночной дипломатии» вместо проведения сессий, на которых присутствовали бы лицом к лицу представители правительства и южно-

суданских повстанцев. Одновременно Хартум призвал ИГАД вместо посреднических усилий высказаться в поддержку его собственных мирных инициатив.

Подобная непримиримая позиция привела к провалу усилий ИГАД добиться прогресса в прекращении гражданской войны в Южном Судане. С учетом итогов этого заседания в 1995 г. ИГАД призвала к объединению усилий ИГАД, ОАЕ и мирового сообщества во главе с ООН в деле решения южносуданской проблемы.

Продолжение военных столкновений на Юге Судана подтолкнуло «Друзей ИГАД» (группа включает представителей Нидерландов, Канады, Италии, Англии, Норвегии и США) в середине 1995 г. выступить за возобновление деятельности ИГАД в качестве посредника в урегулировании южносуданской проблемы и прекращении гражданской войны на юге Судана.

В практическом плане «Друзья ИГАД» призвали противоборствующие стороны объявить о прекращении огня, ввести совместное патрулирование с целью наблюдения за его соблюдением при содействии международных инспекторов. Более того, было подчеркнуто, что западные страны профинансируют совместное патрулирование и поставку необходимого технического оборудования. Одновременно они обещали оказать содействие в создании секретариата при комитете ИГАД по мирным переговорам.

Суданское правительство в целом одобрило инициативу «Друзей ИГАД», хотя оно и зарезервировало за собой оговорки в отношении некоторых членов группы, в частности, США, Англии и Канады.

В 1997 г. правительство Судана согласилось принять Декларацию принципов ИГАД от мая 1994 г. в качестве рамок для достижения мира. Однако оно заявило, что не считает Декларацию обязывающей, а рассматривает ее лишь как основу для последующих обсуждений.

При таких условиях со стороны официального Хартума СНОД объявило, что оно не сможет участвовать в мирных переговорах.

Тем не менее в октябре 1997 г. на мирных переговорах в Найроби под эгидой ИГАД противоборствующие суданские стороны в совместном коммюнике подтвердили свою убежденность в том, что военное решение не принесет стабильности в Южный Судан.

В мае 1998 г. правительство Судана и СНОД на очередной встрече в Найроби согласились с идеей о необходимости проведения референдума о самоопределении Южного Судана и о времени его проведения.

Однако после нанесения США бомбового удара по суданской фармацевтической фабрике под Хартумом под тем предлогом, что на ней производится химическое оружие (август 1998 г.), мирный процесс в рамках ИГАД практически приостановился.

Как известно, независимая международная экспертиза подтвердила затем отсутствие каких-либо доказательств правоты обвинений

США, однако Вашингтон настаивал на обоснованности своих действий. Вместе с тем было отмечено, что уже в 1999 г. США пошли на постепенное ослабление санкций, введенных ими в отношении Судана в экономической сфере.

Тем не менее Сенат США принял резолюцию, призывавшую президента Б.Клинтона оказать политическую поддержку и материальную помощь СНОД в свете утвердившегося в Вашингтоне мнения о поддержке Суданом международного терроризма, нарушения прав человека, блокирования поставок в южный Судан гуманитарной помощи.

В июле 1999 г. Палата представителей Конгресса США одобрила резолюцию, осуждающую Хартум за «геноцид в южном Судане».

В октябре 1999 г. госсекретарь США М.Олбрайт встретилась в Найроби с лидером СНОД Дж.Гарангом. Она объявила о программе помощи в подготовке: различных представителей южносуданских группировок в области демократизации. Официально Вашингтон опровергал оказание военной помощи движению Дж.Гаранга.

С приходом в Белый дом Дж. Буша США выступили с новыми предложениями по мирному урегулированию в Судане. В качестве координатора американской инициативы по Судану был назначен бывший сенатор Дэнфорд. Официальный Хартум приветствовал новые инициативы США, но призвал Вашингтон занимать при этом «нейтральную позицию».

В ноябре 2001 г. Дэнфорд посетил регион в попытке добиться прекращения возобновившихся военных действий между правительственными войсками и южносуданской оппозицией. В Хартуме американский посланник встретился с президентом О.Аль-Баширом, а в Найроби – с Дж.Гарангом. Последний приветствовал усилия администрации США. По его словам, в качестве арбитров по урегулированию южносуданского конфликта могут выступать США и ИГАД. Лидер же другой южносуданской группировки Р.Мачар призвал США распространить на Судан проводимую Вашингтоном антитеррористическую операцию в Афганистане, направив удар по правительству Судана. В начале 2002 г. было объявлено, что после шестидневных переговоров между правительством Судана и южносуданскими повстанцами при посредничестве США и Швейцарии было подписано соглашение о перемирии сроком на 6 месяцев. Для подкрепления достигнутых договоренностей Вашингтон высказался за активизацию усилий ИГАД. На встрече Дэнфорда и президента Кении А.Мои, мандат которого на посту председателя ИГАД был подтвержден на новый срок, африканский лидер сообщил о намерении организовать личную встречу президента Судана О.Аль-Башира и лидера СНОД Дж.Гаранга, а в течение предстоящих (с января 2002 года, когда было подписано соглашение о перемирии) шести месяцев – конференцию с участием всех заинтересованных сторон.

Хотелось бы верить, что усилия США, подкрепленные посредничеством ИГАД, принесут позитивные результаты. Сомнения не безосновательны. Известно, что многие предыдущие договоренности о прекращении огня заходили в тупик.

Говоря о потенциале инициатив по урегулированию южносуданской проблемы, нельзя не упомянуть о египетско-ливийских предложениях, выдвинутых в августе 1993 г. План предусматривает: прекращение огня; проведение конференции по национальному примирению с участием всех сторон, включая представителей суданского Национально-демократического альянса (союза СНОД и оппозиционных режиму О.Аль-Башира политических партий, в том числе «Аль-Уммы», НИЛ, Суданской компартии. Национально-демократический альянс в процесс достижения мира при посредстве ИГАД не включен.); план предполагает сохранение национального единства страны; признание расовой, религиозной, культурной самобытности всех народностей Судана; предоставление правительством Судана гарантий соблюдения прав и свобод; создание децентрализованной системы власти, предоставляющей возможность сбалансировать развитие всех районов Судана; формирование переходного правительства, в котором будут представлены все политические силы Судана.

Планом также предусмотрен контроль со стороны правительства за выполнением согласованных положений мирного урегулирования.

Как представляется, для достижения справедливого мирного решения проблемы здесь был бы полезен учет опыта других государств.

Судан всегда имел дружественные отношения со своим соседом – Египтом. История знает периоды тесной интеграции двух государств. В Египте решен национальный и религиозный вопросы. Хотя основная масса населения придерживается ислама, каких-либо притеснений христианского населения – египетских коптов, составляющих около 15% общего населения, – не отмечается. Конечно, определенные трудности создают правительству Египта экстремисты из группировки «Братья-мусульмане», но национальный вопрос в Египте решен.

Известно, что СНОД одобрило египетско-ливийскую инициативу. Правительство Судана также ее приняло, хотя и с некоторыми оговорками.

На встрече в Каире с членами египетского Комитета солидарности с народами Азии и Африки Дж.Гаранг изложил свое видение урегулирования в Судане. «Его целью, – заявил Дж.Гаранг, – является превращение Судана в демократическое государство, в котором одинаковым уважением пользуются различные национальности, религии и все культурное многообразие страны». Дж.Гаранг подтвердил, что СНОД не выступает за отделение южносуданских районов для создания независимого государства.

Как мы видим, существует несколько инициатив по урегулированию южносуданской проблемы. В каждой из них, несомненно, есть

позитивные рациональные зерна, и важно использовать их для прекращения гражданской войны, в ходе которой погибают люди. Необходимо решить вопрос оказания гуманитарной помощи страдающему населению, разработать программу урегулирования политических и социальных проблем.

Южносуданский конфликт, – конечно, прежде всего внутренний вопрос Судана, и решать его – в первую очередь правительству Судана и южносуданской оппозиции. Здесь никто не должен навязывать силой свои решения.

Как показывает история, внутренние конфликты неизбежно становятся объектом пристального внимания со стороны внешних сил. Нередко они пытаются использовать подобные ситуации для достижения своих собственных политических целей: не остается в стороне и южносуданская проблема, ведь известно, что в 70-е годы XX столетия ряд стран оказывал поддержку южносуданским сепаратистам, выступавшим за отделение Юга от остальной части Судана.

В настоящее время мир становится все более взаимосвязан, проходят мировые интеграционные процессы, взаимопереплетение экономик, взаимообогащение культур, взаимодействие самобытных цивилизаций. Все страны соединены паутиной интернета, идет глобализация средств массовой информации. Глобализация стучится в каждый дом.

В то же время развивается антиглобалистское движение, критикующее уродливые формы глобализации, рост обогащения богатых стран «золотого миллиарда» за счет усиления ограбления беднейших стран, нарастает стремление транснациональных корпораций через поддерживаемые ими правительства и политические партии навязывать свои правила игры на мировой арене не только в экономической сфере, но и в политике.

Судан – лакомый кусок для таких корпораций, особенно после того, как здесь обнаружены запасы и начата промышленная добыча и экспорт нефти и нефтепродуктов за пределы страны. Не стал ли Судан объектом подобного давления? Во всяком случае, с чем связана активность официального Вашингтона по отзыву американских частных капиталов из активов канадской частной компании, занятой добычей и экспортом суданской нефти? Действительно ли доходы от нефти используются для финансирования военных действий на Юге или это не устраивает американские транснациональные нефтяные корпорации?

Во всяком случае, хотелось бы надеяться, что южносуданская проблема найдет свое достойное и окончательное справедливое решение к взаимному удовлетворению всех национальных сил Судана, чем будет положен конец гражданской войне, которая с 1983 г. уже унесла жизни около 2 млн. человек.

ИНСТИТУТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ
УНИВЕРСИТЕТ БИЛЬКЕНТ (АНКАРА)

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИМ ОТНОШЕНИЯМ

Анкара, 4–6 июля 2002 г.

4–6 июля 2002 года Институт внешней политики Турции при поддержке Университета Билькент (Анкара) провел круглый стол по проблемам турецко-российских отношений. В его работе приняла участие российская делегация в составе первого секретаря Отдела Турции 3-го Европейского департамента МИД РФ Кунакова В.В., профессора Дипломатической Академии МИД РФ Т.А.Закаурцевой. Старшего научного сотрудника Центра Ближнего, Среднего Востока и Африки Института актуальных международных проблем Прозоровой Г.К., заведующей сектором Турции Института востоковедения РАН Ульченко Н.Ю. и главного научного сотрудника сектора Турции Института востоковедения РАН Уразовой Е.И.

С турецкой стороны в работе круглого стола приняли участие видные турецкие ученые и дипломаты: директор Института внешней политики Турции С.Ташхан, послы Турецкой республики Р.Арым и О.Аксой (Институт внешней политики Турции), профессор А.Караосманоглу, профессор Д.Сезер, доктор М.Кибароглу (Университет Билькент), доцент М.Алтунишык, доцент М.Тюркеш (Средневосточный технический Университет), профессор О.Моргиль (Университет Хаджатепе).

Активное участие в работе круглого стола принял посол РФ в Турции А.А.Лебедев.

Круглый стол явился шагом в реализации «Плана действий по развитию сотрудничества между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в Евразии», который был подписан в ноябре 2001 г. министрами иностранных дел России И.Ивановым и Турции – И.Джемом. В целях более углубленного анализа процессов, происходящих в евразийском регионе, стороны договорились поощрять сотрудничество между представителями академических кругов и внешнеполитическими центрами двух стран, включая возможное участие ученых в заседаниях Совместной рабочей группы высокого уровня в составе представителей министерств иностранных дел. Данную рабочую группу предполагалось создать с тем, чтобы произвести разностороннюю оценку новой платформы сотрудничества в евразийском измерении.

В ходе работы круглого стола были рассмотрены новые глобальные тенденции мировой политики, оказывающие влияние на двусторонние и внутрирегиональные отношения, воздействие политических и экономических процессов в Центральной Азии, на Кавказе, Среднем Востоке и Балканах на турецко-российское сотрудничество, проблемы взаимной безопасности и экономических связей. И турецкие, и российские участники круглого стола говорили о своевременности обсуждения вопросов расширения сотрудничества наших стран как на двусторонней, так и многосторонней основе, необходимости повы-

шать его эффективность, преодолевая объективные трудности и устраняя негативные моменты.

В выступлениях ораторов преобладали позитивные оценки основных тенденций в развитии двусторонних отношений. Особым оптимизмом отличалось выступление профессора Д.Сезер, охарактеризовавшей нынешний этап в развитии турецко-российского сотрудничества как золотую эпоху, на рубежи которой стороны вышли в результате взаимного признания политических ошибок, допущенных ими в первые годы после окончания холодной войны. В отношении России речь идет об отказе от претензий на сохранение абсолютного влияния на территории бывшего СССР, а в отношении Турции – об отказе от попыток занять позицию политического лидера в Центральной Азии. В результате взаимные отношения характеризуются, по мнению Д.Сезер, ростом взаимного доверия и переходом в стадию «регулируемой конкуренции». И хотя оценки других участников круглого стола были более умеренными, все же и они констатировали наступление «периода новых возможностей» в двусторонних отношениях, которые не должны быть упущены.

Подобные мероприятия будут проводиться регулярно поочередно – в России и Турции. Следующая встреча будет организована в Москве силами МИД РФ, а также российских научных учреждений.

Вниманию читателей сборника предлагаются выступления российских участников состоявшегося в июле 2002 г. круглого стола. Некоторые из них были представлены авторами в виде статей, а некоторые – в первоначальном виде.

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ
РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Дамы и господа!

Прежде всего хотел бы выразить благодарность Университету «Билькент» и Институту внешней политики, организовавшим сегодняшнее мероприятие и предоставившим нам возможность высказать свою точку зрения на развитие российско-турецких отношений и обсудить их со своими коллегами.

Как дипломат, чиновник, работающий в сфере российско-турецких политических отношений, хочу сказать несколько слов об их нынешнем состоянии.

В течение последних 2–3 лет мы наблюдаем заметную активизацию связей между Россией и Турцией в политической области. Несомненно, что импульс такому развитию ситуации придали визиты на высоком уровне: премьер-министра Турции Б.Эджевита в Москву в ноябре 1999 г., Председателя Правительства Российской Федерации М.М.Касьянова в Турцию в октябре 2000 г. и министра иностранных дел России И.С.Иванова в Турцию в июне 2001 г.

Большое значение для развития двусторонних связей имел и обмен визитами по военной линии: начальник Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации Квашнин посетил Турцию в январе 2002 г., а его турецкий коллега побывал в Москве в июне того же года.

Результатом этих контактов на высоком уровне стало достижение сторонами единого мнения относительно необходимости вывода российско-турецких отношений на уровень многопланового партнерства. В июне 2001 г. в ходе переговоров в Анкаре глав внешнеполитических ведомств двух стран, в которых я имел честь принимать участие, И.С.Иванов и И.Джем договорились о необходимости подготовки и подписания документа, который определил бы параметры нашего совместного продвижения к этой цели. И в ноябре 2001 г. такой документ был подписан (в принципе, первоначально подписание планировалось провести еще в сентябре 2001 г. в Нью-Йорке, во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН, однако из-за событий 11 сентября его пришлось отложить). Документ получил название «План действий по развитию сотрудничества между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в Евразии».

Хотел бы обратить ваше внимание на расширительное толкование обеими сторонами в «Плане действий» термина «Евразия». В данном случае он означает не только пространство бывшего СССР, как это зачастую происходит в современной научной литературе. Как сказал один из наших турецких коллег, «Евразия – это все регионы, в которых имеются и российские, и турецкие интересы». В приложении к «Плану действий» в число таковых отнесены Закавказье и Центральная Азия, но также и Ближний Восток, и Кипр, и Балканы.

Полагаю, что «План действий» имеет столь большое значение для наших отношений по трем причинам. Во-первых, в нем зафиксирована цель нынешнего развития двусторонних отношений – их вывод на уровень многопланового партнерства, и намечены пути реализации этой задачи. Во-вторых, в этом документе Россия и Турция договорились по вопросу выстраивания отношений цивилизованного взаимодействия в третьих странах – в чувствительном для обеих евразийском регионе. И, наконец, в-третьих, «Планом действий» было предусмотрено создание Совместной рабочей группы высокого уровня, возглавляемой заместителями министров иностранных дел двух стран, – органа консультаций и координации по вопросам сотрудничества в Евразии.

Сейчас соответствующая работа разворачивается. Первое заседание этого рабочего органа состоялось 9 апреля 2002 г. По понятным причинам оно было во многом посвящено организационным вопросам. Вместе с тем состоялось обстоятельный и весьма полезный обмен мнениями по наиболее актуальной сейчас тематике борьбы с международным терроризмом, по положению на Кавказе и в Центральной Азии. Прорабатывается также вопрос о придании деятельности Совместной рабочей группы экономического измерения.

То есть впервые в истории двусторонних отношений начато формирование механизма цивилизованного взаимодействия в третьих странах.

Подобное развитие ситуации, на мой взгляд, является вполне естественным и закономерным. Наши страны обладают огромным опытом, подобный которому трудно найти – свыше 500 лет межгосударственных отношений. В истории, разумеется, было всякое: и войны, и мирное сосуществование, и периоды, когда отношения были союзническими. Мне кажется, что из этого колоссального опыта обе наши страны сумели извлечь главный урок: конструктивное, взаимовыгодное сотрудничество России и Турции имеет громадный потенциал и приносит весьма ощутимые плоды; напротив, конфронтация разрушительна для обеих стран, кто бы ни был «победителем» в этот раз, и идет на пользу лишь третьим силам.

Кроме того, полагаю, что мы с полным основанием можем говорить о совпадении основополагающих интересов России и Турции: и в Москве, и в Анкаре нужны мир и стабильность в окружающих нас

регионах, прежде всего в столь чувствительных и хрупких районах, объединяемых понятием «Евразия».

На первый взгляд, это звучит банально – кому же не нужны мир и стабильность? Однако здесь, как мне кажется, Россия и Турция находятся в несколько особом положении. В силу исторических причин наши страны зачастую оказываются настолько сильно связанными с конфликтными ситуациями в Евразии, что развитие таких конфликтов начинает влиять уже и на внутривнутриполитическую ситуацию. Например, от наших турецких коллег я узнал, что в Турции проживает около 2 млн. человек, имеющих грузинские корни, и до 500 тыс. – абхазские. В таких условиях вполне понятна заинтересованность Турции в достижении скорейшего и прочного урегулирования в Абхазии.

Достижения в двусторонних политических отношениях, о которых я сейчас упомянул, разумеется, не означают, что в позициях сторон (например, по тем же актуальным для Евразии проблемам) не осталось различий. Такие различия есть даже между ближайшими союзниками. Однако главное – не то, насколько они отличаются, а то, что обе стороны готовы к открытому, искреннему и доброжелательному обсуждению всех вопросов со своими партнерами – что, собственно, и продемонстрировало первое заседание совместной рабочей группы.

Отдельно хотел бы сказать несколько слов о российско-турецких торгово-экономических отношениях.

Общепризнанно, что достижений здесь даже больше, чем в политической области. Не подлежит сомнению, что торгово-экономические связи являются в последние 10 лет локомотивом российско-турецких отношений.

Действительно, цифры, характеризующие масштабы нашего сотрудничества в экономической сфере, впечатляют: объем двусторонней официальной торговли достиг 4,4 млрд. долл.; накопленный объем контрактов турецких подрядчиков в России – 6 млрд. долл.; почти 1 млн. россиян ежегодно посещают Турцию в качестве туристов. Но сегодня я хотел бы поговорить не об этих безусловных достижениях, а о нерешенных до сих пор вопросах нашего торгово-экономического взаимодействия. Убежден, что ученые двух стран могут помочь государственным органам в решении этих вопросов.

Как известно, турецкая сторона ставит вопрос о дисбалансе в официальной торговле. Действительно, из упомянутых мною 4,4 млрд. долл. почти 3,5 млрд. – это российский экспорт. В Анкаре опасаются, что этот дисбаланс еще более возрастет с пуском в строй газопровода «Голубой поток».

Мы хорошо знаем об этой обеспокоенности турецкой стороны. В Москве признают, что такое положение не может считаться нормальным. Однако выход из подобной ситуации мы видим не во введении каких-либо ограничений или искусственном форсировании экспорта, а

в активизации интеграционных экономических связей, поиске новых форм взаимодействия.

С другой стороны, в Москве вспоминают о так называемой «челночной торговле». Ее объем, по российским данным, составляет до 4 млрд. долл. в год – и практически полностью представляет собой экспорт из Турции в Россию.

Вообще «челночная торговля» – это отдельный вопрос для обсуждения. На каком-то этапе она была, безусловно, нужна: в начале 90-х годов, в условиях краха планового хозяйства и слабости рыночных структур именно «челноки» во многом удовлетворили спрос на потребительские товары в России. Однако сохранение столь высоких ее объемов сейчас, видимо, уже нерационально. Во-первых, этот вид деятельности вообще очень слабо поддается учету, а значит, – и налогообложению (насколько мне известно, аналогичные проблемы связаны с этим «сектором» и в Турции). Во-вторых, малоконтролируемые каналы «челночной торговли» могут использоваться в своих целях организованными преступными группами. Да и разумно ли в XXI веке использовать, условно говоря, 100 человек для перевозки 2000 маек?

Но есть у «челночной торговли» и еще один, очень серьезный «минус». Поскольку ее объемы не поддаются учету, возникают разночтения в оценке состояния взаимной торговли, порождающие претензии сторон друг к другу и обиды. Поэтому какие-то меры по упорядочению такого товарообмена, безусловно, нужны.

При этом, разумеется, здесь также речь должна идти не о запретах, а о комплексе таких, лучше всего – совместных, мер, которые позволили бы, с одной стороны, сохранить и развить экономические связи на микроуровне, а с другой, – придать этой деятельности современные, цивилизованные черты.

Думаю, в решении этого вопроса неопценимую роль могли бы сыграть рекомендации ученых двух стран.

В целом торговля между нашими странами развивается, на мой взгляд, в несколько архаичных формах. Основу российского экспорта в Турцию составляет сырье, прежде всего – энергоносители; основу турецкого – товары народного потребления, в основном одежда и обувь (хотя мы поставляем друг другу и автомобили). Подобная структура товарооборота во многом определяет имеющийся дисбаланс в официальной торговле и способствует его постоянному воспроизводству. Думаю, что преодолеть это явление можно также лишь путем повышения экономической взаимозависимости и взаимодополняемости между нашими странами.

И, наконец, не могу не сказать и о взаимных инвестициях. Хотя в этой области есть весьма положительные примеры, в целом объем таких капиталовложений остается на низком уровне. Возможно, вам будет интересно узнать, что в области инвестиций в российскую экономику Турция отстает даже от своего такого маленького соседа, как Кипр.

Все эти явления, конечно же, находятся в поле зрения и российских, и турецких государственных органов. Однако Россия и Турция столь важны друг для друга, что, видимо, было бы неправильно взвалить дело развития двусторонних отношений только на чиновников. И в этом плане я хотел бы еще раз приветствовать организаторов сегодняшнего мероприятия и выразить надежду на то, что контакты между российскими и турецкими учеными будут развиваться и далее на благо обеих стран и наших двусторонних связей.

Суммируя, можно сказать, что Россия и Турция безусловно достигли многого в развитии двусторонних отношений. Как говорится, нам «есть, что терять». Осознавая это и стремясь не только не потерять накопленное, но и приумножить его, оба государства предпринимают шаги с целью выведения нашего взаимодействия на качественно новый уровень – уровень многопланового партнерства.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА СРЕДНЕМ И БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Прежде всего я хотела бы выразить свою признательность коллегам из Турецкого института внешней политики, Университета Билькент и Средневосточного технологического университета за предоставленную возможность поделиться некоторыми соображениями о взаимодействии наших двух стран в условиях сегодняшней международной ситуации, прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке.

1. *Складывание более прочной основы сотрудничества обеих стран по вопросам региональной безопасности.* 16 ноября 2001 г. обе страны договорились активно сотрудничать на евразийском пространстве «в том числе с целью содействовать политическому урегулированию конфликтных ситуаций, укреплению стабильности и созданию условий для устойчивого развития в этом регионе»¹. Российский министр иностранных дел отметил, что «направления российско-турецких консультаций охватывают многие аспекты международной повестки дня – от Балкан до Ближнего Востока»².

Ближний и Средний Восток представляет собой регион, значимый для обеих стран. Высокая степень конфликтности характерна для этого региона в течение всего XX века. На сегодняшний день остаются неурегулированными ближневосточный конфликт и ситуация вокруг Ирака. Потенциальную угрозу представляют собой пограничные, этно-территориальные, ресурсные (в том числе вокруг проблем водоснабжения) споры. К этому добавляются «новые угрозы» – нетрадиционные вызовы безопасности, такие как распространение ОМУ и терроризм; демографическая динамика и миграции; этническое насилие; незаконный оборот наркотиков, контрабандная торговля оружием.

Обе страны, несомненно, заинтересованы в снижении уровня напряженности, в стабильности и безопасности этого региона, исходя прежде всего из своих национальных интересов – стремления к устойчивому развитию экономики каждой из стран, сохранению своей территориальной целостности, поддержанию социально-политической стабильности общества с учетом его религиозного и этнического состава.

Существенно и то, что ход событий на Ближнем и Среднем Востоке, несомненно, окажет влияние на складывающуюся архитектуру международных отношений.

Заинтересованность обеих стран в решении проблем региона исходит и из осознания ими своего особого положения как евразийского моста (во всяком случае, разделяемого значительной частью политического истеблишмента). А евразийскую миссию можно рассматривать под углом зрения диалога цивилизаций, направленного на достижение консенсуса по важнейшим вопросам миропорядка.

Конечно, интересы обеих стран, распространяющиеся и пересекающиеся на обширном евразийском пространстве с его исторической и культурной тканью сложного переплетения, не тождественны, а по ряду вопросов различны. Однако быстро меняющаяся политическая реальность все настоятельнее подвигает к взаимодействию, стимулируя совместные усилия и развитие партнерства. Конкретные действия Российской Федерации по поддержке антитеррористической операции доказывают, что отстаивая свои интересы в Евразии, Россия не отказывается считаться с интересами других. (Такая линия поведения предполагает аналогичное отношение со стороны международных контрагентов).

Развитие двусторонних отношений между нашими странами, в том числе экономического сотрудничества, постепенное преодоление менталитета «холодной войны», позитивные подвижки в сложном процессе выстраивания новых отношений между РФ и НАТО, Россией и США создают новую канву взаимоотношений между двумя странами, способствуют преодолению оставшегося в наследство от прошлого недоверия и дают шанс придать этим связям новые измерения.

Способствует нашему сближению и участие в многосторонних проектах сотрудничества. Примером этого может служить Организация Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС). Наряду с экономическими функциями эта международная организация выполняет политические функции – создает основу для совместного обсуждения возникающих проблем, становится базой развития мер доверия.

Обе страны вовлечены в процесс формирования новой постконфронтационной внешнеполитической парадигмы, существенными элементами которой представляются поиск баланса интересов, отход от логики «игры с нулевой суммой», от региональной поляризации.

В поиске новых подходов и механизмов в области региональной безопасности российско-турецкие договоренности последнего времени вливаются в русло тенденции «мягкой безопасности», уделяющей возрастающее внимание таким механизмам, как консультации и политический диалог, меры доверия, превентивная дипломатия.

2. Близость позиций по ряду проблем безопасности на Ближнем и Среднем Востоке. Я намерена сделать акцент на совпадающих позициях России и Турции по двум наиболее острым вызовам без-

опасности Ближнего и Среднего Востока – борьбе с международным терроризмом (2.1) и ближневосточному урегулированию (2.2).

2.1. Обе страны заняли позицию полной поддержки борьбы с международным терроризмом, в том числе операции, проводимой в Афганистане. Вместе с тем обе страны не сводят ликвидацию очага терроризма в Афганистане лишь к военному аспекту, обращая особое внимание на политические аспекты афганского урегулирования. Как и Россия, Турция поддерживает идею создания коалиционного руководства, которое опиралось бы на все этнические группы в Афганистане. Позвольте заметить, что уже два года назад заместители министров иностранных дел РФ и Турции выразили общую озабоченность пробуксовкой международных усилий по политическому урегулированию афганского конфликта. Была высказана глубокая тревога в связи с превращением афганской территории в опорную базу международного терроризма, экстремизма и наркобизнеса.

Обе страны заинтересованы в том, чтобы антитеррористической кампании не была придана форма столкновения цивилизаций. Руководство обеих стран заявило, что ислам и террор – понятия нетождественные. Россия исходит из того, что для терроризма нет основы ни в одной из религий, в национальных и культурных традициях. Аналогичную позицию занимает Турция, подчеркивая, что у терроризма нет и не может быть религии и национальной принадлежности. Турция развернула активную деятельность на международной арене, чтобы не дать использовать события 11 сентября в целях конфронтации между мусульманской и западной цивилизациями. По инициативе Турции в феврале 2002 г. в Стамбуле прошла конференция министров иностранных дел стран-членов Организации Исламская конференция и Европейского Союза «Цивилизация и согласие. Политическое измерение».

Близки позиции двух стран относительно коллективных механизмов решения ключевых международных проблем. После подписания российско-турецкого «Плана действий» от 16 ноября 2001 г. министр иностранных дел России сказал, что «при подготовке документа была зафиксирована близость наших взглядов на международную ситуацию, включая основные принципы построения миропорядка XXI века, такие как верховенство права в международных отношениях и укрепление коллективных механизмов решения ключевых проблем в мировых делах»³. Это касается, в частности, центральной координирующей роли ООН как выразителя коллективной воли государств-членов мирового сообщества. Замечу, что именно под эгидой этой самой представительной международной организации предложила Турция созвать международную конференцию по борьбе с терроризмом.

Вопрос о совершенствовании коллективных механизмов весьма важен по ряду соображений. Заглядывая в будущее, можно сказать, что здесь пролегает путь к лучшему управлению глобальными процес-

сами. «Глобальное управление», упомянутое профессором Дж.Розенау⁴, вряд ли может быть в одностороннем порядке успешно навязано суверенным государствам, которые продолжают оставаться основными субъектами международных отношений. Но оно может стать результатом совместных действий по развитию многонациональных институтов. Глядя же на день сегодняшний – особенно когда некоторые политики проявляют стремление наносить удары по единолично определяемым целям, – развитие коллективных механизмов представляется «лекарством» от односторонности.

Россия до последнего времени твердо отстаивала исключительное право СБ ООН санкционировать применение силы в международных отношениях на основе Устава ООН, если в этом возникнет необходимость. Это относится и к определению мандата любой антитеррористической коалиции, тем более что речь идет о масштабной и не решаемой одномоментно задаче искоренения международного терроризма, не исключающей проведения военно-полицейских операций.

Объективное различие геополитических интересов членов мирового сообщества неизбежно придает разные оттенки видению существа проблемы, тактики и методов ее решения. Губительной для мирового сообщества может оказаться ситуация, когда отдельные государства станут определять угрозу терроризма в соответствии лишь со своими непосредственными представлениями, определяемыми их глобальными и региональными интересами и восприятием угроз. Россия и Турция настороженно относятся к произвольным планам расширения фронта операции возмездия, обращая внимание на потенциальные негативные последствия.

На фоне произвольного определения целей антитеррористической борьбы возрастает и опасность применения политики «двойных стандартов», которая способна расколоть международную коалицию, что было отмечено президентом России В.Путиным⁵.

Хочу обратить внимание на то, что обе страны отмечают важность региональной составляющей в формировании новой стратегии противостояния терроризму. Российская дипломатия выдвинула идею, что будущая глобальная система противодействия террористической угрозе должна строиться с опорой на региональные и субрегиональные структуры и учреждения, действующие в данной области. В этом русле видятся Заявление по поддержке мер в борьбе с международным терроризмом, принятое министрами иностранных дел стран-членов ЧЭС 26 октября 2001 г., а также подписанное 16 ноября 2001 г. российско-турецкое соглашение о борьбе с международным терроризмом и контрабандой наркотиков. Региональная составляющая подчеркивается и некоторыми турецкими аналитиками, которые полагают, что региональный порядок не может быть навязан «без значимого участия региональных авторов»⁶.

Признавая неотложность выработки механизмов противостояния терроризму со стороны силовых структур государств и пресечения финансирования терроризма, следует подчеркнуть важность искоренения глубинных факторов экстремизма. Тем более, что силовая политика выборочных ударов не способна сама по себе решить проблему искоренения терроризма в долгосрочной перспективе. Неотложным становится поиск путей решения болезненных противоречий современного мира, включая негативные воздействия глобализации на общества, оказавшиеся на периферии мировой экономики. Между тем, если в середине 80-х годов идеи нового экономического миропорядка, борьбы с бедностью и за устойчивое развитие были в центре внимания, то в 90-е годы они были отодвинуты на обочину мировой политики и только сейчас возвращаются в повестку дня «восьмерки». Показательно, что повестка дня встречи в верхах в Кананаскисе включала в себя «борьбу с терроризмом, поддержку глобального экономического роста и устойчивого развития, а также создание нового партнерства для развития Африки»⁷.

2.2.3. Аналитики и масштабно мыслящие политики обращают внимание и на такие факторы усиления экстремизма, как нерешенность международных и региональных конфликтов.

Ближневосточное урегулирование представляется значительной областью взаимных консультаций между РФ и Турцией. Неурегулированность ближневосточного конфликта является важнейшим мировым дестабилизирующим фактором, усиливающим экстремизм. Как было отмечено министром иностранных дел Турции, «израильско-палестинский конфликт усилился до степени, угрожающей стабильности и даже миру в регионе в целом»⁸.

В этих условиях координация действий и совместные инициативные предложения со стороны обеих стран – несомненно, во взаимодействии с «четверкой», ЕС, ближневосточными странами – могли бы содействовать нормализации ситуации в регионе.

Существенно, что у обеих стран есть опыт участия в политическом урегулировании региональных конфликтов – Турция была членом комиссии по урегулированию ирано-иракского конфликта в рамках ОИК; является членом Комитета ООН по реализации неотъемлемых прав палестинского народа и членом Комиссии Митчелла, а Россия – коспонсором Мадридского мирного процесса. Существенно и то, что у них существуют развитые отношения с обеими сторонами палестино-израильского конфликта.

В оценке ситуации на Ближнем Востоке и путей разблокирования палестино-израильского конфликта подходы наших стран во многом совпадают.

Принципиальная позиция России хорошо известна – прекращение израильской оккупации арабских земель, осуществление неотъемлемых национальных прав палестинского народа, включая созда-

ние собственного суверенного государства, обеспечение равной и надежной безопасности всем государствам и народам региона. Она была еще раз подтверждена в послании президента РФ президенту Египта 31 мая 2002 г. В ситуации нынешнего обострения конфликта российская дипломатия подчеркивает, что не существует военного решения конфликта, что только перспектива политического урегулирования даст возможность нормализовать обстановку. Турция занимает в этом вопросе близкую позицию.

Близки позиции обеих стран относительно правовых основ урегулирования. Россия (в том числе совместно с «четверкой») подтверждает, что таковыми являются резолюции 242 и 338 Совета Безопасности ООН и принцип «земля в обмен на мир». В этом же русле выступил министр иностранных дел Турции, который заявил недавно: «Существенно выработать конкретный проект урегулирования, чтобы положить конец оккупации, насилию и террору на Ближнем Востоке. С этой целью мы предлагаем сторонам и заинтересованным странам собраться вместе в ближайшем будущем и сделать новый шаг на основе соглашений Мадрида и Осло, которые являются краеугольными камнями ближневосточного мирного процесса, а также принять во внимание план, предложенный Саудовской Аравией и принятый ЛАГ»⁹.

Обе страны подчеркивают значение равноудаленной позиции заинтересованных стран-посредников. В оценке нынешней фазы обострения палестино-израильского конфликта Россия и Турция жестко и определенно осуждают террористические акции. Так, в заявлении министра иностранных дел Турции от 1 апреля 2002 г. четко говорится, что «ни при каких обстоятельствах и условиях нет никаких оправданий террору, нацеленному против невинных людей. Палестина обязана сделать все, что может, чтобы предотвратить террористические акции»¹⁰. Одновременно обе страны выступают против чрезмерного применения силы и неадекватных силовых акций. Россия полагает, что шаги, ведущие к ухудшению и без того тяжелой социально-экономической ситуации на палестинских территориях, создают питательную почву для терроризма и экстремизма. Турция обращает также внимание на то, что «обращение, которому подвергается весь палестинский народ, является ...нарушением прав человека»¹¹.

И Россия, и Турция выступают за восстановление нормального функционирования палестинской администрации, включая силовые структуры, призванные бороться с терроризмом. Министр иностранных дел Турции заявил 1 апреля 2002 г.: «Нереалистично полагать, что унижаемая и оккупированная власть, административные механизмы и полицейский аппарат которой разрушены, а ее лидер изолирован, сможет одолеть террористические элементы»¹².

Близки позиции обеих стран и в том, что касается необходимости одновременных усилий по нескольким направлениям. Российский МИД

выступает за параллельное продвижение по трем главным направлениям: решение проблем безопасности, включая пресечение террористических действий, усилия по возобновлению политических переговоров, улучшение гуманитарной и социально-экономической ситуации на палестинских территориях. Турецкая дипломатия также считает, что подходы, основанные на предварительных условиях, таких как «сначала окончание насилия, а затем переговоры» или «сначала переговоры, а затем окончание насилия», абсолютно неприемлемы»¹³.

Российско-турецкие консультации и сотрудничество в поиске политического урегулирования на Ближнем Востоке могли бы быть дополнительным рычагом выработки равноудаленной, сбалансированной позиции мирового сообщества как базы и гарантии прочного и надежного ближневосточного урегулирования.

¹ Transcript of Minister of Foreign Affairs of The Russian Federation. Igor Ivanov's Remarks at Press Conference Following Signing of a Russian-Turkish Document (New York, November 16, 2001).

² Ibid.

³ Transcript of Minister of Foreign Affairs of The Russian Federation Igor Ivanov's Remarks at Press Conference Following Signing of a Russian-Turkish Document (New York, November 16, 2001).

⁴ James Rosenau, The George Washington University. Ominous Tensions in a Globalizing World. Opening lecture at Conference on international relations. July 2002. METU, Ankara.

⁵ Дипломатический Вестник. 2001, № 12, с. 29.

⁶ Melina B. Altunisik The Middle East in the aftermath of September 11 attacks // Foreign Policy № 3–4, 2001.

⁷ The Kananaskis Summit Chair's Summary.

⁸ Statement by Minister of Foreign Affairs Mr. Ismail Gem regarding the latest development in the Middle East March 9, 2002.

⁹ Statement by Minister of Foreign Affairs Mr. Ismail Gem regarding the ongoing events in Palestine and the developments in the Middle East. 1 April 2002.

¹⁰ Statement by Minister of Foreign Affairs Mr. Israail Gem regarding the ongoing events in Palestine and the developments in the Middle East. 1 April 2002.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКСПОРТА ПРИРОДНОГО ГАЗА В ТУРЦИЮ ИЗ РОССИИ И ТУРКМЕНИСТАНА

В подписанном в ноябре 2001 г. министрами иностранных дел России и Турции «Плане действий по развитию сотрудничества в Евразии» подтверждалось намерение двух стран «строить отношения в рамках многополярной системы международных отношений, исходя из убеждения, что «миропорядок в XXI веке должен основываться на механизмах коллективного решения ключевых проблем...». Следует признать, что это весьма актуальная задача для развития двусторонних отношений. Видная турецкая исследовательница Г.Казган в своем докладе с симптоматичным названием «Развитие отношений Турции и России в свете их отношений с Западом» подчеркивала, что турецко-российские отношения на протяжении вот уже двух столетий не могут освободиться от влияния взаимоотношений каждой из стран с крупнейшими государствами Запада, являясь производной последних... и что особенности отношений каждого из двух государств с Западом являются одним из определяющих элементов двусторонних отношений»¹. Далее Г.Казган в своей работе приводит несколько возможных сценариев развития двусторонних отношений в первой четверти XXI века. Один из наиболее вероятных сценариев таков: Европейский союз отказывает Турции в полноправном членстве по причине невыполнения ею довольно обременительных политических и экономических требований. Это обстоятельство подталкивает Турцию к стратегическому партнерству с США и проведению в Центральной Азии и на Кавказе политики, отвечающей интересам Штатов. Подобный поворот во внешней политике Турции означает рост противоречий между Россией и США по вопросам контроля над путями транспортировки энергоресурсов из данного региона. В результате возрастет напряженность и в отношениях между Россией и Турцией. Схема данного сценария подтверждает ставшую уже общепризнанной мысль о том, что одним из основных направлений интересов США в евразийском регионе являются энергоресурсы и перспективы их доставки на мировые рынки.

Описанный Г.Казган сценарий обрисовывает во многом не столько перспективы, сколько нынешнее геополитическое положение Турции. С одной стороны, оно характеризуется сохранением определенных нерешенных вопросов во взаимоотношениях с ЕС, с другой, – оче-

видным стремлением США развивать союзнические отношения с Турцией в целях более эффективного обеспечения своих интересов в регионе, в том числе, связанных с энергоресурсами Каспия. Турция, в свою очередь, не осталась безразличной к предложениям США.

В результате активная политика США в регионе оказала весьма заметное влияние на развитие событий вокруг проекта «Голубой поток», предусматривающего строительство нового газопровода из России к черноморскому побережью Турции. Статья 5 соответствующего двустороннего соглашения предусматривает, что стороны могут рассмотреть возможность поставки газа из Турции в третьи страны с учетом взаимных интересов². Тем не менее на момент подписания соглашения главный акцент был сделан не на перспективах его превращения в международное газовое соглашение, а, скорее, на удовлетворении потребностей Турции в дополнительном объеме импортного энергосырья. В преамбуле документа подписание соглашения мотивируется целями расширения торгово-экономических отношений между двумя странами и *обеспечения потребностей Турции в природном газе*³ (курсив наш).

Однако в 1998–1999 г. в России стали акцентировать внимание на гораздо более масштабном геостратегическом значении проекта «Голубой поток», который стал рассматриваться как проект доставки российского газа на географически значительно более широкие рынки, чем собственно турецкий, а именно – рынки южной Европы и даже Ближнего Востока. Поводом для подобной переоценки стала параллельная разработка проекта газопровода в Турцию из Туркмении. В феврале 1999 г. в Ашхабаде было подписано соглашение о создании консорциума по строительству и эксплуатации Транскаспийского газопровода из Туркмении через Азербайджан и Грузию в Турцию. Этот проект первоначально задумывался как проект транспортировки туркменского газа через территорию Турции или Ирана в Европу. Его иранский вариант не вызвал поддержки США, тогда как турецкий, предусматривающий доставку газа по дну Каспийского моря, представлялся весьма перспективным. Предполагалось, что реализация проекта позволит положить конец ситуации, когда единственным способом экспорта газа для Туркмении является использование системы российских газопроводов. Следовательно, с его реализацией появилась бы возможность ослабить влияние России на Туркмению. На церемонии подписания соглашения о строительстве транскаспийского газопровода специальный советник президента и госсекретаря США по вопросам энергетики Каспийского бассейна Р.Морнингстар подчеркнул, что «проект станет крупным шагом в укреплении независимости Туркмении»⁴. Очевидно, в первую очередь имелась в виду независимость от России. Поддержка США создавала реальные возможности для выхода данного газопровода за рамки двусторонних отношений Турции и Туркменистана и превращения его в масштабный транзитный проект.

В результате более широкий геополитический размах приобрело и мышление российской газовой компании. Выступая на состоявшихся в сентябре 1999 г. парламентских слушаниях «Об участии России в международных инвестиционных проектах», председатель правления ОАО «Газпром» Р.Вяхирев отметил особую важность проекта «Голубой поток» в проектах расширения экспорта российского газа: его реализация позволит обеспечить как минимум двойное увеличение поставок на турецкий рынок и одновременно диверсифицировать транспортные маршруты с выводом напрямую в Турцию, минуя третьи страны. Вместе с тем Р.Вяхирев отметил опасность конкуренции, поддерживаемого США Транскаспийского газопровода. «В результате конкуренции этих двух проектов, – заявил он, – выиграет тот, кто стартует первым. В случае, если выиграет Транскаспийский газопровод, будут открыты ворота для поставок как туркменского газа, так и газа из других государств этого региона. Общие потери российских экспортных объемов в течение 15–20 лет могут составить порядка 800 миллиардов куб. м газа, на сумму свыше 60 миллиардов долл.»⁵. И если сам Р.Вяхирев не уточнил, куда ведут упомянутые им ворота, то председатель подкомитета Госдумы по топливным ресурсам В.Язев прямо заявил: «Экономическое присутствие на территории Турции предоставит нам широкие возможности для проникновения на рынки Южной Европы»⁶.

Слушания в Российской думе по проблемам проекта «Голубой поток», имевшие целью создать благоприятные налоговые условия для его реализации, вызвали встречное беспокойство президента Туркмении.

Ставшая очевидной конкуренция в лице «Голубого потока» и неясное в этой связи будущее транскаспийского газопровода привело к тому, что к концу 1999 г. раздражение туркменской стороны достигло критического уровня. Это убедительно продемонстрировал состоявшийся в начале октября 1999 г. визит министра энергетики и природных ресурсов Турции Дж. Эрсюмера в Ашхабад. Здесь он, по свидетельству турецкой прессы, испытал самые разнообразные формы давления Туркменбаши от его отказа участвовать в официальном обеде в честь турецкой делегации до заявлений о том, что если Турция опоздает (поскольку переговоры о поставках туркменского газа не могут завершиться конкретными результатами вот уже восемь лет), то Туркмения может продавать газ и России и Ирану, и что турецкие политики не думают о потребностях своего народа, так как все еще не сделали выбор между российским и более дешевым туркменским газом⁷.

Таким образом, Россия и Туркмения стали расценивать друг друга на турецком газовом рынке как непримиримых конкурентов. По мнению представителей МИД РФ, США хотели бы вообще «запереть российский газ» в пределах России, не давая возможности нашей стране пополнять свой бюджет. Квинтэссенцией позиций сторон по отношению

друг к другу может считаться следующее положение-вывод, содержащееся в информационно-аналитическом обзоре Газпрома «Голубой поток», который был подготовлен к тематическим парламентским слушаниям: «Одновременная реализация двух конкурирующих проектов («Голубой поток» и Транскаспийский газопровод) невозможна – выигрывает тот, кто начнет строительство и реализует проект первым»⁸.

Какую же позицию занимала Турция по вопросу о реализации двух возможных проектов доставки газа на свою территорию?

Турецкая сторона неизменно подчеркивала важность проекта «Голубой поток» в рамках торгово-экономических связей с Россией.

Вместе с тем представители некоторых деловых кругов страны выражали обеспокоенность в связи с перспективами расширения закупок газа из России. Так, еще в ходе подготовки проекта «Голубой поток» руководство турецкой компании «Боташ», осуществляющей импорт и транспортировку природного газа по территории Турции, призвало пересмотреть готовящееся соглашение в направлении снижения объема закупок. По его мнению, реализация соглашения превратит Россию, которая будет обеспечивать около 60% энергетических потребностей Турции, в монополиста, а потому его подписание окажется «стратегической ошибкой Анкары»⁹.

Поэтому официальная и неоднократно подтвержденная позиция турецкой стороны исходила из необходимости географической диверсификации импорта газа и состояла в намерении закупать газ как по новому газопроводу из России, так и из Туркмении. При этом позиция официальной Анкары не сводилась лишь к политически опасной балансировке между двумя конкурентами. Планы импорта газа она мотивировала довольно часто приводившимися в печати оценочными данными о потребностях турецкой экономики в данном виде энерго-сырья к 2010 году. Диапазон оценок колебался от 53 млрд. куб. м до 61 млрд. куб. м. В частности, последняя цифра была названа Дж. Эрсюмером в ходе визита в Туркмению¹⁰. При этом полагалось, что наращивание пропускной способности действующего газопровода между Россией и Турцией позволит осуществлять к 2010 г. поставки в объеме 14 млрд. м³, выход на проектную мощность газопровода «Голубой поток» обеспечит получение к той же дате газа в объеме 16 млрд. м³. Транскаспийский трубопровод обеспечит Турции в конечном итоге получение 30 млрд. м³, что в общей сложности и составляет заявляемые 60 млрд. м³. Тогда о взаимоисключающем характере проектов «Голубой поток» и Транскаспийский говорить не приходилось бы. Но следует иметь в виду, что использование значительной по объемам дополнительной порции газа требует значительной подготовки: необходимо строительство газораспределительных сетей, новых электростанций, промышленных предприятий и проч. «Для второго проекта нет рынка сбыта, – отмечалось в этой связи в информационно-аналитическом обзоре Газпрома, – и, соответственно «Боташ» не

сможет принять на себя обязательство «бери или плати», по которому он будет должен оплачивать законтрактованные объемы газа даже в случае, если они не будут отобраны. Отсутствие обязательств «Боташ» «бери или плати» разрушает основу для организации финансирования второго конкурирующего проекта, и он не будет реализован по крайней мере в среднесрочной перспективе (в ближайшие 7–10 лет)»¹¹.

Разрешением ситуации стало возобновление с 2000 г. поставок туркменского газа в Россию, а также последовавший в октябре 2000 г. визит российского премьер-министра М.Касьянова в Турцию. Эти два обстоятельства позволили России «стартовать» первой в газовой гонке на турецком рынке. Комментируя победу, одержанную Россией, «Независимая газета» отмечала: «...Почти три года вокруг этого уникального проекта («Голубого потока». – Н.У.) шли напряженные политические баталии. Турки выбирали между экономической выгодой и «политической целесообразностью», а точнее давлением американцев»¹².

Но насколько прочна победа России? Среди факторов, ослабляющих положение России на евразийском газовом рынке, следует назвать следующие. Во-первых, сами методы борьбы, используемые Россией в данной сфере, пока по-прежнему восходят к эпохе биполярного мира, основываются на признании превосходства сильного и недостаточно согласуются с принципами учета интересов партнеров. В частности, речь идет о следующих двух обстоятельствах.

1. Несмотря на то, что первоначальные планы предполагали подписание с Туркменистаном долгосрочного соглашения о поставках газа, в ходе визита в Москву президента С.Ниязова был подписан лишь годовой контракт на поставку 10 млрд. кубометров. Дело в том, что туркменскую сторону не устроила предложенная Газпромом слишком низкая цена – 36 долл. за 1000 куб. метров при том, что среднемировая цена составляет 100 долл. При этом Газпром не скрывал своего намерения использовать права монополиста в ситуации, когда у Туркменистана по-прежнему нет другой трубы, кроме российской.

2. Правительство РФ одобрило проект соглашения с Туркменистаном в декабре 2001 года. Срок соглашения 10 лет. Предполагается, что к 2012 году поставки туркменского газа достигнут 80 млрд. куб. То есть Россия хотела бы, чтобы в перспективе Туркменистан вышел на максимальный объем добычи газа и почти весь его прокачивал через Россию или для России. Таким образом, российская сторона по-прежнему рассматривает как нежелательные альтернативные маршруты транспортировки туркменского газа, а значит и возможности диверсификации его закупок для Турции. Как отмечал в связи с данной проблемой российский журнал «Нефтегазовая вертикаль», «...если Россия хочет, чтобы эта самая труба, отсутствие которой она сейчас использует в ка-

честве основного аргумента в ценовом торге с Туркменистаном, появилась, то пусть продолжает упорствовать»¹³.

Во-вторых, близость к реализации проекта «Голубой поток», равно как и сохраняющее актуальность подписание долгосрочного соглашения между Россией и Туркменией о закупках туркменского газа не означают отказа заинтересованных сторон от строительства транскаспийского газопровода.

Во время визита в Ашхабад в январе 2002 г. помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии Элизабет Джонс заявила, что «американское правительство готово поддержать любой из существующих на сегодня проектов по строительству экспортных газопроводов из Туркменистана». Такова позиция нынешней администрации США по данной проблеме. Кто может поручиться за то, что Америка не примет решения профинансировать один из маршрутов, как она это сделала применительно к нефтепроводу Баку-Тбилиси-Джейхан? – задается в этой связи вопросом российский журнал «Нефтегазовая вертикаль»¹⁴.

В самой Турции предпочтение, отданное российскому газу, вызвало довольно активную критику противников «Голубого потока». Видный деятель оппозиции бывшая премьер-министр страны Т.Чиллер заявила, что с подписанием соглашения между Россией и Туркменией Турция упустила свой исторический шанс, так как это означает неизбежную реализацию проекта «Голубой поток»¹⁵. Его реализация связывается некоторыми политическими обозревателями с активностью пророссийского лобби в парламенте Турции.

На Западе признается факт довольно активного использования Россией экспорта энергосырья как инструмента политического давления. Так, газета «The Washington Times» опубликовала специальный материал по данному вопросу под названием «Изобилие топлива дает России рычаг давления». В ней, в частности, приводится мнение аналитика А.Козна, согласно которому Москва все чаще прибегает к разыгрыванию козырной энергетической карты для восстановления своего господства в кавказском и каспийском регионах¹⁶. Так что чрезмерно прочная привязка к российскому газу действительно может обернуться для Турции известным внешнеполитическим дискомфортом. Поэтому географическая диверсификация его импорта остается в повестке дня.

Фактически Турция уже приступила к диверсификации поставщиков газа и закупает некоторые его объемы помимо России в таких странах, как Алжир, Иран, Нигерия. Тем не менее, по оценкам государственной газовой компании «Боташ», в 2004 году доля России в общем объеме турецкого импорта газа в случае выхода проекта «Голубой поток» на предусмотренную мощность в 6 млрд. куб. м достигнет 65%. Видимо, данное обстоятельство является одной из причин того, что в перспективные планы компании входят закупки с 2005 г. туркменского газа в объеме 5

млрд. кубометров, а к 2020 г. объемы импорта из Туркмении планируется довести до 16 млрд. кубометров¹⁷.

В ходе визита президента Азербайджана Г.Алиева в Турцию в марте 2001 г. стороны подписали соглашение «О подаче азербайджанского газа Турции в 2004–2018 годах». Российская газета «Ведомости» следующим образом комментировала подписание соглашения: «Оно может способствовать реализации поддерживаемых США и Турцией планов строительства новых трубопроводов для экспорта энергоносителей из Каспийского региона, минуя Россию и Иран». И далее: «Турция пошла на этот шаг, чтобы еще более упрочить вероятность строительства транскаспийского газопровода»¹⁸. Представитель официального Ашхабада прокомментировал заключение соглашения следующим образом:

«Мы исходим из того, что Транскаспийский газопровод рано или поздно будет построен. А новая «труба» могла бы стать элементом Транскаспийского газопровода»¹⁹.

Таким образом, возникает опасность постепенного возвращения ситуации в регионе к исходным позициям 1998–1999 гг., характеризовавшимся подталкиваемым США нарастанием межстрановых противоречий, в которые оказались вовлеченными страны-поставщики энергоресурсов в регионе и Турция как их основной покупатель.

Предотвратить развитие событий по уже опробованному сценарию способен лишь действенный переход к использованию механизма коллективного решения ключевых проблем региона на основе равенства и взаимного учета интересов сторон. Каких именно взаимных уступок требует разрешение данной ситуации? Во-первых, России следует отказаться от злоупотреблений ценовым фактором в отношениях с Туркменистаном, предоставив ему возможность сделать экономически обоснованный выбор между увеличением продаж газа России и строительством нового газопровода в Турцию. При этом туркменская сторона не будет более заинтересована в том, чтобы предлагать свой газ по демпинговым ценам Турции. Что касается Турции, то от нее также ожидается отказ от принятия экономически необоснованных политизированных решений в вопросе о закупках газа. То есть начало реализации проектов новых газопроводов было бы логично отложить до момента, когда турецкая сторона сможет в полной мере выполнить свои обязательства по закупкам и оплате газа, подача которого будет осуществляться по «Голубому потоку».

Существуют ли реальные предпосылки для того, чтобы влиянию США противопоставить эффективное партнерство стран региона?

Некоторые обнадеживающие факторы можно назвать. Во-первых, существует определенный лаг между официальной государственной политикой России в отношении Туркменистана и позицией Газпрома по закупкам туркменского газа. Президент Российской Федерации В.Путин неоднократно подчеркивал важность достижения прочного

сотрудничества с Туркменией. В частности, Путин предложил создать Евразийский альянс производителей газа. «Этот проект очень важен, – подчеркнул президент, – так как способен внести элемент стабильности в транспортировку газа на долгосрочной основе»²⁰. Очевидно, создание такого альянса менее всего возможно на основе ценовой эксплуатации партнера, а значит, предполагает урегулирование ценовых противоречий между Россией и Туркменией.

Во-вторых, комментируя упомянутый выше сценарий развития двусторонних отношений, Г.Казган отмечала, что важная роль России в удовлетворении потребностей Турции в энергосырье воспрепятствует полному подчинению внешнеполитической линии Турции США²¹. По всей видимости, закрепление России с вводом в строй проекта «Голубой поток» на рынке энергосырья Турции послужит основанием для более осторожной и взвешенной политики двух стран в отношении друг друга, так что данный проект сможет действительно стать одним из главных элементов дальнейшего развития российско-турецкого конструктивного партнерства.

Наконец, вероятность того, что Турция окажется в положении страны, закупающей газа больше, чем необходимо национальной экономике, может опять же интерпретироваться не как повод для обострения конкурентной борьбы между поставщиками газа, а как повод к совместному поиску наиболее выгодных маршрутов транзита, тем более, что статья 4 Соглашения о проекте «Голубой поток» оговаривает, что природный газ, поставляемый из РФ в Турцию, не может быть экспортирован в третьи страны без взаимной договоренности сторон²².

Итак, основной вопрос, на который наши страны должны ответить, состоит в следующем: способны ли они выйти на уровень сотрудничества, который обеспечивал бы такую степень взаимопонимания, которое замещало бы необходимость альтернативного развития связей с третьими странами для решения региональных проблем.

¹ Kazgan G. Batı ile ilişkilerin gölgesinde Türkiye-Rusya ilişkileri. – Доклад на конференции «Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы» в Институте востоковедения РАН, 15–17 апреля 2001 г.

² Соглашение о поставках Российского природного газа в Турецкую Республику через акваторию Черного моря – Архив аппарата торгового советника Турции при посольстве Турецкой Республики в Москве.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Труд, 18.09.1999.

⁶ Там же.

⁷ См. Dünya, 09.10.1999; Sabah, 07.10.1999; Finansal Forum, 07.10.1999.

⁸ См. «Голубой поток». Информационно-аналитическое обозрение Газпрома. – М., 1999, с. 7.

⁹ Сегодня, 02.09.1997.

- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См. «Голубой поток». Информационно-аналитическое обозрение Газпрома. – М., 1999, с. 7.
- ¹² Независимая газета, 26.10.2000.
- ¹³ Нефтегазовая вертикаль, 2002, № 3.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Türkiye, 25.05.2000.
- ¹⁶ Коммерсантъ, 17.01.2001.
- ¹⁷ <http://www.botas.gov.tr>
- ¹⁸ Ведомости, 14.03.2001.
- ¹⁹ <http://www.rbs.ru>. 22.03.2001
- ²⁰ Нефтегазовая вертикаль, 2002, № 3.
- ²¹ Kazgan G. Batı ile ilişkilerin gölgesinde Türkiye-Rusya ilişkileri. – Доклад на конференции «Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы» в Институте востоковедения РАН, 15–17 апреля 2001 г.
- ²² Соглашение о поставках Российского природного газа в Турецкую Республику через акваторию Черного моря – Архив аппарата торгового советника Турции при посольстве Турецкой Республики в Москве.

**К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНОМ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОМ
ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ**

Создание межгосударственных региональных объединений стало в последние десятилетия одной из наиболее характерных тенденций мирового развития. На азиатском и африканском континентах, в Латинской Америке эта тенденция обусловлена в первую очередь стремлением отстающих стран объединить усилия для ускорения своего развития, выработки наиболее приемлемых условий привлечения и использования в своих экономиках иностранных кредитов и прямых инвестиций, сведения к минимуму негативных последствий глобализации.

На постсоветском пространстве идеи интеграции получили развитие вскоре после распада Советского Союза. Уже в начале 90-х годов были созданы региональные союзы, объединившие новые государства в Содружество независимых государств и автономное Центрально-азиатское экономическое сообщество, а также возникли объединения, созданные ими совместно с соседними и сопредельными государствами – Черноморское экономическое сотрудничество и Организация экономического сотрудничества – в последнюю наряду с Афганистаном, Ираном, Пакистаном и Турцией включились пять новых тюркских государств (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан) и Таджикистан.

Однако, несмотря на геополитическую и геоэкономическую значимость охваченных этими объединениями территорий, их значительный природный и экономический потенциал, результаты деятельности в 90-е годы были далеки от продекларированных ими задач. Основные причины малой результативности созданных объединений заключались в разновекторности политических и разнотипности экономических систем стран-участниц, многие из которых, в первую очередь – возникшие на постсоветском пространстве, переживали глубокий общественный и экономический кризис. Крайне недостаточными для развития интеграционных связей были инфраструктурная и институциональная системы, практически непреодоленными оставались различия в торговом, таможенном, налоговом законодательствах, многие из намеченных экономических проектов не были обеспечены необходимыми источниками финансирования и т.д.

Фактически, как и до распада Советского Союза, торгово-экономические связи между странами региона продолжали развиваться на двусторонней основе. Преимущественно двусторонний характер сохраняло и российско-турецкое экономическое сотрудничество – в трудные для России 90-е годы оно не утратило своего динамизма: продолжал расти товарооборот, значительных масштабов достигла деятельность в РФ турецких строительных компаний, увеличивались прямые инвестиции турецких компаний в России, а российских – в Турции, не прекращались поставки в Турцию российского природного газа, а в 1997 г. было заключено соглашение о строительстве уникального газопровода «Голубой поток», которое уже близко к завершению; получил развитие туризм – Турция стала одним из наиболее популярных мест отдыха россиян.

Преимущественно на двусторонней основе складывались отношения России и Турции с их региональными партнерами как в пределах постсоветского пространства, так и вне его. Характерным для 90-х годов был определенный спад торгово-экономических связей России с центральноазиатским и кавказским регионами, тогда как Турция, напротив, преуспела в их развитии, в особенности с новыми тюркскими государствами. Существенную роль в этом играли идеи объединения евразийских тюркских государств и общин в так называемый тюркский мир. Гуманитарная и финансовая помощь, оказанная Турцией «братским» странам непосредственно после распада Советского Союза, способствовала тому, что они смогли достаточно быстро справиться с хозяйственными проблемами, возникшими в результате разрыва связей с Россией и другими постсоветскими государствами, включиться в мировую хозяйственную систему, установить связи с крупными западными компаниями и международными организациями и наладить экономический рост.

К концу 90-х годов прошлого века и в начале первого десятилетия века нового на постсоветском пространстве и в мире в целом произошли изменения, способствующие оживлению интеграционных процессов в евразийском регионе, развитию полнокровного регионального сотрудничества.

К таким изменениям следует отнести:

– возобновление экономического роста в России и новых государствах Центральной Азии и Кавказа, которые прочно встали на путь рыночных реформ. Более однородными становятся и их экономические структуры, в которых существенное место занял частный сектор. Рост деловой активности в этих странах сопровождается расширением внешних экономических связей, поиском рынков сбыта, в том числе – для продукции обрабатывающих отраслей, которые еще не конкурентоспособны на мировых рынках, но пользуются спросом в регионе, в связи с этим растет заинтересованность постсоветских государств в возобновлении торгово-экономических связей друг

с другом. Данная тенденция находит поддержку нынешнего российского руководства, которое прилагает в последние годы много усилий для развития регионального сотрудничества. В новой «Концепции внешней политики Российской Федерации», принятой в 2000 г. сформулированы положения о разноскоростной и разноуровневой интеграции в рамках СНГ¹;

– включение стран региона в мировое хозяйство в настоящее время преимущественно связано с расширением вывоза из них сырья, в первую очередь – минерального, особенно нефти и газа, что выдвинуло на первый план необходимость создания трансконтинентальных транспортных систем, включая трубопроводы для доставки его на мировой рынок. Важно, чтобы роль евразийского региона не была сведена к функции разработчика и поставщика необработанного сырья в промышленно развитые страны. Сотрудничая и координируя свои действия, используя при этом опыт региональных объединений других стран, наши государства смогут отстаивать свои интересы, развивать и диверсифицировать свои экономики, расширять производственные мощности по переработке сырья, используя для этого новейшие технологии. Согласованное региональное сотрудничество позволит решать не только экономические, но и социальные и экологические проблемы, ускорит повышение жизненных стандартов населения;

– фактором, делающим необходимыми дополнительные усилия для углубления региональной интеграции с середины 90-х годов становится угроза исламского терроризма и экстремизма. Эта опасность привела к тесному сплочению стран евразийского региона, особенно в связи с событиями 11 сентября 2001 г., после которых они единодушно выступили в поддержку международной антитеррористической коалиции, а Турция принимает в ней непосредственное участие;

– развитию интеграционных процессов в регионе благоприятствует сближение России, центральноазиатских и кавказских государств с Западом. Установление между Россией и США отношений стратегического партнерства, контакты России с НАТО, развитие многоплановых связей со странами Европейского экономического сообщества – все это ведет к снижению остроты политизированности отношений между странами региона, в том числе между Турцией и Россией.

В данном контексте важным событием стало подписание в ноябре 2001 г. министрами иностранных дел России и Турции «Плана действий по развитию сотрудничества между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в Евразии».

В преамбуле этого документа говорится, что «фундаментальные изменения исторического масштаба открыли новый этап во взаимодействии России и Турции»². По мнению сторон, «укрепление торгово-экономического сотрудничества между ними в евразийском регионе

будет движущей силой продвижения двустороннего сотрудничества в направлении многопланового партнерства»³.

При продуманной реализации данного плана – работа в этом направлении сторонами уже началась – вполне реальным может стать распространение позитивного опыта российско-турецкого двустороннего сотрудничества в масштабах региона. А это сотрудничество, как известно, включало в себя создание и совместную эксплуатацию промышленных предприятий, сооружение базовых инфраструктурных объектов – гидро- и теплоэлектростанций, железных дорог, линий электропередач, прокладку трубопроводов и многих других объектов, создание которых в настоящее время стоит на повестке дня в евразийском регионе.

Понятно, что переход от двустороннего российско-турецкого сотрудничества к многоплановому партнерству на региональном уровне – непростая задача, требующая не одного года, а может быть, и десятилетия, ее решение нуждается в выполнении целого ряда условий и в первую очередь – завершения структурных преобразований в экономиках как наших двух стран, так и в других странах региона.

Но уже первые шаги в данном направлении потребуют устранения еще неизжитого наследия «холодной войны» – политизированных оценок и подходов, нездорового соперничества, которые постоянно негативно влияли на российско-турецкие отношения, из чего извлекали выгоды иностранные компании. Критериями при выборе и реализации экономических программ и отдельных проектов должны стать экономическая целесообразность и соответствие национальным интересам не только ведущих стран региона, но и других стран-участниц региональных объединений.

Региональное сотрудничество может существенно продвинуться вперед через активизацию, оживление уже существующих интеграционных союзов. В первую очередь это относится к Черноморскому экономическому сотрудничеству (ЧЭС). Эта организация, созданная еще в 1992 г. по инициативе Турции, поддержанной российским руководством, в своей декларации предусматривала поддержку многостороннего сотрудничества в области торговли и промышленности, энергетики, транспорта, связи, науки и техники, сельского хозяйства, туризма и экологии⁴. Для разработки проектов по данным направлениям были созданы рабочие группы, при этом обязанности по координации деятельности в области транспорта и создания электросетей были возложены на Россию. В ЧЭС вступило 11 стран Причерноморья, Кавказа и Балкан, 9 стран включены в нее в статусе наблюдателей, еще целый ряд европейских и ближневосточных стран в последние годы выразил желание получить статус наблюдателя или полноформатного члена этой организации; ее поддержали ЕС и Европейский банк реконструкции и развития. Ее членами был создан собственный Черноморский банк торговли и развития с подписным капиталом в 1 млрд. долл.⁵ Однако конкретные результаты деятельности ЧЭС в

сфере экономического сотрудничества до сих пор были далеки от ожиданий: практически был реализован лишь проект системы оптиковолоконной кабельной связи, вступившей в строй в октябре 1996 г. и соединившей Россию, Украину, Турцию и Италию⁶. Эти страны через Новороссийск, Палермо, Стамбул и Одессу смогли непосредственно связываться с Европой, Северной Африкой, Ближним и Средним Востоком, Северной и Южной Америкой. Позже эта система была подключена к волоконно-оптическому кабелю Дания-Россия, Япония-Ю.Корея. Остальные проекты, в частности, по созданию транспортного кольца вокруг Черного моря с выходом на трансевропейские магистрали и другие проекты по созданию единой энергосистемы стран ЧЭС, предложенные РАО ЕЭС РФ, остаются нереализованными. В то же время за истекшие десять лет своего существования ЧЭС была укомплектована квалифицированными специалистами, усовершенствовала свою структуру, накопила большой опыт регионального общения, поставленные ею задачи отвечают насущным требованиям развития регионального сотрудничества, а также необходимых для этого стабильности и безопасности.

Не менее актуальной задачей является поддержка возникших в последние годы или обновленных региональных объединений, в первую очередь таких, как Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Центральноазиатское сотрудничество (ЦАС), согласование целей и задач их деятельности с уже существующими региональными объединениями. Во всех вышеназванных структурах участвуют Россия, другие постсоветские государства, а в ШОС – КНР. Турция пока не проявляла интереса к вступлению в эти организации, ее основные усилия в настоящее время сосредоточены на подготовке к заключительной фазе интеграции в ЕС. Снижение ее региональной активности в большой степени связано с затянувшимся экономическим спадом и политическим кризисом в стране, обострением валютно-финансовых проблем. Но позиции Турции в евразийском регионе достаточно прочны, и неослабевающее стремление к их закреплению и расширению позволяет прогнозировать возрастание ее участия в интеграционных процессах в Евразии на будущее.

¹ Независимая газета, 11.07.2000.

² Турецкий вестник. М., 2001, № 11, с. 4.

³ Там же.

⁴ Black Sea Cooperation. İstanbul, 1994, с. 53.

⁵ Gümrük Birliği Karadeniz Ekonomik İşbirliği bilgisi ve Doğu Karadeniz Ekonomisi. Ankara, 1997, с. 153.

⁶ Там же, с. 154.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А.П.Орехов

ОБЗОР ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ИРАНА С ПРОМЫШЛЕННО РАЗВИТЫМИ СТРАНАМИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Промышленно развитые страны Европы, Япония и Южная Корея являются основными партнерами Ирана, на долю которых приходится около 50% иранского товарооборота.

С утверждением в 1997 г. во главе исполнительной власти в Иране нынешнего руководства и его лидера С.М.Хатами, избранного президентом страны, отношения ИРИ с индустриальными странами заметно оживились. В течение 1999–2000 гг. политический диалог Ирана с рядом наиболее влиятельных западных стран и Японией вышел на более высокий уровень. Президент С.М.Хатами посетил с официальными визитами Италию, Францию, Германию и Японию. Тема расширения торгово-экономического сотрудничества была и остается одной из центральных во всех этих контактах.

Попытки иранского правительства принесли определенные плоды. После визитов президента Ирана в Италию (март 1999 г. и июль 2000 г.), Францию (октябрь 1999 г.), Германию (июль 2000 г.), Японию (ноябрь 2000 г.), а также визитов президентов Австрии (сентябрь 1999 г.), и Греции (октябрь 1999 г.), главы бундестага ФРГ (февраль 2001 г.) в Иран, во время которых были подписаны не только политические, но и экономические документы, еще более активизировались торгово-экономические связи с этими странами. Целый ряд других европейских стран (Великобритания, Голландия, Норвегия) также повысили свой интерес к экономическому сотрудничеству с Ираном.

Италия является одним из крупнейших партнеров ИРИ. Товарооборот между этими странами в 1998 г. составил 2 млрд. долл. при иранском экспорте в Италию 1150 млн. долл. и импорте 850 млн. долл. В 1999 г. наблюдалось небольшое увеличение по этим показателям (см. таблицу). Нефть составляла в 1998 г. 87,4% (13,3 млн. тонн), а в 1999 г. – только 66% иранского экспорта в Италию. Иран обеспечивает 15% потребностей Италии в нефти. Иранский импорт из Италии в основном включал оборудование для нефтяной, металлургической и автомобильной промышленности.

Таблица

**Товарооборот Ирана в 1998–2000 гг. с его основными
внешнеторговыми партнерами (млн. долл.)***

NN	Страны-партнеры	Иранский Экспорт			Иранский Импорт			Товарооборот		
		1998	1999	2000	1998	1999	2000	1998	1999	2000
1	Япония	2050	3327	2552	750	1500	510	2800	4827	3062
2	Ю. Корея	1700	2006	2390	700	585	1380	2400	2591	3760
3	Италия	1150	1380	2160	850	860	720	2000	2240	2880
4	Германия	420	548	500	1480	1300	1090	1900	1848	1590
5	Франция	920	1110	1265	640	690	630	1560	1800	1895
6	Испания	970	1070		330	310		1300	1380	
7	Китай	555	560	1124	657	630	692	1215	1190	1816
8	Канада	350	250		800	800		1150	1050	
9	Турция	408	635,9	747	190	157,8	230	598	793,7	977
10	Голландия		245	730		345	200		590	930
11	Греция		510			30			540	
12	Россия	45	44,2	53	501	421	607	546	465,2	660

В 2000 г. товарооборот Ирана с Италией составил 2880 млн. долл., что превысило соответствующий показатель 1999 г. на 22%.

Итальянские фирмы активно сотрудничают с Ираном в таких проектах, как: сооружение металлургического комплекса «Мобаракх», расширение Исфаганского металлургического комбината, реконструкция и расширение сталеплавильного комбината в Хорасане, строительство сталелитейного завода в Иранском Азербайджане, строительство завода стальных сплавов в г.Иезд.

В 1999 г. компания «Даниэлли» предоставила кредит на сумму 60 млн. долл. для продолжения реализации проекта по расширению мощностей Исфаганского металлургического завода до 3,2 млн. тонн стали в год.

Итальянский энергетический комплекс «Л'Ансалдо» получил эксклюзивные заказы на строительство 2 энергоблоков в Бендер-Аббасе и поставку энергетического оборудования на иранский рынок на ближайшие 10 лет. В мае 1999 г. эта компания подписала с иранской компанией «Развитие энергетики Ирана» контракт

* Пробелы в таблице означают отсутствие данных.

на сумму 900 млн. долл., по которому итальянская сторона поставит в Иран 30 газовых турбин с соответствующими генераторами и запчастями. Поставки 12 турбин начались уже в 1999 г. а завершатся в 2002 г. Контракт подписан в связи с кредитной линией, открытой итальянским «Медиабанком» и имеет страховое обеспечение итальянской страховой компании «Сачи».

Намечаются хорошие перспективы сотрудничества между Ираном и Италией в нефтегазовой отрасли. Итальянская фирма «Эни» и ее дочерняя компания «Аджив» заявили о своих серьезных намерениях участвовать в иранских нефтегазовых проектах. Целый ряд итальянских фирм изучает возможности своего участия в нефтехимических проектах, многие из которых находятся в свободных экономических зонах, в связи с чем являются для них особенно привлекательными.

Товарооборот Ирана с **Францией** в 1998 г. составил 1560 млн. долл., в том числе иранский экспорт во Францию – 920 млн. долл. и импорт – 640 млн. долл. Около 90% иранского экспорта во Францию составляет нефть, остальные 10% приходятся на товары традиционного иранского экспорта. Иранский импорт из Франции представлен в основном машинотехнической, металлургической и электронной продукцией, медицинским оборудованием, медикаментами, продовольственными товарами.

В 1999 г. товарооборот двух стран в целом составил 1800 млн. долл., что превысило аналогичный показатель прошлого года. Экспорт и импорт соответственно составили 1110 и 690 млн. долл. В марте 1999 г. французская компания «Эльф Акитен» и итальянская «Аджив» заключили с Ираном крупный контракт сроком на 10 лет по разработке нефтяного месторождения «Доруд» (в Персидском заливе, вблизи острова Харк). Сумма контракта – 1 млрд. долл. В 2000 г. товарооборот ИРИ с Францией практически не изменился – 1895 млн. долл.

В 2001 г. произошло некоторое оживление двусторонних торгово-экономических связей, прирост товарооборота составил 11%. Впервые за последние несколько лет Франции удалось добиться положительного сальдо в торговле с Ираном, и причиной тому послужило не столько сокращение объемов французского импорта в стоимостном выражении, сколько заметное расширение объемов французского экспорта, который вырос в 2001 г. сразу на 75%.

Традиционным является сотрудничество между двумя странами в нефтегазовой и нефтехимической сфере. Французские компании принимают участие в проектах по созданию в Иране специальных нефтехимических зон «Бендер-Имам» и «Ассалуйе».

Активно развиваются ирано-французские отношения в области автомобилестроения. В мае 2000 г. начата практическая реализация проекта поставки французской фирмой «Альстом» в Иран и организации здесь сборки 100 магистральных тепловозов. Банк «Креди Агриколе» выделил на эти цели кредит в размере 192 млн. евро. Эта же фирма

прорабатывает вопрос о поставках в Иран газотурбинного оборудования для нужд тепловой энергетики.

Французская «Алкатель» наряду с другими французскими компаниями (EADS, Sagem) наращивает свое сотрудничество с ИРИ в области телекоммуникаций, оптико-волоконной и мобильной связи.

Еще одним крупным партнером ИРИ в Европе является **Германия**. Товарооборот между ИРИ и ФРГ в 1998 г. составил 1900 млн. долл., в том числе иранский экспорт в Германию составил 420 млн. долл., а импорт – 1480 млн. долл. В 1999 г. при увеличении экспорта ИРИ до 548 млн. долл. импорт немецких товаров снизился до 1300 млн. долл. Общий объем товарооборота почти не изменился – 1848 млн. долл. (см. таблицу).

Основную долю иранского экспорта в ФРГ составляет нефть. Но Германия в 1998 г. сократила свои закупки нефти из ИРИ с 1163 тыс. тонн до 1012 тыс. тонн. С учетом этого обстоятельства, а также в связи с падением мировых цен на сырую нефть иранский экспорт в ФРГ сократился по сравнению с предыдущим годом на 38%. Это явление отразилось и на импорте Ирана из ФРГ, который также сократился на 25%. Основу иранского импорта из ФРГ составляли в 1998 г. энергетическое и железнодорожное оборудование, электроприборы, инженерно-технические услуги. В 1999 г. Германия продолжала сокращать закупки нефти (с 1012 тыс. т до 821 тыс. тонн). Тем не менее импорт Ирана из ФРГ, основа которого в 1999 г. осталась прежней, сократился (по сравнению с 1998 г.) на 13,8%.

В 2000 г. произошло уменьшение товарооборота до 1590 млн. долл., в основном за счет снижения иранского импорта из Германии (1090 млн. долл.), тогда как величина экспорта практически осталась на том же уровне – 500 млн. долл.

Среди ненефтяных товаров, экспортируемых Ираном в Германию, можно отметить ковры ручной работы (экспорт в 1998/99г. составил 228 млн. долл.), фисташки (115,5 млн. долл.), овечьи шкуры (29,2 млн. долл.).

В основном торгово-экономическое сотрудничество между Ираном и ФРГ ведется в области промышленности, развития железнодорожного транспорта и инфраструктуры. В последнее время на иранском рынке активизируются германские компании «Бош» и «Сименс», которые заявили о своих намерениях расширять участие в иранских энергетических проектах, а также в инвестициях на о.Киш с целью расширения экспорта своей продукции в Иран.

В 2001 г. двусторонний товарооборот составил 2,3 млрд., евро, в том числе германский экспорт – 1,9 млрд. евро и импорт из Ирана – 0,4 млрд. евро. Немцы продолжали занимать ведущие позиции по экспорту в Иран машин и оборудования. Импорт ФРГ из Ирана, в том числе нефти, незначителен и особого значения для ФРГ не имеет. Немцы проявляют интерес к инвестициям в иранский нефтяной сек-

тор, чтобы заблаговременно занять там исходные позиции до возвращения в Иран американских компаний.

Тем не менее к значительному расширению сотрудничества с Ираном в Германии пока относятся осторожно. В основном торгово-экономическая активность идет по линии частного сектора (около 30%).

Крупнейшим торговым партнером ИРИ в восточном регионе на протяжении практически всего последнего десятилетия была Япония. Товарооборот с ней в 1998 г. составил 2800 млн. долл. По сравнению с предыдущим годом (4441 млн. долл.) товарооборот между двумя странами значительно сократился (37%). Причиной этого сокращения явилось падение мировых цен на нефть, которая составляет в иранском экспорте в Японию около 97%. Несмотря на существенное увеличение поставок иранской нефти в Японию в 1998 г. (32%), валютные поступления от этих поставок значительно сократились и составили примерно 1880 млн. долл., тогда как общая сумма иранского экспорта в Японию составила 2050 млн. долл.

В 1999 г. товарооборот двух стран увеличился на 72%, составив в денежном выражении 4827 млн. долл. При этом иранский экспорт составил 3327 млн. долл., а сумма импорта возросла вдвое и составила 1500 млн. долл.

Структуру иранского импорта из Японии составляют запчасти к автомобилям, средства связи, ткацкое оборудование, медицинская, аудио- и видеотехника, технологии и техническое содействие.

В 2000 г. товарооборот двух стран вновь существенно сократился и составил 3062 млн. долл., вследствие чего Япония впервые за долгое время утратила лидирующую позицию в списке основных торгово-экономических партнеров ИРИ.

Расширяется инвестиционное сотрудничество. Япония активизировала свое участие в инвестировании строительства плотины «Масджид-е-Солейман» на реке Карун (провинция Хузестан) и переговорном процессе по сооружению сталелитейного комплекса в провинции Хормозган, строительстве аэропорта Нома и нефтеперерабатывающего завода в СЭЗ Чахбахар на юге Ирана.

Иран очень заинтересован в значительном расширении своих торгово-экономических связей с Японией и приглашает японцев принимать участие в различных проектах, в том числе энергетических, средств связи и электроники, в текстильной промышленности, в развитии среднего и малого бизнеса и др. Со своей стороны, японское правительство заявило о намерении предоставлять кредиты для инвестиций японских компаний в иранскую экономику. Япония согласилась страховать те экономические проекты Ирана, которые будут осуществляться совместно иранскими и японскими компаниями. В первую очередь речь идет о проектах сельского хозяйства и защиты окружающей среды. Иран и Япония договорились проводить в своих странах совместные семинары.

По итогам состоявшегося в ноябре 2000 г. визита в Японию С.М.Хатамм было подписано соглашение об энергетическом сотрудничестве, в соответствии с которым японские нефтяные компании приобрели исключительные права на переговоры с Иранской Национальной Нефтяной Компанией (ИННК) о разработке и импорте нефти в месторождении Азадеган. Его разведанные запасы превышают 26 миллиардов баррелей нефти, а объем добычи может составить порядка 300–400 тысяч баррелей в день. Японцы смогут вложить часть имеющихся у них значительных валютных ресурсов в создание плацдарма для продвижения своих интересов на рынке ИРИ. В свою очередь иранцы получают возможность задействовать обещанные японцами 3 млрд. долл. на Азадеган для подъема своей нефтегазовой отрасли.

Хотя Иран является третьим по величине экспортером нефти в Японию, на него приходится лишь 10% японского рынка. Опережают его такие страны, как ОАЭ и Саудовская Аравия, доля каждой из которых превышает 20%. Иран мог бы играть более значительную роль в обеспечении гарантированного снабжения Японии нефтью.

Все эти обстоятельства вынудили Токио попытаться добиться преимущественного права на разработку указанного месторождения, которое, как полагают, является крупнейшим в Иране. Финансирование будет осуществляться консорциумом в составе частных нефтяных фирм и торговых домов Японии.

Южная Корея долгое время являлась вторым в регионе (после Японии) внешнеторговым партнером Ирана. Товарооборот Ирана с Южной Кореей в 1998 году составлял 2400 млн. долл., в том числе иранский экспорт – 1700 млн. долл. и импорт – 700 млн. долл. В 1999 г. эти показатели составили: товарооборот – 2591 млн. долл., иранский экспорт – 2006 млн. долл. и импорт ИРИ – 585 млн. долл.

В 2000 г. товарооборот двух стран резко возрос (3760 млн. долл.), что позволило Южной Корее обогнать Японию по этому показателю.

Товарооборот в 2001 г. был 2,96 млрд. долларов при положительном для Ирана сальдо за счет поставок сырой нефти, которая составляет основную часть иранского экспорта в Южную Корею. Среди поставщиков нефти в эту страну Иран занимает третье место. Южная Корея, в свою очередь, занимает 3 и 11 места в импорте нефти и нефтепродуктов из Ирана соответственно.

Южнокорейские компании принимают участие в 17 крупных инвестиционных проектах в ИРИ общей стоимостью свыше 2,7 млрд. долл. Они сотрудничают с Ираном в строительстве ГЭС «Карун-4» (стоимость контракта 450 млн. долл.), водосборных плотин, оказывают содействие в строительстве судов на иранских верфях, а также проявляют интерес к сотрудничеству в нефтегазовой отрасли и связи.

Так, фирма «Хюндай» в апреле 1999 г. заключила контракт стоимостью 1 млрд. долл. на участие в проекте по добыче газа на месторождении «Южный Парс» Компании «Самсунг» и «Посек» выиграли

тендер на сумму 250 млн. долл. на строительство доменной печи и коксовой батареи на Исфаганском металлургическом заводе. Компания «Дэу» инвестирует расширение производственных мощностей по выпуску легких автомобилей в Кермане.

10–13 августа 2001 г. впервые за последние 25 лет состоялся официальный визит в Иран министра иностранных дел и торговли Южной Кореи Хан Сен Су, который высказал просьбу положительно рассмотреть возможность участия южнокорейских компаний в разработке 9-й и 10-й фаз газового месторождения «Южный Парс», отметил их готовность осуществлять инвестиции в нефтегазовую промышленность ИРИ.

По итогам визита подписаны два меморандума о взаимопонимании: о выделении ЭКСДМ Банком Южной Кореи кредита ЦБ Ирана в 500 млн. долларов на развитие торговых связей двух стран и о поддержке южнокорейских фирм, участвующих в них.

Еще одним крупным торговым партнером Ирана на Востоке является **Китай**. Объем товарооборота этих стран к концу 90-х годов резко увеличился по сравнению с серединой 90-х годов. В 1998 г. он составил 1215 млн. долл. Иранский экспорт в Китай достиг 558 млн. долл., а импорт китайской продукции в ИРИ – 657 млн. долл.

В 1999 г. произошло снижение товарооборота на 9,5% по сравнению с прошлым годом (см. таблицу). Иранский экспорт в Китай остался на прежнем уровне (560 млн. долл.), а импорт сократился на 4,3% и составил 630 млн. долл.

В 2000 и 2001 гг. объем торговли между двумя странами начал заметно расти, и его величина составила соответственно 1,8 и 3,3 млрд. долл. В настоящее время Китай является третьим после Италии и Южной Кореи торговым партнером Ирана.

Иранский экспорт в Китай состоит в основном из поставок сырой нефти, минералов (медь, хром и нерудные минералы) и ряда товаров традиционного иранского экспорта. Причем объем поставок сырой нефти в Китай вырос более чем в 2 раза и составил в среднем 110 тыс. баррелей в сутки. Это объясняется тем, что Китай в 1998 г. ввел в эксплуатацию новый НПЗ в г.Муамин мощностью 100 тыс. баррелей в сутки.

Иранский импорт из Китая представлен в основном поставками метровагонов и электрооборудования для метро, промышленного и электронного оборудования, ткацких станков, красителей, каменного угля и инженерно-технических услуг.

В общей сложности китайские фирмы участвуют в 120 проектах в Иране. Наиболее крупными из них являются: тегеранское метро, 5 цементных заводов, гидро- и теплоэлектростанции, комбинат по производству цинка в г.Бафк (провинция Йезд), комбинат по производству ферросплавов в г.Бендер-Аббас, медеплавильный комбинат в Хатунабаде (провинция Керман). На реализацию этих проектов Китай предоставил кредит на сумму 1,4 млрд. долл. Ки-

тайская фирма из Харбина получила заказ на строительство двух энергоблоков мощностью по 55 тыс. МВт на Исфаганском металлургическом заводе. В числе отдельных совместных проектов можно также отметить проекты по налаживанию экспорта в КНР иранского сжиженного газа и строительству автостреды Тегеран–Каспий при содействии КНР.

Сохраняется позитивная динамика в ирано-испанских связях. Товарооборот между Ираном и Испанией в 1998 г. составил 1300 млн. долл., в том числе иранский экспорт в Испанию составил 970 млн. долл., а импорт из этой страны – 330 млн. долл. Стороны вели переговоры по инвестиционному сотрудничеству в иранских проектах в объеме 1,5 млрд. долл.

В 1999 г. экспорт ИРИ равнялся 1070 млн. долл., импорт – 310 млн. долл. В целом товарооборот Ирана с Испанией вырос незначительно и составил 1380 млн. долл. (см. таблицу).

В структуре иранского экспорта преобладают поставки сырой нефти, а в импорте – оборудование для нефтегазовой и нефтехимической отраслей и бытовая техника.

В скандинавском регионе крупным торговым партнером Ирана является **Швеция**. В 2000 г. товарооборот двух стран увеличился более чем в два раза по сравнению с предыдущим годом и составил 320,6 млн. долл. Согласно статистическим данным Таможенного комитета ИРИ, такой скачок произошел за счет резкого увеличения иранского импорта из Швеции (с 119,5 млн. долл. до 310 млн. долл.), при этом иранский экспорт в эту страну уменьшился незначительно (с 12 млн. долл. до 10,8 млн. долл.).

Иран импортирует из Швеции в основном машинное оборудование для угольной промышленности, фармацевтические товары и бумагу, в то время как основными товарами экспорта ИРИ являются одежда, ковры ручной работы, полезные ископаемые, руды, свежие и консервированные фрукты.

Поступательно развиваются экономические отношения Ирана с **Норвегией** – в нефтегазовой сфере, а также в вопросах координации действий на мировых нефтяном и газовом рынках. Активно проявляет интерес к иранским нефтяным проектам норвежская компания «Сага Петролеум».

Также заслуживает внимания торгово-экономическое сотрудничество Ирана с **Австрией** – в области лесоперерабатывающей и целлюлозной промышленности, строительства железных дорог, угольных шахт, зданий, с **Финляндией** – в сфере телекоммуникаций, **Канадой** – в области нефтегазовой и горнорудной промышленности, **Австралией** – расширение взаимных поставок иранской нефти и австралийской пшеницы.

Следует добавить, что **США** продолжают оставаться в стороне от процесса развития и укрепления внешних торгово-экономических связей ИРИ. В августе 2001 г. Сенат принял решение о продлении на пять лет срока действия закона Д'Амато-Кеннеди о санкциях против

иностранных компаний, инвестирующих в развитие нефтегазовой промышленности Ирана.

Вопрос о торгово-экономических связях ИРИ и РФ требует специального исследования. Однако нельзя не отметить, что Россия является, особенно с 2001 г., крупнейшим торгово-экономическим партнером Ирана. Товарооборот РФ и ИРИ достиг примерно 1 млрд. долл.

Итак, в процессе рассмотрения торгово-экономических связей ИРИ с промышленно развитыми странами Запада и Востока мы пришли к следующим выводам:

1) наиболее активными и значимыми для Ирана торгово-экономическими партнерами в начале XXI века являются 6 стран: Италия, Ю.Корея, Китай, Япония, Франция и Германия;

2) основным экспортным продуктом Ирана продолжает оставаться нефть, несмотря на усилия иранского правительства развивать нефтяные отрасли, такие как добывающая и перерабатывающая промышленности, производство ковров, фисташки и др.;

3) среди импортируемой Ираном продукции можно выделить энергетическое оборудование, машинное оборудование для нефте- и газодобычи, нефтехимического производства, строительства железных дорог и метровагонов, электробытовые приборы, а также пшеницу;

4) пожалуй, самым главным достижением политики иранского руководства на нынешнем этапе является тот факт, что в целом Ирану удалось противостоять американским санкциям, сохранить своих основных торговых партнеров, а также найти замену ушедшим с иранского рынка американским фирмам. Отметим при этом, что одностороннее торговое эмбарго США не привело к сокращению иранского экспорта нефти.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ ИРАНА

Этот сектор играет ведущую роль в экономике страны. Доходы от экспорта нефти и нефтепродуктов являются главным источником экономического роста, валютных поступлений и формирования доходной части госбюджета. В настоящее время 85% валютных поступлений и 75% риаловых доходов в ИРИ прямо или косвенно связано с производством нефти.

Нефтедобыча

По разведанным запасам нефти Иран занимает четвертое место в мире. Суммарные запасы, по официальной оценке, составляют 370 млрд. баррелей (около 50 млрд. т). Подтвержденные извлекаемые запасы, по разным данным, колеблются от 96 до 99 млрд. баррелей (13,0–13,4 млрд. т). Однако в минувшем году из источников в министерстве нефти Ирана появилось сообщение о том, что в настоящее время общие запасы нефти в стране оцениваются в 520 млрд. баррелей, из которых 130 млрд. баррелей являются извлекаемыми. При этом в случае увеличения инвестиций в нефтяную отрасль и использования новых технологий извлекаемость нефти можно довести до 180 млрд. баррелей и выше. Из официально подтвержденных запасов нефти более 80% залегают на месторождениях в провинции Хузестан и на шельфовых месторождениях Персидского залива.

Добыча нефти в Иране в 2000 г. находилась в пределах от 3440 до 3900 тыс. баррелей в сутки. Всего за год было добыто около 183 млн. тонн нефти, из которых 113 млн. тонн было поставлено на экспорт. В связи с высоким уровнем мировых цен на нефть валютные поступления в страну в обзорный период от экспорта нефти почти в два раза превысили зафиксированную в государственном бюджете сумму и составили 22 млрд. долл.

Иран является членом Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) и по объему производства сырой нефти в рамках этой организации занимает второе место после Саудовской Аравии, имея квоту в размере 14,6% в общем объеме производства ОПЕК. Доля Ирана в мировом производстве сырой нефти составляет 5,7%. Среди мировых производителей он занимает четвертое место после Саудовской Аравии, США и России. Около 87% нефти добывается на материко-

вых месторождениях, главнейшими из которых являются Гячсаран, Биби Хакиме, Ахваское месторождение, Масджеде Солейман, Хафтгель, Нафте Сефид, Ага-Джари (состоит из месторождений Карандж и Марун) и Парен. На шельфовых месторождениях ИРИ в настоящее время добывается около 0,6 млн. баррелей в сутки. Затраты на разработку и производство сырой нефти составляют в среднем по стране около 3–4 долларов за баррель. Однако на некоторых материальных месторождениях эти затраты значительно ниже.

В связи с решениями ОПЕК, принимавшимися в марте, июне, сентябре и октябре 2000 г. по повышению объемов производства нефти участниками Организации, Иран, не всегда или не полностью соглашавшийся с этими решениями, тем не менее, стремясь сохранить свою квоту, следовал им и соответственно увеличивал уровень добычи нефти. Согласно решениям ОПЕК, квота Ирана в производстве нефти стран-членов этой организации, составлявшая до апреля 2000 г. 3,359 млн. баррелей в сутки, с 1 апреля составила 3,623 млн. баррелей, с 1 июля – 3,727 млн. баррелей, с 1 октября – 3,844 млн. баррелей, а с 31 октября 2000 г. квота Ирана выросла до 3,916 млн. баррелей в сутки.

Производственные возможности нефтяной промышленности Ирана оцениваются в настоящее время на уровне около 4 млн. баррелей в сутки. Данные о фактических объемах производства сырой нефти в Иране в 2000 г. в сопоставлении с квотами на ее добычу, а также об объемах экспорта приведены в таблице 1.

Основными покупателями иранской нефти, как и ранее, оставались нефтяные компании Японии, Южной Кореи, Китая, Италии, Германии, Индии.

Иранское правительство уделяет большое внимание дальнейшему развитию своей нефтяной отрасли. Активно ведутся геолого-разведочные работы в разных районах, особенно на юге и юго-западе страны. С 1999 года Иран активно ведет разведку нефти и газа на севере страны и, в частности, на шельфе южного сектора Каспийского моря.

В 1999 г. в районе г. Ахваз в провинции Хузестан, было открыто новое крупнейшее за последние 30 лет месторождение нефти «Азадеган» с оценочными запасами около 26 млрд. баррелей. В августе 2000 г. появились сообщения об открытии еще одного нового нефтяного месторождения «Чангуле» в западной иранской провинции Илам с оценочными запасами нефти 1,07 млрд. баррелей.

Производство нефтепродуктов в Иране осуществляется на 9 нефтеперерабатывающих заводах, расположенных в городах Абадан, Исфаган, Бендер-Аббас, Арак, Тегеран, Табриз, Шираз, Керманшах и на острове Лаван. Суммарная производственная мощность иранских нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ) составляет около 1,4 млн. бар-

релей в сутки. Производительность отдельных НПЗ представлена в таблице 2.

Таблица 1

Квоты, добыча и экспорт сырой нефти Ираном в 2000 г.
(в тыс. барр./сутки)

Месяц	Квота	Добыча	Экспорт
январь	3359	3440	2040
февраль	3359	3540	2140
март	3359	3860	2460
апрель	3623	3640	2240
май	3623	3700	2300
июнь	3623	3690	2290
июль	3727	3720	2320
август	3727	3540	2140
сентябрь	3727	3900	2500
октябрь	3844	3810	2410
ноябрь	3916	3800	2400
декабрь	3916	3870	2470
В среднем за 2000 год		3709	2309
В среднем за 1999 год		3541	2124

Примечание: По данным Middle East Economic Survey.

Таблица 2

Производительность нефтеперерабатывающих заводов Ирана
(в тыс. баррелей в сутки)

Название НПЗ	Производительность
Абаданский	350
НПЗ в Бендер-Аббасе	232
Тегеранский	220
Исфаганский	200
Аракский	150
Тавризский	110
Ширазский	40
Керманшахский	25
Лаванский	20
Итого	1347

Примечание: В связи с реконструкцией мощность Абаданского НПЗ временно снижена.

Продуктами переработки сырой нефти, поступающей на иранские НПЗ, являются: бензин, керосин, дизтопливо, мазут, моторные масла, битум. На Исфаганском НПЗ вскоре будет пущен в эксплуата-

цию цех по производству пяти видов специальных растворителей, которые применяются в лакокрасочной промышленности, в производстве резины, гуталина и т.п.

В среднем на иранских НПЗ производится около 39 млн. литров бензина в день, что не позволяет в полном объеме удовлетворять постоянно растущий внутренний спрос на это топливо. В связи с этим Иран вынужден импортировать значительные количества бензина. Так, по оценкам, импорт бензина в 2000 г. составлял 6 млн. литров в сутки.

В то же время часть своих нефтепродуктов (керосин, дизтопливо, мазут, битум) Иран поставляет на экспорт. В 1999–2000 иранском году объем экспорта дизтоплива и керосина из Ирана в стоимостном выражении составил 4 млрд. долл.

Средний рост потребления нефтепродуктов в стране составляет около 6% в год. В связи с этим иранское руководство предпринимает меры, направленные на реализацию программы расширения производства нефтепродуктов на существующих мощностях и строительства новых НПЗ с привлечением частного сектора.

В настоящее время ведется модернизация крупнейшего в стране Абаданского НПЗ с номинальной производительностью 400 тыс. баррелей в сутки. После строительства дополнительных цехов производственные мощности этого НПЗ увеличатся до 500 тыс. барр. в сутки.

В 2000 г. в свободной торгово-промышленной зоне на о.Кешм началось строительство нового нефтеперерабатывающего предприятия мощностью 165 тыс. баррелей в сутки. Финансирование проекта стоимостью около 1,8 млрд. долл. США на 70% обеспечивается иностранными, в том числе канадскими, и 30% – иранскими инвесторами из негосударственного сектора. Оборудование для этого предприятия будет закупаться в Германии и Норвегии. В ноябре 2000 г. руководство министерства нефти объявило о намерении построить силами частного сектора три НПЗ в северных провинциях страны Мазандеране и Голестане для переработки нефти прикаспийских государств.

Объемы производства основных нефтепродуктов, установленные заданиями третьего пятилетнего плана социально-экономического и культурного развития Ирана (2000/2001–2004/2005 гг.), приводятся в таблице 3.

Как видно из таблицы, производство нефтепродуктов, потребляемых в основном на автомобильном транспорте (бензин и дизтопливо), будет возрастать в связи с ростом объема автомобильных перевозок. Производство керосина, используемого главным образом в бытовом секторе, и мазута, потребляемого на ряде энергетических объектов, будет сокращаться или сохраняться

примерно на одном уровне в связи с планами расширения газификации страны.

Таблица 3

**План развития производства отдельных нефтепродуктов
в третьей пятилетке (в млн. литров в сутки)**

	2000 // 2001 г.	2001 // 2002 г.	2002 // 2003 г.	2003 // 2004 г.	2004 // 2005 г.
Бензин	40,7	43,0	45,5	48,4	51,4
Керосин	26,6	26,3	25,7	25,1	24,8
Дизтопливо	61,6	62,8	64,4	66,1	68,0
Мазут	27,6	26,7	26,2	26,3	26,9

Необходимо отметить, что потребление нефтепродуктов внутри страны носит расточительный характер. Основной причиной высокого уровня потребления являются крупные субсидии государства на использование нефтепродуктов и электроэнергии (около 10 млрд. долл. в год). Однако правительство, попавшее в колею проводимой им социальной политики, не решается производить резкое снижение объема дотаций в этой сфере, предпочитая проводить постепенное и достаточно умеренное повышение цен на нефтепродукты и электроэнергию.

Быстрый рост потребления нефтепродуктов внутри страны и стремление Ирана сохранить свою долю в общем производстве нефти в рамках ОПЕК, которая в физическом объеме будет постоянно расти (по прогнозам ряда экспертов, спрос на сырую нефть на мировых рынках будет расти ежегодно в пределах 1,5 млн. баррелей в сутки), требует проведения срочных мероприятий, направленных на повышение уровня производства сырой нефти в Иране.

По заявлениям руководителей нефтегазовой отрасли Ирана, увеличение производства нефти в стране является национальной необходимостью. В этой связи основными задачами в формировании политики, направленной на развитие нефтегазовой отрасли являются:

- первоочередная разработка совместных с другими странами нефтяных и газовых месторождений и сохранение квоты Ирана в ОПЕК;
- привлечение необходимых инвестиций для разработки нефтяных и газовых месторождений;
- привлечение передовых технологий для разработки нефтяных и газовых месторождений;
- сохранение суверенитета иранских нефтяных и газовых месторождений;
- привлечение транзита прикаспийских углеводородов на мировые рынки через территорию Ирана;
- расширение производства природного газа;

– расширение использования газа в качестве топлива и вместо других нефтепродуктов.

Иранское руководство проводит также мероприятия по структурному реформированию нефтяной отрасли страны. Эти мероприятия включают:

- децентрализацию управления отраслью;
- реформу системы управления и повышение эффективности работы подразделений;
- приватизацию ряда структур и компаний, входящих в систему министерства нефти.

В целях совершенствования управления производственными предприятиями созданы региональные нефтяные и газовые компании, на нефтеперерабатывающих заводах введен статус компаний под управлением совета директоров. По словам министра нефти Б.Зангане, создание пяти региональных компаний будет способствовать увеличению объемов добычи нефти и газа, а также росту выручки от продажи этого углеводородного сырья.

В конце 1999 г. впервые за послереволюционный период правительство и парламент Ирана приняли решение о ликвидации монополии государства в нефтяной промышленности страны. Утвержденная парламентом статья 34 закона о третьем пятилетнем плане предусматривает участие частных компаний и капитала в переработке, распределении нефти и нефтепродуктов, а также в обеспечении нефтегазового сектора промышленным оборудованием.

Министерство нефти планирует к концу пятилетки (к 2005 г.) передать в частный и негосударственный сектор 23 своих структурных подразделения и компании, в первую очередь центры по распределению сжиженного газа, структуры, занимающиеся переработкой, распределением и транспортировкой нефтепродуктов, включая даже такие крупные компании, как Национальная иранская буровая компания (NIDC), Национальная иранская танкерная компания (NITC) и др. Правда, приватизация NIDC из-за противодействия ряда депутатов Меджлиса, работников самой компании и общественности провинции Хузестан, на территории которой компания выполняет основной объем работ, пока приостановлена. Частный сектор привлекается также к строительству нефтеперерабатывающих заводов на острове Кешм и в перспективе в провинциях Мазандеран и Голестан.

Руководство министерства нефти рассчитывает, что с приватизацией ряда своих структур и компаний значительно повысится эффективность работы и доходность этих подразделений, усилится интерес иностранных инвесторов к сотрудничеству с частным сектором, что в свою очередь окажет благотворное влияние на реализацию программы развития нефтегазовой отрасли, заложенной в третьем пятилетнем плане.

Одновременно в министерстве нефти разрабатываются проекты по наращиванию производственных мощностей отрасли на длительную перспективу, поскольку для удержания Ираном своих позиций в группе ведущих нефтедобывающих стран необходимо в течение ближайших двух десятилетий довести добычу нефти до 8 млн. баррелей в сутки, т.е. практически увеличить ее добычу в 2 раза. Реализация такой программы потребует дополнительных инвестиций в эту отрасль, по крайней мере, в размере 21 млрд. долл. Причем на нынешнем этапе Ирану уже срочно необходимы 3 млрд. долл. на расширение существующих производственных мощностей и 2,5 млрд. долл. на компенсацию падения добычи нефти из действующих скважин. За последние 5 лет Иран подписал с иностранными компаниями 12 крупных соглашений по развитию своего нефтегазового сектора на общую сумму около 15 млрд. долл. Проекты будут осуществляться с привлечением отечественных и иностранных источников финансирования, а также иностранных технологий. После выполнения этих контрактов в стране будет производиться дополнительно 340 тыс. баррелей в день сырой нефти и 214 млн. куб. м газа в день.

Однако участие иностранных компаний в иранских нефтегазовых проектах в значительной мере сдерживается в связи с санкциями США против Ирана и Ливии по закону Д'Амато. Тем не менее целый ряд крупных компаний, в том числе такие, как франко-бельгийская «Тотальфина-Эльф», англо-голландская «Роял Датч Шелл», итальянская «ЭНИ» и ее дочерняя «Адживп», малайзийская «Петронас», а также несколько российских компаний во главе с «Газпромом» уже участвуют в реализации некоторых иранских нефтегазовых проектов и конкурируют в объявляемых Ираном международных тендерах. С другой стороны, несколько крупных американских компаний, таких как «АРКО», «Эксон-Мобиль», «КОНОКО» и «Шеврон», весьма заинтересованы в улучшении ирано-американских отношений и активно лоббируют отмену санкций США против Ирана, справедливо полагая, что запрет США на участие в иранских нефтегазовых проектах на руку только конкурентам американских компаний. Представители американских компаний принимают участие в различных международных конференциях и семинарах, посвященных проблемам нефтегазового сектора Ирана и региона. Есть информация о заявках этих компаний на участие в тендерах по некоторым проектам, пока в качестве наблюдателей с целью получения информации. Иранцы, в свою очередь, тоже ожидают отмены санкций США и неоднократно заявляли на различных уровнях о том, что никаких препятствий для деятельности американских нефтегазовых компаний в Иране не существует.

Добыча газа

Иран является вторым после России обладателем крупнейших запасов природного газа, объем которых оценивается в 24 трлн. куб. м., что составляет около 16% от общемировых запасов природного газа. Примерно половина запасов иранского газа находится на материковых и почти столько же – на шельфовых (в Персидском заливе) месторождениях. Газовые месторождения Ирана очень богаты газовым конденсатом. Кроме того, в иранском природном газе отмечается высокое содержание этана, который легко преобразуется в этилен, являющийся одним из основных продуктов для нефтехимической промышленности.

В 2000 г. объем добычи газа в Иране, включая попутный газ и газ, закачиваемый в нефтяные пласты месторождений, составлял 300 млн. кубометров в день, т.е. около 110 млрд. кубометров за год. В отличие от нефти практически весь добываемый природный газ в Иране в настоящее время идет на внутреннее потребление: выработку электроэнергии, тепла и бытовые нужды, для закачки в нефтяные пласты.

С конца 1997 г. после ввода в эксплуатацию газопровода Карпаче (Туркмения) – Кордкуи (Иран) протяженностью 200 км (140 км в Туркменистане и 60 км в Иране) начались поставки в Иран туркменского газа на коммерческих условиях в объеме от 4 до 5 млрд. куб. м. в год. Туркменский газ поступает в газораспределительную сеть приграничных северо-восточных иранских провинций Голестан и Хорасан для промышленного и бытового потребления. Иран и Туркмения договаривались о дальнейшем увеличении объема поставок туркменского газа в 2001 г. до 7–8 млрд. куб. м. Общий объем потребления газа в Иране в 2000 г. составлял в среднем 220 млн. куб. м в сутки.

Крупнейшим месторождением природного газа в Иране является «Южный Парс». Запасы газа на этом месторождении, по уточненным данным, составляют 12,2 трлн. куб. м. Это около 50% от общенациональных запасов страны. Объем запасов газового конденсата оценивается в 9 млрд. баррелей. Это месторождение представляет собой продолжение открытого в 70-х годах Катарского месторождения газа. Оно расположено на шельфе в центральной части Персидского залива в 100 км от иранского побережья и занимает площадь в 3700 кв. км.

Следующими значительными месторождениями являются:

- «Ага Джари», «Ахваз», «Марун», «Масджеде Сулейман» в Хузистане с общим объемом запасов газа 5,9 трлн. куб. м;
- «Нар», «Монд», «Намак Канган», «Зире», «Асалуе», «Агар», «Далан», «Гардан» в провинциях Бушехр и Фарс с общим объемом запасов газа 4,3 трлн. куб. м;

– «Северный Парс» на шельфе Персидского залива в провинции Бушехр с оценочными запасами газа в объеме 1,6 трлн. куб. м (подтверждены 1,3 трлн. куб. м);

– «Хангиран» в провинции Хорасан с запасами газа в объеме около 0,5 трлн. куб. м;

– «Салах», «Гаварзин», «Хулур» на о.Кешм в Персидском заливе с запасами газа около 0,23 трлн. куб. м;

– «Сору», «Сархун», «В.Намак», «С.Гашу» в районе порта Бендер-Аббас с запасами газа около 0,28 трлн. куб. м.

Есть и другие малоисследованные месторождения, которые находятся в провинциях Илам, Керманшах, Фарс, а также в районе г.Кашан. Кроме того, значительные запасы газа содержатся на нефтяных месторождениях «Салман» (185 млрд. куб. м, совместное Иран – Абу-Даби), «Сири» и некоторых других.

В 2000 г. появились сообщения об открытии новых газовых месторождений в Иране. Так, в частности, сообщалось об открытии крупного газового месторождения «Табнак» в провинции Фарс с оцениваемыми запасами газа около 445 млрд. куб. м и 240 млн. баррелей газового конденсата. Появлялась информация об открытии в той же провинции Фарс месторождения «Хома» с запасами природного газа около 180 млрд. куб. м и 82 млн. баррелей газового конденсата.

Хотя запасов газа в Иране достаточно как для внутреннего потребления, так и для осуществления широкомасштабного экспорта, темпы разработки месторождений пока не соответствуют объему запасов этого сырья. По объему добычи газа в процентном отношении к его подтвержденным запасам на месторождениях Иран имеет показатель 0,2%, тогда как в Северной Америке этот показатель составляет 10,5%, в Западной Европе – 3,9%, в бывшем СССР – 1,2%. В то же время развивающаяся нефтехимическая промышленность и электроэнергетика Ирана и планы крупномасштабных поставок газа на экспорт требуют все более интенсивного развития газовой отрасли.

В среднем рост потребления газа в стране составляет 10% в год. Основными крупными потребителями природного газа являются электростанции. Около 40% энергетических объектов страны работают на природном газе. Для обеспечения газом этих объектов построено 12 тыс. км газопроводов высокого давления. В бытовом потреблении централизованно поставляемого газа участвуют 6 млн. городских семей, 375 городов страны газифицировано и обеспечено разветвленными газораспределительными сетями. Общая длина газопроводов в газораспределительной сети Ирана на начало 2000 г. составляла 42 тыс. километров. Примерно на 8% в год растет потребление сжиженного газа в баллонах.

Внутренняя газопроводная сеть постоянно расширяется и в настоящее время считается более развитой, чем в других странах

Персидского залива. Она включает в себя как магистральные газопроводы, так и газопроводы, предназначенные для бытового и промышленного потребления.

К началу 2000 г. в Иране работали 5 газоочистительных заводов, данные о которых приведены в таблице 4.

Таблица 4

**Производственные мощности
газоочистительных заводов Ирана (млн. куб. м в сутки)**

Наименование завода	Мощность по очистке газа
Вали Аср-Фаджр (Канган)	95,0
Бидболанд	46,6
Шахид Хашеминежад (Хангиран, провинция Хорасан)	34,4**
Сархун (Бендер-Аббас провинция Ормузган)	8,9
Далан (провинция Бушехр)	4,0
Итого:	188,9

Примечание: * в сентябре 2000 г. мощность предприятия достигла 110 млн. куб. м в сутки;

** в настоящее время ведется реконструкция завода по увеличению мощности на 15 млн. куб. м в сутки.

Кроме этого, в последние два года в стране введены в эксплуатацию два новых завода по производству сжиженного газа. В провинции Илам намечается строительство нового завода по производству сжиженного газа с мощностью переработки 9,8 млн. куб. м газа и 4 тыс. баррелей газового конденсата в сутки. В июле 2000 г. президент ИРИ С.М.Хатами заложил первый камень в строительство предприятия по производству сжиженного газа в провинции Кохкилуе-Буирахмад с проектной мощностью 132 тыс. баррелей в сутки. Планируется строительство газоперерабатывающего завода «Парсиан» в районе газовых месторождений «Шануль», «Варави», «Табнак» (провинция Фарс). На этом заводе помимо очистки газа будет производиться и другие продукты переработки газа и применены новые технологии.

В среднем в настоящее время на газоперерабатывающих заводах страны производится 4,4 тыс. т сжиженного газа и еще 1,7 тыс. тонн – на нефтехимических комплексах в порту Имам и на острове Харк. В целом это количество полностью обеспечивает потребителей. При этом, однако, мощности по производству сжиженного газа будут увеличиваться, поскольку планируется широкое его использование при переводе автомобильного транспорта с бензина на газ.

В связи с начавшейся реализацией проекта по разработке газового месторождения «Южный Парс» в местечке Асалуе, расположенном на иранском побережье Персидского залива в 100 км от названного месторож-

дения, начались работы по созданию специальной экономической энергетической зоны (СЭЭЗ) «Асалуе» (иногда именуется также «Парс»). Это место на берегу Персидского залива было выбрано в качестве района строительства газоперерабатывающих заводов для первых 10 очередей проекта. В настоящее время в этой зоне по контракту с южно-корейской компанией «Хюндаи» начато строительство газоочистительного комплекса, который будет принимать газ, поступающий по запроектированным трубопроводам с «Южного Парса». На комплексе будут производиться операции по сепарации поступающего сырья на газ и конденсат, опреснение газа и другие технические операции с целью подготовки природного газа для поставки его отечественным потребителям и на экспорт. Начались работы по прокладке газопровода (72 км) для соединения «Южного Парса» с сооружаемым третьим Трансиранским газопроводом (ТИМГ-3). В рамках проекта СЭЭЗ в Асалуе будут построены резервуарный парк, хранилища газоконденсата, морской терминал для экспорта конденсата и причал для вывоза серы, соответствующая инфраструктура, а также 4 крупных нефтехимических объекта, которые также будут потреблять газ «Южного Парса». По прогнозам иранских экспертов, СЭЭЗ в Асалуе должна стать в ближайшей перспективе центром газовой промышленности Ирана. Ожидается, что в этой СЭЭЗ будет действовать благоприятный для иностранных инвесторов таможенно-тарифный и налоговый режим, что должно повысить инвестиционную привлекательность проекта «Южный Парс».

Планируемые темпы роста внутреннего потребления и планы по экспорту газа требуют форсирования разработки разведанных месторождений, в первую очередь месторождения «Южный Парс». Министерство нефти подготовило программу реализации проектов по разработке газовых месторождений с привлечением иностранного капитала на условиях «бай-бэк». Первым значительным шагом в рамках этой программы явилось заключение контракта с международным консорциумом в составе французской компании «Тоталь», малайзийской «Петронас» и российского ОАО «Газпром» на разработку 2-й и 3-й очередей месторождения «Южный Парс». Ожидалось, что первый газ начнет поступать отсюда с сентября 2001 г.

В настоящее время приоритетной задачей развития газовой отрасли страны является дальнейшая разработка газового месторождения «Южный Парс». Первая очередь этого месторождения разрабатывается иранскими силами в лице иранской нефтегазовой компании «Петропарс». Газ, который будет производиться на 1-й очереди, планируется использовать для закачки в пласты нефтяных месторождений на юге Ирана, часть его будет подаваться в Трансиранский магистральный газопровод (ТИМГ-3). Большая часть газа, добываемая на 2-й и 3-й очередях, будет ориентирована на внутренний рынок и частично на экспорт в Турцию. Газ, который будет добываться на последующих очередях, предусматривается для экспортных поставок на мировые газовые рынки и закачки в нефтяные пласты для их стимуля-

ции. В целом с этого месторождения планируется получать 35 млн. кубометров газа в сутки для внутренних потребителей и до 50 тыс. баррелей газового конденсата в сутки – на экспорт.

В июле 2000 г. иранская компания «Петропарс», являющаяся основным оператором проекта «Южный Парс», подписала с итальянской компанией «ЭНИ-Аджив» контракт о совместном освоении 4-й и 5-й очередей «Южного Парса». Общий объем инвестиций по этому контракту, заключенному на условиях «бай-бэк», оценивается в 3,8 млрд. долл. США, из которых 60% приходится на итальянскую компанию и 40% на «Петропарс». Срок реализации проекта 7 лет с последующим продлением до 12 лет. Проектом предусматривается производство на 4-й и 5-й очередях 50 млн. куб. м. очищенного газа в сутки, 80 тыс. баррелей газового конденсата, 400 тонн серы, 1,05 млн. т сжиженного нефтяного газа в год

и 1 млн. т этана для обеспечения сырьем предприятий нефтехимической промышленности страны. Произведенный по этому проекту газ будет поставляться на внутренние нужды страны с целью замены потребления нефтепродуктов, а также и для увеличения объемов экспортных поставок газа.

Разработка 6-й, 7-й и 8-й очередей проекта «Южный Парс» решением правительства Ирана передана иранской фирме «Петропарс», с которой подписан соответствующий контракт. Объем инвестиций по этому контракту составляет 5 млрд. долл., и компании «Петропарс» предоставлено право привлекать к реализации проекта иностранные компании в качестве консультантов, а также для выполнения подрядных работ. Проектом предусматривается производство неопресненного природного газа на 6-й, 7-й и 8-й очередях «Южного Парса» в объеме 107 млн. куб. м в день. Газ будет закачиваться в нефтяные слои месторождения «Ага-Джари» для стимуляции слоев и повышения дебита нефтяных скважин. Кроме того, на этих очередях будет производиться 1,2 млн. т в год сжиженного нефтяного газа и 120 тыс. баррелей в день газового конденсата.

В конце сентября 2000 г. иранцы объявили два международных тендера на разработку 9-й, 10-й, 11-й и 12-й очередей проекта «Южный Парс». Общий объем производства на всех четырех очередях предусматривается в пределах 105 млн. куб. м природного газа и 160 тыс. баррелей сырой нефти в день. По сообщению иранской печати, заявки на приобретение тендерной документации подали 23 иностранных и 5 иранских компаний. В ближайшее время ожидается объявление результатов тендера.

В планах иранского руководства стоит также разработка в ближайшее время недавно открытого газового месторождения «Табнак» с тем, чтобы к добыче газа на этом месторождении можно было бы приступить уже в 2002–2003 гг. Поскольку «Табнак» располагается не на шельфе, а на материке, что значительно упрощает и удешев-

ляет его разработку, а газ на этом месторождении является пресным по содержанию, и дополнительного оборудования, газоочистительного завода и расходов на опреснение газа не требуется, разработка этого месторождения является для страны даже более приоритетной, чем разработка совместных месторождений. Газ месторождения «Табнак» и соседних с ним месторождений «Шануль» и «Варави» будет поступать в планирующийся к строительству магистральный газопровод ТИМГ-4.

Министерство нефти Ирана приняло программу по сокращению потребления нефтепродуктов за счет максимальной замены их природным газом. Программа министерства нефти, направленная на развитие газовой отрасли, включает следующие положения:

- разведка и разработка газовых месторождений, в первую очередь тех, которые являются совместными с соседними странами;
- использование природного газа вместо нефтепродуктов;
- недопущение сжигания попутного газа, но закачка его в нефтяные пласты;
- выход на газовые рынки, в первую очередь в соседних странах, таких как Турция, Пакистан, Индия, а после насыщения этих рынков – продажа газа в страны Дальнего Востока и Европы;
- создание хорошего инвестиционного климата и правовой базы для привлечения иностранных инвестиций.

Меджлис Ирана в качестве инструмента для выполнения программы развития газовой отрасли разрешил министерству нефти заключать с иностранными компаниями контракты на разработку газовых месторождений на материке и на шельфе.

По ряду проектов на разработку газовых месторождений были объявлены тендеры. Важнейшим из этих проектов является разработка газовых месторождений в Южном Парсе и целого ряда материковых месторождений.

Завершается разработка материковых газовых месторождений «Нар» и «Канган» в провинции Бушехр с производственной мощностью 36 млрд. куб. м в год, «Агар» и «Далан» в провинции Фарс с общей производственной мощностью около 14,5 млрд. куб. м в год. Ведется разработка других газовых месторождений этих соседних провинций, в том числе «Гардан», «Асалуе» и др.

Программа развития газовой промышленности страны ориентирует отрасль на достижение таких задач, как:

- дальнейшая газификация страны, включая потребности промышленности, транспорта и бытовые нужды;
- закачка газа в нефтяные слои с целью их стимуляции;
- увеличение поставок газа для нужд нефтехимической промышленности с целью производства валютоёмких экспортных товаров;
- поставки природного газа на экспорт.

В последние годы иранское правительство много внимания уделяет вопросам газификации страны и переводу промышленных предприятий и транспортных средств с потребления нефтепродуктов на использование газового топлива.

В настоящее время около 40% потребностей Ирана в топливе обеспечивается за счет природного газа. Третий пятилетний план социально-экономического и культурного развития страны (2000/2001–2004/2005 гг.) ставит задачей обеспечить газом до 85% населения. Предусматривается дальнейший рост потребления газа промышленными предприятиями и электростанциями.

В стране продолжает осуществляться программа перевода на газ транспортных средств. На газовое топливо переводятся легковые и грузовые автомобили, городские автобусы и такси. Иранский парламент выступил за ускорение реализации этой программы, утвердив специальную статью в бюджете на 2001/2002 иранский год.

Другой важнейшей задачей Ирана является налаживание масштабных поставок природного газа на экспорт. В настоящее время экспортные поставки производятся в очень незначительных количествах в сжиженном виде в страны Персидского залива. В этой связи важное значение для Ирана в его программах по экспорту газа представляет Турция. Во-первых, Турция сама является емким рынком для газа, а во-вторых, она интересуется Иран и как путь для транзита иранского газа в Европу. Кроме Турции иранский газ может найти потребителей в Греции и других балканских странах и даже достичь Европейской газовой сети.

В настоящее время Иран имеет три подписанных соглашения на экспортные поставки своего природного газа в соседние страны. Одно из них, соглашение с Турцией, предусматривало начало поставок газа в 2001 г. Другие два Иран подписал с Арменией и Азербайджаном. Оба соглашения предусматривали начало поставок иранского газа с 2000 г.: в Армению в объеме 1 млрд. кубометров в год по проектируемому газопроводу Тавриз-Дузель длиной 100 км и в Нахичеванскую область Азербайджана в объеме 400 млн. кубометров в год по строящемуся газопроводу Хой (иранский Азербайджан) – Джульфа протяженностью 77 км. Однако в связи с отсутствием финансового обеспечения проекта газопровода Тавриз-Дузель строительство его не ведется. Согласно имеющейся информации, Армения ищет инвесторов для реализации этого проекта. Относительно газопровода в Нахичевань также конкретной информации в последнее время не поступало.

Хорошим рынком для природного газа из Ирана могут стать Пакистан, Индия и страны Юго-Восточной Азии. Тем более, что в перспективе, через 25 лет, потребности этого региона в природном газе могут вырасти в 5–6 раз и увеличиться с нынешних 170 млрд. до 880 млрд. кубометров в год. Однако здесь вновь может возникнуть препятствие в лице США, если в отношениях между Ираном и этой страной не произойдет сближения.

Тем не менее в последнее время ведутся активные переговоры между Ираном и Индией по проектам прокладки газопровода из Ирана в Индию. Обсуждаются два проекта: 1) строительство сухопутного газопровода, который будет проходить через территорию Пакистана, и 2) прокладка «прямого» газопровода по морскому дну в обход Пакистана. Индия в связи с существующей напряженностью в индо-пакистанских отношениях более склоняется к морскому варианту проекта. Однако Пакистан в последнее время стал проявлять высокую активность, пытаясь убедить стороны в безопасности прокладки газопровода через его территорию, рассчитывая на свои прибыли от этого проекта.

Иранская сторона, тоже склоняясь к сухопутному варианту проекта, предложила в качестве гарантий поставок газа в Индию создать авторитетный международный консорциум, который будет покупать у Ирана газ и продавать его Индии. Таким образом, этот консорциум будет обеспечивать необходимые гарантии для поставок иранского газа в Индию. В то же время Пакистан заявляет о своих гарантиях по беспрепятственному прохождению газа через его территорию и заявляет о своей готовности подписать трехстороннее соглашение с Тегераном и Дели по выполнению проекта газопровода Иран – Пакистан – Индия. Пакистан даже обратился к Ирану с предложением о закупках иранской сырой нефти. Переговоры продолжаются. Интерес к выполнению этого проекта проявляют франко-бельгийская компания «Тотальфина-Эльф», малазийская «Петронас» и российское ОАО «Газпром».

Кроме того, подписаны меморандумы о взаимопонимании, предусматривающие возможности поставок иранского газа в Пакистан (со строительством газопровода), в Китай и Индию (в сжиженном виде).

Одновременно Иран формирует политику на привлечение в перспективе транзитных потоков газа через свою территорию как по трубопроводам (из Туркменистана в Турцию или Пакистан), так и на условиях замещения (потребление туркменского и азербайджанского газа в северных провинциях Ирана с компенсационными поставками этих количеств с южных иранских газовых месторождений).

Проявляет интерес к Ирану как к экспортеру газа и к транзитному коридору для поставок в Европу газа из районов Средней Азии и Персидского залива и Европейская комиссия, работающая в рамках ЕС. Руководитель Департамента по международным связям Европейской комиссии Ф.Бенсара, находившийся с визитом в Тегеране в декабре 2000 г., заявил, что поскольку у России, обеспечивающей в настоящее время большую часть поставок газа в Европу, нет необходимых капиталовложений в дальнейшее развитие газовой отрасли, в связи с чем в перспективе производство газа в этой стране не будет отвечать растущим потребностям европейского рынка, то Европа для обеспечения своих потребностей поддерживает проект осуществления поставок иранского газа на этот материк и превращение Ирана в коридор для поставок газа из районов Средней Азии и Персидского залива. С со-

оружием газопровода Иран-Европа, по словам Ф.Бенсара, будут созданы благоприятные условия для поставок в Европу газа из Туркменистана и Азербайджана в Прикаспий и из Катара – южного соседа Ирана. Одновременно Ф.Бенсара сообщил, что в настоящее время Европейская комиссия рассматривает два проекта по транспортировке газа из Ирана в Европу: один маршрут – через Армению, Грузию к Черному морю и на Украину, другой маршрут – через Турцию и Грецию в Европу. По словам Бенсара, в ближайшие 10 лет Украина и Турция будут иметь самый большой рост потребления газа и могут представлять из себя хороший рынок для иранского газа.

Англо-голландская компания «Шелл» занимается разработкой технико-экономических обоснований (ТЭО) по проекту газопровода Туркменистан-Европа через Иран. По мнению компании, этот проект с экономической и технической точки зрения является целесообразным и более экономичным, чем проект по дну Каспийского моря.

В нынешней экономической ситуации Иран не располагает возможностями обеспечить выполнение задач своих перспективных планов развития нефтегазовой отрасли за счет внутренних резервов. Страна остро нуждается в иностранных инвестициях и технологиях. Поэтому руководство Ирана все более активно открывает свой нефтегазовый сектор перед иностранными инвесторами и стремится привлечь их к совместному участию и инвестициям в этой сфере экономики.

Следует однако отметить, что зарубежные компании в своем интересе к иранскому нефтегазовому рынку пока еще сдерживаются, в основной массе, санкциями США по закону Д'Амато (особенно это относится к американским и тем компаниям, которые ведут свои финансовые дела через американские банки). Закон не разрешает американским и международным компаниям инвестировать в иранский нефтегазовый сектор более 20 млн. долл. США. Кроме того, ряд компаний проявляет осторожность к этому рынку в связи с тем, что иранцы предлагают им участвовать в своих проектах на условиях «бай-бэк», формула которых содержит определенную долю риска.

Тем не менее такие компании, как французские «Тотальфина-Эльф», «Газ-де-Франс», итальянская «ЭНИ-Аджип», малазийская «Петронас», ряд российских компаний («Газпром», «Зарубежнефть», «Стройтрансгаз», «Славнефть» и др.), участвуют в некоторых иранских проектах по объявляемым Ираном международным тендерам.

Нефтехимия

В последние несколько лет высокими темпами развивалась нефтехимическая промышленность Ирана. Так, если в 1989 г. объем производства нефтехимической продукции составлял 800 тыс. тонн, то в 1999 г. производство достигло 13,5 млн. тонн, а в 2000 г. производство этой продукции оценивается в 15 млн. тонн.

В настоящее время страна удовлетворяет свои потребности в нефтехимической продукции на 90%. Спрос на эту продукцию на внутреннем рынке находится на высоком уровне. Иран стремится достичь самообеспечения в этой области. Однако пока страна все еще нуждается в импорте некоторых видов нефтехимической продукции. Тем не менее отдельные виды продукции поставляются на экспорт. При этом более 70% экспортной продукции идет в страны Азии.

С 1997 г. в Иране начала осуществляться долгосрочная программа развития нефтехимической отрасли на срок до 2013 г. Программу намечено выполнять в 5 этапов, включающих 30 проектов организации новых производств. К 2005 г. намечено реализовать 10 крупных проектов, что позволит увеличить стоимость условно-чистой продукции, создаваемой в отрасли с нынешних 1,5 млрд. долл. до 6 млрд. долл. в год. С выполнением этой программы к 2013 году предполагается довести общий объем производства до 25–30 млн. тонн в год (по некоторым оценкам – до 40 млн. тонн в год).

Общий объем инвестиций в долгосрочную программу оценивается в 20,6 млрд. долл. Предполагается, что как минимум 50% этой суммы будет привлечено из-за рубежа.

Очень важным для отрасли является проект специальной нефтехимической зоны в Асалуе, которому в целом требуется около 10 млрд. долл. иностранных инвестиций. Асалуе находится на иранском побережье Персидского залива, поблизости от газового месторождения «Южный Парс», газ которого будет являться сырьем для нефтехимических предприятий в этой специальной зоне.

Планируется, что в Асалуе будет построено 4 крупных нефтехимических объекта. На трех объектах в результате переработки этана, полученного из природного газа и конденсата, будет производиться 2 млн. тонн пластмасс, 1,5 млн. тонн химических ароматических веществ и более 1 млн. тонн конечной химической продукции. На четвертом объекте в результате переработки 2,5 млн. кубометров природного газа будет производиться 1 млн. тонн метанола. Этот метанол будет поставляться на экспорт. Ввод предприятий в эксплуатацию предполагается уже в течение ближайших пяти лет. Планируется, что стоимость продукции, производимой на этих предприятиях, будет достигать 3 млрд. долл.

Планами развития нефтехимии в Иране предусмотрена переориентация на использование в качестве сырья главным образом природного газа. Если раньше нефтехимические предприятия Ирана использовали для производства продукты переработки нефти и строились вблизи нефтеперерабатывающих предприятий, то в последнее время по мере разработки крупных месторождений природного газа ситуация меняется. Свыше 90% объектов нефтехимии, запланированных к постройке и уже строящихся, рассчитаны на использование в качестве сырья природного газа.

В настоящее время Иранская национальная нефтехимическая компания осуществляет реализацию 16 крупных проектов с общим объемом инвестиций 6 млрд. долл. и 12 трлн. риалов. По мере вступления в строй новых предприятий производство нефтехимической продукции будет возрастать высокими темпами. При этом намечено значительно увеличить и экспорт нефтехимических товаров, спрос на которые во всем мире постоянно держится на высоком уровне.

Таким образом, иранское правительство, стремясь к дальнейшему форсированному развитию нефтехимической отрасли, пытается реализовать одну из главнейших задач своей программы экономической перестройки: перевод страны от моноориентированной на производство нефти экономики к диверсификации производства и экспорта продукции, произведенной из углеводородного сырья – основного природного достояния Ирана. Реализовав эту программу, Иран не только уменьшит свою зависимость от «капризов» мирового рынка сырой нефти, но и получит возможность самостоятельно перерабатывать свое углеводородное сырье, насыщая максимально свой внутренний рынок и получая более валютоемкую продукцию для экспорта. За счет увеличения экспорта такой продукции у Ирана появится возможность снизить долю сырой нефти в своих экспортных поставках и увеличить объем ненефтяного экспорта. Кроме того, строительство новых крупных предприятий нефтехимической отрасли приведет к созданию новых рабочих мест, что при существующем уровне безработицы (около 12%) будет иметь большое социальное значение.

Итальянская компания «ЭНИ» в лице своей дочерней компании «Аджип» участвует вместе с франко-бельгийской компанией «Тотальфина-Эльф» в разработке нефтегазового месторождения «Доруд». Сумма контракта 540 млн. долларов, доля «Аджип» – 45%. В январе 2001 года «Аджип» выиграла тендер на повышение производительности нефтяного месторождения «Дарховин» за счет закачки газа в нефтеносные слои. Вместе с целым рядом международных нефтяных компаний «Аджип» будет участвовать в крупнейшем нефтяном проекте Ирана по разработке нефтяного месторождения «Бангестан» в районе г.Ахваз в провинции Хузестан. В феврале 2001 г. компания «ЭНИ» присоединилась к международному консорциуму в составе «Тотальфина-Эльф» и «Боу Вэлли» (Канада), занятому в проекте разработки нефтяного месторождения «Балал». Объем инвестиций составляет около 300 млн. долл., доля «ЭНИ» в проекте – 38,25%. В январе 2001 г. итальянская компания «Эдисон Газ» подписала с Иранской национальной нефтяной компанией контракт на проведение исследовательских работ по разведке месторождения «Блок Монир» (провинция Фарс). Сумма контракта – 4 млн. долл.

В нефтегазовой отрасли продолжается сотрудничество с французской компанией «Тотальфина-Эльф», которая занята в проектах разработки нефтяных месторождений «Сирри А и Е», «Балал»,

«Доруд», 2-й и 3-й фаз на газовом месторождении «Южный Парс» и подала заявки на участие в тендерах по ряду других перспективных нефтегазовых проектов. Другая компания «Газ-де-Франс» также готова участвовать в реализации иранских проектов.

Эксперты считают, что для поступательного развития нефтяной и газовой промышленности в Иране ему необходимы ежегодные инвестиции в размере не менее 10 млрд. долларов.

СОСТОЯНИЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ
ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Турецкая Республика обладает определенными запасами первичных энергоносителей. На конец 2001 г. эти запасы оценивались в 2602,8 млн. условных тонн нефти (УТН), из которых каменного угля – 834,5 млн. УТН, лигнитов – 1718,2 млн. УТН, нефти – 41 млн. УТН, природного газа – 9,1 млн. УТН.

В абсолютных величинах запасы первичных энергоносителей в стране выглядят следующим образом:

а) каменный уголь – 1368 млн. тонн.

Основные запасы каменного угля Турции сосредоточены на Черноморском побережье в районе Зонгулдака в следующих месторождениях:

Месторождение	Запасы (млн. тонн)	
	Разведанные	Всего
Армутчук	22,4	90,6
Козлу	26,1	279,8
Узулмез	56,8	237,8
Карадон	49,7	473,3
Амасра	30,1	286,8
Всего	185,1	1368,3

б) лигниты – 8374 млн. тонн. Месторождения лигнитов встречаются практически во всех районах страны:

Район Турции	Запасы (млн. тонн)			
	Разведанные	%	Всего	%
Р-н Мраморного моря	519,7	7,1	824,8	9,9
Внутренняя Анатолия	1071	14,6	1324,9	15,8
Восточная Анатолия	3521,8	48	3580	42,8
Черноморский р-н	109,3	1,5	215,4	2,6
Юго-Восточная Анатолия	53,1	0,7	53,1	0,6
Эгейский р-н	1775,1	24,2	2013,6	24
Средиземноморский р-н	289	3,9	362,6	4,3
Всего	7339	100	8374,4	100

Более 57% лигнитов обладают калорийностью менее 1500 ккал/кг и только 6,9% – более 3000 ккал/кг.

в) нефть – 39,1 млн. тонн.

Запасы нефти в Турции очень ограничены и не могут обеспечить растущие потребности страны в этом первичном энергоносителе. В настоящее время разведано около 60 месторождений, из которых 57 находятся в Юго-Восточной Анатолии.

Турция обладает некоторыми запасами сырья для ядерной энергии. Разведанные запасы урановых руд составляют 9129 тонн. Однако низкая концентрация в них собственно урана делает промышленную переработку нерентабельной. Перспективными считаются запасы тория (380 тыс. тонн), что составляет 43% от разведанных мировых запасов.

Возможный объем производства электроэнергии в Турции за счет использования гидроресурсов может составить:

- общий потенциал – 432 ГВЧ;
- технический потенциал – 218 ГВЧ;
- экономический потенциал – 122 ГВЧ.

На период до 2010 г. турецкое руководство планирует значительное увеличение добычи традиционного для Турции энергоносителя лигнита, а также более продуктивное использование потенциальных возможностей гидроэнергетики:

Год	Каменный уголь	Лигнит	Нефть	Природный газ	Гидроэлектроэнергия
	тыс. тонн	тыс. тонн	тыс. тонн	млн. куб. м	ГВЧ
2000	5578	112849	1555	185	41
2005	5578	147101	684	185	64
2010	5578	183941	299	185	77

Однако рост спроса на энергоносители будет значительно обгонять их производство, и турецкая экономика по-прежнему будет нуждаться в их импорте, который, по мнению специалистов, может составить:

Год	Каменный уголь (тыс. тонн)	Нефть (тыс. тонн)	Природный газ (тыс. тонн)
1999	4144	27282	18424
2000	4539	28376	19803
2005	15651	33473	25694
2010	43539	39512	30409

Турецкими специалистами подсчитано, что возможный объем средств, необходимых для импорта первичных энергоносителей, может достигнуть следующих величин:

Год (тыс. тонн)	Каменный уголь (тыс. тонн)	Нефть (тыс. тонн)	Природный газ (тыс. тонн)	Всего (тыс. тонн)
2005	884,3	7029,3	4021,1	11934,7
2010	2616,7	8297,5	4759,0	15673,2

По мнению министра энергетики и природных ресурсов Турции, потребности страны в первичных энергоносителях могут составить:

- 2000 г. – 90 млн. УТН;
- 2010 г. – 156 млн. УТН.

При этом добыча первичных энергоносителей может быть осуществлена на уровне:

- 2000 г. – 40 млн. УТН;
- 2010 г. – 60 млн. УТН.

В мире потребление электрической энергии в 1970 г. составляло 20% от общего потребления энергоносителей. В настоящее время эта цифра достигла 30%, а к 2030 г. 50% потребляемой в мире энергии будет приходиться именно на электрическую. Турецкое руководство, принимая в расчет прогнозы международных специалистов в области энергетики, осознает, что доля электроэнергии в общем потреблении энергоносителей будет возрастать. В 2001 г. потребление электроэнергии в Турции в расчете на одного человека составило 1895 кВт\ч. В то же время эта цифра в мире составила – 2400 кВт\ч, в среднем по Европе – 8200 кВт\ч.

Ожидается, что в 2010 г. потребление электроэнергии в Турции в расчете на одного человека может составить 3700 кВт\ч, а в 2020 г. – 6092 кВт\ч. Приведенные цифры говорят о существенном отставании Турции от общепризнанных мировых стандартов.

Потенциальные возможности Турции по производству электроэнергии следующие:

- 105 млрд. кВт\ч / год – на основе использования лигнитов;
- 15,7 млрд. кВт\ч / год – на основе использования каменного угля;
- 125 млрд. кВт\ч / год – на основе использования гидроресурсов.

В настоящее время около 80% электроэнергии в Турции вырабатывается на государственных электростанциях компании «Теаш» и около 20% на частных электростанциях.

По данным на конец 2001 г., было выработано около 150 млрд. кВт\ч электроэнергии, в том числе 113 млрд. кВт\ч (75%) – на ТЭС и 37 млрд. кВт\ч (25%) – на ГЭС. По использованию первичных энергоносителей: 34,95% приходилось на природный газ, 29,97% – на лигнит, 25,13% – на гидроресурсы, 2,99% – на каменный уголь, 5,40% – на мазут, 0,9% – на дизельное топливо, 0,66% – на другие энергоносители.

На конец 2002 г. установленная мощность электростанций в Турции может достигнуть уровня 160 ГВт.

Ожидается, что в 2002 г. потребление электроэнергии составит 170 млрд. кВт\ч, а производство – 160 млрд. кВт\ч.

При этом 44,92% электроэнергии будет потребляться в промышленности, 21,93% – в коммунальном секторе, 9,88% – в торговых учреждениях, 7,69% – в государственных структурах, 2,5% – в орошаемом земледелии, 1,0% – в строительстве и около 10% – на других объектах. Структура потребления электроэнергии в промышленности выглядит следующим образом:

- 38% – металлургия;
- 25% – обрабатывающая отрасль;
- 16% – нефтехимия;
- 9% – пищевая отрасль;
- 6% – бумажная отрасль;
- 6% – текстильная отрасль.

Принимая во внимание тот факт, что ГЭС работают с 60%-ной загрузкой мощностей, так как их работа зависит от уровня воды в водохранилищах, а также спад капиталовложений в энергетику в течение последних 10 лет, дефицит электроэнергии в Турции в 2002 г. может составить около 10 млрд. кВт\ч.

Проведенный турецкими специалистами анализ показывает, что для удовлетворения возрастающих потребностей страны в электроэнергии к 2010 г. необходимо дополнительно ввести в строй электростанции с общей мощностью 40000 МВт, что позволит ежегодно дополнительно производить 10–15 млрд. кВт\ч электроэнергии. Это значит, что ежегодно необходимо принимать в эксплуатацию 2500–3000 МВт, расходуя на это около 3 млрд. долл. С учетом расширения сети линий электропередач (ЛЭП) и последующего распределения электроэнергии эта цифра достигнет 4 млрд. долл. в год. Другими словами, ежегодно необходимо вводить в строй такое сооружение, как плотина имени Ататюрка (2400 МВт).

Таким образом, при инвестировании в энергетический сектор экономики Турции около 45 млрд. долл. к 2010 г. установленная мощность электростанций может составить 227000 МВт, что позволит покрыть потребности страны в электроэнергии. Дополнительный ввод в строй к 2010 г. 40000 МВт предполагается осуществить следующим образом:

- 34% мощностей – за счет работы на природном газе;
- 26% мощностей – за счет ГЭС;
- 23% мощностей – за счет работы на лигнитах и каменном угле;
- 9% мощностей – за счет работы на импортируемом угле;
- 6% мощностей – за счет АЭС;
- 2% мощностей – за счет работы на жидком топливе.

При осуществлении этих планов в 2010 г. установленная мощность электростанций в Турции в зависимости от вида используемых энергоносителей для производства электроэнергии распределится следующим образом:

- 36% мощностей – за счет ГЭС;
- 27% – за счет работы на лигнитах и каменном угле;
- 25% – за счет работы на природном газе;
- 5% – за счет работы на импортном угле;
- 4% – за счет работы на жидком топливе;
- 3% – за счет АЭС.

Дальнейшее развитие энергетического комплекса руководство Турции связывает с наращиванием мощностей и дополнительным вводом в строй ТЭС, работающих на местных лигнитах, а также на импортируемых первичных энергоносителях (уголь, газ, жидкое топливо). Планируется улучшение использования гидропотенциала страны.

Одной из причин такого подхода к решению энергетической проблемы в стране является то, что по уровню капиталовложений ТЭС являются наиболее дешевыми, за ними следуют ГЭС, а затем АЭС. В то же время эксплуатация АЭС является наиболее дешевой и ввод в строй хотя бы одной такой станции позволяет Турции получить доступ к ядерным технологиям, повысить технологический уровень многих отраслей национальной промышленности, подготовить свои кадры. Планируется также повысить долю капиталовложений турецких компаний с 20% до 55% при создании консорциумов с иностранцами на строительство электростанций.

За счет ввода в строй к 2010 г. дополнительных мощностей в 14700 МВт на ГЭС использование гидропотенциала страны по сравнению с существующим возрастет в 2,5 раза. За счет ввода дополнительных мощностей в 14000 МВт на ТЭС, работающих на лигнитах, в четыре раза возрастет выработка ими электроэнергии. При этом ежегодное потребление лигнитов составит 150 млн. т. За счет ввода дополнительных мощностей в 9500 МВт на ТЭС, работающих на природном газе, выработка ими электроэнергии возрастет в пять раз. Дополнительно вводимые мощности в 6000 МВт на ТЭС, работающих на импортном угле, будут размещены на побережье Турции, в районах портов.

При этом в третьем тысячелетии в качестве основного первичного энергоносителя рассматривается уголь, под которым в первую очередь понимаются местные лигниты. По запасам лигнитов и по их добыче Турция занимает соответственно седьмое и шестое места в мире. При этом 83% потребностей страны в лигнитах обеспечивает государственный сектор, производительность в котором составляет 1215 тонн/рабочий в год. Производительность в частном секторе – 625 тонн/рабочий в год. В течение последних пяти лет резко снизились инвестиции в разработку месторождений лигнитов. В государственном секторе они упали с 11,38 долл./тонна до 0,55 долл./тонна, а в частном секторе – с 7,22 долл./тонна до 4,04 долл./тонна. Это объясняется общей экономической ситуацией в стране, кризисными явлениями и нехваткой средств. Государственный сектор полностью

покрывает нужды ГЭС в лигнитах, 68% добываемых этим сектором лигнитов поставляется на ТЭС. Частный сектор добываемые лигниты в основном поставляет на промышленные предприятия (цементные и сахарные заводы).

По расчетам турецких специалистов, доля импортируемых первичных энергоносителей (природный газ, уголь, жидкое топливо) для ТЭС в стоимости выработанной электроэнергии значительно выше, чем доля местных лигнитов. Если сравнивать стоимость производства одного кВт\ч электроэнергии на ТЭС, работающих на лигнитах и жидком топливе, то она находится в соотношении 73 к 100 и наблюдается тенденция к дальнейшему понижению этого коэффициента. По дешевизне лигнитов Турция занимает второе место в мире после Австралии.

Поэтому в настоящее время и в обозримом будущем ТЭС, работающие на местных лигнитах, будут вторым по значимости после ГЭС источником электроэнергии в стране.

Для устранения нехватки электроэнергии, сдерживающей развитие национальной промышленности, руководством Турции осуществляются следующие меры:

1. Предпринимаются попытки увеличения капиталовложений в энергетику.

2. Проводятся работы по наращиванию мощностей и производительности существующих электростанций, уменьшению потерь в ЛЭП и сетях распределения, внедрению новых счетчиков и исключению воровства электроэнергии.

Ежегодные потери электроэнергии в Турции по различным причинам оцениваются в 26 млрд. долл. (20–28% от произведенного количества электроэнергии).

Работы по уменьшению потерь в ЛЭП и сетях распределения электроэнергии особенно важны, если принять во внимание тот факт, что в основном электроэнергия производится на юго-востоке страны, а потребляется – в западной Анатолии.

В настоящее время установленные мощности турецких электростанций используются на 80%. Это объясняется случающимися поломками, работами по техническому обслуживанию, проблемами с поставками первичных энергоносителей, а также влиянием климатических условий на работу ГЭС.

3. Строительство ТЭС предусматривается в местах нахождения первичных энергоносителей.

4. В связи с тем, что провозглашенная в 1984 г. модель строительства электростанций «строй – эксплуатируй – передавай государству» (BOT) не дала ожидаемых результатов, в настоящее время начато внедрение модели «строй – эксплуатируй – владей» (BOO).

На основе последней модели определены районы строительства 13 ТЭС в период до 2010 г. общей мощностью 10700 МВт (7700 МВт – за счет использования природного газа).

Строительство и эксплуатация этих ТЭС будет осуществляться частными компаниями. При этом расходы по вводу объектов в строй составят около 10 млрд. долл. Ожидается, что инвестиции при строительстве ТЭС, работающих на природном газе, возьмут на себя иностранные фирмы.

Правительством страны принимаются меры по поощрению строительства на промышленных предприятиях своих мелких электростанций.

В настоящее время в частном секторе турецкой энергетики производится 6,2 млрд. кВт\ч электроэнергии. Ожидается, что в ближайшем будущем эта цифра достигнет 15 млрд. кВт\ч. Среди частных компаний, эксплуатирующих электростанции, можно назвать «Чолакоглу», группу «Аккек», холдинги «Шахинлер», «Карбонсан». Готовятся к строительству и эксплуатации своих ТЭС «Коч холдинг», «Сенмез холдинг», «Тире-Кутсан», «Симко».

5. Будут приватизированы работающие на угле ТЭС Еникей, Кермеркей, Сома, Орханели, Ятаган, Кангал, Чаталагзы, Тунчбилек и Чайырхан, а также работающие на газе Хамитабад и Амбарлы.

По мнению турецких специалистов, эта мера позволит поднять производительность ТЭС.

6. В 2006–2007 гг. запланирован ввод в строй первой в Турции АЭС в Аккую мощностью 1400 МВт. В настоящее время проводится работа по выбору фирмы–подрядчика.

7. В структуре министерства энергетики и природных ресурсов Турции имеются две компании «Теаш» и «Тедаш». В собственности первой компании находятся электростанции и ЛЭП, в собственности второй – городские и поселковые сети распределения электроэнергии.

Строительство, эксплуатация энергетических объектов и распределение электроэнергии в Турции фактически сосредоточено в руках государства, представленного Турецкой электрической компанией (ТЭК). Вместе с тем принятый в декабре 1984 г. Закон № 3096 отменил юридическую монополию государства на производство электроэнергии.

Решением правительства Турции с целью повышения производительности предусматривается изъять из государственной собственности «Теаш» и передать в эксплуатацию частным компаниям одну ГЭС мощностью 30 МВт и одну ТЭС мощностью 1360 МВт.

Эта политика по передаче в эксплуатацию ГЭС и ТЭС частным компаниям правительством Турции будет продолжена и в дальнейшем. Запланировано путем объявления торгов передать в ближайшем будущем частным компаниям в эксплуатацию 12 ТЭС общей мощностью 6723 МВт, а также после окончания незавершенного строительства 19 ГЭС. При этом поступления в государственную казну от передачи частным компаниям в эксплуатацию ТЭС могут составить 2,6 млрд. долл.

Предусматривается также приватизация сетей распределения электроэнергии компании «Тедаш».

8. Расширяется импорт электроэнергии из Болгарии и Грузии. Рассматривается возможность импорта из таких стран, как Ирак, Иран, Сирия, Греция.

9. Предусматривается увеличить количество тепловых электростанций, работающих на природном газе. Эти планы связаны прежде всего с дешевым газом, который Турция намерена получать из России и некоторых стран СНГ по газопроводу «Голубой поток», который планируется провести по дну Черного моря в обход закавказских государств.

Таким образом, энергетический комплекс Турции не удовлетворяет потребности страны как в первичных, так и вторичных источниках энергии в настоящее время. Не будет удовлетворять эти потребности и в ближайшем обозримом будущем. Особенно остро стоит вопрос с растущей нехваткой электроэнергии, что будет сдерживать развитие национальной промышленности.

СОДЕРЖАНИЕ

М.Р.Арунова ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ	3
А.В.Архипов СИРИЯ: ФАКТОРЫ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ	8
В.М.Ахмедов СИРИЙСКО-ИРАКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ	18
В.Я.Белокреницкий РАДИКАЛЬНОЕ ИСЛАМСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПАКИСТАНЕ: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	31
М.В.Вагин ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ И ГРУППАХ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН	41
А.М.Вартанян СОТРУДНИЧЕСТВО ИРАНА С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С НАРКОТИКАМИ	47
С.М.Веревкин ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В АФГАНИСТАНЕ ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ ЛОЙЯ ДЖИРГИ	52
О.А.Зайцева БЕЛОРУССКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (К ДЕСЯТИЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ)	56
Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян САУДОВСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУРСА СТРАНЫ	67
В.В.Куделев МАРОККАНО-ИСПАНСКИЙ КРИЗИС ВОКРУГ ОСТРОВА ЛЕЙЛА (ПЕРЕХИЛЬ) И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ	115
Р.Г.Ланда ИСЛАМ И РЕВОЛЮЦИЯ	123

З.И.Левин БУДУЩЕЕ РЕФОРМЫ В ИСЛАМЕ	138
И.В.Масюкова ИММИГРАНТЫ ИЗ СТРАН СНГ В ИЗРАИЛЕ И ПРОБЛЕМА БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ	142
Н.С.Николаев БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ ТРЕК СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ	150
В.И.Румянцев ОБ ОПЫТЕ ПЕРЕГОВОРОВ В РАМКАХ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ ПО КОНТРОЛЮ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (1992–1997 гг.)	154
С.В.Сергеев МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ АФГАНИСТАНУ	174
Р.Р.Сикоев АФГАНИСТАН: ГОД СПУСТЯ ПОСЛЕ ТАЛИБОВ	179
С.В.Славин ИРАН И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ: ПОДДЕРЖКА ИЛИ БОРЬБА?	186
О.Е.Трофимова РЕФОРМА БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ ТУНИСА	193
О.Е.Трофимова ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ТУНИСЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	199
А.О.Хасянов БАХРЕЙН: ПУТЬ К ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОМУ ПРИМИРЕНИЮ	207
А.А.Шилин РОЛЬ ИНДОНЕЗИИ В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ: УЧАСТНИК, ЗРИТЕЛЬ ИЛИ ЖЕРТВА?)	226

А.Д.Эпштейн, М.А.Урицкий КРИЗИС ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ИЗРАИЛЕ (Размышления о причинах досрочного роспуска Кнессета пятнадцатого созыва и о будущем демократии в стране)	237
В.П.Юрченко АРМИЯ И ВЛАСТЬ В ЙЕМЕНЕ	258
В.П.Юрченко РОЛЬ АРМИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЛИВИИ (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)	275
ДОКЛАДЫ IX МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ АФРИКАНИСТОВ (СЕКЦИЯ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ) МОСКВА, 21–23 МАЯ 2000 Г.	290
С.В.Бондаренко ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ АРАБСКИХ СТРАН	291
А.А.Ткаченко ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА В XXI ВЕКЕ: ЕВРОПЕЙСКОЕ И БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	297
Л.П.Зудина СОЮЗ АРАБСКОГО МАГРИБА: ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	304
А.Махлюфи РОЛЬ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ЭКОНОМИКЕ АЛЖИРА	310
Е.И.Миронова АЛЖИР: ПРОБЛЕМА БЕРБЕРСКОГО МЕНЬШИНСТВА	317
Л.С.Зиядуллаева НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВАТИЗАЦИИ В АРЕ	323
Э.Н.Панфиленко ОТНОШЕНИЯ СУДАНА С АРАБСКИМИ И АФРИКАНСКИМИ СТРАНАМИ	328

Л.Аль-Хасан	
ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ СУДАНА С ПРОМЫШЛЕННО РАЗВИТЫМИ СТРАНАМИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.	343
Н.К.Тихомиров	
СУДАН: СТРАНОВОЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ГЛОБАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ	351
ИНСТИТУТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ УНИВЕРСИТЕТ БИЛЬКЕНТ (АНКАРА) КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИМ ОТНОШЕНИЯМ АНКАРА, 4–6 ИЮЛЯ 2002 Г.	360
В.В.Кунаков	
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ	363
Г.К.Прозорова	
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СРЕДНЕМ И БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	368
Н.Ю.Ульченко	
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКСПОРТА ПРИРОДНОГО ГАЗА В ТУРЦИЮ ИЗ РОССИИ И ТУРКМЕНИСТАНА	375
Е.И.Уразова	
К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНОМ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ	384
ПРИЛОЖЕНИЯ	
А.П.ОРЕХОВ	
ОБЗОР ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ИРАНА С ПРОМЫШЛЕННО РАЗВИТЫМИ СТРАНАМИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ	389
С.М.Задонский	
ОБЩАЯ ОЦЕНКА НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ ИРАНА	398
С.М.Задонский	
СОСТОЯНИЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ	416

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства
в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко,
З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества
(израильская модель)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-
экономи-ческий потенциал стран Ближнего и Среднего Востока"
(информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском
Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".

30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии". (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг.".
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности".
Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей
(Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Виравов** "Алжир: кризис власти".
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков** "Арабские страны и ислам в России".
72. **Зеев Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль".
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)".
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)".
Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров** "Египет в последней трети XX века".
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
86. **Р.Р.Сикоев** "Талибы (религиозно-политический портрет)".
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин** "Турция и США: основные этапы
торгово-экономического сотрудничества".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev
and A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century", (collection
of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Uitchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by S.Bagdasarov and A.Chavushian In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by L.Danilov
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"
  31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
  32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
  33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
  34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 1999**
35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
  36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
  37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
  38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
  39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
  40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
  41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
  42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
  43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays)
(In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States"
by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by **K.Polyakov and A.Hasyanov**
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays) In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Uitchenko**
81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation"
by **M.Guchanin**

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Подписано в печать 25.12.2002 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 27,5 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 74

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»

Сегодняшние саудовские исследователи считают, что реальным и действительно эффективным противовесом региональному влиянию Великобритании стали лишь саудовско-американские отношения. По мнению профессора политологии Института дипломатических исследований саудовского Министерства иностранных дел А.С.аш-Шамлана, эти отношения выступали как «наиболее ранний пример практики международных и дипломатических связей, итогом которых стало создание **в то время эквивалентных отношений** (выделено в тексте – *авторы*) между великой державой и государством регионального значения, разрушивших тем самым традиционную систему гегемонии великих держав над малыми странами. Саудовско-американские отношения представляют собой тот тип взаимодействия между великой державой (Соединенными Штатами), имеющей более широкие интересы в мире, и другой стороной (королевством), когда эта сторона, играющая роль региональной силы, пользуется в рамках этого взаимодействия полной свободой действия с самого момента установления между ними двусторонних связей»²². Разумеется, речь идет о конечном выводе из всей истории отношений между двумя странами (коллективная монография, содержащая цитируемый раздел вышла в свет в 2001 г.), в рамках которых цитируемый саудовский исследователь выделял исходное направление, на основе чего в будущем и выросли многосторонние саудовско-американские контакты. Этим направлением была нефть.